

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. П. ВОЛГИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИСТОРИЯ В ИСТОЧНИКАХ

ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. П. ВОЛГИНА

Научно-политической секцией Государственного ученого совета допущено в качестве учебного пособия для вузов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1929 * ЛЕНИНГРАД

С, 50. Гиз № 22000/м.
Ленинградский Областлит № 17688
$34^1/_2$ г. Тираж 3 000.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

*

С. Д. СКАЗКИН. Кольбертизм.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее собрание документов по социально-экономической истории Западной Европы в новое и новейшее время отнюдь не преследует цели дать иллюстративный материал параллельно общему курсу истории Западной Европы. Наша задача — дать учащимся, преимущественно высшей школы, конкретный материал для более углубленной разработки того или другого вопроса, исторического комментирования источника и критики его при занятиях семинарского типа.

При колоссальном изобилии источников для каждого процесса и для каждого события речь могла, конечно, итти лишь о выборе источников и тем, поучительных с точки зрения педагогической и важных с точки зрения научной. Ниже приводится перечень основных вопросов, включенных в состав Хрестоматии, источники по которым были подобраны членами и сотрудниками Исторического института российской ассоциации научно-исследовательских институтов.

1. Д. Н. Егоров, Старая Европа и новые страны.
2. М. П. Лесников, Ранний европейский капитализм XV и XVI вв.
3. Д. Н. Егоров, Великая крестьянская война.
4. Е. А. Косминский, Огораживания в Англии XVI в. и сстание Кета в Норфольке.
5. Е. А. Косминский, Промышленность и торговля в Англии XVI и XVII вв.
6. С. Д. Сказкин, I. Кольбертизм; II. Джон Лоу и его «Система».
7. Н. П. Грацианский. Прусское крестьянство в XVIII в.
8. В. М. Лавровский, Промышленный и аграрный переворот в Англии.
9. С. Д. Сказкин. Город и деревня в эпоху французской революции.

Подробный перечень источников, входящих в состав каждой из упомянутых выше тем, дан в оглавлении.

Редакция.

Д. Н. ЕГОРОВ.

СТАРАЯ ЕВРОПА И НОВЫЕ СТРАНЫ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель подбора источников — дать не источники по истории «великих открытий», а закрепить ряд крупнейших для того времени фактов, сыгравших значительную роль как в перемещении торгового центра тяжести с Средиземноморья на океан, так и в начавшейся немедленно колониальной и империалистической экспансии. Нужно было выяснить, что в действительности нашли первые открыватели и конкистадоры (завоеватели), каковы были их (а, следовательно, и всей тогдашней Европы) непосредственные впечатления от местного уклада, туземной техники и производства, от новых экономических возможностей, т. е. все то, к чему немедленно приложены были не только хитросплетения дипломатов и политиков, весьма неточно «разделивших» весь мир еще в 1493 г., но и весьма точные расчеты капиталистов Старого света.

Брать, поэтому, приходилось не сложно-композиционные, хотя и обильные, сообщения позднейших историков, вроде Корреи, Гоэса или Кастанэды для Индии или Герреры, Торквемады или Сахагуна для американских дел, а простейшие, непосредственные записи современников и участников.

Количество таковых не велико. Для первой европейской морской экспедиции в Индию, напр., решающее значение имеет лишь один анонимный «Roteiro» («Указатель пути»), а затем ряд записей торговых факторов и уполномоченных, особенно германских, так как германский капитал с самого начала был решительно и решающе вложен во вновь открывшуюся королевскую монополию по эксплоатации «новых стран».

Для Америки выбор был уже богаче. Колумб, — не только его известное «Письмо», но и более достоверные отрывки его ежедневных записей, — естественно, отпал в виду фантастичности и непомерной восторженности большинства его указаний. Столь же непригоден был и вечно приукрашенный, ходульный Америго Веспуччи. Отпали и знаменитые реляции Кортеса из-за излишней их литературной обработанности. Сообщения же о Писарро — избиты и, в общем, не современны событиям. Избран был рассказ солдата Берналя Диаза, хотя и обработанный под старость, но счастливо впитавший и сохранивший непосредственные, лагерные записи, а, с другой стороны, не испорченный никакой «большой» тенденцией — ни самовосхвалением, ни самозащитой, ни необузданной полемикой. Мощь и достижения местной, мексиканской, культуры ни у одного из современников не встречают столь простой, безыскусной, а по сему тем более

важной для нас оценки, как именно у Диаза, тем более, что эта оценка принадлежит не лично ему, а была равнодействующей впечатлений всех его войсковых товарищей. Второй источник — записки ландскнехта Шмиделя, еще более непосредственные и безыскусные, со всею ясностью выявляют хозяйничанье европейцев-авантюристов среди беззащитных почти и некультурных туземцев Южной Америки.

1. Первая поездка в Индию (1497 — 1499 гг.).

«Roteiro» — записки неизвестного автора, повидимому мало литературного человека, вероятно, даже не из командного состава, — после исследований немецкого историка Гюммериха можно считать наиболее надежным источником для первой экспедиции Гамы, разрешившей, наконец, давнишнюю проблему морского пути в сказочно-богатую Индию. Сам автор, очевидно, погиб на половине обратного пути, и его записки резко обрываются, но наиболее существенное — бесконечно трудный переход в Индию — им сообщено с исключительной силой. Не только громадные трудности, ошибки, опасности и лишения (из 148 чел. экипажа вернулось всего лишь 55 чел.), но и великое экономическое значение (см. знаменитую главу 61) нахождения «морского пути», равносильное экономическому перевороту в сношениях Востока и Запада, выступают с редкой выпуклостью. Каждый матрос экспедиции Гамы, а одним из таковых был автор «Roteiro», отдавал себе, очевидно, полный отчет в значении предприятия, в котором он участвовал. Вот почему автор заинтересован не столько «диковинками», сколько нормальной производительностью вновь открываемых земель.

Записки написаны по-португальски, что, однако, не решает вопроса о национальности автора: по-португальски писали и иностранцы, напр., немцы (см. ниже Ганс Майр), связанные с португальцами морскими и торговыми предприятиями.

Существует полный немецкий перевод в приложении (стр. 141 — 191) к исследованию F. Hümmerich, Vasco da Gama, 1898. Оригинал издан дважды (Porto, 1838, Lisboa, 1861), причем второе издание обильно снабжено очень ценным подробным комментарием.

Записки участника.

1. В 1497 г. король Мануил Португальский послал четыре корабля для открытий и нахождения пряностей. Командором сих кораблей был Васко да Гама...

В воскресенье 8 июля 1497 г. мы снялись с якоря в Растелло. [1] Дай бог нашей экспедиции, предпринятой во имя его, [2] доброе завершение...

16. ...1 марта, к вечеру, мы увидали острова и материк, [3] но отложили обследование до следующего дня...

18. Люди здесь коричневые, хорошего сложения; принадлежат они к секте Мугамеда и говорят по-маврски. Платье их из льна и хлопчатой бумаги, весьма тонкое, многоцветное, с полосками, отличной работы; все носят тюрбаны с шелковой каймой и золотой пронитью. Занимаются они торговлей и дела ведут с белыми маврами, [4] четыре корабля которых были тут же, груженные золотом, серебром, гвоздикой, перцем и имбирем, а также серебряными перстнями с каменьями, жемчугом и рубинами, очень ценимыми здешними жителями.

Из расспросов выяснилось, что все эти прекрасные вещи — привозные; доставляют их, кроме золота, вышеуказанные мавры, и все они в великом изобилии там дальше, куда мы направляемся, а именно жемчуга, самоцветов, пряностей там так много, что нечего их даже обменивать, а просто собирать в корзины. Все эти сообщения

перевел нам один из наших моряков, который был в маврском плену, а посему понимал их язык. Далее, рассказывали мавры, будет множество опасных мест, но и много прибрежных городов; наткнемся мы также на остров, наполовину населенный христанами, и эти христиане ведут непрерывную войну с маврами, а на самом острове великие богатства.

И далее сообщили они нам, что пресвитер Иоанн находится не так-то далеко, и что много у него прибрежных городов, населенных купцами, много у него больших кораблей, но сам он живет глубоко в стране, и дойти до него можно лишь на верблюдах. Показывали они нам и двух пленных индийских христиан. Много другого еще сообщили нам эти мавры, и мы возрадовались и со слезами просили бога даровать нам здоровье, чтоб увидеть все то, к чему стремилась наша душа.

19. В этом городе, который называли они Monçobiqui, был и некий государь, по прозванию Солитаньо, [5] нечто вроде вице-короля. Несколько раз он со свитой приходил к нам. Командор наш всегда угощал его, а также дарил ему шляпы, плащи, кораллы и многое другое. Но он был настолько избалован, что все это ему казалось нипочем; он требовал, чтоб мы дали ему скарлатное сукно, но такового у нас не водилось; зато от всего, что у нас было, мы давали ему

21. Корабли здешние — крупные, но без палубы; и нет в них ни одного гвоздя, а все они крепко-накрепко связаны лыком; а паруса у них из пальмовых циновок. Но мореходы имеют генуэзский компас, а также квадранты и морские карты.

Пальмы в этой стране имеют плод не меньше дыни; сердцевину можно есть, и похожа она на наши орехи...

27. ...7 апреля подошли мы к городу Момбаса, но не вошли в гавань, а остались на рейде [6] В гавани было немного кораблей, все в флажках и пестрых украшениях; чтоб не отстать от них мы также изукрасились флагами, еще больше, чем они; ведь всего у нас было вдоволь, кроме разве людей, и то наша горсточка была вся почти сильно больна. Но пока мы бодро и даже весело стояли на рейде, ведь думали мы встретить здесь христиан, живущих в особой части города, под особым губернатором, надеялись вместе с ними на следующий день [7] пойти к мессе...

36. ...И узнали мы здесь, [8] что остров, о котором нам говорили в Мозамбике, будто он наполовину христианский и наполовину маврский, называется Квилоа, что на нем много жемчуга, что он подчинен тому же государю, что и Мозамбик. Наши маврские лоцманы очень хотели нас повести туда, да и мы были не прочь, так как верили тогда, что это правда...

37. Во вторник, 24 апреля, двинулись мы отсюда в город Каликут, [9] о каковом наш король имел сведения. [10] Шли мы на восток, наперерез того большого залива, куда... вливается и Красное море, при котором святой дом Мекки.

В ближайшее воскресенье опять показалась Полярная звезда, которой мы не видели очень давно, а в пятницу, 17 мая, после 23 дней безбрежного моря, мы увидали землю..., а затем подошли и к городу Каликуту Послал наш командор одного человека в город, а там его привели к двум маврам из Туниса, которые говорили и по-кастильски, и по-генуэзски. И первым их приветом было: «Кой чорт вас

занес сюда!» Но затем они спросили, что мы ищем в такой дали. А он ответил: «Христиан и пряности». «Странно, — сказали те, — почему же король кастильский не послал сюда людей, или король французский или синьория венецианская».[11] А он ответил: «Потому что король португальский этого не стерпел бы», на что они заметили: «Он не так-то неправ». Затем они его угостили пшеничными лепешками с медом, а потом проводили на корабль. Как только один из этих мавров взошел на корабль, он воскликнул: «Добро пожаловать! добро пожаловать! Много рубинов, много смарагдов! Благодарите бога на коленях, что он привел вас в страну столь великих богатств!» Мы все страшно поразились, так как никак не предполагали, что в таком отдалении от Португалии мог быть человек, знающий наш язык.

38. Упомянутый город Каликут — христианский.[12] Христиане здешние — коричневые; часть из них носит длинные волосы и бороды, часть бреет голову, за исключением чуба, в знак того, что они христиане...

[28 мая Гама в сопровождении 13 человек, среди них и автор, отправляется на аудиенцию к местному радже.]

42. ...Царь принял командора, лежа на роскошном ложе с множеством чудеснейших подушек... Слева у него стояли громадная массивная золотая чаша, емкостью в полмеры, куда царь выплевывал остатки корешков, какие тут люди жуют от жары и что называется у них «атамбор».[13]

43. ...И спросил царь командора, что ему надо. И ответил тот, что он послан королем португальским, государем многих стран, самым богатым из тамошних королей. И что король наш и его предшественник вот уже 60 лет под ряд посылали корабли ежегодно, чтоб найти в этих странах живущих здесь, как им известно, христиан, — а что касается золота и серебра, то им этого не нужно, так как сего добра у них и без того в изобилии,— но все эти посланные возвращались через год или два, истощив все припасы, в Португалию. И что теперешний король Мануил построил три корабля и послал его, командора, с строгим наказом — не возвращаться, пока не найдет царя христиан, а найдя, передать ему два письма и уверить в братской дружбе. А письма эти он передаст на следующий день. На это царь отвечал, что он приветствует посла, тоже считает короля другом и братом и, с своей стороны, готов послать послов в Португалию... Было уже поздно ночью, и командор наш откланялся...

44. Во вторник командор приготовил подарки для царя: 12 кусков полосатой бумажной ткани, 4 накидки скарлатного сукна, 6 шляп, 4 нити кораллов, ящик с 6 металлическими котлами, ящик сахара, 2 боченка с оливковым маслом и 2 боченка меда. Но домоуправитель царя, которому, по обычаю, нужно предварительно показывать все, что приносится царю, расхохотался над этими подарками — самый последний-де купец из Мекки дал бы больше, и что царю нужно золото, много золота. Рассердился Гама и ответил, что золота у него не припасено и что он не торгаш, а посол, что сейчас-де он дарит из своих средств, а не от короля, и что король португальский, конечно, пришлет и лучшие, и более многочисленные подарки...

45. ...А в среду рано утром пришли опять мавры, чтоб вести командора во дворец... Целых четыре часа ждал он там, пока царь не велел его ввести... И спросил, между прочим, царь: как же он говорил, что прибыл из богатой страны, а сам ничего не привез в подарок. Командор ответил: царю-де он ничего не привез, так как на сей раз его послали только, чтоб смотреть и открывать, а вот придут еще другие корабли, вот тогда и будут подарки, да еще какие.

46. Царь перебил его: «Кого же это ты вздумал открывать — людей или камни? ежели людей, то нельзя ничего не давать [в подарок]»... Затем Гама передал письма, и царь остался ими доволен, спросив еще, какие такие товары имеются в португальской стране. Командор ответил — много хлеба, сукна, железа, меди и пр. Царь опять спросил, привез ли он какие-либо товары с собой. Да, всего понемногу, в виде образцов, и что он просит разрешения их выгрузить...

51. ...Царь вновь послал человек семь или восемь купцов, [14] но те и не думали покупать, а лишь играли на понижение цен.

52. ...Иначе относились местные люди. [15] Если кто из команды сходил на берег, его охотно кормили и поили, давали ему приют и пр.; да и к нам они приходили десятками, иногда всей семьей, с ребятами, и командор всех их велел кормить. А все это делалось, чтоб расположить их к нам, чтоб они про нас не думали худо. Часто нам даже становилось невмоготу; слишком уж их много, и слишком они у нас засиживались, до самой теми. А все потому, что в стране народа видимо-невидимо, а припасов маловато.

...И покупали наши моряки многое за бесценок: и гвоздику, и корицу, и украшения... Видя столь великую простоту народа, командор наш порешил оставить здесь для обмена фактора, писца и нескольких людей при амбарах...

58 ...И согласился, наконец, [16] царь отпустить нас домой и прислал письмо нашему королю, писанное на пальмовом листе. А гласило оно: «Прибыл к нам Васко да Гама, дворянин вашей страны, чему мы не мало порадовались. А в нашей стране много корицы и гвоздики, и имбиря, и перца, и драгоценных камней, а от вас хочу я золота и серебра, кораллов и скарлатного сукна»...

60. В среду, 29 августа, имея в виду, что все, что нам надлежало открыть, мы открыли, командор наш решил пуститься в обратный путь. Все мы с великой радостью приветствовали это: ведь удалось нам открыть многое и великое...

61. [А именно]. [17] Из страны Каликут, Индии то ж, идут все пряности, какие вкушаются и на западе, и на востоке, и в Португалии, и во всех странах... Впрочем, не все пряности произрастают в самом Каликуте, кроме имбиря, перца, корицы. Да и корица эта далеко не так высокосортна, как корица с острова Циланьо, [18] отстоящего от Каликута на 8 дней пути. Вся целиком корица идет в Каликут, а также на остров по прозванию Мелека, [19] откуда в тот же Каликут идет гвоздика. Здесь в Каликуте корабли из Мекки грузят пряности и привозят их в город подле Мекки, по имени Джидеа. [20] И от Мелеки до Джидеа при попутном ветре 50 дней пути [лавировать местные корабли не могут], а там они выгружают товары и платят пошлину вели-

кому султану.[21] В Джидеа пряности перегружаются на более мелкие суда, которые идут по Красному морю вплоть до места, — близ св. Екатерины на Синае, — по названию Тууц.[22] Здесь опять-таки платят пошлину. Затем товар нагружают на верблюдов — по четыре крусада[23] за наем верблюда — и везут его в Каир в течение 10 суток. Там опять платят пошлину. По дороге бывают частые нападения, так как страна кишит разбойниками, бедуинами и пр. В Каире пряности вновь погружаются на корабли, идущие по реке, называемой Нилом и вытекающей из страны пресвитера Иоанна в Нижней Индии.[24] По Нилу идут двое суток, пока не достигнут города Роксете,[25] где опять-таки берется пошлина. Там вновь перегрузка на верблюдов, и через сутки товар прибывает в Александрию, город морской. В Александрию же приезжают венецианцы и генуэзцы на своих галерах за пряностями. А получает великий султан с пряностей, как высчитано, не менее 600 000 крусадов пошлины в год...

68. И пробыли мы в море три месяца без трех дней, по причине частого безветрия и ветров противных. Весь экипаж наш заболел тяжко: десны распухли так сильно, что покрыли все зубы, и мы не могли есть; распухли также и ноги, а на теле появились большие нарывы, настолько истощавшие здоровенных мужчин, что они умирали, хотя никакой другой болезни и не было у них. Так умерло за это время тридцать человек [да столько же умерло и раньше], и, в конце концов, на каждом корабле оставалось лишь 7—8 человек, годных к службе, но далеко не здоровых. Да, если бы такие обстоятельства продолжались еще недели две, мы либо умерли все, либо пришлось бы возвращаться назад, в Индию. Ведь дошли мы до того, что прекратилась всякая дисциплина... Но вот бог, наконец, послал нам попутный ветер, и на шестой, кажется, день увидели мы землю, которой обрадовались точно Португалии, ибо надеялись мы все там выздороветь. И было это 2 января 1499 г.... Оказалось, что пред нами большой город, с многоэтажными домами, с большим дворцом посередке и четырьмя высокими башнями. Жили там мавры и назывался он Магадоксо...[26]

69. А 9 числа того же месяца мы бросили якорь в Мелинде, и местный царь сейчас же послал нам большую лодку с живыми баранами и прочей снедью, приветствовал нас, обещая мир и дружбу. Командор наш сейчас же послал человека на берег, чтобы закупить апельсинов, в которых наши больные очень нуждались и которые им, действительно, принесли большую пользу.

...Видя, как местный царь оказывает нам много почестей и помощи, наш командор послал к нему матроса, говорившего по-маврски, с просьбой прислать ему бивень слона, чтоб он его мог отвезти королю, а также разрешить поставить столб с гербом[27] в знак дружбы. И царь согласился, говоря, что для короля португальского он сделает и это, и многое другое, и что он ему готов служить всячески...

70. Здесь мы оставались пять дней и отдохнули от ужасных испытаний последнего переезда, который всем нам грозил смертью. В пятницу 11-го мы двинулись дальше, а утром в субботу мы прошли мимо Момбасы; в воскресенье же бросили якорь у «банки св. Рафаила»,

где мы и сожгли корабль этого имени, ибо для всех трех [28] кораблей у нас уж не хватало экипажа...

2. Экспедиция Франциска Д'Альмейды.

(1505 г.).

Экспедиция Альмейды 1505 г. отличается от первой поездки Гамы как размерами (1 500 людей и 20 кораблей), так и совершенно иными заданиями. Гама открывал и делал первые, в общем, робкие шаги; к 1505 г. Португалия уже укрепилась как в самой Индии, так и по пути к ней. Организовывается особое индийское управление, во главе с «вице-королем», осваивается территория (постройка фортов, складов и пр.), ведется резкая наступательная политика с натравливанием одних местных раджей против других, а также с систематическим уничтожением арабских купцов, прежних монополистов по торговле пряностями, для чего поддерживается и индийский шовинизм, и религиозная ненависть и, наконец, создается особый крейсерский флот у устьев Красного моря против всех кораблей непортугальского флага.

Отношение к побережью Африки тоже иное, нежели при Гаме. Идет открытый захват: меняются и берутся на содержание местные царьки, разрушаются целые города, особенно старые опорные пункты арабской торговли, строятся форты, снабженные постоянным гарнизоном, назначаются губернаторы, налагается «дань» в виде слоновой кости, золота, красящих веществ... Не случайно центр тяжести записок обоих немцев-коммерсантов падает не на Индию, а как раз на африканское перепутье.

Шпренгер — компаньон знаменитой (см. капитальную работу K. Haebler, Die übereseeischen Unternehmungen der Welser, 1903) тогда мировой фирмы Вельзеров в Аугсбурге, а Ганс Майр — коммерческий агент испанского короля, много лет до того пробывший на Востоке, в Сирии, и, быть может, даже в Персидском заливе. Записи Шпренгера обширнее и многословнее, Майра (на португальском языке) — много короче и содержательнее; вот почему последнему уделено больше места, нежели Шпренгеру, а сопоставление обеих реляций может дать интересную тему по сравнительной критике источников.

Видное участие немецкого капитала (в первую голову Вельзеры, затем и Фуггеры, Имигофы, Гиршфогели, Гохштеттеры) объясняется их крупными интересами на Пиренейском полуострове вообще (Германия и Испания — части единой тогда империи), а также только что возобновленным (13 февраля 1503 г.), чрезвычайно выгодным торговым договором с Португалией, в результате которого Португалия получала нехватающие ей для заморских ее предприятий деньги, а германские коммерсанты — почти монопольное положение на португальских и заокеанских рынках.

Записки Шпренгера изданы дважды: F. Schulze в виде факсимиле редчайшего издания 1509 г. (в серии Drucke und Holzschnitte des XV und XVI Jahrhunderts», B. VIII, 1902) и F. Hümmerich с исчерпывающим комментарием и критическим аппаратом в «Трудах Баварской академии» («Abhandlungen», B. XXX, 1917).

Текст Майра издан на современном португальском языке в Бюллетенях Лиссабонского географического общества «Boletim da Sociedade de Geographia де Lisboa, t. XVII, 1899), а на португальском языке конца XV в. Гюммерихом в Трудах Баварской академии», стр. 127 — 134.

Описание Бальтазара Шпренгера.

[Стр. 1] [29] ...Я, Бальтазар Шпренгер из Фильса, [30] расскажу о чудесных новооткрытых странах, государствах и островах, о живущих там людях и животных, о тамошних растениях и фруктах, все то, что испытали мы на море и суше, будучи посланы великим королем португальским Мануилом, а также высокопочтенными негоциантами (Kaufherren) — Фуггерами, Вельзерами, Гохштеттерами, Гиршфоге-

лями, Имгофами и прочими, сложившимися с ними, — для завоевания и одоления в год 1505, 25 марта...

[Стр. 4] ...Июля 21 мы бросили якорь пред городом Киллива,[31] а 23 сели в лодки и въехали в гавань ко дворцу местного царя, желая узнать, хочет ли он мира и будет ли платить нам дань; но замириться с ними не удалось, так как они жаждали войны, и ничего с ними нельзя было поделать. Посему 24-го мы неожиданно двинули против них восемь наших кораблей, начали обстрел, убили несколько язычников и вскоре могли грабить город (blunderten alsbald die Stat), находя там много ценностей — золота, серебра, жемчуга, драгоценных камней и богатой одежды. В тот же день мы начали постройку замка [форта].

[Стр. 5]. А 27-го сего месяца наш адмирал назначил, в виду бегства местного царя сейчас же по взятии города, другого царя; сделал он это с великими почестями и празднествами, короновал его короной, как то и подобает царям, и отдал ему все это царство, чтоб он верой и правдой служил королю португальскому и был ему, вместе со всей страной, в добром подданстве...

...В стране сей произрастет пальма [кокосовая], от которой люди получают вино, уксус, масло, молоко, ореховое ядро, мед, сахар и пр., а всего это древо имеет шестнадцать разных применений (wol sechtzeherley frucht)...

...13 августа прибыли мы с 10 кораблями в гавань Момбасу (Monbase), и народ тамошний был нам враждебен. Хорошая там гавань, но при входе построили они весьма сильный форт, откуда они стреляли и нанесли нам знатный урон. Но помощью Христа, нашего спасителя, не погубили они нас; наоборот, мы изгнали их из форта и гнали до самого города... А 14-го мы подошли к самому городу; отчаянно они отстреливались из луков, ружей, пращей и попортили нам немало народа; но все было ни к чему. Мы в двух местах зажгли город горящими ядрами... А они выпустили на нас двух слонов, а впоследствии в городе мы нашли еще и трех верблюдов. Город был всячески укреплен, а овладеть узкими его уличками было особенно трудно. Тем не менее, призвав на помощь бога всемогущего, мы с двух сторон стали штурмовать и 15-го овладели городом... Божьим попущением немало полегло язычников, а с нашей стороны убито было лишь двое... Стали мы наводить свои порядки и приготовились грабить (als wir nun unser ordenung in der stat geschickt und uns zu plendern gerust hatten); мы узнали, что бежавший из города царь собрал великую силу мавров и язычников. Посему мы, опасаясь, как бы нас не застали врасплох, расставили сперва стражу и дозорных, а затем уж стали грабить, и нашли столь великое богатство, что всего невозможно перечесть. Богу вечная слава, честь и поклонение!.

...А всего кораблей при взятии города было 10; а одиннадцатый пришел на день позже и в плачевном состоянии. Назывался этот корабль «Рафаил». Вообще же немецкие купцы имели три корабля: «св. Иероним», «св. Рафаил» и «св. Леонгард», — и все они участвовали во всех экспецидиях и боях. А король Эмануил имел тоже три корабля; наконец, были корабли и ломбардских купцов.[32]

...Прибыли в Мелинду. Царь здешний был великим нашим дру-

гом, зато вечным врагом соседа своего, царя Момбасы,... и весьма обрадовался, что мы оный город пограбили, пожгли и уничтожили...

Записки Ганса Майра (Hanss Mayr).

...В год 1505, 25 марта, во вторник, дон Франциско д'Альмейда, адмирал над 20 вымпелами, а именно 14 кораблями (náos) и 6 каравелами, ушел в море...

5 мая корабль Белла погиб, получив пробоину. Экипаж удалось спасти...

2 июня обогнули Мыс Доброй Надежды...

2 июля сильная буря и гроза; с флагманского судна двое упали в море и утонули, с «св. Леонгарда» — один.

18 июля мы впервые увидали землю, в 30 милях от острова Мозамбик.

22 июля, во вторник, около полудня, мы вошли в гавань Гвилоа, и было с нами не более 8 кораблей.[33] Адмирал послал венецианца Бона Аджуто к местному царю, чтоб он явился пред ним, но тот отказался и прислал лишь 5 коз.

На другой день адмирал велел направить пушки, а все капитаны в добром снаряжении должны были крейсировать перед городом в ожидании, заблагорассудится ли царю прибыть к адмиралу. Но царь известил, что быть не может, у него-де гости. Зато он готов выплатить дань, какой обязан португальскому королю. Таковую весть привезли пятеро мавров; их сейчас же схватили.

В четверг, с восходом солнца, все сели в лодки. Первым вступил на землю сам адмирал; он и все остальные направились ко дворцу, причем встречным маврам, ежели они не сопротивлялись, даровалась жизнь.

.Двери были заперты; их взломали, но весь дворец оказался пуст Весь город также был занят без всякого сопротивления... Францисканцы воздвигли крест, а адмирал занял дом подле этого креста. Весь же экипаж принялся за разграбление (se meteo a roubar) товаров и припасов богатого этого города.

.Есть здесь самбуки[34] величиной не менее каравелы в 50 тонн. Их всегда вытягивают на берег, а для поездки спускают в море. В них нет совсем гвоздей, а планки связаны пальмовыми веревками, на каковых привешивается и руль. Они хорошо проконопачены и просмолены. Ездят на них до Софалы,[35] чтоб оттуда привезти золото [а это — 255 миль], а то и далее...

Много найдено было в домах пузырьков с розовым маслом великолепного запаха; их они вывозят в обмен. Нашли много также разного стекла, массу материй разных сортов, амбру и мастику.

Всю добычу адмирал повелел снести в одно место под страхом наказания.

В Квилоа немедленно устроен был форт (fortalleza) из самого лучшего дома, причем все окрестные здания были уничтожены. Немедленно внесены туда были бомбарды и прочее оружие. Начальником остался Перо Феррейра и дали ему 80 человек....

В виду бегства царя адмирал сделал царем другого, местного

мавра, очень любимого всеми; в торжественной процессии его провели верхом по всему городу

9 августа ушли из Квилоа в Момбасу Там мавры у узкого прохода в гавань устроили форт, снабженный многими бомбардами. И когда первый корабль, под командой Гонсало де Паива, хотел войти, заиграла артиллерия, и одно ядро прошло сквозь весь корабль, от борта до борта. Тогда стали бомбардировать форт, взорвали там пороховой погреб, и весь гарнизон бежал. Флот вошел в гавань и стал перед городом.

14 августа бомбардировали город, который, впрочем, отвечал тем же... Город состоял из более чем 600 домов, крытых пальмовыми ветвями со страшно узкими проулками, где едва могли разминуться трое. Адмирал решил бросить огонь в город, и он запылал с двух сторон. Много добра в нем погибло, так как жители торговали морским путем с Софалой и Камбайей...

Ночью было затмение луны, а на другой день, 15 августа, в пятницу, адмирал со своими 8 кораблями стоял по одну сторону Момбасы, а сын его, дон Лоренцо, с тремя кораблями по другую. С раннего утра все вооружились и плотно поели. Затем начался штурм... Высадились дружно; впереди шли мушкетеры и арбалетчики. Быстро проникли в город и достигли тех частей, которые пощадил огонь. Тут были трехэтажные дома, и нас встретили горяченько — главным образом бросали сверху камни. Арбалетчики наши еще действовали, но мушкетеры уже стрелять не могли. Впрочем, камни нанесли малый урон, ибо из-за тесноты улиц падали они не на середку, а по краям, задевали за верхние этажи, задерживались разными выступами и балконами, под которыми наши тоже умело хоронились... Жители, а также и царь, бежали в соседнюю пальмовую рощу Адмирал разрешил грабить город, но каждый должен был свою удачу сдать на свой корабль, чтоб можно было точно выяснить общую сумму, и тогда экипажу дана будет двадцатая часть.. Все бросились на грабеж, разбивали двери, обыскивали дома. Нашли множество бумажных тканей, а также шелковую материю, парчу, замечательные ковры и превосходные чепраки и попоны... Так шло до поздней ночи. А на следующий день разграбление возобновилось, хотя люди очень устали, и, говорят, в городе поэтому осталось нетронутым много добра. Брали и припасы: рис, мед, масло, просо в громадном количестве, верблюдов и мелкий скот. Видели мы также двух слонов: их показывали еще до штурма, чтоб нагнать страх.

В проулках и домах валялось много убитых, говорят, до 1 500 человек. Мы же потеряли павшими лишь 5 человек.

Город этот, по уверению мавров, самый красивый на всем побережьи, а остров — наиболее плодородный: много на нем исключительно сладких апельсинов, гранатов, лимонов, все в гораздо большем количестве, нежели в Квилоа. Есть здесь, наконец, и сахарный тростник... В городе было до 10 000 жителей; из них 3 700 боеспособных мужчин...

27 августа, в среду, мы направились прямо на Индию, через залив Мекки (golffo de mecha), всего 750 миль, что и прошли в 17 дней...

...Из Кананора [36] мы 27 октября, в понедельник, отправились в Кочин, минуя Каликут, и прибыли туда 30 октября...

Вице-король [37] подарил царю Кочина золотую корону, стоимостью в 900 крусадов, которую-де послал ему король португальский, назначивший ему, кроме того, ежегодное содержание в 600 крусадов.

Повыше Кочина, на реке, находится деревянный форт, построенный Франциском д'Альбукерком. А в двух милях находится и еще форт, подле брода, чтоб удерживать людей из Каликута [38] от перехода реки.

На этой же реке находятся и главнейшие склады [39] для всего вывозного перца: если и есть где-либо еще склады, то они незначительны...

3. Записки Диаза о Мексике.

Bernal Diaz del Castillo, один из сотоварищей Кортеса, написал «Historia verdadera de la conquista de la Nueva Espana». «Правдивой» (verdadera) Диаз называет свою «Историю» не в виду личной полемики с кем-либо. а потому, что он на завоевание Мексики смотрит с совершенно иной, чем все остальные об этом писавшие, точки зрения. Истинный завоеватель для него не Кортес и, конечно, не испанский король, и не те вельможи и высокородные администраторы, которые явились потом на все готовое; нет, это — «люди первого призыва», как он их любит называть, его и Кортеса сотоварищи, не кто-либо в отдельности, а вся их масса в совокупности. Отличие их от позднейших жадных и чванных пришельцев в том, что они не только завоеватели и разрушители, но и восстановители; Мексика для них действительно Новая Испания, т. е. новая родина.

Поэтому к прежним мексиканским учреждениям, культуре и технике Берналь выявляет высокое, редкостное для того времени, уважение и понимание. Тем сильнее ощущается гибель этой культуры, чему способствовали немало и сам Диаз и все конкистадоры «первого призыва». Золотая горячка, стремление к обогащению, обрастание богатыми «коммендами» (поместьями) с тысячным порабощенным туземным населением, — все это резко противоречит идеологии Берналя-писателя, отмежевающегося от позднейших колонизаторских налетчиков и прибытчиков.

«История» Диаза считается полуклассическим произведением испанской литературы и издавалась несколько раз, правда, без надлежащего до сих пор комментария. Для перевода служило первое издание (Мадрид, 1632 г.), ибо и при жизни автора и вплоть до указанного года «История» не могла выйти в свет в виду ее церковной и политической неблагонадежности.

Существует полный русский перевод (с опущением лишь нескольких длиннот и повторений) Д. Н. Егорова, в 2 томах, Ленинград, 1924 — 1925 гг., 2-е изд., 1928 г.

...А теперь следует подробнее описать Мотекусуму и весь его обиход.

Мотекусуме в это время было лет под сорок. Он был высокого роста, хорошо сложен, хотя и несколько худ. Окраска кожи куда менее сильная, нежели у прочих индейцев. Волосы не длинные; лишь над ушами, прикрывая их, оставлены были два пучка, которые курчавились. Борода не густая. Лицо продолговатое, открытое, а глаза очень выразительные и красивые, могли быть и серьезными и шутливыми.

Каждый вечер он купался, ибо чистоту тела чтил высоко, и платье, раз надеванное, велел приносить лишь на четвертый день. Кроме двух главных жен из местных княжеских домов, у него было множество второстепенных, дочерей сановников и прочей знати.

Вблизи его собственных внутренних аппартаментов всегда нахо-

дилось 200 человек для охраны и услуг, но запросто он никогда с ними не разговаривал, а лишь давал приказы или выслушивал донесения, которые должны были быть изложены сжато, в нескольких словах. Являясь по вызову или с поручением, представляющийся должен был набросить на свою, хотя бы очень богатую, одежду другую, более простую, особого покроя и свежайшей чистоты; с ног снималась обувь, и я много раз видел, что это делалось при входе во дворец даже высшими сановниками и князьями. Говорили с ним всегда с потупленным взором, и никто никогда не смел ему смотреть прямо в лицо. Уходя, нельзя было повернуться к двери, а нужно было пятиться назад; количество поклонов при входе и уходе было точно определено. Наконец, никто не имел права, даже в экстренных случаях, сразу предстать пред Мотекусумой; придворный обычай требовал, чтоб каждый пришедший некоторое время провел у ворот.

Что касается трапезы, то количество блюд обыкновенно доходило до 30; сервировали еду в особых судках, с помещением для горячих углей, чтоб кушанье не стыло. Каждое блюдо готовили в размере от 300 до 1 000 порций. Перед трапезой он иногда осведомлялся, что сегодня изготовлено, и выбирал наиболее приятные для себя яства, какие и подавались к столу. В качестве особого лакомства, говорят, иногда готовили детское мясо. Так ли это — не могу сказать, ибо за великим множеством вкуснейших мясных блюд трудно что-либо различить. Знаю лишь, что с того момента, когда Кортес серьезно поговорил с ним насчет человеческих жертвоприношений и людоедства, Мотекусума запретил подавать себе что-либо подобное.

В холодную погоду покои Мотекусумы обогревались особыми углями из коры какого-то дерева, горевшими без дыма, с весьма приятным запахом. При этом между ним и огнем ставили ширмы из золота с изображениями разных богов.

Сидением Мотекусуме служила невысокая скамья с мягкой обивкой, прекрасной работы; немногим выше был и стол, покрываемый тончайшей белой материей. Перед началом трапезы являлись четыре женщины, поливали ему руки из высокого сосуда, давали мягкие утиральники. Затем приносили ему лепешки из маиса, приправленные яйцами. Впрочем, до начала трапезы они же ставили перед ним ширмы с богатой резьбой и позолотой, чтоб никто его не мог видеть во время еды; около этой ширмы они и размещались, каждая на своем месте. Затем впускались четыре старца, из наиболее сановных, дабы Мотекусума, буде захочет, мог с ними перекинуться словом. Ежели, в знак милости, угощал их каким-либо кушаньем, они должны были есть стоя, не поднимая на него глаз. Вся посуда на столе изготовлена была в Чолуле. Во все время трапезы придворные и охрана в соседних залах должны были соблюдать полнейшую тишину.

После горячих блюд подавались фрукты, хотя Мотекусума их почти не ел. От времени до времени ему подносили золотой кубок с особым питьем, который они называют «какао» и который будто бы возбуждает.

Иногда к трапезе приглашались скоморохи, гадкие горбатые гномы, но большие ловкачи, иногда шуты, плясуны или певцы. Такие

увеселения Мотекусума очень любил и нередко потчевал их какао.

После трапезы женщины опять совершали ему омовение рук, снимали скатерти со стола и преподносили несколько трубочек, очень изящно позолоченных и расписанных, в которых находились амбра и особая трава, называемая «табак». Трубочки эти он брал в рот, затем их поджигали с одного конца, и он выпускал дым изо рта. Проделав так некоторое время, он отправлялся на покой.

После трапезы Мотекусумы наступало время еды и для его придворных; сперва для охраны и дежурных сановников, затем для остальных придворных, наконец, для всего дворцового штата, которого было видимо-невидимо, так что нужно удивляться быстроте их действий и доброму порядку. Ежедневно скармливалось несколько тысяч порций еды и питья, и нельзя не ужаснуться великим ежедневным расходам на этот счет. За всем смотрел главный управитель; он же вел и все счета, внося их в толстую книгу из мексиканской бумаги, называемой «аматл». Счета эти и книги наполняли целый зал.

Было у Мотекусумы и два цейхгауза с богатым подбором оружия, зачастую украшенного золотом и каменьями. Я уж говорил, что кремни, вставленные в лезвие, режут и колют лучше наших мечей и пик; достаточно указать, что такими же кремнями мексиканцы и брились. Особенно также следует упомянуть своеобразные, искусно свертывающиеся щиты, которые удобно переносятся и чрезвычайно просто развертываются в случае нужды. Мягких ватных панцырей было великое множество, и все они имели определенные цвета, вроде наших мундиров. Цейхгаузы эти были не только для личного употребления Мотекусумы и имели особых надзирателей с целым штатом помощников и рабочих.

Особые помещения отведены были для птиц, и мне приходилось сделать над собой усилие, чтоб не застрять надолго в этом удивительном учреждении. Ведь там держали все породы птиц, какие только встречаются в тех краях, начиная с различного рода орлов и кончая мельчайшими пташками. Все это сияло изумительным оперением, особенно мелкая птица и, разумеется, попугаи. Немало было и домашней, убойной птицы. Большой штат опытных и заботливых людей смотрел за этими птичьими дворцами, следя за кормом, чистотой, здоровьем и правильным размещением по определенным гнездам и насестам.

В другом большом доме находились дикие звери, страшные, громадные и кровожадные, а подле был другой дом с не менее страшными идолами. Местные львы скорее похожи на волков и называются «шакалы»; большинство из них родилось уже в неволе, а кормили их не только всякой дичиной и собачиной, но и человечиной — в случае больших жертвоприношений. Впрочем, некоторые остатки от жертв всегда бросают змеям, среди которых — а их там великое множество — находится одна особо ядовитая и на редкость отвратительная: на конце ее хвоста странные костяшки, вроде кастаньет После нашего несчастного отхода из Мексики многое множество наших несчастных товарищей было пожрано этим диким зверьем. Говорят, ими их кормили целую неделю.

Теперь же следует сказать и об искусных мастерах, каких в Мексике было много по любому ремеслу. Прежде всего, конечно, нужно упомянуть про резчиков по камню, а также золотых дел мастеров, ковкой и литьем создававших такие вещи, которые бы возбудили зависть их испанских товарищей. Великое их было множество, и самые знаменитые жили в Эскапусалко, недалеко от Мексики. Вместе жили и ювелиры, удивительно опытные в шлифовке разных каменьев. Великолепны были также художники, скульпторы и мастера по резьбе. Ткачеством и вышивками занимались более женщины, достигая в этом невероятного искусства, особенно в изготовлении тончайших материй с прокладкой из перьев. Жены Мотекусумы занимались именно этим изделием, а особенно знамениты были ткацкие работы женщин-затворниц, вроде монашек, среди которых было много знатных девушек. Более простые, обыденные ткани шли из Костатлана, недалеко от Вера-Крус. Особый квартал во дворце Мотекусумы занимали плясуны, певцы и прочие увеселители. Ничем иным они не занимались, зато свои штуки, часто очень головоломные, они проделывали отменно.

Наконец, Мотекусума содержал еще, и только для себя, большое количество каменщиков, плотников, столяров, садовников. Особенно много было последних, ибо сады Мотекусумы были не только велики, но и чудны своим великолепием: всюду цветочные клумбы хитрых рисунков, везде духовитые растения, масса искусственных гротов, ручейков, бассейнов, прудов. Впрочем всего не перескажешь... Ясно, как могуч и велик был Мотекусума.

...Четыре дня уже мы были в Мексике, но никто из нас, не исключая и самого Кортеса, не выходил за пределы нашего расквартирования. Но вот Кортесу захотелось поближе взглянуть на главный рынок и главный храм, и он послал к Мотекусуме Агуилара, донью Марину и молодого пажа, Ортегилью, который уже немного научился мексиканскому языку, чтоб испросить у него разрешение.

Мотекусума не отказал, но, очевидно, опасался, как бы мы чем-либо не оскорбили их божеств, а посему решил сам отправиться в храм, чтоб там нас встретить. Отбыл он с громадной блестящей свитой, а на полпути покинул носилки, чтоб приблизиться к богам своим пешком, как все люди. Самые знатные вели его под руки, а двое других несли пред ним два чудесных жезла, вроде скипетров. Перед храмом его встретило множество жрецов, и он с ними взошел, стал окуривать идолов и совершать иные разные церемонии.

Мы же с Кортесом, все больше верхом, отправились сперва на Тлателулко, т. е. главный рынок, сопровождаемые множеством касиков. [40] Сильно мы удивились и громадной массе народа, и неслыханным грудам всякого товара, и удивительному порядку всюду и во всем. Касики давали нам очень точные объяснения.

Прежде всего, нужно сказать, каждый товар имеет свое особое место. И вот, в первую очередь, мы попали к ювелирам, золотых дел мастерам, продавцам дорогих тканей, а также рабов и рабынь; рабский рынок был нисколько не меньше португальского рынка гвинейских негров; невольники имели на себе ошейники, которые прикреплены

были к длинным гибким шестам, очень немногие лишь могли двигаться свободно.

Затем следовали ряды более грубого товара: бумажной пряжи и материи, ниток, какао, плетеной обуви, сладких местных корешков, всяких шкур и кож, сырых и дубленых, и т. д., и т. д., точно на ярмарке в Медина-дель-Кампо, моем родном городе. А там, смотришь, теснятся лари со съестными припасами — овощами, салатами, разной живностью, фруктами, колбасами, сладкими пирожками, медом. Совсем близко стояли горшечники, разный щепной товар, затем столы, скамьи, колыбели. А дальше шел, говорят, дровяной и угольный рынок. Но глаза наши уже устали, да и немыслимо было все обозреть без остатка. Ведь достаточно сказать, что в Мексике ничто не пропадало и все считалось товаром; даже человеческие отбросы собирались и перевозились куда нужно, ибо употреблялись в производстве, напр., кожевенном. Вижу, что читатель улыбается, но это именно так, как я говорю: недаром в Мексике везде были уборные, особо для этого построенные, укромные. Да, ничто в этом городе не пропадало даром...

Впрочем, всего не перечтешь, что было на этом величайшем в мире рынке. Достаточно указать еще, что в особом месте продавался «аматл», т. е. здешняя бумага, в другом — искусные изделия для особого куренья, «табаки», далее — благовония разные, пахучие мази и притирания, далее — великое множество семян, отдельное место для продажи соли, отдельный ряд для изготовителей кремневых инструментов, для инструментов музыкальных и т. д., и т. д. — без конца. Все битком набито народом, но везде порядок, да и на самом рынке был суд с тремя судьями и многими подсудками; суд этот наблюдал за качеством товара, а также решал все распри.

Наконец, чтобы не забыть еще одно: уже близко к большому храму, на краю рыночной площади, помещалось множество продавцов золотого песку, который хранился в костяных, весьма тонких, почти прозрачных трубках. Трубка определенной величины и являлась здешней единицей обмена...

Наконец, мы покинули рынок и вошли в громадные дворы, окружавшие главный храм. Каждый из них, много больше рынка в Саламанке, окружен двойной стеной, выложен большими гладкими плитами. Всюду величайшая чистота, нигде ни соринки, ни травки.

У начала лестницы Кортеса встретили шесть жрецов и два высоких сановника, посланные Мотекусумой. Они хотели подхватить Кортеса подмышки, чтобы облегчить ему восхождение — всего ведь было 114 ступеней, — но Кортес отказался от их помощи.

Взобравшись на самый верх, мы увидели площадку с несколькими крупными камнями, на которые кладутся жертвы. Подле стоял громадный истукан, в роде дракона, окруженный столь же отвратительными изваяниями, и весь пол кругом был забрызган свежей еще кровью. Сам Мотекусума, в сопровождении двух жрецов, вышел из какой-то часовенки, где также стояли проклятые идолы, и принял нас весьма милостиво. «Восхождение, конечно, утомило тебя, Малинче». 11
Но Кортес ответил, что ничто на свете не может нас утомить. Затем

Мотекусума взял Кортеса за руку и стал ему показывать раскрывающуюся кругом картину; не только столицу и многие другие города на озере, но и самый рынок, по которому мы только что проходили.

Действительно, это дьявольское капище господствовало над всей округой. Ясно видны были три дамбы, ведущие в Мексику, с их перерывами и мостами — через Истапалапан, по которой мы четыре дня тому назад вступили в столицу, через Тлакупу, по которой нам суждено было через целых шесть месяцев спасаться ночной порой, и через Тепеакилу. Ясно виден был и водопровод чапультепекский, снабжавший весь город питьевой водой. Все озеро было как на ладони; множество лодок сновало туда и сюда, доставляя людей и продукты в любой дом; а над домами повсюду высились, точно крепости, пирамиды храмов с часовнями и башенками на вершине. Внизу под ними кишел рынок с его многочисленной толпой, и шум его был слышен на далекую округу. Некоторые из нас, побывавшие в Константинополе и даже исходившие всю Италию, уверяли, что нигде они не встречали столь большого и доброустроенного рынка.

Картина была поистине величественная, и мы на нее загляделись...

...После взятия Мексики, первое требование Кортеса к Гуатемосину [42] было — восстановить водопровод из Чапултепека, очистить и прибрать улицы, затем исправить дамбы, мосты, дома и дворцы. Срок полагался двухмесячный, после чего жители должны были вернуться, да и мы должны были поселиться в особо отведенных для нас кварталах.

Много было приказов на этот счет, но всех их я теперь не упомню. Во всяком случае, очень быстро устроена была прекрасная гавань для наших бригантин, подле построен крепкий форт, затем введены суды и служба безопасности. Все ценности, какие находили в городе, сносили в одно место; количество их было не велико, и ходила молва, что мексиканская казна была брошена в озеро по приказу Гуатемосина; впрочем, о многих ценностях мог бы рассказать экипаж бригантин, и немалое количество ушло вместе с нашими союзниками. Но королевские казначеи громко заявляли, что произошла утайка, что Гуатемосина и князя Тлакупы нужно пытать, чтобы они открыли место клада. Кортес не соглашался; когда же стали поговаривать, что он поступает так из собственных интересов, чтоб захватить сокровища самому, он перестал, к сожалению, противиться. Князей пытали, и они заявили, что все ценности, равно как и добыча в Ночь Печали, [43] были потоплены за четыре дня до бегства. Но как ни ныряли, ничего не нашли. Что касается меня, то я не думаю, чтобы ценностей осталось много: большинство мы получили еще от Мотекусумы для нашего государя...

...Отсутствие добычи угнетало нас вдвойне, так как все залезли в неоплатные долги в виду неслыханной дороговизны. О покупке коня или оружия нельзя было мечтать; хирург и аптекарь заламывали несуразные цены; всюду теснили нас надувательство и обман. Кортес составил особую комиссию из двух заведомо почтенных людей, и она должна была проверить все претензии; объявлен был мораторий на два

года, снижены проценты, выданы кое-какие ссуды. Но общее положение улучшилось мало, а посему Кортес решил новые средства извлечь из провинции, учредив там ряд колоний. Для этой цели Сандоваль отправлялся в Тустепек и на реку Гуакасуалко, Педро де Ирсиа — в Вера-Крус, младший Хуан Альварес Чико — в Колиму и в Сакатулу, Кристобаль де Оли — в Мехоакан, Франсиско де Ороско — в Гуахаку.

Во всех этих провинциях завоевание Мексики считали делом немыслимым. Когда же всякие сомнения на этот счет исчезли, местные касики перепугались и слали послов за послами с изъявлением покорности и богатыми подарками. Брали они с собой и своих сыновей и показывали им поверженную Мексику, как в древности смотрели разрушенную Трою.

Что касается меня, то я решил отправиться с Сандовалем, хотя Кортес и хотел меня удержать при себе; но, наконец, он согласился и обещал, что «где бы я ни был, он всегда позаботится, чтоб я не нуждался ни в чем».

Ежели, наконец, читатель спросит, почему мы, настоящие конкистадоры, не остались в Мексике или подле нее, а пошли столь далеко, в условия необеспеченные, то я отвечу: в податных списках Мотекусумы мы нашли указания, сколько и откуда идет золота, какао, материй. Разумеется, все эти доходы должны были пойти нам, а не кому-либо иному. Но, конечно, дело было трудное, и не напрасно Кортес отпускал нас столь неохотно

...Давно уж Кортес слышал, что страны Гондурас и Игэрас преизобилуют золотом и серебром. Иногда моряки, побывавшие там, рассказывали прямо чудеса: напр., что индейцы тамошних мест при рыбной ловле употребляют грузила из чистого золота. Кроме того, предполагали, что именно здесь должен находиться «Проход», и Кортес давно уже имел специальное поручение найти его во что бы то ни стало, ибо тогда открылся бы простейший и самый удобный путь в страны пряностей. [14] Все это побудило Кортеса не откладывать решения в долгий ящик, и он избрал руководителем экспедиции Кристобаля де Оли, так как он ему вполне доверял, ибо он, Оли, всецело обязан был своим возвышением Кортесу, да и семья его и владения находились в самой Мексике.

Сухопутный поход потребовал бы слишком много времени и средств, а посему Кортес наметил морской путь, дав Оли пять кораблей и одну бригантину при 370 участниках, из которых около сотни были стрелками, и 22 всадника; среди отправляемых было пять подлинных конкистадоров, старых, испытанных товарищей Кортеса, прибывших с ним вместе в Новую Испанию; правда, они уже осели, обзавелись семьей, хотели бы отдохнуть, но разве можно было сказать Кортесу: «Повремените, я не хочу более воевать»? Нет, раз он хотел, нельзя было противиться, он все равно заставит, по-хорошему или силой... Снабжение было отличное; особенно много было пороха и всякого военного припаса. К сожалению, среди участников было много, имевших зуб против Кортеса: то из-за личных столкновений, то вследствие неправильного, по их мнению, раздела добычи и индейцев.

Инструкции Кортеса состояли в следующем: Оли должен был сесть на корабли в Вера-Крус, а оттуда направиться в Гавану, где забрать приготовленные уже съестные припасы и лошадей, а затем, никуда не заходя, прямо итти в Гондурас. К туземцам ему относиться с опаской, но благосклонно; затем выбрать место для постройки города с хорошей гаванью, попытаться найти Проход, а также навести справки о городах и гаванях по ту сторону материка.

Дав эти и еще многие другие точные предписания, Кортес сердечно, как отец, простился с Оли и его отрядом. В Вера-Крус все, действительно, было приготовлено, и посадка произошла быстро, без помех. Переезд в Гавану совершился тоже удачно, и там опять-таки все было заготовлено по условию. Тут же к Оли присоединилось пятеро видных солдат, изгнанных из Пануко за какие-то столкновения с комендантом; они-то и подали Оли мысль отложиться от Кортеса. Немало способствовали этому и другие, особенно наместник Кубы, Диего Веласкес, смертельный враг нашего полководца; он отправился к Оли и сговорился с ним совместно, во имя короля, завоевать и управлять Гондурасом и Игэрасом. Разделились они так: военное командование остается у Оли, гражданское же управление перейдет к Веласкесу, ибо все знали, что Оли храбрый и опытный военачальник, но ничего не смыслит в управлении...

Но оставим пока Оли. Ведь Кортес обо всем этом узнал лишь через восемь месяцев. Сейчас же нужно рассказать о других, не менее серьезных событиях.

Именно. Многие из нас, старых, подлинных конкистадоров, поселились в Гуакасуалко, где у нас были крупные поместья. И тут случилось то же самое, что и в остальных провинциях: когда приходил срок сбора налогов, индейцы наши противились и пытались убить владельца комменды. [45] Бунты поднялись повсюду, и мы, объединившись, без устали переезжали с места на место, чтоб восстановить покорность.

Таким же образом взбунтовалось и население Симатана. Наш начальник, Луис Марин, считал достаточным отрядить туда четырех испанцев, среди которых находился и я. Мы отправились туда, идя все время по трудной, болотистой почве со множеством рек. Немного не доходя Симатана, мы известили жителей о цели нашего прихода; ответом послужило нападение с трех сторон: двое из нас пало, я получил опасную рану в горло и истекал кровью; наконец, и последний из нас тоже был изранен, и, как мы отчаянно ни бились, нам пришлось подумать о бегстве по направлению к реке, где стояли лодки. Мой товарищ и устремился туда, а я, обессилев, забрался в густые заросли, где почти лишился чувств. Наконец, я оправился, собрался с силами и с криком: «Святая дева, помоги мне, чтоб эти собаки хоть сегодня меня не убили», я бросился на индейцев и, несмотря на новые раны, пробился к своему товарищу, который уже находился подле лодок. Лодки наши спасены были четырьмя верными индейцами, подвиг которых тем выше, что жители Симатана не столько интересовались нами, сколько нашим багажом. Нам всем удалось забраться в лодки и переправиться через реку, очень бурную и широкую.

Достигши противоположного берега, мы больше недели прятались в горах, чтоб окончательно сбить преследователей. В Гуакасуалко, между тем, узнали о нашей неудаче, но предполагали, что мы убиты, ибо так думали и верные наши индейцы, напрасно прождавшие нас несколько дней. Посему Луис Мартин отдал, как то требовалось обычаем, наши комменды остальным конкистадорам, сообщив об этом в Мексику, а наше имущество было продано... Когда же мы после 23 дней появились в Гуакасуалко, друзья наши встретили нас с восторгом, а «наследники» были не мало огорчены.

Постепенно Луис Мартин пришел к убеждению, что для прочного усмирения страны ему нужно куда больше сил. За этим он и поехал в Мексику, наказав нам отсиживаться в наших крепких домах и никуда не соваться наобум. Кортес согласился на доводы Мартина, дал ему 30 солдат, но в то же время обязал его и нас — подчинить Чиапу и основать там город.

О немедленном походе не могло быть и речи: сперва пришлось проложить пути, ибо страна изобиловала болотами и зарослями; стали настилать гати из бревен и тесин, а где этого было недостаточно, заготовляли лодки. Так мы прошли, наконец, первую часть пути. Далее следовали горы, и мы опять прокладывали себе дорогу вдоль реки, чтоб таким образом добраться до Чиапы. Никакой дороги раньше здесь не было, ибо соседи весьма боялись Чиапы, жители которой были, может быть, самым воинственным племенем во всей Новой Испании, так что даже Мексика не могла их покорить. Занятие их было — разбой; они то и дело требовали дань золотом, всяким добром и людьми, которых потом резали при своих жертвоприношениях; в своих набегах они часто доходили до Техуантепека и залегали в тамошних горах, ожидая прохода индейских купцов, так что нарушали мирный обмен целых провинций. Частые и удачные походы их собрали у них множество пленных, которых они держали на положении рабов прежде всего для сельских работ.

Идя вверх по реке, мы произвели смотр нашим силам. Нас было: 30 всадников, 15 арбалетчиков, 8 мушкетеров и 60 пехотинцев. Было с нами и немало индейцев — мексиканцы, касик Качулы с большой свитой и значительным отрядом, но они настолько опасались Чиапы, что соглашались лишь помочь при транспорте и прокладке дорог.

Мы шли с величайшей предосторожностью, но люди из Чиапы нас заметили, и всюду зажглись сигнальные костры для сбора воинов. Между тем, дорога шла уже между маисовыми полями и другими весьма привлекательными насаждениями; мы надеялись на изобильный ужин, ибо отсутствие жителей — они все бежали — нисколько нас не конфузило. Но вместо отдыха пришлось биться..

Мы одержали полную победу и в добром порядке, с музыкой и знаменами, вошли во вражеский город.

Жители, конечно, бежали. Но наш капитан умелыми действиями заставил их вернуться; их примеру последовало и население соседних поселков, и скоро жизнь вошла в колею, и наш патер проповедовал с большим успехом. Добрые отношения вскоре были нарушены по вине одного из наших солдат, бывшего в Чомуле, соседнем большом городе.

Солдат был отправлен в Мексику на суд, но Чомула все же восстала, и пришлось ее вновь покорять. Город лежал в горах и был защищен крепкими стенами, а кругом зияли непроходимые пропасти. Обстрел ничего не дал, и вот мы соорудили особые крепкие продвижные навесы, под защитой которых мы стали подкапывать стены. Защитники сбрасывали разные горючие материалы, стараясь зажечь навесы, лили кипящую воду, обрушивали большие глыбы камней. Несколько раз навесы обрушивались, и мы строили более крепкие, ни на минуту не прекращая своей работы. Ожесточение обеих сторон все возрастало. Помню, как жрецы со стен кричали: «Вам нужно золото, только золото. На-те» — и со стен полетели чудесно сработанные украшения, но сброшены они были в такое место, куда свободно достигали и стрелы, и дротики.

Но вот, как-то днем прошел ливень, а затем последовал густой туман, как это бывает в горах. Ничего не было видно, и даже звуки как-то глохли. Наш капитан хотел прекратить пока работы, но я, зная по мексиканским примерам, что и враг в таких случаях слабеет, с немногими товарищами пробрался сквозь пролом и, действительно, наткнулся лишь на небольшой отряд человек в 200. Завязалась отчаянная схватка, и, может быть, всем нам тут бы и пришел конец, если бы несколько из наших индейцев не бросились за помощью. Наши подоспели, и город был взят; жители в паническом страхе устремились в противоположную от нас часть города, где старались улизнуть по отвесным почти скалам; многие расшиблись насмерть. Многих мы забрали в плен, но сокровищ никаких не нашли.

По нашему обычаю мы послали кое-кого из пленных, чтоб они вернули бежавших. Те пришли, выразили подчинение, и им вернули их добро. Наш же капитан дал мне в пожизненную комменду всю Чомулу, ибо Кортес написал ему, что во вновь завоеванной стране я должен получить те места, куда я проникну первым. Впрочем, я пользовался коммендой лишь восемь лет, ибо, когда здесь был построен новый город, значительная часть моих земель отошла под него. Конечно, иначе думали, когда я завоевал Чомулу. Жители считались моей собственностью, но я хорошо с ними обходился, ибо полюбил их.

После взятия Чомулы долго спорили, учреждать ли здесь город или нет. Мнения широко разошлись, так и ни на чем не порешили. Вообще, споров и несогласий было не мало, особенно во время мелких походов в окрестностях...

В это же время Кортес снаряжал экспедицию в Южное море, ибо к этому его обязывал особый договор, заключенный с королем и королевой еще в бытность его в Испании. Ведь уж до своего отъезда Кортес построил и отлично снарядил четыре корабля в Сакатуле. Заданием было: итти на Молукки или в Китай, чтобы выяснить прямой путь на родину гвоздики и других специй. В декабре 1527 г. корабли двинулись в путь и, действительно, дошли до Молукки, хотя и сильно пострадали от бурь, голода и болезней. Молуккские острова оказались во власти Португалии. Это и многое другое, достойное удивления, рассказал мне года через три один матрос, участник плавания.

Теперь Кортес направил уже вторую экспедицию. А случилось это в мае 1532 г. На сей раз шли два корабля под командой некоего Уртадо Мендоса. Продвигался он все вдоль берега, чем экипаж остался недоволен, и один корабль взбунтовался и отделился от него; правда, потом они сообщили, что поступили так с его разрешения, но в этом можно вполне усомниться. Впрочем, ушли они недалеко: вскоре корабль разбился, и лишь немногие смогли спастись в Халиско. Что же касается другого корабля и самого Уртадо, то они исчезли бесследно.

Потери эти весьма огорчили Кортеса, но он все же снарядил два новых корабля. Сперва они должны были отправиться на поиски Уртадо, а затем двинуться на открытие новых земель. Сильная буря разъединила их в первую же ночь. Один корабль нашел какой-то необитаемый остров на расстоянии 100 часов пути, да с тем и вернулся. На другом вспыхнул бунт, капитан был убит, а экипаж продолжал путь. Открыт ими был остров, прозванный Санта-Крус, с большим якобы изобилием жемчуга; но туземцы были столь свирепы, что перебили всех, кто высадился, а немногие остальные вернулись в Халиско, чрезмерно восхваляя богатства новооткрытой земли.

Вторая неудача нисколько не охладила Кортеса. Прежний свой план он изменил лишь в том смысле, что решил сам пойти на поиски великих новых земель, которые, по его убеждению, должны были находиться в Южном море. Для этой экспедиции он назначил три корабля, только что отстроенных в Техуантепеке.

Весть о том, что собирается сам Кортес, мгновенно привлекла множество народа — все были заранее уверены в удаче; вскоре набралось 320 человек, среди которых было лишь 30 семейных. Снаряжение закончилось быстро, и без особых приключений дошли до острова Санта-Крус. Отсюда Кортес послал суда обратно за колонистами и их женами; но исход был печален: два судна разбились, и лишь одно вернулось в Санта-Крус, где настала тяжкая нужда. Съестные припасы истощились, туземцы не имели ни маиса, ни овощей, а промышляли лишь рыболовством да сбором диких растений. Начались болезни, и многие поумирали. Но Кортес все же, движимый человеколюбием, отправился на поиски пропавших двух кораблей. После долгих поисков их, наконец, нашли, в отчаянном положении — на мелях и острых рифах; тем не менее, их удалось снять и счастливо привести в Санта-Крус со всем грузом, особенно съестными припасами. Оставшиеся на острове набросились на сытную еду с таким остервенением, что сразу захворали, а многие и померли. Избегая этого печального зрелища, Кортес вновь пустился по морю, причем открыл побережье Калифорнии. Но тут он захворал; вернуться же в Новую Испанию ни за что не соглашался, так как опасался насмешек и издевательств в виду безрезультатности экспедиции.

Между тем, супруга Кортеса пребывала в великой заботе, тем более, что прослышала, будто один из кораблей погиб около Халиско. Она снарядила два корабля на поиски, послав с ними трогательное письмо, зовя вернуться к семье, ибо геройских дел и без того совершено было достаточно. Подобное же письмо присовокупил и вице-

король Мендоса. Письма подействовали: Кортес передал команду Франсиско де Улуа, а сам устремился домой, в Каунауак, к донье Хуане. Радость домашних трудно описать, но довольны были также вице-король и вообще все население Мексики: опасались, что при отсутствии Кортеса все касики могут поднять восстание.

Наконец, через несколько месяцев Кортес послал еще одну, четвертую, флотилию. Семь месяцев носилась она по морю, но вернулась ни с чем.

На все эти морские предприятия Кортес потратил из собственного кармана более 300 000 пезо. Вполне понятно его желание, чтобы король возместил хотя бы часть этих издержек.

Альварадо еще в 1537 г. построил в Гватемале, где он был наместником, на самом западном краю Нового Света, в Гавани Акахатла, большой флот из 13 кораблей. Целью было: найти путь в Китай. На это предприятие Альварадо потратил почти все свое достояние, все те громадные богатства, какие он вывез из Перу. [46] Но вице-король, узнав об этом и предвидя успех, непременно захотел участвовать в деле. Альварадо согласился, и в 1538 г. прибыл в Мексику, чтоб совместно с вице-королем избрать начальника экспедиции, так как сам он не мог оставить Гватемалы в виду сильного брожения.

Вот тут-то и случилось восстание в Халиско. Альварадо поспешил на помощь весьма во-время, так как кучка испанцев была близка к истощению. Неприятель отпрянул, но продолжал отбиваться в горах; Альварадо наступал. И случилось так, что на горной тропе лошадь одного из солдат оступилась, затем опрокинулась и так сильно подмяла Альварадо, что он впал в беспамятство. Его уложили в носилки; он несколько раз приходил в себя, но вскоре умер, так как не было настоящего ухода и покоя.

Так скончался один из виднейших наших товарищей, подлинный конкистадор «первого призыва». Многочисленная его семья горько плакала; больше всего убивалась его жена, донья Беатрис де ла Куева. Все мы, старые его товарищи, старались ее утешить, но напрасно. И вот, неисповедимым образом случилось, что и она вскоре покинула сию юдоль печали при необычных совершенно условиях.

Именно. Соседний с Гватемалой вулкан, бушевавший уже трое суток, изрыгнул такой поток лавы, камней и кипящей воды, что по пути вырывались столетние деревья и пробивались самые толстые стены. Все смешалось, никто не знал, что делает сосед, отец не смел помочь сыну. Было это 11 сентября 1541 г., в воскресенье, под вечер. Почти половина Гватемалы погибла; разрушен был и дом, где жила вдова Альварадо. Она с дочерьми и прислужницами спаслась в крепкую часовню, но ворвался горячий вал и всех истребил; спаслись лишь дочь и две служанки: их вытащили из-под развалин со слабыми признаками жизни. Дочь эта и осталась единственным отпрыском Альварадо, ибо сыновья тоже умерли в молодости.

Что же касается большого флота, то его участь была плачевна. Экипаж почти весь разбрелся, узнав о гибели Альварадо. Лишь через год с лишком вице-король куда-то послал несколько кораблей. Что

они сделали — не знаю; знаю лишь, что никогда никто не думал вернуть семье Альварадо хотя бы малую часть громадных его затрат

4. Приключения Ульриха Шмиделя в Новом свете (1534—1554 гг.).

Записки Шмиделя, баварского немца из Анторфа, т. е. глубоко континентального человека, проведшего, однако, целых 20 лет в морских скитаниях, — заметки типичного ландскнехта, наемника-солдата, с узким горизонтом, передающего, тем не менее, достоверные и неприкрашенные сообщения. Ясно видно, как колониальная (не говоря уже о колонизационной) политика быстро и окончательно выродилась: идет откровенная охота на рабов и всегда опасная, порой лишь прибыльная, погоня за золотом.

Богатые Вельзеры, выхлопотавшие себе патент на всю почти теперешнюю Бразилию, отряжают небольшие экспедиции для отыскания пресловутого сказочного «Эльдорадо» — страны, «родящей золото». По тому же пути идет испанский король, получающий, взамен «годичного провианта», всю ожидаемую «добычу», будь то в людях, будь то в ценностях.

Записки Шмиделя, написанные отрывочно, порой коряво, прекрасно вводят в этот мир преступности и отваги. Люди, свои и чужие, валятся, как мухи; убыль пополняется быстро; идут часто без плана, почти без смысла, и все же делают ряд крупных открытий, пересекают, напр., всю Южную Америку дважды. Автор пишет без всяких прикрас, называя вещи своими подлинными именами; стычки и грабежи проходят в утомительном однообразии, и ясно заметно, как молодой пришлец все больше черствеет и ожесточается, представляя классический пример обезволенного колониального наемника.

Перевод сделан по нюрнбергскому изданию Hulsius'a, 1599 г.

1. . При городе Кадис [47] стояло 14 больших кораблей с богатой амуницией и полным снаряжением, которые должны были отправиться в Индию, [48] в Рио-де-ла-Плата. Находилось на них 2 500 испанцев и около 150 немцев, голландцев и саксонцев; главный командир был дон Педро Мендоза. Один из этих 14 кораблей принадлежал господину Севастьяну Нейдгарту и господину Якову Вельзеру из Нюрнберга, которые посылали своего фактора Генриха Пейма торговых дел ради в Рио-де-ла-Плата. С ним поехал и я, а также другие немцы и голландцы, всего около 80 человек...

7. Построили мы здесь город, назвав его Буэнос-Айрес... И привезли мы на наших 14 кораблях целых 74 коня из Испании. И жил тут индийский народец Carendies, всего тысячи три; нагие, без оседлости, вроде наших цыган... В течение 14 дней кормили нас от бедности своей — рыбами и мясом, но однажды пропустили целый день, за что и послал к ним дон Педро Мендоза судью с двумя солдатами. Но те вели себя так, что всех трех сильно побили. И когда они вернулись в лагерь и пожаловались, дон Педро Мендоза послал своего родного брата, Диэго, с 300 ландскнехтами и 30 всадниками, — а среди них был и я, — чтоб вышеуказанных индейцев всех либо перебить, либо полонить. Но их оказалось уже под 4 000, ибо они призвали и своих сородичей.

8. [Победу одержали, но с большими потерями, никого не взяли в плен и никаких припасов не нашли.] ... И вот стали нам давать по 6 лотов муки в день, да на третий день по рыбе...

9. В лагере поделили нас всех на рабочую и военную часть, смотря по уменью. И стали мы строить город со стеной вокруг, а внутри его крепкий замок для нашего капитана. Но не спорилась постройка: сегодня построишь, а завтра все заваливается. Очень уж народ отощал от голода и нищеты; ведь ели мы не только крыс, мышей, змей, но и голенища и прочую кожу

10. Видя, что на месте нам не сдобровать, капитан наш, дон Педро Мендоза, велел снарядить 4 небольших весельных судна, так называемые бригантины, человек на 40, и 3 еще более мелких, чтоб подняться вверх по реке Паране, найти индейцев и взять у них провианту. Но индейцы все это узнали и устроили нам величайшую пакость (konnten keine andere grössere Ruberey thun), а именно — бежали, сжигая и уничтожая свои поселения, а добро увозя, чтоб не досталось нам еды... И вот стали мы получать в день не более 3 лотов муки, и добрая половина всей экспедиции умерла с голоду. Посему мы [после 5 месяцев] и вернулись, к великому изумлению и негодованию дона Педро Мендоза...

11. Так прошел еще месяц, полный бедствий, в Буэнос-Айресе. А затем пришли индейцы с великой силой, человек под 23000, чтоб всех нас перебить и уничтожить... Но, к счастью, урон наш не превысил 30 человек... Зато город наш, весь крытый соломой, спалили до тла, кроме замка капитана, крытого черепицей... Подожгли и сожгли они также 4 корабля...

12. Сдал тогда дон Педро Мендоза командование Иоанну Эйолас, и, когда тот устроил смотр, оказалось: из 2500 человек налицо было лишь 560; все остальные погибли, больше всего от голода. Затем новый наш капитан велел снарядить 8 бригантин и отрядил на них 400 человек, среди которых был и прежний наш капитан, дон Педро Мендоза; а остальные 160 остались при кораблях с провиантом на год, считая по 8 лотов хлеба денной порции.

21. [Крупное поражение большого племени «Carios».] .Затем мы, христиане, подступили к их городу, а те защищались отчаянно, целых три дня. Но затем, не имея возможности спасти жен и детей, они запросили пардону и обещали полное нам послушание... И дали они нам пищу и жен — каждому по две, а капитану Эйолас целых 6 — и был установлен мир между ними и нами.

22. Приказали мы им также построить для нас большой крепкий дом, чтоб было где христианам защищаться... И было это в 1539 г., и назвали мы это место Ассумпчион... И обязали мы их помогать нам людьми, до 8000 человек... И с такими силами капитан наш направился против народа «Aygais»... сжигали мы все их поселки, уничтожали все их, числом до 500, лодки (canaen). И лишь на четвертый месяц запросили они мира, и наш капитан должен был помиловать (begnaden) их, ибо был особый приказ его императорского величества, чтобы индейцев т р и ж д ы миловали и тогда только превращали в пленников и рабов [49] на всю жизнь.

23. ...Еще 6 месяцев сидели мы тихо в Ассултчион, а затем капитан Эйолас решил расправиться с племенем «Paiembos»... «Carios» должны были снарядить и запровиантировать 5 каравел... [«Paiembos»

подчинились, и капитан Эйолас задумал отправиться к «Caracarais», где по слухам было много золота и серебра]... «Paiembos» должны были выставить 300 человек носильщиков, а нас, 50 человек, капитан Эйолас оставил при двух кораблях, остальные три он тут же разрушил, с наказом: ждать его четыре месяца, а затем уходить в Ассумпчион... Но это мы сделали лишь после 6 месяцев, когда окончательно иссякли все наши средства. Узнали мы потом, что капитан Эйолас и весь его отряд погибли до единого в дремучих лесах, и пришлось выбрать другого капитана, Мартина Доминика Эйолас...

38... А когда мы вернулись опять к Scherues, почти половина отряда была насмерть больна; ведь целых 30 дней напролет мы шли по трясине и воде..., и эту же гнилую воду пили... И все же при этой экспедиции (reiss) на каждого из нас пришлось не менее 200 дукатов: настолько мы либо навоевали, либо тайно наменяли, получая за ножи, бусы, зеркальца и пр. серебро, индейские плащи и т. п.

39.. «Surukuses» сперва вышли к нам мирно, но затем начался шум, а там и бой... Многих из них мы побили, а кроме того, словили (fiengen) до 2 000 мужчин, женщин, мальчиков и девочек, и отняли у них все их добро, как всегда бывает в таких случаях (wie es denn in solchen fellen pflegt zu zugehen). Вернулись мы к капитану, и был он изрядно доволен (gar wol zufrieden)...

45.. И нашли мы всех «Maipas» в лесу, мужчин, женщин и детей. Не ожидали они нас, и многих мы перебили. А в плен взяли более 3 000; будь это днем, ни один бы не убежал от нас. Я на свой пай получил от этой битвы 19 человек мужчин и женщин, не старых...

49... И были мы полтора года в этой экспедиции и все время воевали; а завоевали мы для себя около 12 000 человек, которые отныне должны были быть нашими рабами (Sclauen); и я на свой пай получил до 50 человек...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Теперь Белем, предместье Лиссабона.

[2] Официальной целью экспедиции считалось — найти «восточных христиан» и помочь им; христиане эти, по тогдашним представлениям, должны были быть не то в «индийской» (не реальной) Абиссинии (страна пресвитера Иоанна), не то в самой Индии. Официальная и деловая (арабские купцы) Индия прекрасно была осведомлена об этом искомом мифе и много раз использовала его против экспедиции Гамы, вводя его и его спутников в массу заблуждений.

[3] Берег Мозамбик.

[4] Арабами.

[5] Повидимому, «султан».

[6] Предосторожность не лишняя, так как дальше рассказано, как в гавани их хотели навести на рифы, да и во время стоянки на рейде было несколько попыток внезапных нападений.

[7] На 8 апреля этого года падало вербное воскресенье.

[8] Дело происходит уже в городе Мелинде.

[9] В Индии, на Малабарском побережьи; не смешивать с Калькуттой.

[10] Король португальский, готовя экспедицию вокруг Африки, послал на восток через Средиземное море ряд лазутчиков; из них один, Педро де Ковильгам, еще в 1487 г. побывал на Малабарском побережьи.

*

[11] Т. е. державы, наиболее до того заинтересованные в торговле с Востоком (по старому пути, через Египет).

[12] В полной фантастичности этого предположения убедился потом и автор, но не следует забывать, что он делает записи непосредственные, без позднейшей переработки. К событиям этого же времени относится и детальное описание (гл. XL) главного «собора» Каликута, посещенного Гамой и его спутниками (среди них и автор), где даже «чудной» вид образов («пятирукие святые», «святые с громадной разинутой пастью и клыками вместо зубов» и пр.) и всего прочего обихода (напр., «священников», т. е. браминов) не мог пока рассеять навязчивой идеи об «индийском христианстве».

[13] Испорченное арабское «тамбул» = бетель.

[14] Арабов («арабы из Мекки», как часто определяет автор), которые не могли не видеть в Гаме самого нежелательного конкурента.

[15] Туземное население автор все время противопоставляет пришлым арабам-торгашам, как эксплоатируемых эксплоататорам.

[16] Был ряд столкновений, интриг, даже прямых нападений.

[17] Знаменитая глава — первый опыт экономико-географического описания, толкового и точного, без всяких сказочных примесей.

[18] Цейлон.

[19] Малакка; но гвоздика не местного производства, а привозная с далеких (не менее 2 месяцев пути) Молукк; быть может сходство обоих названий и спутало несколько автора.

[20] Джидда, гавань Мекки.

[21] Египетскому.

Суец.

[23] Золотая монета, приблизительно в 5 руб. 25 коп. (поправку на покупательную силу золота для конца XV в. необходимо считать 1 : 9).

[24] Типичная средневековая географическая неразбериха, которой великие открытия конца XV в. положили скорый и решительный предел; о мифическом «пресвитере Иоанне» см. выше.

[25] Розетта на западном устье Нила.

[26] На восточном побережьи Африки, много севернее Мелинды.

[27] Обычный знак овладения землей.

[28] Четвертый, с провиантом, был сожжен еще по пути в Индию.

[29] Счет по страницам редчайшего иллюстрированного издания (репродукция в факсимиле дана F. Schulze, 1902 г.) 1509 г.

[30] Городок в Тироле.

[31] Килва на восточном берегу Африки—«zwischen Safalij (Софала) und Munsibick (Мозамбиком)», по определению Шпренгера.

[32] Шпренгер не оговаривает, что «ломбардцы входили» в общую компанию с немцами.

[33] Малое количество объясняется не уроном. Майр (как и Шпренгер) забыл указать, что еще 5 мая Альмейда разделил весь флот на две эскадры в виду неодинаковой быстроходности кораблей.

[34] Арабский термин для большой открытой лодки.

[35] Восточном Африка, на Сомалийском берегу.

[36] На Малабарском берегу.

[37] Т. е. адмирал Альмейда, по вступлении на почву Индии превратившийся в «вице-короля».

[38] С Каликутом у португальцев шла в это время (уже с 1502 г.) непрекращающаяся борьба.

[39] Итак, в течение нескольких лет португальцы сумели переместить всю торговлю перцем из Каликута в подвластный им и послушный Кочин.

Чиновников, дворян.

[41] Название, данное Кортесу мексиканцами.

[42] Наследник Мотекусумы.

[43] Трагический отход Кортеса из Мексики, погубивший почти все его войско.

[44] Т. е. в юго-восточную Азию и Полинезию. Искание «Прохода», т. е. сплошного морского пути из Европы в Азию, в обход уже найденному португальцами пути вокруг Африки, было основной задачей XVI в. Его искали и в Центральной Америке, и на юге (замечательное первое кругосветное путешествие Магел-

ча), и на севере американского материка; пытались его найти даже на севере ропы, по Ледовитому океану, с чем отчасти связано проникновение англичан лое море при Грозном.

[45] Так назывались громадные поместья, отданные отдельным конкистадорам.

[46] Имеется в виду сухопутный поход Альварадо в Перу в 1534 г., когда он, несмотря на ужасающий урон, перевалил чрез Кордильеры и дошел до Квито.

[47] Крупная гавань в Испании.

[48] Т. е. Вест-Индию, как тогда именовался весь материк Америки.

[49] Рабы с выжженной буквой G («guerra» — «война», «мятеж»); конкистадоры и здесь, как и в других местах Америки, без конца злоупотребляли этим «правом» клеймить и закабаливать «рецидивистов».

М. П. ЛЕСНИКОВ.

РАННИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ XV И XVI ВВ.

I. ПАДЕНИЕ ЛЕВАНТИЙСКОЙ ТОРГОВЛИ. ДЖИРОЛАМО ПРИУЛИ И ЕГО ДНЕВНИК.

Несколькими страницами из дневника венецианского купца и банкира XV-XVI вв., Джироламо Приули, мы начинаем нашу серию отрывков из источников по истории раннего ново-европейского капитализма. Приули родился в 1476 г., умер в 1547 г. Он происходил из богатой купеческой семьи. Молодым человеком он прожил 5 лет (1493 — 1498 гг.) по торговым делам в Лондоне и вернулся оттуда большим англофилом. Через 10 лет (1507 г.) он открывает банкирскую контору и, горько жалуясь на свою судьбу и проклиная свою профессию,[1] ведет это дело до 1513 г., когда его, наконец, постигает банкротство, которого он так все время боялся. Ему удалось все же спасти кое-какие деньги. Последние 30 лет своей жизни он не занимался ни делами, ни политикой. С 1494 г. по 1512 г. он изо дня в день вел дневник. Рукопись его записок составляет восемь томов. Он записывал второпях, под живым впечатлением событий, шероховатым стилем, с варваризмами и грамматическими ошибками. Он на самом себе испытал тяжесть кризиса, пережитого Венецией в конце XV и в начале XVI в., падение венецианской торговли и развал ее государственных финансов. Его собственное разорение было вызвано в значительной мере государственными принудительными займами. Его записки проникнуты осторожностью, скепсисом и пессимизмом. Он больше пессимист, чем многие из его современников, и это надо учитывать при знакомстве с его оценками событий.

Дневник Приули охватывает как раз так называемую «эпоху великих открытий», и Приули много говорит о них. Ценна ли эта сторона его диариев? Правда, он стоит в некотором отдалении от места событий, Лиссабона, Севильи, Мадрида, но это не беда, его положение даже выгоднее: оно центральное. Венеция славилась своей осведомленностью, она средоточие новостей. «Нет ни одной новости на свете, — пишет Приули, — среди известных народов, которая через соответственный промежуток времени не стала бы известна в Венеции. Нет также ни одного плана, мероприятия или происшествия в войне или мире, имевших место в Италии или во всем христианском мире, которые немедленно не были бы сообщены в Венецию ее послами и не подверглись бы обсуждению венецианскими патрициями и сенаторами».

Эти стекающиеся отовсюду новости и передает Приули, но не этим ценен его дневник. Ведь тут он черпает из вторых и третьих рук, и нового для нас, чего мы не могли бы узнать из других источников, и именно из первоисточников самого Приули, он почти не сообщает. Его записки важны другой стороной: они рисуют нам, как отражаются на Венеции эти события, как реагирует на них венецианская буржуазия. Дневник Приули — это скорбный лист неизлечимой и смертельной болезни большого, «мирового», города. Для характеристики процесса умирания Венеции, который, в свою очередь, — лишь одна из сторон политического и экономического падения всего Средиземья, юга и юго-востока Европы, если не вызванного первоначально, то чрезвычайно ускоренного и усиленного открытием американского, главным же образом азиатского, Нового Света, пути в Индию, — для характеристики этого процесса дневник Приули очень ценен. Тут он стоял, действительно, в самом фокусе событий.

Приули не застал «начала конца», признаки которого можно отметить уже в начале XV в., в момент наибольшего блеска и могущества венецианской республики.

Чем, собственно, являлась для западной Европы Венеция в XV в., каково конкретное содержание жалоб и намеков Приули?

Венецианская морская империя была создана в начале XIII в. Иначе, как венецианской империей, конгломератом эксплоатируемых из одного центра и интересам капитала этого центра подчиненных областей, нельзя назвать то, что создала себе Венеция на развалинах сокрушенной четвертым крестовым походом Византийской империи: зависимое от капитала метрополии государство — Латинскую империю, подчинение своей власти, с последующей затем торгово-феодальной колонизацией, юга Балканского полуострова и ряда важнейших островов восточного Средиземья, господство над морскими путями, непосредственный захват или, по крайней мере, создание себе прочного положения в важнейших опорных пунктах на длинной извилистой линии побережья Средиземья от устья Нила до устья Дона, всюду, где открывались к морю пути, ведущие в глубь Азии: в Тане, Трапезунде, Константинополе, Бейруте, Александрии. Обеспечить себе подход к этим головным пунктам великих путей, связать их с метрополией регулярными рейсами военно-торговых эскадр (muduae), захватить и довести до Венеции текущие из Азии потоки восточных товаров и, наоборот, по возможности оттеснить и не подпускать к этим устьям пряных и шелковых ручьев своих торговых соперников — вот задача венецианской политики. Венеция готова была буквально отгородить Европу от Востока.

Конец XIV в. и XV в. являются временем постепенного отмирания этих путей. Раньше всех замер самый северный путь — от Таны в устье Дона до Китая, по которому китайский и персидский шелк и индийские пряности притекали к Азовскому морю.

Начиная с конца XIV в., как сама Тана, так и другие города к востоку — опорные пункты пути — систематически разрушаются и разграбляются татарами.

Взятие Константинополя турками в 1453 г. обрекало на гибель

черноморские пути. Несмотря на все дипломатическое искусство Венеции, поддерживать связь с Черноморьем через проливы, ставшие турецкими, оказывалось почти невозможным.

Совершенно теряет свое торговое значение и разоренный до тла Константинополь в руках турок. Воинственные османы своими постоянными войнами на востоке уничтожили индо-малоазиатскую сухопутную торговлю, конечным и главным пунктом которой был Константинополь. Турецкое нашествие создало угрозу и южным морским путям на восток через Сирию и Египет, и эта туго натянутая единственная нить, связывавшая Венецию с Востоком, готова была ежеминутно оборваться.

Португальские открытия не оборвали этой связи: путь оставался свободен, но он потерял свой смысл и значение. Удар, нанесенный Венеции португальскими открытиями, был особенно тяжел не столько потому, что на европейских рынках появились новые, непобедимые, благодаря своим низким ценам, конкуренты, сколько потому, что Венеция лишилась самой возможности конкурировать, у нее совершенно отнимался самый товар. Португальцы в Индийском океане сразу повели энергичную наступательную политику. Они не довольствуются конкуренцией с арабскими купцами на Малабарских рынках пряностей, они стремятся перервать их подвоз из Индии в Египет, захватить в свои руки господство над азиатским участком индо-европейского морского пути. Отсюда их попытки укрепиться у входа в Красное море и Персидский залив. Поток пряностей, притекавший к берегам Средиземья, был перехвачен у самых истоков и отведен в другое русло, и венецианской дипломатии не удалось разрушить эту плотину, несмотря на все ее усилия. В 1502 г. в Венеции была учреждена особая «комиссия по приумножению пряностей» из высших сановников и с весьма большими полномочиями. Она не достигла никаких результатов.

Естественный союзник Венеции против португальцев, Египет, оказался и слишком несговорчивым и слишком слабым. Ведь португальцы наносили прямой удар арабам, но в своей поразительной близорукости правительство разваливающегося египетского государства мамелюков реагировало на это лишь притеснениями европейцев и, в первую очередь, тех же венецианцев. Только несколько лет спустя Египет пытается начать борьбу с истинными виновниками беды, отсюда бесплодные дипломатические посольства к папе (Египет хотел направить против своих врагов на собственном опыте изведанное папское оружие — запрещение вести торговлю с неверными) и к индийским правителям. Отсюда военно-морские выступления, окончившиеся полным разгромом египетского флота португальскими эскадрами (битва при Диу, февраль 1509 г.). Отсюда и технические утопии постройки флота в Средиземном море с перевозкой его в разобранном виде через Суэцкий перешеек в Красное море. В Венеции в 1502 — 1504 гг. серьёзно даже обсуждались планы прорытия Суэцкого перешейка. Надо сказать, что Венеция вяло поддерживала своего восточного союзника, хотя ведь именно Египет держал в своих руках как свою судьбу, так и судьбу лагунной республики.

Переговоры Венеции с Португалией были также неудачны. Португальцы решительно не позволяли венецианским кораблям принять участие в индийских экспедициях: слишком опасен был соперник, чтоб его можно было пустить в Индию. Венецианская система обращения со своими сухопутными клиентами (в Венеции немцев в море на Восток также не пускали), таким образом, была применена теперь к ней самой. Венеции не удалось также стать посредницей в торговле пряностями между португальской короной и европейскими потребителями.

Равноправное же с другими нациями положение в Лиссабоне было бы для Венеции равносильно полной капитуляции, отказу от своей морской гегемонии и не могло бы дать никаких экономических выгод.

Действительно ли столь трагично было положение Венеции? Очень многие видные венецианские дипломаты и даже — это особенно характерно — некоторые португальские государственные деятели не верили в будущее этих экспедиций в Индию. Полагали также, что Португалия не сможет покрыть всего европейского спроса. Последнее отчасти оказалось верным, но все же дальновиднее всех оказался наш, безнадежно смотрящий на будущее, молодой венецианский банкир.

Из дневника Джироламо Приули.

1501 г. Июль. 24-го числа пришли письма из Португалии от посланника венецианской Сеньории, отправленного туда для того, чтобы тщательно разузнать правду о путешествии в Индию, [2] затеянном португальским королем..., так как это предприятие имеет для венецианского государства больше значения, нежели война с турками и всякая другая война, какая бы ни случилась. Посланник этот пишет от 6 июня следующее:

«Светлейший государь и пр.

Король Португалии отправил корабли в Индию, которые в настоящее время вернулись, но из 13 кораблей 7 погибло в пути. Пока прибыл лишь один корабль в 300 тонн, остальные, по словам прибывших, находятся недалеко... корабль этот принадлежит флорентинцу Бартоломео Маркионе, равно как и груз, который состоит из 300 приблизительно кантаров [3] перца, 120 кантаров корицы, от 50 до 60 кантаров камеди (laccha), 15 кантаров росного ладана (benzin); гвоздики (garofali) не привезли, так как мавры ее всю забрали, также и имбиря, так как его нет там, где португальцы принимали груз, но он родится в Каликуте [4] (Cholocut). Дешевых пряностей они не привезли вовсе...» До сих пор — письмо, написанное венецианскому сенату лицом, заслуживающим доверия; однако я предоставляю мудрому читателю судить о нем, как ему угодно, ибо в этом письме заключаются вещи крайне удивительные для нашего времени, прямо-таки невероятные... но со временем истина выяснится лучше. Сообщают, что как сам король, так и другие купцы отправили с этими кораблями в это путешествие в Индию кораллов и всяких тканей на сумму до 60 000 дукатов. Но какая от этого будет прибыль — судить невозможно, так как все пря-

ности были привезены в Португалию. Правда, погибло 7 кораблей, но остальные 6 привезли столько товаров [5] и на такую сумму денег, что даже трудно оценить... И если это путешествие повторится, а это, как мне кажется, легко может случиться, король Португалии сможет называться королем денег (il Re di li danari), так как все съедутся в его страну, чтобы купить пряности, а деньги останутся в Португалии вместе со всей той прибылью, которая будет получаться каждый год от такого путешествия. Когда пришло в Венецию это известие, оно вызвало большую досаду во всем городе, каждый был поражен, что в наше время найден путь, о котором никогда ни в древние времена, ни при наших предках не слышали и не ведали. И сенаторы признали, что эта весть — худшее, что венецианская республика когда-либо могла получить, кроме разве потери самой свободы: и войны и труды, которые сейчас или в иное время могли бы случиться, имеют чрезвычайно мало значения по сравнению с этим известием. И это потому, что нет никакого сомнения, что венецианское государство достигло такой известности и славы только благодаря морю, непрерывной торговле и плаваниям, которые производятся тут, и ежегодным рейсам, с которыми каждый год венецианцы на своих галерах и кораблях привозят большое количество специй; с прекращением всего этого можно ожидать всего наихудшего. И все с деньгами съезжались в Венецию покупать пряности и другие товары и привозили также свои товары. Отсюда—от пребывания иностранцев, от покупки и продажи и от постоянной, каждый год и во всякое время, торговли венецианское государство достигло того блеска, в котором оно сейчас стоит, и это только торговыми экспедициями и морской торговлей... Теперь же, когда найден этот новый путь из Португалии, португальский король будет свозить все пряности в Лиссабон, и, несомненно, венгерцы, немцы, фландрцы, французы и все загорные народы (ultramontani), которые приезжали в Венецию закупать пряности, теперь обратятся в Лиссабон, который ближе ко всем этим странам, и туда легче довезти, и там они все будут иметь дешевле, а это важнее всего. И это потому, что пряности, прибывающие в Венецию, проходят через всю Сирию и через все страны султана и повсюду платят огромнейшие поборы (angarie grandissimi) и, равным образом, в Венеции платят невыносимые пошлины. Вследствие этого при провозе через страну султана в Венецию расходы так велики, что то, что стоило один дукат, возрастает в цене до 60 и даже до 100 дукатов. Король же Португалии, найдя путь с другой, обратной, стороны, несет лишь расходы на каравеллы, что составляет очень немного по сравнению с вышеуказанными тратами, и поэтому он может продавать пряности гораздо дешевле венецианских купцов. Далее, если он захочет везти товар во Фландрию, Венгрию, Англию, Францию и в другие места, то будет стоить дешевле доставить их из Португалии и вывезти их из Лиссабона, нежели из Венеции. Отсюда я заключаю, что если это путешествие из Лиссабона в Каликут установится так, как оно началось, то венецианским галерам и венецианским купцам не будет хватать пряностей, а если иссякнет эта торговля в Венеции, то можно считать это все равно, что иссякли пища и молоко для младенца. И я вижу ясно разорение венецианского госу-

дарства, ибо, если не будет торговли, не будет и денег, от которых произошли и слава, и известность Венеции. — Многие полагали еще, что это — неверное известие, другие говорили, что король Португалии не сможет продолжать эти экспедиции в Каликут, так как ведь из 13 каравелл, отправленных в Индию, вернулись невредимыми только 6, и что отсюда будет больше убытка, чем пользы; не найдется также людей, желающих отправиться туда, рискуя жизнью. Другие подбодряли себя, говоря, что государь-султан [6] примет меры против этого, так как если пряности не будут привозиться в Сирию и в Александрию, то он потеряет большой доход, который он отсюда извлекал ... Другие также говорили в свою пользу, как это обычно бывает в больших городах, где изворотливые люди всегда найдут, что сказать в защиту своих соображений, и всякий мало склонен признать, что приносит ему ущерб.

Одно только — и самое важное: от этого известия пряности всех сортов сильно упали в цене в Венеции, так как обычные покупатели, услышав эту новость, стали очень сдержанны в покупках. Я прошу читателя извинить меня, что написал все это вперемежку (confuso) и нескладно: это вещь новая и огромного значения для нашей родины. Она слишком взволновала меня, и я несколько увлекся пером, больше, нежели это подобает. *(«Archivio Veneto», v. XXII, p. 161».)*

1501 года, августа 23 числа, ушли три большие галеры в плавание во Фландрию ... они взяли с собой около 150 мешков пряностей, а именно: 33 мешка перца, 100 имбиря (zenzeri beledi), 12 гвоздики и других сортов до вышеуказанного количества ... Венецианские купцы полагали, что пряности, прибывшие в Лиссабон, должны уйти во Фландрию и что цены повсюду на западе должны упасть при этом известии. Вот почему с этой флотилией было отправлено значительно меньше пряностей, нежели обычно.

1501 г., сентябрь. В тот же самый день [19 сентября 1501 г.] в письмах, пришедших из Брюгге и Антверпена, сообщалось, что туда прибыли из Португалии две каравеллы с пряностями, привезенными из Каликута, и что началась уже продажа их. Перец несколько зелен и мелок, однако хорошего качества; корица довольно крупна. Раньше все эти пряности покупались в Венеции и отвозились во Фландрию, теперь же они привозятся из Португалии, и по такому началу можно уже предвидеть все то зло, которое получит венецианское государство от этого пути, найденного португальским королем. *(Там же, стр. 164.)*

1501 г., сентябрь. В письмах из Александрии от 4 сентября сообщается, что в Каликуте корабли (zerme) мавров были потоплены португальцами, и это известие совпадает с известием из Португалии, из чего можно вывести, что сообщение о португальских каравеллах в Каликуте вполне соответствует истине. В Александрии поэтому ко времени прихода венецианских галер (mudue) [7] не будет пряностей. При этом известии перец в Венеции поднялся за 4 дня с 75 дукатов [8] до 95 дукатов за карику [3] (charigo); имбирь с $10^1/_2$ до 13 дукатов за сотню [фунтов]; [3] гвоздика с 10 гроссо до 13 гроссо за фунт; и на остальные пряности цены страшно взлетели. Султан, получивши это известие о потоплении своих судов, отправил посла государю Кали-

кута с просьбой не принимать больше португальские каравеллы. Подождем последствий. *(Там же, стр. 164—165.)*

1502 г., февраль. На этих днях прибыли в Венецию галеры из Бейрута [7] и привезли с собой только 700 мешков пряностей мелкого разбора; в том числе перца всего 4 мешка; обстоятельство, за много лет поистине невиданное и неслыханное, чтобы галеры имели бы так мало груза. Теперь-то уж можно оценить и признать, какой великий вред нанесли португальские каравеллы. Они забрали все пряности в Индии, которые не привозятся поэтому в Сирию. И с каждым днем все будет хуже и хуже, если эти каравеллы будут повторять это путешествие и будут собирать все пряности и ничего не будет привозиться в Сирию. Перец расценивался в Венеции по 100 дукатов за карику [3] (cargo), имбирь — 12 дукатов за сотню [3] (cento) [фунтов]; гвоздика по 14 гроссо за фунт, корица по 35 дукатов за сотню (cento) [фунтов]. Остальные товары стояли в обычной цене и с ними было мало сделок, и это потому, что начали отсутствовать купцы из Германии, которые раньше обычно съезжались в Венецию покупать пряности, а теперь за покупками стали отправляться в другие места — в Португалию, в Лиссабон, где цены были гораздо ниже. *(Там же, стр. 165.)*

1502 г., декабрь. Письма из Валенции, Генуи, Лиона, Брюгге и из других мест единогласно сообщают о прибытии 4 каравелл из Каликута, [9] которые находились в пути 28 месяцев. Их считали уже наверно погибшими, и в Венеции надеялись, что, если эти каравеллы погибли, то и все путешествие это должно расстроиться, так как не найдется людей, желающих его возобновить. Поэтому, когда была получена эта новость, все были очень удручены и недовольны, считая крайне дурной вестью, что это путешествие свершилось, а главное, что это путешествие в Индию может считаться очень легким. И все же было еще много лиц, которые потому лишь, что им самим не хотелось, чтобы это случилось, не хотели верить прибытию этих каравелл. Эта весть оказала влияние на [цены] на пряности, но не очень большое, и это потому, что на месте их было лишь очень мало, так что большого падения цен (dipretio) произойти не могло. Перец стоил по 90 [дукатов] за карику, имбирь — 11 дукатов за сотню фунтов (cento), гвоздика по $12^1/_2$ гроссо, орех по $5^1/_2$ гроссо за фунт. Остальные пряности в обычной цене. В городе не было и 1 000 карик перца. И об этих каравеллах сообщалось много различных подробностей: и что они были не в Каликуте, а в другом месте Индии, и что на них было привезено лишь очень мало пряностей. Но самое важное во всем этом, что они нашли путь. И вызывало опасения то обстоятельство, что 21 каравелла, отправившиеся в этом году на Пасхе, [10] должны вернуться нагруженные пряностями в очень большом количестве. По этой причине венецианские купцы не рисковали назначить рейс (mudua) [7] в Левант для закупки там товаров из страха и сомнения перед этими каравеллами, которые делали убыточной всякую иную экспедицию, ибо могли давать товар по самой низкой цене. *(Там же, стр. 166.)*

1503 г., август. Во время обычной немецкой ярмарки (fiera di lo tedeschi a Venezia) было очень мало дел, и это потому, что немцы не хотели покупать, а цены стояли очень высокие, и венецианские купцы

не хотели их спускать, так как в городе было очень мало пряностей: считали не больше 250 карик (cargi) перца, 200 мер (miera)[11] имбиря, 15 мер (miera), ореха [мускатного]; 15 мер (miera), гвоздики; на памяти людей никогда не было в городе такого недостатка в пряностях, и никогда нельзя было бы предполагать, что будет заключено так мало сделок. И это потому, что немцы не хотели покупать, так как опасались прибытия каравелл, и покупали лишь столько, сколько им действительно было нужно, и цена была сбита: перец по 80 дукатов за карику (cargo), имбирь по $9^1/_2$ дукатов за сотню (cento), гвоздика по $10^1/_4$ гроссо за фунт, орех по $4^1/_2$ гроссо за фунт. И эти цены были сделаны потому, что венецианские купцы очень хотели продать товар, ибо с часу на час ожидались галеры из Александрии, которые, полагали, привезут большое количество пряностей... но еще до закрытия ярмарки пришли письма из Александрии с известием о грузе на галерах оттуда. Оказалось всего только 1 040 мешков (colli) пряностей. Перец был заплачен по 105 дукатов за мешок, имбирь по 11 дукатов, и всего этого имелось в крайне малых количествах. При этом известии, так как пряностей было очень мало и заплачено за них очень дорого, венецианские купцы уперлись (infrixorono grandemente) и не хотели продавать больше. Немцы же не хотели покупать по более высокой цене, чем прежде, и потому ярмарка прошла очень вяло (cum pochissimo fare). Однако на ультимо в последние дни, 7-го и 8-го числа, немцы купили около 70 карик (cargi) перца, в среднем по 88 дукатов за карику, и имбиря по $10^1/_2$ — 11 дукатов за «меру» (miera), 7 000 фунтов ореха по 5 гроссо за фунт, 9 000 фунтов гвоздики по $10^1/_4$ — $10^1/_2$ гроссо за фунт. Каждый год на этой ярмарке забиралось большое количество пряностей, теперь же было их куплено очень мало. И все это от португальских каравелл, так как все питали страх перед ними и все время имели их в виду. Поистине это вновь найденное путешествие португальцев за пряностями в Индию нанесло больше вреда государству венецианскому, чем все прежние войны. *(Там же, стр. 167 — 168.)*

1504 г., февраль. 5-го числа прибыли в Венецию три галеры из Александрии. . Они пришли пустыми, без груза пряностей. Никогда еще ни на чьей памяти не было видано, чтобы галеры из плавания возвращались без груза пряностей.

Все пряности сильно поднялись в цене в Венеции: перец до 100 дукатов за карику (cargo), имбирь до 14 дукатов за сто фунтов (cento), орех до 6 гроссо за фунт, гвоздика до 14 гроссо за фунт. Они возросли бы еще выше, но немцы, в виду португальских каравелл,[12] колебались и боялись покупать (non haveano animo di comprare). Прибывшие из Александрии купцы говорили, что султан предпринимает решительные меры, чтобы добиться того, чтобы португальцев не принимали в Индии, в Каликуте. В Александрии говорили, что каравеллы не были приняты в Каликуте, а что пряности, которые они везут в Лиссабон, награблены с мавританских кораблей, но все это со слов мавров, которые не знали об этой экспедиции. *(Там же, стр. 173 — 174.)*

1504 г., март. Прибыли галеры из Бейрута, вернувшиеся из этого

плавания без единого мешка (colli) пряностей. Никогда не было видано, чтобы эскадра [7] (muda) галер вернулась из плавания без единого мешка пряностей. *(Там же, стр. 175.)*

1504 г., август. Король Португалии сообщил и все время сообщал венецианскому правительству (al dominio Veneto), что он готов заключить с ним всякое соглашение и давать (венецианцам) эти пряности, и что они должны за ними отправить свои галеры в Португалию. Однако сенаторы (li sapienti padri) хотели зрело обсудить этот столь важный вопрос. Они в особенности очень укрепились в мнении (molti indurati de opinione), что эти рейсы в Индию не могут постоянно продолжаться, [поэтому] они не хотели прекращать обычные, исстари установившиеся плавания в Сирию, чтобы предпринять другое путешествие, новое и не испытанное еще, и решили подождать, какие меры предпримет государь-султан, которому это наносило чрезвычайно большой вред, гораздо бóльший, — как и раньше выгода, — чем Венеции, хотя и интересы последней были очень затронуты. *(Там же, стр. 177 — 178.)*

1506 г., июнь. В письмах из Генуи, прибывших самым быстрым образом (volantissime), сообщалось, что в Лиссабон 24 мая прибыли каравеллы, груженные пряностями, вернувшиеся из путешествия в Индию, с грузом в 25 тысяч кантаров перца и сандала. [13] То же самое известие пришло и в письмах из Антверпена во Фландрии, посланных с величайшей поспешностью. В них подтверждалась эта новость, а кроме того, добавлялось, что в Лиссабон пришли 5 каравелл из Каликута с вышеуказанным грузом, за ними идут еще десять, которые скоро прибудут. Эта новость доставила всему городу большое огорчение, так как этим наносится большой ущерб (венецианскому) мореплаванию. И теперь все убедились, и всем стало ясно, что отныне это путешествие в Индию установилось, и что каждый год будут прибывать оттуда португальские каравеллы, венецианские же купцы не смогут плавать в Сирию, так как они не в состоянии будут закупать там пряностей, ибо все они будут, с другой стороны, скупаться в Индии португальцами. *(Там же, стр. 199 — 200.)*

1506 г., август. Мне кажется уместным для сведения (per intelligentia) наших потомков записать, какие и сколько пряностей было вывезено немцами из Венеции во время последней июльской ярмарки. Вывезено было крайне мало сравнительно с прошлыми годами, и все это по причине португальских каравелл.

С 1 июля 1506 г. до 8 августа было вывезено из Фондако:

Перца . . (Никогда не было видано, чтобы во время этой ярмарки не было бы продано ни одного фунта перца, и все это от португальских каравелл.)	фунтов	0
Имбиря		111 800
Гвоздики		5 721
Ореха .		7 192
Мускатного цвета		1 085
Хлопка .		22 200
Индиго		3 855
Камеди	„	3 542

Гвоздичных головок	фунтов	909
Галанги . . .		927
Цитварного семени		316
Ладана		1 146
Перца длинного		446
Ревеня		40
Шелка	„	700
Камлота . .	штук	594
Пряностей мелкого разбора	на	3 686 дукатов.

(Там же, стр. 203.)

1509 г., сентябрь. Перец стоил 52 дуката за карику (cargo), имбирь 25 дукатов за сотню (cento), гвоздика 32 гроссо за фунт. *(Там же, стр. 206.)*

1510 г., август. Из плавания в Александрию вернулись три галеры, которые привезли от 950 до 1 000 мешков пряностей, купленных по очень дорогой цене, в том числе всего только 160 мешков имбиря, — ничтожнейшее количество, — за который было заплачено по 45 местных дукатов [14] (ducati del paese) за кантар;[15] перца только 88 мешков (colli), — и это потому, что ни в Каире, ни в Александрии не было больше перца, и все было забрано португальцами в Индии. То же самое и относительно имбиря, что явилось большим разорением и несчастьем (jactura) для венецианского государства. За перец было уплачено по 120 дукатов александрийских за корзину [16] (sporta), это очень дорого; ореха куплено 60 мешков (colli) по цене 60 дукатов за кантар; гвоздики 160 мешков (colli) (в достаточном количестве, но все стебли), уплачено по 80 дукатов за кантар. Остальной груз до указанного количества составляли другие пряности и ладан. И хотя за пряности заплатили очень дорого, но считали, что и это хорошо, так как их было очень мало, особенно перца и имбиря. *(Там же, стр. 209 — 210.)*

1510 г., октябрь. В городе было заключено очень мало сделок сравнительно с тем, что обычно делалось. Имбирь стоил 32 дуката за сотню (cento) и продавался крайне плохо (mediocremente), с остальными сортами пряностей не было никаких дел (nula se faceva), и не находилось покупателей (не то), как обычно, когда на всякую вещь находились деньги. Перец стоил 65 дукатов за карику, орех [мускатный] $5^1/_2$ гроссо за фунт, гвоздика по $7^1/_2$ — 8 гроссо за фунт, и сбыт был ничтожен, не находилось покупателей. *(Там же, стр. 211.)*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] «Я веду дело, — писал он в феврале 1511 года, — полное забот и неприятностей и, сверх того, очень опасное, особенно в эти времена больших потрясений, нанесших огромный ущерб и разорение банкирам». — «При таком разорении государства, при такой крайней стесненности в деньгах в городе, я очень раскаиваюсь, что взялся за это дело в эти несчастные времена... Но кто когда-либо мог себе представить подобную беду и разорение Венеции... Я охотно развязался бы с этим делом, даже с потерей нескольких тысяч дукатов. Открывши этот банк, я стал слугою других, и я никогда не посоветую никому, имеющему приличное положение и состояние и собственный порядочный капитал, открыть банк и стать банкиром, ибо эта професеия опасна и очень тяжела. По старой пословице, конец всех банкиров — банкротство, и из всего виденного и испытанного я убежден, что иначе сделать почти невозможно (ноябрь 1509 г.)» — «Дай бог терпения. Я не могу больше. Моя несчастная судьба, несчастные времена и разорение венецианского государства, а не мои ошибки, будут причиной (печального конца)» (ноябрь 1510 г.).

«Дух капитализма» поистине мало был развит в Приули.

[2] Имеется в виду вторая экспедиция в Индию под командой Кабраля. Эскадра в 13 каравелл вышла из Лиссабона 9 марта 1500 г., вернулась 24 июня 1501 г.

[3] Кантар = 150 «больших» венецианских фунтов = 72 *кг*.

Флорентинец Пеголотти (первая половина XIV в.) в своем «Руководстве по ведению торговли» (Pratica della mercatura) сообщает следующие данные о венецианских единицах веса: «в Венеции пользуются фунтом двух родов, а именно: большим фунтом и малым фунтом. 100 больших фунтов равны 158 малым, а 400 малых фунтов составляют одну карику [carica — ласт, около 121 *кг*]. Венецианская большая тысяча равна 1 580 малым фунтам. В «малой тысяче» тысяча малых фунтов. В Венеции товары продаются и покупаются на большие и малые тысячи, на карики, на сотни (centinajo), на фунты, на марки, на «стайи» (stajo — мера), тюками (balla), локтями (braccia). Кариками продается только круглый перец (pepe tondo) [Piper nigrum — в отличие от имеющего гораздо меньшее торговое значение длинного перца — piper officinarum]. Сотнями (centinajo) малыми продается имбирь (giengiovo), корица (canella), камедь (lacca), ладан (incenso), индиго (indaco), мастика (mastico), цитварный корень (zettoara) и другие. Малыми фунтами продается гвоздика (gherofani), мускатный орех (noce muscade), мускатный цвет (mace), галанга (ghalanga), кардамон (ghardamoni), длинный перец (pepe lungo), ревень (rubarbero) и др.

На унции с марки продается жемчуг, сверленый (perle forate — бусы) и не сверленый.

На марки продается серебро в листах, слитках и в монете.

На тысячи (малые) продается хлопок, квасцы, рис.

На большую тысячу продаются медь, олово, свинец, железо, шерсть, крапп (robbia), соленое мясо».

(Pegolotti, Pratica della mercatura, гл. XXXI, напечатана в «Pagnini. De la decima», 1756, т. III, стр. 134 сл.)

1 большой фунт — 480 *гр.*
1 карика — 121 *кгр.*
1 малый фунт — 302 *гр.*
1 модий — 12 стайя — 10 гектолитров.

Вес венецианской марки можно вывести из следующей заметки Пеголотти (стр. 143): «Венская марка серебра (280,90 *г*) составляет в Венеции 8 унций 3 динара, коих 24 идет на одну унцию».

[4] Каликут — на западном, Малабарском, берегу Индостана.

[5] Всего было привезено из Индии груза около 3 000 кантаров: 2 000 кантаров перца, 600 кантаров корицы, 400 кантаров имбиря; кроме того, сандаловое дерево и ладан.

[6] Имеется в виду египетский султан, под властью которого находилось все побережье Сирии.

[7] Mudua e — собственно, обмен. Так назывался срок пребывания венецианских галер в Александрии и Бейруте, где происходила погрузка пряностей, прибывших из Индии. Этим термином также обозначались организуемые государством регулярные рейсы. В Александрию ежегодно организовывалось два рейса — в январе и в августе. Сроки прибытия венецианских галер были согласованы с приходом флота из Индии, обычно в сентябре и в марте. Антонио да Уццано (Antonio da Uzzano) в главе XI своего «Руководства по торговле» («Pratica de la mercatura»), вышедшем в 1442 г., дает следующее расписание рейсов из Венеции: «Нефы (корабли) в Сирию и Каталонию отправляются из Венеции от 15 до 20 января. Галеры в Романию (Византию) и в Трапезунд отправляются из Венеции от 8 до 20 июля. Галеры в Бейрут отправляются из Венеции от 8 до 20 августа. Галеры в Александрию отправляются из Венеции от 8 до 25 сентября. Галеры во Фландрию отправляются из Венеции от 8 до 25 апреля. Нефы в Сирию отправляются за хлопком в течение всего июня». (Pagnini. De la decima, т. IV, стр. 104.)

[8] Относительно венецианских монет Уццано пишет: «В Венеции обмен ведется на венецианские фунты грошей (лира ди гросси — lire di grossi di Vinegia). Каждая лира ди гросси равна 10 венецианским золотым дукатам, и каждые 24 гросси составляют 1 дукат, и каждые 100 сольди составляют 1 дукат».

[9] Экспедиция Исао да Нова; вышла из Лиссабона 5 марта 1501 г., вернулась 12 сентября 1502 г. Груз 950 — 1 050 кантаров перца; 450 — 550 кантаров корицы, всего пряностей 1 550 кантаров на 4 000 дукатов.

[10] Имеется в виду вторая экспедиция самого Васко де Гама; она вернулась в Лиссабон в начале сентября 1503 г.

[11] Miera, mogeria—«миера»—«ковш»—мера жидких тел, повидимому, равна 100 фунтам. (Ср. дневник Приули, стр. 167—168 и 173—174, цена на имбирь.) С другой стороны, «миера»—множественное число от слова «миер», на венецианском диалекте значит тысяча. (Boerio, Dicionario, стр. 411; Mutinelli, Lessico Veneto, Venezia, 1851.)

[12] Экспедиция Алабукэрка, вышедшая из Лиссабона в апреле 1503 г.

[13] Экспедиция Франциско д'Альмейда. Вышла из Лиссабона 25 марта 1505 г., вернулась в мае-июне 1506 г.

[14] Александрийский дукат по ценности золота = около 5 руб. 50 коп. золотом.

[15] Александрийский кантар делился на 100 ротулей (rotuli). Различали малый кантар (cantarius forforinus) = 43,5 *кг* и большой кантар (cantarius gerovinus) = 93 *кг.*

[16] Sporta. Александрийская «спорта»—корзина, делилась на 500 ротулей (rotulus) и весила около 217,5 *кг.*

«В Александрии одна корзина (спорта) перца составляет в Венеции 720 малых фунтов». (Антонио да Уццано, гл. XI; Pagnini, т. IV, стр. 103.)

II. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛ XV и XVI вв.

Предлагаемые ниже материалы по истории раннего европейского капитализма (конца XV и XVI вв.) взяты в пределах одной страны — Германии, даже больше — почти одной капиталистической, если так можно выразиться, династии — Фуггеров. Выбор был обусловлен не случайным моментом большей разработанности вопроса, но тут играли роль и другие общие соображения.

Ранний ново-европейский капитализм (Frühkapitalismus) следует изучать именно на германском материале. Упадок Германии XVII, XVIII и первой половины XIX вв. долго заслонял от взглядов историков ее пышный хозяйственный расцвет конца XV и первой половины XVI вв., в особенности, наиболее потом политически упавшего, ее юга. Не малое значение в этом невнимании имел и идеологический подход. Гораздо раньше и гораздо больше XVI в. изучался как «век реформации», нежели как «век Фуггеров». А между тем германский Hochkapitalismus — ее промышленный, торговый, колониальный подъем конца XIX и начала XX вв. не без гордости может вспомнить о своем, абсолютно, конечно, более слабом, но относительно, несомненно, более мощном и блестящем, правда, менее долговечном, предке. Экономическое и политическое влияние германского капитала XVI в. простиралось далеко за пределы Священной Римской Империи Германской Нации, а через Испанию и Португалию он в мировой колониальной (правда, еще зачаточной) экономике играл несравненно большую роль, нежели германский капитализм XIX и XX вв. в современной нам колониальной политике. В условиях значительно расширившегося, но все же еще не весь земной шар охватывающего европейского «мира» XVI в. германский капитализм носил действительно «мировой» характер.

Проблема «генезиса капитализма», первоначального накопления, остается вне поля нашего зрения. Она и хронологически не входит в наши рамки, и характер материала, на основании которого она может быть, хотя бы приблизительно, разрешена, — городская податная ста-

тистика, — не поддается наглядному иллюстрированию небольшими отрывками. Лишь кропотливое сопоставление сотен и тысяч в отдельности почти ничего не говорящих цифр позволяет притти к некоторым более или менее определенным выводам. Глубоко интересный по существу спор Зомбарта с Штридером о «генезисе капитализма», о процессе аккумуляции капитала, образовании больших состояний, поучителен и с методологической стороны. Несмотря на свою огромную эрудицию и большой талант — несколько, правда, парадоксальный, Зомбарт потерпел поражение от своего более молодого, но более осторожного и очень цепко хватающегося за мелкие факты соперника (см. Зомбарт, Современный капитализм, изд. 1, т. I, гл. XII. Зачатки буржуазного богатства ср. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, 1904). Ниже мы приводим составленные на основании податных книг списки крупнейших налогоплательщиков Аугсбурга в XV в., наглядно показывающие постепенный рост имущества у отдельных фамилий. Многие из этих имен встретятся нам в качестве участников в Фуггеровских предприятиях.

Материалы наши имеют целью иллюстрировать этапы уже дальнейшего роста этого первично уже накопленного капитала. Приходится с некоторой осторожностью относиться к исторической схеме развития капитализма с ее эпохами «торгового», «промышленного» и «финансового» капитала. Капитал в XVI в. выявляется во всех трех формах, они тесно сплетаются между собой. Историческая последовательность форм в действительности оказывается нераздельным сосуществованием.

Очень большое место в предлагаемых отрывках из источников занимают материалы, относящиеся к горной промышленности Германии XV и XVI вв. Новейшие исследования выдвинули ее значение в хозяйственной жизни Германии этой эпохи. Германия — восточные Альпы, Гарц, Тюрингия, Рудные Горы — была почти исключительным поставщиком металла, в особенности меди и серебра, для всей Европы, да и не только для Европы: из Тироля лился через Венецию непрерывный поток серебра на Восток; и серебром уравновешивала Европа свой пассивный торговый баланс с Востоком. Своего значения германская добыча металла не потеряла и после открытия Нового Света. По своей ценности она на много превышала американскую. По вычислениям испанского исследователя Ланглезиа, на основании записей королевских доходов с американских колоний, ценность вывезенных из Америки благородных металлов выражается в следующих цифрах (в пезетах; 1 пезета = 37,5 коп.):

Годы	Ценность в пез.
1509 — 1514	995 925
1516 — 1525	634 210
1525	2 121 460
1526 — 1529	943 152
1530 — 1540	3 110 896
1541 — 1546	2 419 840
1547 — 1550	1 225 312
1551 — 1555	10 145 760
	21 596 555 = 17 277 244 марки золотом.

Между тем, современники оценивали стоимость ежегодной добычи горной промышленности в Священной Римской Империи в 2 млн гульденов. Слава немецких техников-горноделов гремела по всему миру, и немцы — «рудознатцы» — работали и в Испании, и в Англии, и на Балканах, и в Швеции, а несколько позже и в далекой Московии.

Во второй половине XV в. расцветает горная промышленность Тироля. Долины Инна и его притоков оказались богаты серебряно-медной рудой. Тироль тогда пережил серебряную горячку, сильно напоминающую те золотые лихорадки, которые четыреста лет спустя неоднократно разражались в Австралии, Калифорнии, Южной Африке. В Тироль устремляются толпы предпринимателей, «старателей», рудокопов и рудознатцев, являются и шарлатаны, превращающие медь в серебро, а серебро — в золото. В горное дело бросается и местное купечество из Галля и Шваца, городов в долине Инна. Ему удается основать наиболее крупные горные предприятия. К представителям этого купечества принадлежат упоминаемые в наших документах Яуфнеры, Тэнтцли, Зигвейны, Фюгеры, Баумгартнеры. Многие из них очень разбогатели. Фюгер умер в 1504 г., оставив 200 тысяч гульденов капитала.

Можно спорить, явилось ли горное дело источником первичного накопления, или же сюда была брошена уже аккумулированная раньше торговая прибыль, но, несомненно, горное дело явилось тучной почвой, на которой пышно мог расцвесть капитализм, могли создаться новые формы капиталистических предприятий. Как это ни странно, меньше всего тут приходится говорить о собственно промышленном капитале. В качестве образца приложения капитала в чисто промышленной области мы приводим материал по истории венгерских предприятий Фуггеров в компании с краковским горным инженером и промышленником Турцо; характерен союз промышленного капитала с технической силой. Источники дают нам интересные конкретные сведения об этих предприятиях.

Материал по тирольской и по чешской горной промышленности рисует картину эволюции капитализма, несколько отличающуюся от классической схемы, построенной, главным образом, на английском материале эпохи промышленного переворота, где купец, скупающий готовый продукт и ссужающий производителя нужным ему оборотным капиталом, превращается потом сам в промышленника. Ссуда и скупка имеют место и в области горной промышленности и даже играют очень большую роль, более чем в какой-либо иной отрасли промышленности, ибо тут в силу самой техники дела требовались значительные капиталы на его ведение. Но тут выступал еще один фактор, сообщавший всему процессу совершенно иной характер. Мы имеем в виду роль государственной власти. Наши источники бросают некоторый свет на очень важную проблему: государство и капитализм. Эта роль государства в эволюции капитализма огромна. Ведь именно государство создает основную предпосылку дальнейшего роста и развития капитализма, создавая массовую аккумуляцию хозяйственных благ. Государство является великим собирателем, конечно, гораздо более крупным, нежели любой купец-скупщик. Выросшее из поместья, госу-

дарство сохраняет еще и чисто хозяйскую жадность и остатки натурального хозяйства, в виде, напр., имеющего очень большое значение в государственном хозяйстве «рудного обмена» (см. ниже примеч. 3, стр. 74), отдающего в руки тирольского графа почти всю серебряную добычу страны. Таким же остатком «натурального» хозяйства являются и доходы испанских «маэстразгоз» (об них см. ниже примеч. 4, стр. 94). Но государство не довольствуется своими исторически доставшимися ему выгодными правами, оно распространяет свое собирание, втягивает в этот аккумуляционный процесс новые виды товаров. Тирольский граф стремится создать искусственную параллель серебряному «обмену», заключая со своими же горноделами договоры «купли» на медь, т. е. на право исключительной скупки металла в течение определенного, довольно долгого, срока. А чешский король договаривается таким же образом относительно добычи олова. Территориальный государь является, таким образом, первым и главным откупщиком. Политическая власть, в связи с остатками натурального хозяйства, давала ее обладателю такие хозяйственные возможности, что выполнить функцию накопления хозяйственных благ, создать товарную массу государство могло гораздо легче отдельного капиталиста, и, действительно, аккумулирует эти запасы не капиталист, не он создает и скапливающий, собирающий механизм: все это он уже находит готовым. На захвате этого накопления, реального или потенциального (право на получение), и этого накапливающего аппарата в значительной мере зиждется рост капитализма.

Но захватывающее все и вся в свои руки государство не может само эксплоатировать и использовать свое богатство и свои права. Если государство умело собирать, оно совершенно не умело распределять и ликвидировать, превращать товар в деньги. Феодал или территориальный государь останавливался беспомощно на полпути полного товарооборота. Огромная масса товара ложилась мертвым грузом, не могущим целиком или непосредственно быть употребленным на государственные нужды. А, между тем, превращение его в деньги безусловно было необходимо, на государственные потребности нужны были именно деньги. «Натуральные» статьи сохранились в гораздо бо́льшей степени в государственных поступлениях, нежели в расходной части. Денежная часть занимала гораздо бо́льшее место в пассиве, нежели в активе государственного бюджета. Неликвидность первой составляла буквально экономическую трагедию государственного хозяйства. Тут-то и выступал на сцену капиталист. В превращении этой товарной массы — будет ли это тирольское серебро или испанский хлеб, или американское золото, или индийские пряности — в ликвидное состояние капитал находит новую, особенно тучную почву для своего развития, и капиталист, сумевший принять участие в этом процессе, захвативший товар, его массу на этой стадии его движения, становился на господствующую позицию. И разительный пример этому представляют быстро поднимающиеся в гору Фуггеры, захватывающие рудные богатства Германии, а затем испанский урожай (откуп маэстразгоз) и ртутные залежи Испании, и несколько медленнее выдвигающиеся Вельзеры, направившие

свои силы на торговлю пряностями (тоже государственная монополия). Характер их торговой деятельности ставит и Фуггеров и Вельзеров в теснейшие отношения к государственной власти. Противоположный им пример — хиреющие к началу XVI в. Гумписы, стоящие во главе так называемой Большой Равенсбургской Компании, одной из самых крупных торговых организаций в XV в. Гумписы остались в стороне и от серебряного, и от пряного потока португальской и тирольской короны.

В моменты напряжения государственных сил особенно тяжело давит на государственное хозяйство эта «натуральная» часть бюджета. Чем настоятельнее необходимость этой ликвидации, тем сильнее захват богатств страны капиталом. Капитализм расцветает на банкротстве государства. Кредит государству или, вернее, государю, с одной стороны, а как гарантия и вознаграждение за это — раздача прав на разработку горных богатств или, вернее, права на получение результатов этой эксплоатации местными предпринимателями, с другой стороны, — вот тот путь, которым идет этот захват. Тироль особенно характерен в этом отношении. Тяжелых минут особенно много было у государей Тироля: и у неугомонного эрцгерцога Сигизмунда, и у Максимилиана, на тирольском серебре и меди ведшего широкую династическую политику в качестве императора Священной Римской Империи. Непрерывной вереницей тянутся в течение более полустолетия на страницах тирольских копировальных книг договоры о займах тирольских государей с целым рядом капиталистов, главным образом, из Аугсбурга — Гэрвартами, Гэхштеттерами, Баумгартнерами и, конечно, на первом месте с Фуггерами. В источниках можно проследить конкуренцию между этими фирмами в области откупа горных богатств Тироля. Медная и серебряная добыча была запродана на много лет вперед. Из года в год отправляются к Фуггерам в Аугсбург послы для ведения переговоров о финансовых комбинациях, и не всегда они встречают там радушный прием. Ново-европейское государство в финансовой политике своей юности начало с обивания порогов у капиталистов.

С полным основанием можно назвать Фуггеров некоронованными эрцгерцогами Тироля. Их роль в государственном хозяйстве Тироля видна из следующей таблицы, составленной Янсеном (Jansen, Jacob Fugger der Reiche, стр. 130) на основании тирольских казначейских книг (см. табл. на стр. 56).

Аугсбургский капитал развалил тирольское государственное хозяйство точно так же, как французский откупщический капитал разложил государственное хозяйство Франции старого порядка. И тут и там государство явилось «колонией» капитала.

Венгерские и чешские документы любопытны еще и с другой стороны. Они рисуют нам конкретную картину вторжения «западноевропейского» капитала в менее культурную восточную, и даже можно сказать — славянскую Европу, ибо область венгерских предприятий Фуггеров этнографически — область славянская. Зло правительственной политики раздачи концессий иностранцам, — иначе трудно охарактеризовать наблюдаемые факты (и для Тироля Фуггеры ведь тоже иностранцы), — тут принимало особенно острые формы «немецкого засилия».

1. Из податных книг

Суммы налогов, уплачиваемые некоторыми крупней

Имена лиц	1396	1403	1405	1413	1418	1422	1428	1434	1441	1448
Фуггеры:										
Ганс Фуггер, † в 1408 г.	$30^2/_5$	28	$33^1/_3$	$47^1/_8$	54	66	70	$82^2/_5$		
Андрей, его сын, † в 1457 г.	1.44	—	—	—	—	—	—	—	121	$181^1/$
Лука, сын Андрея (конкурс в 1494 г.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Матвей, сын Андрея	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Яков, сын Андрея (конкурс в 1494 г.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Яков, сын Ганса, † в 1468 г., жена Варвара Бэзингер † в 1495 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	121	$181^1/$
Ульрих, сын Якова	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Георг » »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Яков » »	—	—		—	—	—	—	—	—	—
Дети вместе с материнским наследством	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ульрих, сын Ульриха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Раймунд, сын Георга	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Антон, сын Георга	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вельзеры:										
Варфоломей В., † в 1445 г.	—	—	40	46	107	120	125	160	16	16
Варфоломей, его сын	—	—	—	16	12	12	12	4	22	40
Ганс, сын Варфоломея 1-го	—	—	—	—	—	—	—	—	20	20
Ульрих » » »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24
Лука » » »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	44
Яков » » »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лука, сын Луки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Яков, » »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Антон, » »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Варфоломей, сын Антона	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Антон, сын Антона	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Госсемброд:										
Вдова Ганса Госсемброд	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сигизмунд, ее сын	11	14	—	30	58	100	136	152	—	—
Ганс, сын Сигизмунда	—	—	—	—	—	—	—	—	42	36
Вильгельм, сын Ганса, с имуществом жены	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сигизмунд, сын Сигизмунда второго	—	—	—		—	—	—	—	—	—
Манлих:										
Матвей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Симон, сын Матвея	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ганс » »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ганс Манлих младший	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Матвей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мельхиор, сын Симона	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гохштеттер:										
Ульрих	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Георг, его сын	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Яков, сын Ульриха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Амвросий, сын Ульриха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ганс	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

города Аугсбурга. [1]

шими аугсбургскими капиталистами в XV и XVI вв.

1455	1462	1480	1486	1489	1494	1498	1501	1504	1512	1516	1522	1528	1534	1540
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
74	82	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	$128\frac{8}{9}$	$143\frac{5}{9}$	$155\frac{5}{21}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	$51\frac{1}{9}$	$51\frac{1}{8}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	$44\frac{1}{9}$	68	$68\frac{1}{3}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
$93\frac{1}{3}$	110	$166\frac{2}{3}$	220	220	286	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	84	154	155	263	237	375	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	100	—	233	318	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	68	—	200	303	1 666	3 440	4 000	4 000	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	383	418	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	Сумма их налогов			553	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	включена в сумму			200	Н-ки	Р-да	266
—	—	—	—	—	—	—	—	Якова			—	—	—	266
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60	80	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	—	—												
32	58	46	52	53	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—
69	148	284	355	324	398	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	122	—	—										
—	—	—	—	—	163	238	238	290	310	320	351	343	1 160	666
—	—	—	80	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	165	142	85	512	444	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	153	273	700	1 240	1 766
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	136	256	566	900	1 443
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	364	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	33	128	—	140	200	720	520	1 299	1 160	1 241	1 120	—	—	—
—	—	133	133	133	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	41	66	66	133	233	415	433	316	—	—
—	—	—	—	—	25	50	50	83	223	444	575	683	800	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	291	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	246	433	933
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	83	143
42	52	160	242	242	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	88	89	103	272	272	432	883	572	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	39	39	39	120	156	166	53	55	46
—	—	—	—	—	60	172	172	284	558	675	916	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	103	141	206	255	310	—	—	—

ФУГГЕРЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО ТИРОЛЯ.

Годы	Доходы казны	Из этого получено от Фуггеров	За руду	В виде займа	Общая сумма расходов казны	Выплачено Фуггерами
1512	285 679 *	25 000	—	25 000	265 037	33 000 3 300%
1513	—	24 000	20 000	4 000	—	2 000 400%
1514	245 055	60 000	—	60 000	239 378	14 950
1515	359 464	98 500	23 500	75 000	358 638	27 500
1516	486 327	128 000	72 000	56 000	487 507	55 100
1517	233 055	120 200	39 000	81 200	229 128	57 879
1518	262 488	112 303	96 303	16 000	258 907	43 700
1519	330 237	140 576	75 576	65 000	298 366	57 394
1520	256 656	85 198	75 198	10 000	244 560	51 329
1521	241 971	80 549	55 349	25 200	223 571	40 029
1522	149 775	35 197	35 197	—	148 461	45 372
1523	—	45 364	76 109	1 265	—	55 742
1524	—	67 607	64 607	3 000	—	86 468
1525	—	14 500	787	13 713	—	—

2. Горные предприятия Фуггеров в Тироле, Венгрии и Богемии.

Из договоров эрцгерцога Сигизмунда (1439—1496 гг.), графа тирольского, Фуггерами.

1487 г., 17 ноября.

[Сигизмунд обещает своим поручителям перед Фуггерами воз местить все могущие произойти для них из этого их обязательства убытки.] ** «Наши любезные, верные, Ганс Рамунг — наш советник в Галле, Андрей Ромер, Ганс Фюгер, Леонард Иохель, Христиан Тэнтцль — наш слуга, Ганс Зигвейн, Георг Перль, Эбергардт Кауф ман и Андрей Яуфнер [2] поручились за Нас перед нашим отменным Яко вом Фуггером из Аугсбурга, обязавшимся дать удовлетворени Венецианской Республике от Нас и вместо Нас согласно заключен ного Нами с нею договора относительно Боцена, Примэра и други мест, [3] и обещали возместить ему ущерб, в обеспечение чего предо

* Весь расчет в рейнских гульденах.

** В прямых скобках вставки составителя сборника или сокращенное изложе ние текста документа.

ставили ему, с Нашего согласия, серебро, добываемое Тэнтцлем, Фюгером, Перлем, Зигвейном и Яуфнером, а именно: если Мы не выполним Нашего соглашения, и Яков Фуггер должен будет получить удовлетворение по своему обязательству, то он может брать себе означенное серебро до тех пор, пока из «обмена» [4] [этого серебра] он не получит полного возмещения и за капитал и за убытки... и Мы уполномачиваем означенных пять лиц давать Фуггеру добываемое ими серебро по истечении срока пожалований на это серебро, имеющихся в настоящее время у других лиц... Меран, 1487 г., 17 ноября. *(J. Jansen. «Die Anfänge der Fugger», S. 114.)*

1488 г., 9 июня.

Мы, Сигизмунд, объявляем за себя и Наших наследников, так как Мы во время прошлых военных предприятий и других выпавших Нам на долю важных дел... вошли в большие долги, то в виду этого по Нашей настоятельной просьбе и требованию Наш отменный Ульрих Фуггер из Аугсбурга с товарищами... [5] показал свою готовность служить Нам и договорился с Нашими должностными лицами и советниками... о ссуде Нам некоторой значительной суммы денег, а именно: означенный Ульрих Фуггер с товарищами должны ссужать Нам каждый месяц, начиная от числа этой грамоты до дня св. Мартина [11 ноября] по 5 000 гульденов,[6] пока это не составит суммы в 30 000 гульденов, а так как времени будет для этого недостаточно, то в последний месяц до дня св. Мартина они должны ссудить и дать Нам все недостающее до этой суммы в 30 000 гульденов. С этого же дня св. Мартина в течение года должны они без дальнейшей оттяжки и добросовестно вручать по 10 000 рейнских гульденов, что вместе с 30 000 гульденами составит 150 000 гульденов. А дабы ему и его товарищам и их наследникам все это опять было бы возвращено и уплачено, то Мы Нашей княжеской властью говорим и обещаем Нашей этой грамотой... следующее: чтоб им, по истечении в [этот день] срока прежнего Нашего пожалования на серебро из швацких рудников, предоставлялось и отдавалось все и всякое серебро, какое будет добываться на этих рудниках в течение этого года, считая по 8 рейнских гульденов за марку [7] серебра швацкой пробы, [8] из коих они должны отдавать горнопромышленникам, добывающим это серебро, по 5 гульденов, а остальные 3 гульдена удерживать себе в счет предоставленной ими Нам ссуды, но с условием, на которое они охотно согласились, что они, начиная с означенного дня св. Мартина, в течение года на снабжение Нашего монетного двора в Галле [9] будут давать по 200 марок серебра в неделю, с каковых, а также — если им угодно будет поставлять — и с большего количества, им будет предоставлен монетный доход [10] по 1 орту [от гульдена] [11] за марку серебра, что же сверх этого причитается в качестве монетной пошлины, то будет оставаться в Нашу пользу. Погашения ссуды 30 000 гульденов, которые они нам дадут до дня св. Мартина, не будет производиться в течение года, пока они будут давать по 10 000 гульденов в месяц, [12] а по истечении этого срока как эта сумма в 30 000 гульденов, так и то, что из ссуженных ими денег останется не погашенным... будет уплачено серебром, а именно: каждую неделю им полностью будет даваться по 200 марок серебра, не больше, пока не будут пога-

шены означенные 30 000 гульденов вместе с тем, что окажется не доплаченным [из 120 000 гульденов].[13] *(Jansen. «Die Anfänge der Fugger», S. 117—118.)*

Из договоров короля и императора Максимилиана I (1486—1519 гг.) с Фуггерами.

1491 г., 24 марта.

[Ульрих Фуггер должен до Рождества ссудить 120 000 гульденов, за это ему предоставляется] все серебро, принадлежащее к Нашему обмену и доставляемое в Галль[9] за исключением того, что было отписано Гансу Фёлин[14] из Меммингена... [Фуггеры уплачивают причитающиеся плавильщикам 5 гульденов за марку и удерживают в свою пользу три гульдена «обмена».] Когда же будет выплачен долг Фёлину и К°, то все освободившееся серебро должно быть предоставлено Фуггерам и их компании за ссуженные и имеющие быть ссуженными деньги [к Рождеству 1491 г. останутся непогашенными около 60 000 гульденов, однако не только дальнейшая уплата долга должна быть приостановлена, но, начиная с 1 февраля, Фуггеры должны в течение года давать по 10 000 гульденов ежемесячно. За это им предоставляется по цене 5 гульденов все серебро, поступающее в течение года на монетный двор в Галле]. По истечении же этого срока с Фуггером и его товариществом будет произведен расчет, и за то, что им еще останется неуплаченным, будет им даваться по 200 марок серебра в неделю без какого-либо взноса и, сверх того, по 100 марок, за которые они должны вносить по 800 гульденов, и так до полного погашения долга им. Каждая марка будет без обмана швацкой пробы в $14^1/_2$ лотов [чистого металла в марке],[8] и гульден считаться в 60 крейцеров. Но Фуггер и его товарищество должны для перечеканки доставлять на Наш монетный двор в Галль в течение года по 100 марок серебра в неделю, а в следующем году 10 000 марок в год. Если же желает перечеканить больше, то для него это также должно быть сделано, но монета должна быть Нашей пробы и обычного чекана, и за все то, что они перечеканят, должен им причитаться один орт[11] с марки серебра сверх восьми гульденов. *(Jansen. «Die Anfänge der Fugger». S. 124—126.)*

1494 г., 31 мая.

Мы, Максимилиан, ... объявляем ... Ульрих Фуггер из Аугсбурга с братьями ссудили Нам наличными 40 000 рейнских гульденов, и, чтобы им и их наследникам это было возмещено и уплачено, ... настоящей грамотой предоставляем Мы им в обеспечение и уплату все серебро, добываемое на Наших рудниках в Шваце и сдаваемое на монетный двор в Галль, в чем Мы с ними полюбовно и договорились.

А именно: чтобы означенным Фуггерам или их наследникам предоставлено было все серебро, вырабатываемое на Наших плавильнях в Иннсбруке,[15] а по истечении, к ближайшему Рождеству, срока пожалования на медь с этих плавилен, каковое в настоящее время имеет товарищество Ганса Баумгартнера,[16] и вся медь, выплавляемая и выделываемая там. За это Фуггеры должны вносить полностью плату Нашему казначею, считая по 8 рейнских гульденов 10 крейцеров за марку серебра и по 5 рейнских гульденов за центнер[17] меди. Также

должно им предоставляться и вручаться все серебро, вырабатываемое на Наших рудниках в Шваце, и каждая марка пробы в $15^1/_2$ [вероятно, $14^1/_2$?] лот должна расцениваться для них не выше, чем на Наших плавильнях, как выше указано. За это должны они Нашим плавильщикам в Шваце за каждую марку серебра уплачивать по 6 рейнских гульденов 20 крейцеров до тех пор, пока означенным плавильщикам не будет выплачен весь [Наш им] долг, который причитается им получить серебром в силу Нашего с товариществом покойного Ганса Баумгартнера договора на откуп 30 000 центнеров швацкой меди согласно выданным на сей предмет грамотам.

И так как означенные братья Фуггеры в силу настоящего договора будут с 1 июля уплачивать каждое первое число месяца по 6 600 гульденов, то погашение этой ссуды должно быть им произведено из обмена, [4] что, сверх уплачиваемой плавильщикам доли, причитается Нам в размере 1 гульдена 20 крейцеров. И если избытком от этого обмена их месячные взносы не смогут быть полностью погашены, как это выяснится при расчете, который должен... производиться каждый квартал, то всякий раз, как это будет иметь место, недостающее должно им уплачиваться из Нашей казны в Иннсбруке. Когда же будет выплачен долг швацким плавильщикам, то эти 1 рейнский флорин и 20 крейцеров с обмена Нашего швацкого серебра должны быть скинуты Фуггерам [с их платы плавильщикам] и итти в их пользу, пока им не будут выплачены 40 000 гульденов. То же, что сверх этого останется от обмена, пойдет на погашение их месячных взносов, как выше сказано. Этот договор должен соблюдаться, пока Фуггерам и их наследникам не будут выплачены ссуженные ими 40 000 гульденов, но Мы оговариваем, что, если бы Мы пожелали или были бы вынуждены употребить это серебро иначе, чтоб Мы имели власть сделать это, но Мы должны им об этом заявить за четверть года и при этом указать, где им будут уплачены деньги, которые им еще не были выплачены. И по истечении четверти года и выплате долга, серебро и медь снова поступают в Наше распоряжение. Во время действия этого договора Фуггеры должны давать четвертую часть швацкого серебра на Наш монетный двор в Галль в перечеканку, когда и какое время в году им это будет удобно, ... и за то серебро, что они будут давать — четвертую ли часть или больше, наш мюнцмейстер в Галле должен уплачивать им по 8 рейнских гульденов 15 крейцеров и отдавать им скрап, [18] что Фуггерам также должен причитаться по расчету. *(Jansen. «Die Anfänge der Fugger», S. 131—132.)*

Договор Фуггеров с тирольскими горнопромышленниками об откупе медной руды. [19]

1499 г., 16 марта.

Мы, Ганс Фюгер старший [1] [следует 10 имен, перечисленных ниже], ... признаем за себя и наших наследников и заявляем этой грамотой, что мы, вящей ради нашей выгоды и пользы, согласились, договорились и решили с верным, дальновидным и мудрым Яковом Фуггером от его имени и его братьев, Ульриха и Георга, относительно откупа меди и соглашаемся, договариваемся и решаем согласно этой грамоте, переговорам и обещаниям, а именно:

Мы поставляем означенным братьям Фуггерам или их наследникам от числа настоящей грамоты до ближайшего Рождества перед наступлением 1500 года добросовестно и без дальнейшего оттягивания 15 000 центнеров швацкой меди, а именно: я, Ганс Фюгер, — 1 600 ц., Яков и Симон Тэнцль — 2 100 ц., Ганс Баумгартнер от имени товарищества в Куффштейне — 2 000 ц., Егидия Гофера наследники — 3 200 ц., Ганса Штэкля наследники — 2 500 ц., Кристоф Кауфман и Себастьян Анторфер — 1 000 ц., Ганса Гартмана наследники и Клаус Шлоссер — 800 ц., Ганса и Урбана Зигвейна наследники — 500 ц., Ганс Грюнгофер — 600 ц., покойного Андрея Яуфнера наследники — 400 ц., Кристоф Кауфман из Штерцинга и другие мои сонаследники — 300 ц. Медь эта должна доставляться за наш счет без обмана [к ближайшей] к каждой из наших плавилен пристани на реке и считаться по венскому весу [20] так, как это мы и раньше производили. Со своей стороны, означенные Фуггеры или их наследники должны нам или нашим наследникам выправлять и выплачивать за каждый центнер меди по четыре рейнских гульдена и 3 орта и эту уплату производить следующим образом, а именно: на ближайшей наступающей ярмарке св. Георгия [23 апреля] в Галле за каждый центнер меди полгульдена, ко дню св. Иакова апостола три орта рейнского гульдена, на ярмарке в день всех святых в Галле в 1499 г. полтора рейнских гульдена, на ярмарке св. Георгия в Галле 1500 г. для полной выплаты суммы за всю медь 2 рейнских гульдена. И если мы в этом будем медлительны и не доставим меди в означенные сроки и означенным образом, то Фуггеры или их наследники могут и должны при этой последней уплате у тех из нас, которые будут в этом виновны, удержать столько денег, сколько придется на то, что не было доставлено.

Далее, согласились и договорились мы с означенными Фуггерами, что мы и наши наследники им и их наследникам в течение 3 лет — 1501 и двух следующих — будем доставлять по 12 000 центнеров швацкой меди, что за три года составит 36 000 центнеров, по цене, как и в предыдущей покупке, 4 гульдена 3 орта за венский центнер, и, как и 15 000 центнеров, будем доставлять медь на место за наш счет. В уплату за эту медь должны и хотим мы получить возмещение из обмена, который принадлежит нашему государю Максимилиану, королю римскому и венгерскому, ... графу Тирольскому, как правящему государю и князю страны, и незамедлительно начать получение этой платы из обмена серебра, которое будет сдаваться на монетный двор в Галле с ближайшего Рождества или 14 дней до или после, и так получать непрерывно и впредь, как тут сказано: а именно по 80 крейцеров [21] с каждой марки серебра, сколько его за это время каждый год будет выделано согласно грамоте, каковую от королевского величества Яков Фуггер нам представил. И к концу каждого года на Рождестве должны мы производить расчет с Фуггерами, и сколько для уплаты за 12 000 центнеров меди будет недоставать из обмена серебра, то они должны недоплаченное каждому из нас уплачивать и покрывать наличными. Если же это не будет выполнено, то каждый из нас, которому не будет уплачено, свободен со своим серебром и сам себе из обмена может возместить следуемое ему. Кто же до Рождества из упла-

чиваемых ему 80 крейцеров за марку серебра получил полностью за все количество доставленной меди, тот, или те, всякий раз, как только это случится, должны Фуггерам предоставить получать до Рождества эти 80 крейцеров от каждой марки серебра, которое он делает, [чтобы] тем лучше была произведена выплата другим.

Также каждый год на Рождестве мы будем определять и показывать Фуггерам, сколько из 12 000 центнеров меди каждый из нас должен поставить, и каждый из нас в отдельности будет давать им в этом обязательство, поставлять Фуггерам свою долю в указанные здесь сроки. Однако, если мы не сможем полюбовно согласиться относительно поставки в течение 3 лет по 12 000 центнеров в год, то должна твердо выполняться поставка такого количества меди, сообразно с работой каждого из нас и количеству серебра, которое каждый из нас добудет, чтоб ни одна бы сторона не отягощала другую; кто же из нас поставит медь Фуггерам, тому они должны выдавать расписки.

Далее, между нами договорено, что каждый из нас должен свою ежегодную долю меди неукоснительно поставлять и указать половину ко дню св. Иоанна, времени солнцеворота, а другую половину ко дню св. Фомы-апостола, кто же из нас этого не выполнит, тот должен воздержаться от получения дуката 20 или 80 крейцеров, но предоставить получать их Фуггерам, а если Фуггеры испытают при этом задержку или при уплате означенного количества меди какие-либо убытки, чего не должно быть, то они должны взыскать с того из нас, кем они были введены в убыток, и обеспечить себя всем его имуществом и добром.

Ту же медь, и сколько бы ни было, что мы, плавильщики, каждый год добудем или приобретем в течение этих четырех лет, сверх этого количества можем мы по нашей воле и желанию продавать в германских странах, но ее мы не должны вывозить и продавать в Боцене и Италии, начиная от числа этой грамоты до наступления 1503 г. под страхом уплаты Фуггерам штрафа в 10 дукатов за каждый мейлер. А в 1502 г. должны мы снова предложить Фуггерам куплю [договор об откупе], и если мы относительно этого не придем к соглашению, то мы можем вывозить медь в Боцен и Италию, но не продавать ее до истечения срока [первого договора].

Мы должны и хотим быть прилежны в плавке и работе, чтобы каждый год из вышеозначенных трех вырабатывать 12 000 центнеров меди. Если же к Рождеству будет определено, что в наступающем году никоим образом не может быть выработано это количество меди, то мы не должны быть принуждаемы Фуггерами к выработке большего количества, но зато и получать в уплату соответственно меньшую сумму.

Если в течение означенных четырех лет один из нас, или несколько, продадут свой рудник или плавильню другим или иначе как-нибудь передадут, или если явятся новые литейщики, то они должны согласиться на причитающуюся в течение четырех лет на данного литейщика долю в поставке 15 000 и 12 000 центнеров, но не свыше, и во всем быть связанными теми же обязательствами, что и мы, как сказано выше, все это добросовестно и без обмана. *(Jansen. «Jacob Fugger der Reiche», S. 354—358.)*

Договор короля Максимилиана с горнопромышленниками о повышении казенной цены за марку серебра.

1499 г., 16 марта.

Мы, Максимилиан, заявляем... В виду того, что... Яков Фуггер и... [следуют указанные в предыдущем договоре лица] наши литейщики... в Шваце заключили договор на откуп меди на несколько лет, и Фуггер сослался при этом на Нас, что они в счет уплаты [за медь] будут в течение 3 лет получать с обмена по 80 крейцеров с каждой марки серебра, добываемого на нашем руднике в Шваце, и Мы относительно этого договорились с означенным Фуггером. [В виду этого]... Мы в силу этой грамоты удостоверяем и обеспечиваем, что с ближайшего Рождества, 14 дней до или после, начнем каждому литейщику за то серебро, которое он или они будут вырабатывать в течение 3 лет, а также и другим, которые впредь будут плавить серебро, уплачивать по 6 рейнских гульденов 1 веронскому ливру [22] и 8 крейцерам, из коих им из обмена, который Нам принадлежит, причитается 80 крейцеров, и производить эту выплату непрерывно до истечения 3 лет. Если же одному из них или нескольким этого платежа не будет произведено, что никоим образом не должно случиться, то они должны и могут сами обрабатывать или продавать серебро по своей воле и желанию, но то, что Нам причитается по обмену, или, если они будут перепродавать серебро или удерживать его для себя, сверх 6 гульденов 1 веронского ливра и 8 крейцеров, чтобы они эту разницу [«сверхприбыль» — übertewr] нам отсчитывали и уплачивали. И если кто из литейщиков или их наследников умрет или продаст свое предприятие и не станет выплавлять серебро, тот или те должны так же, как и предыдущие литейщики, получить в уплату дукат [21] [с обмена], сообразно с поставленным количеством меди. [Все последующие соглашения, могущие быть случайно заключенными с другими лицами, настоящим заранее объявляются неимеющими силы.] *(Jansen. «Jacob Fugger der Reiche»; S. 359—361.)*

Договор короля Максимилиана с Фуггерами об откупе медной руды.

1499 г., 16 марта.

В виду того, что Яков Фуггер за себя и братьев, в соображение лежащих на Нас военных предприятий, стоящих теперь перед Нашими глазами, а также ради споспешествования сбору нашего рудного оброка и обмена на пользу Нашему общему горному делу по Нашему высокому требованию заключили с Нашими литейщиками в Шваце куплю... Мы договорились с означенными Фуггерами, ради вящшей Нашей пользы и выгоды, относительно 17 500 центнеров меди в качестве первой [партии], а именно, чтоб им каждый центнер меди считался по 4 рейнских гульдена, что в сумме составит 70 000 гульденов, каковую они сейчас на указанные военные дела выправили и выплатили, за что Мы их и их наследников за себя и Наших наследников и преемников в силу настоящей грамоты заведомо считаем свободными [от оплаты] за означенные 17 500 центнеров меди.

Однако, чего Фуггерами и их наследниками, вследствие ли истощения руды или какой-либо иной причины, из этих 17 500 центне-

ров будет недополучено, в том Мы их удовлетворим и покроем все убытки. Остальное количество меди в 18 500 центнеров, чтобы всего составилось 36 000 центнеров, должно расцениваться означенным Фуггерам при покупке ее у швацких горнозаводчиков по 4 рейнских гульдена 3 орта, и подобно тому, как мы первую партию меди в 17 500 центнеров, считая по 4 гульдена 4 орта за центнер, оплачивали дукатом [21] за серебро, а также и [наличными] деньгами, так и Фуггеры будут впредь на Рождестве платить им за остальную медь согласно их договору. По этим платежам дукатом швацким горноделам за 18 500 центнеров должен с Фуггерами производиться расчет каждый квартал, и следуемая сумма должна Фуггерами вноситься в наше казначейство в Иннсбруке до полной выплаты дуката за три года, каковой будут получать швацкие горноделы за означенные 18 500 центнеров меди. *(Jansen. «Jacob Fugger der Reiche», S. 361.)*

Письмо Рудольфа Гарбера, казначея в Иннсбруке, Георгу Госсемброту, блюстителю в Эренбурге.

Наша дружба и служба всегда во всякое время наготове для Вас, благородный, верный, отменно любезный друг. Как Вам известно, по недавно заключенному его величеством с Фуггерами договору должны они еженедельно вносить в казначейство его величества 1 000 гульденов, из коих не более 400 должно итти на нужды казначейства, а 600 предназначаются на скупку руды. Далее было достигнуто у них, что они должны давать бо́льшую сумму, если скупка еженедельно поступающей руды потребует больше 600 гульденов. Но поступления руды так увеличились, что на старых плавильнях здесь в Иннсбруке и в Мюлау невозможно переплавить и переработать всю оброчную и покупную руду. А Вам известно, какой убыток произойдет его величеству, если руда не будет непрерывно перерабатываться и станет накапливаться. Мы начали поэтому строить у Мюлау новую плавильню в 6 печей, которая, как мы думаем, должна быть готова ко дню св. Иакова. Так как вследствие этого возрастут приблизительно на одну треть расходы по плавильням: на жалование литейщикам, на дрова, уголь и др., то мы просим Вас с дружеским прилежанием, так как мы слышали, Вас вызывают в Аугсбург к его величеству, лично переговорить с Фуггером или [снестись] письменно, — как Вы найдете наилучшим, — чтобы Фуггеры вносили в казначейство еще по 300 гульденов в неделю, и Сюиттеру [23] было бы приказано делать это. Это и Фуггерам при их платежах было бы небезвыгодно, так как ведь на столько же больше стало бы вырабатываться серебра и меди. Мы и сами переговорили бы с Сюиттером, но мы опасаемся, что у него ничего не удастся добиться, и все будет переслано и отправлено к Фуггеру. Нам кажется поэтому, что переговоры через Вас могут оказаться более плодотворными, тем более, что Вы лучше, чем мы Вам можем указать, увидите, что делать, смотря по обстоятельствам, и нам сообщите Ваш ответ или чего вы достигнете у Фуггеров.

Иннсбрук. 1 июля 1500 г. *(Jansen. «Jacob Fugger der Reiche», S. 365 — 366.)*

Добыча серебра в Тироле за 1470—1535 гг. *

I. Сколько серебра в Шваце при эрцгерцоге Сигизмунде, императоре Максимилиане и короле Фердинанде, графах Тирольских, с 1470 г. по 1532 г. было выплавлено из Фалькенштейнской руды и испытано Иоргом Анторфером и его сыном, Севастьяном Анторфером, пробирными мастерами.

	Годы (от Рождества до Рождества)	Число слитков	Вес: Марки	Вес: Лоты
А. Йорг Анторфер выплавил:	1470—1471	344	12 232	3
	1485—1486	546	49 882	5
	1486—1487	614	52 663	10
	1487—1488	510	44 466	14
	1488—1489	484	41 589	14
	1489—1490	410	38 087	15
	1490—1491	457	41 565	13
	1491—1492	482	44 100	15
	1492—1493	465	43 815	6
	1493—1494	413	39 627	15
	1494—1495	420	41 091	10
	1495—1496	409	41 323	4
	1496—1497	392	38 674	3
	1497—1498	434	42 418	—
	1498—1499	436	42 086	2
B. Севастьян Анторфер выплавил:	1499—1500	407	38 705	5
	1500—1501	428	41 643	4
	1501—1502	468	44 488	5
	1502—1503	419	43 378	12
	1503—1504	391	38 126	4
	1504—1505	369	32 905	12
	1514—1515	407	42 445	11
	1524—1525	360	49 977	7
	1534—1535	324	40 663	7

* «Archiv für Oesterreichische Geschichte», B. LIII, S. 431—433.

II. Ниже следует все серебро, сколько каждый из горноделов в отдельности... выделал с 1470 г. по Рождество 1535 г.

Имя горнодела*	Годы от до	Число слитков	Вес Марки	Вес Лоты
Христиан Мэльтль	1470—1493	322	17 644	4
Христиан Танцль	1470—1535	3 613	356 103	4
Ганс Фюгер и его наследники	1470—1530	2 036	209 016	3
Антонио де-Кабаллис	1470—1513	2 051	189 676	8
Стефан Танцль, Ганс Гартманн и Клаус Шлоссер	1470—1512	1 000	70 544	12
Андрей Яуфнер	1470—1511	912	58 881	13
Ганс Кауфманн	1470—1485	233	10 970	1
Йорг (Георг) Перль	1470—1501	1 368	117 420	6
Ганс Зигвейн	1470—1506	563	34 570	2
Лингард Йэхль	1470—1481	17	814	—
Виргилий Гофер и его наследники	1475—1526	2 884	305 338	—
Эбергард Кауфманн	1475—1479	96	589	—
Ганс Штекль	1481—1499	201	21 450	15
Кристоф Кауфманн	1493—1504	63	3 082	15
Севастьян Анторфер и Кристоф Кауфманн	1499—1503	105	8 394	1
Ганс Баумгартнер	1507—1535	1 964	282 222	13
Йорг и Ганс Штекль	1510—1527	803	92 874	7
Ганс и Амвросий Гехштеттеры	1521—1530	136	21 019	15
Яков Фюгер и Ганс Штекль в Раттенберге	1522—1526	126	17 536	13
Яков Фюгер и Ганс Штекль в Йенбахе	1522—1526	145	21 555	—
Яков Фуггер	1525—	45	6 204	11
Раймунд, Антон и Иероним Фуггеры	1526—1535	519	57 518	9
Ганс Пунцль и Кристоф Герварт	1527—1535	491	70 638	13
Ганс Штекль	1527—1530	596	67 199	13

* Из списка в 106 лиц, опубликованного Jäger'ом в «Archiv für Oesterreichische Geschichte», B. LIII, S. 433—436, взяты лишь упоминаемые в документах.

Из записей Изереггера, писца на монетном дворе в Галле.

Ниже следует, что я получил от мюнцмейстера за серебро от Фуггеров [т. е. данные о суммах, уплаченных Фуггерам], какое еженедельно сдавалось для перечеканки, начиная от Рождества наступающего 1489 г. [т. е. Рождества 1488 г.; год начинался с Рождества].

[Слитки от]

1. Грюнгофер . 112 марок 1 лот
Гофер . . . 92 » 6 »

составляет в деньгах 1 686 гульденов 3 шиллинга 2 фирера 3 бернера; уплачено

2. Антонио де Кабалло . . 126 марок 12 лот
Фюгер . . . . . 71 » 12 »

составляет в деньгах 1 637 гульденов 3 шиллинга 1 грош 2 фирера 2 бернера; уплачено.

3. Тенцль . 100 марок 8 лот
Яуфнер . 61 » 14 »
Фюгер . . 74 » 10 »
Гофер . . . . . 114 » 12 »
Грюнгофер . . . 91 » 2 »

составляет в деньгах 3 653 гульдена 3 шиллинга 7 грошей 1 фирер; уплачено.

4. Тенцль . . . . 94 марки 1 лот
Казначей эрцгерцога . 116 » 10 »
Антонио (де-Кабалло) . . 102 » 6 »
Фюгер . . . . 80 » 15 »

Четыре слитка составляют в деньгах 3 250 гульденов 2 шиллинга 6 грошей; уплачено.

5. Штекль . . 85 марок 10 лот
Грюнгофер . . . . . . 97 » 10 »
Казначей эрцгерцога . 117 » 8
Гофер 94 » 10
Гофер 94 » 3
Румель 74 » 13
Мельтль . 133 » 3

Сумма всех 20 слитков [отсутствует в подлиннике].

(Jansen. «Die Anfänge der Fugger», S. 150.)

Договор Фуггеров с краковскими горнопромышленниками Турцо. [2]

Договор 1495 г., 16 марта.

Мы, нижеподписавшиеся, Ганс Турцо и Георгий Турцо, заявляем, что мы договорились с Яковом Фуггером и Килианом Ауэром от имени Ульриха Фуггера и его товарищества относительно предприятия, лежащего около Нейзоля, принадлежащего Сигизмунду, епископу Фюнфкирхена, каковое его милость получила по преемству от Ганса, герцога Виндиша, Липты и Троппы, состоящего из двух штолен — Эрбштоллен и Неуштоллен — также о четырех деревнях и двух полудеревнях, о ферме, пашне, со всеми принадлежащими к ним угодиями. Все это нам было уступлено на 10 лет в пользование и владение, за что мы епископу Фюнфкирхена должны предоставлять и давать ежегодно по 3 000 гульденов . . . Этим предприятием, имением и рудником должны мы пользоваться, владеть и держать на прибыль и убыток вместе с Яковом Фуггером и Килианом Ауэром в течение десяти лет так, как ниже следует. Во-первых, мы, Ганс и Георг Турцо, должны

приложить усилия, чтобы поставить и оборудовать плавильню в Зόле, в которой мы будем перерабатывать всю добываемую из этого рудника медь наилучшими нам известными способами. Эта плавильня будет стоить около 1 000 венгерских золотых. Также должны мы сделать запас дерева и угля, что будет также стоить около 1 000 гульденов, дабы не было бы убыточного простоя. Означенный рудник мы уступили и предоставили на 10 лет Михаилу Кунигсбергеру и Бенедикту Глэкницеру, и они должны нам за это платить по 1 000 гульденов в год и, кроме того, отдавать нам всю вырабатываемую ими медь по $1\frac{1}{2}$ венгерских гульдена $\frac{1}{2}$ орта за нейзольский центнер черной меди согласно грамоте, ими нам данной. И когда плавильня будет готова и выстроена, что должно быть сделано в течение 6 — 12 месяцев, мы должны руководить делом так, чтобы в неделю добывалось около 300 центнеров меди, часть которой должна отправляться или продаваться в Нюрнберг или в другие места и часть продаваться и сбываться в Венгрию и в другие места, смотря по сорту. Эта продажа меди должна давать на круг около 360 гульденов прибыли в неделю — общую сумму прибыли мы не можем и не хотим устанавливать, но ни та ни другая сторона не будет отягощена, так как от этого [дела] можно надеяться получить хорошую прибыль или доход. Из прибыли и доходов... Ганс Турцо или сын его Георг должны в первую очередь забирать себе по 1 000 венгерских гульденов в год, а вся прибыль, сверх этих 1 000 венгерских гульденов, должна делиться пополам, и одну половину должен получать Ганс Турцо с Георгом, а другую Ульрих Фуггер со своим товариществом. А для возмещения всего должен Ульрих Фуггер с братьями и товариществом в течение трех лет, начиная с ближайшего Рождества, поднимать все связанные с этой торговлей и плавильным делом расходы и давать и ссужать на всякие нужды необходимые деньги, а именно: означенные 2 000 и затем все деньги, что моему милостивейшему господину следует давать каждый год вперед в качестве аренды, 3 000 гульденов, и еще по некоторым причинам, епископу Эрла 500 венгерских гульденов, юнкеру Феттер Цу Офен 500 гульденов и Георгу Цоттмар 500 гульденов в год в течение 10 лет, и еще что пойдет на угощение и подарки вместе с 1 500 венгерских гульденов, что вперед будут выданы Кунигсбергеру на оборудование (zu vorradt der verlegung) рудника. [Прибыль и убытки делятся пополам.]

И мы, Ганс и Георгий Турцо, не должны ни получать прибыль, ни вынимать деньги из предприятия, но предоставить получение их Фуггерам вплоть до истечения трех лет. Также и все деньги, израсходованные Фуггерами за это время на это дело, предоставить им из нашей половины. Если же, боже упаси, вследствие истощения рудника или от какой-либо иной беды наша половина прибыли оказалась бы недостаточной для погашения их ссуды, приходящейся на нашу долю, то мы должны выплатить долг из наших собственных денег и впредь из собственных средств финансировать нашу половину предприятия (mit unser eigen geldt vorlegen). Далее, Яков Фуггер и Килиан Ауэр от имени Ульриха Фуггера и К° ... договорились, ... если случится, что мы выкупим предприятие в собственность, то, чтоб ни одна сторона

*

без другой этого не делала, а сделано было бы совместно. Когда будет достигнуто соглашение о покупке, то Фуггеры должны заплатить и ссудить нужные деньги, однако пользование и прибыль должны итти на обе стороны пополам. Но мы, Турцо, не должны ничего ни получать, ни вынимать из предприятия до тех пор, пока Фуггерам не будет выплачена вся ссуженая ими сумма, и если это не будет сделано в течение 5 лет, т. е. к 1500 г., то мы, Турцо, недостающее из суммы, израсходованной Фуггерами при выкупе нашей половины, выплатим из своих денег. Также мы договорились и относительно рудника и завода в Зòле, называющегося Зондберг. Они раньше принадлежали Гансу Кольману; мы их купили и приобрели в наследственную собственность и некоторое время себе на пользу вырабатывали у Кракова означенную медь... Это предприятие передали мы в наследственное владение Михаилу Кунисбергеру и Бенедикту Глокницеру с наследниками; они должны отдавать нам всю вырабатываемую там медь по цене два гульдена без одного орта за один центнер черной меди. К владению и пользованию всем этим предприятием и правами на прибыль и убыток допустили мы в силу этой грамоты означенное товарищество Ульриха Фуггера с братьями на следующих основаниях. Во-первых, через год от настоящего числа мы закрываем нашу плавильню у Кракова и медь будем перерабатывать в Нейзолè, насколько и как мы это сумеем и сможем наилучшим образом сделать, ... и как только эта работа начнется, она должна вестись совместно, и оба предприятия вестись, как одно, и из получаемой от их обоих прибыли прежде всего должна быть отделена шестая часть и присвоена нам, Гансу и Георгу Турцо, остальные же пять долей должны быть поделены пополам между нами и товариществом Ульрих Фуггер с братьями.

Далее, Фуггеры это предприятие таким же образом, как и другое, должны на всякую нужду снабжать деньгами в течение 3 лет, начиная через год от настоящего дня, когда приблизительно работа на обоих начнет приносить прибыль. И, тем не менее, нам должна причитаться прибыль в течение этих 3 лет, но по истечении этого срока должны мы, Ганс и Георг Турцо, заплатить из наших денег наличными половину всех их расходов по этому предприятию, и затем оно вместе с прибылью от него должно принадлежать Ульриху Фуггеру с братьями и товариществом пополам с нами. Было также договорено, что если Турцо захотят занять за это время 45 000 гульденов у Фуггеров, то те должны нам ссудить эту сумму, которую мы потом в течение года должны выплатить безотговорочно. Также мы, Турцо, договорились с Яковом Фуггером и Килианом Ауэром [25] — за Ульриха Фуггера с братьями и товариществом—относительно рудника в Зòле, называемого Топперштолен, в котором нам отписана на вечные времена добыча меди из трех пластов. Центнер черной меди должен отдаваться нам по 2 гульдена без орта. И в этом руднике 2 пласта были куплены за 1 500 венгерских гульденов и в оборудование (verpaut) было вложено около 800 венгерских гульденов и дальше ежедневно в него придется еще вкладывать. Половину означенного рудника Топперштоллен со всеми правами отказали мы настоящей грамотой Фуггерам, но они

должны выплатить из своих денег половину вложенных 1 500 и 800 венгерских гульденов и последующих на него расходов. И как рудник будет пущен в ход и начнется добыча меди, эта медь должна вырабатываться на равные [для обеих сторон] прибыль и убыток по такому же расчету и таким же образом, как остальные два предприятия, как выше написано... *(Jansen. «Jacob Fugger der Reiche», S. 369 — 373.)*

Договор Фердинанда I с Конрадом Майером на откуп богемского олова. [26]

1549 г., 6 декабря.

Мы, Фердинанд,... согласились и заключили договор с Конрадом Майером, гражданином города Аугсбурга, касательно откупа олова следующим способом и таким образом, а именно:

Во-первых, обещали Мы и приговорили, что путем купли будет предоставляться и отдаваться означенному Конраду Майеру и его наследникам и преемникам в течение четырех лет, начиная с наступающего 1550 г. и кончая 1553 г., все и всякое олово, кованое и некованое, какое будет добываться из Наших рудников всюду в землях Богемской короны и которое будет Нам причитаться. За каждый центнер шлакенвальдского веса кованого олова, что Мы будем предоставлять ему в Шлакенвальде... в ниже указанные сроки, будем Мы взимать по 23 гульдена, а за центнер твердого некованого олова по 22 гульдена, считая гульден всегда по 14 баценов или 64 крейцера. Поставки означенного олова будем производить каждые два месяца и всю добычу неукоснительно передавать в Шлакенвальде... в руки Конрада Майера или его слуг, или поверенных. За это должен Конрад Майер причитающуюся горноделам, сообразно с количеством поставленного олова, договоренную покупную цену выкладывать и выплачивать там же, в Шлакенвальде, наличными в золоте и различной монете, принимаемой и имеющей хождение в Богемской короне, при этом, однако, не отягощать горноделов большим количеством мелкой монеты. То же, что причитается за это олово Нам сверх твердой покупной цены горноделам (über das Losungsgeld), должен Конрад Майер неуклонно, там же в Шлакенвальде, выплачивать Нам через каждые полгода наличными в золоте и разменной монете (gorber Muntz), имеющей хождение в Богемской короне. Мы, с своей стороны, будем указывать через Наших должностных лиц в Шлакенвальде, начиная с наступающего Рождества и впредь при каждой поставке, сколько, приблизительно, олова предполагается поставить в следующий раз, дабы он, Конрад Майер, принял бы меры как для производства уплаты, так и другие, с этим связанные. Равным образом, Мы предпримем и будем следить за тем, чтобы означенное олово обоих сортов, кованое и некованое, как это и раньше до сего времени было в обычае, было правильного веса и хорошей рыночной добротности и хорошо выработано.

Конрад Майер должен к началу 1500 года на вклад в оловянное дело (zu Verlag der Zinn — «финансирование») выплатить... в Шлакенвальде Нашим должностным лицам или управляющим 30 000 гульденов, с получением от них квитанции и в продолжение четырех лет до истечения откупного договора не брать по этим деньгам никаких интересов или какого-либо вознаграждения (Interesse oder Ergoezlichkeit)...

Означенные 30 000 гульденов Мы ему при последних двух поставках олова в 1553 г. — по 15 000 гульденов при каждой — возместим, выплатим и без всякого вычета, препятствия и противоречия предоставим ему самому получить и удержать из платы за олово, которую он Нам ко времени этих двух поставок останется должен...

Далее, должен означенный Конрад Майер... предоставлять ежегодно в течение 4 лет Амбергской компании по 500 центнеров олова шлакенвальдского веса и качества, какого он его от Нас получил. Это олово должно сдаваться в Шлакенвальде и оплачиваться наличными. Амбергская компания должна перерабатывать его и употреблять лишь для собственного производства; если же она все или часть его продаст или сбудет куда-либо иначе и не употребит его для своего собственного дела, то Конрад Майер имеет власть и право, ... где только узнает он о нахождении этого олова или найдет его, таковое задерживать, налагать арест, брать в свои руки, дабы распоряжаться им по собственной воле, как с собственным имуществом.

Равным образом, должен он Нашим подданным, литейщикам, что сидят в горных городах Шлакенвальде и Граупене, предоставлять за наличные ежегодно от двух до трехсот центнеров олова, не больше, такого же веса и качества, какого он, Конрад Майер, получил его от Нас. Это олово литейщики не могут никуда отдавать или продавать, а должны употреблять и перерабатывать лишь для собственного производства литья олова под страхом вышеуказанной кары, если бы они стали бы действовать вопреки этому.

Далее, должны быть удержаны для наших собственных нужд на огнестрельное дело и для других целей из запроданного олова ежегодно по 500 центнеров — не больше — таким образом, что Мы за удерживаемое олово должны уплачивать лишь то, что причитается горноделам, и больше ничего. Равным образом и Конрад Майер за это олово, что берется на Наши собственные нужды, также не должен уплачивать чего-либо сверх платы горноделам. Если же все или часть этого олова окажется ненужным Нам, то Майер обязан принять его по той же цене, как и остальное.

Он, Конрад Майер, может означенное у Нас купленное олово вывозить, продавать, сбывать, заключать на него сделки во всех Наших и других королевствах, странах и местах с наибольшей для себя прибылью и при наилучших обстоятельствах. Мы будем его и его [людей] держать и иметь под Нашей милостивейшей защитой и покровительством так, чтобы он и его люди были в этом вполне уверены и могли бы без всяких опасных тягот вести дела. Если же ему в чужих [странах] будет нанесен ущерб, то в таком случае Мы должны и покажем и проявим ему и его людям Наше всемилостивейшее содействие.

Конрад Майер должен быть освобожден во всем королевстве Богемии от пошлин, заставных денег и сборов, а в других Наших королевствах и странах, в течение времени этого договора и пока он не продаст и не сбудет там всего купленного у Нас олова, он не должен быть отягощаем повышением пошлин, заставных денег, тридцатины и сборов против действующих ныне ставок.

И если Мы по истечении срока этого откупного договора пожелали бы и дальше предоставить откуп, то Мы, если Конраду Майеру покажется приемлемым дать за него столько же, сколько и другие будут предлагать, дадим его ему преимущественно перед всеми другими. Если бы Мы пожелали взять несколько денег вперед в счет причитающихся Нам взносов (auf unsern bevorstand) от этой торговли оловом, то Мы должны уведомить Конрада Майера и затем вступить с ним в подобающие ... переговоры.

Если Конрад Майер за эту торговлю оловом будет под предлогом ведения запрещенных или монопольных дел привлекаем или обвиняем перед судом императора или имперским фискалом, или какимлибо другим учреждениям, то Мы окажем ему всякую подобающую помощь и содействие.

Мы также будем вести переговоры с курфюрстом Саксонским касательно его олова в том смысле, чтобы он добываемое в его княжествах и странах олово также довел до цены и не продавал бы его потом и не разрешал бы горноделам продавать по иной цене, чем по той, по которой Мы предоставили и продали наше олово Конраду Майеру. Если же Мы, несмотря на все приложенное старание, не достигнем этого у курфюрста, то мы должны вести тогда переговоры в том направлении, чтобы это олово вывозилось и сбывалось лишь туда, где оно не наносило бы ущерба и не мешало бы Нашему богемскому олову и ему, Конраду Майеру, при сбыте и продаже.

Если Мы ... и этого не достигнем и не будет найдено подходящего пути, то мы тогда строго предпишем и распорядимся во всех наших королевствах, княжествах и странах, чтобы в течение 4 лет и пока он, Конрад Майер, не продаст полностью и не сбудет всего купленного у Нас олова, туда не ввозилось, не продавалось, не покупалось, не перерабатывалось, не провозилось, под страхом потери как это саксонское, так и вообще иноземное олово, обработанное и необработанное. [Майер может конфисковать где бы то ни было ввезенное вопреки запрещению олово], и тогда одна треть останется у Майера, а две трети должны оставаться в Нашу пользу. Также в виду предоставления беспроцентной ссуды в 30 000 гульденов и из Нашей особой милости согласились Мы давать Майеру в течение первых трех лет действия этого откупного договора в год по 100 центнеров кованого олова шлакенвальдского веса свободно и без какой-либо платы, каковое и предпишем ему давать каждые полгода по 50 центнеров до полного количества в 300 центнеров.

И, наконец, если бы случилось, боже милостиво сохрани, что в течение этих четырех лет в Богемской земле вспыхнет война так, что Майер не сможет в безопасности ни собирать добытое олово, ни сбывать его, а также, вследствие опасного пути, и доставлять деньги за олово в Шлакенвальд, то Мы, смотря по обстоятельствам, милостиво договоримся с ним, чтобы он, Майер, не был в это время отягощен сбором и сбытом олова. Все это верно и без обмана ...

Дано в Праге 6 декабря 1549 г. *(Strieder. «Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen», 1925, S. 441—446.)*

Заемное письмо Конрада Майера Антону Фуггеру.

1553 г., 20 июня.

Я, Конрад Майер, гражданин города Аугсбурга, признаю настоящей собственноручной грамотой за себя и за своих наследников, что я, в силу справедливого и правильного долга, стал и должен считаться должником благородного господина Антона Фуггера, его римского императорского и королевского величества советника, на 50 000 рейнских гульденов в монете, в обращающейся в стране валюте, которые я сегодня, в день выдачи настоящего письма, получил и принял наличными от Антона Фуггера на три ближайших года для того, чтобы вложить их в заключенный мной откуп олова (gethonen Zinnkauf) и не выплачивать [их в течение этого времени] обратно. За это должен я или мои наследники уплачивать Антону Фуггеру или его наследникам в качестве прибыли и процентов по 10 гульденов со 100 в год в течение означенных трех лет. Уплату эту производить или здесь [в Аугсбурге] или в Нюрнберге и первый взнос сделать через год от числа этой грамоты. По истечении трех лет Антон Фуггер или его наследники имеют право заявить мне или моим наследникам тогда, когда им это будет удобно — через долгий или короткий срок, о выплате им полностью или половины капитала ссуды в 50 000 рейнских гульденов в монете, как им это будет угодно. И через год после заявки должен я или мои наследники уплатить означенному господину Антону Фуггеру или его наследникам половину заявленного капитала, а через восемь месяцев другую половину заявленной суммы вместе с просроченными и не выплаченными процентами. Уплату производить здесь в Аугсбурге или в Нюрнберге, не вводя их [Фуггеров] в какие-либо расходы до тех пор, пока не будет им выплачена вся сумма капитала вместе с просроченными и неуплаченными процентами. И если случится так, что мне не понадобится означенная сумма денег — до истечения трехлетнего срока или после, то я или мои наследники должны заявить... Антону Фуггеру или его наследникам [относительно возвращения] всего или половины означенного капитала. И через год после этой заявки должен я или мои наследники произвести уплату Антону Фуггеру или его наследникам заявленной суммы вместе с просроченными процентами здесь, в Аугсбурге, или в Нюрнберге в имеющей хождение валюте, обеспечивая это всем моим имуществом и добром, движимым и недвижимым, настоящим или будущим, каковое я им настоящей грамотой отдаю в залог, и это добросовестно и без обмана. В действительное удостоверение чего приложил в конце означенной грамоты свою печать.

Свершено в Аугсбурге июня 20 дня 1553 г. *(Strieder. «Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen», 1925, S. 511—512.)*

Из процесса Фуггеров против Конрада Майера.

[Показания Ганса и Маркса Фуггеров (наследников Антона)]: «Если он [Майер] означенные деньги употребил на финансирование своего, заключенного с достославнейшей памяти его императорским величеством, договора на откуп олова, то он их употребил в этом отношении, как свои собственные, ему одному

принадлежащие деньги на финансирование означенного откупа и торговли оловом...»

[Показания Конрада Майера]: «Я предоставляю каждому сведущему человеку подумать — если бы покойный Антон Фуггер не знал, что это дело имеет совершенно другое значение, форму, смысл и [вызвано особыми] обстоятельствами, то неужели он не предъявил бы ко мне требования по этим 600 000 гульденам и процентам по ним и не потребовал бы возмещения по ним, да и сыновья его в течение 15 лет ничего не взыскивали с меня по этим 17 грамотам... И я согласно его [Антона Фуггера] приказа, как правильно вести торговлю и выполнять его волю, задержал сначала продажу олова (хотя я сам по веским причинам советовал не делать этого). Между тем по целому ряду причин цена на олово упала. А так как в это дело были вложены большие наличные деньги и он хотел их вернуть, то я должен был продавать, чтобы деньги снова пришли бы в его руки, что я делал по его приказу, и он вернул большую сумму наличными деньгами — больше 100 000 гульденов, что была выручена от продажи олова. Так как я никогда не считал правильным или выполнимым сбывать олово без прибыли и даже в убыток, а он, наоборот, насильно требовал, чтобы я продавал, сколько бы оно ни стоило, и так как я на это не соглашался, то он потребовал выдать ему олово на руки, чему я и не препятствовал. Я выдал ему во все склады, куда он хотел, письма и приказы о передаче ему олова, долгов и векселей, что и было выполнено всюду, где он этого потребовал: в Нюрнберге, Франкфурте, Кракове, Шлакенвальде, Праге и в других местах. Векселя, долги, олово, также конторы со всем инвентарем взял он в свои руки, т. е. принял все дело и дальше повел его, не спрашивая меня, по своей воле и желанию, в чем я по вышеуказанным причинам и не делал ему никакого препятствия или возражений. *(Strieder. «Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen», S. 506, 507.)*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мы даем сводку нескольких таблиц, составленных Штридером (J. Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus, 1904) на основании податных списков Аугсбурга XV и XVI вв. Фактические суммы платежей, зависящие также и от налоговой ставки, колеблющейся в разные годы от 1,66% в 1396 г. до 0,5% в 1510 г., приведены к одному коэффициенту — максимальной ставке, т. е. 1,66%, и переведены в венгерские гульдены. Надо иметь в виду, что точное вычисление размеров имущества почти невозможно, так как недвижимость облагалась вдвое ниже против движимого имущества.

[2] Это все имена наиболее значительных горноделов Тироля. Зигвейн и Фюгер принадлежат к старинным богатым фамилиям города Галля (город в Тироле в долине Инна). Ср. табл. «Добыча серебра в Тироле». Ср. договор 16 марта 1499 г. об откупе медной руды.

[3] По мирному договору с Венецией 13 ноября 1487 г. эрцгерцог должен был уплатить республике 100 тыс. гульденов. Эта контрибуция была снижена потом до 83 627 гульденов. Яков Фуггер вместе с горноделом Антонио де Кабаллис (Антон фон-Росс) ссудили эрцгерцога для этой цели 23 627 с лишним гульденов. Война вспыхнула вследствие захвата эрцгерцогом рудников в Примиэро, принадлежащих поселившимся тут венецианцам (венецианская колонизация южного Тироля!), и за ограбление венецианских купцов на пути в Боцен.

Примэр (Primör, Primiero) — долина и местечко в южном Тироле у границы с Венецианской республикой.

[4] Руда и металл приобретались казной четырьмя способами: 1) в казну горноделами вносился **р у д н ы й о б р о к** (Frohne) в размере $^1/_{10}$ доли всей добытой руды; 2) выплавленное серебро поступало в силу права «обмена» (Wechsel); 3) такого права на медь и другие металлы не существовало, казна прибегала тогда к **о т к у п у** добычи на известный срок; кроме того, вывоз меди был обложен пошлиной обычно в 1 гульден с центнера; 4) казна участвовала в качестве пайщика в горных предприятиях.

«**О б м е н**» (Wechsel). В силу регалии на недра эрцгерцог имеет право предварительной скупки всего выплавленного серебра по установленной им твердой цене (значительно ниже рыночной). Горноделы не могут свободно распоряжаться добытым металлом, но должны «выменивать», сдавать в казну, добытый металл по этой цене. Разница между «обменной» и фактической рыночной ценой составляла чистый доход эрцгерцога. Термин «обмен» стал также обозначать именно эту разницу. Иногда, уплачивая ее, горнодел получал свободу распоряжения металлом. Когда заем погашается из «обмена», то считается, что кредитору предоставляется металл по «твердой» продажной цене — обычно 8 гульденов с лишним за марку (фактически тоже ниже действительной рыночной цены). На самом же деле кредитор уплачивает лишь казенную закупочную цену горноделам. Погашение ссуды может также происходить путем безвозмездного предоставления серебра, оцениваемого по твердой продажной цене. В наших документах встречаются обе комбинации *(ср. Jansen. «Anfänge der Fugger», S. 54; Jansen. «Jacob Fugger der Reiche». S. 11, 12· Jäger* в *«Archiv für österreichische Geschichte», B. LIII, S. 371; Worms, «Schwazer Bergbau», S. 29 — 32.)*

[5] «**У л ь р и х Ф у г г е р и е г о т о в а р и щ е с т в о**». В товарищество входили, кроме Ульриха, еще два его брата, Яков и Георг. В первом договоре товарищества этих трех братьев от 18 августа 1494 г. говорится, что «они уже в течение нескольких лет, как братья и товарищи, имели и вели общую братскую торговлю и дело».

[6] **Р е й н с к и й г у л ь д е н**. Золотая (с конца XV в. и серебряная) монета и счетная единица. По договору, заключенному в 1386 г. четырьмя рейнскими курфюрстами (архиепископами Кельнским, Майнцским и Трирским и курфюрстом Пфальца), «золотой» (гульден), в подражание флорентийскому золотому (фиорино д'оро 1252 г.; копии с него — венецианский цехин 1283 г. и венгерский гульден 1309 — 1342 гг.), должен был чеканиться так, чтобы из кельнской марки (233,8 *г*, см. примеч. 6) золота пробы в 23 карата (см. примеч. 6) выходило бы 66 штук монет в 1 гульден, т. е. из одной марки чистого золота $68^{20}/_{23}$ монеты. В течение всего XV и XVI вв. наблюдается падение ценности «золотого»: ухудшается проба и уменьшается вес монеты (в 1425 г. проба — 19 каратов, вес — 100 гульденов из 1,5 марки, т. е. из 1 марки чистого золота — $84^4/_{19}$ гульденов; в 1500 г. проба в $18^1/_3$ карата, из марки чистого золота — 92,54 гульдена; в 1522 г. комиссия экспертов по монетному вопросу при рейхстаге определяла пробу обращающихся рейнских гульденов в 18 каратов 6 гранов. Падение рейнского «золотого» видно также из следующей таблицы:

РЕЙНСКИЙ ЗОЛОТОЙ ГУЛЬДЕН В XV И XIV ВВ.

Годы	Количество золота в граммах	Ценность в германских марках	Ценность в золотых рублях
1400 .	3,222	9,27	4 р. 29 к.
1404 .	3,222	9,27	
1410 .	3,248	9,06	4 » 19 »
1417 .	2,953	8,23	3 » 81 »
1423—1464 .	2,777	7,95	3 » 68 »
1465 .	2,696	7,52	3 » 48 »
1477 .	2,647	7,39	3 » 42 »
1480—1533	2,547	7,05	3 » 26 »

Тирольское правительство одно из первых (Сигизмунд в 1484 и 1486 гг.) стало чеканить серебряную монету (позднейшие талеры), по ценности равную «золотому» — 8 штук из тирольской марки серебра (254,7 грамма) пробы 15 лотов. Гульден делился или: 1) на 15 батценов и 60 крейцеров, или 2) на 20 шиллингов, а каждый шиллинг на 12 геллеров, или 3) так называемый «венский счет» — 8 шиллингов по 30 геллеров.

[7] Марка — единица веса ценных металлов. «Обменное» серебро считали в Тироле на венскую марку (280,7 грамма). Кёльнская марка равняется 233,9 грамма. Марка по венскому счету делилась на 16 лотов. Вес чистого металла в сплаве (проба) выражался — для золота в каратах (24 карата в марке) и гранах (12 гранов в карате), для серебра — в лотах (16 лотов в марке).

[8] Швацкая проба (вернее, плавка). Плавка бликового серебра на определенную пробу была разрешена лишь особому присяжному плавильщику в Шваце, Швацкая проба = 14,5 лота чистого металла в марке серебра. Каждый слиток взвешивался, клеймился и записывался. Тогда только серебро становилось «продажным товаром» (Kaufmannsgut). Продажа не взвешенного и не клейменного серебра была запрещена под страхом конфискации имущества.

[9] Монетный двор в Галле. На монетный двор сдавалось все серебро, причитающееся эрцгерцогу по праву «обмена».

[10] Доход с чеканки получался вследствие разницы между действительной стоимостью металла в монете и ее номинальной стоимостью. Это стояло в тесной связи с пробой и чеканом (весом) монеты. Ср. оговорку в конце договора от 24 марта 1491 г.

[11] Орт — $^1/_4$ гульдена.

[12] Для иллюстрации того, как происходили эти платежи, приводим несколько цитат из «тирольских счетных книг» (Raitbüchern), т. е. официальных записей графского казначея о приходе и расходе:

«Запись казначея эрцгерцога о расходах и получениях... [Январь, 1489 г.] Фуггер уплатил в счет взноса месяца Эргарда [январь] как ниже следует:

Ульриху фон Габсберг по векселю .	2 500	гульд.	— крейцер.
Гансу Рамунгу за ссуду	660	»	— »
Городу Кемптену до полного погашения долга за хлеб	660		5
Гансу Дипперскирхену, кухмистеру	900		—
„ еще по двум его квитанциям	500		—
Урбану Вейденбаху провиантмейстеру	1 216		—
Г-ну Якову фон Шпаур . .	50		—
Вильгельму Ауэру, штальмейстеру	24		—
Гансу фон Гаусен, лесничему . .	24		—
Гансу Баумгартнеру из Куфштейна первый взнос в погашение его ссуды займа Нам дан под «обмен» серебра	1 093		45 »
Наличными деньгами .	2 426		10 »
Все вместе составляет .	10 000	гульд.	— крейцер.

(Jansen. «Anfänge der Fugger», S. 137.)

[13] Годовая добыча серебра в Тироле не покрывала всего долга. Ср. табл. стр. 56.

[14] Фёлины из Меммингена — Vöhlin aus Memmingen (город в южной Баварии недалеко от Боденского озера). Тесна связь этих капиталистов с Вельзерами: в 1479 г. одна из Фёлин выходит замуж за Антона Вельзера. Через Фёлинов в тирольских горных предприятиях участвовал, таким образом, и вельзеровский капитал. Фёлины позже выступают в силезской золотопромышленности.

[15] На собственной эрцгерцогской плавильне в Иннсбруке переплавлялась руда, получаемая в качестве оброка (см. примеч. 3), а также и добываемая из некоторых мелких рудников около Иннсбрука.

[16] Ганс Баумгартнер и его товарищество из Куфштейна (Тироль). Горнозаводчики, одни из кредиторов [ссуда давалась под «обмен» серебра (ср. примеч. 2)] Сигизмунда и Максимилиана, потом оттесненные Фуггерами [ср. в отделе «Синдикаты и монополии XV — XVI вв.» договор 1498 г.: Фуггеры выплачивают долги тирольского правительства Баумгартнеру»] (ср. выше примеч. 11).

По договору 1492 г. с Максимилианом Ганс Баумгартнер из откупленных им у швацких горноделов 30 000 центнеров меди по 4 гульдена 3 орта за центнер уступает королю 2 400 мейлеров (= 24 000 центнеров) меди с доставкой ее в Венецию по цене 49 дукатов (= 65 рейнских гульденов 20 крейцеров, дукат = = $1^1/_3$ рейнского гульдена) за мейлер. Король, с своей стороны, принимает на себя долг Баумгартнера горноделам за медь и погашает его путем повышения казенной цены за сдаваемое ими серебро с 5 гульденов до 6 гульденов 20 крейцеров вплоть до выплаты всей суммы (142 500 гульденов). [Ср. договор 20 мая 1498 г. (Госсенброд, Фуггеры, Герварт)]. Аналогичный договор заключен был в 1496 г.: Горноделы продают Баумгартнеру 20 тыс. центнеров меди по 5 гульденов. Ганс Кнолль, представитель фирмы Баумгартнера, доставляет Максимилиану 24 000 центнеров в Венецию по цене 49 дукатов за центнер. Долг как горноделам, так и Баумгартнеру (который также ведь горнозаводчик) уплачивается путем повышения казенной цены на серебро с 5 гульденов до 6 гульденов 20 крейцеров. Договор этот стоит в тесной связи с новыми предприятиями Фуггеров в Венгрии: разработкой медных рудников около Нейзоля. С самых первых моментов уже почувствовалась конкуренция между тирольской и венгерской медной рудой.

[17] Центнер — 100 фунтов. Мейлер — 10 центнеров.

[18] Kretz — скрапп — отбросы от плавки металла.

[19] Этому договору предшествовало соглашение 3 апреля 1498 г. между Яковом Фуггером и Максимилианом, по которому король должен был провести так называемый «вечный» откуп меди, т. е. исключительную поставку всей меди на неопределенное время Фуггерам. Кроме того, им давался беспошлинный провоз венгерской меди по Дунаю через Австрию. За это король получал право участия в прибылях от операций с медью. После длительных переговоров соглашение вылилось в описанные в наших документах формы.

[20] Венский центнер, венский вес. 1 венский центнер = (приблизительно) 57 *кг*.

[21] 80 крейцеров (один рейнский гульден = 60 крейцерам) равны одному дукату или венгерскому гульдену (см. примеч. 5). Поэтому в следующих документах эта накидка на казенную цену сокращенно прямо называется «дукат за серебро». В противоположность рейнскому гульдену, венгерский гульден оставался в течение XV — XVI вв. очень постоянным в весе и пробе — 3,44 грамма чистого золота, т. е. по ценности металла приблизительно 3 р. 56 к. золотом.

[22] Веронский ливр (Pfund Berner). Один ливр веронских денариев = = $^1/_5$ гульдена; 1 веронский денарий (denarius Veronensis) = $^1/_{2100}$ рейнского гульдена.

[23] Ганс Сюиттер — фактор Фуггеров в Иннсбруке.

[24] Ганс Турцо из Кракова является, повидимому, крупным знатоком горного дела. Он постиг в совершенстве два «последних слова» тогдашней техники: откачивание воды из шахт и способ зейгирования медной руды, т. е. выделения чистой меди и серебра при помощи свинца. Последнему он научился в Венеции. Уже в 70-х годах XV века он выступает в горной промышленности Гарца и Венгрии, где ему в 1475 г. за плату в 1 венгерский золотой в неделю и получение $^1/_6$ добычи поручается откачивание вод из шахт 7 карпатских горных городов: Кремница, Нейзоля, Шемница, Кенигсберга, Пуканча, Дильна и Либетана. Фуггеры работали в компании с Турцо более 30 лет, до 1525 г., потом они повели дело одни. «Общее венгерское дело» Фуггер-Турцо считалось предприятием, независимым от фирмы Фуггеров в Аугсбурге. Для облегчения расчетов оба пайщика покупали у «Венгерского дела» товар по твердой цене. Так, по соглашению 1503 г., Фуггеры в Данциге покупали: кованую медь по 4,5 рейнских гульденов за центнер, литую медь — по $4^1/_4$ гульдена за центер, сырую медь — по 4 гульдена за центнер. Турцо на месте в Нейзоле закупали для сбыта в Россию, Польшу и Пруссию кованую медь по $3^1/_4$ венгерских гульдена за центнер, литую медь — по 3 гульдена, сырую медь — по $2^3/_4$ гульдена за центнер, красную медь — $2^1/_2$ гульдена за центнер, медь из Либетана — $2^1/_4$ гульдена. За 10 лет (1495 — 1504 гг.) Фуггеры вложили в Нейзольское предприятие 1 064 499 венгерских гульденов и получили с него 1 001 837 гульдена. Предприятие осталось должно им 62 662 гульдена, что и было покрыто наличными деньгами и товаром. За 30-летие (1495 — 1525 гг.) из общей прибыли на долю Фуггеров пришлось 712 618 рейнских гульденов. (572 446 гульдена наличными, 168 172 гульдена актив, 28 500 гульденов

было уплачено в качестве особого вознаграждения Георгу Турцо.) Всего было продано 881 300 центнеров меди, из них Фуггерами — 720 000 центнеров. Считая прибыль 1 гульден с центнера, Фуггеры получили от этой продажи еще 720 000 гульденов, итого вся прибыль Фуггеров составила 1 432 118 гульденов.

[25] Килиан Ауэр — гражданин Бреславля, тамошний фуггеровский фактор.

[26] Настоящие документы относятся к одной из крупнейших спекулятивных операций XVI в. Дело идет о попытке монополизировать всю добычу олова в Средней Европе. 29 октября 1549 г. король Чехии заключает с горноделами договор на «куплю олова на 20 лет». Повидимому, сделка была заключена под давлением аугсбургских капиталистов. Предполагалось, что король потом переуступит свои права по этому договору. Приводимые нами документы и являются юридическим оформлением этого. То же самое должен был сделать курфюрст саксонский: заключить «куплю» на олово со своими горноделами. Затем, по заключении этих двух договоров, предполагалось соглашение между богемским и саксонским монополистами в целях регулирования сбыта олова. Морицу Саксонскому не удалось договориться с горноделами: те категорически отказались от «купли», и это повлекло за собой крушение всего плана. Ожидаемого повышения цен на олово не наступило, охранить габсбургские земли от наплыва саксонского и английского металла не удалось. У Конрада Майера, «выдерживавшего» товар, не хватило денег на плату горноделам, и пришлось пустить на рынок часть запасов. Появление вновь чешского олова из майеровских складов лишь окончательно сбило цены: в 1549 г. — 14 рейнских гульденов за центнер, 1551 — 1553 гг. — 10 гульденов за центнер. — Целый ряд соображений заставляет предполагать, что Конрад Майер является лишь подставным лицом, за которым действуют Фуггеры: современники единогласно это утверждали; Конрад Майер долгое время находился на службе у Фуггеров доверенным лицом; фуггеровский бухгалтер составлял формуляры книг для его предприятия. Но юридическая форма участия фуггеровского капитала точно не может быть выяснена; о ней не знали даже наследники заключившего соглашение с Майером Антона Фуггера — Маркс и Ганс Фуггеры. Майером было выдано Фуггеру 17 заемных расписок, подобных приводимой нами в тексте, на общую сумму в 600 тыс. гульденов. Иск о возвращении денег наследники вчинили лишь в 1564 г. Дело рассматривалось в аугсбургском городском суде. Фуггеры не получили своих денег. Потеря 600 тыс. гульденов была очень чувствительна даже для такой мощной фирмы. Она, несомненно, сыграла свою роль в денежных затруднениях 50-х и 60-х годов, когда торговый дом Фуггеров был близок к гибели. Одной из причин крушения Фуггеров были не только государственные банкротства, но и неосторожные спекулятивные операции.

III. ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ XVI В. (ФУГГЕРЫ И ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКАЯ ВОЙНА.)

Первая группа источников характеризовала условия роста капитализма. Материал по «финансированию» Шмалькальденской войны освещает германский капитализм с другой стороны, когда капитал не ограничивается экономической эксплоатацией государства, но выступает, как сила, определяющая политику. В политической истории Германии XVI в. можно указать два таких особенно ярких решающих политических выступления капитала — это выборы императора в 1519 г. и Шмалькальденская война 1546 г. 1546 год — один из самых критических моментов в истории Габсбургов в XVI в., один из моментов их наибольшей зависимости от сильных денежных людей. С другой стороны, это время наибольшего расцвета Фуггеров. Состояние источников позволяет довольно точно выяснить решающую роль, которую они тогда сыграли. Современники прямо говорили, что войну вызвали Фуггеры и Вельзеры, ибо без их помощи императору вообще не на что было бы ее вести. Фуггеры выступили неожиданно, и это

№№ по порядку	Дата	Характер операции	Получатель	Сумма	Курс
1	Май 1546 г.	Вексель из Испании в Германию . .	Император	150 00 дукатов	80 крейцеров
2	Июнь 1546 г.	» Испании в Геную .		150 000 ескудо	90
3		» Германии в Неаполь. . .		70 000	90
4	Конец июля 1546 г.	Ссуда в Антверпене .	Дуччи для императора	41 961 фландр. фунт.	240 грошенов
5	11 октября 1546 г.	«на финансы» в Антверпене . .	Нидерландский двор	100 000 дукатов	65 крейцеров
6	Ноябрь 1546 г.		Император	30 000	72
7	27 января 1547 г.	Вексель на Нидерланды . .		122 477 флоринов	53
8	27 января 1547 г.	.		20 000 крон	72
9	16 мая 1547 г.	.		60 000 флоринов	53
10	2 июля 1546 г.	Ссуда в Вене, Нюрнберге Регенсбурге.	Король Фердинанд	110 000	60
11	29 марта 1547 г.	» Вене и Нюрнберге . .		30 000	60
12	15 июля 1546 г.	» Шваце .	Правительство в Иннсбруке	10 000	60
13	Сентябрь 1546 г.	«Пособие» . . .	Испанское правительство	55 000 дукатов	82

тем характернее. Первоначально предполагалось обойтись без них, как и без других аугсбургских капиталистов. На них нельзя было рассчитывать из политических соображений: оказывая помощь императору, они, граждане протестантского Аугсбурга, были бы поставлены в чрезвычайно трудное положение.

Главные средства на войну против протестантов должна была дать римская курия в виде наличных денег, уступки папских доходов в Испании, продажи монастырских ленных доходов. Но когда папа отказался выполнить полностью свои обещания, из Испании же писали о безнадежном денежном положении, а между тем, несмотря на строгую тайну, военные приготовления императора были разгаданы и не удалось расколоть протестантов, то положение императора стало необычайно трудным. Его спасли лишь быстро двинутые испанские, венгерские, итальянские и нанятые в Верхней Германии войска. Деньги Фуггеров дали возможность осуществить эту мобилизацию. Характерна не столько величина сумм, сколько быстрота их предоставления. Фуггеровский торговый аппарат показал себя в полном блеске. Финансирование Фуггерами Шмалькальденской войны можно иллюстрировать следующей таблицей (см. стр. 78).

Мы взяли только материал по первым трем операциям. Они — и наиболее крупные, и наиболее важные, и лучше всего освещены в испанской правительственной переписке, отрывки из которой мы приводим. Запутанные испанские тексты раскрывают перед нами сложную систему переговоров, ведущихся одновременно в двух, трех иногда даже в четырех местах. Обе стороны проявляют большую цепкость. Можно проследить, как в течение переговоров меняются условия. Тяжелая нужда в деньгах, с одной стороны, желание сохранить и еще больше укрепить свое положение в испанском государственном хозяйстве, с другой, — вот двигающие мотивы.

Участие других верхне-германских торговых домов было незначительно. Вельзеры участвовали только в одной сделке и то лишь всего из одной десятой доли. Но нужно отметить, что при выполнении своих обязательств перед императором Фуггеры привлекали в значительной мере чужой капитал. Пассив в вексельной книге 1546 г. очень высок (694 026 флоринов). Переводный вексель был главным орудием платежа. В 1546 г. на Аугсбург, Нюрнберг, Регенсбург буквально лился поток этих векселей.

Переговоры вращались, главным образом, вокруг вопросов о гарантиях и сроках. Как были распределены гарантии займов и каков был ход погашения их, можно видеть из приводимых нами выдержек из баланса 1546 г., касающихся погашения долга Вельзерам. Очевидно, что частичные погашения последнего должны были считаться происходящими одновременно с поступлением соответствующих доходных статей. В ряду гарантий первое место занимали маэстразгос. Распределение гарантий можно представить в следующей таблице (см. стр. 80).

Характерным для положения Фуггеров, как капиталистов международного масштаба, являются их отношения к противному лагерю и городу Аугсбургу. Некоторые сведения об этом нам дают приводи-

Обеспечение	Вексель № 1		Вексель № 2		Вексель № 3		Дукаты	Мараведи
	Дукаты [1]	Мараведи	Дукаты	Мараведи	Дукаты	Мараведи		
Маэстразгос [4] .	64 297	015	122 464	—	61 353	047	248 114	062
Иервас [6] .	30 000	—	3 683	—	49 813	125	83 496	350
Полугод. доход [3] .	—	—	45 000	—	—	—	45 000	—
Круцада [2] .	—	—	45 000	—	—	—	45 000	—
Итого..	94 297	015	216 147	225	111 166	172	421 611	037

мые отрывки. У «Христианского Согласия» (войско протестантов) раздражение против аугсбургских тузов, помогающих врагам правой веры, чередуется с попытками завязать с ними сношения и в свою очередь получить от них заем. Финансы «Согласия» находились в весьма плачевном состоянии, и поправить их, и тем самым спасти вообще все дело «Согласия», можно было только путем большого займа. Вопрос о принудительном займе был поднят в июне и дебатировался все лето. Строптивым капиталистам грозили конфискацией имущества и разгромом поместий в случае отказа. Особенно старались ульмцы, для которых вейсенгорнские мануфактуры Фуггеров, у самых ворот города, были бельмом на глазу. Угрозы оказались бессильны, так же бесплодны были попытки «зайти с заднего крыльца». Наши отрывки и рисуют именно эти шаги дипломатии «Согласия». Отказом капиталистов дать деньги на «оборону правой веры» это дело было обречено на гибель.

Тексты переведены с испанского языка. За дружескую помощь при переводе и редактировании — глубокая благодарность Ф. В. Кельину.

1. Из переписки императора Карла V с инфантом и великим комтуром.[1]

Великий комтур Леона, Франциско де-лос Кобос, императору Карлу V.

1546 г., 8 января.

Я послал вашему величеству отчет о том, как почти все, что имеется в обычных доходах, и в круцаде,[2] и полугодовом доходе, и орденских доходах (medios frutos y ordenes),[3] уже сдано на откуп (consignado) и израсходовано (gastado), и, кроме того, теми займами, которые взяли в. в. и королева Мария, и теми, которые мы послали в. в., поглощено будет все золото, которое прибыло из Индии, и которое было взято у частных лиц, а также и то, что имеется от этих доходов и откупов и от продажи должностей. Уже израсходованы [доходы] 1547 г. так, что вплоть до конца 1548 г. нет ничего, подо что можно было бы выдать вексель (librar), или что можно было сдать на откуп из

служб или круцады. или судебных штрафов (composiciones). А теперь ведь только начало года, а на обычные и необходимейшие расходы нужно более 700 тыс. дукатов, [1] и у меня нет ничего, что можно отдать на откуп, как это в. в. усмотрит из посылаемой при сем записки. Я был так удручен и огорчен, когда увидел это, что не знаю, какое средство употребить, ни что делать, в особенности, получив вести от в. в. о том, что оно подозревает, что французы не будут соблюдать мира [то же было сообщено и из Перпиньяна]... Во всем Королевстве нет никого, кто бы согласился купить что-либо из должностей или из прав или из доходов от них. Ничего невозможно сделать.

Войско умирает с голоду, [так как] жалованье не уплачивается уже в течение года и четырех месяцев... Много еще и других вещей, которые требуют расходов, на что у меня денег нет больше, чем указано в отчете. Как я писал в другом письме в. в., главная цель, которая здесь преследовалась, это услужить и помочь в. в. Я дошел до такого предела истощения всех средств, что из всех богатств уже ничего больше нельзя ни взять, ни сделать. Бог свидетель, как тяжело мне это так открыто говорить в. в., но меня побуждает к этому соображение, чтобы в. в. знали, что произошло, и чтобы в. в. не надеялись, что ему возможно будет получить отсюда помощь...

Единственной статьей, откуда можно было бы извлечь некоторые средства, является аренда маэстразгос. [4] Срок прежнего договора кончается в конце этого года, и уже время вступить в соглашение относительно дальнейшей аренды... Необходимо рассмотреть тех лиц, кому передать аренду... В числе тех, о которых говорили, были и Фуггеры. Я хотел бы, чтобы они получили ее, ибо, помимо того, что будут твердо соблюдены все ее условия, вассалы ордена до сих пор пользовались [от них] хорошим обращением; можно будет также переговорить с ними, чтобы они дали в. в. пособие до 150 тыс. дукатов, [1] которые нужны в этом году для двора и получить которые иным путем я не вижу возможности. Они [представители Фуггеров] хотели бы, чтобы это дело было бы передано туда [в Германию к императору] так, чтобы в. в. приказали бы переговорить с их хозяевами. Мне это кажется правильным, но до того, как это будет сделано, следовало бы здесь узнать от них, что они хотят предложить. *(Kirch. «Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg», S. 199—200.)*

Император Карл V инфанту.

Регенсбург, 24 апреля 1546 г.

[Карл сообщает о своих приготовлениях к войне против протестантов: Иначе действовать было нельзя] не только ради дела религии, но и ради безопасности и сохранности Наших государств и Нашего Дома Австрии и невредимости и спокойствия Нашей Особы... [приготовления должны вестись] со всей скрытностью и секретностью, какая тут необходима, и прежде, чем будет это раскрыто и известно, нужно выехать отсюда [т. е. из Регенсбурга], так как почти весь этот город на стороне лютеран, и отправиться в один из замков Баварского герцога под предлогом отдыха и поправления здоровья после рейхстага, который Мы тут держали. Мы полагаем, что в лучшем случае

Мы соберем войско к концу июня. Мы рассчитываем иметь по меньшей мере 40 тыс. пехоты: 8 000 испанцев вместе с теми, которые придут из Неаполя и Пьемонта, хотя там останется около 500 человек, и из Венгрии, и 12 тыс. итальянцев, которые даст его святейшество, от которого будут взяты всяческие гарантии, какие только возможно, что он выполнит это, а также и то, что он обещал, и 10 тыс. низовых немцев, и столько же из Верхней Германии, и 6 000 тыс. из Фландрии, и 1 000 легкой кавалерии, и артиллерия, и снаряжение, какое будет нужно. И так как для того, чтобы поднять и собрать это войско, а также запасы и снаряжение, — а это следует сделать прежде всего,— нужна сейчас изрядная сумма денег, то было подвергнуто обсуждению, в какой мере можно было бы их получить так, чтобы это не стало известным, и выяснилось, что необходимо договориться с Фуггерами или Вельзерами или с кем-нибудь одним из них о получении под предлогом, что деньги нужны для содержания двора, займа в 150 — 200 тыс. дукатов [1] с уплатой их в Аугсбурге или Нюрнберге, если возможно сейчас же, если же нет, то в такие сроки, чтобы деньги были получены прежде, чем станет известно о Нашем предприятии для того, чтобы они не смогли уклониться от этого, из своих ли соображений или говоря, что на это не согласятся протестанты, и надо сделать это так, чтобы платить лишь умеренные проценты.

В Геную [нашему] послу Фигуэроа будет написано со специальным курьером, чтобы он, как бы от себя, стал бы искать и нащупывать, не найдется ли кто-либо, кто пожелал бы дать некоторую сумму, приблизительно 150 тыс. дукатов, [1] обеспеченных поступлениями полугодового дохода, который был Нам уступлен его святейшеством, [3] и от маэстразгос [4] за два первые года. Это весьма верное обеспечение, что кредиторам будет выплачена и ссуда, и проценты. Относительно сроков ему было сообщено, чтобы он договорился так, чтобы деньги были получены в половине июня, ибо для доставки их сюда потребуется еще 15 — 20 дней. Относительно монеты [ему предписано], чтобы она была во всяком случае золотая, хотя это и стоит несколько дороже, ибо здесь, в Германии, из итальянских монет имеют хождение только дукаты [1] разного чекана. [Мы также напишем ему], чтобы он немедленно уведомил Нас, чего ему удалось достичь и на что он надеется, для того, чтобы Мы, рассмотрев все, могли вынести решение. Во Фландрии будет заключен другой заем в 200 тыс. дукатов, который пойдет на то, чтобы поднять 10 тыс. низовых немцев и 3 тыс. всадников. Там можно будет в короткий срок найти и собрать эти деньги, взявши их, главным образом, под финансы, [5] под обычное обеспечение. Эта операция наиболее выгодная. Там нельзя будет взять больше, в виду трудностей, связанных с пересылкой денег сюда. Необходимо было разделить всю денежную операцию таким образом, как потому, что невозможно было бы получить в столь краткий срок из одних рук такую сумму денег, так и для того, чтобы это было сделано в большой тайне. От заключения займа в Венеции придется, повидимому, отказаться, ибо там не найдется нужного количества денег, так что Мы останавливаемся на том, чтобы были заключены займы на 600 тыс. дукатов, не включая

сюда проценты, под означенные обеспечения и золото, имеющее притти из Индии...

Сообщивши обо всем этом только Великому комтуру Леона из Нашего Государственного совета, Вы поручите ему от Нашего и Вашего имени, чтобы он, невзирая на то, что здесь будут вестись переговоры с Фуггерами, Вельзерами и генуэзцами, со своей стороны, там повел бы переговоры с ними и с флорентийскими купцами, не делая никакого исключения, в целях заключить два займа в 350 — 400 тыс. дукатов на условиях, указанных выше. Деньги должны быть даны в Германии так, чтобы они были получены в начале июня, чтобы это соответствовало обстоятельствам и чтобы они могли бы быть употреблены на то, что должно быть предпринято. Великий комтур пусть имеет в виду все беды, которые, если это не будет выполнено, могут произойти. А для того, чтобы с большей легкостью можно было бы это выполнить и получить деньги в одно время, было бы хорошо, чтобы, если окажется возможным вести с ними переговоры, распределивши оба займа, там был бы заключен и генуэзский заем, как это было указано, выставив однако условия, что будет выполнен тот заем, который раньше будет заключен тут или там, для того, чтобы они не столкнулись и не мешали бы ведению переговоров, которые будут на этих условиях вестись повсюду со всем тщанием для того, чтобы не оказался невыполненным тот или другой. Относительно буллы о полугодовом доходе,[3] то ею можно уже сейчас воспользоваться, положив ее в основу, так как соглашение с его святейшеством будет заключено раньше, чем начнутся переговоры об этих займах». *(J. J. Döllinger. «Dokumente zur Geschichte Karl's V», 1862, S. 43—46.)*

Великий комтур Леона императору Карлу V.

1546 г., 18 мая.

Предписание, которое ваше величество приказали дать относительно сбора денег, мне показалось весьма правильным, потому что, хотя проценты и были бы несколько выше, будет все же более подходящим то, что там в. в. получит, чем то, что здесь могло бы быть сделано, особенно в отношении срока платежа, так как здесь нельзя добиться займа в столь короткий срок, как этого требует в. в. и как было бы необходимо. Что же касается до займов в 150 — 200 тыс. дукатов... у Фуггеров и Вельзеров, то я вступил в соглашение с фактором Фуггеров, потому что фактор Вельзеров находился в Вальядолиде, о получении займа в 150 000 дукатов [1] с уплатой в Аугсбурге или в Нюрнберге или в Регенсбурге, причем 70 000 дукатов в первую очередь к концу июня, а остальные 80 000 в июле месяце. В этом и заключалась главная трудность, и я не смог добиться более коротких сроков. Они идут на условие, что, если бы в. в. заключили другой заем с ними, то выбирали бы в. в., каким [из двух договоров] вы желаете воспользоваться, и что обеспечения, которые здесь указываются, служат и для займа 150 000, которые в. в. заключит, как в. в. подробно увидит из копии посылаемого заемного письма. Процент обычный. Если тот, который в. в. удалось бы получить там, окажется более низким, то он и будет уплачиваться. Они не просили о том, чтобы

взять каким-либо образом в обеспечение поступления от полугодового дохода [3] в силу затруднений, которые, как они полагали, они могут иметь от этого с духовенством. С этим письмом отправляются векселя на указанные 150 000 дукатов...

Также мне показалось очень правильным, что в. в. приказало написать послу в Генуе. Дай бог, чтобы ему удалось получить этот заем. И тут самая большая трудность будет в том, чтоб он был дан в золотой монете и в указанный в. в. срок. Я уже говорил со всеми этими купцами относительно его, и наименее невыгодные условия, которых я добился, — это, что интересы, обычно уплачиваемые из 10%, не считая выгоды от получения здесь золотых дукатов и уплаты там в скудо, [1] будут равны 11%.

Они с трудом согласились на выдачу половины в золоте, на взносы в конце июня, июля и августа и на 14% в качестве интересов за отсрочку [в погашении]. Я не заключил договора как потому, что не был удовлетворен в отношении сроков платежа и в количестве золота, так и потому, что если бы в. в. получили заем в Генуе, то нельзя было бы соблюсти принимаемое Фуггерами условие, что действителен лишь один договор. В этом они правы, так как неизвестно, с кем будут договариваться в Генуе, и как те там, так эти тут должны будут сделать запас денег. Что же касается процента, то, хотя он и несколько выше обычного, вследствие большого недостатка денег в Италии, однако он мог бы быть принят . . . . .

После того, как это уже было написано мною, я, желая послать в. в. лучшее обеспечение, вступил в переговоры с итальянцами и немцами относительно 150 000 дукатов, которые следует получить в Италии, и после того, как произошло много всяких перипетий, огорчений и недоразумений, о которых я уже сообщал, я заключил заем, на мой взгляд очень выгодный. Взяли его факторы Фуггеров, и это было именно то, чего я желал, так как с ними в. в. может приказать вести там переговоры как об ускорении срока платежа, если бы это было подходящим, так и чтобы деньги вместо Италии были бы даны в Германии, и также, чтобы то, что они должны дать в серебре, было бы дано в золоте. Они согласились уплатить 150 000 скудо [1] в Милане или Генуе тому, кому в. в. прикажет: одну треть 15 июня, а остальные две до конца июля, половину в золоте, в скудо, [1] а другую половину в серебре по курсу скудо [1] (escudos del sol). В случае, если бы в. в. заключило другой заем в Италии, они согласны на условие, что в. в. будет предоставлен выбор, нужно ли воспользоваться этим займом, и в случае, если он не будет использован, они имеют уплатить лишь 50 000 дукатов на тех же условиях и точно так же, как они имели бы уплатить 150 000 дукатов. Они берут интересов за вексель не больше 9% — то, что обыкновенно давалось в обычные времена, и это удалось выполнить с великим трудом, так как, по правде говоря, деньги в Италии гораздо дороже, чем в прошлые времена. Так же они их дают из 13% за отсрочку платежей. Было установлено также другое выгодное условие: они будут требовать часть обеспечения полугодовым доходом, [3] относительно чего, как я писал, они, пока не было заключено договора, высказывали сомнение. Перевод договора я посылаю, чтобы

в. в. приказало бы его рассмотреть. Полагаю, что если в. в. приказало получить заем в Италии, то он должен быть более выгодным. В. в. выберет то, что будет более полезно, и прикажет это. И пусть в. в. имеет в виду, что в течение трех дней по прибытии этого курьера в. в. должно объявить свое решение, и если итальянский заем более выгоден, тем лучше, так как в. в. получит, помимо этого займа, еще 50 000 дукатов, что вместе составит 200 000 дукатов; если же нет, то преимущество будет в том, что если будет заключено соглашение с Фуггерами, то деньги, которые они имеют дать в серебре в Италии, они дадут в Германии. Пусть в. в. имеет в виду, что нельзя удовлетворяться 80 крейцерами за скудо, так как, по моим сведениям, в этом случае будет потеряно много денег, и пусть в. в. считает, что найти в золоте более половины займа было бы невозможно. Мне кажется, что с небольшими затруднениями можно будет вступить в соглашение с этими купцами, чтобы они дали там в. в. в деньгах, т. е. чтобы сделано было то, чего не смогли бы сделать итальянцы.

Вельзеры начали вести переговоры об этом, но оказались столь неуступчивы как в сумме, так и в условиях, что пришлось с ними их прекратить, так как, хотя в 150 000 займе в Германии они предложили лучшие условия, нежели Фуггеры, удовольствовавшись 10% за отсрочку платежа, но не просили другого обеспечения, как только во время ярмарок в мае и октябре этого года, что было невозможно дать им, так что они остались вне переговоров. *(Kirch. «Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg», S. 206 — 210.)*

Император Карл V инфанту.

1546 г., 2 мая.

Так как главное основание того, чтобы можно было успешно собрать войско, — это обеспечение деньгами, то был заключен заем в 200 000 скудо по 90 крейцеров с Антоном Фуггером и его племянниками, кроме других 20 000 дукатов, которые мы сначала запасли для уплаты жалования пехоте, находящейся в Венгрии, и других 25 000, взятых у Вельзеров, как это может быть усмотрено из копий заемных писем, тут посылаемых. Как в том, так и в другом случае было положено достаточно усилий и труда, ибо они, узнавши о нужде нашей в деньгах, поставили некоторые необычные условия, чего в другой обстановке они не сделали бы, но, во всяком случае, они уступили, насколько им это было возможно, и договоры были заключены с ними, чтобы не терять времени и не надеяться на займы, которые должны притти оттуда, в особенности за отсутствием уверенности, что платежи будут столь краткосрочны, а ведь вся суть сделки именно в том, чтобы иметь деньги собранными, по крайней мере для того, чтобы смочь поднять войско, прежде чем это будет разглашено. И хотя в договоре с Фуггером указаны эти сроки, однако он изустно предложил выплатить 100 000 скудо целиком в этом мае месяце или до 5 июня

Кроме этого, написано послу Фигуэроа и послано ему наше полномочие, чтобы он мог заключить другой заем до суммы в 200 000 скудо под обеспечение маэстразгос [4] и полугодового дохода, [3] хотя последний раз он сообщил нам, что не нашел никого, кто предложил бы более

50 000 скудо, но необходимо сделать все возможное, чтобы достать эту сумму, и, невзирая на то, что здесь принимаются меры к этому, не прерывать там переговоров, при том однако условии, о котором мы вам писали, чтобы одно не столкнулось бы с другим и не прекращались бы усилия, направленные к тому, чтобы всеми путями, какие только возможны, получить деньги, что означенному послу и приказано; вам же доводится до сведения, что может быть договорено. Мы также очень хотели, чтобы 70 000 дукатов, которые Фуггеры имеют дать в Неаполе, были бы выплачены здесь, но это не могло быть сделано, так как они говорят, что не имеют возможности и не при деньгах, ибо закончены платежи по Франкфуртской ярмарке. Вице-королю в Неаполь сообщается, чтобы он эти суммы постарался получить тотчас же, а также чтобы было приложено старание получить их в скудо итальянского чекана, а то, что будет дано в ходовой монете, чтоб было обменено на золото, хотя бы за это и пришлось несколько заплатить, имея при этом в виду, чтобы оно было бы качества, принятого в том королевстве, дабы на этом не пришлось потерять еще больше. Эти деньги — все или большую часть — должно послать тотчас же в Геную на галерах с верным человеком, чтобы оттуда их можно было бы переслать туда, где мы будем находиться. Главная причина, почему Фуггер согласился дать этот заем, — это надежда на получение маэстразгос. Он, со своей стороны, просил нас, чтобы в случае, если аренда была бы открыта, а мы были бы обслужены здесь, то чтобы она была бы дана ему, если бы оказалось, что условие и цена являются подходящими, или чтобы то же самое было бы совершено с его факторами. И ему было отвечено открыто, выводя его из заблуждения, что это невозможно и не должно быть сделано. Но для того, чтобы он не увильнул от заключения сделки, ему было дано понять, что мы решили дать ему аренду скорее, чем другому, при соблюдении однако интересов нашей службы и блага наших подданных и вассалов, но так как означенный Антон Фуггер нам хорошо служил и оказал помощь в нашей нужде, особенно же своим предложением на последнем рейхстаге, и так как он это сможет хорошо выполнить в настоящей обстановке, то мы просим вас, если это будет своевременно, приказать считать его особенно желательным для того, чтобы, если окажется, что он предложит те же условия, что и другие, ему было оказано предпочтение при откупе, тем более, что, согласно наших сведений, в течение времени, что он держал маэстразгос, говорят, он вел это дело так, что население как подведомственного района, так и соседних городов и все местные жители были вполне довольны. *(Kirch. «Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg», S. 211—212.)*

Великий комтур императору.

1546 г., 7 июня.

Уже из писем, отправленных 18 и 20 мая, в. в. увидят, какое тщание было приложено к заключению займов, раз посылаются квитанции на 300 000 дукатов: 150 000 на Германию и 150 000 на Италию, что вместе с 200 000, если в.в., как оно говорит, получит их во Фландрии, составит 500 000 дукатов. И в моем письме я сообщал, что мне ка-

жется, что это наибольшее, что можно сейчас сделать. Кажется, в. в. взяли у Антона Фуггера 245 000 дукатов и у Вельзера 25 000 дукатов, как видно из заключенных с ними займов. Они, по-моему, выгодны и согласны с посылаемыми отсюда договорами, и поэтому я желал бы, чтобы Фуггеры согласились выполнять займы, заключенные как там, так и здесь, а также чтобы Вельзеры согласились получить обеспечение здесь. С этими займами общая сумма достигла бы 570 000 дукатов, и не было бы нужды брать деньги в Италии или Фландрии. Я уверен, что, в случае необходимости заключить заем, при выполнении этого там встретилось бы больше трудностей, чем здесь, и не думаю, чтобы Фигуэроа смог бы заключить заем без уплаты бо̀льших процентов против уплачиваемых нами по заключенным нами займам. Если бы во Фландрии предполагалось сделать некоторый заем, то надо посмотреть, нельзя ли этого избегнуть, ибо было бы большой ошибкой, если бы дело до того дошло, что невозможно было бы выполнить обязательство по займам. С Фуггерами в деле о маэстразгос [4] было поступлено так хорошо и проявлена к ним такая милость, что хотя, по правде говоря, и в. в. была оказана очень большая услуга к выгоде в. в., как я скажу дальше, но и они получили за это и плату и льготы. Немалой причиной того, что они дали такую большую надбавку, какая была сделана, и на таких хороших условиях, было именно то, что они в доходах от маэстразгос получили обеспечение как заключенных с ними займов, так и других причитающихся им сумм. Я думаю, Антон Фуггер, чтоб услужить в. в., решится выполнить и тот и другой заем, если только он сможет это сделать. Что же касается до Вельзеров, то, раз это подлежит выбору в. в., следует отложить здесь выполнение и не платить им денег по их займу, и так как к тому, что там должно быть, в. в. прикажет приложить подобающее старание, то я лишь буду просить в. в. приказать немедленно уведомлять меня о том, что будет сделано по этому делу, и сообщаю, что я предложил факторам Фуггеров заключить с ними заем так, как сказано в письме в. в., и то же будет сделано с Вельзерами. Как я выше сказал, сделка с маэстразгос была свершена чрезвычайно выгодно для в. в., ибо цена на торгах возросла, как это в. в. увидят из посылаемого при сем отчета. В арендной плате и за маэстразгос и за луговые угодья [6] была дана надбавка в 40 000 [7] дукатов, ... были заключены и другие очень хорошие условия. Что мне дает наибольшее во всем этом удовлетворение, так это то, что я следовал желанию в. в. и не без причины просил в. в., чтоб аренда была бы дана Фуггерам, так как за все время, что они держали маэстразгос, всей стране было сделано с их стороны много добра, как об этом сообщили вассалы. Мэста [союз скотоводов] оказалась столь неуступчивой, как я об этом писал с прошлой почтой, что я в конце концов договорился с Фуггерами, чтобы они оставили за ней пастбища, в которых она нуждается, и она их в действительно получила за некоторую надбавку, которую получили Фуггеры. Так что все остаются довольны, а в. в. очень хорошо обслужено. *(Kirch. «Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg», S. 214—216.)*

Великий комтур императору.

1546 г., 30 июня.

О том, что здесь было достигнуто, подробно доведено до сведения вашего величества. Затем прибыл курьер от Фуггеров с письмом в.в., из которого явствует, что в. в. приняли два займа в 300 000 дукатов, а из займа в 200 000 дукатов с лишним, которое оно там получило, были оставлены только 70 000 дукатов, которые Фуггеры имеют выплатить в Неаполе ... Прибыл курьер с письмом от королевы Марии, в котором говорится, что в. в. написали ей относительно получения 300 000 дукатов под вексель, хотя в. в. написали, что их будет 200 000, прося, чтобы принц прислал гарантию в верности [сделки] и правильной выплате денег лицам, с которыми будет заключено соглашение. Это обеспечение полугодовым доходом и маэстразгос посылается, притом столь полное, как признано было для этого необходимым. Правда, было писано, что часть полугодового дохода[3] была уже отдана в залог, как это имело место при займе у Фуггеров, но то, что остается, является достаточной гарантией уплаты 300 000 дукатов, и хотя Фуггеры получили в обеспечение маэстразгос, однако то, что останется, будет служить достаточной гарантией предстоящих сделок. И для большего ее удовлетворения я посылаю векселя на 70 000 с лишним дукатов, которые в. в. взяли под финансы. Они не были посланы раньше, так как сроки платежа в августе и ноябре. И было написано приложить старание, чтобы сроки были возможно длиннее, а проценты сколько возможно меньше, а также чтобы предусмотрено было и то, как бы не уплатить процентов на проценты. Я полагаю, что королева прикажет это сделать, когда это будет возможно с наибольшей выгодой. Я написал об этом отсюда, чтобы в. в. были осведомлены о том, что сделано, и чтоб просить в. в. иметь в виду, что имеется налицо и что может быть сделано ..., и о той тяжелой нужде здесь, которая меня держит в такой тревоге, что я не знаю, что будет с нами. Относительно заключенного с Вельзерами в прошлом году займа им было представлено 66 000 дукатов из того, что будет выручено от продажи должностей (applicaciones de lo oficios), и им было обещано, что, в случае непрочности или недостаточности этого обеспечения, оно им будет переменено на другое и что им будет уплачено так, как в. в. написали; но продажа должностей не была ими использована, так как за это не давали того, что следует, и этот залог оказался недействительным. Они несколько раз обращались с просьбой, чтоб этот залог был им переменен, и, хотя они и правы, я отложил это дело до того времени, когда будет видно, как можно это будет сейчас выполнить вместе с приказом в. в. получить 25 000 дукатов, которые там были взяты. Факторы Вельзеров явились за уплатой всего долга и сказали, будто их хозяева написали им, что в. в. предложили это для них исполнить. Я это считаю вероятным, ибо, как я уже сказал, они правы. Мы рассмотрим, как это можно будет выполнить и как сделать, чтобы удовлетворить их, хотя это может быть сделано лишь в очень длинные сроки. Я написал об этом в. в., чтобы, если Вельзеры будут говорить там, было бы известно, что произошло здесь и можно было бы дать им надлежащий

ответ, а также и для того, чтобы в. в. увидели, что, помимо вышеуказанных сумм, необходимо будет уплатить и эти 66 000 дукатов, которые с интересами на них, я уверен, превысят 100 000 дукатов. Но ради поддержания кредита нужно будет им дать в этом удовлетворение. *(Kirch. «Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg», S. 219—220.)*

Император великому комтуру.

1546 г., 31 июля.

... Что касается денег, Мы из письма вашего увидели, что было сделано и благодарим вас очень за тщание, приложенное вами к заключению этих двух займов, одного в 150 000 дукатов по 80 крейцеров, выплачиваемых здесь в определенные сроки, и другого на Милан и Геную. Вы выполнили это дело так, как Мы рассчитывали, и так, как вы всегда имели обыкновение это делать, особенно в такие времена и в такой обстановке. Вы увидите вексель на занятые здесь 220 000 дукатов, в который вошли и 70 000 дукатов, которые Фуггер имеет уплатить в Неаполе, но, так как он оказался не в силах выполнить платежи по векселю на Италию и сроки были слишком кратки, то он обратился к Нам с очень настойчивой просьбой, чтобы Мы приказали их удлинить, или чтобы означенные 70 000 дукатов пошли бы в счет займа на Италию, и чтобы Мы приняли заем в 150 000 дукатов по 80 крейцеров, а другой в 220 000 дукатов был бы аннулирован; и после переговоров, то уступая, то настаивая, Мы сочли за благо, чтоб было выполнено то, что вы увидите из письма, которое было Фуггеру дано для инфанта, где сказано как относительно сроков, так и относительно 70 000 на Неаполь, так как без этого невозможно будет уплатить, что следует ни испанской пехоте, что стоит в Ломбардии, ни легкой кавалерии, которая должна притти сюда. Во Фландрию Мы сначала послали полномочие, чтобы взять там на финансы [5] и до 300 000 дукатов на возможно более длинный срок на содержание пехоты и кавалерии, которую оттуда должен привести граф Бюрен. Кроме того, Мы получили уведомление, что был заключен заем в 100 000 дукатов. Выяснилось, что купцы не хотят его дать под финансы, [5] а чтобы там им было уплачено из полугодового дохода [3] и маэстразгос, [4] и заем был утвержден, а полномочие было изменено, ибо королева прислала его с просьбой согласиться взять под вышеуказанное обеспечение, ибо никаким другим образом они не хотели вести переговоры, хотя Мы и желали, как первоначально было решено, чтоб он был заключен под финансы, [5] ибо в таком случае сроки были бы длиннее, а проценты ниже. . . . .

С Баумгартнером был заключен другой заем в 80 000 карлингов [1] на известных условиях. Хотя он и будет обеспечен во Фландрии королевой и рентмейстерскими векселями, однако можно предположить, что, тем не менее, его придется погашать из испанских доходов, ибо тут в настоящее время для этого не предвидится никаких мер или средств. Послу в Генуе Мы написали, чтобы он заключил другой заем, сколь можно больший. При том положении, в котором сейчас находится здесь Наша особа, вы видите, какие большие неприятности возникли бы, если бы не были собраны необходимые деньги. И Мы поручаем

вам приложить старания, чтобы заключенные займы и имеющие быть заключенными были бы выполнены.

... Помимо займа в 25 000 дукатов, которые с большими трудностями были даны Вельзерами, к ним, когда было решено это важное предприятие, неоднократно обращались с переговорами, чтоб они оказали Нам помощь и услугу некоторой суммой денег, и, хотя Мы имеем сведения, что Вельзер сейчас при деньгах, он однако уклонился от заключения займа, говоря, что не имеет возможности, и уехал отсюда, но не в Аугсбург. Почему было бы очень желательно приказание, чтобы в предоставлении гарантий, которые были даны и имеют быть даны ему по заключенным займам, ему были бы поставлены всякого рода затруднения или переговоры затянуты, если не имелось бы другого средства [воздействия] более подходящего, [хотя бы через] лиц, на которых у них имеются векселя и залоги, так, чтобы они тем или иным путем вынуждены были бы обратиться сюда. *(Kirch. «Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg», S. 228 — 230.)*

2. Из протоколов городского совета города Аугсбурга.

1546 г., 13 сентября.

Господин Франц Буркгарт, саксонский канцлер, доктор Иоанн Кейдель, гессенские советники Ганс Бэклин из Страссбурга и господин доктор Герион Зайлер — послы «Всеобщего христианского союза», представив верительные грамоты,... предъявили требования: в виду того, что господа Фуггеры, Вельзеры и Баумгартнеры предоставили противной стороне большой заем и что им, означенным лицам, как это было достоверно доверительно сообщено, английский король уплатил, или в ближайшем времени уплатит большую сумму денег, в виду этого, чтобы Совет соблаговолил предпринять действия, шаги и средства, чтобы эти деньги не перешли в руки врагов, а были бы предоставлены взаймы за соответственные проценты и обеспечение Всеобщему христианскому союзу на ведение этой войны и выполнение этого высоковажного дела...

[На это Городской совет постановил ответить]: ... Совет полагает, что означенные лица в настоящее время не получили денег из Англии и сейчас, возможно, не имеют наличных денег. Да если бы даже они таковые имели, то означенные господа Фуггеры, Вельзеры и Баумгартнеры никоим образом не смогли бы предоставить открыто означенному Союзу заем по той причине, что все их имущество, вложенное в Испании, Нидерландах или в других местах, будет конфисковано, и не только они сами, но и большая часть наших богатых граждан будет вследствие этого разорена, и, в конце концов, весь город Аугсбург понесет ущерб и убыток ... Если же Союз сочтет нужным, чтобы с означенными лицами были ведены переговоры, то их нужно вести таким образом, что Совет поведет их только от своего имени и в величайшей тайне, и что таким образом удастся получить, то Совет под обеспечение ссудит союзу. Если же таким путем ничего не удастся достигнуть, то все остальное будет напрасно. *(Roth. «Augsburgs Reformationsgeschichte», B. III, S. 490 — 491.)*

3. Из письма Гериона Зайлера ландграфу Гессенскому.

1546 г., 14 сентября.

Относительно Фуггеров мы вели переговоры с Советом и разговаривали с его членами в отдельности, и, по-моему, Совет склонен оказать всяческое содействие Общему христианскому согласию, как Вам и будет сообщено другими... Но с Фуггерами нужно вести переговоры тайно, ибо узнай только император, что они ссудили деньгами Согласие, т. е. его врагов, как они потеряют все свое состояние, так как то, что они имеют в недвижимости, лишь ничтожная доля его, все же их состояние вложено в горные предприятия и в займы, а это все находится в императорских землях. Чтобы дело удалось, надо итти другим путем, как я это сейчас скажу Аугсбургцы хотят со всем тщанием вести переговоры с Фуггерами и с другими своими купцами, а именно, что [городские власти] сами соберут деньги, дабы император не имел причины гневаться на их купцов, и эти деньги Совет от себя даст взаймы Общему христианскому согласию. Мне кажется, путь должен быть таков. Когда я прибыл сюда, то я получил письмо от Ганса Фуггера, который понимает и очень сочувствует нашему делу и потому не один раз испытал на себе недовольство своего дяди Антона, на которого он должен смотреть, как на старшего. В этом письме он выражает всяческое свое сочувствие и жалуется, что он огорчен, что ему пришлось выехать, что его тягали на допрос. У меня нет никаких сомнений, что я с ним сделаю что-нибудь весьма существенное, или, по крайней мере, узнаю от него пути, как можно получить деньги при его и его брата помощи и под их поручительством, но для этого мне нужно от Вашей милости или от Вас вместе с курфюрством получить доверенность в такой форме, что Вы желали бы [лично] получить от них деньги, а что Общее согласие об этом ничего не будет знать, и Ваша-де княжеская и курфюршеская милость отправили меня втайне, так как они будут бояться Общего согласия, опасаясь, что в нем найдутся люди, которые, не являясь его сторонниками, будут склонны поэтому через третьих лиц сообщить королю или императору, что они ссудили Согласие деньгами. И аугсбургские советники, в особенности Герброт, могут вести переговоры с Антоном Фуггером, который с Герборотом в родстве, как я сам родня Гансу Фуггеру, будучи уверены, что дело, несомненно, пойдет, через незнакомых же им людей дело не может быть улажено. Я хорошо знаю, где можно найти Ганса Фуггера.

Да соблаговолит Ваша милость безотлагательно и спешно сообщить ответ. [Оба государя прислали просимую доверенность, где подчеркивалось, что дело ведется «независимо от всех остальных наших родственников», и обещали сохранение полной тайны. Переговоры окончились неудачей.] *(M. Lenz. «Briefwechsel Landgraf Philipp's des Grossmuthigen von Hessen», B. III, S. 499—451, 453.)*

4. Из баланса фирмы Фуггеров

(на 31 декабря 1546 года).

Получения [Актив].

	Дукаты.	Мараведи
[Папская] субсидия [полугодовой доход] наступающего 47 года: мараведи 16 875 000, что составляет 45 тыс. дукатов. В счет векселя 150 000 крон имеют уплатить контадоры, отсюда		

15 июня мараведи.	8 437 500
Ультимо ноября »	8 437 500
Сумма, как выше	. 16 875 000

	Дукаты.	Мараведи
— Из них причитается Якову и Себастиану Вельзеру $^1/_{10}$.	45 000	
— Круцада наступающего 47 и 48 гг. 16 875 000 мараведи, составляющих 45 000 дукатов. Контадоры [8] уплачивают в счет векселя 150 000 крон из означенной круцады, а именно:		

15 декабря 47 года мараведи.	. 11 250 000
На 15 июля 48 » » . .	. 56 250 000
Вместе составляет, как выше	. 16 875 000

	Дукаты.	Мараведи
— Из них Якову и Себастиану Вельзеру причитается $^1/_{10}$.	45 000	
— Иоганна фон Шейерн счет «иервас»: [6] мараведи 72 111 019; столько остается нам должен означенный фон Шейерн по этому счету. Он сам отдаст отчет господину [Антону Фуггеру].	192 296	019 [9]
— Иоганна фон Шейерн счет нового маэстразгос; мараведи 244 807 722; столько остается нам должен означенный фон Шейерн по этому счету, в чем он сам даст отчет господину	652 820	222 [10]

Выдачи [Пассив].

Испания.

Кредиторы. Яков и Себастиан Вельзеры в счет векселя в 150 000 дукатов; мараведи 3 536 139; столько остались мы еще должны означенным Вельзерам в счет их десятой доли в этом векселе, [какова] уплачивается нам следующим образом:

1547 г. Маэстразгос на ультимо мая мараведи.	1 109 000		
» » 25 декабря »	935 300		
Иервас	15 100		
1548 г. Маэстразгос на 24 июня мараведи .	1 310 300		
» » 25 декабря мараведи .	165 539		
Итог, как выше	3 536 139	9 429	264

Дукаты. Мараведи

Яков и Себастиан Вельзеры в счет векселя 150 000 крон; мараведи 8 105 535; столько мы должны означенным Вельзерам за их десятую долю в этом векселе. Было уплачено нам следующим образом:

1547 г.	[Папская] субсидия на 15 июня	мараведи	843 750
	» » ультимо ноября	»	843 750
	крупада на 15 декабря	»	1 125 000
1548 г.	» » 15 июля	»	562 500
	маэстразгос на 25 декабря	»	1 144 800
1549 г.	» » 24 июня	»	1 310 300
	» » 25 декабря	»	1 310 300
1550 г.	» » 24 июня	»	721 000
1551 г.	» 24 „	»	106 000
	иервас на ультимо 11 августа	»	28 600
	» » декабря	»	54 000
1552 г.	» » апреля	»	28 600
	» мая	»	26 935
	Итого, как выше.		8 105 535

21 614 028

Яков и Себастиан Вельзеры в счет векселя в 70 000 крон; мараведи 4 168 742: столько мы должны означенным Вельзерам за их десятую долю, какую они имеют в означенном векселе; выплачивается в следующие сроки:

1547 г.	иервас на ультимо декабря	мараведи	86 700
1548 г.	» » апреля	»	61 600
	мая		1 109 900
	августа		61 600
	декабря		111 600
1549 г.	апреля		28 600
	мая		61 800
	августа		28 600
	декабря		54 000
1550 г.	апреля		28 600
	» » мая		61 800
	маэстразгос на 24 июня		591 000
	иервас на ультимо августа		28 600
	маэстразгос на 25 декабря		1 200 000
	иервас на ультимо декабря		54 000
1551 г.	иервас на ультимо апреля		28 600
	» » » мая	»	61 800
	маэстразгос на 24 июня	»	509 742
	Итого, как выше .		. 4 688 742

11 116 242

Его в-во счет нового маэстразгос мараведи 70 840 802; мы сделали его в-во нашим кредитором на всю сумму аренды маэстразгос на . мараведи 244 000 000.

Против этого мы записали его в-ву, как оно нас освободило следующим образом:

Пособием в 160 000 дукатов	мараведи	74 277 588
Векселем на 150 000 »	»	24 101 390
» 150 000 крон (скудо)	»	45 924 000
» 70 000 »	»	23 007 422
Откупом меди	.	710 283

			Дукаты.	Мараведи
Векселем на 30 000 дукатов мараведи	5 128 515			
Все вместе составляет, согласно отчету, посланному в Аугсбург господину; мараведи	173 159 198	173 159 198		
За вычетом каковых из вышеозначенной суммы остается мараведи.		70 840 802	188 908	302[10]

Его в-во счет иервас мараведи 3 411 944; на эту сумму за аренду на 6 лет сделали мы его в-во кредитором на . мараведи 90 513 136.

Против этого сделали мы его в-во дебитором, что оно и погасило следующим образом:

Пособием в 55 000 дукатов мараведи	29 619 792			
» » 70 000	26 250 000			
Векселем на 150 000	1 125 000			
» » 150 000 скудо	1 381 350			
» » 70 000 »	18 680 000			
Сумма всего, согласно отчета, посланного в Аугсбург об этих пособиях и векселях, мараведи.	87 181 142	87 181 142		
За вычетом каковых остается мараведи		3 411 994	9 098	244[9]

(Kirch. „Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg“, S. 254, 258, 260—264.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Для приблизительной ориентировки в встречающихся в переписке и балансе монетах приводим следующие данные:

Рейнский флорин (золотой) = 60 крейцерам (Фуггер считает 56), в 1542 г. (по ценности металла) = 6 франкам 14 сантимам.

Испанский и венгерский дукат = 80 крейцерам (в 1542 г.) = = 8 франкам 53 сантимам.

Ескудо (золотой) = 90 крейцерам.

Каролусгульден, карлинг — серебряная нидерландская монета.

80 000 каролусгульденов = 37 057 дукатам.

Мараведи = $^1/_{375}$ дуката.

Ескудо дель соль (солнечная корона) итальянская золотая монета = = 7,68 франка.

[2] Круцада — сбор на крестовый поход в виде продажи индульгенций на основании издаваемых время от времени папами булл. Доход этот предоставлялся королям Кастилии на борьбу с маврами. Сборы продолжали производиться и после изгнания мавров, но теперь уже в пользу короля.

[3] «Полугодовой доход» — Medius fructus. Половина годового дохода папы с испанских церквей, что должно было составить сумму в 400 000 дукатов. Летом 1545 г. состоялось соглашение с папой, который обещал на войну против протестантов дать ссуду в 200 тыс. дукатов наличными, выставить и содержать в течение 4 месяцев войско в 12 тыс. пехоты и 500 человек легкой кавалерии, предоставить императору право продать ленные доходы с монастырских земель. Папской буллой от 30 августа 1545 г. императору предоставлялась четверть папских доходов в Испании в течение 2 лет, 1545 — 1546 гг.

[4] Маэстразгос — собственно, гросмейстер рыцарского ордена. Так назывались доходы, получаемые гросмейстерами трех рыцарских орденов: Сант-Яго, Калатрава и Алькантара. Доходы эти, составлявшие от $^1/_3$ до половины всех орденских доходов, перешли к испанскому королю, когда он стал гросмейстером этих трех орденов. Этот сан был окончательно закреплен за ним в 1523 г. буллой папы Адриана VI от 4 мая.

Маэстразгос состояли в значительной мере из натуральных взносов вассалов ордена (ценз и десятина); половины арендной платы в случае аренды третьим лицом, доходов от горных предприятий (ртутные рудники) и от угодий (главным образом, пастбищ — и е р в а с). Вследствие сложности хозяйства доходы эти еще во время выборных гросмейстеров сдавались на откуп на 3 — 4 — 6 лет (год начинался с 1 января в орденах Алькантара и Сант-Яго и с 29 сентября у ордена Калатравы). Фуггеры впервые выступают арендаторами в 1525 г. Откупная сумма в 1525 г. в 135 тыс. дукатов в год (50 квэнтос де-мараведи); 1538 г. — 152 тыс. дукатов (57 квэнтос); в 1546 г. — 61 квэнтос. Прибыль Фуггеров около 50%; в 1538 — 1542 гг. доход в среднем — 224 тыс. дукатов в год. Доход за четырехлетие 1547 — 1551 гг. по 169 258 дукатов в год, т. е. около 24%. Арендная плата обычно вносилась вперед в качестве займа королю.

[5] З а е м «н а ф и н а н с ы» — краткосрочные ссуды в Антверпене на срок от одной ярмарки до другой.

Платежные дни антверпенских ярморок 10 февраля, 10 мая, 10 августа и 10 ноября.

[6] А р е н д а и е р в а с — п а с т б и щ — на 6 лет, также принадлежащих рыцарским орденам (yervas de los ordenes). До 1546 г. эта аренда принадлежала союзу овцеводов — мэста, теперь ее оспаривают Фуггеры. Они наддают на торгах 3 200 тыс. мараведи = 8 533⅓ дуката, повидимому, в год (quarenta mil ducados de renta). Кроме того, они обещают беспроцентную ссуду в 70 тыс. дукатов, которая должна была быть погашена в течение последних четырех лет. Арендная плата в год 15 098 896 мараведи. Монополия мэсты, повидимому, не распространялась на земли рыцарских орденов. Мэста переарендовала у Фуггеров часть необходимых ей пастбищ. Неизвестно, как Фуггеры эксплоатировали пастбища, сами ли вели скотоводство или передавали угодья.

[7] Очевидно, на общую сумму четырехлетней арендной платы, т. е. по 10 тыс. дукатов в год. Арендная плата теперь 61 квентос де мараведи = 162 666⅔ дуката, вместо прежних 57 квентос де мараведи.

[8] К о н т а д о р ы — королевские финансовые чиновники.

[9] Арендная плата за иервас на 6 лет = 90 593 136 мараведи = 241 581 дукату поставлена в отчете фон-Шейерна, фактора Фуггеров в Испании, в пассив, как кредит императора, в балансе же всей фирмы — в актив, как дебет Шейерна в сумме 192 296 дукатов 19 мараведи. Разница в записи (50 тыс. дукатов) объясняется, повидимому, тем, что Шейерн уже внес часть аренды, но, может быть, это сумма, полученная от мэсты при переаренде пастбищ. Если это годовая арендная плата, то Фуггеры передали почти все пастбища. В кредит императора записана разница между арендной платой и выданными в счет ее ссудами.

[10] Арендная плата за маэстразгос на 4 года, с 1 января 1547 г. по 31 декабря 1550 г., в отчете фон Шейерна записана в пассив, как кредит императора в сумме 653 666⅔ дуката, в балансе же главной конторы фирмы она стоит в активе, как дебет Иоганна фон Шейерна в сумме 652 820 дукатов 222 мараведи (разница произошла, повидимому, от накладных расходов). В пассив же баланса занесен кредит императора в сумме 188 908 дукатов, составляющих разницу между арендной платой в 650 тыс. дукатов и суммами, ссуженными Фуггерами императору.

IV. СИНДИКАТЫ И МОНОПОЛИИ XV И XVI ВВ.

Один из «проклятых» вопросов современного капитализма XIX и XX вв., с его сверхтехникой и перепроизводством, — вопрос о рынках сбыта — и возникшие в связи с этим формы капиталистических организаций не были неизвестны и изучаемой нами эпохе. Мало того, кризисы сбыта ей были более знакомы, чем современности. Мы присутствуем тут как раз при возникновении форм капиталистических предприятий, вызываемых этими кризисами сбыта, и любопытно, сколь и тут велика роль государства. Оно во многом служит образцом и примером для частного капиталиста. Борьба и захват рынка сбыта,

«регулирование» цен и производства, которые столь характерны для частноправовых соглашений американо-европейского капитализма эпохи трестов и синдикатов, встречаем мы в XV и XVI в. в договорах, носящих государственный международный характер. Образцом таких договоров являются приводимые ниже договоры папы с неаполитанским и нидерландским правительствами.

Лучший, и притом самый крупный, хозяин западного средневековья—римская курия там, где она выступает предпринимателем и купцом, эту борьбу за рынок проводит,—насколько, конечно, удачно—другой вопрос,—в очень большом, «мировом», масштабе. Когда открываются квасцовые залежи в Тольфа, в Папской области, то папа прежде всего заботится убрать с рынка товар своего торгового конкурента — турок — и в качестве главы церкви запрещает пастве покупать турецкие квасцы. Пункт об обязательстве папы издавать ежегодно подобные запрещения непременно включается в договоры с арендаторами тольфанских рудников относительно добычи и сбыта квасцов. Главными потребителями квасцов (они шли в больших массах для окраски тканей и выделки кож) являются Англия и Фландрия. Обеспечение за собой исключительного сбыта в эти страны должно было поэтому явиться основой для процветания тольфанских квасцовых предприятий. Отсюда — договоры папы с Эдуардом IV английским и приводимый нами договор с государем Фландрии, Карлом Смелым Бургундским. Может быть еще любопытнее договор папы с единственным крупным европейским конкурентом в добыче квасцов, неаполитанским королем, регулирующий добычу и определяющий долю участия каждого из обоих контрагентов, его «контингент товара» в каждой поставке. Любой современный договор картеля мог бы позавидовать тщательности формулировки. Надо сказать, что в общем эти соглашения дали мало результатов: Фландрия и Англия продолжали ввозить чужой товар.

Но и в тех случаях, где государство не является само предпринимателем, оно содействует возникновению, укреплению и развитию этих форм капиталистических соглашений.

Обстановка возникновения в 1548 г. картеля Фуггер-Манлих в этом отношении особенно характерна. В 1545 г. Фуггеры уходят из венгерской медной промышленности, они не возобновляют аренды нейзольских медных рудников. Антон Фуггер вообще подумывал о сокращении всего своего предприятия и даже о постепенной полной его ликвидации. Он начал это с Венгрии: оставаться здесь среди враждебно настроенного населения и под угрозой нападения турок становилось прямо-таки опасно. Венгерское правительство было очень озабочено судьбой своей весьма доходной для казны медной промышленности. Казна могла бы повести сама производство, но Фуггер решительно отказывался брать на себя сбыт меди. И это вполне понятно. Сбыт был особенно труден в данный момент. В сороковых годах XVI в. рынок меди, как бы мы выразились сейчас, переживал сильную депрессию. Несмотря на большое потребление ее для военного дела, несмотря на вывоз в колонии (между прочим, Фуггеры, по недавно открытым в Антверпене Штридером материалам, вели обширную торговлю медной посудой с португальскими колониями на Золотом берегу

в Африке), спрос не поглощал всей добычи металла. Приходилось вести очень осторожную политику, «выдерживать товар», сокращать производство. Почти в таких же выражениях читаем мы об этом и в фуггеровской корреспонденции, когда там речь идет о средствах, чтобы товар «остался в высокой цене и спросе». Но вести эту осторожную политику было сравнительно легко, пока Фуггеры являлись почти монополистами, владея большей частью венгерской и тирольской добычи. С переходом же венгерских предприятий в другие руки, естественно, возникала очень опасная конкуренция, невыгодная ни для предпринимателей, ни для короля. Агенты Фуггеров очень ясно оценивали положение: «Вследствие большой выработки меди, — писали они венгерскому королю Фердинанду I, — произойдет беспорядочная ее продажа, и если медь будет продаваться многим несостоятельным людям, которые не могут выжидать и удерживать высокую цену, то это, конечно, породит и принесет с собой падение [цен] на медь. Какой от этого вашему величеству, вашим горным предприятиям в Венгрии, Богемии, Тироле и другим будет ущерб, ваше величество само всемилостивейше взвесит и рассудит». Интересы короны и интересы предпринимателей сливались: нужно было искусственно восстановить монополию, привести обоих возможных конкурентов к соглашению. Наши документы ясно показывают, какое деятельное участие принял в этом Фердинанд.

Приводимые нами в заключение документы, освещающие отношение имперских сеймов к монополиям, касаются лишь одной стороны обширной и сложной проблемы: «государство, общество и капитализм в XVI в.». Совершенно вне поля зрения остается литературная борьба против капитализма, хотя она, как известно, занимала довольно видное место и в проповеди реформаторов (Лютер, Цвингли, Себастьян Франк), и в публицистике гуманистов (Гуттен). Значительно меньше внимания, нежели нападкам на капитализм, было уделено историками публицистической а п о л о г и и к а п и т а л и з м а. Да это и понятно. В литературе и в законодательстве XVI в. капитализм находил гораздо больше врагов, нежели защитников. Последних мало, но зато они очень сильны. Само именитое — даже именитейшее — купечество не раз поднимало голос в свою защиту. Именно его голос слышим мы в официальном по форме, публицистическом по характеру «ответе городского совета Аугсбурга» о монополиях. Аугсбургский торгово-финансовый мир искусным пером отличного юриста и глубоко образованного гуманиста, доктора Конрада Пейтингера, занимавшего должность городского секретаря, постарался возможно ярче живописать общественную необходимость и важность своей деятельности. Это голос очень небольшой группы лиц, богатеев из богатеев столицы капитализма. Любопытно, что ответ соседнего, тоже ведь очень торгового и промышленного, Ульма звучит совершенно иначе. Очень коротко и ясно: большие компании в том виде, в каком они находятся сейчас, приносят лишь вред и не могут быть терпимы. Они должны быть видоизменены, а именно состоять лишь из родственников (ульмцы, повидимому, забыли о чисто семейном характере фирмы Фуггеров) и владеть капиталом лишь ограниченного размера. На все ввозные

товары ввести твердые цены и всеми мерами уничтожать их массовую скупку. Это — обычная, широко распространенная точка зрения среднего и мелкого купечества, вполне разделяемая и феодальными элементами имперских сеймов. «Мнение малой комиссии сейма» вращается именно в этом кругу понятий.

В приводимых нами документах любопытнее другая сторона — это существование двух взаимно противоположных законодательств: имперского, враждебного капитализму, и императорского, поддерживающего капитализм, а также двух групп правительственных органов: карающего эксцессы капитализма имперского фискала и берущего его под свою защиту императорского суда. Беглое сравнение декрета Карла в защиту монополий с «Ответом аугсбургского совета» покажет, под чью диктовку был написан первый документ, а история его возникновения лишь подтвердит сделанные наблюдения: ведь общему декрету предшествовал ряд декретов — охранных грамот, выданных отдельным аугсбургским капиталистам и защищающих их от преследований имперских органов.

1. Соглашение между папским нунцием Лукой Толентским и герцогом Бургундским Карлом Смелым по вопросу о торговле квасцами.[1]

1468 г., 5 мая.[2]

... В год от Рождества Христова 1468, месяца мая в пятый день, понтификата святейшего господина нашего Павла II, божиим соизволением папы, в год четвертый, в присутствии моем, общественного нотария, и нижеподписавшихся свидетелей, касательно дела о квасцах, о чем государь Лука вел переговоры с вышеназванным славнейшим князем[3] и лицами, особо для этого выбранными, были решены, согласованы и заключены следующие пункты:

Вышеназванный государь Карл, герцог Бургундии и Брабанта, граф Фландрии и пр., обещает запретить государственным указом перевозку квасцов в пределах своих владений, под каким бы то ни было предлогом, как по морю, так и по суше, и продажу их из каких бы то ни было местностей как христианских, так и находящихся под властью неверных, кроме квасцов, добываемых в копях Тольфы в папских владениях и предназначенных нашим папой и Апостолической камерой на нужды походов креста для борьбы против турок, и это на двенадцать ближайших лет, начиная со дня заключения настоящего условия.

Также обещает славнейший государь герцог блюсти и заставить под страхом строжайших кар соблюдать условие, чтобы в пределах его провинций, отечества и владений нельзя было брать на откуп, ввозить, продавать, а также и употреблять других квасцов, кроме квасцов святейшего господина нашего папы, и чтобы и эти квасцы не ввозились иначе, как через посредство доверенных лиц дома Медичи, т. е. Фомы Портенарского и других лиц, которые банком в Брюгге управляют и делами Медичи в наших местностях ведают, или же других торговцев или доверенных, святейшим господином нашим папой и Апостолической камерой для сего выбранных и назначенных.

Также обещает названный государь герцог вышеупомянутому государю Луке, святейшего господина нашего, папу, замещающему, запретить и преследовать всякую торговлю разными сортами земли и всякими другими подделками, которые купцы распространяют вместо квасцов, и строжайшими мерами препятствовать распространению таких подделок.

Также обещает светлейший государь герцог оказывать всяческую поддержку и содействие опубликованию и приведению в исполнение указов святейшего господина нашего, папы, о запрещении покупать квасцы у неверных и вообще обещает делать все для пользы и процветания папских квасцовых копей, о чем его попросит святейший господин наш, папа, или кто-либо от его имени в течение вышеназванного промежутка времени в двенадцать лет, при том условии однако, что в страны, непосредственно граничащие с владениями вышеназванного государя герцога, не будут доставляться квасцы, паче всего те, которые добываются в тольфийских копях, дабы не могли они быть ввезены во владения светлейшего государя герцога по цене более дешевой, чем цена, устанавливаемая настоящим соглашением. В противном случае славнейший государь герцог не обязан соблюдать все вышеизложенное, если только квасцы святейшего господина нашего, папы, не будут понижены в цене до той цены, по которой могут быть они ввезены из пограничных местностей, или же не будет государь герцог иметь возможность сделать соответствующий запас квасцов из других мест.

С другой стороны, вышеназванный государь Лука обещает славнейшему государю Карлу понизить теперешнюю цену квасцов до четырех с половиной ливров фландрских грошей[4] за одну карруку [воз] или бремя того веса и меры, какими в настоящее время в городе Брюгге измеряются квасцы при торговле, и цены этой не увеличивать, а меры не уменьшать в течение вышеуказанного промежутка времени, а также не увеличивать каким-либо образом или хитростью вес и тяжесть этих квасцов для повышения их цены.

И также обещает государь Лука, что квасцы будут доставляться в Брюгге в количестве, обильном и достаточном для всех владений славнейшего государя герцога и будут продаваться всем желающим по цене четыре с половиной ливра фландрских грошей за одну карукку или бремя по мере и весу, ныне в Брюгге при торговле квасцами употребляемым в течение вышеуказанных двенадцати лет. Из оных же четырех с половиной ливров шесть солидов отдаются торговцами и уполномоченными папе на покрытие расходов славнейшего государя герцога и его чиновников по соблюдению вышеизложенных запрещений, четырьмя же ливрами и четырьмя солидами названные уполномоченные распоряжаются, согласно воле святейшего господина нашего, папы.

Эти шесть вышеназванных пунктов... обе названные стороны приняли и торжественно утвердили и обязались: Карл, герцог, за себя, свое отечество и подданных, с одной стороны, и папский нунций, государь Лука, заместитель святейшего господина нашего папы, Апостолической камеры и ведающих походами креста, с другой, — условия эти хранить неизменными и ненарушимыми и верно и твердо соблюдать и исполнять. *(Theiner. «Codex diplomaticus dominii temporalis» S. Sedis, 1862, v. III, p. 453 — 454.)*

2. Из договора неаполитанского короля Фердинанда с папой Павлом II.

1470 г., 11 июня.

[Договор заключается на 25 лет.] Все добытые или имеющие быть добытыми в течение вышеозначенного времени квасцы должны храниться, отправляться и продаваться от имени и с ведома компании (т. е. обеих договаривающихся сторон). В Неаполитанском королевстве при квасцовых копях должен находиться назначенный Апостолической камерой комиссар, а в Чивитта-Векия, при копях нашего господина папы, — другой, назначенный неаполитанским королем. Каждый из этих комиссаров должен иметь по одному ключу от всех складов и вести строгий счет как добытых, так и отправляемых квасцов.

Каждая из сторон уплачивает отдельно за свою долю товара расходы по добыче, транспорту и др. и, равным образом, ведет отдельный счет доходов и расходов. Квасцы во всех местах, куда они направляются на продажу, должны продаваться двумя представителями: одним — от святейшего папы, другим от е. в. короля. Никем другим они не должны продаваться, и половина всего товара, потребляемого и отправляемого в разные части света должна быть взята из копей его святейшества, а другая из копей его величества...

... и половина продажи должна быть произведена за счет Апостолической камеры, даже если бы сделка была заключена делегатом его величества, и наоборот.....

Его святейшество заключил договор с Карлом, герцогом Бургундским, о правильном снабжении его государства квасцами, которые не должны продаваться выше, чем по 4 ливра за карику. Этот договор должен соблюдаться во всех своих пунктах. А равным образом и соглашение с некими купцами о приостановке продажи квасцов, отправленных до дня его заключения: в Брюгге около 60 тыс. кантаров и в Венецию около 30 тыс. кантаров, в каковых местах не имеется квасцов из копей его величества. В случае их продажи .... е. в. должен получить одну шестую часть прибыли за вычетом всех расходов... [После же распродажи этих запасов поставка в эти города будет вестись согласно общему правилу — исполу] ... Если у одной из сторон не хватит квасцов или в силу какого-либо обстоятельства она не сможет из добываемых из ее копей квасцов поставить причитающуюся ей половину, то другая сторона сможет дополнить недостающее, и, на сколько она поставит больше первой, на столько больше она должна и получить. В случае, если при транспорте, или при выработке, или в силу какой-либо иной причины, квасцы будут испорчены, или будут низшего качества и их трудно будет сбыть, так что при продаже получится разница в цене, и в других подобных случаях, то убыток от этого ляжет на ту сторону, которой принадлежали квасцы.

Квасцы не могут продаваться ни выше, ни ниже цены, назначенной Апостолической камерой и государем королем, и если случится, что они будут проданы по низшей цене, то та сторона, которая продала, должна из своих средств возместить разницу..... Прибыль должна

делиться пополам — одна половина его святейшеству, другая его величеству

Все сделки по продаже квасцов, свершаемые посланными для этого делегатами, должны заключаться на наличные деньги, а не в обмен на товары; кредит не может предоставляться более, чем на год, и не иначе, как под надежное обеспечение... *(Strieder. «Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen», 1925, S. 173—176.)*

3. Договор между Сигизмундом Госсенбротом, Ульрихом Фуггером, Георгом Гервартом, Гансом Баумгартнером и Гансом Кноллем о совместной продаже меди в Венеции.

1498 г., 12 мая.

Договор заключен относительно некоторого количества меди, которая должна быть сложена и из одних рук продана в Венеции, как ниже следует: во-первых, Сигизмунд Госсенброт, Ульрих Фуггер, Йорг Герварт, каждый за себя, за свое товарищество и братьев должны сложить вместе всю швацкую медь из королевской регалии, которую им еще следует дополучить от компании Баумгартнера, что составляет 960 мейлеров.

Далее, Ганс Баумгартнер и Ганс Кнолль и их товарищество и родня должны поставить 800 мейлеров швацкой меди. Ульрих Фуггер с братьями должны, с своей стороны, поставить 800 мейлеров зейгированной венгерской меди, которая по добротности должна быть одинакова с швацкой или не ниже ее. Каждый участник должен свою долю доставить за свой счет, без каких-либо расходов со стороны других пайщиков, в Венецию. И договорено и единодушно решено, что эти три партии меди, что вместе составят 2 560 мейлеров, должны быть проданы в Венеции из одних рук, а именно — Ульрихом Фуггером с братьями, и продажа эта должна быть начата, как только будет там получено письмо, которое пишется нами одновременно с этой грамотой.

Также вышеозначенные Госсенброт, Баумгартнер и Кнолль, Герварт и Фуггер, каждый, как вместе со своей компанией, братьями и родными, так и в отдельности, не должны продавать в Венеции никакой иной меди, кроме указанной в этом договоре. А также не поручать кому-либо продажи меди, которую они имеют или которую получат, до тех пор, пока вышеуказанная медь не будет полностью распродана. Также Баумгартнер и Кнолль и К° не должны дозволять, чтобы горноделы из Шваца продавали медь в Венецию, и не допускать, чтобы другие до истечения срока их откупного договора продавали ее. Также и в Боцене они должны вести себя подобающим образом с продажей меди, чтобы не нанести ущерба продаже означенной меди в Венеции. Чтобы однако эта партия меди в 2 560 мейлеров была бы возможно скорее продана и сбыта и чтобы другие, имеющие продажную медь, могли бы скорее сбыть ее, было решено поставить ее по умеренной цене, а именно: за мейлер на наличные по 43 дуката, в кредит на 6 месяцев по 46 дукатов, на год по 47 дукатов — не выше; по другой же цене только с всеобщего ведения и единодушного согласия всех участников.

Медь может продаваться на наличные или в кредит по наилучшему усмотрению и соображению означенного Фуггера, с совета и ведения большинства пайщиков — их родных и факторов, находящихся в Венеции. Равным образом и делать займы должен он с их совета, ведения и желания. Также было договорено, что при продаже большой партии назначать по 43 дуката на наличные, 45 — в кредит на полгода, 46 — на год, или как будет решено в совете по мнению и соображениям большинства, так сообразно с этим и поступать. Если римское императорское величество пожелает купить партию меди, то продажа не должна иметь места, разве только с единодушного согласия всех участников. Вся медь должна продаваться в таком порядке, а именно: начинать в первую очередь с 960 мейлеров от Госсенброта и К°: она должна быть отвешена и под нее выдан вексель. Затем таким же образом партия Баумгартнера и затем — Фуггера, который отвешивает и на него пишутся векселя, и он должен выплатить долг и возместить каждому пайщику его долю сообразно его вкладу, но [разлагая] на [всех] и прибыль и ущерб от долгов, которые в связи с этим будут сделаны. Что же Фуггеры израсходуют при продаже, перепродаже и на другие мелкие расходы, то каждый участник должен им беспрекословно уплатить и возместить сообразно своей доле. *(Ehrenberg. «Das Zeitalter der Fugger», I, B S. 417 — 419.)*

4. Соглашение между торговыми домами Фуггеров и Гэхштеттеров о продаже швацкой меди в Италии и Германии.

1515 г., 19 ноября.

Мы, нижеподписавшиеся, Яков Фуггер за себя и своих племянников... и за своих и их наследников, и мы, братья Амвросий и Ганс Гэхштеттеры за себя, наших родных и наследников, признаем: в виду того, что наш всепресветлейший... государь Максимилиан, император римский... наш всемилостивейший господин, снова заключил с нами договор на откуп серебра и меди на четыре года, начиная с 1520 г. и до 1523 г. [включительно], в котором, между прочим, говорится, чтобы мы соответствующим образом обязались не ввозить и сбывать в течение вышеуказанного времени в верхнюю Германию и Италию иностранной меди, — в виду этого я, Яков Фуггер, ... и мы, Амвросий и Ганс Гэхштеттеры, обещаем этой грамотой, что ни мы, ни наши родные, ни наследники и никто другой по нашему поручению или от нашего имени в течение четырех лет не должны и не будем ввозить и сбывать в Верхнюю Германию и Италию никакой иностранной меди, кроме как из Шваца.

А так как нам в этом отношении предоставлены Нидерланды, то, если мы повезем туда иностранную медь по дорогам через Германию, мы не должны и не будем продавать тут означенную медь, что повезем по этим дорогам, а будем везти и сбывать ее в Нидерландах. Если же из этой иностранной меди, которую мы будем возить в Нидерланды в течение четырех лет, останется что в пути на складах, то и по истечении четырехлетнего срока мы не можем продать эту медь в Германии, но должны вывезти ее в Нидерланды. Если же, чего никоим образом не

должно случиться, нами, или кем-либо по нашему поручению, или от нашего имени в течение этих четырех лет и срока действия откупного договора иностранная медь будет в Германии или Италии провозиться, продаваться и сбываться иначе, чем это выше сказано, то его величество имеет власть и полное право наложить на нас подобающее наказание и означенную медь, где бы она ни была найдена, как похищенное [контрабандное] имущество, взять в свои руки. Однако мне, Якову Фуггеру с племянниками, предоставляется следующее: так как его величество выдал мне льготную грамоту, где разрешено мне продавать медь в моей плавильне в Георгентале местным котельщикам на переработку, а также вывозить вверх по Дунаю, согласно императорской проездной грамоты, 1 000 центнеров кровельной меди из Венгрии, то настоящее обязательство этому не должно чинить какого-либо препятствия или ущерба. Все это добросовестно и без обмана. *(Strieder. «Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen», S. 501—502.)*

5. Соглашение о продаже венгерской меди между торговыми домами Фуггеров и Матвея Манлиха.

1548 г.

Король Фердинанд I Антону Фуггеру. 21 января 1548 г.

Приказ его королевского в-ва господину Антону Фуггеру договориться с Матвеем Манлихом относительно откупа меди.

Фердинанд, божьей милостью король римский, также Венгрии и Богемии.

Любезный и верный. Мы не хотим скрыть от тебя наше милостивое решение, что мы сейчас вступили в переговоры с нашим и нашему государству любезным, верным Матвеем Манлихом и его родными здесь в Аугсбурге относительно откупа меди и заключили договор на этот предмет на три года с рядом условий. В этом договоре мы возложили на Матвея Манлиха с родными обязательство, чтобы они известное время, неукоснительно придерживаясь этого договора, оставались при тех расценках и ценах, какие установлены сейчас в Антверпене, и никоим образом от них не отступали, не производя в них никаких понижений или повышений или каких-либо изменений... В чем они в числе прочих условий подобающим образом перед нами и обязались.

И так как означенная оговорка относительно цен и расценок при сделках с медью была сделана с твоего ведома и даже по твоему собственному совету, то мы обращаемся к тебе с нашим всемилостивейшим требованием, чтобы ты, с своей стороны, вместе со всеми теми, которые покупают у тебя медь, не сбивал бы цены и не отклонялся бы, но помог бы удержать цены и расценки при сделках с медью в нижеуказанной форме, особенно же из того соображения, что это идет на процветание, пользу и благо всех наших медных рудников в Тироле и Нейзоле... В случае же, если это тобой и твоими покупателями меди не будет соблюдено (что не должно иметь места), то Манлих, как он это ясно и определенно оговорил, будет свободен от указанного обязательства. Поэтому ты и твои контрагенты сумеете вести себя так, как вызывается необходимостью, дабы возможно было удержать ука-

занные цены, чего мы от тебя всемилостивейше и ожидаем... *(Strieder. «Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen», S. 500 — 501.)*

6. Антон Фуггер своему агенту Дерншвамму.

Швац. 1548 г., 7 февраля.

Матвей Манлих сначала сказал мне, что он и его родные заключили с его величеством договор на откуп меди, а так как мы тоже имеем медь, то он хотел бы вступить со мной в соглашение, чтобы при продаже ее мы не наносили ущерба один другому. На это я ему сообщил, что я имею на это приказ от его величества. *(Там же, стр. 494 — 495.)*

7. Договор Антона Фуггера с Матвеем Манлихом.

1548 г., 4 февраля.

Соглашение, что заключили господин Антон Фуггер и Матвей Манлих касательно продажи венгерской меди.

По приказу его римского королевского величества, нашего всемилостивейшего государя, чтобы Антон Фуггер и Матвей Манлих с родными пришли бы к соглашению относительно продажи меди, оба они договорились следующим образом:

1) В Кракове, Бреславле, Торне и Данциге Фуггеры не должны продавать медь следующих сортов: обыкновенную литую и в зерне, в плашках четырехугольных, средних и круглых; в продаже же остальных сортов Фуггеры не должны быть связаны. Это правило вступает в силу с момента привоза манлиховской компанией своей меди в означенные места.

2) В Нидерландах и Антверпене обе стороны действуют свободно и могут продавать по своему желанию.

3) Что касается Испании, то у Фуггеров имеется договор, который и должен остаться в силе. Сверх и помимо этого договора, каждая сторона свободна в продаже, посылке и заключении сделок на медь в Испании.

4) С королем Португалии у Фуггеров также имеется откупной договор, и он должен оставаться в силе, но, помимо него, каждой стороне должна быть предоставлена свобода по своему усмотрению заключать сделки, продавать этому королю, также посылать туда медь.

5) Сбыт во Францию или посылка туда из Антверпена должна быть предоставлена одним только Манлихам. Однако Фуггеры могут свободно ввозить морем в города по Адриатическому морю во Францию [повидимому, в средиземноморские гавани] и в другие места Италии, куда им будет угодно.

6) Обе стороны при продажах меди в Нидерландах должны оставаться при ценах, по которым до сих пор продавали Фуггеры, и не понижать их, но каждая из сторон может продавать по более высокой цене, тем большая прибыль пойдет в ее пользу.

7) Манлиховская компания должна воздержаться от посылок меди в те места, где у Фуггеров имеются запасы ее, пока они не будут распроданы.

8) Фуггеры также не должны продавать в Нидерландах медь «на финансы» [5], так как в таком случае эта медь продается по более низкой цене, чем та, по какой они ее сейчас отдают. Если же это будет иметь место, то всякий раз манлиховской компании должно уплачиваться беспрекословно по одному рейнскому гульдену в монете с каждого центнера, но и Манлих не должен продавать медь в Нидерландах «на финансы», так как она может быть потом перепродана по более низкой цене. Также они должны вести дело так, чтобы медь, продаваемая ими Польше, Силезии и Пруссии, не вывозилась бы в Нидерланды. Если же Манлих будет продавать медь в Нидерландах «на финансы», или же некоторые партии ее будут из указанных мест ввозиться в Нидерланды, то он должен уплачивать Фуггеру по одному рейнскому гульдену в монете за центнер всякий раз, как это будет иметь место.

9) Настоящее соглашение должно оставаться в силе, пока действует договор Манлиха [с Фердинандом].

10) Манлиховская компания соглашается, чтобы, несмотря на ее договор с королем, он приказал додать Фуггерам причитающиеся им по предыдущим договорам 1 287 $^1/_2$ центнеров литой меди.

Совершено в Шваце 4 февраля 1548 г. *(Strieder. «Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen», S. 494—495.)*

8. Указ императора Карла V о нераспространении на сделки с рудами и металлами постановлений имперских рейхстагов о монополиях.

1524 г., 13 мая.

Мы, Карл V, божьей милостью, избранный император римский, объявляем и доводим до всеобщего сведения. В виду того, что наша мысль немало направлена на то, чтобы не только споспешествуемо было бы приращение общей пользы в наших и империи подданных, но также, чтобы никому не нанесена была бы несправедливость, а также и то, что раньше было постановлено и решено по недостаточной осведомленности и опытности, не пошло бы в ущерб и во вред, и из того, что было предпринято в виде благих мер и ради справедливости, не возникло бы чего-либо незаконного или какого-либо несправедливого ущерба кому-нибудь, — в виду этого мы обратились ко многим постановлениям рейхстагов, в особенности времени славной и блаженной памяти господина и предшественника нашего, покойного императора Максимилиана, и нашли там, между прочим, некоторые мероприятия касательно того, как должны бы были быть отменяемы и наказываемы запродажи и монопольные сделки, которые, вопреки общей пользе, происходят так, что товар весь или большая часть продается в одни руки, а потом продается и сбывается по более высокой цене и за большие деньги. Также узнали мы, что в эти купли и сделки включены и горные предприятия, добываемые в них руда и металл, и купли и договоры [на передачу] этих руд и металлов в одни или немногие руки, какие были свершены или имеют быть свершенными, рассматриваются как монопольные и идущие против права и общей пользы.

Но, как это известно и явно, да как и опыт это достаточно хорошо показывает, эти рудники, которых в Священной Римской Империи и

германской стране разрабатывается больше, чем в каком-либо ином месте во всем христианском мире, являются одним из величайших даров и благ, посланных всемогущим германской земле, не только потому, что оттуда добываются и разрабатываются великие сокровища в виде множества золота, серебра, меди, олова, ртути, свинца, железа и других металлов (ценность которых приблизительно — скорее больше, чем меньше — достигает до 2 млн. гульденов в год), но также и потому, что в германских землях многие сотни людей, стар и млад, женщины и дети и еще многие не заработали бы своего насущного хлеба иначе, как добычей, разработкой и плавкой [руды]. К тому же, развозка этих металлов в разные страны прокармливает еще множество других людей, как-то: возчиков, хозяев [постоялых дворов], горожан, крестьян, ремесленников, повсюду: на дорогах, в деревне и городе. Равным образом и князья и государи значительно умножают свои доходы от оброков, обменов и пошлины, сборов [на заставах] и повышают от всего этого свой доход больше, чем от какого-либо иного промысла и торговли во всем немецком народе и в Священной Римской Империи. Так что рудному делу, разработке рудников, постоянному поддерживанию их и доведению их до наивысшего состояния должно споспешествовать всякими мерами, какие только для этого будут сочтены полезными. И в чем большей степени это делается, тем больше увеличивается и распространяется вышеуказанная польза Священной Империи, князьям и государям и простому люду, и растет от этого общее благо. И наоборот, где не оказывается подобного содействия, там непременным следствием является падение и разрушение рудников и уменьшение вышеозначенной общей пользы и выгод отдельных людей, как это и было недавно, к заметному ущербу, найдено из явного опыта на многих рудниках.

Но из всех мер и средств разработки рудников надлежащим образом, продуктивно, и для постоянной поддержки, ведения и расширения их не найдено более действительного и верного средства, как, благодаря хорошим установлениям, — продавать и покупать золото, серебро, медь, ртуть и другие металлы по хорошей, действительно соответствующей, одинаковой постоянной цене, а не плохой, малой, низкой и непостоянной, и затем снова таким же образом перепродавать и сбывать. Т. е. продавать или допускать переход и продажу не в многие, а в немногие или одни руки, как это, — как нам подробно доложено, — и велось более 40 лет во многих местах нашего графства Тироль, где разрабатываются серебряные и медные рудники, с продажей серебра и меди, а отчасти, в течение некоторого времени, и ртути; да и сейчас это ведется, и несомненно и в других местах так происходило и ежедневно происходит на других рудниках с этими и другими металлами. Ибо, где золото, серебро, медь, ртуть и другие металлы сбываются и продаются по хорошей, действительной цене, что наилучшим образом может быть выполнено при продаже в одни или немногие руки, там по тем более высокой, хорошей цене могут при первой покупке продаваться эти металлы теми, которые добывают руду и переплавляют ее, или теми, которые их вообще имеют и покупают. Это также побуждает тех, кто разрабатывает рудники, расширять добычу, и поощряет их,

а отсюда расширяются и умножаются и рудное дело и все выгоды, вытекающие из этого для Священной Империи Германской Нации, а также для общего блага.

К тому же, и рудное дело таково, что, подобно другим божьим дарам, растущим на пользу человека, по надобности покупать, продавать, развозить, сбывать и обрабатывать все то, что добыто оттуда, само по себе является богоугодным, честным и дозволительным занятием. Справедливо также и по отношению к множеству честных людей, которые часто много и тяжело трудятся над разработкой рудников и, вкладывая долгое время свои деньги, живут лишь надеждой на хорошие последствия, чтобы им было оказано всякое необходимое содействие, которое поддержало бы их доброе желание и волю. Этим и рудники были бы сохранены в постоянном хорошем состоянии.

К тому же лишь небольшая часть этих металлов и руд, особенно меди и ртути, остается в немецкой земле, они главным образом вывозятся и сбываются в чужие страны. Да это и не такие товары и блага, которыми обычный человек должен, подобно другим предметам, пользоваться непосредственно для собственной потребности. Хотя в германской земле небольшая часть меди и перерабатывается ремесленниками, но этим ремесленникам тем или иным путем ведь и платится больше или меньше сообразно тому, что стоит медь. Отсюда легко можно сообразить, что если рудному делу этими или другими средствами не будет оказываться содействие, то будет добываться меньше руды и металла, будет чувствоваться недостаток меди, и возрастет сильно цена к немалому ущербу всему германскому государству и подданным его.

Поэтому, дабы означенные рудники, этот дар всемогущего, и блага, которые они дают, развивать еще больше и умножать пользу общую и, наоборот, означенное рудное дело предохранить от разрухи и вообще от несправедливого ущерба, постановляем, предписываем, объявляем, в силу наших императорских полномочий, что во всех местах Священной Римской Империи Германской Нации, где разрабатываются рудники горнопромышленниками и теми, кто разрабатывает рудники и имеет получать металл и руду в силу каких-либо договоров и сделок, эти металлы и руды, в особенности серебро, медь, ртуть, могут продаваться в одни или многие руки, и покупателями с продавцами и, наоборот, продавцами с покупателями могут на них повсюду заключаться условия и договоры, которые, как показано, способствуют ведению и развитию рудного дела или могут быть признаны таковыми. Равным образом те, кто означенные руды и металлы покупают у горнозаводчиков, рудокопов или других, могут продавать и сбывать означенные руды и металлы по самым высоким и лучшим ценам по собственной воле; также вывозить их в другие страны и народы, и, как сделки, условия, договоры, свершенные вышеозначенным образом, так и то, что до сих пор в вышеозначенной форме при покупке и продаже металла в одни или немногие руки и дальнейшей продаже, сбыте и вывозе их в другие страны было свершено, договорено и условлено, — да не называется, именуется или считается все это незаконным действием или [незаконным] договором о купле и продаже или монополией, а, тем

более, означенные лица, свершившие договоры, условия купли и продажи и вывезшие и сбывшие означенные металлы и руды в другие страны или имеющие это свершить, никем за это да не судятся, не штрафуются, не наказываются и не отягощаются никоим образом или путем, хотя бы это и являлось для иных людей невыгодным и приносящим ущерб, ибо это в гораздо большей степени идет на общую пользу и способствует общему благу.

Если же против этого кем-либо было или будет выпущено предписание — кем бы то ни было на основании неверных сведений, то ныне и впредь в силу нашей императорской власти сим предписываем и объявляем это постановление совершенно отмененным, ... чтобы оно ни в каком месте или суде не имело бы никакого значения, действия и силы ... и чтобы оно, вообще, совершенно было бы уничтожено ...

Если же мы теперь или впредь издали бы или сделали бы какие-либо постановления относительно отмены монополий, чтобы эти постановления и предписания к продажам, покупкам, сделкам, договорам, условиям, сбыту и вывозу означенных металлов и руд, в частности меди, серебра и ртути, не прилагались бы, и эти сделки не разумелись бы в означенных наших предприятиях и постановлениях, но полностью и совершенно были бы исключены из них...

Дано в Толедо в Кастилии. 13 мая 1524 г. *(Strieder. «Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen», S. 375—381.)*

9. Ответ городского совета г. Аугсбурга на запрос правительства в Нюрнберге относительно монополий.

1522 г., ноябрь.

Приложенные и присланные три статьи [запроса], подлежащие обсуждению, следующего содержания:

Касательно больших компаний: во-первых, являются ли они вредными для Римской Империи и общественной пользы, и вследствие этого должны ли быть они запрещены; во-вторых, следует ли вообще уничтожить все компании без исключения, или им нужно поставить известные ограничения; в-третьих, какими средствами это должно быть свершено и как помочь этому делу.

Тут следует ниже суждение и мнение ...:

Во-первых, следует подумать, является ли ведение торговли в германской земле и германскими купцами вредным или полезным... Ниже следуют причины, из коих вполне понятно и неопровержимо следует, что ведение торговли в германской земле и германскими купцами приносит пользу. Во всех странах, княжествах, городах, областях, где оживленное торговое движение, все обогащаются и в деревне, и в городах, и в местечках, и повсюду, не только хозяин, но и крестьянин, ремесленник, а также и князья и власти от пошлин, сборов и других доходов, и от этого люди богатеют, а это должно быть очень принято во внимание. И, наоборот, там, в тех местах, где такой торговли, промысла и движения нет, там пред глазами как раз обратное. Так что можно вывести, что те города местечки и области, где ведутся промыслы и торговля, очень процветают. Также известно, что когда в какой-либо стране или области идет война и нельзя странствовать

по дорогам, как в обычное время, то больше всего на это жалуется простой человек. Так, когда шла война с Венецией, то дороги замерли, и торговля из Венеции перешла в Португалию, что почувствовало и население Тироля вдоль торговых путей, и государь Тироля на своих доходах от пошлины. И то же самое можно сказать относительно других стран.

Возьмем, помимо Германии, другие страны, которые стали богаты, и в первую очередь Венецию, величайший город во всем христианстве, можно сказать, во всем мире, — она разбогатела от торговли. И ущерб от того, что король Португалии отнял у нее торговлю пряностями, правильно считается столь же крупным, как от войны, которую она до 1510 г. вела с папой и другими князьями. Вот что значит торговля. Возьмите Флоренцию — мощный, богатый город, — и все от торговли и купечества.

Возьмите Милан, который на людской памяти так расцвел благодаря торговле. Так же и в Нидерландах, не будь там торговли, не могло бы там быть столько таких больших городов, и они не в состоянии были бы содержать своего короля и государя, а равным образом и давать ему те доходы, которые он сейчас получает.

Могучие, богатые короли Англии и, в особенности, Португалии на памяти людской стали так богаты благодаря своему содействию торговле. Возьмите королевство Испанию, где так много дельных купцов — больше, чем в какой-либо иной стране или королевстве. Те города, в которых происходят ярмарки, смогли оказать королю наибольшую помощь; они самые богатые. То же самое происходит и во Франции. А где мало промыслов и торговли, те королевства, страны и княжества можно считать ни во что. А раз ведение торговли приносит выгоду и пользу, то, чем больше выгоды и пользы, тем лучше, и чем больше торговля, тем выгоднее и лучше государям, властям и всему населению. Известно также, что во всех указанных выше странах торговлю развивают, заботятся о ней и охраняют больше, чем в Германии, а если дело идет о привлечении к себе купцов, то к этому прилагаются все старания. Нет там также такого воровства, разбоев, убийств, препятствующих торговле, как в Германии. А когда в Италии, Франции, Венеции, Неаполе и в других местах шла война, то все купеческие товары были в безопасности и свободно хранились и провозились. То же имело место и в Швейцарском союзе, от чего как доходы от пошлин, сборов и другие, так и доходы простого человека возросли, а не уменьшились...

Крупные купцы ведут и большие дела, какие обычному купцу по его состоянию и невозможно вести... Если бы богатые люди не вели торговли, то лишь очень немногие из мелких купцов вели бы дела в Лиссабоне и в других далеких странах; они не были бы в состоянии делать это.

А так как крупные, богатые, состоятельные купцы ведут и крупную торговлю, то польза в том, чтобы крупное купечество было бы сохранено. Из нижеследующих же обоснованных соображений легко вывести и оценить, какой большой ущерб и вред был бы нанесен германскому народу, если бы был уничтожен купеческий промысел.

Что касается пряностей и, в частности, перца, которые, в виду малого потребления и сбыта перца в стране, менее, чем что-либо, имеют значения и могут нанести ущерб германскому народу, хотя об этом много говорят,... то мы выскажем следующее наше мнение. В германских странах не потребляется и не сбывается и двадцатой доли всего того количества перца, что покупается в Лиссабоне. Стоит только спросить, чтоб убедиться в этом. Зачем же тогда запрещать богатым немецким купцам покупать перец и везти его через Германию в другие страны? Конечно, не следует, ибо тот перец и другие пряности и товары, закупаемые крупными компаниями, что они ввезут в Германию и не смогут тут сбыть, они, тем не менее, повезут через Германию в другие страны, а этого обыкновенные купцы никоим образом выполнить и сделать не смогут, — им это не под силу. Допустим, богатые немецкие купцы не стали бы вести этой торговли, она бы от этого не прекратилась, но ее повели бы итальянцы и другие, получали бы прибыль и повезли бы перец через другие страны, не касаясь Германии, а это и князьям, и властям, и всему германскому народу во многих отношениях нанесло бы ущерб и вред. И что сказано сейчас о перце, то же можно сказать и относительно всех других пряностей, но так как о перце больше всего говорят, то с него и было начато. То же следует заявить и показать относительно всякой иной торговли; когда в Португалии или в других королевствах или в Англии покупают шерсть, ткани, олово и всякий другой товар и везут его в Германию или через Германию и то, что не могут сбыть там, вывозят в другие страны, и все это также ведет к приумножению общей пользы и доходов князей и властей от пошлин и сборов, каковая общая выгода, если бы компаниям была бы запрещена их деятельность, была бы отнята у Германии и перешла бы в другие страны, от чего с величайшим тщанием следует оберегаться. Отсюда вытекает ответ и относительно второго вопроса... поставить предел компаниям так, чтобы они не могли действовать выше, как с известной суммой денег [Это] было бы, принимая во внимание, что торговое дело не может терпеть никаких границ, очень тяжелой мерой, и, кроме того, тут так же мало, как и при применении других средств, было бы принято во внимание, споспешествуемо и выдвинуто вперед общее благо ... Как бы от этого не произошло большого убытка, ибо купец, не будучи свободен, как раньше, в ведении торговли, как бы не стал заниматься чем-либо другим и не прекратил бы торговли, и она не перешла бы к другим народам и пошла бы через другие страны, а не через Германию, и ушла бы из Германии. Следует также иметь в виду, что этими мерами можно прогнать и заставить выехать богатых купцов из Германии в другие страны.

Много говорят, что не следует давать и принимать в компанию деньги из пяти процентов, но тут нужно иметь в виду, что это было бы крайне тяжело и невозможно. Ибо за что должны терпеть честные люди всякого состояния, благородные, вдовы, сироты и другие, которых хотят обречь на гибель, отнимая у них пропитание. Они гораздо охотнее кормились бы от доходов от недвижимости или от рент, если бы они таковые могли где-либо получить, но почти все земли и доходы скуплены и скупаются духовенством, а потому некоторые купцы ока-

зывают любовь и дружбу своим друзьям, мужчинам и женщинам, несовершеннолетним детям, которые не могут торговать, предоставляя им делать вклады и получать с этого прибыль, дабы они имели бы пропитание и содержание. И это никто из понимающих людей не может счесть противоречащим общему благосостоянию.

Что же до жалоб мелких купцов на крупных, то это не ново, а уж исстари в обычае, что мелкий ремесленник жалуется на более крупного, что он не столько зарабатывает, как тот, и т. п. Это возможно, но они не правы. Пусть посмотрят, что происходит в Нюрнберге, Франкфурте и в других местах. Туда съезжается много купцов, малосостоятельных, у них 400, 600, 800 гульденов — побольше или поменьше, и они покупают у богатых купцов, и каждый покупает раза в четыре больше, чем у него налицо денег, так как этого требует его торговля, и, по правде, если кто раз или два, или три добросовестно выплатит долг и снова приедет, то для него делают мало различия, покупает ли он на наличные или в кредит. Те же купцы отправляются на ярмарки в Лейпциг, Эрфурт, в Тюрингию, в Мейсен, в Саксонию, в Марку, в Богемию, в Силезию, вниз — в Австрию и Венгрию, иногда и в Польшу; у каждого одна, две, три, четыре ярмарки в году и каждый раз, как он возвращается, — был ли он близко или далеко, — и привозит деньги, ему дают новую ссуду. И много купцов кормится от больших компаний, которые поддерживают их и дают им в долг, и можно найти много таких, которые из бедных приказчиков с такой помощью стали богатыми. Как же можно тогда говорить, что богатые теснят бедных? Против них действуют их собственная неумелость и несчастные обстоятельства.

Помимо этих трех статей, может обсуждаться вопрос об имбире и других пряностях, с которыми несколько лет тому назад в Лиссабоне были свершены тяжелые и невыносимые [для потребителей] сделки, ничем, или немногим, отличающиеся от монополии. Относительно этого высказываем мы наше мнение и суждение, что такие и подобные закупки, от которых большая часть крупных и малых компаний и другое простое купечество (в виду того, что они идут в ущерб германскому народу) испытывают не малое, но большое недовольство, никоим образом не могут быть терпимы, но с величайшим рвением должны быть изысканы и взвешены подходящие средства и пути для полного их прекращения.

И если смотреть по существу, то эта тягостная скупка [пряностей] идет лишь на пользу и во благо португальскому королю, а германскому народу в большой ущерб, так как те, кто производит эту скупку, имеют от этого лишь ничтожную прибыль, а между тем подвергаются при этом большому риску и опасности, а сбывать пряности должны с большой проволочкой. Предупреждать же свершение подобных сделок лишь со стороны верхненемецких купцов, которые к тому же менее всех к ним причастны, было бы совершенно бесполезно; но эти меры, если уже предпринимать что-либо действительное, должны быть обсуждены, провозглашены и применены к иностранцам, как-то: испанцам, нидерландцам, генуэзцам и другим, которые подчинены его величеству императору, и крупное купечество которых чаще, чем верхнегерман-

этот товар помимо них. Легко понять, какой всем, от высшего до низшего, от этого наклад и убыток, и ясно это видно из того, что стоили пряности и другие товары несколько лет тому назад, и как поднялись цены сейчас, чему краткий перечень ниже следует.

Как в Нюрнберге за последнее время поднялись в цене пряности и другие товары: лучший шафран, так называемый каталонский, несколько лет тому назад, в 1516 г., стоил фунт не больше как $2^1/_2$ гульдена 6 крейцеров, за него теперь, в 1522 г., нужно заплатить $4^1/_2$ гульдена 15 крейцеров. Лучший шафран из Аквила, так называемый «цима», стоил в 1516 и 1518 гг. фунт от 2 гульденов до [2 гульденов] 21, 24, 27 крейцеров, теперь же он стоит 4 гульдена. Равным образом, аррагонский шафран, марокканский, авернский и все другие сорта поднялись в цене. Также и гвоздика стоила в 1512 г. фунт 19 шиллингов (считая один шиллинг в три крейцера), а в 1513 г. — 1 гульден 27 крейцеров, в 1522 же году — 2 гульдена и все сорта гвоздики, а не один только, поднялись в цене сообразно своему качеству — и чистая гвоздика, отборная, и гвоздичные стебли, и смешанный сорт.

Также корица, длинная лучшая, за которую в 1516 г. платили по 1 гульдену 18 крейцеров за фунт, в 1517 г. поднялась до 2 гульденов 24 крейцеров, в 1519 г. до 2 гульденов 3 ортов. Короткая корица стоила в 1515 г. фунт 3 орта, в 1519 г. начала подниматься до 1 гульдена 21 крейцера.

Мускатный орех покупался фунт в 1513 г. за $^1/_2$ гульдена, а в 1519 г. по 27 крейцеров и с 1511 по 1518 г. никогда не стоил больше 3 ортов, а теперь, в 1522 г., его покупают по 3 гульдена 28 крейцеров за фунт.

Мускатный цвет в 1518 г. стоил фунт 1 гульден 6 крейцеров, в 1514 г. 1 гульден 12 крейцеров и с 1513 по 1518 г. никогда не поднимался выше, чем на $^1/_2$ гульдена 12 крейцеров, теперь же фунт продается по 4 гульдена 6 крейцеров 6 геллеров.

Лучший перец—перец в кожуре, черный—продавался в 1518 г. по 18 крейцеров за фунт, в 1515 г. по 27 крейцеров, затем по $^1/_2$ гульдена и в 1521 г. по 33 крейцера. К тому же они очень его портят и подделывают другим зерном, что растет вместе с перцем, так называемым «отвевом».

Имбирь несколько лет стоил 18, 21 и до 24 крейцеров фунт; он поднимался с каждым годом так, что в 1511 г. [повидимому, 1521 г.] он продавался по 1 гульдену 3 крейцера, к тому же очень портят и подделывают имбирь, подкрашивая его краской. Есть два сорта имбиря, венецианский и калькутский, и последний считается хуже и продается фунт приблизительно на 3 крейцера дешевле.

Кардамон недавно, в 1516, 1517 и 1518 гг., стоил фунт 9 крейцеров и ниже: теперь, в 1522 г., он стоит 24 крейцера.

Сахар продавался центнер в 1515 и 1516 гг. по 12 и 11 гульденов, в 1518 г. был поднят до 20 гульденов Чистый сахар обычно ценился на 1 гульден дороже.

Леденец за центнер давали в 1517 и 1516 гг. до 17 гульденов, в 1522 г. стоит 20 — 21 гульден.

Венецианский миндаль стоил центнер в 1518 г. 8 гульденов,

теперь в 1522—12 гульденов. Есть еще плохой миндаль, так называемый брабантский; центнер его стоил в 1518 г. не дороже 5 гульденов, теперь центнер поднялся на 3 гульдена, и он продается за венецианский и по той же цене. То же произошло и с венецианскими изюмом и фигами: в 1521 г. центнер изюма стоил 5 гульденов, теперь 9 гульденов. Фиги стоили центнер 3 гульдена 2 шиллинга, теперь 4 гульдена 1 орт.

Таким образом, следует отметить, что шафран возрос в 6 раз, перец в 2 — 3 раза, гвоздика в 2 — 3 раза; корица в 2 раза; имбирь в 2 раза... То же происходит и с миндалем, изюмом, фигами и другими лакомствами. А какую выгоду извлекают купцы из того, что смешивают и продают дешевый товар с лучшим и старый со свежим! Оказывается также, что сделки по таким ценам свершаются лишь между купцами, а не простыми покупателями, а обыватель должен за все платить дороже против вышеуказанных цен. Это можно ежечасно видеть и заметить. Надо же иметь в виду, что и купец и мелочной торговец хотят получить свою прибыль от этого. И такое повышение цен производится не только с пряностями, но и со всеми другими товарами, особенно привозимыми из-за моря. Так что они по своему произволу поднимают цены на товар, сколько и когда хотят. Дабы однако их прибыль от такого повышения не была бы замечена, они поднимают в один год цены не на все пряности сразу, но в этом году на шафран и гвоздику, а в следующем году на перец и имбирь, а затем на мускатный цвет и орех и корицу. Поднимая цены на одни товары, они немного сбавляют их на другие, но никогда не снижают до прежних. Цены на указанные товары повышались иногда дважды и трижды в год.

(Примечание. Эти цены в Нюрнберге извлечены из записей купцов с 1510 по 1522 гг.)

Сколько пряностей ввозилось за год в Германию... Ряд купцов показал, сколько ежегодно ввозится из одного только Лиссабона в Германию перца, имбиря, шафрана. Одни говорят больше, другие меньше, и все же эти спорные показания купцов здесь приводятся для лучшего осведомления, а именно: ввозится 36 000 центнеров перца, скорее больше; 2 400 центнеров имбиря, 1 000 мешков шафрана. Все это приходит только из Лиссабона; то же, что приходит из Венеции, не включено в эти цифры. Относительно других пряностей они не могут назвать цифр. Сколько в Германию приходит ежегодно из Лиссабона через Антверпен товаров, лучше всего узнать от таможенных чиновников в Антверпене, так как купцы об этом говорят различно.

Как иногда отдельные компании соединяются вместе. Во-вторых, с помощью своих больших капиталов они забирают в свою власть и руки один или несколько товаров, особенно таких, которые трудно достать, а если этого не может сделать одна компания, она призывает на помощь другую; они тогда обязуются держать этот товар в высокой цене, что хорошо выполнимо, ибо его нигде, кроме как от них, нельзя получить. Такое притеснение теперь налицо во многих местах в империи, и оно правильно сравнивается с общим побором.

Как богатые купцы и компании губят бед-

ных купцов. В-третьих, лишь только бедный купец купит у них этот взвинченный товар в расчете ради пропитания продать его в другом месте, как эти крупные дельцы уже и там у него на шее: у них избыток товара, и они могут его продать дешевле и в долгий кредит. Бедняк попадает в стесненное положение, терпит убыток, наконец, погибает. Иногда они через подставных лиц перекупают снова у него товар (тоже ему не в прибыль); у них повсюду склады в Европе; причиною тому избыток крупного капитала.

Большие компании уменьшают промыслы и потребление в стране. В-четвертых, большую часть дел компании ведут в стране путем письменных сношений так, что там, где сейчас одна большая компания, кормилось бы 20 или даже больше [купцов], все они должны были бы путешествовать и торговать лично, так как они не могли бы держать во всех местах склады и служащих. От этого поддерживались бы дороги, пошлины и сборы умножались, хозяева и ремесленники получали бы доход и выгоду. Многочисленность продавцов дает хорошую куплю и понижает цены.

Как большие компании к великому ущербу общему благу вывозят и растрачивают много золота и монеты. В-пятых, путем запрещения этих больших компаний, если не совсем, то отчасти или даже очень был бы сокращен и предупрежден вывоз и уничтожение добротной золотой и серебряной монеты. Ибо, не будь таких крупных состояний, не скупалось бы и не выменивалось бы в стране такой кучи денег, и монета не вывозилась бы в далекие страны и во все места Европы, и не делались бы с нею там дела, а каждая монета оставалась бы в том месте, где она имеет обращение, и в поисках столь далекой корысти не скапливалась бы и, во вред и в наклад всем—от высшего до низшего, не выменивалась бы на другую, худшую и неполноценную. Всем известно, сколько за последнее время выменено, вывезено, переплавлено рейнских гульденов, где и как это происходило и еще ежедневно происходит. Ясно перед глазами и достойно сожаления все то зло и ущерб, которые чем дальше, тем с каждым днем все более и более распространяются и умножаются.

О волнениях в некоторых городах против таких злостных сделок. В-шестых, известно, что от вышеуказанных нетерпимых и невыносимых тягот, происходящих от больших компаний и злостных запрещенных операций, в ряде городов происходили восстания простого люда, и следует опасаться, что если это не будет устранено, они со временем будут происходить больше и чаще, чем до сих пор.

В ответ на другой пункт, должны ли быть совершенно запрещены все компании, можно сказать следующее.

Полное уничтожение и совершенное запрещение всех компаний и всяких дел было бы против общей пользы и очень тягостно и невыгодно для всей германской нации; ибо, во-первых, из этого вышло бы только, что итальянцам, французам и другим народам была бы оказана большая помощь и содействие предпринять и вести как раз то, что сейчас хотят прекратить, как нечто крайне тягостное, и нужно

подумать, как эти чужие народы стали бы истощать и высасывать всю германскую землю...

Во-вторых, это пошло бы на пользу только очень богатым, которые всюду себе берут зерно, оставляя другому мякину, ибо ведь есть отдельные лица, которые могут в одиночку предпринять то, что сейчас считают столь тягостным от больших компаний. Разумно выбранная середина между двумя крайностями [полной свободной деятельностью компаний и полным их запрещением] была бы выгодна, приемлема и терпима...

Для устранения означенных тягот было сделано несколько предложений...

Во-первых, было предложено, чтобы капитал, которым оперирует компания или отдельные лица, был бы определенных размеров — 20, 30, 40 или самое большее 50 000 гульденов, и чтобы каждая компания или отдельное лицо, ведущее такую торговлю, не имели бы больше трех складов [отделений], кроме их собственного местожительства...

О том, чтобы этот капитал не был бы увеличиваем. Должно быть также запрещено, чтобы означенный допущенный основной капитал не нарастал и не умножался приложением прибыли или путем займа под товары или иным путем, каким бы то ни было, и чтоб каждый год или по меньшей мере через два года давался бы отчет, прибыль бы делилась и никоим образом не присчитывалась бы к основному капиталу, от чего последний превзошел бы вышеозначенные пределы...

В-третьих, указано было..., чтоб был предупрежден и запрещен вклад или прием денег или денежных ценностей в какие-либо торговые предприятия, большие или малые, за что без риска потери или прибыли получались бы и давались бы деньги и проценты. Компании или отдельные лица, имеющие в деле занятые таким образом деньги, должны в указанный срок от них отделаться и выплатить. Ибо это столь же безбожно и является ростовщичеством, насколько вредно и идет в ущерб общей пользе.

В-четвертых, не сосредоточивать весь товар в одних руках, как раньше, когда это не было строго запрещено....

В-пятых, необходимо запретить, под страхом потери всего состояния, чтоб никакая распущенная компания или отдельные лица не вступали в стачку друг с другом... и чтоб таким образом они в виде разрозненных предприятий [не захватывали в свои руки весь товар и не вздували бы на него цены],... ни одной компании или отдельному лицу не должно быть разрешено иметь в деле больше, чем на 50 000 гульденов, товара.

... В-шестых,... все иностранцы, что имеют склады свои в Германской империи, должны быть также подчинены этим постановлениям...

О великом вреде от поездок германских купцов в Португалию и обратно и о запрещении этого. В-седьмых,... весь товар, вывозимый в Империю из Португалии и обратно из Империи в Португалию, по морю перевозится за страх и риск немцев. А этот переезд по морю гораздо более

связан с заботами и опасностями, чем весь путь из Индии, как это видно из того, что за немного лет тут погибло и потонуло товаров больше, чем на 1 500 000 гульденов (15 раз по 100 000 гульденов). Нетрудно понять, какой наклад, тяготу и ущерб германскому народу это составляет. Ибо, несмотря на это большое количество затонувших в море товаров и денег, принадлежащих этим компаниям, тем не менее они и их служащие несли большие расходы и роскошествовали и при всем том получили огромное, неисчислимое богатство, унаследовав от своих отцов или других лишь очень мало... Всякий легко может вывести, что все это большею частью было высосано, вытянуто, выжато из населения Германии. Поэтому было предложено постановить, чтобы никто в Германской империи, сам или кто-либо от него, не вел бы в Португалии торговли или каких бы то ни было операций. От этого и от прекращения рейсов в Лиссабон произошло бы, что португальцы, не будучи в состоянии сбывать внутри страны свои пряности и товары, а также не будучи в состоянии добыть товары, нужные для них самих и для отправки в Индию, сами перевозили бы их по морю, принимали бы на себя риск этого и ущерб, если бы таковой случился, без того, чтобы все это нес на себе германский народ. От этого последовало бы умножение числа купцов, удешевление товаров без риска и опасностей... Португальский король не может обойтись без подвоза металла из Германии и не сможет без обмена на него ничего получить из Индии, потому, если он в ущерб германской нации не поедет с пряностями за море, а будет искать других путей, то можно будет в ответ на это закрыть вывоз в Португалию металла и вынудить его этим отказаться от своего намерения.

О таксировке товаров...

Из Любека было сообщено правительству, что из Ревеля сделано было предупреждение, будто король Дании ведет переговоры с Фуггерами о том, чтобы все товары, привозимые из Московии в ганзейские города Германии, направлялись бы впредь в Данию в распоряжение короля и Фуггеров, которые затем по своему произволу вздуют на них цены и тем наложат новую тяготу на германскую землю. И вышеуказанные постановления этому не помогут, ибо Фуггеры или другие мощные фирмы всегда смогут вступить в подобное соглашение с тем или иным королем, что было бы трудно предупредить. Ведь эти богатые компании и купцы имели до сих пор столько льгот и привлекли на свою сторону таких людей, что их явные отступления не карались законными наказаниями, но сознательно терпелись и на них смотрели сквозь пальцы, ... что же поделать будет тогда, когда они в гораздо бо́льшей тайне будут действовать против общего блага?

Поэтому многими было предложено, ... чтобы на все товары были установлены цены, выше которых их нельзя было бы продавать в Германии, а так как пряности в одном году ценятся выше, чем в другом, то чтобы эта такса менялась из года в год, смотря по цене товаров. На это было указано, что будет много обмана со стороны купцов, помешать чему не в человеческих силах, ибо назначенные таксировщики будут знать относительно падения или повышения цены на тот

или иной товар лишь то, что сообщат им к своей выгоде те же купцы, которые имеют для этой цели осведомителей во всех странах. За наилучшее поэтому было признано, что, разузнавши, по какой средней цене (а не по высшей или низшей) покупался товар в наших странах до того, как он попал в руки португальского короля и больших компаний, каждый товар был бы так таксирован, чтобы в Германской империи ни один крупный купец и розничный торговец под страхом наказания... не мог бы продавать товар непосредственным потребителям выше назначенной цены, невзирая на то, стоят ли эти товары выше или ниже таксы. Но ниже они их могут продавать. Иные возразят, что если некоторые товары упадут в цене, то на этом купцы потерпят убыток, и в Империи будет ощущаться недостаток этих товаров. На это можно ответить, что то, что купцы потеряют на одних товарах, они возместят на других, поднявшихся в цене, а те страны, откуда эти товары приходят, гораздо менее могут обойтись без наших денег, нежели мы без их товаров; поэтому и не следует опасаться наносящего ущерб недостатка этих товаров в Империи, нужно считать вредным бесполезную трату денег. Такой таксировкой было бы наиболее действительнейшим образом предупреждено чрезмерное повышение товаров. Если же иноземные купцы желают иметь наши деньги, то и они должны предоставлять нашим купцам покупать товары по такой цене, чтобы те были бы в состоянии их продавать у нас по этой таксе. Таким образом, не только наши купцы, но и иностранные были бы вынуждены к справедливой продаже.

Наказания фискалом нарушителей этих правил. По расследовании имперским фискалом, ... у нарушивших эти постановления купцов конфискуются весь товар и имущество, какое они имеют в Германской империи, и сами они изгоняются из германской земли.

В какой срок должны быть распущены запрещенные большие компании... Им должен быть предоставлен годичный срок для производства означенного раздела их имущества и денег, ... в это время не должны быть основываемы новые компании. *(«Deutsche Reichstagsakten. Jungere Reihe», 1901, B. III, S. 577—599.)*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Аналогичное соглашение было заключено и с английским королем Эдуардом IV.

[2] Перевод соглашения сделан С. Н. Коротневой.

[3] Карлом Смелым.

[4] 1 ливр фландрских грошей делился на 20 солидов (шиллингов) по 12 грошей в каждом. Курс относительно рейнского гульдена 1474 г. : 1 р. г. = 3 с. 8 гр. 1477 г. : 1 р. г. = 3 с. 4 гр.

[5] См. примеч. 5 на стр. 95.

ЛИТЕРАТУРА ВОПРОСА.

Sombart W., Der Moderne Kapitalismus (несколько изданий. Второе и следующие значительно отличаются от первого, вышедшего в 1902 г. Имеется русский перевод).

Strieder J., Zur Genesis des modernen Kapitalismus. Forschungen sur Entstehung der grossen bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgange des Mittelalters

und zu Beginn der Neuzeit zunächst in Augsburg, Leipzig, Duncker u. Humblot, 1904.

Strieder J., Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit, 2 Auflage, Leipzig, Duncker und Humblot, 1925.

Ehrenberg R., Das Zeitalter der Fugger. Geldkapital und Kreditverkehr im XVI Jahrhundert, 2 B., Jena, G. Fischer, 1912.

Studien zur Fugger-Geschichte. Erstes Heft; Jansen (M), Die Anfänge der Fugger, Leipzig, Duncker und Humblot, 1907.

— Zweites Heft. Lill (G), Hans Fugger und die Kunst, Leipzig, Duncker und Humblot, 1908.

— Drittes Heft. Jansen (M), Jacob Fugger der Reiche, Leipzig, Duncker und Humblot, 1910.

— Viertes Heft. Kirch, Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg, Lepzig, Duncker und Humblot, 1915.

Strieder J., Die Inventur der Firma Fugger aus dem Jahre 1527. (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Ergänzungsheft XVII, 1905.)

Д. Н. ЕГОРОВ.

ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА (1525 Г.).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Материалов, относящихся к Великой крестьянской войне 1525 г., опубликовано теперь очень много: не проходит года — не исключая даже годов мировой войны — без значительного их увеличения. Сильно отстала зато критика. В этой области нет все еще общеприемлемых положений даже относительно крупнейших проблем, каковы — хронологическая последовательность явлений, подлинные детали отдельных крупных фактов, напр., «крестьянского парламента» в Мемингене, рост и изменение идеологии движения, взаимоотношения отдельных «программ» и «статей». Критическое сличение и тщательная разработка наиболее крупных документов, не слишком дробных и сбивчивых (вроде многочисленной и многоречивой переписки), имеет поэтому все еще достаточное основание.

В качестве краткого «введения» к изучению материалов по истории Великой крестьянской войны нами даны материалы, относящиеся к крестьянским движениям до 1525 г. Количество их можно бы было увеличить, но существо дела от этого не изменилось бы, тем более, что более поздние (не современные) описания отличаются подозрительной «полнотой» сведений. По более кратким, но зато наиболее достоверным материалам можно судить, как разнообразны, при общности объективных причин, были ближайшие поводы, а вследствие этого и внешние формы отдельных крестьянских выступлений.

При чтении материалов необходимо привыкнуть к своеобразной аргументации и документации крестьянских масс и их вожаков, совершенно необычным для нашего времени, но необычайно убедительным и резко революционным (апелляция к «божьему слову», «естественному праву» и пр.) для того времени.

Крупная выдержка из «Саббат» Кеслера, с массой народных полуэпических мотивов, вводит непосредственно в пеструю неустойчивость первоначального фазиса движения, когда нет еще никаких формулировок, когда зачастую сбиваются даже в названии крестьянского «объединения» (эта сбивчивость терминологии и определений сохранена в переводе), когда требования еще не отстоялись и, во всяком случае, не объединились, а дальнейшая программа действий не выяснилась.

Знаменитые XII Статей — аграрная программа — знаменуют уже следующий этап — программу-минимум, приемлемую для всех крестьянских отрядов.

Мемингенская петиция и связанный с ней ответ местного совета, так же, как и Эрингенская челобитная, характеризуют отношения между городскими слоями имперского города средней величины (Мемминген) и мелкого зависимого городка (Эринген — часть вотчины графов Гогенлоэ).

Большая выдержка из «Книги о крестьянской войне» Лоренца Фриса относится не только к новой территории, но и к совершенно новым условиям, знаменующим дальнейший фазис крестьянского движения. Последнее перестало быть чисто крестьянским и аграрным; к нему примкнули городские слои, обездоленное, деклассированное мелкое рыцарство (среди них известный Гец Берлихингенский Железнорукий) и часть мелкого, иногда очень талантливого, чиновничества. Текст Лоренца Фриса, почти целиком состоящий из несомненно подлинных документов (среди них и знаменитая «Гейльброннская программа»), как нельзя лучше вводит в этот первый фазис, когда ищут «реформации», всеобщей и всеобъемлющей, охватывающей все стороны жизни Империи. Передовую позицию в этом движении занимает Светлый отряд Оденвальда и долины Неккара. Из его же рядов вышло Объяснение XII Статей, отчетливо резюмировавшее создавшееся положение.

Наконец, сравнение с так называемой «Реформацией императора Фридриха III» (есть русский перевод: В. Бауер — Лекции по Новой истории), безусловное сходство которой с Гейльброннской программой наделало столько шума, даст возможность не только точнее уяснить ряд недоговоренностей и малопонятных мест (в переводе они сохранены в неприкосновенности) Программы, но и поставить ряд важных критических и методологических задач.

I. О великой тяге (Gelauf) народа к литаврщику Гансу в Никласгаузене на (реке) Таубер.

(Лоренц Фрис, «Вюрцбургская Хроника».)

Лоренц Фрис, официальный историограф Вюрцбургской епархии, во всех своих работах, между прочим и в «Хронике», основывается на очень хороших и надежных материалах. Правда, документальные сведения о Гансе-литаврщике даже в вюрцбургском архиве [1] были очень незначительны, но зато народная память сохранила немало ценных черт, и Фрис внес их в свой рассказ, чем он и выгодно отличается от соответственных чисто литературных измышлений Иоганна Тритемия, Конрада Штоля, Иоганна Герольда и др.

Перевод дан по изданию I. Ludewig. «Geschichtsschreiber von dem Bischofthum Wirtzburg», Frankftrt, 1713, S. 852—854.

Жил тогда некий молодой человек, по имени Ганс Бегейм (Boheim), [2] игрок на литаврах; ходил он по долине Таубер, играл в трактирах, чем и питался. Когда он услышал, что много лет тому назад в этих местах какой-то монах-францисканец проповедывал против роскоши и всюду сжигал игорные доски, пришло ему на ум, — а дело было в «полпоста» [3] — сжечь и свои литавры. Так он и сделал в год 1476 в Никласгаузене, деревеньке на реке Таубер; и с тех пор начал проповедывать простому люду, говоря, что явилась-де ему сама дева Мария и велела ему сжечь литавры, которые до сей поры служили

ко греху и пляскам; а отныне она, дева Мария, желает, чтоб он проповедывал простому люду, чтоб он отошел от греха, отказался от украшений, монист, лент, кружев [4] и остроносной обуви, [5] и все бы шли в Никласгаузен, ибо нигде, кроме Никласгаузена, нет ни спасения, ни отпущения. Кроме того, Мария велела-де ему проповедывать, что не должно быть отныне ни императора, ни князей, ни вообще каких-либо духовных и светских властей, но что следует покончить (abtun) со всеми ими; все должны быть друг другу братьями, все обязаны снискивать пропитание работой рук своих, никто да не имеет больше другого; уничтожены должны быть аренды, подати, платежи, поборы, [6] помочи (bede), десятины и пр., и никогда впредь они не должны взиматься; все леса, воды, луга повсюду должны быть для всех свободны и т. д., и т. д. [7]

Так проповедывал он до самого дня св. Килиана [8 июля] по воскресным и праздничным дням при большом стечении народа. Сперва сбегались ближайшие соседи, из поселков по реке Таубер, из Шюпфгрунда и окрестностей; затем уже и из Оденвальда, долины Майна, с Неккара и реки Кохер. [8] Наконец, молва и постоянный спутник ее— суеверие пригнали народ и с Рейна, и из Франконии, Швабии, Баварии — мужчин и женщин, старых и молодых. Удивительно: сбегались ремесленники прямо из мастерских, сельский батрак (Bauersknecht) прямо от плуга, девушка-работница с серпом и мотыкой, не спросясь ни старших, ни начальства, бросая на месте орудия, плуги, корзины и пр.; как на кого накатывало (die Tobsucht uberfiel), так он, в чем был, и бежал в Никласгаузен. Почитай, ни у кого не было средств на дорогу, но их кормили и поили люди по пути; а называют они друг дружку не иначе, как «брат», «сестра». Все почти женщины и девушки срезали свои косы, города и деревни приносили пудовые свечи, немало жертвовали денег, одежд, утвари, украшений.

Литаврщик Ганс одет был в косматый плащ, и паломники обрывали эти космы, радуясь точно реликвиям, вроде сена от яслей вифлеемских. Проповедывал он, стоя на опрокинутом свином корыте, писания не знал, но местный поп помогал ему. По окончании проповеди он приглашал народ на следующий праздник, говоря, что [народа] будет вдвое против теперешнего; и действительно, однажды собралось до 40 000 человек. Любо было трактирщикам, содержателям харчевен, торгашам и разным мелким ремесленникам.

В воскресение, накануне дня св. Килиана [7 июля], он тоже проповедывал и пригласил всех, по обыкновению, на следующий праздник, день св. Маргариты [13 июля:] пусть-де мужчины придут в вооружении, а он, по повелению девы Марии, поведает им три слова; женщины же и дети на сей раз пусть не приходят.

Наслышавшись об этом, епископ Рудольф [Вюрцбургский], боясь, как бы не вышло беды при всенародном вооруженном стечении, решил воспрепятствовать этому во-время. Ведь, хотя он и запретил своим людям паломничество в Никласгаузен и некоторое время было тихо, но недавно тяга туда опять началась. Посему он послал 34 всадника в Никласгаузен. Они окружили дом, в котором спал литаврщик, вывели его, посадили на лошадь и двинулись к Вюрцбургу. Палом-

ники, а их всегда было не менее 4 000, видя, что увозят их пророка, пытались этому воспрепятствовать; но ничего не вышло — литаврщика благополучно доставили в Вюрцбург; один крестьянин ранил лишь одного из коней, за что и пришлось ему потом поплатиться.

Между тем, в назначенный срок [день св. Маргариты] сошлось великое множество мужчин в Никласгаузен; говорят — 34 000 человек. Но, узнав, что их пророк, которого они все звали «святой юноша», захвачен и уведен, многие рассеялись тотчас же. Но были и такие, которые готовы были при всяких условиях помочь литаврщику и поддержать его. Среди них один заявил, что ему явилась св. троица и велела сказать всем братьям: взять свечи и оружие и итти в Вюрцбургский замок на выручку святого юноши; замок-де сразу откроет ворота. Так и сделали: 16 000 паломников двинулись немедля; шли всю ночь, а на утро прибыли с зажженными 400 свечами и дрянным оружием (schlecht wappen) к замку.

Кунц и Михель из Тунфельда, отец и сын, были главарями крестьян. К ним и послал епископ Рудольф своего маршала, Георга фон Гебзаттеля, чтоб спросить, за каким делом пришли крестьяне. Ответ был: чтоб выручить святого юношу; ежели его выдадут добром, то так и быть; а ежели нет, то их намерение освободить его силой; пусть епископ этим руководится. Несколько горячих молодчиков взялись даже за камни, и ежели маршал не улепетнул бы (entwichen), плохо бы ему пришлось.

Видя, что дело серьезное, епископ Рудольф стал готовиться — велел выкатить пушки, а затем снова послал к ним, на сей раз рыцаря Конрада фон Гуттена. Тот заявил, что его господин, епископ, не намерен выдать им литаврщика, а поступит с ним сообразно с его преступлением. Всем же людям епископа среди собравшихся повелевается, во имя их присяги и обязанностей, немедленно уйти и вернуться во-свояси; если же они этого не сделают и произойдут беда и ущерб, пусть сами пеняют на себя.

После сего вюрцбургские мужики как один человек ушли; за ними потянулись вертгеймские и ряд других отрядов с реки Таубер. Когда же епископу было доложено, что среди ушедших было несколько отчаянных смутьянов, он послал вослед всадников, чтобы их схватить. Крестьяне сопротивлялись; 12 было убито, многие спаслись в церковь в Бюттельбронне, но затем сдались и были уведены в Вюрцбург и брошены в тюрьму. Всех их епископ освободил через несколько дней, после того как они поклялись не мстить (auf urfede). Зато удержаны были как сам литаврщик, так и крестьянин, который ссылался на явление ему св. троицы, а также крестьянин, ранивший коня при увозе литаврщика. Их в пятницу 18 июля вывели на Шоттенангер; обоих крестьян обезглавили, а юношу Ганса Бегейма сожгли.

Тяга в Никласгаузен продолжалась еще с полгода, несмотря на запреты начальства.

2. Как начался Союз Башмака и чем закончился.

(Записи Памфила Генгенбаха.)

Запись Памфила Генгенбаха — единственный связный рассказ современника, быть может очевидца, о Союзе Башмака, принявшего в реляциях других писателей совершенно искаженные и неприемлемые формы. В основе два ряда сведений — письменные, возможно — следовательская запись, и устные — весьма четко отделяющиеся друг от друга даже по языку, что, конечно, не удалось сохранить в переводе.

Перевод дан по книге K. Goedecke, Pamphilus Gengenbach, 1856, S. 28 — 31.

... В год от рождения господа нашего 1513 случилось, что в деревне Леэн (Lehen), что в Брейсгау, [9] проживали пекарский подмастерье Иероним, родом из долины Этш, и другой, Иост Фриц, главный зачинщик всего дела. Эти двое часто виделись с другими лицами и говорили о Союзе Башмака: как бы его лучше всего начать, да так устроить, чтоб он имел успех. При сем они поступали так. Когда они приходили к кому-либо, кто казался им подходящим, они приступали к нему не сразу, а с подходами: сможет ли он соблюдать тайну? да хочет ли он им помочь? коль да, так они ему скажут нечто, что согласно с божьим правом, честно, полезно ему, его семье и всей стране. Многие на это отвечали: коль дело честное и согласно с божьим правом, они готовы им помочь. Только тогда они посвящали собеседника в свои планы.

А стремления (ansinnen) их были таковы. Не подчиняться отныне никакому господину, кроме императора и папы. Во-вторых, чтоб леса и воды, а также дичь были бы для всех свободны. В-третьих, коль платежи и ренты достигли уже стоимости данного капитала или земли, — не платить их более совсем. В-четвертых, добиться, чтоб у каждого попа было лишь одно доходное владение (pfründe). В-пятых, чтоб обратить в общую казну все излишние доходы и ренты монастырей, дабы эти деньги шли им и их детям на улучшение их положения. В-шестых, чтоб никто никому не предъявлял бы «законных требований», помимо суда той округи, в которой он проживал. В-седьмых, чтоб всякие пригласительные, напоминательные и запретительные обращения [10] впредь более не имели силы. В-восьмых, чтоб не быть более подсудными суду в Ротвейле. [11] В-девятых, у всех, кто примкнет, не трогать их достояния. В-десятых, всех, кто противится, убивать до смерти.

Эти столь кратко здесь приведенные статьи, а также еще и некоторые другие, рассмотрели и приняли они в урочище Гартматт [около Леэна]; там же избрали себе и капитана, знаменосца и фельдфебелей (feldweibel). Упомянутый Иост Фриц, главный зачинщик, стал капитаном, а Яков Хузер знаменосцем, хотя он и сильно противился, указывая на свою бедность и отсутствие опыта; но Иост Фриц ответил ему: «Коль дело пойдет на лад, будет у тебя и хорошая одежда», и Якову пришлось уступить. Установили они взносы на данный отряд, а затем приняли пароль, чтоб узнавать друг друга. Пароль гласил:

Милейший, как с тобой нам знаться?
[Ответ] Бедняк не может уж подняться. [12]

Впрочем, насчет пароля ничего окончательного порешено не было.

Между тем Иост Фриц и старый приказчик[13] в Леэне пошли во Фрейбург к одному живописцу. И велели они ему изготовить знамя такого рода: чтоб было распятие, дева Мария и св. Иоанн, а также эмблемы папы и императора, а посередке крестьянин и крестьянка и большой мужицкий сапог с золотыми ремнями.[14] Испугался живописец, учуяв неладное, а посему не покончил с ними, а попросил зайти еще раз; а сам пошел рассказывать о случившемся. Тогда Иост Фриц счел нужным бежать из Фрейбурга до самого Гейльбронна. Там он опять обратился к живописцу с тем же предложением. «Как же, — ответил живописец, — всюду говорят, что скоро поднимется Союз Башмака». Иост Фриц успокоил его, говоря, что подобным знаменем он обещался св. деве в Ахене во время военной беды; он-де сын сапожника, а посему избрал изображение шнурованного сапога. Убедил он живописца, и тот изготовил знамя.

Между тем в Бингене, в Брейсгау [между работниками в риге произошел спор, а затем драка].[15] Один убил другого и бежал, пока не прибыл в Эймельдинген, что в маркграфстве.[16] Там он зашел в гостиницу и поведал хозяину свое дело, спрашивая, не грозит ли ему здесь опасность. Хозяин ответил, что бояться нечего, пока нет судебного требования. И сказал тогда беглец: «Эх, если бы маркграф дал мне гарантию,[17] рассказал бы я ему вещи, полезные и нужные как ему, так и всей стране». Хозяин обещал ему добиться гарантии, и тогда тот рассказал ему все доподлинно о Союзе Башмака и о том, что и сам принадлежит к нему, и что, если не примут мер, гром грянет во время ярмарки в Бингене [9 октября], когда сойдется много народа. И спросил его хозяин: «А посмеешь ли ты все, что ты сказал мне, подтвердить и самому маркграфу? ведь дело не шуточное, и нужно быть твердо уверенным в своих словах»...[18]

И пошли они, хозяин и беглец,[19] в Реттельн, к замку, где в то время находился маркграф баденский Филипп,[20] и повторил беглец свой рассказ от слова до слова, так что не нужно его вторично приводить.

Иост же Фриц, главный зачинщик и капитан, и его ребята (gesellen) часто собирались в Хартматте, и все они решили: коль достигнет их число четырехсот, итти напролом (losschlagen). Впрочем, сперва сообщить о предприятии императору: коль он соблаговолит их поддержать, — сделать его главой всего дела, а коль не пожелает, — просить о помощи крестьянскую Швейцарию (die gemain eitgenosschaft).

Между тем город Фрейбург был извещен о грозе и принял надлежащие меры.[21] Когда же об этом узнал Иост Фриц, он созвал своих ребят опять-таки в Хартматт и сообщил, что предприятие их открылось, ибо Фрейбург вооружается спешно. Следует поэтому воздержаться от выступления и ничего пока не предпринимать. Одновременно все поклялись нерушимо молчать. Когда же маркграф Филипп и фрейбургцы стали хватать людей,[22] Иост Фриц, Яков Хузер, знаменосец, и еще один[23] должны были бежать из Леэна. Прибыли они в Листаль, на территорию города Базеля; там их и схватили. Иосту Фрицу удалось бежать со знаменем,[24] а остальные двое были отведены в Базель и там казнены...

3. Движение Конрада Бедного.

(1514 г.)

Анонимные вирши о Бедном Конраде являются листовкой того времени, 1514 г., и в этом смысле уже заслуживают внимания, так как печатное слово с начала XVI в. становится неизменным спутником всякого общественного явления. Количество рифмованных (цель, конечно, не поэзия, а лучшее запоминание; иногда пред нами и творчество коллективное) и прозаических листовок и памфлетов эпохи реформации и специально Крестьянской войны очень велико (из новейших работ — многотомный труд O. Clemen'a, 1907 г., и следующие, пока тт. I — V), хотя выявлено пока, по общему мнению, едва ли больше трети.

С другой стороны, вирши эти любопытны в том отношении, что здесь впервые сказывается несомненный интерес горожан к крестьянскому движению, с положительной его оценкой. Ясно чувствуется также, несмотря на искусственность и растянутость виршей, сильная напряженность момента.

Перевод стихов дан с возможной точностью, т. е. соблюдена форма, вполне сохранены мысль и, где можно, даже выражения; точности буквальной достичь было невозможно, хотя бы в виду своеобразия и сложности самого языка.

Подлинник напечатан в собрании K. Steiff, Geschichtliche Lieder und Sprüche Württembergs, B. I, 1899, S. 95 — 97.

Краткая выдержка из письма Тумба ценна указанием на симпатии дворянства и рыцарства. Предгрозовое, жуткое настроение явственно высказано и здесь.

ВИРШИ О КОНРАДЕ БЕДНОМ.

(1514 г.)

Кто хочет знать, как в этот год
Пошли дела в нашей земле, *
Пусть купит и читает тот
О Бедном Конраде стишок.
    Давно не испытал таких
    Я трудностей в стихах своих.
    Вина — не в слабости моей,
    А в сложности самих вещей:
    Услышу что от разных лиц —
    Все разное; и Кунц и Фриц
    Дают мне показания
    На версты расстояния.
Эх, дал бы бог, чтоб каждый чин,
И мужичок, и господин,
Былой доволен был судьбой!
Не испытали б мы порой
Той ненависти и нужды,
Что отягчили наши дни...
    О Бедном Конраде начну,
    Насколько знаю и могу.
Впервые, сколь известно мне,
Поднялись в Бейтельсбах-селе. [25]
«Никто нигде спокон веков, —
Таков был смысл горячих слов, —

* Вюртемберг.

Не слышал о таких поборах».
Весь Ремсталь [26] вскоре был во сборах:
«Мы не дадимся, не хотим!
Он [27] больше нам не господин;»

Пошли все к старцу-мудрецу [28]
Поведать горькую судьбу.
«Нет сил терпеть! невмоготу!
Грозит разор тут мужику!
Как на осла валят поклажу!
Что день, то дело стало гаже!
Заверещит дитя в утробе,
И мертвый завопит во гробе,
Коль мы снесем такой позор:
Свое вино, как будто вор,
Мужик не смеет вдосталь пить,
Изволь за кружку заплатить!
За мясо собственных скотов
Опять плати! Таких оков
Не знали со времен Адама!
Не стерпим мы такого срама!
Нет, будь что будет, не хотим!
Он больше нам не господин!»

Старик утишить просит гнев.
Он мудр, его гласит припев:
«Не прите противу рожна,
Не то как раз будет беда
Похуже той для всей земли,
Ради которой вы пришли.
Примеров можно насчитать,
Что противу начальства рать
Не удается, — сколь угодно:
Хотя б Бундшу, [29] — на что свободно
Он начал, — а закончил чем?
Все были биты, взяты в плен!»

Но те ответили умело:
«Бундшу совсем иное дело.
Не восстаем мы против власти,
А лишь хотим, чтобы напасти
Все та же власть сняла бы с нас.
Мы все готовы в грозный час
Помочь ей телом и добром.
Но — разрази нас божий гром —
Коль не оставят нам старинки, [30]
Не будет скоро и былинки:
Сегодня оберут вчерне,
А завтра разорят втройне...
Нет, право наше не замай,
С рабом свободных не мешай!»

Смекнул старик: люба свобода,
Крепка старинушка народа.
«Ну, ладно. Путь ваш, право, гож;
Но вот совет мой, ты не трожь
Бундшу былой ни в коей мере.
Держитесь вместе в старой вере;
Союз мужицкий, коль хотите,
Вы Бедным Конрадом [31] зовите».
Пошел народ: валом валит
Мужик туда, куда манит
Призыв. В Геппахе-городке [32]
Отряд собрался в холодке
Огромный, тысяч в три иль боле,
На чьем-то пустовавшем поле,
В начале мая было то.
Собралося тут заодно
В Совет или мужицкий круг [33]
Все население округ.
Сперва рассказами делились,
О том, как, что и где случилось;
Затем начальников избрали,
Потом дела уж обсуждали.
Поднялся шум, поднялся спор,
Ну, просто — двери б на запор.
«Не дорога мне жизнь; хочу
Ею рискнуть, но не плачу
Налогов новых и постылых!»
«Немало было их, немилых,
И до сих пор, не перечесть!»
«Хоть я мужик, но есть же честь»...
Ну, словом, все пошло кругом,
Все всколыхнулось ходуном,
Как я описывал уж раз,
Когда беда только стряслась.
В конце концов, сошлись на том:
«Собранье — вот теперь наш дом,
Пока нам не пришлют ответа
От герцога и лейб-совета.
Коль старину оставят нам,
Попрежнему мы господам
Будем служить на этом свете.
Но станет коль из нас в ответе,
Богатый пусть, или бедняк,
Не стерпим этого никак.
Коли случится злое дело,
Уж не зевать! Сейчас же смело
Палить особую избушку,
Куда и валежник, и стружку
Свезли нарочно. Маяком

Взовьется пламя, и потом,
Воспомня братские присяги,
Вооружатся все ватаги,
Чтоб своеволие пресечь.
На то у мужика есть меч!»
Пришел ответ, и не плохой —
Надежда есть на мир, покой —
А именно: ландтаг созвать [34]
И там дела все разобрать.
В ландтаге этом будет что,
Того мне знать уж не дано,
Дай бог, чтобы степенные,
Вельможные, почтенные,
За ум взялись [35] земле на благо...
А мне стишок мой кончить надо.

4. Письмо маршала Конрада Тумба курфюрсту Фридриху Мудрому Саксонскому.

1514 г., 30 мая.

После того, как их княжеская милость, [36] с ведома и согласия Правления и Совета, повелел установить во всех поселениях своей страны налог (ungelt) на мясо и вино, [37] во многих местах общины воспротивились этому, собирались вкупе и грозились ничего не давать. Возмущение это, впрочем, не столько последствие нового налога, сколько вытекает из общего недовольства слишком широкой и дорогой жизнью моего милостивого государя. Вот почему и дворянство не обратило внимания на недовольство и мятеж, а скорее потакало им. Но из сего недовольства и непослушания вырастает злая затея, а именно — простой люд готов изгнать и отменить всякую власть. Дай бог добрый исход!..

5. Начало движения в Верхней Швабии. Съезд в Мемингене.

(Иоганн Кеслер «Саббата».)

Иоганн Кеслер — своеобразная фигура: сперва студент, затем долгое время шорник, потом школьный учитель, наконец, видный проповедник в Сан-Галлене (Швейцария). В бытность шорником, он в свободное время, по воскресеньям (отсюда и название «Саббата»), составил запись событий своего времени, полную множеством ценнейших сообщений.

Для истории Крестьянской войны его запись является не только единственным во многих случаях документальным свидетельством, но и редким исключением в том смысле, что он пишет не с антикрестьянской точки зрения и не по господскому заказу, как все его современники. Причина — не только личные его симпатии, но и замечательные источники. Именно, два беженца из Германии, Кристоф Шаппелер и, особенно, Севастьян Лопер, два виднейших деятеля Крестьянской войны, проживали в Сан-Галлене и находились в дружеских отношениях с Кеслером.

«Sabbata» образцово издали E. Egli и R. Schoch, 1902 г.; переведенное здесь место — стр. 173 — 179, — с небольшими пропусками.

В то время как крестьянство в Хегау, Клетгау и Шварцвальде пришло в сильное волнение, господа дворяне и Швабский Союз не

печалились и не опасались — знали они свое ремесло, точно портной, укравший козу. [38] Собрались их представители в Ульме, чтоб там обождать, не поднимется ли где крестьянин, чтоб незамедля подавить их. Когда посему крестьяне начали сбираться вокруг Бальтрингена, [39] господа союзные послали из Ульма почтенных уполномоченных, тамошнего бургомистра и других видных горожан, [40] чтоб они узнали о причинах и намерениях собравшихся. Бургомистр выступил пред крестьянством весьма резко и заносчиво. Между прочим он сказал: «Вы, мужики, точно лягушки по весне; собираются они густо, квакают громко, так что приспевает аист и пожирает их; так и с вами — вопите вы, вопите, пока не придут господа и не перебьют вас». Встал тут старшой всего крестьянства, Ульрих Шмид, [41] и сказал: «Г. бургомистр, милостивые и дорогие господа и т. д. Да не будет этого! Наше объединение, главой которого я избран, не имеет намерения и желания итти, благо нас мало, против вас, наших господ, мятежом и насилием. А что мы за последнее время снабдили себя оружием и доспехом — случилось не потому, что мы их хотим пустить в ход [немедленно], а лишь на случай, что наше объединение может быть истолковано дурно и чтоб нас тогда, безоружных, не прирезали бы просто, без надлежащего разбора и всяких околичностей. Объединение же наше имеет одно лишь мнение, одну жалобу, одно требование: все мы свыше меры отягчены вами, нашими господами, как в духовных, так и в мирских делах, и нет никакой возможности нести долее это бремя. В деле духовном хотят нас лишить божьего слова, чрез что блаженство душ наших приходит в немалую опасность; в мирском — мы подавлены столь свирепыми и крепкими (grimmig und streng) налогами и поборами, что земля наша не может их снести. Объединение наше и требует единодушно и верноподданнически, чтоб впредь вы были мягче, и мы надеемся добиться этого от вас».

Посланцы [Союза] после этого вернулись в Ульм, заявив, что ответ от господ будет дан через неделю. А крестьяне до тех пор разошлись по своим домам.

По прошествии недели, когда исполнился срок ответа, крестьяне вновь собрались на том же месте, предполагая, что сойдутся лишь те, которые были и в прошлый раз. [42] Но когда стали строить отряды, каждый по 80 человек, то оказалось 30 000 человек, количество, которого никто не ожидал. Итак, молва прошла по всем концам и весям Швабии.

Когда же уполномоченные Союза прибыли с ответом, они поразились великим множеством крестьян и невольно попридержали своих коней, не отваживаясь въехать в такую массу. Действительно, вид был такой, точно на сей раз лягушки готовы пожрать аиста...

Посему уполномоченные [Союза] потребовали, чтоб крестьянство выбрало из своей среды делегацию из людей, достойных всякого доверия; с ними они готовы съехаться на полпути к Лаубгейму, [43] чтоб сообщить ответ господ. На это Ульрих Шмит ответил, что в том, собственно, нет нужды; пока он во главе собравшихся, он вполне убежден, что никакой обиды никому не будет. Но ради полной их безопасности он велит избрать делегацию, как они того желают.

Засим уполномоченные и делегация сошлись в указанном месте, и бургомистр передал ответ Союза в следующем обращении: «Начальник Ульрих Шмит! по поводу тех якобы отягощений, о чем вы от имени всех собравшихся неделю тому назад горько жаловались, прося о смягчении и [лучшем] понимании, — я имею поручение передать лишь один ответ, и вот какой: всякую жалобу на отягощение подданного со стороны господ и начальства (herren und obersten) они, господа, готовы рассмотреть в судебном порядке». И ответил Ульрих Шмид: «Дорогие господа! побойтесь бога, — бедному люду, просящему, чтоб ему пошли навстречу, вы предлагаете судебный порядок. Да если бы против господ было право, то всего, что случилось, и не нужно было бы. Не было бы нужды ни в каких жалобах. Нет, велики нужды, нищета и несчастье; они-то и принуждают и теснят; посему еще и еще раз прошу вас — не предлагайте судебного порядка, а окажите действительное понимание». Тогда господа на время удалились, чтоб посовещаться, но вскоре вернулись и заявили, что они остаются при прежнем ответе.

Ульрих Шмид спросил, какое же право они предлагают. Они ответили: право каммергерихта; [44] а затем спросили и в свою очередь: какое же право вы желаете? Ответ Ульриха: божье право, которое каждому чину (jedem stand) укажет, что делать и чего делать нельзя. И ответили тогда господа с насмешкой: «Милый Ульрих! тебе хочется божьего права; а кто, скажи, это право скажет, [45] сам господь навряд ли спустится с неба, чтоб нам и вам устроить судебную сессию». И ответил Ульрих: «Дорогие господа! трудно мне в моей простоте указать вам сию минуту судей и стряпчих, но я попытаюсь это сделать: я беру себе трехнедельный срок и за это время обращусь ко всем пастырям всех приходов, чтоб они всей общиной молились богу, дабы он указал и отметил ученых и благочестивых мужей, которые смогли бы разобрать и решить сей спор наш по писанию». Господа на это охотно согласились (gaben bereitwillig zu) и, со своей стороны, обязались тоже подумать, с прилежанием и общей молитвой, об избрании ученых мужей.

После сего Ульрих Шмид, которому никто пока не помогал нести бремя, сам отправился в [город] Меминген, твердо надеясь там встретить людей, которые деятельно помогли бы ему в его предприятии — найти ученейших мужей германской нации, могущих решить весь спор по слову божьему, собрав все данные воедино, в общее постановление (ordnung), что и представить, вместе с другими статьями (artikel), господам в качестве необходимых требований.

Там ему указали на Севастьяна Лоцер, скорняка, хорошего знатока писания и вообще человека опытного в этих делах. Но когда Ульрих к нему обратился, тот ему отказал, как мне подробно рассказывал и сам Севастьян, когда он, вместе с другими беженцами [из Германии], был некоторое время в Сан-Галлене: [46] «Дорогой Ульрих! ты сам знаешь, во главе какой великой силы ты стоишь. Посему тебе нужны люди особливо опытные и ученые. Я же простой, обыкновенный ремесленник, никогда не обучался ни при дворе, ни в какой-либо канцелярии, никогда не был даже подручным у нотариуса. Не могу я поэтому послужить тебе в твоем великом деле». В конце концов, исчерпав все доводы, он все же согласился, но с условием — не полу-

чать никакого вознаграждения, так как, со своей стороны, он может внести лишь прилежание и серьезное отношение к делу.

Теперь Ульрих, заручившись добрым и опытным секретарем, созвал съезд в Мемингене, чтоб обсудить все дело.

В то время поднялись крестьяне и озерные, [47] и альгейские, а также, на 5 марта, собрались великой силой крестьяне долин Миндель и Иллер [48] в городе Вальдзэ. Эти также послали своих уполномоченных на съезд в Мемминген, твердо намереваясь стоять заодно, на жизнь и на смерть, с отрядом Бальтрингенским.

Заседали [49] в Мемингене «у торгашей». Ульрих Шмид с самого начала выставил свое мнение — добиваться лишь того, на что указывает божье слово; вот как он хочет жить, вот чему следовать, и ничего иного не требовать. Такие речи мало понравились многим крестьянам, особенно озерным и альгейским; по их мнению, нет ничего лучше, как здорово хватануть мечом. Тяжко опечалились на такое ожесточение и Ульрих и Севастьян; увещевали они их со слезами на глазах и, наконец, объявили, что впредь они не хотят вступать ни с кем в союз и соглашение, но стоять лишь самим по себе, как то было в начале; тогда, думали они, им легко справиться с мятежными, если таковые найдутся в их среде. Итак, они сказали: коль решать будет не божье право, а насилие, то не желают они ничего на себя взять, отступаются и уходят во-свояси. Там был, как я слышал, и наш доктор Кристоф Шаппелер из Сан-Галлена, в то время предикант [50] в Мемингене; много он приводил примеров и из ветхого и из нового завета, что не следует поднимать меча в мятеже, но подойти к господам добром и дружелюбно, иначе все дело в конце концов обрушится на начавших его.

Не видно было конца-края обсуждению; а было уже пять часов пополудни, и ужин был готов. Ульрих и Севастьян были уверены, что озерные и альгейские отойдут, но это их не огорчало, так как начали они ведь дело, не рассчитывая на них. Но во время ужина озерные и альгейские обдумали как следует положение и послали людей с известием, что они готовы попрежнему примкнуть, не щадя ни жизни, ни чести, ни добра. Обе партии пожали друг другу руки с пожеланием счастья и удачи.

Согласившись теперь, они единодушно составили и записали статьи, а также перечень городов и лиц, которые избираются судьями. Статьи закончены были марта в 10-й день, а затем обнародованы тиснением. Статьи эти я хочу привести, как исторический документ, от слова до слова, так, как они вышли из их рук.

Вот инструкция (handlung) и статьи, [51] составленные в 10-й день марта всеми частями и отрядами, обязавшимися быть заодно.

Во славу всемогущего вечного бога, в возвеличение Евангелия и в укрепление справедливости и божьего права — вот для чего создалось наше христианское объединение, а не в целях кого-либо, духовных ли или мирян, притеснить, не для умаления Евангелия и божьего права и всех их указаний, а, наоборот, для вящшего умножения братской любви.

1. Почтенное земское собрание (landsversamlung) сего христианского объединения обязуется не противиться всем по божьему праву приличествующим обязательствам по отношению к духовным и светским властям, а, наоборот, быть послушным им.

2. Почтенное земское собрание требует и предлагает, чтоб все придерживались всеземского мира (gemainer landesfriden) и никто не умалял прав другого. Если же случится, что кто-либо замыслит войну [52] или мятеж против другого, никоим образом не сбиваться в отряды и партии, но пусть каждый, какого бы чина он ни был, имеет право призвать к миру и порядку. Замирение отныне должно наступать по первому же призыву к миру, а кто ослушается такого призыва, — будет наказан, смотря по обстоятельствам.

3. Задолженность подлинная, на которую существуют документы и достоверные свидетели, должна оплачиваться в срок. Ежели же кто почтет возможным опротестовать это, пусть делает это судебным порядком, но на собственный счет и без всякого поручительства местных людей нашего христианского объединения.

4. Коли имеются замки в округах объединившегося крестьянства, которые не находятся в союзе с нашим христианским объединением, то да будет дружески указано владельцам сих замков, что замки можно снабжать лишь обычно необходимым провиантом, но не пушками и не людьми, стоящими вне нашего объединения. Если же они пожелают и впредь в замках иметь гарнизон, то пусть набирают его на собственные средства из людей, входящих в наше объединение и присягнувших ему. То же относится и к монастырям.

5. Служилые (dinstmannen), находящиеся у князей и господ, должны снять с себя присягу. Коль они сделают это, принять их в наше объединение. Коль не сделают, пусть заберут жен и детей и беспрепятственно оставляют страну.

Коль господин какой-нибудь вытребует к себе своего приказчика (amptman) или кого иного, а тот принадлежит к нашему объединению, то не итти ему одному на вызов господина, а прихватить двух или трех [из наших], чтоб они слышали, [53] о чем будет итти речь.

6. Всех священников и их викариев дружески и настойчиво просить, чтоб они распространяли и проповедывали святое Евангелие. Тем, кто согласится делать это, приходы их дадут надлежащий доход; а кто не согласится — отрешать их и передавать их приходы таким, которые обещаются.

7. Буде кто захочет заключить договор с своим начальством, то без нашего ведома и без разрешения земского собрания нашего объединения не заключать. И когда, с разрешения земского собрания, договор будет заключен, заключивший его, тем не менее, должен оставаться попрежнему в вечном союзе с христианским объединением.

8. От каждого отряда должны быть выделены — начальник (oberster) и четыре члена совета (rete); они должны быть уполномочены вести, в случае нужды, все дела совместно с другими такими же начальниками и членами советов, чтоб не собирать общих собраний по каждому отдельному случаю.

9. Всякое добро, отнятое у сочленов нашего объединения, не должно удерживаться, и не давать ему уплывать куда-либо.

10. Мастеровые люди, которым ради заработка приходится уходить в чужие места, должны обещаться начальникам своих приходов, что не дадут себя возмутить против нашего христианского объединения. Кроме того, когда они услышат или узнают, что земскому нашему объединению может грозить беда, они должны об этом сообщить и, если окажется нужным, немедленно вернуться на родину и помочь ей выпутаться из беды. То же относится и к военному люду.

11. Право и суд продолжают действовать и впредь. Азартные игры, богохульная ругань, пьянство — запрещаются. Кто проштрафится — наказать того, смотря по обстоятельствам.

12. Никто да не восстает против своих господ и начальства, и никто пусть не свершит что-либо, клонящееся к тому, чтоб что-либо ихнее отнять у них силой до наступления дальнейших решений (weitrer beschid). [54] Мы запрещаем это под страхом казни и конфискации, запрещаем всякое такое проявление, хотя бы по поводу лесных или водяных тягот, [55] или тому подобное...

6. Двенадцать Статей.

Двенадцать Статей — наиболее известный документ Крестьянской войны, издававшийся много раз с незначительными, в общем, расхождениями. Последнее критическое издание принадлежит A. Götze («Historische Vierteljahrschrift», 1902, B. V, S. 9—15), по которому и дан данный перевод.

Автор Двенадцати Статей остается и до сих пор не разгаданным. Götze доказывает, что таковым является Лоцер (а Шаппелер составил лишь «Введение»; такого мнения держался раньше и Бауман, а потом высказался за сплошное авторство Лоцера), другие (Stern, Stolze, Mau) выдвигают Бальтазара Хубмайера, проповедника-евангелика, т. е. оппозиционера, в городке Вальдсхуте. В основании обоих утверждений лежат тончайшие наблюдения над стилем и словоупотреблением.

Другой спорный вопрос — о времени написания (и почти одновременного напечатания) Двенадцати Статей. Сдвиг против прежнего в том, что теперь можно считать доказанным, что Двенадцать Статей предшествовали Мемингенской петиции, т. е. что они окончательно составлены ранее 3 марта. Более точное дальнейшее определение опять-таки зависит от вопроса об «авторстве»: январь, если автором является Хубмайер, февраль при авторстве Лоцера.

Существует полный русский перевод А. Н. Савина в сборнике «Источники по истории Реформации», т. I, М., 1906 г., где, кроме Двенадцати Статей, даны еще, с краткими, но очень ценными примечаниями: Мемингенская петиция, Гейльбронская программа, Объяснения и Эрингенские статьи.

Основательные и справедливые главные статьи всего крестьянства и захребетников (hyndersessen) духовных властей, которыми они себя считают отягощенными.

Есть [56] много нехристей (widerchristen), которые теперь на собраниях крестьянства находят случай хулить Евангелие, говоря: «Вот плод нового Евангелия! Никого не слушаться, во всех местах поднимать восстание, чиня насилие, сбегаться толпами и собираться в отряды, реформировать, искоренять, может быть даже избивать духовные и светские власти».

Всем этим безбожным хулителям отвечают написанные ниже статьи. Они, во-первых, снимают со слова божьего этот позор, во-вторых, дают

христианское оправдание непослушанию и даже восстанию всех крестьян.

Во-первых, Евангелие не есть причина восстаний и бунтов, потому что оно есть речь о Христе, обещанном Мессии, которого слово и жизнь учат только любви, миру, терпению, единству, так что все верующие в этого Христа становятся полны любви, мира, терпения, единства. И раз сущность всех крестьянских статей [как ясно видно дальше] направлена к тому, чтобы понять это Евангелие и жить согласно с ним, то как же могут нехристи называть Евангелие причиною восстания и ослушания...

Во-вторых, следует ясно, что крестьяне, в своих статьях желающие себе такого Евангелия для поучения и жизни, не могут называться ослушниками и бунтовщиками. Но если бог пожелает услышать крестьян, горячо молящих о том, чтоб жить по его слову, кто осмелится порицать божью волю? кто вступится в его суд? кто воспрепятствует его величию? Ведь услышал он вопль детей Израиля и освободил их от руки фараона; не может ли он и сегодня спасти своих? Да, он спасет, и скоро! Поэтому, читатель-христианин, прочти со тщанием следующие ниже статьи и тогда суди.

Теперь следуют статьи:

Статья первая.

Во-первых, наше смиренное прошение и желание, наша общая воля и мнение — иметь впредь право и силу всею общиною выбирать себе священника и смещать его, когда он неподобно ведет себя. Этот выборный священник должен проповедывать нам святое Евангелие, чистое и ясное, без всякого человеческого добавления, учения и веления, одну лишь истинную веру. А буде представится случай просить бога о милости, пусть священник укрепит и утвердит нас в этом истинно законном стремлении. Ведь если в нас не будет насаждена божья благодать, мы навсегда останемся лишь плотью и кровью, в чем нет никакой пользы; ибо ясно стоит в писании, что мы можем притти к богу только через истинную веру и можем спастись только через его милосердие. Вот почему такой настоятель и священник необходим, и таковое наше требование согласно с писанием.

Статья вторая.

Во-вторых, хотя справедливая десятина, [57] установленная в ветхом завете, с новым заветом исполнилась,[58] тем не менее, мы согласны давать справедливую зерновую десятину (kornzehend), но лишь так, как полагается. Ведь раз ее надлежит давать богу и его людям, то она подобает священнику, раз он возвещает правильное слово божье. Впредь мы желаем, чтобы эту десятину собирали наши церковные старосты (kirchbröbst), которых поставит община, и из собранного давали бы достаточное содержание священнику, избранному всею общиною, ему и его близким, по приговору общины. А что останется лишку — отдать бедным, какие окажутся в деревне, по обстоятельствам дела и по приговору общины. Что останется сверх того — беречь на тот случай, когда приходится нести походную службу (raisen

von landsnot wegen) во имя страны, дабы не налагать на бедного человека еще новой земской подати.

А если окажется, что одна или несколько деревень сами продали десятину по какой-либо нужде, то могущий доказать, как он получил десятину от целой деревни, не должен лишиться ее без вознаграждения; мы хотим подобающим образом войти с ним с соглашение по обстоятельствам дела, чтобы выкупить у него десятину в подобающий срок. Но если кто у деревни не купил десятины, а его предки сами себе ее присвоили, то мы ему не должны ничего и впредь не желаем давать ничего, но, как сказано выше, будем содержать на нее своего выборного священника, а остаток сохраним или раздадим нуждающимся, как учит святое писание, будут ли то клирики или миряне.

Малой же десятины мы не хотим давать вовсе, потому что господь бог создал скот для человека беспошлинным. Ее мы считаем неподобающею, придуманною людьми десятиною и потому не хотим больше давать ее.

Статья третья.

В-третьих, до сих пор было в обычае считать нас «собственными» людьми (eygen leut), [59] что жалости подобно, принимая во внимание, что Христос пролитием своей драгоценной крови освободил и искупил нас всех, как пастуха, так и самого высокого, не исключая никого. Поэтому соответствует писанию, чтобы мы были и хотим быть свободными (darumb erfindet sich mit der geschryfft das wir frey seyen und wollen sein).

Не то, чтобы мы хотели быть безусловно свободными, не желали иметь никакой власти. Этому нас бог не учит. Мы должны жить по закону, а не по свободному плотскому измышлению; мы обязаны любить бога и познавать его и в своих ближних, поступая с ними так, как хотели бы, чтобы и с нами поступали и как сам бог на прощанье заповедал нам на тайной вечери. Но, желая жить по его заповеди, разве указывает нам этот завет, чтобы мы были непослушны власти? и не только власти, но чтобы мы смирялись перед всеми и чтобы мы соответственно во всех подобающих и христианских делах с готовностью оказывали повиновение своим выборным и поставленным от бога властям.

Мы не сомневаемся, что вы, как истинные и подлинные христиане, с готовностью отпустите нас из личной крепости или же докажете нам по Евангелию, что мы должны быть крепостными.

Статья четвертая.

В-четвертых, до сих пор было в обычае, что бедняк [60] не был в праве ловить дичь, птицу или рыбу в текучей воде. Это кажется нам совсем неподобающим и не братским, а своекорыстным и несоответственным слову божию. Также в некоторых местностях власть содержит (hegen) дичь нам во зло и в большой вред; а мы должны сносить, чтобы неразумные звери бесполезно пожирали наше достояние, чему бог предоставил расти на пользу человеку, и, сверх того, молчать, что тоже есть против бога и против ближнего. Ибо когда господь бог сотворил

человека, он дал ему власть надо всеми зверями, над птицею в воздухе и над рыбою в воде. Посему наше желание таково: если кто имеет воду и может доказать достаточными письменными документами, что воду он купил с ведома крестьян, [61] то мы не желаем брать ее у него силою, но тут во имя братской любви нужно войти в христианское соображение. Кто же не может представить достаточного доказательства, тот должен подобающим образом предоставить пользование общине.

Статья пятая.

В-пятых, отягощены мы также и с использованием леса. Ибо наши господа присвоили исключительно себе все леса. И когда бедняк [62] в чем-либо нуждается, то должен покупать за двойные деньги. Вот наше мнение: леса, освоенные, но не купленные мирянами или клириками, должны снова перейти в руки всей общины. Община подобающим образом распоряжается, чтобы каждый по нужде мог брать себе безвозмездно в дом для топлива, а также когда понадобится плотничать, однако с ведома выбранных на то общиною людей. А если не окажется леса, кроме купленного правильно, то следует войти с собственником в братское и христианское соглашение. Если же добро [63] с самого начала было [неправильно] присвоено, а потом было [правильно] продано, то нужно войти в соглашение по обстоятельствам дела, сообразно братской любви и святого писания.

Статья шестая.

В-шестых, мы терпим большое отягощение от служб (der dienst halben), которые растут и умножаются со дня на день. Мы желаем, чтобы нам в этом оказали подобающее внимание и не отягощали нас так сильно, но милостиво рассмотрели бы, как служили наши отцы, однако все по точному смыслу слова божьего.

Статья седьмая.

В-седьмых, впредь мы не хотим позволять господину отягощать нас дальше, но как господин подобающим образом сдает крестьянину [землю], так последний и должен владеть ею, на основании соглашения (vereynigung) господина с крестьянами. Сверх сего, господин не должен ни к чему принуждать, ни к каким дворовым или иным службам, чтобы крестьянин мог спокойно и без отягощений пользоваться землею. Однако, если господину необходимо потребуется служба, то крестьянин должен более других быть для него в готовности и послушании, но в такой час и в такое время, от которого крестьянину не было бы ущерба, и работать на господина за подобающую плату.

Статья восьмая.

В-восьмых, мы — все те, у кого есть земля, — отягощены тем, что эта самая земля не может выдержать арендной платы (gult) и что на такой земле крестьяне теряют и губят свое собственное достояние. Пусть господа велят осмотреть эти самые земли людям почтенным и установят аренду по справедливости, так, чтобы крестьянин не делал своей работы даром, ибо каждый работник достоин платы своей.

Статья девятая.

В-девятых, мы чрезмерно отягощены большими штрафами (freve), ибо постоянно вводят новые постановления и наказывают нас, не сообразуясь с делом, а по вражде или угодливости. Наше мнение таково: наказывать нас по старым писанным законам [64] сообразно обстоятельствам дела, а не по произволу.

Статья десятая.

В-десятых, мы отягощены тем, что некоторые присвоили себе принадлежащие общине луга, а также и пашни. Эти земли мы хотим снова вернуть в наше общее пользование (zu unsern gemainen handen), разве что они были куплены честно. Если же это приобретено нечестно, то нужно войти в братское соглашение, по обстоятельствам дела.

Статья одиннадцатая.

В-одиннадцатых, обычай, называемый посмертным побором (todfall), [65] мы хотим отменить совершенно. Мы никогда не потерпим и не позволим, чтобы против божьей чести и правды у вдовы и сирот отнимали их достояние так постыдно, как это происходило во многих местах и во многих видах. И те, которые должны бы были защищать и охранять нас, обдирали и обчищали нас; и будь у них больше прав, они отняли бы и все остальное. Этого бог больше не потерпит, это должно быть устранено совершенно! Никто впредь не должен в таком случае давать ничего, ни много, ни мало.

Общее решение.

В-двенадцатых, вот наше решение и окончательное мнение. Если здесь дана одна статья или больше статей, несогласных со словом божьим, чего мы не думаем, и нам укажут их несоответствие слову божьему, мы отступимся от них, если нам объяснят это на основании писания. Если даже теперь признают некоторые наши статьи, а после окажется, что они были неправильны, то пусть они сейчас же будут мертвы и устранены, пусть не имеют больше силы. Точно так же, если по писанию окажется у нас еще ряд статей о делах, которые идут против бога и отягощают ближнего, то мы твердо настоим на них, вводя их в наши постановления, пользуясь христианским учением и обычаем. Потому мы просим господа бога, который может нам дать это, а больше никто. Мир Христов да будет со всеми нами.

7. Мемингенская петиция.

Мемингенская петиция и отношение ее к Двенадцати Статьям — см. объяснительное введение к последним.

Город Меминген в феврале и марте был главным центром крестьянского движения; там заседал ряд съездов, а также произошло объединение крестьянских отрядов (7 марта).

Текст взят у F. Baumann, Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben, Freiburg, 1877, S. 120—126.

В оригинале нет, конечно, сопоставления Петиции и Ответа.

Засим определены статьи, представленные почтенными подданными (erbern unterthon), крестьянами и зависимыми людьми, города Мемингена, которые прошлую пятницу предстали перед Советом.

Всемогущий, вечный, благой бог да дарует нам свою божескую благодать и милость, чтобы мы могли притти к правильному, истинному познанию его божеской воли и так относились друг к другу, чтобы в конце концов получить венец блаженства. Аминь.

Дальновидные, почтенные, мудрые, милостивые, дорогие господа! Почтенный Совет хорошо знает, как мы последнюю пятницу, в день ап. Матфея (24 февраля), явились перед вашею почтенною мудростью и пожелали получить согласное со смыслом и содержанием слова божьего решение относительно некоторых статей, которые нам кажутся несоответствующими этому божьему слову, и т. д. * Сообразно тому почтенный Совет дал нам дружеский, добрый и христианский ответ: записать-де и нам наши статьи тяготы, и тогда почтенный Совет милостиво рассмотрит их по смыслу божьего слова. Потому мы и изложили здесь некоторые статьи, как следует ниже:

Во-первых, наше смиреннейшее и величайшее прошение и желание — впредь самим намечать и выбирать себе священника, который бы чисто и ясно, по истинному разумению, без

Засим следует ответ почтенного Совета Мемингена на жалобные статьи его подданных, крестьян.

В ответ на первую статью, Совет готов в принадлежащих ему приходах поставить своим поданным христианских священников, где в них есть недостаток, как только он сможет

* «Etc.» в тексте; то же и в остальных местах.

всякого человеческого добавления, измышления и веления, возвещал и проповедывал нам божеское, всемогущее, живое слово и св. Евангелие, что есть пища души нашей. Такого священника мы готовы снабжать подобающим содержанием и прокормом. А где такой священник будет вести себя неподобно, чтобы мы могли ему опять дать отставку и на его место выбрать другого, но всегда с ведома всей общины. Ибо без возвещения слова божьего мы не можем достигнуть спасения, как указывает нам ап. Павел, и т. д.

Во-вторых, хотя мы до сих пор строго обязывались давать десятину, однако мы полагаем, что впредь не должны давать десятины, потому что новый завет не обязывает нас к тому. Зато священника мы готовы снабдить прожитием.

В-третьих, до сих пор считалось в обычае, что нас, людей бедных (armleut), считали вашей собственностью, что жалости подобно, принимая во внимание, что Христос своею драгою кровью освободил и искупил нас всех, пастуха точно так же, как и императора. Но, чтоб мы вообще не хотели иметь никакой власти, такого мнения у нас нет. Напротив, во всех подобающих и приличествующих случаях мы хотим с готовностью оказывать повиновение всякой поставленной от бога власти. Мы также не сомневаемся, что вы, как христианские господа,

получить их; Совет окажет свою помощь, поскольку подданные захотят удовлетвориться этим. Но что касается Ворингена и других приходов, где назначение священника не принадлежит Совету, то Совет ради своих подданных охотно готов серьезно переговорить с местными священниками по поводу их недостатков, а если священник не пожелает считаться с этим, Совет готов написать об этом господину той земли (dem lechenherren), чтобы он дал своим подданным другого священника или разрешил им выбрать священника самим и т. д.

В ответ на вторую статью, о десятине, господа советники считают за благо, чтобы крестьянство и подданные повременили со статьей о десятине, пока все крестьянство не войдет в соглашение со всеми чинами Союза.[66] И что крестьяне получат от других своих господ, то самое советники готовы немедленно дать и своим подданным.

В ответ на третью статью о личной крепости (leibaigenschaft), хотя господа советники купили своих людей за значительную сумму денег и личная крепость не мешает христианину при спасении души, однако, чтобы подданные могли видеть и знать добрую волю Совета, советники готовы освободить своих подданных и считать свободными от личной крепости всех, кто принадлежит Совету, но чтобы за это они ежегодно давали господам советникам достаточныо охранные деньги (schirmgelt) и не брали себе никакого другого покрови-

с готовностью отпустите нас из крепости и т. д.

теля, потому что они находятся во власти Совета; чтобы они не привлекали к себе никого, кто бы не был свободен; точно так же, чтобы подданные Совета, мужчины и женщины, не вступали в брак с крепостными, но только со свободными, и вообще оказывали послушание Совету, как своей власти, во всех подобающих вещах — податях, конных службах, приказах и запретах. А когда кто уплатит, что должен, то может итти, куда хочет, без помехи от Совета.

В-четвертых, до сих пор было в обычае, что бедный человек не был в праве ловить или стрелять дичь; точно так же на рыбу в текучей воде у нас не было дозволения. Это нам кажется совсем несправедливым и несоответственным слову божию.

Когда господь бог сотворил человека, он дал ему власть над рыбою в воде, над птицею в воздухе и над всеми зверьми на земле и т. д. Наше желание не относится к тому случаю, когда кто имеет купленную, и притом без злого умысла, воду; тут во имя братской любви нужно бы войти в христианское соображение и т. д.

В-четвертых, господа советники охотно соглашаются, чтобы их подданные, насколько идет лес и власть Совета, но не далее, могли по нужде ловить и стрелять зверя и птицу, особенно встречая их на своей земле. При этом, однако, они не должны употреблять настоящего охотничьего оружия и силков, но должны предоставить это право исключительно господам. Кроме того, когда подданные таким образом выследят дичь и захотят поймать либо пристрелить ее, они должны остерегаться, чтобы никому не причинить вреда на его земле.

Касательно свободной воды Совет хочет, чтобы впредь в купленной воде, текучей и стоячей, никто не ловил рыбы. Но какие воды прежде были свободными и общими, должны и впредь быть свободны, и всякому должно быть позволено ловить рыбу наметкою, но не каким-либо другим орудием; также в один раз нельзя наловить больше рыбы, чем сколько кто может сам съесть в своем доме, а остального не дарить и не про-

давать; также чтобы воды и заводи не вычерпывались и не запружались, чтобы заливные луга и берега не портились и не срывались и чтобы простому человеку через это не причинялось большого ущерба.

В-пятых, вот наше смиренное прошение и желание. Так как мы давно уже сильно отягощены службами, которые растут со дня на день, то мы желаем, чтобы милостиво вникли в то, как служили наши родители, однако по смыслу слова божьего, и т. д.

В-пятых, относительно служб подданные Совета по большей части не должны очень жаловаться, ибо на них эти самые службы были возложены другими господами раньше, чем их купил Совет. Потому эту статью им не следует выставлять в том смысле, будто бы их так отяготил Совет. Тем не менее, где его подданным приходится слишком тяжело и они доложат это Совету в отдельности и будут выслушаны договоры (bestandbrief),[68] там Совет отнесется к ним милостиво.

В-шестых, мы не желаем впредь быть отягощаемы побором при допуске (erschatz),[67] но как кому сдана земля за подобающий ценз (gult), так чтобы он со своими потомками и пользовался такой землей без дальнейшего обременения и т. д.

В-шестых, что касается побора при допуске (orschetz-erschatz), то господа советники не хотят впредь брать его, но зато не будут сдавать никакого двора дольше, чем на год. Если же кто не внесет своего ценза (gult) или не будет держать в порядке своего двора, то Совет может, буде ему угодно, либо снова сдать его на год, либо передать другому. Итак, кто не дает попрежнему платежа при допуске, тот может каждый год вновь брать свой двор, как указывает настоящая статья.

В-седьмых, некоторые деревни обременены большими штрафами. Мы желаем, чтобы штрафы оставались по старине и т. д.

Относительно штрафов лесных воля господ советников, чтобы в заповедном и общинном лесу штраф был одинаковый и чтобы штраф за каждое дерево был установлен в один гульден. Кроме того, Совет во

всякое время готов своим подданным дать лес, сколько нужно, для топки, городьбы и стройки. О других штрафах господа советники думают, что при установленных теперь штрафах, которые отчасти определены по собственному желанию и прошению подданных, и для большего мира справедливо избегать перемен.

В-восьмых, наше смиренное прошение и желание, чтоб некоторым деревням, которые не столь давно были отягощены в использовании пашни, лугов и других угодий (gerechtigkaiten), которые прежде принадлежали общине, чтобы им их снова вернули и т. д.

Далее, где общины были отягощены насчет лесов, лугов, пашен или другого чего-либо, там подданные могут доложить это Совету в отдельности. Тогда Совет поручит нескольким советникам произвести личный осмотр и получит сведения, где у общины отнято что-нибудь и не было ли ей дано взамен что-нибудь другое. И когда Совет разберет это, он поступит, как обязан поступать.

В-девятых, вот наша прилежная просьба. Когда мы уплатим господину земли его ценз, то чтобы мы потом со своим имуществом могли создавать себе прибыль, продавая его, где нам полезно и удобно, без помехи от господина. Когда же всемогущий бог покарает нас, так что случится неурожай или градобитие, чтобы тогда господин убавил ценз по обстоятельствам дела и т. д.

Относительно девятой статьи Совет не знает, чтобы он мешал своим подданным продавать свое имущество после того, как они уплатили ценз. Где и как это случалось, пусть покажут ясно и разумно, и Совет в этом деле будет держаться справедливости. Так и насчет градобития Совет по осмотре ущерба озаботится о христианской сбавке ценза.

В-десятых, вот наше всеподданнейшее прошение и желание. Так как некоторые наши имения отягощены столь сильно, что мы отчасти не можем на них благополучно оставаться, то мы смиренно желаем, чтобы в этом было предпринято уменьшение и т. д.

В-десятых, которые имения считаются отягощенными, те Совет прикажет осмотреть и, сообразно тому, что найдет, сделает подобающее распоряжение.

В заключение, вот наше последнее мнение и желание. Если мы выставили здесь одну или больше статей, не согласных со словом божьим, чего мы не думаем, то эти статьи не должны иметь для нас силы. Точно так же, если уже признают наши статьи, и после, на основании слова божьего, они ясно окажутся неправильными, мы вовсе не хотим иметь их. Сверх того, если мы и после найдем одну или больше статей, противных слову божьему, то наше желание неизменно представлять и предъявлять их почтенному Совету, потому что такое действие одинаково благодетельно и для вас, наши милостивые господа, и для нас, ибо Христос говорит: «Кто нарушит одну из этих малейших заповедей и научит тому людей, тот станет наименьшим в царстве небесном и т. д.». Мы же обращаемся к вам, как к своим христианским властям, в несомненной надежде, что ваша христианская мудрость наставит нас в этом лучше и согласнее с христианскою верою, нежели мы можем достигнуть сами. Предоставляя себя этим вашей милости, мы просим принять уверенность в наших верноподданнических чувствах к вашей почтенной мудрости и т. д.

Во всем этом Совет удерживает за собой право в том смысле: если он просмотрел здесь что-либо противное слову божьему или справедливости или чего он вообще не имеет силы сделать, то он предоставляет себе это уменьшить, увеличить или совершенно устранить, точно так же, как этого пожелали его подданные в своих статьях.

8. Эрингенская челобитная.

Эрингенская челобитная переведена по изданию F. **Oechsle**, Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges in den schwäbisch-fränkischen Grenzlanden, Heilbronn, 1830, S. 255—259.

Жалобы общины в Эрингене. [69]

В о в т о р н и к п о с л е в о с к р е с е н ь я **Iudica** [т. е. 4 а п р е л я] в 1525 г. в н у т р е н н и й и в н е ш н и й С о в е т и 24 в ы б о р н ы х [с л е д у ю т 24 и м е н и] и м е л и н и ж е с л е д у ю щ е е с у ж д е н и е.

Дай бог счастье к постоянному миру!

Во-первых, прошение и желание общины, чтобы согласно с тем, как до сих пор в Совете и суде было двенадцать лиц, эти самые двенадцать лиц оставались в Совете, но чтобы впредь по общим и особенно важным городским делам в придачу к этим двенадцати были поставлены и взяты двенадцать честных и разумных лиц всячески помогать при обсуждении этих дел и также сидеть при общегородских счетах по расходу и приходу, во избежание многих пересудов. Однако относительно этой статьи нужно установить приблизительно так, как это устроено в Вейнсберге [70] и других местах.

Во-вторых, желание общины, чтобы статуты и постановления после своего составления ежегодно прочитывались публично перед всею общиною, и чтобы потом для обсуждения этих статутов и постановлений заседали вместе двенадцать из внутреннего Совета и другие двенадцать, поставленные [общиною], чтобы их улучшать, умножать и уменьшать и в особенности, по своему лучшему разумению, устранять дурные статуты и постановления и, напротив, сочинять и принимать хорошие статуты и постановления.

В-третьих, вот прошение и мнение общины. Так как в году четыре ярмарки и люди отягощены насчет соли, то пусть каждому будет позволено торговать солью не только на таких рынках, но и во всякое время, и пусть каждый может покупать соль на свои деньги, однако без принуждения и понукания. Кроме того, пусть и Совет может торговать солью.

В-четвертых, вот прошение и желание общины. Пусть пошлину с вина (ungelt) дают по старине, именно с ведра вина — меру с четвертью; духовные лица должны быть также включены в эту статью. Пусть никто ни с кем в этом смысле не заключает никакого особого соглашения; кто же этого не соблюдает, должен быть наказан по определению Совета.

В-пятых, они отягощены насчет веса и в особенности относительно мяса. И потому прилежное прошение и требование общины — вернуться к старому весу и остаться при нем.

В-шестых, относительно весовых денег (waggelt); с зерна и полбы пусть берется половина [прежнего], именно два пфеннига с центнера.

В-седьмых, вот прошение и желание общины. Пусть почтенный Совет переговорит с нашими милостивыми господами о хлебном рынке, чтобы иметь его по старине, и чтобы каждый мог подобающим и справедливым образом свободно продавать и покупать, как было в обычае при блаженной памяти графе Крафте. [71]

В-восьмых, прошение и желание общины, чтобы при ближайших помочах (bethe) [72] заседали вместе двенадцать советников и другие двенадцать от общины, и пусть они облегчат налог, насколько возможно облегчить; а если нельзя, то они поступят, как послушные подвластные (als gehorsam leut).

В-девятых, пусть каждый горожанин в Эрингене имеет право, после уплаты десятого пфеннига, выехать со своею женою и детьми и этим освободиться от своего права гражданства (seins burgerrechten) и также от личной крепости (leibaigenschaft) вместе с женою и с детьми.

В-десятых, так как до сих пор шли пересуды относительно общинной казны (triscl), то для предупреждения подобных пересудов прошение и желание общины, чтобы впредь занимались этим двое выбранных от Совета и двое выбранных от внешнего Совета и чтобы они помогали вести счета, как подобает.

В-одиннадцатых, что касается пошлины, то они охотно готовы предоставить ее своим милостивым господам и удержать в силе, но чтобы их милость из нее содержали и улучшали дороги и тропы без общинных издержек и убытков со стороны города.

Относительно духовных лиц в Эрингене.

Также желание почтенного Совета и общины, чтобы духовные лица вместе и в отдельности стали гражданами (burger) в Эрингене и были приняты с обычными обязательствами (glubten und pflichten). И когда они станут гражданами, пусть они дают и помочи, и сторожевые деньги, а также будут обязаны всякого рода пошлинами и всякими другими отягощениями. Пусть по всяким делам дают и берут право подобно другим прочим гражданам Эрингена. [73]

Далее, с духовными Совет и община должны обращаться так же, как с другими гражданами. И впредь декан и капитул в Эрингене не должны давать пробсту ни геллера, ни пфеннига, но их платежи должны быть обращены на общегородскую пользу.

Так как до сих пор общине был поставлен проповедник-смутьян, который должен был проповедовать им слово божье, но этого не случалось, а говорил и проповедовал он больше то, что вело к смуте и, совершенно несогласно со словом божьим, натравливало неразумных друг на друга, то вот верноподданническое прошение и желание общины: пусть прежде всего обратят милостивое внимание на это неустройство, которое не из маловажных, и поставят на кафедру другого человека, более искусного или разумного, который бы говорил и проповедовал слово божье чисто и ясно, без всякого человеческого добавления, чтобы этим побуждать их к дружеской братской любви, а не ко злу.

В заключение община делает следующую оговорку: когда, через светскую или духовную власть, будет устроена общая реформация, согласная с евангельским законом и с правом, то в каком виде она будет принята и соблюдаема в других княжествах, графствах и землях, в таком же виде хочет держаться ее и община, в уверенности, что наши милостивые господа в том окажут помощь и совет.

9. Лоренц Фрис.

(Книга о крестьянской войне.)

Данная работа Лоренца Фриса, как и его «Хроника», давно занимает одно из виднейших мест среди источников первой половины XVI в. Архивность и документальность (полную надежность передачи у Фриса удается проверить во многих случаях) являются положительной стороной работы и искупают одностороннюю, антикрестьянскую точку зрения Фриса.

Помимо ряда других ценных документов, в главу CI вкраплена и копия знаменитой Гейльбронской программы (другая дана у Oechsle с совершенно незначительными вариантами) — проекта более широких, имперских реформ.

Данный перевод опирается на прекрасное двухтомное издание «Истории» Фриса, Wirzburg, 1883 (издатели-комментаторы A. Schäffler и Th. Henner), B. I, S. 431—445.

Гл. 101. Как крестьяне с Неккара и из Оденвальда принялись за установление некоего [нового] порядка или реформации.[74]

Как и когда крестьяне долины Неккара и из Оденвальда собрались впервые в монастыре Шентале и его окрестностях; какие нечеловеческие, скотские, жестокие дела совершали они на праздник Пасхи[75] в Вейнсберге; как они потом пошли на территорию Майнца и принудили тамошнего наместника[76] принять так называемые их Статьи (ire vermainten artickel), — обо всем этом не хотел я писать в своей книге, так как у меня, помимо нескольких писем, какими они коекогда обменивались, нет никаких иных основательных и более обширных документов. Кроме того, я не сомневаюсь , что другие, будь то свидетели всех этих дел или черпающие из первых рук, не преминут рассказать и выяснить весь ход этих событий...

Но среди писем нашел я набросок нового порядка, составленный мильтенбергским келлером,[77] Фридрихом Вейгандтом, который тоже был одним из оденвальдских братчиков; послали его некоему Венделю Гиплеру[78] в лагерь под Вюрцбургом для передачи другим начальникам на рассмотрение. Набросок этот показывает, что упомянутый Вейгандт куда больше и глубже продумал положение дел, нежели обычная толпа, а посему я этот набросок и присоединяю в копии.

Вейгандтово же послание к Венделю Гиплеру таково: «Добрый, милый друг и брат. Милость и мир во Христе навеки, а также готовность служить Вам и пожелание всего хорошего.

Послал я Вам намедни несколько статей (artickel), которые должны послужить бедному простому люду, бюргерам и крестьянам, к устранению укоренившегося засилия и разных человеческих своекорыстных выдумок во имя христианских, братских, свободных польз и нужд. Но опасаюсь, что по сию пору затруднительно начинать подобное указанным образом, разве что господь пошлет милость свою на избавление христианского народа, как некогда было с сынами Израиля. Тогда, с божьей помощью, — о чем мы каждодневно должны просить и молить, — все это будет доведено до доброго конца и богоугодной реформации сообразно смыслу пересланных Вам статей, а затем эта установленная реформация превратится в вечный, общий, земский мир.

Для сего необходимо прежде всего, чтоб все духовные князья и их люди были бы принуждены примкнуть к союзу и объединению с простым людом, бюргерами и крестьянами, на основе Двенадцати Статей, как то сделало архиепископство майнцское, а также и другие, приведенные, как я слышу, в наш союз, напр., епископство вюрцбургское, исключая лишь самый вюрцбургский замок, который все еще сопротивляется.

Где дело идет о справедливости и божьем слове, никто да не противится. Посему нашу борьбу и войну, предпринятую во имя евангельской, богоугодной реформации, нужно обставить так, чтоб не отдалять

от себя победную помощь и милость бога, чтоб всеобщая польза всех добрых братьев-христиан значила бы больше, нежели алчность, своекорыстие и все то, что идет против божьего веления в угоду славы или наживы. Почему я и считаю за благо: если защитники вюрцбургского замка сдадутся на мало-мальски приемлемых условиях (sich mit leidlicher form und mas begeben), — принять их и избежать пролития христианской крови, дабы из-за одного такого замка не пропустить время в ущерб всему христианскому братскому объединению. Ведь со смертью герцога Фридриха саксонского, который был отцом всех евангеликов, рушилась великая надежда для нас и нашего дела. Тем более необходимо, чтобы Кельн, Трир и остальные духовные князья скорее были бы уговорены соблюдать Двенадцать Статей и заключить союз с нами, пока они не стакнутся (rotieren) со светскими князьями и не заполучат и не приведут чужестранцев [79] к великому ущербу наших братьев-христиан. Хорошо было бы также написать и доложить его императорскому величеству, что дело наше предпринято лишь с целью христианской, богоугодной, справедливой реформации, на усиление послушания князей Священной Римской Империи, имея в виду, что и его величество, и его предки, проводя, в качестве главы империи, улучшения в обоих указанных направлениях, [80] не имели, почитай, совсем успеха или успех малый и т. д.* Таким образом его величество будет удержан от кары и сопротивления (der rache und gegenwehre ufgehalten werden).

Когда же все духовные князья введены будут в союз Двенадцати Статей (in dise buntnus der 12 artickel gebracht), то, естественно, и светские князья, графы, господа и рыцари должны быть втянуты и приняты в это реформационное объединение; кто тогда по-братски сдастся, принять тех добром без дальнейших затруднений, на основе ясного согласия их на статьи и реформацию.

Когла же все князья, графы, господа и рыцари перейдут на сторону реформации, то то же должно случиться и с имперскими городами. На мой взгляд, не очень они будут этому противиться.

Тогда наше дело и закончится; а без того невозможно будет установить и сохранить мир и покой. А из этого докончания и порешения (end und beschluss) вырастет и последует новое дело — сама реформация.

Когда, таким образом, все князья, графы, рыцари и имперские города объединятся для реформации, то необходимо будет избрать для реформации мужей незаинтересованных (frembt), честных, ученых, опытных. Они должны собраться в подобающее собрание, [81] и пред ними нужно будет со тщанием изложить те статьи, какие я намедни вам прислал, а также и все остальные наши тяготы и нужды. Несомненно, большинство статей или все они будут, во имя божьего и естественного права, утверждены и закреплены. Так начало [начинание] наше продвинется до середки; а от середки недалеко и до конца: ведь ежели какой-либо князь или господин не пожелает блюсти мир и нарушит свое торжественное обещание, того, вне сомнения, прикончат его же собственные люди, хотя бы другие наши братья и пальцем

* «Etc.» в тексте.

не двинули. До доброго конца доведено будет тогда наше дело и пребудут навеки мир и справедливость как для бедных, так и для богатых.

Вот что хотел я Вам, брат, сообщить на Ваше и других собратьев (mitbruder) обсуждение и исправление. Бог да дарует нам помощь и милость свою. Аминь.

Дано в Мильтенберге, в четверг после Cantate, [82] в год 1525.

Фридрих Вейгандт, келлер.

[Адрес]: Почтенному, уважаемому Венделю Гиплеру, а в случае его отсутствия — начальникам светлого, ясного отряда, милостивым моим рыцарям [83] и господам, друзьям и милым братьям.

Далее следует набросок нового порядка (ordnung), [84] о котором шла речь выше, а именно в следующем виде:

Какого вида устройство или реформацию нужно принять и установить на пользу и благо всех братьев-христиан.

Во-первых, чтобы все духовные (geweyhchten), как бог повелел и заповедал им в XXVIII главе Матфея, были реформированы и получали содержание согласно с их действительными потребностями (nach zimlicher nottdurft), а не взирая на их породу и происхождение, высокий или низкий чин и корень.

К этой статье четыре декларации. Первая касается важных господ (die grossen hanssen), как то епископы, пробсты, деканы, каноники и тому подобные.

Далее, чтобы все монашествующие, как иноки, инокини, нолльгарды, [85] тевтонские рыцари и другие тому подобные, которые с очевидностью опознаны как хищные волки в духовной личине, были реформированы согласно велению божьему, как написано в Бытии и в XIX главе Матфея.

Далее, чтобы каждая община достала себе хороших пастырей, которые бы старались пасти своих овец только словом божьим, основанным на писании; чтобы община могла ставить и смещать их.

Далее, чтобы все священники и избранные лица на службе божьей показывали пример людям, подобно тому, как это делал наш спаситель Христос. Содержать их должно честно, но с таким расчетом, чтобы остаток шел на бедных, нуждающихся людей и на общую пользу.

Во-вторых, должны быть реформированы все светские князья, графы, господа, рыцари и дворяне, чтобы бедный человек не был отягощен ими так сильно, свыше христианской свободы.

К этой статье тоже четыре декларации. Во-первых, чтобы низшим против князей и господ, бедным против богатых оказывалось равное, скорое и действительное правосудие.

Далее, чтобы все, имеющие лен от Священной Империи и ее членов, начиная от князей и кончая дворянами, получали честное содержание, каждый сообразно своему рождению. Зато они должны верно предстоять [86] Священной Римской Империи, охранять послушных и благочестивых, вдов и сирот, наказывать непослушных и злых.

Далее, чтобы все ленники честно служили единому римскому императору, как указано в писании, более нежели другим своим лен-

ным господам,[87] светским князьям Империи, для христианского мира и умножения Империи; чтобы они без дальнейшего отягощения охраняли бедных подданных; чтобы они любому человеку оказывали помощь, совет и правый суд, дабы никто не жаловался на бесправие.

Далее, чтобы все князья, графы, рыцари, дворяне, служилые — все равно, получили ли они лен от Империи и имперских князей или нет — должны вести себя по-божески, по-братски, по-христиански, честно, чтобы никто не терпел от них несправедливых отягощений. Они должны также посильно и верно охранять и защищать слово и право божье от всякого насилия, чтобы оно не уничтожалось нарочно, как это случалось до сих пор.

В-третьих, все без исключения города, коммуны и общины в Священной Империи должны быть реформированы и утверждены по божескому и естественному праву, согласно с христианской свободой.

Далее, чтобы против этого никто не вводил ни старой ни новой человеческой выдумки ради своекорыстия, но чтобы бедному помогали так же, как богатому, и чтобы поддерживалось братское единение.

Далее, чтобы можно было выкупить всякий ценз с земли (boden zins), считая по 20 пфеннигов за 1 пфенниг. *

Далее, чтобы купцам было безопасное передвижение, и чтобы на продажу любого товара был установлен порядок, которого бы и держались при торговле, чтобы преуспевала и множилась общая польза.

В-четвертых, никаких докторов,[88] духовных или светских, нельзя допускать ни заседать, ни говорить, ни давать советы, ни действовать в каком бы то ни было княжеском совете и в каком бы то ни было суде, но их нужно устранить совершенно, так, чтобы они от человеческих законов обратились к божественному писанию и в качестве лиц искусных были призваны проповедовать; ибо от их деяний разоряется много народа.

Декларации к этой четвертой статье.—А чтобы, тем не менее, императорское право оставалось неподавленным, пусть в каждой высшей школе, в каждом университете, признанном Империей, содержатся три доктора императорского права; и когда у них будут искать совета князья или какой-нибудь суд, то пусть вместе, в месячный срок, сообщат верный совет, сообразно с законом, так чтобы каждый получал наилучшую правовую помощь.

Далее, так как доктора суть не наследственные служители права, но наемные холопы, которые из корысти чинят проволочки и неспешно подают советы и служат, то ни в каком суде они не должны заседать, постановлять или произносить приговор.

Далее, так как ясно, как день, что через корысть докторов обе стороны часто терпят проволочку лет на десять и больше, то докторов нужно звать пасынками, а не законными наследниками права. Потому никого из них нельзя допускать ни в какой суд.

Далее, если однако какой-либо государь или город пожелают иметь одного или несколько докторов, то не сажать их в совет, но употреблять их лишь для совещания. Таким образом, у этих совет-

---

* Т. е. капитализация из 5%.

чиков остается возможность применить разум и мудрость на умягчение или усиление, или закрепление решения, поскольку бог обещал каждому справедливому человеку способность познать справедливость.

В-пятых, хорошо бы было, чтобы никто из духовных, будь он высокого или низкого чина, не принимался в совет Империи или другого светского князя, господина или коммуны, ибо это им запрещено, как ясно видно в писании.

Причина та, что через светскую мудрость и жизнь они затемняются в духе божьем, становятся ленивы и пренебрегают божьею службою. А больше всего надо опасаться, что их обольстят светские почести, так что они потеряют божью благодать, если только она была у них.

Далее, чтобы никого из посвященных и помазанных не назначали ни на какую светскую должность, ибо светское честолюбие, как это вполне ясно, мешает им при божьей службе.

Далее, чтобы никого из посвященных и помазанных не привлекали и не брали ни в какой совет или суд и ни на какое светское дело: ибо через это они становятся господами, а миряне высокого и низкого чина — их слугами. Случалось, что дворяне и не-дворяне высасывались монахами и становились гостями в своем собственном имении, которому справедливее было бы переходить по наследству к ним самим, нежели к монахам. Или: епископ майнцский в прошлое рождество богородицы со всеми принадлежащими к архиепископству майнцскому суфраганами и епископами, которых двенадцать, имел в Ашафенбурге собрание своих и других папистов и докторов и держал совет. На то совещание не был приглашен ни один мирянин. Между тем во всех светских совещаниях духовные являются самыми знатными и важными лицами, и через их хитрость и обман, если не все, то многие были обольщены на погибель тела, души и имения. Ибо, что нам грех, то им дозволено; а что им запрещено, напр., брать жен, то мы с них не взыскивали.

В-шестых, хорошо было бы, чтобы в Империи было устранено все светское право, которое употреблялось до сих пор, и утверждено было право божеское и естественное, как указано выше и ниже; тогда бедняк имел бы столько же доступа к праву, сколько самый главный или самый богатый.

Пусть императорский камергерихт в Священной Империи германской нации состоит из 16 храбрых, честных, безупречных мужей — именно: 2 от князей, 2 от графов и господ, 2 от рыцарства, 3 от имперских городов, 3 от княжеских городов, 4 от всех коммун в Империи. Они должны будут выбрать себе [в председатели] имперского камеррихтера из графов или господ. И из числа этих 16 лиц истец и ответчик должны выбирать себе ходатая и советника по своему делу. Взятые в камергерихт лица до этого должны, по крайней мере, 10 лет заседать и действовать в суде.

Далее, под камергерихтом должно учредить в Империи 4 гофгерихта, из которых каждый должен состоять также из 16 лиц, а именно: от князей, графов и господ — 3, от рыцарей и служилых — 3, от импер-

ских городов — 3, от княжеских городов — 3, от всех коммун и общин в Империи — 4. Они также должны все вместе выбрать одного из господ в гофрихтеры. Из числа этих 16 стороны должны брать себе указанным выше образом ходатая и советника. Такие лица должны быть почтенны и иметь за собой работу в совете и суде.

Далее, под 4 гофгерихтами должны быть 16 ландгерихтов. Каждые 4 должны быть подчинены одному гофгерихту, и каждый должен состоять из 16 лиц — именно: 4 от князей, графов и господ, 4 от рыцарей и слуг, 4 от всех городов и 4 от всех коммун. Каждый ландгерихт должен поставить и избрать себе в рихтеры человека рыцарского звания. В остальном поступать вышеуказанным образом.

Далее, под 16 ландгерихтами должны быть 64 фрейгерихта. Каждые 4 должны быть подчинены одному ландгерихту, и каждый должен состоять тоже из 16 лиц — именно: 4 от имперских городов, 4 от дворянства, 4 от княжеских городов и 4 от всех коммун. Каждый фрейгерихт должен выбрать одного из дворян во фрейрихтеры и поступать указанным выше образом, однако без ущерба для городского суда и деревенских общин.

Далее, от городских и деревенских судов можно апеллировать к ближайшему фрейгерихту, но по делам не ниже 10 гульденов, за исключением дел о чести или наследстве.

Далее, от фрейгерихта можно апеллировать к ближайшему ландгерихту, однако по делам не ниже 100 гульденов.

Далее, от ландгерихта можно апеллировать к ближайшему гофгерихту, однако по делам не ниже 1 000 гульденов.

Далее, от гофгерихта можно апеллировать к кемергерихту, однако по делам не ниже 10 000 гульденов.

В - с е д ь м ы х, хорошо было бы устранить все имевшие доселе место пошлины, проводные поборы (glait), пошлины со съестных припасов (ungelt) и другие подати и отягощения, за исключением самого необходимого, дабы простой человек не терпел бы от корысти.

Причина: так много развелось пошлин у духовных и светских князей, графов, господ, рыцарей, дворян, прелатов и городов, что этим затруднены все купеческие сделки, и простой человек все дороже и дороже покупает даже розничный товар (pfeningwert).

Далее, необходимые пошлины на поддержание общеполезных нужд — мостов, дорог, путей — должны продолжаться, а остаток от них должен откладываться на общую пользу.

В - в о с ь м ы х, все дороги в немецком народе должны содержаться свободно и без принуждения, без насилий и проводных поборов, без всякого исключения, ибо князья и господа держат их на правах лена от Римской Империи. А если в области какого-нибудь князя или господина кто-нибудь потерпит ущерб или у него будет отнято его имущество, то пусть этот самый князь или господин вполне за это заплатит и возместит убыток.

Далее, должна быть отменена всякая пошлина (ungelt) с вина, пива и меда, разве что-либо из этого будет оставлено по причине основательной.

В-девятых, должны быть устранены помоги (betlosung) и другие податные новшества. Исключение: римскому императору должна быть оставлена его подать, которая взимается раз в 10 лет, как подтвердил и бог в главе XXII Матфея.

В-десятых, вся золотая и серебряная монета должна быть переплавлена и приведена к одному зерну и весу, однако без ущерба для вольностей и прав каждого.

И чтобы всякое горное дело было сделано свободным, будь то золото или серебро, ртуть, медь, свинец или что иное, без всякого исключения. Кроме того, необходимость требует, чтобы вся добыча золота, серебра, свинца и меди принималась имперскою камерою и покупалась за постоянную плату. Насчет серебра и золота дело ясное. Что же касается меди, содержащей в себе серебро, то последнее не нужно отделять плавлением, но следует прибавить к нему серебра, чтобы чеканить ортлины, геллеры и другую монету.

Если же прогнать это со свинцом, то серебро оказывается само без особого труда. [89] Но если добудут медь или свинец, где серебра содержится немного, то последнее можно отделять плавлением и затем продавать.

Далее, появилось много новых господ, чеканящих свою монету (muntzhern), отчего старая хорошая монета пропала, и распространилась в большом количестве малоценная монета. Хорошо бы выяснить право и давность этого чекана, и что не находит себе основания в вольностях и старых правах, то отменить, а исстари чеканивших свою монету, убедившись в необходимости, допустить; но они должны сообразоваться с имперской монетой, как она будет установлена и в смысле монетного дохода и в смысле чекана; на одной стороне должен быть имперский орел, на другой — герб чеканящего монету господина. [90]

Далее, было бы достаточно иметь во всей Империи 20 или 21 чеканщиков. Они должны были бы под присягою и под страхом сожжения чеканить по всей Империи золото и серебро одного зерна и веса, чтобы простой человек не терпел обмана в монете. И чтобы такие монетные дворы были установлены сообразно с положением страны и торговыми оборотами.

Далее, упомянутые монетные дворы должны быть расположены в следующих странах и границах: Австрия, Бавария, Швабия, Франкония, верхнее течение Рейна.

Далее, никто не должен переплавлять монету под страхом сожжения, но отсылать серебряную и золотую монету в установленные монетные дворы. За нее ему нужно платить по положению, смотря по качеству чекана, разве что она окажется слишком плохою или испорченною каким-нибудь иным образом.

Далее, всюду 63 крейцера должны стоить 1 золотой гульден. Геллеры должны называться ортлихами. Пфенниги должны называться геллерами. Австрийские и страсбургские монеты, которые стоят 2 пфеннига, должны называться пфеннигами. Другие новые серебряные монеты должны быть: гульден, полугульден, ортер, полортера.

В-одиннадцатых, нужно обратить внимание на большие потери бедных при покупках и продажах. В Империи должна быть

введена одна мера, один локоть, один воз, одинаковый вес, одна длина для сукна, бумазей и всех других товаров. Отсюда следует, что все пряности и другое, что продается на центнер, будут иметь одинаковый вес. Но какие пряности или подобные товары продаются на фунты, те должны иметь вес города Труа (troisch gewicht).

Далее, всякая продажа или покупка золота, серебра, жемчуга или тому подобного должна, как и прежде, определяться мелким весом.

Далее, воз винный, ведро, четверть и кружка должны быть везде одинаковы. Но для пива, меда и тому подобного товара мера должна быть [на четверть] больше.

Далее, рожь, пшеница, горох, чечевица, стручки должны иметь полную меру; [91] негладкие плоды должны продаваться тою же самою мерою.

Далее, всякий жирный товар должен продаваться пивною или медовою мерою; а какой жирный товар продается на центнеры или фунты, тот должен вешаться названным выше первым, большим весом.

В-двенадцатых, чтобы компании, как Фуггеры, Гехштетеры, Вельзеры и т. п., были отменены, ибо от их произвола богатые и бедные одинаково терпят отягощение во всех товарах.

Составляется ли компания или кто торгует один, в торговле нельзя иметь больше 10 000 гульденов. А у кого окажется больше, у того отнять в казну основной капитал и излишек наполовину.

Далее, купец, который, сверх 10 000 гульденов, имеет избыток в деньгах, может, кому хочет, давать всякие ссуды и помогать по-евангельски.

Далее, если купец, сверх своего вложенного в торговые дела капитала, имеет избыток в деньгах, то он может отдать их совету своего города и в год брать 4 гульдена со 100. А господа советники могут ссужать их бедным людям под обеспечение и брать 5 гульденов со 100, и бедному и способному при этом можно будет кормиться.

Далее, чтобы всякие монетные разменные сделки были запрещены и устранены под угрозою тяжелого наказания.

Далее, чтобы было установлено соглашение между большими оптовиками (den gross n Hennsen) и торговцами (den handelern), чтобы более бедным осталась розница, и они могли бы кормиться.

Далее, чтобы мелкие торговцы (kremer) в городах, которые продают всякого рода товар и мелочи (pfennigwert), были разделены, и чтобы каждому разрешался только один товар.

В заключение, чтобы были устранены всякие союзы князей, господ и городов, и чтобы всюду соблюдался только императорский мир, без всяких проводных поборов и иных отягощений, и всякие частные распоряжения, установленные с этой целью, должны быть устранены и никогда не должны устанавливаться впредь, под угрозою потери всех вольностей, ленов и регалий.

Также пусть все в Империи, даже иностранцы из других королевств, странствуют свободно и безопасно, верхом, в повозке, водою, пешком, и не принуждаются ни к каким проводным поборам и ни к какому личному или имущественному отягощению, на преуспеяние бедному человеку и общей пользе. Аминь.

Помимо сего проекта вышеупомянутый Вейгандт, келлер в Мильтенберге, составил еще послание к некоторым дворянам и имперским городам следующего содержания:

«В нашей полной готовности к верной службе будьте благонадежны.

Долгое время нам заказывали слово божье, истинную пищу для нас, бедняков. Далее, духовные и светские князья и всякие начальства угнетали нас многими запретами и тяжкими взысканиями. Кроме того, совершенно, к сожалению, очевидно, что бедный люд не только презираем, но спокон веков весь доход его вычерпывался (nach allem vortail erschopft) невыносимо большими налогами, новшествами и тяготами; и так без конца, чтоб народ не мог понять, как духовные и светские князья, живя все годы в великой растрате времени и средств, никогда ничего не делали, разве что сажали нас к чорту на хвост (uns dem teuffel auf den swanz gebunden), что, особенно относительно духовных, не слыхано даже у языческих тиранов. Посему, в великой, несказанной нужде, мы и сгрудились в собрание (in versamlung bewegt). Хотим мы — знает о том бог всемогущий — и впредь находиться и пребывать в добром послушании нашему начальству, но опасаемся, что высокие князья и господа мало прислушаются к нам. Тем не менее, наиболее неотложную нужду нашу — а ее, на деле, гораздо больше — мы определили [в статьях], и, встретя среди низшего дворянства (gemain adel) и в городах много христианской любви, понимания и верности, а также подлинное благожелание божьему слову, мы и вам посылаем нашу неотложную нужду с всеподданнейшей (in aller unterthenickaut) просьбой, во имя христианской и братской любви. Соблаговолите рассмотреть (wollet erwegen) великие отягощения бедных, и те, которые здесь не записаны, но которые ваш высокий ум легко определит, и особливо напечатанные здесь, которые, как мы уповаем, не только ослаблят все (alle) наши, бедняков, тяготы, но будут полезны, нужны и по-христиански приемлемы и городам и низшему дворянству, а князьям светским и начальству не во вред; помогите советом и делом добиться, на пользу общую, улучшения положения (ervolgung bessers stands) пред высоким имперским управлением, а также пред князьями и господами, нашим начальством; войдя в милостивое, христианское доброе обсуждение, не отвертывайтесь от нас, а дайте ответ нам в течение * дней. Мы же охотно дадим наставить себя во всяком христианском послушании и справедливости; оставаться же впредь в подобном заблуждении, разъединении и убожестве мы более никак не согласны. Заключайте же, сообразуясь с нашей нуждой!

Дано»... **

Следует затем несколько статей (artickel), которые присовокуплены были к вышеприведенным посланиям.

«Слово божие безвозбранно проповедывать и провозглашать; отменить все, что противно сему, и [ввести] то, что до сих пор запрещалось так называемым (vermaint) духовенством.

---

* Число не указано.

** Дата тоже не проставлена.

Все духовные дома (geistliche heuser)[92] должны быть употреблены на пользу общую.

Не должно быть более нищих (betler); всякий нуждающийся (notturftige) христианин должен снабжаться по праву (mit wissen).

Все ныне живущие духовные должны быть снабжены до конца их дней прокормом и прибытком с их доходных статей (irer pfrunden nutzung), но с таким расчетом, чтоб никто не имел более 100 гульденов, а епископ не более 1 000; все, что сверх сего, а также сокровища и ценности церковные (der kirchen schetz und clainet) идут в общую кассу в распоряжение светских властей и на пользу общественную.

Чтоб теперь и впредь наряжались и давались бы нам духовные лица и наставники (vorgeher) по слову божьему.

Чтоб в послушание императорскому величеству и светской власти, в чем мы охотно пребываем, установлен был суд (recht) равный, безволокитный, правильный, чтоб в нем решались как дела князей, господ, городов и дворян одной и той же области (in derselben grenitz), так и дела прочих поселков (gemaine flecken), а также апелляции бедных людей. Сии земские суды (landgericht), а также имперский камергерихт должны состоять не из мотов, франтов, гуляк и объедал,[93] а из людей прилежных, чтоб беднякам не было излишних расходов и волокиты.

Чтоб установленные таким образом земские суды, а также камергерихты, имели бы каждый своего фискала, к которому бедные люди обращались бы в случаях нарушения закона, насилия и несправедливости и который карал бы эти деяния в силу должности.

Чтоб повсюду назначен был капитан с несколькими, смотря по надобности, рыцарями, которые поддерживали бы в данной местности императорский суд и мир, исполняли бы приговоры, а также блюли бы дела императора, князей и всей Империи. Все это должно в полной мере (wol) оплачиваться из доходов духовных поместий (gaistliche gutter), и таким образом низшее дворянство будет кормиться, а крестьянин и солдат вернутся к работе.

Согласны мы последовать (verfolgen) всяким наследованным правам, большой десятине, аренде, чиншу и службам князей, господ, городов и дворянства, но просим принять во внимание малую десятину и отменить ее.

Пошлины вообще отменить; но для содержания дорог, путей и мостов оставлять необходимое в должной умеренности.

Отменить всякое крепостничество (Das alle leybaigenschaft absein).

Чтоб всякому человеку дичь и птица на его земле были бы свободны. Кто же их хочет держать и оберегать, пусть делает это без вреда другим.

Все текучие воды тоже должны быть свободными. Но что получено по наследству или по договору, пусть остается по пошлине.[94]

Чтоб все пошлины и взимания с вина, хлеба, мяса и других съестных припасов были отменены как в городах, так и в деревнях.

Чтоб посмертный побор (hauptrecht) отпал совсем, а деньги за допуск (handlon) взимались бы с умеренностью.

Чтоб все десятые деньги и особые договоры были отменены.

Чтоб светским князьям, господам, городам и дворянству ущерб их от утраты всяких пошлин, поборов и взиманий был должным образом возмещен (ain zimlich widerlag gesche) из духовных владений, но без вреда [95] для расходов по суду и по общеимперским нуждам, а также без вреда для поддержания порядка.

Чтоб купеческие компании и всякое фукерство (fuckerey) [96] были бы отставлены.

Чтоб создана была общеимперская монета, как недавно определило и новое имперское постановление. [97]

Чтоб всякие меры и вес во всех землях были бы одинаковыми по объему и виду.

А для утверждения всего этого, а также всего того, что отсюда вытекает на пользу и нужды христианского порядка и его поддержки, мы просим незамедля создать особое имперское учреждение — 12 человек от благородных, 12 от имперских городов, 12 от простого люда и 7 христианских пастырей или проповедников — и чтобы они обязались и поклялись не расходиться, пока не примут большинством (durch das merer) постановлений по всем статьям.

А также, чтоб назначены были люди, которые отныне поведут и исполнят (handeln und volstrecken) дела государства и христианства, но без всякой бесполезной пышности, великих издержек и затяжек, как то бывало до сих пор».

Статьи эти не больно отличаются от вышеприведенных, но несколько сдержаннее и мягче (etwas eingezogener und linder), без сомнения, с той целью, чтоб побудить дворянство и города тем скорее примкнуть к мнению крестьян.

Некоторые [отряды] из братства Оденвальда и долины Неккара назначили съезд в Гейльбронне, чтоб обсудить и рассмотреть проект будущего устройства и управления. Для сего вышеупомянутый Вендель Гиплер составил нижеследующую, буквально мною приводимую инструкцию, которую я также нашел среди крестьянских бумаг; писана она рукой самого Венделя Гиплера.

«Обдумать и обсудить следующие вопросы в Гейльбронне.

Начало всего предприятия, и что случилось до сих пор.

В каком положении дела сейчас.

Депутаты отдельных отрядов должны друг другу сообщить, как и когда каждый из них отнесся к завоеванным местечкам, городам, замкам и селам, и на каких условиях они были приняты [в объединение].

Затем обсудить, что тут следует исправить, и не нужно ли какому-либо отряду что-нибудь завоевать еще.

Каждый отряд должен сообщить другому свою военную организацию и соответственные постановления; сообщаться и докладываться должны и иные прочие организации, чтоб было с чем сравнить для исправления.

Далее, непременно поговорить о том, какое сопротивление встретил каждый отряд, и не нужно ли ему подмоги.

Особливо, чтоб оденвальдский отряд по завоевании Вюрцбурга

не остановился бы, а, с божьей помощью, двинулся бы на Швебиш-Галл. Подобно сему пусть и другие отряды сообщат, намерены ли они двинуться дальше или засесть на месте.

Далее, есть ли нужда в подкреплениях против Швабского Союза: какой отряд и в каком количестве должен итти на помощь.

Далее, что следует предпринять против Пфальца, Бранденбурга и Бадена — где следует итти путем дружелюбных переговоров, а где войной (zum ernst).

Следует ли надеяться (trost suchen) на иноземных государей, как то на Саксонского и др., которые проявляют больше внимания к бедным людям, нежели остальные.

Далее, следует ли против Трира и Кельна действовать столь же грозно, как против Майнца и Вюрцбурга, и итти ли туда всем войском.

Далее, можно ли, с божьей помощью, наши отряды уменьшить и часть крестьян распустить на работы домой, но с условием, чтоб часть ополчения оставалась в стране; обсудить также, кому где быть капитаном и кому в советниках, дабы наблюдать за всеми нарушениями и бедами, а также озаботиться порядком, миром и справедливостью [= судом], наконец, где нужно, и управлением.

Далее, что делать, ежели император переправит иностранных солдат [98] или князья начнут вербовку.

Далее, как и в какой мере извиняться пред императором, и не написать ли ему прежде всего.

Далее, как и в какой мере втягивать иностранное дворянство в наше объединение.

Далее, [выяснить] все ли согласны возместить светских князей и господ, в виду ущерба их от потери десятины, пошлин на жизненные припасы (ungelt) и денег за допуск (hatlon), из дохода духовных владений; но без лишку, а по определении тех, которые будут особо на это назначены и после тщательного обследования.

Чтоб относительно князей, господ и прочих дворян, которые честно пойдут заодно с своими подданными (unterthanen), никто не использовал бы [ложно] свободы ни против богатого, ни против бедного.

Наконец, чтоб сговорились (ainig werde) насчет времени и места реформации.

Далее, кого и поскольку пригласить и отрядить на эту реформацию из ученых, бюргеров и крестьян.

Далее, чтоб разрешено было князьям, господам и дворянам назначить некое количество советников для защиты их интересов (die widerparthei halten).

Далее, кому поручить говорить от имени отягощенного простого народа, дабы из доклада обеих сторон делегаты могли бы определить реформацию по чести и справедливости, но с непременным условием, чтоб все [незаконные] тяготы отпали бы.

Далее, как, откуда и в каких размерах получить расходы на посылку делегатов и тех мужей, которые выступят с докладами».

Вендель Гиплер собственной персоной посетил этот съезд в Гейльбронне. Но кто там еще был и что там делалось и решалось, — мне неизвестно.

10. Объяснение Двенадцати Статей.

Объяснение Двенадцати Статей могло быть, собственно, поставлено раньше предыдущего отрывка из Фриса, так как оно хронологически предшествует Гейльбронскому съезду, но нежелательно было разрывать или предварять связную документацию Фриса.

Цель «Объяснения» — смягчить некоторые требования Двенадцати Статей и сделать их приемлемыми и для других общественных классов, реальная поддержка которых к этому времени уже вполне выяснилась.

Автор «Объяснения» ни с точностью, ни с большей степенью вероятия выяснен пока быть не может.

Перевод сделан по тексту Oechsle, pp. 272—276.

Мы, начальники, совет и все собрание всеобщего христианского отряда Оденвальда и долины Неккара, заявляем. После того как не только мы, но и многие другие христианские собрания по велению божию порешили уничтожить бывшие доселе великие недостатки слова божьего, а также умерить и облегчить значительные и многочисленные отягощения, вопреки христианской любви чинимые высшими властями, что и показывают сочиненные Двенадцать Статей, — к нам стали приходить вести о многообразных заблуждениях, раздорах и недоразумениях, которые возникают у простого народа и имеют в виду бóльшую свободу, чем какую указывают эти Статьи, а также порождают частое непослушание подданных и приводят к разрушению многих полезных вещей, так что все, что было начато в целях мира, единения и доброй пользы, приводит к раздорам в нашей среде, и могут случиться даже убийства и другие бедствия. Чтобы предупредить все это и устроить наше доброе, верное поведение, мы сочинили объяснение указанных выше Двенадцати Статей и, кроме того, распространение их некоторыми необходимыми статьями, как следуют ниже статья за статьею:

Во-первых.

Итак, [99] каждая община должна иметь силу и власть выбирать священника или пастора, который бы верно проповедовал и изъяснял народу слово божье, а также отличался добрыми нравами и христианским поведением, всякий раз, как потребует нужда, а также смещать его, если бы он стал неподобно вести себя.

Во-вторых.

Итак, каждый город и каждый поселок (fleck) должен верно собирать десятину вина, зерна и всякого хлеба и складывать в том поселке, на который она падает, впредь до окончательного решения всеобщей реформации. Малая десятина должна быть отменена совсем.

В-третьих.

Личная крепость должна быть отменена совсем и не иметь больше силы и применения.

В-четвертых.

Каждый горожанин или крестьянин в городах и деревнях должен иметь право ловить, стрелять и всячески уничтожать дичь на своей земле, приносить ее домой как свое добро, а также есть, как кому будет угодно.

Также, впредь до общей реформации, воды и реки духовных, которые до сих пор были заповеданы и запрещены под угрозою казни,

должны быть открыты и стать свободны для каждого, разве только докажут достаточными доводами, что вода была куплена или сдана за плату.

В-пятых.

Что касается леса, то рощами и лесами должны заведывать — в городах бюргермейстеры и советы, в деревнях староста и суд, чтобы каждый не смел рубить по собственному усмотрению. В каждом поселке совет или суд должен поставить из среды общины людей для указаний, где можно рубить, и их надо слушаться под опасением установленного наказания. Также под опасением определенного наказания нельзя выгонять скот на засеку или на молодую поросль и опустошать или рубить лес без приказа поставленных на то людей. Но всякий безвредный скот может пастись во всех лесах марки. А где один поселок гоняет скот на землю другого, — это ему нужно позволить, но чтобы взамен и другому поселку можно было без помехи выгонять таким же образом.

В-шестых.

Итак, эта статья касательно барщины остается впредь до решения начатой реформации.

В-седьмых.

Итак, эта статья об имениях и о барщинных работах, которые на них увеличились, должна также оставаться в силе впредь до решения реформации.

В-восьмых.

Итак, эта статья о цензе (hoffgult) должна оставаться впредь до решения реформации.

В-девятых.

Что касается отягощения штрафами, то по праву надо каждого наказывать, смотря по проступку, как это велось исстари, впредь до реформации, чтобы тогда улучшить, уменьшить или увеличить.

В-десятых.

Что касается присвоенных лугов и пашен, то впредь до реформации все должно оставаться, как есть, а во время реформации от каждого поселка должен быть доклад о недостатках в существующих правах на угодья.

В-одиннадцатых.

Посмертный побор (todfall), согласно со статьею, с настоящего времени должен быть отменен и мертв, и впредь никто не обязан давать ничего. Точно также побор при допуске (handtlon) должен быть отложен впредь от реформации и дальнейшего решения.

В-двенадцатых.

Увеличение и уменьшение статей остается при установленном в Двенадцати Статьях содержании.

Далее решено:

Чтобы никто не грабил без приказа (one beschaid) и не подбивал уйти в отряд. А кто нарушит это, должен подвергнуться казни (leibstraff).

Цензы и долги впредь до реформации должны вноситься и уплачиваться без противоречия.

Луга, пашни, сады и имения, принадлежащие духовной и светской власти, должны быть огорожены и содержаться ото всех в целости, как было до сих пор. В особенности имения, принадлежавшие доселе духовным, должны быть взяты светскою властью каждого поселка в верные руки и охраняться.

Никто не должен несправедливо, по собственному бесчинству, обижать другого, будь то духовного или светского, но всякий, в любом поселке, должен всякому ищущему правосудия во всем помогать добиться правого суда и возмездия.

Во всех городах, деревнях и поселках все подданные должны быть послушны своим предержащим властям и не уклоняться от наказаний за свои проступки. А где от одного или нескольких окажется ослушание, там совет и суд должны каждого подвергнуть подобающему и заслуженному наказанию и при содействии послушных подавить дерзкое бесчинство. Если же кто будет противиться власти, составлять шайки или оказывать им помощь, то нужно заявить начальникам и советникам всего Светлого отряда, и те должны подвергнуть виновных подобающей и суровой казни.

Затем мы строго приказываем под угрозою наказания, чтобы все, принадлежащие к нашему братству или соединению, придерживались этого порядка впредь до дальнейшего разъяснения; чтобы все города, деревни и поселки, где есть установленные должностные лица, советники, судьи и власти, удерживали от всех проступков и преступлений установленными карами, причем и мы будем соблюдать это. Пусть каждый этим руководствуется. Дано и припечатано нашей общей печатью в Аморбахе [100] в пятницу, что после обретения креста господнего (т. е. 5 мая) в год 1525.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Фрис — великолепный знаток этого архива, фонды которого он собственноручно регистрировал по очень интересной для того времени системе. См. специальное исследование Schäffler'a Archiv f. Unterfranken, XXII.

[2] Очевидно, прозвище — «богемец», «чех»; недаром в его проповедях о всеобщем равенстве многие (напр., ученый гуманист Иоганн Тритемий) видели «чешскую ересь» и «гусситский яд».

[3] «Mitfasten», т. е. 25 марта (для 1476 г.).

[4] Halstuch — прозрачные вставки на глубоких вырезах.

[5] Schnabelschu; «острие» доходило до 2,5 футов; никакая работа в них была немыслима, и в народном языке конца XV в. «остроносчик» (Schnabelschuer) был синонимом богача, тунеядца, аристократа; тем не менее, мода захватила и крестьянство.

[6] В тексте — besthaupt (дача «лучшей головы» скота, а также «лучшей» вещи из наследства умершего крепостного) и handlon (уплата помещику за «допуск» на землю наследников умершего).

[7] «Учение» Ганса, к сожалению, во всех источниках изложено более чем скупо и поверхностно. В общих чертах, тем не менее, сообщения сходятся. Вот, напр., соответствующее место из «Тюринго-Эрфуртской Хроники» Конрада Штоллера. «проповедовал он, что все вещи (alle Dinge) должны быть общими, и скоро исполнится время, когда всех попов перебьют; ведь нет-де у них никакой власти от бога, нет, их время прошло; да и нет теперь более настоящих священников, ни светских, ни духовных, ни орденских (т. е. монахов). Говорил он также против кружев (Brusttüche), куцых платьев, остроносой обуви, — все это противно-де деве Марии, и за все бог страшно взыщет . . . . . .»

[8] Все места, известные в истории Великой крестьянской войны 1525 г.

[9] Близ города Фрейбурга в Бадене.

[10] Lade-, Mahn-, Bannbrife — феодальное право господина «приглашать» (в любой момент, по любому делу) своих «людей», «напоминать» им (главным образом о сроке платежей; иногда таким путем вводились новые платежи), объявлять «запретными» (под «банном») леса, воды, дороги и пр.

[11] Rottweil — городок на Неккаре, с судом не только местного, но общеимперского значения, и соответственным преобладанием римского права над туземным.

[12] Guter Gesell, was is din wesen?
Der Arm man kan nich mer genesen.

[13] Ганс Эндерлейн; впоследствии был казнен четвертованием.

[14] «Bundschu», таким образом, может обозначать не только Союз Башмака, но и просто «шнурованный» (bund) высокий крестьянский сапог того времени.

[15] В оригинале эпизод рассказан весьма пространно.

[16] Т. е. бежал «за границу»: Брейсгау был владением габсбургским, Эймельдинген находился уже на земле маркграфа Баденского.

[17] Sicher Gelait — беспрепятственное следование к определенному пункту (в данном случае к маркграфу) и на определенное время.

[18] Далее в оригинале подробно сообщается, как трактирщик еще раз, на другое утро, испытывал пришельца.

[19] Автор не знает имени; Филипп Баденский в своем послании к городу Фрейбургу (от 12 октября) называет и имя доносчика — Ганс Манц.

[20] Филипп, собственно, сын и наследник маркграфа, в 1510 г. получивший от отца особый удел.

[21] Судя по материалам Фрейбурга (хроника и протоколы Совета), — 3 октября; тогда же в городе был схвачен ряд людей за «принадлежность к Союзному Башмаку».

[22] Один город Фрейбург послал до 200 вооруженных в Леэн для поимки заговорщиков.

[23] Килиус Мейгер, судя по имеющемуся у нас скудному материалу, один из главных и наиболее деятельных помощников Иоста.

[24] Дальнейшая судьба Иоста неизвестна; лишь раз еще, в 1517 г., упоминается об его пребывании в окрестностях Фрейбурга.

[25] В 10 километрах к востоку от Штуттгарта.

[26] Долина р. Ремс, притока Неккара.

[27] Герцог Ульрих Вюртембергский.

[28] Возможно, что автор имеет в виду старика Гайспетера, одного из вождей в Бейтельсбахе; не менее возможно, что это вымышленная фигура.

[29] Союз Башмака, движение предыдущего года.

[30] «Старина», «пошлина» — местные обычаи как деревенские, так и поместные.

[31] «Бедный Конрад», как и «бедный человек» (arm Mann), — синоним крестьянина на языке XV и начала XVI в.

[32] Поселок в той же долине р. Ремс.

[33] Ring.

[34] В Тюбингене, на июнь.

[35] Надежды стихотворца не оправдались. Ландтаг закончился 8 июля «Тюбингенским Соглашением», которое напрасно иногда называют «Великой Хартией» Вюртемберга. Умиротворение не наступило; особенно не удовлетворено было крестьянство, между прочим, и в долине р. Ремс; их разгромили военной силой.

[36] Герцог Ульрих вюртембергский.

[37] Начали с налога на мясо: уменьшили вес (на $^1/_6$), оставив прежнюю цену; разница шла в казну.

[38] Поговорка; портной этот — злополучный герой народных юмористических рассказов о швабских чудо-деяниях (Schwabenstreiche).

[39] В Вюртенберге, недалеко от Ульма.

[40] Кроме бургомистра, Ульриха Нейтгарда, посланы были два рыцаря — Ганс, фон Кенигсэг и Вильгельм фон Кнеринген.

[41] Кузнец из села Сульмингена.

[42] Т. е. человек 400, по указанию Кеслера.

[43] Городок между Ульмом и Биберахом.

[44] В данном случае каммергерихт (областной имперский суд) в Эслингене: имперский суд велся по глубоко ненавистному народу римскому праву.

[45] «Говорить право» — судить.

[46] В Швейцарии, на Боденском озере.

[47] Боденское озеро.

[48] Реки, притоки Дуная.

[49] По тогдашним актам собралось приблизительно 50 делегатов; дело было 6 марта.

[50] Младший помощник пастора.

[51] Сохранился ряд набросков в несколько иной редакции — пример того, как обстоятельно подготовлялось выступление. — «Инструкция», главным образом перечень «судей» для отдельных территорий (список тоже расходится в деталях), в переводе опущена.

[52] Имеются в виду так называемые «файды», частные войны рыцарей, наносившие неисчислимый вред населению.

[53] Толкование спорно: во избежание ли подкупа со стороны господина и возможного раскрытия секретов объединения, или для защиты интересов вызываемого.

[54] Толкование спорное: имеется ли в виду, как в позднейших статьях крестьянства и что является наиболее вероятным, «всеобщая реформация» или дело идет о предлоге временного и предварительного отнятия. Важно отметить также, что 12 статья имеется далеко не во всех известных нам списках.

[55] Вопрос о свободных лесе и воде играет крупнейшую роль во всех крестьянских статьях 1525 г.

[56] Введение имеется не во всех известных нам текстах; тем не менее, большинство исследователей не считают его прибавлением более поздним. В копиях Статей, разосланных разным властям, напр., епископу вюрцбургскому, те же мысли высказываются лишь в ином выражении.

[57] «Большая» десятина с хлебных посевов; в отличие от разных назойливых и изнурительных дополнительных «малых» десятин (не только с приплода скота, но и с огорода, виноградника, фруктовых и иных насаждений).

[58] Т. е. потеряла силу.

[59] Народное правосознание уже в XIII в. (широко распространенные и авторитетные юридические сборники «Саксонское Зерцало» и «Швабское Зерцало» отвергали личную зависимость (Eigenheit), как результат «греха и насилия». Ср. известное место (изд. Werner, стр. 73) в так называемой «Реформации императора Сигизмунда» (памфлет первой половины XV в.): «Неслыханное дело! В христианском мире один человек осмеливается сказать другому: ты моя собственность (du bist mein eigen). Пусть размыслят о тяжкой крестной смерти и ранах нашего господа, претерпевшего их ради нашего всех освобождения от пут и уз» (das er uns freiet und von allen banden loset).

[60] Armer man; в других списках — untertan, т. е. всякий зависимый, прежде всего крепостной.

[61] In (=ihnen) wyssenlych; в этом месте текст очень испорчен

[62] «Arm Mann» в XV и XVI вв., вместо крестьянин.

[63] Das Gut, т. е. лес.

[64] Крестьянские Weistümer, т. е. записи местного обычного права.

[65] Из наследства крепостного господин брал обыкновенно «лучшую» голову скота (besthaupt), «лучшее» платье и пр.

[66] Швабского союза; надгосударственная сильная организация, во главе с Баварией, пока воздерживалась от выступлений против крестьян, но вскоре, собрав силы, начала прямые против них военные действия.

[67] Взимался господином по смерти арендатора, при переходе земли к наследнику.

[68] Особые записи с перечислением служб составлялись при отдаче земли крестьянам.

[69] Зависимый городок во владениях графов Гогенлоэ.

[70] Километрах в 20 от Эрингена.

[71] «Отец» теперешних «господ» города.

[72] По существу — экстренный налог (иногда подоходный, иногда поимущественный), который однако все более становился постоянным.

[73] Т. е. конец особых судебных изъятий (и особого суда) для духовных лиц.

[74] Wie die Bauren vom Necker und Otenwalt etliche ordnung und reformation ufzurichten furgenommen haben.

[75] В 1525 г. — 16 апреля.

[76] Наместником архиепископа майнцского был тогда епископ страсбургский.

[77] «Келлер» или «рентмейстер» — финансовый чиновник (архиепископа майнцского).

[78] Один из виднейших вождей франконского крестьянства.

[79] Наемных солдат, особенно испанцев, голландцев и пр.

[80] Т. е. в вопросах имперских реформ (напр., при Максимилиане) или усиления централизации власти.

[81] Gelegen malstat — народный термин, употребляемый обычно для места суда; компетенция этого собрания, таким образом, предполагается решающая.

[82] Т. е. 18 мая.

[83] Одним из таких начальников, напр., был известный рыцарь Гец Берлихингенский, автор интересной, наивно откровенной автобиографии.

[84] Известна более всего под названием «Гейльбронская программа».

[85] Или «бегарды» — полумонашеские общины на трудовом начале, образовавшиеся сперва (в XIII в.) во Фландрии, а затем распространившиеся повсюду; к началу XVI в. они сильно выродились.

[86] Getreulich Vorsein — «служить», «администрировать».

[87] Über andere ire Lehenherren (другие списки — «oder»); очень важное определение: программа явно идет против обычного феодального порядка.

[88] «Докторов» римского права, высоко ненавистных народу; как раз к концу XV в. закончилась так называемая рецепция, т. е. признание римского права общеимперским, с соответствующим вытеснением местного, общепонятного и привычного права.

[89] Неясная фраза: вполне определяется при сопоставлении с соответствующим местом (IX, 1) «Реформы императора Фридриха».

[90] Ср. так называемую «Реформацию императора Сигизмунда (изд. Werner, стр. 96): «Отменить нынешнюю полную свободу городов и господ, духовных и светских, по чекану монеты. А кто хочет впредь бить монету, пусть этого домогается особым порядком; пусть добьется грамоты, где точно указано будет, каков должен быть чекан... И эта монета всюду и везде должна иметь на одной стороне герб Империи, а на другой герб государя или города, чеканившего монету... О доброй монете очень следует подумать как раз тогда, когда по другим статьям дело плохо».

[91] Буквально: «мера и ровень»; ср. соответственную статью (X, 3) в «Реформах императора Фридриха».

[92] Как видно по другим документам именно этого подготовительного периода движения, не случайная неясность — все ли церковные помещения или лишь дома церковников.

[93] Nit pompisch, stolzirlich, spatziglich oder zerlich ; самое накопление этих бичующих определений в обычно спокойных, почти бесстрастных крестьянских статьях ярко показывает степень озлобления против прежнего съезда.

[94] Wie herkommen, т. е. «как то и привычно».

[95] Суд, содержание гарнизонов и полиции. Статьи относили также на доходы с церковных владений.

[96] «Фукерство», — обычное для начала XVI в. (напр., и у Лютера) нарицательное название (от богатейшего тогда банкирского, промышленного и оптового предприятия Фуггеров) для ненавистных народу трестов и монополий.

[97] Монетный указ Карла V от 1524 г.

[98] Наемников, специалистов военного дела (особенно ценились испанцы), во главе с генералами-предпринимателямя типа «кондотьеров».

[99] Item: обычно при передаче результата подсчета, совещания и пр.

[100] Городок Оденвалида в нижней Франконии.

Е. А. КОСМИНСКИЙ.

ОГОРАЖИВАНИЯ В АНГЛИИ В XVI В. И ВОССТАНИЕ КЕТА В НОРФОКЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Подобранные здесь документы должны дать картину разгоревшейся классовой борьбы в тюдоровской деревне. Огораживания, обращение пахоты под пастбища, захват общинных земель и крестьянских наделов, вытеснение крестьян и разрушение деревень, взвинчивание рент и допускных платежей, рост крупной капиталистической аренды, расширение охотничьих парков с дичью, опустошающей крестьянские поля; с другой стороны, — упорное сопротивление, жалобы и тяжбы, разрушение изгородей, наконец, вооруженное восстание; положение копигольдеров, наследников недавних крепостных, слишком мало защищенных от насилий со стороны лорда; влияние секуляризации, еще больше освободившей и обнажившей классовую борьбу; ликвидация общины путем размежеваний по соглашению; неуверенная социально-реакционная политика правительства, напуганного ростом социальных бедствий (ср. социальное законодательство Тюдоров в следующем отделе), но бессильного принять решительные меры против интересов того класса, который является одной из его опор и главным проводником его мероприятий в жизнь, — таковы основные проблемы, вокруг которых сгруппирован материал собранных здесь документов. Значительную часть их составляют законодательные акты, интересные не только для характеристики мероприятий правительства, но и для выяснения его представлений о характере и размерах происходящего социального сдвига; надо иметь в виду, что эти представления сильно преувеличены. Более объективный характер носят правительственные расследования, позволившие Гэю, наиболее авторитетному исследователю огораживаний XVI в., путем подсчетов доказать преувеличенность ходячих представлений о размерах «аграрной революции» эпохи Тюдоров; но отчеты правительственных комиссий сухи и делаются красноречивы лишь при массовом статистическом изучении. За невозможностью дать массовый материал для подсчетов пришлось ограничиться лишь немногими выдержками иллюстративного характера. Особенно интересен и близок к жизни материал, взятый из документов Звездной Палаты; здесь дается живая картина классовой борьбы в деревне, причем имеется возможность выслушать обе стороны. Надо обратить внимание на то обстоятельство, что один из притеснителей крестьян владеет прежними мона-

стырскими землями и в оправдание своих насилий ссылается на секуляризацию. Дана опись одного манора, частью огороженного по соглашению. Для характеристики восстания Кета приведены требования восставших и любопытный отзыв Кроули. Последний документ переведен В. А. Васютинским, прочие — Е. А. Косминским.

Главные пособия к данному отделу: Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIV, т. III, гл. XLVII; Эшли, Экономическая история Англии в связи с экономической теорией (размеры огораживаний XVI в. и их географическое распределение вычислены совершенно неправильно, так как Эшли не принял во внимание старинных огораживаний, огораживаний XVII и начала XVIII в., наконец, огораживаний по соглашению, не отразившихся в законодательных актах); Кеннингем, Рост английской промышленности и торговли, т. I; Роджерс, История труда и заработной платы. Особенно важны: Савин, Английская деревня в эпоху Тюдоров; Савин, Английская секуляризация; Гранат, К вопросу об обезземелении крестьян в Англии.

На английском языке лучшая работа общего характера Tawney, The agrarian problem in the XVI century. Превосходный подбор источников дан в хрестоматии Tawney and Power, Tudor economic documents, vol. I. Эта хрестоматия оказала большие услуги составителю при подборе источников для данного отдела.

1. Акт против разрушения деревень (1489 г.).

(4 Hen. VII, c. 9. [1])

[Statutes of the Realm, vol. II, p. 542.]

Королю, нашему суверену и господину, особенно и более всего угодно, чтобы устранялись такие ненормальности и злоупотребления, которые вредны и опасны для общего блага этой его страны и его подданных, в ней живущих; он помнит, что, между прочим, большие затруднения возрастают с каждым днем по причине опустошения, снесения и намеренного разрушения домов и деревень в этом его королевстве, и по причине обращения под пастбище земель, которые обычно находились под пашней. Вследствие этого с каждым днем возрастает праздность, основа и начало всех зол: в некоторых деревнях, где раньше двести человек находили занятие и жили мирным трудом, теперь заняты два или три пастуха, а прочие впадают в праздность; земледелие, одно из наиболее выгодных занятий в этом королевстве, приходит в великий упадок, церкви разрушаются, богослужение прекращается, за погребенные там тела никто не молится, патрон [2] и приходские священники терпят ущерб, защита этой страны против наших внешних врагов ослабляется и ухудшается, к великому недовольству бога, к ниспровержению политики и доброго управления этой страны, и против этого не принимается спешных мер. Поэтому король, наш суверен и господин, с согласия и совета светских и духовных лордов и общин, собранных в настоящем парламенте, и в силу их авторитета,

приказывает, утверждает и постановляет следующее: каждый, каково бы ни было его положение, ранг и состояние, имеющий дом или дома, которые в течение трех последних лет сдавались, или сдаются теперь, или будут сдаваться в аренду с 20 или более акрами земли, находящейся под обработкой, ... обязан сохранять и поддерживать на вышеупомянутой земле дома и строения, подходящие и необходимые для сохранения и поддержания обработки и земледелия; и если кто-либо из владельцев таких домов и земель возьмет такой дом, дома или землю в свои руки и оставит их для себя, то такой владелец или владельцы в силу вышеупомянутого постановления также обязаны сохранять и поддерживать на этих землях дома и строения, подходящие и необходимые для поддержания обработки и земледелия. А если кто-либо нарушит эти предписания или часть их, то король, если эти земли и дома держатся от него непосредственно, или лорд феода, от которого непосредственно держатся эти земли, имеет право брать ежегодно половину дохода той земли, на которой дом или дома не поддерживались и не сохранялись; и эту половину доходов он может получать в свою пользу без всякой уплаты за это до тех пор, пока этот дом или эти дома не будут должным образом выстроены или исправлены; но это получение доходов с такой земли никоим образом не создает у короля или лордов никакого фригольда; [3] но король и упомянутый лорд или лорды имеют право только на получение доходов, как было сказано, и поэтому король или лорд, или лорды имеют право налагать арест на эти доходы, которые они должны получать, как было указано, в силу данного акта.

2. Акт против разрушения деревень (1515 г.).

(7 Hen. VIII, c. 1.)

[Statutes of the Realm, vol. III, p. 176—177.]

[Вступление к акту почти дословно вопроизводит вступление к акту 4 Hen. VII, c. 9.]

Если владельцы таких деревень ... или хуторов, ... в которых бóльшая часть земель в первый день этого парламента была под обработкой, для своей личной выгоды намеренно допустят или причинят после указанного срока разорение этих деревень к упадку в этих деревнях... земледелия, и обратят их из-под обработки в пастбище, то они или их наследники, преемники или доверенные лица обязаны в течение года после такого намеренного разорения восстановить их и привести в обитаемый вид и продолжать там обработку земли, как это было в первый год данного парламента или потом ... [это восстановление должно быть проведено на счет самих владельцев, или их наследников и т. д.]

[Устанавливается та же мера наказания, что и в 4 Hen. VII, c. 9, но взятию половины доходов в пользу короля должно предшествовать официальное расследование; в случае взятия ее в пользу другого лорда, такого расследования не требуется.]

3. Королевская грамота, назначающая комиссию для расследования дел об огораживаниях (1517 г.).

[Leadam, The Domesday of Inclosures, 1517, vol. I, pp. 81—83.]

Король своим возлюбленным и верным [подданным], Джону Визи, декану нашей капеллы, Андрею Виндзору, рыцарю, Роджеру Уеджистону из Лестера, привет. В прошлые времена некоторые из наших подданных, не думая ни о боге, ни о благе и выгодах нашего королевства, ни о его защите, окружили изгородями и канавами некоторые деревни, хутора и другие места в Английском королевстве, где жили и из году в год прилежно занимались земледелием многие из наших подданных, выгнали и выбросили их из их держаний и ферм, и землю вокруг этих домов, деревень и хуторов, а также принадлежащие к ним поля и земли обратили в пастбище для разведения овечьих стад и другого скота для своей личной выгоды, и обратили большие поля, пастбища и леса... в большие и обширные парки, или расширили прежние парки только для того, чтобы разводить там оленей; вследствие этого деревни, хутора и другие места не только приведены в запустение, но и дома и другие здания в них так разорены, что теперь не остается от них ни следа, и наши подданные, которые там жили и занимались земледелием, доведены до праздности, мачехи добродетелей, и день за днем живут в праздности, и земледелие и скотоводство, которыми занимались жившие там земледельцы и хозяева, прекратились и совсем исчезли в этих местах, и освященные там церкви и капеллы разорены... Поэтому, в силу наших обязанностей, желая исправить все вышесказанное и желая удостовериться, сколько деревень, хуторов, домов и зданий и какие именно были разорены с праздника архангела Михаила 4-го года царствования славнейшего господина Генриха VII, покойного короля Англии, нашего отца, и какие земли, бывшие тогда под обработкой, теперь огорожены и обращены под пастбище, и какие устроены парки для разведения оленей, и какие земли огорожены для расширения старых парков, мы назначили вас и двоих из вас произвести расследование в графствах Оксфорд, Беркшир, Уорвик, Лестер, Бедфорд, Бекингам и Нортгемптон [5] как в иммунитетных территориях (liberties), [6] так и вне их, путем опроса под присягой добрых и правоспособных людей, а также всякими другими путями, которыми вы надеетесь лучше добраться до правды: какие деревни, сколько домов и построек было разрушено после вышеупомянутого праздника, и какие и каких размеров земли, бывшие тогда под обработкой, теперь обращены в пастбище, и какие и какой величины парки были огорожены для разведения оленей со времени этого праздника, и какие земли были огорожены для расширения прежних парков, и кем, где, когда, как и каким образом; а также выяснить и другие обстоятельства, касающиеся вышесказанного... и настоящей грамотой мы предписываем нашим шерифам [7] вышеназванных графств вызвать к вам или к двоим из вас в назначенный вами день и в назначенное место столько добрых и правоспособных людей из своего округа, сколько понадобится для выяснения и расследования истины...

[Подобные же грамоты даны комиссиям, назначенным для обследования остальных графств.]

4. Отчеты комиссии (1517 г.). Уорвикшир.

[Leadam, The Domesday of Enclosures, vol. II, pp. 394 sqq.]

Приор Мальвернского [8] монастыря владел, как доменом и феодом, [9] по праву монастыря, шестью усадьбами, двумя коттеджами и 180 акрами пахотной земли с угодьями в Шиттингтоне [10] в вышеназванном графстве, как частью своего поместья или приорства Олькот, кельи [11] Мальвернского монастыря. Эта земля с незапамятных времен ежегодно пахалась и в должное время засевалась; с каждой из вышеупомянутых усадеб за все это время было связано и сдавалось в аренду не менее 24 акров пахотной и возделанной земли. И вышеназванный приор, обладающий вышеупомянутыми владельческими правами, раньше 6 марта 6-го года царствования нынешнего короля [12] сдал все эти держания в аренду на известное количество лет некоему Уильяму Картрайту, и Уильям вступил во владение этими держаниями; таковы были права на эту землю у приора и Уильяма. И 6 марта 6-го года Уильям Картрайт, с согласия приора и по заранее состоявшемуся между ними соглашению, умышленно допустил разорение и упадок этих усадеб и коттеджей и превратил эти пахотные земли из засеваемых полей в пастбище для скота, и с тех пор так ими пользовался и сохранял их в таком виде. И говорят, что эти держания оцениваются, сверх вычета на уплату налогов, в 6 фунтов 2 шиллинга и 4 пенса в год, и держатся непосредственно от короля, от его Уорвикского графства. И говорят, что вышеназванный приор и ныне владеет этими землями по праву монастыря, как было выше сказано, и что вследствие его попущения перестало работать шесть плугов, и тридцать три человека, находивших занятие при обработке этой земли, принуждены были в горе отсюда уйти, к уменьшению населения...

И присяжные говорят, что вышеупомянутый приор владел, как доменом и феодом, по праву монаотыря, 82 акрами пахотной, годной к обработке земли с угодьями, оцениваемой в 40 шиллингов в год, в том же Шиттингтоне в том же графстве; и, имея такие права на эту землю, он 6 октября 8-го года царствования короля Англии Генриха VII обратил эти земли из прежнего обработанного и хозяйственного состояния (a priore inde usu cultus et iconomie) в пастбище для овец и прочего скота, и пользуется ими в таком виде. И эти земли представляют держание от короля, и два человека... оттуда ушли, к уменьшению населения.

И говорят, что этот приор владел, как доменом и феодом, по праву монастыря, 30 акрами пахотной и годной к обработке земли в Шиттингтоне в том же графстве, и она оценивается в 40 шиллингов в год за вычетом уплаты налогов; и имея такие права на эту землю, он 8 октября 18-го года вышеупомянутого царствования, обратил эти земли из прежнего возделанного и хозяйственного состояния в пастбище для овец и прочего скота, и пользуется ими до сих пор

в таком виде и держит их так; вследствие этого население уменьшилось на шесть человек, лишившихся работы и повергнутых в праздность; и эти земли представляют держание от короля.

И говорят, что тот же приор владел, как доменом и феодом, по праву монастыря, десятью акрами пахотной, шедшей под обработку и годной для этой цели земли... в Шиттингтоне в том же графстве; и она оценивается в 26 шиллингов 8 пенсов в год. И, имея такие права на эту землю, 5 октября 5-го года вышеупомянутого царствования он обратил эти земли от обработки и засева в пастбище для скота, и держит их в таком виде и теперь, и двенадцать человек лишились работы и повергнуты в праздность; и эти земли представляют держание от короля.

И далее они говорят, что Ричард Варнегам владел, как доменом и феодом, усадьбой и 10 акрами пахотной и удобной для земледелия земли в Шиттингтоне в том же графстве, и эти десять акров обычно сдавались вместе с этой усадьбой для посева и пахоты на этих землях; и вышеупомянутый Ричард, имея такие права на эти держания, 2 октября 12-го года вышеупомянутого царствования умышленно допустил разрушение этой усадьбы и обратил эти земли в пастбище для овец и прочего скота и держит их в таком виде и поныне; по этой причине шесть человек, раньше там живших и работавших, ушли оттуда, разорившись в конец. И эти держания оцениваются в 10 шиллингов в год...

И говорят они, что Томас, покойный маркиз Дорсет, владел, как доменом и феодом, десятью усадьбами и 300 акрами пахотной земли, обычно пахавшейся и засевавшейся, в Уедингтоне в том же графстве. И с каждой из этих усадеб с незапамятных времен сдавалось в аренду для обработки и земледелия 26 акров из этой земли. И он, имея вышеупомянутые права на эти земли, 6 октября 7-го года вышеупомянутого царствования огородил эти держания и, выделив их изгородями, умышленно допустил запустение и разрушение этих усадеб, так что эти усадьбы теперь совершенно разорены, а земля обращена под пастбище для скота. Вследствие этого... шестьдесят человек лишилось там жилья и занятий и ввергнуто в праздность. И они говорят, что Томас, теперешний маркиз Дорсет, ныне владеет этими держаниями. И что они оцениваются в 26 фунтов в год..

И те же присяжные говорят, что Джемс Хольт, эсквайр, владел, как доменом и феодом, 50 акрами пахотной земли с угодьями в Мансетере [13] в том же графстве и, имея такие права на эту землю, 7 октября 21-го года вышеупомянутого царствования обратил эти земли из прежнего состояния обработки и земледелия в пастбище для овец и прочего скота, и до настоящего времени пользуется ими в таком виде. Вследствие этого перестал работать один плуг, и население уменьшилось на три человека, повергнутых в праздность...

И они говорят, что Ричард Кэв владел, как доменом и феодом, 50 акрами пахотной земли, бывшей под обработкой и годной для этой цели, оценивающейся в 33 шиллинга и 4 пенса в год, в том же Мансетере в том же графстве. И, имея такие права на эту землю, он 4 ноября 21-го года того же царствования обратил эти земли из со-

стояния обработки и земледелия в пастбище для овец и прочего скота, и пользуется ими и поныне в таком виде. Вследствие этого перестал работать один плуг, и 6 человек, находивших прежде там работу, лишились занятий и стали праздны...

5. Акт касательно ферм и овец (1533 г.).

(25 Hen. VIII, c. 13.)

[Statutes of the Realm, vol. III, p. 451.]

Разные лица из числа королевских подданных, которым бог в своей благости дал большое изобилие в движимой собственности, в течение последних лет постоянно измышляли, изобретали и пробовали пути и средства к собиранию и соединению в немногих руках возможно большего количества ферм и возможно большего количества скота и особенно овец; для этого они все земли, которые им удавалось получить, обращали под пастбище, а не под обработку, и таким образом не только довели до разорения церкви и деревни и повысили прежний уровень рент со своих владений в этом королевстве, и ввели такие чрезмерные допускные платежи,[14] что они не под силу ни одному бедному человеку, но также подняли цены на всякого рода зерно, скот, шерсть, свиней, гусей, кур, цыплят, яйца и пр. почти вдвое против обычных прежних цен. В силу этого поразительное множество народа в этом королевстве не может купить еды, питья и одежды для себя, своих жен и детей и доведено до такого отчаяния своей бедностью и нищетой, что с каждым днем впадает в воровство, разбой и другие преступления, или жалким образом погибает от голода и холода. И всенижайшие и преданные подданные короля думают, что одной из важнейших причин, побуждающих этих алчных и жадных людей собирать... в своих руках большие участки земли, ... прежде кормившие бедных крестьян, и обращать их под пастбище, а не под обработку, является только большая выгодность овцеводства, сосредоточившегося теперь в этом королевстве в руках немногих лиц сравнительно с общим числом королевских подданных, так что у некоторых имеется 24 000 овец, у других 20 000, у одних больше, у других меньше; вследствие этого хорошая овца, которая продавалась на мясо за 2 ш. 4 п. или, самое большее, за 3 ш., теперь продается за 6 ш., 5 ш. или, самое меньшее, за 4 ш. И стон[15] шерсти для сукна, прежде продававшийся в некоторых графствах этого королевства за 18 п. или 20 п., теперь продается за 4 ш. или, самое меньшее, за 3 ш. 4 п., а в тех местностях, где он продавался за 2 ш. 4 п. или 2 ш., или, самое большее, за 3 ш., он теперь продается за 5 ш. или, самое меньшее, за 4 ш. 8 п., и так цены подняты во всех частях королевства. И это вызывает крайнее недовольство всемогущего бога, упадок гостеприимства в этом королевстве, уменьшение численности королевского народа и создает препятствие к производству сукна, в котором обычно находило работу много бедного народа; и если, в заключение, не будет найдено средства против этого, то все это может обратиться к крайнему опустошению и смуте в этом королевстве, от чего боже сохрани.

Поэтому королевскому высочеству и лордам духовным и светским... с согласия общин, собранных в данном парламенте, угодно постановить и сделать законом... чтобы, начиная с праздника св. Михаила 1535 г., никто не смел иметь в собственности и держать ни на своей земле, ни на арендованных им землях других лиц, ни где бы то ни было в пределах этого королевства, каким-либо обходом, обманом или уловкой, одновременно более 2 000 овец всякого рода, под страхом штрафа в 3 ш. 4 п. за каждую овцу сверх числа, определенного в этом акте... Далее постановлено,... что, начиная с Рождества, никто не должен брать ни на срок жизни, ни на года, ни по воле лорда, ни по грамоте [16] (indenture), ни по копии протокола манориальной курии, [17] ни как-либо иначе более двух домов или крестьянских держаний, к которым принадлежит какая-либо земля,... и никто не может владеть такими вновь приобретенными держаниями, числом до двух,... если он не живет в тех же приходах, где находятся такие держания, под страхом штрафа в 3 ш. 4 п. за каждую неделю владения...

6. Огораживания, выселение держателей и другие притеснения, чинившиеся лицам, получившим владения секуляризированного монастыря Сион [18] (царствование Генриха VIII).

(Из судебных документов Звездной Палаты.) [19]

[R. H. Tawney and E. Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 19 sqq]

Его высокопревосходительному высочеству королю.

Униженно и со слезами объявляем и жалуемся вашему высочеству мы, ваши бедные подданные и ежедневные молитвенники, Джон Бун, Томас Холл, Джон Юнг, Томас Юнг, Роберт Бенетт, Джон Атфильд и другие вашей милости бедные подданные, живущие в маноре Экклсьден, в части, называемой Уестангмеринг, в вашем графстве Сессекс: [20] Ваши вышеупомянутые бедные подданные, их предки и их предшественники по владению были держателями по копии протокола курии и по обычаю вышеназванного манора, и постоянно жили в пределах данной сеньерии, с незапамятных времен, в мире, покое и спокойствии, и спокойно пользовались данными держаниями согласно обычаю этого манора. Но недавно некий Джон Памер из Уестангмеринга, эсквайр, приобрел во владение этот манор от вашего величества путем обмена, и под этим предлогом злоумышленно притесняет, тревожит и беспокоит ваших бедных подданных, копигольдеров этого манора, в противность всякой справедливости (equyte) и обычаю этого манора, как следует ниже. Во-первых, этот Джон Памер, будучи человеком весьма сильным, немедленно после первого своего вступления в манор, путем вымогательства и насилия отнял у вышеназванных ваших бедных подданных их пастбища, которые они держат по копии, и огородил, и недавно эти пастбища вместе с другими землями обнес изгородью, выделив их для своей собственной пользы и выгоды. И через короткое время после этого вышеназванный Джон Памер, не довольствуясь всем этим, в своей жестокости, коварстве и жадности незаконно, силой и против их воли отнял у ваших бедных подданных

их жилища, земли, держания и фруктовые сады, разорил и снес некоторые из их домов и бревна отдал на сторону, а несколько домов сжег, и некоторых из ваших бедных подданных насильно выгнал из этой сеньерии. Далее, вышеупомянутой Памер принудительно заставил некоторых из ваших бедных подданных взять взамен их земель другие в других местах по его усмотрению; это были худшие земли и не могли сравняться с прежними ни по качеству, ни по числу акров, и владельческие права на них были неясны. А некоторым из ваших бедных подданных он и совсем не назначил ни земель, ни других возмещений к их обеднению и крайнему разорению. А тех из ваших подданных, которые не пожелали подчиниться произволу и вымогательствам этого Джона Памера, этот самый Джон вместе со своими слугами и другими злоумышленными лицами, числом до семи и более, вооруженными мечами, палками и другим оружием, осадил в их домах самым мятежным и насильственным образом, и угрожал посадить их в тюрьму; и ваши бедные подданные, увидев его злые намерения, для спасения своей жизни запирали перед ним свои двери и не смели от страха и риска смерти выходить вон. И тогда этот Джон Памер со своими слугами и сторонниками насильственно и мятежно взломал двери ваших бедных подданных, не обращая внимания на крики и жалобный плач их жен и детей и на изумление прохожих, шедших на рынок, и намеревался бросить в тюрьму, избить, изувечить и убить ваших бедных подданных; и некоторые из них при этом от его жестокого обращения и поведения при отбирании у них копий, [21] на некоторое время лишились рассудка. И некая Маргарита, жена Роберта Бенетта, и другие, будучи в крайнем страхе, жалобно спросили у этого Джона Памера так: «Во имя бога и Христа, сэр, что это значит? Почему вы так жестоко обращаетесь с нами, бедным народом?» На это Джон Памер ответил этой Маргарите в присутствии вышеупомянутого Роберта Бенетта и других лиц, говоря следующие слова: «Разве вы не знаете, что его милость король снес все дома монахов, нищенствующей братии (ffryers) и монахинь? Поэтому теперь пришло время нам, джентльменам, снести дома таких нищих бездельников, как вы». И сверх того Джон Памер предупредил всех держателей, живущих в этой сеньерии по улице, ближайшей к морю, чтобы они поскорее очистили свои земли и держания. Местность, где в прошлые времена жило много всякого народа, способного хорошо нести службу вашей милости и отражать в случае нужды врагов вашей милости, теперь по вышеизложенной причине почти пуста и необитаема, к великому ослаблению [защиты] берегов вашей милости у тамошнего моря. И это [приведет] к крайнему разорению и обеднению ваших бедных подданных, их жен и детей на вечные времена, если только ваша милостивейшая благость, милосердие, расположение и сострадание не будут на них в скором времени простерты и им показаны. И, далее, ваши вышеупомянутые бедные подданные, из страха и опасности для своей жизни от этого Джона Памера, его слуг и сторонников, не решаются вернуться домой в свою сторону, не получив от вас милостивейшей и скорой помощи в этом деле, так как Джон Памер и его слуги подняли драку и избили мужчин, женщин и детей, живущих в этой сеньерии, которые осмели-

вались говорить против этих обид, несправедливостей и вымогательств, им совершенных, как было сказано выше. В виду этого, а также в виду того, что Джон Памер человек большого богатства и влияния и притом вполне преданный жестокости и злобе и склонный к ним, а ваши бедные подданные бедные люди и не могут за себя постоять, и находятся в великом страхе за свою жизнь, не говоря о потере их бедного имущества, пусть будет благоугодно вашему высокопревосходительному величеству, милостиво приняв во внимание все вышеизложенное, распорядиться послать Джону Памеру вашу всемилостивейшую грамоту «Sub poena», [22] с приказанием ему в силу ее немедленно по получении и прочтении вышесказанной вашей милостивой грамоты лично явиться перед вашей милости высокопочтенным советом Звездной Палаты и дать ответ на эту жалобу и впредь держаться тех приказаний, которые даст ваш высокопочтенный совет для исправления этого. А ваши бедные подданные будут вам, как они были и до сих пор, глубоко обязаны, и будут непрестанно молиться за долголетие вашего высокопочтенного высочества.

Ответ Джона Памера эсквайра на челобитную Джона Буна, Томаса Юнга, Томаса Холла, Джона Юнга, Роберта Бенетта и Джона Атфильда.

Вышеназванный Джон Памер заявил, что эта челобитная неверна, неправильна и юридически несостоятельна, и на нее не стоит отвечать; она содержит много пустых, лишних, лукавых и подлых утверждений, и все, что в ней содержится, представляет выдумки, изобретения и лживое воображение жалобщиков, и целью их злобных утверждений является только подвергнуть ответчика несправедливым притеснениям, тратам и убыткам; к тому же содержащиеся в челобитной жалобы могут быть разобраны в суде общего права, [23] а не в этой почтенной палате; и он ходатайствует о перенесении дела в суд общего права. Однако... если эта почтенная палата принуждает ответчика дать дальнейший ответ на вышеназванную неправильную челобитную, то ответчик для установления истины в виде дальнейшего ответа заявляет следующее: что касается всех мятежей, буйств, насилий, нападений, насильственных захватов и прочих преступлений против мира нашего суверена и господина, короля, в которых обвиняется ответчик, то он заявляет, что ни в чем этом и ни в какой части этого он никоим образом не виновен. Что же касается остальных обвинений, содержащихся в челобитной, то ответчик дал следующие разъяснения. Прежняя аббатисса уничтоженного и упраздненного монастыря или аббатства Сион в графстве Миддльсекс [24] владела, как доменом и феодом, по праву монастыря или аббатства Сион, манором Зккльсден, поименованным в вышеупомянутой челобитной, и пустошью, в которой считается сорок акров или больше, лежащей в Уестангмеринге в графстве Сессекс и представляющей часть манора Экклъсден. И ответчик далее утверждает, что он владеет, как доменом и феодом, манором Уестангмеринг в вышеназванном Уестангмеринге и двумя ярдлендами [25] и половиной гайды [26] земли в Уестангмеринге; и он, и все, чьи держания лежали в маноре ответчика, Уестангмеринге, или в упомянутых двух ярдлендах и полугайде земли, пользовались с незапа-

мятных времен правами общего выпаса для всякого скота, какой можно выгонять на общинное пастбище, на вышеупомянутой пустоши, как на угодьи, принадлежащем манору Уестангмерингу; и все другие держатели по обычаю и копигольдеры манора Экклсден, державшие какие-либо земли и держания в Уестангмеринге по копии протокола курии манора Экклсден, с незапамятных времен пользовались следующим правом: в каждом ярдленде, державшемся, как копигольд, считалось 20 акров; если у кого-либо из копигольдеров не хватало в его ярдленде нескольких акров до 20, то он получал столько акров пустоши, сколько не хватало в его ярдленде до 20 акров. И ответчик также заявляет, что он владел по копии протокола манориальной курии различными землями и держаниями... в Уестангмеринге, и другими землями и держаниями, которые также были держаниями по обычаю, расположенными в Уестангмеринге, и он держал их также по копии протокола курии манора Экклсден, согласно обычаю данного манора. И в силу владения этими землями, представляющими, как было сказано, копигольд, ответчик и все прочие копигольдеры с незапамятных времен имели по праву такое количество акров на вышеупомянутой пустоши, какого им не хватало в каждом из их ярдлендов, которые они держали по копии, как было выше сказано, и, кроме того, в силу владения копигольдами они имели право общинного выпаса на той же пустоши. Поэтому ответчик пользовался на этой пустоши правами общинного выпаса для своего скота, какой можно пасти на общинном выгоне, как для своих земель, которые он держал, как копигольд в Уестангмеринге, так и для тех, которые он держал там, как фригольд, на что он имел законное право. И ответчик утверждает, что около 10 или 12 лет тому назад по разным причинам произошло взаимное соглашение между челобитчиками и ответчиком и другими копигольдерами манора Экклсден; в силу того, что ответчик владел, как феодом, манором Уестангмерингом и двумя ярдлендами и полугайдой в Уестангмеринге и разными копигольдами в том же Уестангмеринге, которые он держал, как выше было описано, от манора Экклсден, у него было право выгонять большое количество скота на общинное пастбище на вышеупомянутой пустоши; взамен этих общинных прав ответчик должен получить в наследственное владение специально выделенную часть этой пустоши, а все прочие копигольдеры манора Экклсден в силу прав, связанных с владением землями в Уестангмеринге, получают остальную часть пустоши, отдельно от ответчика, и могут пользоваться ею, как общинным пастбищем, для себя. Затем, для выполнения этого соглашения был произведен раздел этой пустоши по общему и взаимному соглашению челобитчиков и прочих держателей по обычаю и копигольдеров манора Экклсден и ответчика; и на основании этого раздела одна часть пустоши была выделена, отведена и назначена ответчику и его наследникам в вознаграждение за его общинные права. А остальная часть пустоши была выделена, отведена и назначена копигольдерам и держателям по обычаю манора Экклсден. И чтобы отвечик не захватывал тех частей пустыши, которые были по соглашению отведены для других держателей по обычаю, и не производил на них потрав своим ско-

том, а также чтобы эти копигольдеры и держатели по обычаю не производили потрав своим скотом на отведенной ему по соглашению части пустоши, ответчик на свой счет с большими затратами огородил ту часть пустоши, которая была ему выделена и отведена по соглашению. Отведенная ему часть пустоши содержала около 4 акров или более; и на этих четырех акрах или на части их и на других своих землях ответчик устроил пруды, сажалки и проточные канавы на свой счет с большими издержками и на пользу скоту челобитчиков и других держателей, живущих в деревнях Истангмеринг и Уестангмеринг и в других соседних приходах. И далее ответчик утверждает, что после этого соглашения манор Экклсден со всеми угодьями перешел в руки и во владение королевского величества по причине упразднения монастыря Сиона. В силу этого наш суверен и господин король получил во владение данный манор Экклсден, как феод, и наш суверен и господин, имея такие права на этот манор, по различным мотивам своим патентом дал и пожаловал ответчику и его наследникам в числе прочего этот манор Экклсден со всеми угодьями, и это было закреплено законной передаточной записью, которая может быть представлена, если этого пожелает почтенная Палата. В силу этого ответчик вступил во владение манором Экклсден с угодьями и владеет им, как доменом и феодом. И прошло около года с того времени, как состоялось пожалование данного манора Экклсден королем ответчику, и ответчик владел этим манором; и состоялось дальнейшее единодушное соглашение между ответчиком и челобитчиками и другими копигольдерами манора Экклсден, согласно которому ответчик получает те коттеджи и некоторые отдельные участки земли, которыми они владели по воле лорда манора Экклсден согласно обычаю манора; эти участки лежали в одном поле, называемом Западным полем в приходе Уестангмеринг; в виде вознаграждения и удовлетворения за это названные выше держатели по обычаю должны были получить другие земли и держания в Истангмеринге и Уестангмеринге, поближе к морю, для лучшей защиты этих мест; эти земли и держания были потом ответчиком назначены и отведены челобитчикам и другим держателям по обычаю манора Экклсден; и с этим назначением челобитчики и держатели по обычаю манора Экклсден согласились, и вследствие этого вступили во владение землями, отведенными для них ответчиком согласно последнему уговору. Подобным же образом и ответчик в силу этого последнего уговора и в согласии с его смыслом вступил во владение различными отдельными участками земли, лежавшими в вышеназванном Западном поле, и ныне владеет ими по праву. И челобитчики, и другие держатели по обычаю манора Экклсден, в течение всего времени, истекшего со времени последнего соглашения, без препятствий со стороны ответчика удобряли и занимали и теперь занимают, засевают и удобряют земли, назначенные и отведенные им последним соглашением, заключенным между ними и ответчиком, в виде вознаграждения за их коттеджи и отдельные участки земли. И далее ответчик утверждает, что все эти челобитчики и другие держатели по обычаю, кроме Бенетта, одного из челобитчиков, до настоящего дня занимают коттеджи ответчика, данные ими ему в обмен на другие

землю своими волами и плугами, а также возить в его двор лес, дрова и камень, не давая им за это ни еды, ни питья, ни денег. А если они отказываются, он угрожает им, что и их повесит, изобьет, искалечит... И сэр Джон постоянно берет их коней и кобыл и работает на них, как на своих, без всякого разрешения. А когда эти кони и кобылы уже не могут больше работать, он отсылает их назад вашим подданным, и большая часть этих лошадей потом околевают или делаются навсегда неспособными ни к какой работе. Далее, этот сэр Джон держит оленей в своем парке, о котором упоминалось выше, и умышленно позволяет этим оленям все дни и ночи пастись в хлебах и на лугах ваших челобитчиков, и ваши челобитчики из страха за свою жизнь не осмеливаются их согнать. А если они спускают собак на этих оленей, чтобы отогнать их, то сэр Джон и его слуги убивают этих собак, так что ваши челобитчики не могут держать у себя собак, чтобы выгонять всякого рода скот из своих хлебов...

Ответ сэра Джона Роднея, рыцаря, на челобитную, принесенную на него Ричардом, Уильямом, Джоном Веббом и разными другими лицами из деревень Сток и Дрейкот в графстве Сомерсет.

Сэр Джон заявляет, что эта челобитная слишком несостоятельна и недостоверна, чтобы на нее отвечать, и содержащиеся в ней жалобы могли бы быть разрешены судом общего права, куда он и просит перенести дело, взыскав в его пользу протори и убытки за несправедливо причиненные ему хлопоты... Сэр Джон заявляет, что до того времени, когда было произведено огораживание,... он владел и теперь владеет манором Сток,... как доменом и феодом, и многие из челобитчиков были держателями сэра Джона на срок жизни по копии протокола курии и по обычаю этого манора, а некоторые были держателями на жизнь по грамоте, а некоторые занимали свои земли по снисхождению и по соизволению, по воле сэра Джона, не имея ни копии, ни грамоты, а некоторые из челобитчиков не были ни держателями, ни жителями каких-либо земель в манорах Сток и Дрейкот, и такие лица приняли участие в жалобе только по злобе, без всякой причины и всякого основания. А что касается тех, кто держит землю на жизнь по копии, грамоте или по соизволению сэра Джона, то сэр Джон утверждает, что по общему праву они не должны и не могут требовать для себя прав на общинный выпас от сэра Джона, владельца манора, в котором они держатели; а если даже и предполагать, что они могут требовать для себя таких прав (в действительности это не так), то и в таком случае, как утверждает сэр Джон, он, как лорд и владелец манора и земель, где они требуют себе общинных прав, имеет законное право огородить для себя свою собственную землю, оставив достаточный общий выгон для держателей. Далее, сэр Джон говорит, что он огородил другой участок в этом маноре, называемый Олдерс, и он имел на это законное право; этот участок не принадлежит к земле, называемой Стокмур. И челобитчики вместе с другими мятежными людьми, числом до 120 и более, насильственно и злоумышленно сломали эту изгородь и выдернули колья, поставленные сэром Джоном для огораживания,... и сожгли их; а сэр Джон не огораживал болота,

называемого Стокмур, как его обвиняет челобитная. И далее сэр Джон Родней утверждает, что он позволял своим держателям пользоваться правами общинного выпаса на этом болоте, как это велось и прежде, но только по своей воле и соизволению, а не по их праву; притом в земле, называемой Стокмур, имеется больше пастбищ, чем могут занять эти держатели; а держатели и жители Дрейкота, а равно держатели леди Лесли или лорда Сент-Джона, не имеют никаких прав на общинный выпас на болоте Стокмур... А в ответ на обвинение, что он сгородил 200 акров земли в Мендипе, где челобитчики якобы имеют права на общинный выпас, сэр Джон заявляет, что он собирался огородить около 40 акров и оставить неогороженного пастбища больше, чем его держатели могли занять; и, приступая к этому огораживанию, он выстроил небольшую стену, но не огородил целиком никакого участка земли, и вовсе не собирался огородить двести акров пустоши, как уверяет челобитная. А что касается третьего пункта, обвиняющего сэра Джона в том, что он перегородил общественную дорогу к болоту, называемую Стокмур, то сэр Джон разъяснил, что он и его предки позволяли держателям пользоваться разными дорогами к этому болоту; и одна из этих дорог шла через внешний двор сэра Джона, и, так как от этого проистекали неудобства, он прекратил это и имел на это законное право, и позволил им пользоваться другой дорогой, столь же для них удобной, как и та, так что они не потерпели никакого ущерба, и вся их жалоба основана только на злобе. Что касается пункта 4, где его обвиняют в том, что он захватил дом Джона Дженинса и Мод Дженинс, то сэр Джон заявляет, что эта Мод владеет двумя усадьбами в Стоке с несколькими акрами земли на срок жизни, а после ее смерти они должны перейти к Джону Дженинсу на срок его жизни; и они обязаны поддерживать и починять эти усадьбы. Она жила в одной из них, а другую не занимала, и оставила ее пустовать, и не извлекала из нее никакой выгоды, вследствие чего она пришла в упадок; и, чтобы избавить Мод от ремонта этой усадьбы, было решено, с согласия сэра Джона, Джона Дженинса и Мод, и по просьбе Джона Дженинса и Мод, чтобы сэр Джон сломал этот дом и присоединил усадебную землю к своему плодовому саду; и сэр Джон прибавляет, что Мод и теперь занимает и прежде занимала всю землю, принадлежавшую к обоим держаниям [усадьбам], так что она скорее выиграла, чем проиграла. В этом же пункте содержится обвинение, будто сэр Джон огородил дом или держание Джен Брок и отнял его; на это сэр Джон заявляет, что он не виноват ни в огораживании, ни в отнятии этого дома; он говорит, что эта Джен Брок живет в Дрейкоте и держит дом, находящийся в Стоке, от сэра Джона по копии манориальной курии; а обычай манора таков, что никто из держателей не имеет права заводить своих держателей второй руки (undertenants) без разрешения лорда под страхом отобрания держания. А она сдала свое держание в Стоке другому лицу без разрешения и в нарушение обычая; в силу этого сэр Джон взял в свои руки небольшой пустой дом, составлявший часть этого держания, и имел на это законное право; при этом он разрешил Джен оставить себе остальную часть держания со всеми угодьями, хотя и имел законное право все это отобрать, если бы захотел. В пятом

пункте сэр Джон обвиняется, что он производил подчистки в документах своих держателей. На это сэр Джон заявляет, что он никогда не делал подчисток в документах своих держателей, и в виду того, что этот пункт имеет характер клеветнический и неопределенный, то сэр Джон просит, чтобы челобитчиков заставили назвать имена тех лиц, чьи документы по их предположению были подчищены, и тогда он даст более точный ответ. В шестом пункте сэр Джон обвиняется в том, что он взял допускную плату с Джона Вебба и отказывается приложить печать к его документу. Сэр Джон заявляет, что он получил от этого держателя какую-то допускную плату, но это было давно, и он не помнит точно, сколько он получил; равным образом он не знает, получила ли его жена какие-либо деньги от этого Вебба; но, во всяком случае, после уплаты допускных денег сэр Джон не чинил никаких препятствий Джону Веббу ко владению его держанием; и так как разные судебные учреждения объявляли во всеобщее сведение, что все, уплатившие деньги за свои держания, должны составить документы согласно своему договору и обычаям судебного учреждения, и к этим документам должна быть приложена печать, то сэр Джон был готов приложить печать к документу согласно заключенному условию; но в последнее время Джон Вебб и другие мятежные лица, в нарушение королевского мира и обычаев манора, мятежно собрались и подвергли сэра Джона большой опасности, как подробно изъяснено в жалобе, поданной в эту палату сэром Джоном на Джона Вебба и других. А если ваши милости рассудят, чтобы держание было закреплено за Джоном Веббом, несмотря на его злоумышление против сэра Джона, то последний готов поступить так, как рассудит эта Палата. В седьмом пункте сэра Джона обвиняли в том, что он взял с Уильяма Кечина допускную плату за держание, которое должны были получить Джон Кечин и жена его Изабелла. Сэр Джон разъясняет, что за сумму, упомянутую в этом пункте в челобитной, он сторговался отдать данное держание Уильяму на срок его жизни; и в силу этой сделки Уильям занимал данное держание в течение своей жизни без всяких помех со стороны сэра Джона; но никакой сделки с Уильямом в пользу Джона и Изабеллы заключено не было. В восьмом пункте сэр Джон обвиняется в том, что он заставляет своих держателей пахать его землю и исполнять для него другие работы. Сэр Джон разъясняет, что, насколько ему известно, в давние времена его держатели по своему расположению и добровольно помогали ему своими плугами, а равным образом и он помогал им в их работах своими плугами по старинному обычаю; далее он утверждает, что в тех случаях, когда держатели помогали ему, они получали приличную еду и питье, и, насколько ему известно, они были вполне довольны; и сэр Джон никогда не заставлял их угрозами или иным путем пахать его землю или выполнять для него какую-либо работу Что касается девятого пункта, где сэр Джон обвиняется в том, что он пользуется конями и кобылами своих держателей, то он разъясняет, что, поскольку он помнит, он никогда не пользовался конями или кобылами своих держателей без их на то доброй воли; и далее он говорит, что если кони или кобылы получали повреждения на его работе, то он всегда вознаграждал потерпевшую сторону, и он

просит, чтобы были точно выяснены потерпевшие лица и их жалобы, и тогда он даст прямые ответы. Десятый пункт обвиняет сэра Джона в том, что он своими оленями портит хлеба своих держателей и убивает их собак. Сэр Джон заявил, что иногда олени вырывались из парка и, насколько ему известно, причиняли незначительный вред хлебам его держателей; во всяком случае сэр Джон часто говорил держателям, чтобы они заявляли в манориальной курии, какой вред им причинили олени, и он всегда готов дать им справедливое вознаграждение. А что касается собак, то, по его словам, он приказал своим держателям привязывать собак, так как они разгоняли его оленей и дичь, а держатели не желали этого делать. Поэтому возможно, что кто-нибудь из слуг неосторожным ударом убил какую-нибудь собаку, в то время как она пугала оленей и дичь...

Жалоба Джона Роднея, рыцаря, на Джона Вебба и других держателей.

Королю, нашему суверену и господину. Всенижайше показывает вашему высочеству ваш верноподданный слуга Джон Родней, рыцарь, что некие Джон Вебб, Джон Гардвик, Ричард Чик, Уильям Гиффуис, Джон Дженс, Джон Дильтинг и Уильям Кэд, крестьяне из деревни Сток-Родней, иначе называемой Сток-Гиффорд, совместно с другими мятежными и злонамеренными людьми, нарушителями вашего мира, собрались 3 апреля 7-го года вашего благороднейшего царствования, числом до 140, в деревне Сток-Роднее, как бы для восстания, с оружием в руках, т. е. с кольями, палками и другим оружием; и они сломали изгородь, поставленную вокруг западной части леса, принадлежащего сэру Джону и называемого Олдерс, и из мести и злобы, которые они питают к сэру Джону, они изломали большую часть изгороди и потом сожгли. И вот, милосердный господин, когда сэр Джон узнал об их незаконном сборище и мятеже и прочих преступлениях против ваших законов, он, желая успокоить их добром и миром, пришел к ним с двумя слугами, и вежливо предложил им прекратить сожжение изгороди; но, несмотря на это, они осыпали сэра Джона злобными словами, и Джон Вебб острыми вилами два раза ударил сэра Джона, имея намерение убить его, но другой злодей, Ричард Чик, отклонил последний удар со словами: «Не надо его убивать, ведь он наш господин». Тогда сэр Джон, увидев их намерение убить его, ушел, предоставив им сжигать изгородь. Этот мятеж, незаконное сборище, восстание и прочие преступления могут стать дерзким, гибельным и злым примером для других людей в вашем королевстве и придать другим держателям смелости устраивать восстания против своих господ и ставить их ни во что, и не уважать ни вашего величества, ни ваших законов...

8. Из описи манора Юверн (1553 г.).

[E. H. Tawney and E. Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 55—60.]

Опись манора Юверн в графстве Дорсет, составленная 4 сентября в 1-м году царствования [королевы Марии].

Описание манора.

Манор Юверн лежит в графстве Дорсет,[29] в местности, весьма удобной и обильной лесом, водой, хлебом, пастбищами и лугами; в окружности он имеет не более трех миль, и прежде лежал в общинных полях, неогороженным, до 1548 г.,[30] как показывают некоторые из старых держателей. Держатели-обычники были так мелки, и им принадлежало так мало земли, что они не могли платить лорду ренты, но половина их ушла в город и возвратила лорду свои копии; остальные же обратились к лорду с просьбой дать им возможность пользоваться его землей таким образом, чтобы он мог получать достаточную ренту, а они, его держатели, могли бы и свое хозяйство поправить и помогать нуждающимся; и лорд на это согласился... И тогда было выбрано шесть держателей, и с них была взята присяга; они должны были обойти и описать все земли в маноре и определить, сколько земли должно быть отведено каждому бóльшему держанию, и сколько земли должно достаться меньшим держаниям, а также фермерам и коттеджерам. И они это выполнили под присягой, отводя каждому человеку земли в одном месте, чтобы он мог огородить их, и соединили вместе некоторые бóльшие и меньшие держания, отводя одним по два, другим по три, как потом выяснится в записи их копий. И каждый держатель огородил свои земли, так что бóльшая часть манора была огорожена, и каждый держатель и фермер стал занимать свою землю отдельно от других, и так остается до настоящего времени.

Держатели по обычаю.

Все держатели-обычники этого манора держат свои земли по копии протокола манориальной курии на срок своей жизни и жизней одного или двух своих детей, каких они выберут и назначат, но не больше, чем на три жизни. И они обязаны посещать курию лорда каждые три недели, ежели ему угодно будет так часто назначать собрания, и обязаны платить ему различные ренты и исполнять другие повинности...

Разъяснение о бóльших и меньших держаниях.

Чтобы вы могли лучше понимать, что имеется в виду, когда говорят о бóльших и меньших держаниях, вы должны знать, что во время передела манора [о чем говорилось выше], на каждое большее держание отводилось 12 акров земли, и рента лорду определялась в 8 шиллингов, а на каждое меньшее держание отводилось 8 акров земли, и рента лорду определялась в 6 шиллингов 8 пенсов...

Что такое борд-ленд.

Есть некоторые земли, которыми держатели владеют под именем борд-ленд... Как разъяснил один из старых держателей со слов одного из своих предков, который [как он говорил] был одним из шести присяжных, выбранных для передела манора, после того как были произведены раздел и наделение, 17 акров остались неподеленными, и приказчики лорда сдали их разным держателям за плату в 10 пенсов за акр,... и до сих пор держатели продолжают держать эти земли, и природа держания та же, что у обычных земель...

Об общинном выгоне манора Юверн и о пользовании им.

В этом маноре есть также выгон на пустоши, лежащий открыто и не огороженный... Он содержит 80 акров, и все держатели, кроме коттеджеров, имеют право пасти на нем своих коров и лошадей от праздника Филиппа и Якова до праздника Рождества, и овец от праздника Рождества до середины марта...

Каждый держатель, имеющий одно, два или три держания бóльшего размера, может пасти на этом выгоне за каждое держание по 5 коров, 2 лошади и 35 овец в силу держания этих земель, без всяких уплат лорду. Каждый держатель, имеющий два или три держания меньшего размера, может выгонять за каждое держание по 2 коровы, 1 лошади, 12 овец, ничего за это не платя... Священник прихода Юверн в силу владения церковной землей всегда держал на выгоне 8 голов скота и одного быка, ничего за это не платя.

Никто из держателей... не имеет права отчуждать или передавать свое право на выпас кому-либо из чужаков, но только жителям манора Юверн по постановлению курии, как видно из протоколов курии...

9. Акт о поддержании сельского хозяйства и земледелия (1597 — 1598 гг.).

(39 Eliz., c. 2.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, p. 893.]

Сила и процветание этого королевства как в прошлом, так особенно в настоящем, покоились на поддержании землепашества и обработки земли, и благодаря им шли вперед; население росло и множилось [на пользу государству] во время войны и во время мира; здесь же население, главным образом, находило работу и тем избавлялось от праздности, пьянства, незаконных игр и прочего распутства. И благодаря земледелию и сельскому хозяйству большая часть подданных охраняется от крайней бедности и получает достаточные средства для поддержания жизни, и богатство страны расходится и распределяется по большому числу рук, что позволяет ему легче быть готовым к ответу на всякую нужду государства в услугах. И сельское хозяйство, и хлебопашество являются причиной большей самостоятельности этого королевства, его независимости от ввоза зерна из чужих стран в годы неурожая и от продажи и вывоза наших богатств, когда их слишком много. С 27-го года славной памяти короля Генриха VIII до 35-го года благополучного царствования ее величества [31] всегда был в силе какой-нибудь закон, предписывавший известное количество земли в известной пропорции неизменно сохранять под обработкой; но в последнем парламенте, в 35-м году царствования ее величества, отчасти по случаю бывшего в это время в королевстве изобилия и дешевизны зерна, отчасти же вследствие несовершенства и неясности действующего закона, последний был отменен. И с этого времени обезлюдение вследствие обращения пашни под пастбище пошло гораздо скорее, чем когда-либо до этого...

Все те земли, которые были обращены в пастбища для овец или для откармливания скота после 17 ноября 1-го года царствования ее величества, но которые годны для земледелия и были под обработкой в течение двенадцати или более лет под ряд перед обращением их под пастбище [соответственно природе почвы и принятому в данной местности севообороту], — все такие земли к 1 мая будущего 1599 г. должны быть опять обращены под обработку так, чтобы все эти земли целиком, соответственно качеству почвы и принятому в данной местности севообороту, в течение трех ближайших лет были обработаны их владельцами или съемщиками и оставались в таком виде навсегда.

Все земли, находящиеся под обработкой в настоящее время, не должны обращаться своими владельцами и съемщиками под пастбища для овец или для откармливания скота, если эти земли годны для земледелия и обрабатывались двенадцать или более лет под ряд к первому дню настоящего парламента, соответственно качеству почвы и принятому в данной местности севообороту; но такие земли должны попрежнему обрабатываться под зерно или хлеб, но не под вайду

... Если какое-нибудь лицо или юридическое лицо, или корпорация нарушит предписания этого акта, то каждое такое лицо или юридическое лицо, или корпорация, должно будет уплатить за каждый акр, на котором обработка не восстановлена или не продолжается, по 20 шиллингов за каждый год за все время нарушения закона...

10. Требования крестьян, восставших под предводительством Кета (1549 г.). [32]

[Russel, Ketts Rebellion in Norfolk, pp. 48—56.]

Мы просим вашу милость, чтобы законы, изданные против огораживаний, не были направлены против тех, кто огородил земли для возделывания шафрана, так как такие земли требуют больших расходов; но чтобы впредь никто не смел огораживать.

Мы удостоверяем перед вашей милостью, что лорды маноров, обязанные уплачивать известные свободные ренты, изыскивают средства переложить уплату этих рент на [своих] фригольдеров, противно праву.

Мы просим вашу милость, чтобы лорды маноров не имели участия в выпасе на общинных пастбищах.

Мы просим, чтобы духовные лица впредь не покупали земель ни свободных, ни крепостных, а те земли, которые они приобрели после 1-го года царствования Генриха VII, были бы сданы светским лицам.

Мы просим, чтобы земли, на которых растет тростник, и луга сдавались по тем же ценам, что и в 1-й год царствования Генриха VII.

Мы просим, чтобы все болота, которые держатся от короля за свободную ренту или иначе, были опять по той же цене, что и в первый год царствования Генриха VII.

Мы просим, чтобы все бушели в вашем королевстве были одинаковой меры, т. е. в 8 галлонов. [33]

Мы просим, чтобы были удалены с бенефициев все [священники] или викарии, [неспособные] проповедовать и возвещать прихожанам слово божие, и чтобы прихожане или патрон, или лорд деревни выбрали других.

Мы просим, чтобы взносы на охрану замка, blanch farm и office lands, [34] не собирались, как это вошло в обычай, с держателей. Мы полагаем, что их должны платить лорды своим бэлифам за собирание рент, а не держатели.

Мы просим, чтобы никто ниже ранга рыцаря или сквайра [35] не имел права держать голубятню, если это право не было предоставлено ему старинным и древним обычаем.

Мы просим, чтобы все фригольдеры и копигольдеры извлекали выгоды из общинных угодий и пасли там скот, а лорды чтобы не пасли там скота и не извлекали оттуда выгод.

Мы просим, чтобы феодарии [36] в ваших графствах, пока они находятся в должности, не могли выступать в качестве чьих-либо советников, чтобы служба королю выполнялась добросовестно; [мы просим], чтобы на эту должность ежегодно избирался общинами графства добросовестный человек.

Мы просим вашу милость взять все права на манориальные суды в свои руки, чтобы все могли спокойно пользоваться общинными угодьями и всеми [связанными с ними] выгодами.

Мы просим, чтобы копигольдерские земли, чрезмерно обложенные рентами, шли так же, как и в 1-й год царствования Генриха VII, и чтобы по смерти держателя или при продаже эти земли облагались легкой пошлиной, напр., каплуном или умеренной суммой денег, только для того, чтобы не забывалось, [что данная земля — копигольд].

Мы просим, чтобы священники не могли быть капелланами и вообще не состояли на службе у влиятельных особ, но жили на своих бенефициях, чтобы прихожане могли быть научены закону божию.

Мы просим, чтобы все крепостные были сделаны свободными, ибо бог освободил всех, пролив свою драгоценную кровь.

Мы просим, чтобы реки были свободны и предоставлены в общее пользование для рыбной ловли и проезда.

Мы просим, чтобы ваши исчиторы (escheators) [37] или феодарии допускали к должностям только лиц, имеющих непосредственно от короля держание с доходом не менее 40 фунтов в год.

Мы просим, чтобы бедным морякам и рыбакам была предоставлена полностью прибыль от ловли дельфинов, касаток, китов и всяких больших рыб, и пусть это не будет к ущербу [интересам] вашей милости.

Мы просим, чтобы каждый обеспеченный [приходскими доходами] священник или викарий, имеющий бенефиций с доходом в 15 фунтов в год или более, был обязан лично, или пригласив учителя, учить детей бедных прихожан книгам, называемым катехизис и молитвенник.

Мы просим, чтобы не разрешалось лордам маноров приобретать землю в фригольд и пересдавать ее по копии протокола манориальной курии, к своему великому обогащению и разорению ваших бедных подданных.

Мы просим, чтобы священник или викарий, обеспеченный приходскими доходами, получал взамен всяких собираемых ныне десятин только 8 пенсов с каждого нобля [38] в полную отмену всякой иной десятины, во избежание ежедневно возникающих споров и тяжб между ними и их бедными прихожанами.

Мы просим, чтобы никто рангом ниже [рыцаря или сквайра] не держал кроликов на своем фригольде или копигольде; или же их следует держать в загородке, так, чтобы они не могли причинять вреда обществу.

Мы просим, чтобы никому, какого бы звания он ни был, впредь не разрешалось продавать право опеки над несовершеннолетним; и если этот несовершеннолетний достигнет полного возраста, он должен иметь полную свободу выбора в деле брака. Исключение допускается лишь для королевских опек.

Мы просим, чтобы никто, имея свой манор, не управлял в то же время имением другого лорда, а только своим.

Мы просим, чтобы никакой лорд, рыцарь или джентльмен не брал в аренду права назначать на церковные должности.

Мы просим вашу милость разрешить и приказать своей милостивой грамотой за большой печатью, чтобы выбранные вашим бедным народом комиссары, или те из них, кого ваше величество и ваш совет сочтет подходящим и назначит, восстановили и привели в действие все те хорошие законы, статуты, прокламации и другие ваши мероприятия, которые были скрыты вашими мировыми судьями, [39] шерифами, исчиторами (escheators) и другими вашими чиновниками от вашего бедного народа, начиная с 1-го года царствования Генриха VII.

Мы просим, чтобы ваши чиновники, провинившиеся перед вашей милостью и обижавшие ваш народ и уличенные в этом жалобой вашего бедного народа, уплатили всем этим бедным людям, здесь собравшимся, по 4 пенса за каждый проведенный здесь день.

Мы просим, чтобы лорды, рыцари, сквайры и джентльмены не откармливали и не разводили крупного скота и овец иначе, как для надобностей своего дома, если они получают со своих земель не менее 40 фунтов чистого дохода.

Роберт Кет.

Томас Олдрич. *Томас Код.*

11. Кроули [40] о причинах восстания Кета (1550 г.).

[R. H. Tawney and E. Power, Tudor Economic Documents, vol. III, pp. 57—60.]

Надо докопаться до причин мятежа. Если бы я спросил деревенского бедняка, что, по его мнению, было причиной мятежа, я заранее знаю его ответ. Он сказал бы: «Это крупные фермеры, скотоводы, богатые мясники, законники, купцы, джентльмены, рыцари, лорды, уж я не знаю еще кто, — люди, которым нет названия, ибо они трутни во всем, что приносит хоть какую-нибудь выгоду. Люди без совести, забывшие страх божий, живущие так, как будто нет бога! Люди, желающие захватить все в свои руки, люди, которые ничего не хотят

оставить другим, люди, которые хотели бы жить одни на земле, люди, которые никогда ничем не удовлетворятся. Жадные и ненасытные обжоры, которые хотели бы пожрать мужчин, женщин и детей, — вот кто является причиной мятежа! Они захватывают наши дома, скупают наши земли, поднимают нашу арендную плату, несправедливо взимают большие взносы и огораживают наши общинные земли. Ни обычай, ни закон или статут не могут удержать их от того, чтобы не угнетать нас до такой степени, что мы не знаем куда деваться, чтобы жить. Поэтому нужда заставляет нас подняться против них. В деревне мы не можем жить иначе, как их рабами, и должны работать до тех пор, пока наши сердца не разорвутся, и они потом воспользуются всем. А если мы пойдем в город, то и там нет для нас надежды, ибо мы слышали, что эти ненасытные звери захватили там все в свои руки. Одни купили, другие арендовали целые ряды домов, доходы с недвижимости, целые переулки, даже целые улицы, так что они взимают плату в 2, 3 и даже 4 раза больше, чем она была за последние 12 лет. Да, нет даже самой маленькой усадьбы, свободной от них. Нет поэтому других средств, как только с боя уничтожить все это, иначе нас обратят в такое же рабство, в каком находятся и французы. Эти ленивые утробы хотят пожрать все, что мы добываем тяжелым трудом в молодые годы, а когда мы станем стары и немощны, они выгонят нас просить и вымаливать милостыню, а они не дадут нам даже крох, падающих с их стола. Вот каково их сострадание к нам! Лучше поэтому было бы умереть нам, как мужчинам, чем после жалкой жизни в молодости умереть еще более жалким образом в старости»... Теперь, если бы я спросил этих ненасытных обжор, что, по их мнению, было причиной мятежа, они ответили бы мне: «Мошенники-крестьяне слишком богаты, они бесятся с жиру. Они не знают, чего им нужно, забывают всякое повиновение, презирают законы, нехотят иметь господ и желают сделать всех людей подобными себе, а все вещи общим достоянием! Они не хотят нас признавать господами того, что нам же принадлежит! Хотят указывать нам, какую ренту нам брать за наши земли! Мы не можем воспользоваться своею собственностью как можно лучше! Шутники! Они хотят снести наши парки, а наши пастбища сделать открытыми! Они хотят захватить закон в свои руки! Они хотят разыгрывать королей! Они хотят принудить короля исполнить их требования! Но если им понравилось, как их угостили завтраком прошлым летом, то пусть они попробуют еще раз. Их как следует призвали к ответу и призовут еще лучше, если они не успокоятся. Мы им покажем, что для них лучше. А так как они хотят сделать все общим достоянием, то мы им ничего не оставим, а если они хоть раз попробуют возмутиться или поднять мятеж, то мы повесим их на их же собственных косяках! Допустим ли мы, чтобы вилланы осуждали наши поступки? Нет, мы будем господами своего имущества и будем пользоваться им, как нам заблагорассудится!» О, добрые господа, что мне вам сказать? Вы, для которых нет имени, у кого так много дел и занятий, что даже нельзя подобрать вам подходящего имени! Вы неблагородные джентльмены (ungentle gentlemen)! Вы, скряги, трусы, слушайте! Позвольте мне ответить за бедных дураков,

над которыми вы так торжествуете. Прошу вас об одном: не подумайте, что я хочу потворствовать их злодеяниям; бог свидетель, я так же ненавижу их преступления, как и ваши. Дайте только сказать вам о ваших проступках так же свободно, как я сказал им об их проступках. Но поскольку вы сильны, а они слабы, я отнесусь к вашим недостаткам более строго, чем к их, поэтому я попрошу вас терпеливо меня выслушать. Пусть бедные люди, которых вы называете мошенниками-крестьянами, заслужили еще больше, чем вы положили на них. И если бы каждый из них мог выдержать и выдержал бы такое наказание, какое они все способны выдержать, то и в таком случае было бы недостаточно бед, которых они заслужили. Но все же, если бы их преступления положить на одни весы с вашими (как это и есть, без сомнения, перед лицом божиим), то скорее вы должны стыдиться за себя. В том, что вы вменяете им в вину, не берут ли они примера с вас? Если вы обвиняете их в неповиновении, то вы первые ослушники. Не имея поддержки ни в каком законе, даже в нарушение закона, воспрещающего всякое угнетение и насилие, и, что важнее всего, в противоречие с совестью, основой всех законов, вы огораживаете у бедных их общинные земли, взимаете с них бо̀льшие допускные взносы, чем взимались раньше; лишаете их тех до известной степени наследственных прав, которые принадлежат им по обычаю, а также повышаете их ренты. Ведь когда это было воспрещено законом, вы не переставали находить пути принудить своих держателей согласиться на ваше намерение произвести огораживание, или находили таких покровителей, что никто не осмеливался порицать ваши действия под страхом немилости. А какое послушание выказали вы, когда были выпущены королевские прокламации и высланы комиссии для снятия ваших изгородей, — вы все же до сих пор не перестали огораживать? А какое повиновение выказали вы, когда высокопочтенный королевский совет, видя недовольство в народе, выпустил вторую прокламацию по поводу вашего нерадения или, вернее, пренебрежения, в силу которого вы не сняли изгородей в тех случаях, когда это противоречило добрым статутам парламента? Ваши поступки показали, что у вас нет ни повиновения своему государю и его законам, ни любви к своей родине. Ибо, если бы вы повиновались, — вы немедленно выполнили бы все законы самым тщательным образом. А если бы вы любили свою родину, разве вы не воспрепятствовали бы тому великому разорению, причиной которому ваша ненасытная алчность? Конечно, вы не правители в своей стране, но все же вы можете предвидеть, что может последовать за таким угнетением, особенно в королевстве, где до сих пор был такой славный и сильный народ. Но пусть даже вы были тупы, как животные, разве мало было таких людей, которые твердили вам об этом устно или письменно? Да, вам говорили об этом; гнев божий был ясно вам показан, и в этом вы должны видеть возмездие божие, висящее над вашими головами, за отсутствие у вас милосердия... Хорошо, я не буду больше утомлять вас перечислением ваших преступлений, а то вы еще рассердитесь. Но вот что я должен сказать: за ваше непомерное угнетение [народа] вы не только не будете господами, но и не будете владеть своим имуществом за то, что позволили

себе жить трудом своих держателей. И не думайте благоденствовать в своей ненасытной алчности, несмотря на то, что вы так гордо торжествуете над бедными рабами, которые соблазнились тщетной надеждой на победу, обещанную им благочестивыми предсказаниями, и сильно оскорбили бога восстанием своим. Но чем больше их вина, тем сильнее будет для вас наказание, когда наступит для него время, ибо вы были единственной причиной их преступления. И если тому, кто соблазнит единого из малых сих, лучше было бы надеть жернов на шею его и ввергнуть в пучину морскую, то чего же достойны вы, введя в смертный грех и преступление перед богом столько людей, так что они нарушили весь порядок в стране, с великой опасностью для жизни нашего юного помазанника? Ведь вы были бы ответственны за его кровь, если бы она пролилась, так же как вы будете отвечать за кровь всех тех, кто погиб.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Т. е. акт 4-го года царствования Генриха VII, глава IX. Генрих VII взошел на престол в 1485 г.

[2] Патронат (по-английски advowson) — право представлять кандидата на место приходского священника; это право обычно принадлежало лордам маноров, которые и являлись патронами данных церквей. Нередко оно отчуждалось ими, чаще всего в пользу монастырей (так называемая «аппроприация» приходских церквей монастырями).

[3] В Англии в XVI в. в аграрных отношениях господствовало феодальное право, сохранившееся во многих своих чертах и до настоящего времени. Всякое владение было держанием от другого лица, которое по отношению к держателю было лордом. В последнем счете все земли держались от короля. Главными видами держания в XVI в. были фригольд, свободное держание, приближающееся к праву собственности, и копигольд, или выросшее из крепостного держания, держание по обычию манора и по копии протокола манориальной курии. О копигольде подробно в книге Савина, Английская деревня. Значение данного предложения — получение доходов с этих земель — не дает права заявлять права собственности на эти земли, это право остается у прежнего собственника (фригольдера).

[4] Комиссии 1517 г. были назначены по инициативе всесильного королевского советника кардинала Вульси (Wolsey), чтобы провести в жизнь предписания акта 1515 г. Отчеты комиссий дают весьма точную картину огораживаний и смещения населения к 1517 г. Частью они изданы Лидамом (Leadam, The Domesday of Inclosures, 1897). На основании этих отчетов был начат ряд судебных преследований против нарушителей акта 1515 г.

[5] Центральные графства. Подобные же комиссии были направлены еще в 30 графств Англии (кроме самых северных).

[6] Привилегированные территории, изъятые из общего управления графств и не подчиненные шерифам.

[7] Шерифы — главные королевские чиновники в графствах.

[8] Большой Мальвернский монастырь — бенедиктинское приорство средней руки в графстве Вустершир (запад Англии). Его доходы в 1535 г. (по правительственной описи) составляли 450 слишком фунтов в год.

[9] «Seisitus in dominico suo ut de feodo» — обычная юридическая формула для обозначения наследственного фригольда (см. прим. 3). «Феод»—наследственный фригольд.

[10] Shyttyngton, теперь Shuttington, деревня в графстве Уорвикшир.

[11] Приорство Олькот (Alcot) в Уорвикшире было подчинено Большому Мальвернскому монастырю, представляло его отделение, или «келью», как тогда говорили. Олькот одно из мелких приорств, его доходы в 1535 г. составляли всего $34^1/_2$ фунта в год.

[12] Генрих VIII вступил на престол в 1509 г.

[13] Деревня в графстве Уорвикшир.

[14] О допускных платежах см. Савин, Английская деревня в эпоху Тюдоров, стр. 143 и 154—156.

Стон (stone) — мера веса. Варьировала в разное время и в разных местах. Теперь 14 фунтов.

[16] Indenture — грамота, писавшаяся в двух экземплярах на одном куске пергамента и разрезавшаяся по зубчатой (indentata) линии. Для установления подлинности оба представленные в суд экземпляра складывали по линии разреза. Держания по грамоте — держания общего права (находящие юридическую охрану в обычных королевских судах), т. е. фригольд, или аренда общего права.

[17] Т. е. копигольд.

[18] Сион — самый богатый женский монастырь в Англии (в Лондоне). Его доходы, по правительственной оценке 1535 г., составляли около 2 000 фунтов в год.

[19] Звездная Палата и охрана ею копигольдеров — см. Савин, Английская деревня в эпоху Тюдоров, стр. 224 и след., 276 и след., 293 и след.

[20] Приморское графство на юго-востоке Англии.

[21] Копии протокола манориальной курии, по которым держали землю копигольдеры.

[22] Sub poena — приказ, предписывавший в течение 8 дней явиться в суд под страхом наказания.

[23] Звездная Палата была судом «справедливости» (equity) в отличие от обычных королевских судов, «судов общего права». Суды справедливости в меньшей мере были связаны юридическими формальностями и прецедентами. Чувствуя за собою юридическую правоту и моральную неправоту, Памер предпочитает, чтобы его дело рассматривалось в суде общего права. О судах общего права и судах справедливости см. Савин, Английская деревня, стр. 224 и след.

[24] Миддльсекс — графство, в котором была расположена большая часть Лондона.

[25] Ярдленд, или по-старинному виргата, типичный крестьянский надел, приблизительно в 30 акров (около 12 десятин).

[26] Гайда — четыре ярдленда.

[27] Сомерсет — графство в юго-западной Англии.

[28] Марка — $^2/_3$ фунта, или 13 шиллингов 4 пенса.

[29] Графство в южной Англии.

[30] Дата явно ошибочна. Несомненно, огораживание произошло много раньше.

[31] Елизавета вступила на престол в 1558 г.

[32] О восстании Кета см. Гранат, К вопросу об обезземелении крестьян в Англии, гл. VII. Там же даны в вольном переводе требования крестьян. Взгляды Граната на восстание требуют внимательной проверки.

[33] Бушель — $^1/_8$ квартера или 1,3 четверика. Галлон — $^1/_8$ бушеля. Размеры бушеля и его отношение к галлону варьировали в разных местах и в разное время.

[34] Рента на охрану замка платилась государству вместо требовавшейся в средние века гарнизонной службы. Blanch farm и office lands — платежи должностным лицам поместья за их службу.

[35] Рыцари (knights, milites) — низший слой титулованного дворянства в Англии; титул был личным и не передавался по наследству. Как правило, в число рыцарей должны были вступать все землевладельцы с чистым доходом не менее 40 фунтов. Сквайр (squire, armiger, оруженосец) — неофициальный титул, присвоявшийся всем более или менее крупным и влиятельным землевладельцам, не имевшим рыцарского титула.

[36] Феодарий — королевский чиновник, заведывавший земельными владениями, находившимися в королевской опеке; в королевскую опеку поступали владения несовершеннолетних держателей короля.

[37] Исчиторы (escheators) — королевские чиновники, заведывавшие земельными владениями умерших держателей короны, пока эти владения не передавались наследникам, или, в случае несовершеннолетия наследников, не поступали в королевскую опеку.

[38] Монета в 6 шиллингов 8 пенсов.

[39] Мировые судьи в графствах назначались королем из числа местных видных землевладельцев и фактически являлись главным судебно-администратинным органом в графствах. Они были главным орудием классовой диктатуры дворянства на местах.

[40] Роберт Кроули (1518 — 1588) — лондонский типограф, автор ряда социально-политических памфлетов, ожесточенный противник нарождающихся капиталистических порядков. Отрывок взят из его памфлета «Way to Wealth» (Путь к богатству), 1550. Впоследствии Кроули стал священником; его нападения на римскую пышность в англиканском богослужении представляют одно из первых проявлений пуританства.

Е. А. КОСМИНСКИЙ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ В АНГЛИИ XVI И XVII ВВ. РАБОЧИЙ КЛАСС И СОЦИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В данном отделе на первом месте даны материалы, характеризующие изменения в организации промышленности под влиянием роста торгового капитала. Сначала показан цех старинного образца (I), связанный с религиозной гильдией. Потом на примере кожевенных цехов Лондона (II) показан процесс «амальгамации» цехов, подчинения и поглощения ремесленных цехов торговыми компаниями. Ряд документов, относящихся к шерстяной промышленности (III — VI), показывает внедрение торгового капитала в эту важнейшую отрасль английской индустрии, зависимость производителя от купца и перестройку всей промышленной организации на основе капиталистической системы работы на дому и мануфактуры; отчетливо выступают переходные типы. Следующая серия (VII — X) иллюстрирует борьбу цехов и старых городов за промышленную монополию, — борьбу, направленную против внецеховой и внегородской промышленности, руководимой торговым капиталом. Здесь необходимо отметить крупную роль вмешательства государства в дела промышленности и определить характер этого вмешательства; чьи интересы представляет государство Тюдоров? Надо помнить, что города и цеха, борющиеся за свои привилегии, мало похожи на старинные демократические организации классической поры цехового строя; это аристократические организации, в значительной мере созданные ростом индустриального капитала. Борьба идет между двумя видами капитала. Отделение производителя от средств производства (как в промышленности, так и в сельском хозяйстве) выражается в создании пролетариата или полупролетариата, живущего всецело или преимущественно на заработную плату, развивающуюся в условиях революции цен; одновременно с этим растет резервная рабочая армия, в условиях эпохи первоначального накопления особенно легко превращаясь в нищих, бродяг и преступников. Попытку государства (какого?) справиться с задачами, выдвинутыми ростом пролетариата, представляет социальное законодательство Тюдоров и Стюартов (XI — XXIII). Здесь дан знаменитый Елизаветинский статут о подмастерьях (XI), показано применение этого статута на практике (XII — XIV). № XV показывает, что уже в шестидесятых годах XVII в. этот статут рассматривался как стеснение для роста промышленности. №№ XVI—XVIII рисуют эксплоатацию производите-

лей скупщиками и мануфактуристами. №№ XIX — XXIV изображают борьбу государства с безработным и преступным пролетариатом. №№ XXV — XXVII дают несколько примеров того, как рабочие пытались добиваться улучшения своей участи своими силами, путем образования рабочих союзов.

Вторая часть отдела (XXVIII — XLIV) посвящена истории английской торговли от середины XVI до начала XVIII в. Сначала даны Навигационные акты Генриха VIII и Елизаветы (XXVIII — XXIX), являющиеся продолжением длинного ряда подобных актов более раннего времени. Вытеснение иностранной конкуренции внутри страны в процессе развития национальной торговли показано на отношениях с Ганзой (XXX — XXXI). №№ XXXII — XXXV посвящены торговле сукном — главному предмету английского вывоза — и борьбе, разыгрывавшейся между двумя видами капитала на почве вопроса о вывозе отделанного или неотделанного сукна. №№ XXXVI — XXXVIII рисуют рост монопольного торгового капитала и попытки его ограничения (откуда они исходят?). №№ XXIX — XL набрасывают основные вопросы колониальной политики; на примере Ирландии показаны приемы создания рынка для английских товаров путем уничтожения местной шерстяной промышленности; даны жалобы на приемы монопольной торговли с колониями. Растущее полнокровие английского денежного капитала и его устремление в торговлю, промышленность, кредит и т. д. показано на примере роста акционерных предприятий с 1553 до 1720 г. (XLI). №№ XLII — XLIV иллюстрируют развивающуюся на этой почве спекуляцию на примере знаменитого South Sea Bubble.

При составлении этого отдела было принято в расчет, что ряд документов и цифр, иллюстрирующих экономическую историю XVII в., дан в книге А. Е. Кудрявцева, Великая Английская Революция (1925), на стр. 117 — 145, а также в Приложении (стр. 216 — 226). Составитель намеренно избегал параллельного материала. Поэтому желательным дополнением к данному отделу являются собранные в книге Кудрявцева материалы.

№№ VI, X, XIV, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXXII, XXXIV, XXXVIII, XXXIX, XL переведены В. А. Васютинским, №№ XVI, XXXV, XXXVI, XXVII — В. М. Лавровским, прочие — Е. А. Косминским.

Пособия, необходимые при работе над настоящим отделом.

Маркс, Капитал, т. I, гл. XI, XII, XXIV; т. III, гл. XV — XX.
Эшли, Экономическая история Англии в связи с экономической теорией.
Кеннингэм, Рост английской промышленности и торговли, т. I.
Роджерс, История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в.
Сили, Расширение Англии.
Гиббинс, Очерк истории английской торговли и колоний.
Гиббинс, Промышленная история Англии.
Зеворт, История XVI — XVIII вв.
Кулишер, Лекции по истории экономического быта Западной Европы, т. II, изд. 7.
Кулишер, Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе, т. I.
Савин, Лекции по истории английской революции.

Бернштейн, Социализм и демократия в Английской революции (эта выходила на русском языке под разными заглавиями).
Зомбарт, Современный капитализм, т. I.
Книга для чтения по истории нового времени, изд. Исторической комиссии Учебного отд. ОРТЗ, т. I и II.
Каутский, Томас Мор и его утопия.
Петров, Английский капитализм на заре своего развития (небольшая книжка, годна для первоначального ознакомления с вопросом).
Кудрявцев, Великая английская революция.
На английском языке всего нужнее:
Unwin, Industrial Orgnization in the XVI. and XVII. centuries.
W. K. Scott, The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720. 3 тома.
Cunningham, The Growth of English Industry and Commerce in Modern Times.
Lipson, History of the Woollen and Worsted Industries.
Usher, An Introduction to the Industrial History of England.
Bland, Brown and Tawney, English Economic History. Select Documents.
Tawney and Power, Tudor Economic Documents. 3 тома.

1. Цех иоркских плотников и религиозное братство (1482 г.).

[York Memorandum Book, ed. M. Sellersey, vol. II, pp. 277—283; Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 91—97.]

Во славу бога и на процветание славного города Иорка и живущих в нем плотников, по специальному настоянию и по просьбе Джемса Уинселя, Майкеля Клерка [следует еще 23 имени], плотников этого славного города, 22 ноября 22-го года царствования нашего короля Эдуарда IV (1482), во время второго мэрства высокоуважаемого Ричарда Иорка, мэра этого города, властью всего совета этого славного города постановлено хранить навеки следующие предписания:

1. Здесь издавна существовало братство среди лиц, принадлежащих к вышеупомянутому занятию и ремеслу. И это братство издавна и до настоящего времени ежегодно на свой счет зажигает факелы в праздник тела Христова или на следующий день, во славу бога и всех святых, и с этими факелами устраивает процессию, сопровождая святые дары от аббатства св. троицы у Михайловых ворот в этом городе до кафедрального собора св. Петра в том же городе; а также это братство выполняло другие весьма хорошие и достойные уважения действия, как более подробно будет выяснено дальше. Мэром, ольдерменами и всем советом этого славного города, с согласия всех лиц, принадлежащих к вышеупомянутому ремеслу в этом городе, решено и постановлено, что это братство впредь и навсегда должно сохраняться и продолжать свою деятельность, как это было в прошлые времена, и что каждый член братства должен платить на его поддержание по 6 пенсов ежегодно, т. е. по 3 пенса в полугодие; но с тем непременным условием, чтобы никто из членов этого ремесла в этом городе не был принуждаем или обязан вступить в это братство; и в нем должны быть исключительно добровольные члены.

2. Далее, упомянутой властью решено и постановлено навеки, с согласия членов вышеупомянутого братства, соблюдать правило, по которому все члены этого братства должны собираться дважды в год, в первый раз в воскресенье после праздника св. Елены,[1] а во второй раз в воскресенье после праздника всех святых,[2] и в каждый

из этих дней каждый член братства должен уплатить 1 пенни в пользу этого братства, и братство должно заказать в каждый из этих дней заупокойную мессу у братьев-августинцев в этом городе во славу бога и всех святых и за упокой душ всех умерших братьев и сестер, принадлежавших к этому братству; и каждый брат, не явившийся и отсутствовавший, должен заплатить фунт воска в пользу этого братства и 5 пенсов в пользу казначейства этого славного города, если у него нет уважительной причины.

3. Постановлено, что у братства будет четверо блюстителей (kepers), которые должны сдавать отчет каждый год или в день св. Петра, или в день св. Матвея зимою, под угрозой штрафа, в случае невыполнения этого без достаточного основания, в 3 шиллинга и 4 пенса в пользу казначейства этого города и этого братства, обоим поровну.

4. Постановлено, что в случае смерти кого-либо из членов братства, братство обязано дать 5 шиллингов на заупокойные мессы за его душу у братьев-августинцев.

5. Постановлено, что если умрет кто-либо из братьев или их жен, то при их похоронах следует нести факелы без всякого за это вознаграждения, только из благочестия...

6. Постановлено, что в случае смерти кого-либо из братьев, каждый брат, не присутствовавший на похоронах, внесет полфунта воска на изготовление свечей, и цену полуфунта воска в пользу городской общины...

7. Постановлено, что если кто-либо из членов братства впадет в бедность, не будет в состоянии работать или ослепнет, или потеряет свое имущество вследствие несчастного случая, то братство должно выдавать ему по 4 пенса еженедельно в течение всей его жизни в виде милостыни...

8. Постановлено, что брат, получающий таким образом милостыню, должен принести присягу на священном писании, что он будет верно жить со своей милостыни и со своего имущества, не разоряя его и не отчуждая; и все, что останется из его собственности после его смерти, должно поступить в полную собственность братства, за вычетом уплаты его долгов и разумных расходов на похороны.

9. Постановлено, что если кто-либо из братьев нуждается в работнике в любое время, а другой брат сидит без работы и не имеет работы, то тот брат, который нуждается в работнике, должен взять на работу своего сотоварища по братству предпочтительно перед всяким другим, не принадлежащим к братству,... под штрафом в 20 пенсов...

10. Постановлено, что каждый год будет избираться один из числа членов братства, и каждый брат, оставшийся без работы, должен сообщить ему, что он без работы, чтобы тот, кто нуждается в работнике, мог знать о том, кто сидит без работы.

11. Постановлено, что если вышеупомянутые блюстители или кто-либо из них пожелают собрать братьев для совета и совещания по тем вопросам, которые будут предложены для блага этого города и братства, то всякий брат, не явившийся без уважительной причины, штрафуется в 40 пенсов за каждую неявку...

12. Постановлено, что каждое должностное лицо, т. е. каждый сержант мэра, находящегося в должности, имеет право по приказанию мэра и совместно с блюстителями или смотрителями, или кем-нибудь из них накладывать арест на имущество как за недоимки братству, так и за неуплату вышеупомянутой субсидии в 6 пенсов, и за недоимки городской общине...

13. Постановлено, что если кто-нибудь обяжется служить учеником в этом ремесле или в одной из входящих в него специальностей в этом городе, то мастер, взявший его в ученики, должен заплатить в первое полугодие его службы в качестве ученика 6 шиллингов 8 пенсов, которые должны быть поделены, как было сказано выше [т. е. половина братству, половина городу].

14. Постановлено, что если в этот город придет молодой человек, не сведущий в работе этого ремесла, чтобы лучше научиться этому ремеслу, и если он будет нанят кем-либо из лиц, занимающихся этим ремеслом, за харчи и за 20 шиллингов в год или более, то нанявший его мастер должен заплатить в первые три месяца его службы 20 пенсов, которые должны быть поделены, как сказано выше; а если он нанимает его за плату меньше, чем 20 шиллингов, то наниматель должен заплатить 40 пенсов...

15. Постановлено, что никто из членов ремесла не должен сажать в этом городе за работу на срок более 14 дней никого, кто не обязался служить в течение всего года или не обязался служить учеником, под штрафом в 40 пенсов...

16. Постановлено, что если кто-либо был учеником в этом ремесле в этом городе и по окончании своего ученичества пожелает обзавестись делом и работать в качестве мастера, то он должен заплатить за это право 20 пенсов, которые уплачиваются и делятся, как было сказано выше; а если он берется работать как мастер в этом городе, а сам никогда не был здесь учеником, то он должен уплатить за это право 6 шиллингов 8 пенсов...

17. Постановлено, что если кто-либо из мастеров, принадлежащих к ремеслам плотников, пильщиков, резчиков, столяров или тележников, наймет на работу рабочего или ученика, то мастер, нанявший или давший работу, должен платить на устройство торжественного шествия и на свечи [в день тела Христова] по 4 пенса в год за каждое лицо, нанятое им или посаженное за работу.

20. Постановлено, что если кто-либо выполняет какую-нибудь работу в этом городе, в пределах его свобод и границ, ... и делает ее неудовлетворительно, неумело или неловко, то по требованию лица, для которого выполнялась работа, смотрители этого ремесла должны осмотреть эту работу, и если на их взгляд она будет найдена неудовлетворительной, то провинившиеся должны уплатить за каждый раз по 6 шиллингов и 8 пенсов ... и сверх того ... дать соответствующее возмещение потерпевшей от этого стороне.

21. Постановлено, что если смотрители этого ремесла найдут какие-либо недостатки в этом ремесле и не сделают соответствующего представления мэру и камерариям, находящимся в должности, то смотритель уплачивает за такое сокрытие ... в пользу городской общины 40 пенсов.

2. Слияние кожевенных ремесленных цехов в Лондоне с компанией торговцев кожаными изделиями (1479—1619 гг.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 99—101; Unwin, Industrial Organisation in the XVI. and XVII. centuries, pp. 128—129.]

Петиция кожевников в совет ольдерменов (1479 г.).

Почтеннейшему лорду мэру и его высокоуважаемым собратьям ольдерменам сити Лондона. Смиренно умоляют вас, добрый лорд, и вас, добрые господа, добрые люди ремесла кожевников в этом городе. Прежде было в этом ремесле достаточное число ливрейных и неливрейных членов, которые могли нести все почетные обязанности по служению этому городу; но теперь в этом ремесле осталось так мало членов, что не из кого выбрать приставов для управления этим ремеслом и для исполнения обязанностей, связанных со служением городу. Поэтому, в виду изложенного, пусть будет вам, добрый лорд, и вам, добрые господа, благоугодно приказать и установить следующее. Так как ваши просители [кожевники] постоянно имеют дело с цехом торговцев кожаными изделиями (leathersellers), а цех торговцев кожаными изделиями — с цехом кожевников, то пусть вашим просителям будет разрешено впредь войти в число членов цеха торговцев кожаными изделиями и переменить свои свидетельства на свидетельства цеха торговцев кожаными изделиями. И пусть цех торговцев кожаными изделиями впредь имеет право надзора и взыскания над выделкой всякого рода кож согласно имеющимся на этот счет постановлениям; и все постановления, изданные до сих пор для цеха кожевников, пусть проводятся под надзором и дисциплинарной властью состоящих в должности приставов цеха торговцев кожаными изделиями; и пусть впредь никто не вступает в число учеников или мастеров цеха кожевников, а только цеха торговцев кожаными изделиями...

Петиция торговцев кожаными изделиями в ту же курию (1502 г.).

Во имя бога и нашей благословенной владычицы святой Марии девы, его славной и благословенной матери, аминь.

Из всех вещей в сем преходящем мире богу более всего угодно, после должной любви к нему, любовь, дружба и доброе согласие среди всех христиан и особенно среди тех, кто находится в постоянном общении друг с другом; и подобно тому, как их постоянное общение должно стать ежедневным и привычным по деловым соображениям, так же должны они быть тесно объединены в истинной дружбе и в поступках любви и милосердия, из чего проистекает не только угодное богу, но и общее благо и благоденствие всех, кто таким образом поступает, если только их поступки должным образом подчинены хорошим и упорядоченным правилам.[3] И путем доброго и добродетельного посредничества высокоуважаемого сэра Джона Шаа, рыцаря, теперешнего мэра этого благородного сити Лондона, и господ его собратьев, ольдерменов того же сити, намечено и решено с божьею милостью полное объединение и слияние двух различных корпораций и обществ в одну корпорацию и общество, а именно цеха изготовите-

лей перчаток и кошельков в этом сити с цехом торговцев кожаными изделиями в том же сити, и пусть они с настоящего времени и навеки составляют один цех и одну корпорацию под именем торговцев кожаными изделиями...

Петиция изготовителей сумок в ту же курию (1517 г.).

Высокопочтенному милорду мэру благородного сити Лондона и его собратьям ольдерменам:

Униженно умоляют вас, добрый лорд, и вас, добрые господа, ваши просители — общество и цех изготовителей сумок, горожан этого сити и полноправных членов этого ремесла. Вы изволили властью этой почтенной курии по веским соображениям объединить и скрепить ваших просителей [изготовителей сумок] с цехом и мастерством торговцев кожаными изделиями, чтобы впрсдь они продолжали составлять одно общество с одним именем, одно собрание и одну корпорацию, объединяемую именем торговцев кожаными изделиями; поэтому да будет вам благоугодно для полного завершения принятого вами постановления допустить, разрешить и позволить, чтобы все отдельные добрые ордонансы и правила, касающиеся этого ремесла изготовителей сумок и скрепленные и утвержденные раньше вашими благородными предшественниками, оставались столь же крепкими и прочными после объединения и перенесения названия, как они были всегда раньше, без всякой отмены этих добрых правил и ордонансов.

Далее [изготовители сумок] просят, чтобы им можно было свободно перейти в цех торговцев кожаными изделиями и принять его имя без взыскания или требования за это какой-либо уплаты или пошлины, подобно тому, как было разрешено другим бедным цехам, так же переменившим название...

Из петиции ремесленников кожевенного дела королю Якову I (1619 г.).

[Торговцы кожаными изделиями]... обещали нам, что они будут всегда относиться к нам с уважением, но, когда им удалось лишить нас самостоятельной цеховой организации, они постепенно подкопались под наши вольности и не допускают в число полноправных членов своего цеха никого из потомства тех ремесленников, которым они надавали таких широких обещаний; и никто из ремесленников кожевенного дела не имеет в настоящее время прав члена компании торговцев кожаными изделиями... Между тем как во всех других цехах торговцы, правда, тоже богатеют и подчиняют себе трудящихся, но все же они допускают, чтобы преуспевающие и способные становились подобными им и пользовались благами и привилегиями их компании и общества; и хотя в некоторых цехах торговцы продают трудящимся сырые материалы, но они принимают их обратно в готовом и обработанном виде за разумную плату; так поступают золотых дел мастера, скорняки, торговцы шелковыми тканями и др. Но торговцы кожаными изделиями, которые якобы находятся в одном цехе с перчаточниками, изготовителями сумок и кожевниками, просунувши однажды свою цепкую лапу между производителем или купцом и кем-либо из ремес-

ленников этих отраслей, не желают расставаться с купленным ими сырьем иначе, как за ту цену, которую они сами назначили, невзирая на то, могут или не могут ремесленники на этом заработать.

3. Жалобы ткачей Сеффока и Эссекса[4] (1539 г.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 177—178.]

... Лорду хранителю королевской печати (Lord Privy Seal.). Жалуются и докладывают вашей почтенной милости ваши бедные просители, ... ткачи шерстяных тканей, ... в графствах Сеффок и Эссекс, в городах Ипсиче, Гэдли, Лавенгаме, ... Баргольте, Кольчестере и Дедгаме ... Его королевскому высочеству было угодно, заботясь об общем благе английского королевства, издать некоторые акты и статуты, один из которых касается чистой и правильной выделки шерстяных тканей; в нем было предписано, что шерстяные ткани всегда должны иметь полную меру как в ширину, так и в длину, что всегда требует от ваших просителей дополнительных расходов, лишнего труда и других хлопот при изготовлении каждой штуки, как ваша милость ясно может видеть. Однако ваши просители, ткачи, не могут за это получить никакой дополнительной платы от своих хозяев-скупщиков. Вследствие этого ремесло ткачества, являющееся самым главным и чистым пунктом в изготовлении сукна, уже пришло в большой упадок, так что уже никто в этих местах не желает отдавать своих детей в это ремесло, и, может быть, в течение нескольких лет в этих графствах Сеффок и Эссекс ткачи вовсе переведутся. Сверх того, милостивейший лорд, эти богачи-суконщики держат в своих домах ткацкие станки, а также ткачей и валяльщиков на ежедневной работе, и вследствие этого ваши просители, работающие в своих домах, имеющие жен и детей, постоянно лишаются заработка. И чем больше они живут, тем более им угрожает крайняя бедность, так как богачи-суконщики согласились между собою платить одинаковую плату за тканье сукна, и эта плата так мала, что ваши просители-ткачи не могут своим трудом поддержать свое бедное хозяйство, хотя они и работают непрестанно днем и ночью, и в праздник и в будни; но, чтобы избежать безработицы, ваши бедные подданные принуждены брать работу за плату, назначаемую суконщиками. Вследствие этого многие из ваших просителей, прежде имевшие хорошее хозяйство, издержали и растратили все свое имущество и рады поступить в услужение к другим людям, и еще больше из них скоро очутится в таком положении, если не будут приняты спешные меры против этого. Обо всем этом ваши просители в свое время составили билль и представили его в парламент, но до сих пор от этого они получили мало толку. Да будет угодно вам, почтенный лорд, по вашей обильной доброте и вашему милосердию, быть добрым лордом для ваших просителей и замолвить доброе слово и оказать вашу милостивую помощь для продвижения вышеупомянутого билля в парламенте, так, чтобы от него получились какие-нибудь результаты. А ваши просители будут всю свою жизнь молить бога сохранить вашу милость и дать вам долгую жизнь.

4. Жалобы на спекуляцию шерстью (1577 г.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 191 — 192.]

Мнение и ответ суконщиков в графстве Глостерском касательно дороговизны и крайне высоких цен на шерсть.

Многие лица, достающие себе разрешения на покупку и продажу шерсти в этом королевстве или на вывоз ее за море, собирают под этим предлогом в свои руки большое количество шерсти, больше, чем позволяет норма, указанная в их разрешениях, и потом перепродают эту шерсть суконщикам этого королевства по крайне высоким ценам.

Далее, те лица, у которых есть такие разрешения, спекулируют ими и продают часть выгод, связанных с этими разрешениями, другим лицам, а также берут агентов, которые оперируют для своей личной выгоды; и все они также скупают большие запасы шерсти, гораздо больше, чем позволяет норма, указанная в разрешениях, и опять-таки перепродают эту шерсть.

Далее, купцы-складочники (staplers) и их агенты собирают в своих руках очень большие запасы шерсти под предлогом переправки ее за море, но на самом деле держат ее у себя почти до конца года и потом перепродают ее; продажу они производят в своих домах или в рыночных местечках, а иногда шерсть, которую они продают, никуда не перевозилась из домов корабельщиков или даже производителей.

Далее, те же складочники под предлогом продажи своей бракованой шерсти много раз продают и сбывают большие партии шерсти, но при продаже они берут такие же или еще более высокие цены, чем те, за которые суконщики могли бы купить самую лучшую шерсть непосредственно у производителей.

Далее, есть множество маклеров и посредников по продаже шерсти, заключающих с производителями или с корабельщиками сделки на большие партии шерсти задолго до того, как она может быть им доставлена; они дают за нее только задаток на условии доставки ее в течение года в разные сроки, которые кажутся им наиболее удобными для продажи ее на еженедельных рынках; таким образом, рынок обычно обслуживается такими владельцами разрешений (licencers), складочниками, их якобы факторами и агентами и такими маклерами и посредниками, и очень мало производителями и корабельщиками. И есть складочники, которые скупают шерсть здесь на наших рынках и потом перепродают ее опять на тех же рынках, так что значительная и бо́льшая часть суконщиков, обладающих лишь незначительным капиталом и не имеющих средств на большую предварительную закупку шерсти, не может покупать шерсть непосредственно у производителей во всякое время, как это бывало прежде, так как все эти вышеописанные люди перебивают у них шерсть; и суконщики принуждены теперь покупать шерсть у этих людей к своему крайнему разорению и к обеднению большого числа бедных людей, получающих заработок исключительно от суконщиков и не находящих других

средств к существованию. Около 30-го года царствования нашего благородного короля, славной памяти Генриха VIII, в этом королевстве было много монастырей, и много народа в этих местах было призреваемо и вело праздную жизнь; а теперь, в наше время, слава богу, имеется столько же народа или даже больше, а средств к жизни в этих местах мало или вовсе нет. Если бы были назначены люди для выяснения истинного положения дел, они увидели бы, что в этом графстве построено в течение последних 30 лет более пятисот коттеджей для бедного люда, получающего по большей части заработок исключительно от суконщиков, и тем питающего себя и свои семейства.

5. О необходимости торгового посредничества между производителями шерсти и производителями сукна (1616 г. [?].)

[State Papers Dom., James I, vol. LXXX, p. 13; Unwin, Industrial Organisation in the XVI. and XVII. centuries, pp. 188—189.]

В Англии 39 графств, и из них только в 12 производство сукна ведется в значительных размерах, а из этих 12 только в 5 имеется шерсть местного заготовления... Места производства и места обработки шерсти так далеки друг от друга, как только позволяют пределы королевства. Шерсть, произведенная в графствах Шропшир, Вустершир или Стаффордшир, частью потребляется в Вустере, а главным образом в графствах Глостершире, Девоншире и Кенте, и очень много в Саузэмптоне.[5] Шерсть из графств Линконшира, Норзэмптоншира, Ретленда, Лестершира, Уорвикшира, Оксфордшира и Бекингемшира расходится следующим образом. Один ее сорт вывозится на север — в Лидс, Уэкфильд, Галифакс, Рочдэль[6] и т. д. Другой сорт частью отправляется на восток — в Норич[7] и там обрабатывается бедным людом, живущим по побережью до Ярмута,[8] а частью на запад — в Экзетер[9] и оттуда продается бедному люду по окружным деревням до самого Плимута.[10] Некоторая часть этой шерсти отправляется в отдаленнейшие части Эссекса и Сеффока, как в Коксаль, Брэнтри и Мальден.

Шерсть, произведенная в Норфоке, иногда отправляется за 60 миль и более в Лондон, и оттуда ее везут за 160 и более миль в северный Уэльс,[11] и там она перерабатывается в сукно и отправляется обратно для продажи в Лондон.

Таким образом, стараниями торговцев шерстью шерсть скупается в разных местностях, сортируется и отправляется за 120 или 140 миль раньше, чем она поступит в обработку

6. Организация шерстяной промышленности (1615 г.).

[Unwin, Industrial Organisation in the XVI. and XVII. centuries. App. A, vol. II.]

Производители шерсти во всех областях делятся на три группы:

1. Это крупные землевладельцы, кои обладают собственностью на землю и скот и выдаются своим богатством. Они могут задержать продажу своей шерсти и предоставить суконщикам отсрочку в уплате, чтобы увеличить цены. Численно эта группа мала.

2. Те, которые арендуют земли у короля, знатных лиц или джентльменов и продают столько, сколько допускает или их инвентарь, или кредит. Их много, и производят они большое количество шерсти. Большинство их вперед запродает свою шерсть или обещает уступить ее за деньги, которые они берут в долг весной, чтобы купить себе овец для производства шерсти; тогда они нуждаются в деньгах, чтобы заплатить свою благовещенскую[12] ренту и удвоить инвентарь на своей земле, как этого требует весеннее время; и в то же время суконщики тратят свой капитал на пряжу, чтобы сделать запас к сенокосу и жатве,[13] когда выпрядется недостаточное количество пряжи, так что как фермеры, так и суконщики испытывают тогда одновременно крайнюю нужду в деньгах.

3. Общая масса сельских хозяев, с небольшим доходом, во всех областях, производящих шерсть; у каждого из них обычно имеется шерсть, хотя и в небольшом количестве. Их много во всех областях, и они [вместе] имеют большое количество шерсти, хотя и в маленьких долях. Многие из них берут у скупщиков шерсти деньги в долг, чтобы купить овец и заполнить ими свои общинные пастбища. Их доли так малы, время продажи настолько различно, расстояние между ними и суконщиком так велико, что для них было бы сущим разорением предоставить суконщику во время продажи отсрочку платежа или зависеть от суконщика в установлении цен.

Эта шерсть обыкновенно обрабатывается 4 группами людей:

1. Богатый суконщик, который покупает себе шерсть у производителя в областях, производящих шерсть, делает себе запас на целый год заранее и хранит его в складе, а в зимнее время эта шерсть выпрядается его собственными пряхами, ткется его собственными ткачами и валяется его собственными валяльщиками, и все это за самую низкую плату. Эти суконщики могут прекрасно обходиться без скупщиков шерсти и могут тоже получить ее по своей цене; а кроме того, многие из них занимаются перепродажей (brogging) и перепродают очень много, если не бо́льшую часть той шерсти, которую они покупают.

2. Вторая группа — менее богатые суконщики, которые редко или вовсе не ездят покупать себе шерсть в тех областях, где она производится, а большую часть ее берут в кредит на рынке, ставят многих бедняков на работу, превращают теперь шерсть в сукно, а потом продают его в неотделанном виде в таких местностях, как Девоншир и Иоркшир [а уже другие отделывают его и продают в Лондоне за наличный расчет], а потом приходят на шерстяной рынок, платят старый долг и снова берут в кредит. Многие в этой группе хорошо живут, становятся богатыми и дают тысячам работу; они не могут обойтись без скупщика шерсти, ибо иначе они должны были бы уволить своих рабочих и поступить в услужение к богатым суконщикам за 4 или 6 пенсов в день, т. е. жить впроголодь.

3. Третья группа—это те суконщики, которые не имеют достаточно капитала, чтобы поместить его частью в шерсть и частью в пряжу и часть сберегать в виде готового сукна, как делают богатые суконщики; они или вовсе не покупают шерсти, или лишь немного, но еженедельно покупают пряжу на рынке и тогда переделывают ее в сукно, а затем

продают за наличные деньги и на них снова покупают пряжу, каковую пряжу еженедельно выносит на рынок много бедного народа, не желающего прясть за низкую плату на суконщика, но имеющего достаточно капитала, чтобы работать самостоятельно; сообразно надобности они покупают свою шерсть еженедельно очень маленькими партиями и на рынке и приносят ее туда еженедельно в пряже и от этого получают хорошую выгоду, имея прибыль как от своего труда, так и от продажи, и живут очень хорошо. Этих прядильщиков так много, что знающие люди предполагают, что больше половины сукон, выделываемых в Уильтшире, Глостере и Сомерсетшире, производится средствами этих прядильщиков и бедных суконщиков; они зависят от скупщика шерсти, который еженедельно обслуживает их шерстью за наличные или в кредит.

4. Четвертая группа: те, кто производит сукна лучших сортов; в этом производстве работают тысячи бедного люда, живущего около портов и на побережьях от Ярмута до Плимута и во многих больших городах, вроде Лондона, Норича, Кольчестера,[14] Кентербери,[15] Саузэмптона, Экзетера и многих других. Эти люди, благодаря своему большому трудолюбию и умению, пускают в дело большую часть грубой шерсти, производимой в королевстве, и это по такой же высокой или еще более высокой цене, какую суконщики платят за самую тонкую шерсть в королевстве...

7. Защита городской монополии в Вустершире (1534 г.).[16]

(25 Hen. VIII, c. 18.)

[Statutes of the Realm., vol. III, p. 459.]

1. Королю, нашему суверену и господину, лордам духовным и светским и общинам, собранным в настоящем парламенте, представляют горожане, обыватели и жители города Вустера и городов Ивзэма, Дройтвича, Кидерминстера и Бромсгрова в графстве Вустерском: эти города в прошлые времена были хорошо и густо населены, имели работу и занятие и должным образом поддерживались в силу того, что здесь занимались выделкой шерстяных тканей, называвшихся длинными сукнами, короткими сукнами, и других сукон, белых, синих и темно-синих, и бедные люди этих городов и прилегающих окрестностей всегда имели работу в виде прядения, чесания, битья и сортировки шерсти, а жившие там ремесленники, как ткачи, валяльщики, стригальщики и красильщики, были хорошо снабжены работой и достаточно зарабатывали; но теперь в течение нескольких последних лет разные лица, живущие в хуторах, поселениях и деревнях, лежащих поблизости от этих городов в вышеупомянутом графстве, для своей личной выгоды и не считаясь ни с необходимостью поддерживать эти города, ни с общим благом ремесленников, живущих в этих городах, и бедных людей, живших теми же [промыслами], не только стали собирать в своих руках по нескольку различных ферм и делаться фермерами, скотоводами и сельскими хозяевами, но, кроме того, занимаются в своих домах мастерством изготовления сукон, тканья, валяния и стрижки; они изготовляют всякого рода сукна, широкие сукна, бе-

лые и простые сукна в своих деревенских домах, к великому упадку, обезлюдению и разорению этих городов. Чтобы исправить это, улучшить положение этих городов и открыть им возможность дальнейшего развития, властью настоящего парламента постановляется, что, начиная с последнего дня сентября, который наступит в 1536 г., никаким людям, к какому званию и рангу они бы ни принадлежали, не будет разрешаться производить на продажу в Вустерском графстве никаких шерстяных тканей, если эти люди... не живут в городе Вустере или в городах Ивзэме, Дройтвиче, Киддерминстере или Бромсгрове... под страхом уплаты 40 шиллингов за каждую штуку широкого сукна, изготовленную такими лицами в нарушение истинного смысла этого акта.

2. Далее, предписывается тою же властью, чтобы владельцы и собственники усадеб, домов и хижин в этих городах сдавали свои усадьбы, дома и хижины в достаточно отремонтированном виде... лицам, которые будут жить в этих городах и заниматься там каким-либо из упомянутых мастерств или ремесл, за плату, которая не должна превышать той, которая взималась в любое время за последние 20 лет перед изданием этого акта...

3. Имеется в виду, что этот акт не относится к лицам, изготовляющим сукна для своей собственной одежды или для одежды своих детей и слуг.

4. Предписывается также, чтобы в каждом из вышеупомянутых городов производилось тщательное наблюдение за каждой изготовленной штукой сукна; чтобы каждая штука промеривалась в ширину и длину еще во влажном состоянии, как ее принесут с мельницы, до развешивания для просушки. К измеренным сукнам должны прикладываться печать надсмотрщика соответствующего города, и штамп, на котором обозначены истинные цифры длины и ширины влажного сукна; за каждую выставленную на продажу штуку сукна без печати надсмотрщика взимается штраф в 20 шиллингов. А надсмотрщик штрафуется в 6 шиллингов и 8 пенсов за каждую штуку, осмотренную им и снабженную печатью в нарушение истинного смысла этого акта... И надсмотрщик получает за осмотр и приложение печати не более 1 пенни со штуки.

8. Акт о ткачах (1555 г.).

(2 and 3, Philip and Mary, c. 11.) [17]

[Statutes of the Realm, vol. IV, pp. 286—287.]]

Ткачи этого королевства жаловались как во время этого парламента, так и в разное другое время, что богатые суконщики различными способами их притесняют; одни из них устраивают и держат в своих домах много станков и сажают за них рабочих и необученных людей к разорению многочисленных ремесленников, прошедших науку в ткацком ремесле, и к упадку их семейств и хозяйств; другие собирают в своих руках и в своем владении много станков и сдают их бедным ремесленникам за такую чрезмерную плату, что те не в состоянии пропитать себя, а тем более своих жен, свои семьи и своих детей;

а иные платят гораздо более низкую плату за тканье и изготовление сукна, чем они платили в прежние времена, и ремесленникам приходится бросать свое ремесло, которому они были обучены. Для исправления этих зол и для избежания многочисленных неудобств, которые могут произойти [если во-время их не предупредить], предписывается, устанавливается и узаконяется властью настоящего парламента, чтобы никто, занятый в ремесле суконщиков и живущий вне сити, бурга, рыночного местечка или инкорпорированного города, начиная с ближайшего праздника св. Михаила, не мог иметь и держать в своем доме или в своих владениях более одного ткацкого станка одновременно; [воспрещается также] какими бы то ни было способами, прямо или косвенно, извлекать какую бы то ни было прибыль или доход из сдачи в наем ткацкого станка или дома, где есть ткацкий станок, на котором будут работать... под штрафом в 20 шиллингов за каждую неделю нарушения действительного смысла этого акта.

2. ...и никто из ткачей шерстяных материй, работающих в ремесле ткачей и живущих вне сити, бурга, рыночного местечка или инкорпорированного города, не имеет права после вышеназванного праздника иметь и держать у себя более двух станков для тканья шерсти или получать каким бы то ни было способом, прямо или косвенно, прибыль и доход более чем с двух станков одновременно, под штрафом в 20 шиллингов за каждую неделю нарушения этого акта.

3. [Никто из ткачей не имеет права держать сукновальную мельницу.]

4. [Никто из валяльщиков не имеет права держать ткацкий станок.]

5. ...никто, не принадлежавший до настоящего времени к ремеслу суконщиков, после вышеназванного праздника не имеет права изготовлять, ткать или поручать другим изготовить или соткать всякого рода широкие простые шерстяные ткани иначе, как в городах, или в таких местах, где такие ткани обычно выделывались в течение последних десяти лет перед изданием этого акта, под страхом штрафа в 5 фунтов за каждый кусок сукна, изготовленный несогласно этому предписанию.

6. ...каждый ткач,... не живущий в сити, бурге, инкорпорированном городе или рыночном местечке, не имеет права держать у себя на службе более двух учеников одновременно, под страхом штрафа в 10 фунтов за каждое нарушение этого параграфа.

7. ...никто не может начать работать в ткацком ремесле или мастерстве, если он... не был учеником в этом ремесле или мастерстве, или не занимался им по крайней мере 7 лет, под страхом штрафа в 20 фунтов...

9. Акт против упадка городов (1554 г.).

(1 and 2, Philip and Mary, c. 7.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, p. 244.]

В прежние времена старинные сити, бурги, инкорпорированные города и рыночные местечки в английском королевстве были весьма многолюдны, и жили в них преимущественно купцы и ремесленники;

и дети в этих городах получали хорошее воспитание и образование; и население этих городов жило в хорошем порядке и в дисциплине, имело достаточно работы и не впадало в праздность. Вследствие этого города процветали и были очень богаты и не только могли доставлять их величествам королю и королеве и их благородным предкам, королям этой страны, большое количество хороших и хорошо снабженных солдат, но также и уплачивать [как они должны и теперь] большие феодальные фирмы [18] пятнадцатую деньгу,[19] налоги и всякие другие платежи их королевским величествам; но теперь они неспособны их платить, и это ведет к их крайнему разорению, так как осталось слишком мало людей, чтобы платить и нести тяжесть налогов. И эти города могут очень скоро дойти до крайнего разорения и упадка вследствие того, что лица, занимающиеся льняной промышленностью, суконщики, мелочные и москательные торговцы, живущие в сельских местностях вне городов, не только занимаются этими ремеслами и занятиями в тех местах, где они живут, но также являются в эти города и продают там свои товары, отнимая заработок у жителей этих городов, [что поведет] к великому упадку и разорению этих жителей, если не будет принято скорых и своевременных мер. Для исправления этого и для улучшения положения этих городов, и чтобы эти города могли исправнее платить феодальные фирмы и нести обычное городское обложение, а также доставлять их королевским величествам достаточное количество хороших солдат во время войны, как это было в прошлые времена, постановляется,... что каждое лицо, которое живет теперь или будет жить потом где-либо в деревенских местностях и в графствах в Англии вне сити, бургов, инкорпорированных городов или рыночных местечек, начиная с ближайшего праздника св. Михаила архангела, не должно продавать или отправлять на продажу в розницу никаких шерстяных тканей, льняных тканей, шляпного товара, москательного товара, мелочного товара в этих городах, в их предместьях и в пределах городских свобод... [за исключением открытых ярмарок]...

2. ...этот акт не распространяется на лиц, привозящих в города эти... товары для продажи оптом, а не в розницу

3. ...этот акт не распространяется на тех лиц, которые живут в деревенских местностях, но являются членами гильдий и полноправными горожанами в каком-либо из этих городов,... они могут продавать или посылать на продажу все перечисленные товары в розницу

4. ...разрешается всем людям продавать или посылать на продажу в розницу или оптом всякие льняные и шерстяные изделия их личного изготовления так же свободно и открыто, как они могли это делать до издания этого акта...

10. Петиция ноттингамских [20] ткачей, не пользующихся правами горожан (1604—1605 г.).

[Bland, Brown and Tawney, English Economic History, p. 299.]

Достойному господину мэру и его собратьям. [21] Да будет ведомо вашей милости, что мы представляем группу бедных ткачей, занимающихся своим ремеслом в этом городе Ноттингаме для того,

чтобы прокормить себя, своих жен и детей согласно законам бога и его величества короля. Вашей милости не известно, как ткачи-горожане старались и теперь стараются лишить нас работы, дабы тем самым причинить нам и нашим бедным семьям окончательную погибель. Мы униженно просим вашу милость, благоволить беспристрастно войти в наше бедственное положение. Ведь мы не мешаем им и не нарушаем своей работой их вольностей или прав, если они таковые имеют.

Да поймет ваша милость, что они беспокоят нас больше по злобе, чем вследствие того, что мы чиним им какие-либо помехи, ибо мы видим, что люди других ремесл как в этом городе, так и в других, не будучи горожанами, несмотря на это, работают так же, как и мы, без тревоги и помехи. Поэтому мы умоляем вашу милость дать нам свободу заниматься нашим ремеслом, чтобы прокормить себя, наших жен и детей, а если есть что-нибудь, что причитается господину мэру или должностным лицам его милости, то мы готовы уплатить это. Что же касается ткачей, то они, как мы знаем, не имеют ни причины, ни права требовать чего-либо от нас, ибо ни один из нас не в состоянии вынести такого тяжелого бремени, какое они хотели бы возложить на нас.

11. Статут о подмастерьях (1563 г.).

(5 Eliz., c. 4.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, part. I, pp. 414—422.]

Акт, касающийся различных предписаний для подмастерьев, рабочих, батраков и учеников.

Хотя в настоящее время остается в силе большое количество актов и статутов, касающихся найма, увольнения, заработной платы и условий труда учеников, рабочих и батраков, занятых как в земледелии, так и в разных других занятиях, ремеслах и мастерствах, но в виду несовершенства и противоречий, обнаруженных в ряде этих законов, в виду их многочисленности и пестроты, а главным образом, в виду того, что размеры заработной платы и жалованья, определенные во многих из этих статутов, для многих мест являются слишком незначительными и несоответствующими условиям настоящего времени, в связи с ростом цен на предметы, необходимые этим батракам и рабочим, —эти законы не могут применяться, ... не причиняя великих обид и тягот бедным рабочим и наймитам. Но во время своего издания многие из этих актов и статутов считались хорошими и благодетельными для общего блага этого королевства, а некоторые из них являются таковыми и посейчас; и если содержание многих из тех законов, которые будут найдены заслуживающими дальнейшего применения, будет систематизировано и сведено в один закон и статут, вводящий единообразие в предписания относительно заработной платы и распорядков для учеников, батраков и рабочих, то можно надеяться, что этот закон, при должном его применении, прекратит праздность, подвинет вперед земледелие и даст каждому наемному рабочему соответствующую заработную плату как в годы нужды, так и в годы изобилия.

1. ...с последнего числа ближайшего месяца сентября отменяются все изданные до настоящего времени статуты и их отделы, касающиеся найма, содержания, увольнения, работы, заработной платы и распорядков для слуг, рабочих, подмастерьев и батраков, а также и все наказания и штрафы, с этим связанные...

2. ...после упомянутого последнего дня сентября никто не имеет права нанимать или брать на работу, или давать распоряжение о приеме на работу, или наниматься на работу на меньший срок, чем на целый год; это относится к наукам, ремеслам, мастерствам или искусствам сукноделов, ткачей шерстяных тканей, валяльщиков, портных, сапожников, кожевников, медников, пекарей, пивоваров, перчаточников, ножевщиков, кузнецов, слесарей, шорников, седельников, изготовителей шпор, токарей, шапочников, шляпников [изготовляющих фетровые шляпы], изготовителей луков, стрел и наконечников для стрел, мясников, поваров и мельников.

3. ...каждый неженатый человек, а также каждый человек моложе 30 лет, который женится позже ближайшей Пасхи, если он обучен одному из перечисленных искусств, ремесл и наук, или работал в них в течение трех лет или более, и не имеет недвижимости, копигольда или фригольда, в наследственном держании или на жизнь, или несколько жизней, с чистым доходом в 40 шиллингов, или движимости на сумму в 10 фунтов, что должно быть удостоверено двумя мировыми судьями графства, и не работает по найму у кого-нибудь в сельском хозяйстве или в перечисленных ремеслах,... и не работает законно в каком-либо другом ремесле, и не принадлежит к челяди или служащим какого-либо знатного лица или джентльмена и т. д.... и не имеет фермы или другого сельскохозяйственного держания, достаточного для того, чтобы занять его труд, обязан в течение того времени, пока он будет оставаться неженатым или не достигнет возраста 30 лет, наниматься и работать у любого лица, занимающегося данным ремеслом или мастерством,... которое этого потребует, под угрозой нижеуказанного наказания.

4. ...никто, у кого служит какой-либо рабочий, не имеет права уволить его, и рабочий, служащий согласно предписаниям этого статута, не может уйти от своего хозяина или хозяйки до окончания срока найма под угрозой нижеуказанного наказания, иначе как по разумной и достаточной причине, удостоверенной перед двумя мировыми судьями графства или, по крайней мере, одним, или перед мэром, или другим главным должностным лицом сити, бурга или инкорпорированного города, где живет данный хозяин, на основании жалобы обиженного лица; и судья должен выслушать дело между хозяином и рабочим и рассудить его по справедливости. И никто из хозяев не имеет право увольнять рабочего по истечении срока найма, и рабочий не должен уходить от хозяина по истечении срока найма, не предупредив об этом за четверть года до этого срока,... под страхом нижеуказанного наказания.

5. ...каждый человек в возрасте от 12 до 60 лет, не работающий законно по найму, не ученик у рыбака или моряка,... ни у земледельца в сельском хозяйстве, ни в каком-либо городском ремесле,

имеющем в силу данного статута право брать и держать учеников, не нанятый на год или, по крайней мере, на полгода для копания, разыскания, нахождения, добывания, плавки, очищения, обработки, пробы или отделки серебра, олова, свинца, железа, меди, камня, каменного угля, антрацита, торфа или древесного угля, не занятый в изготовлении стекла, не прирожденный джентльмен, не студент или ученик в каком-либо университете или какой-либо школе, не имеющий недвижимости [и т. д., см. § 3], не имеющий живых родителей или других родственников, чьим наследником он является, владеющих недвижимостью с годовым доходом в 10 фунтов или более, или движимостью, оцениваемою в 40 фунтов, не являющийся необходимым... служащим или слугой, законно нанимаемым, как было сказано выше, не имеющий фермы или держания, достаточных для приложения его труда,... обязан в силу этого статута работать в сельском хозяйстве по годовому найму у всякого хозяина, занимающегося земледелием, который пожелает нанять такого человека...

6. [Наказание хозяевам, незаконно увольняющим рабочих,—штраф в 40 шиллингов; наказание рабочим, незаконно уходящим раньше срока или отказывающимся наниматься,—тюремное заключение.]

7. ... Никто из лиц, которые нанимались таким образом в сельском хозяйстве или в каком-либо из вышеупомянутых искусств и ремесл, не может по истечении своего срока уйти из одного города в другой, или из одного прихода в другой,... или из сотни или графства, где он служил, чтобы служить в другом городе... или графстве, не имея при себе свидетельства с печатью от этого города, или от констэбля, констэблей или других главных должностных лиц и от двух честных домохозяев в этом городе или приходе, где они служили; в этом свидетельстве должна быть удостоверена законность его ухода...

8. ... под страхом тюремного заключения для каждого рабочего, уходящего без такого удостоверения или свидетельства, впредь до представления им свидетельства;... а если он не в состоянии сделать этого в течение 21 дня, считая с первого дня его заключения в тюрьму, то он будет подвергнут наказанию кнутом и с ним будет поступлено как с бродягой. И всякий хозяин, нанимающий рабочих, не имеющих удостоверений,... штрафуется за каждый такой случай на 5 фунтов. А если кто-нибудь будет взят с поддельным или фальшивым свидетельством, то будет наказан кнутом как бродяга.

9. ... все подмастерья и рабочие, нанятые за поденную или понедельную плату, должны с середины марта до середины сентября начинать работу не позже 5 часов утра и заканчивать ее только между 7 и 8 часами вечера; перерывы допускаются на время завтрака, обеда и питья и не должны в общем составлять более $2^1/_2$ часов в день: на каждое питье полагается по полчаса, на обед — 1 час, на сон, в тот сезон, когда разрешается спать, т. е. с середины мая до середины августа, — не более получаса. А между серединой сентября и серединой марта работа должна продолжаться от рассвета до ночи, за вычетом времени, полагающегося, как было выше указано, на завтрак и обед, под страхом штрафа в 1 пенни за каждый прогульный час,... каковой штраф должен вычитаться из жалованья...

10. ... Никто из подмастерьев или рабочих не имеет права бросать работу ... раньше, чем она закончена, под страхом тюремного заключения на месяц, без права отпуска на поруки, ... и штрафа в 5 фунтов в пользу лица, от которого он уйдет ...

11. ... для определения и объявления размеров годовой, поденной и всякой иной заработной платы для батраков, рабочих и подмастерьев ... мировые судьи каждого графства, ... в пределах своих полномочий, или бо́льшая часть их, имеющихся в данное время там налицо, и шериф графства, если он в состоянии, и каждый мэр, бэлиф или другое главное должностное лицо в каждом городе, в пределах которого имеется мировой судья ... на ежегодном общем собрании, которое должно иметь место после Пасхи или в другое удобное время в течение шести недель со дня Пасхи, пригласив к себе таких осведомленных и серьезных людей из данного графства, сити или инкорпорированного города, каких они сочтут нужным, и сопоставив относительную скудость или обилие данного года и прочие обстоятельства, которые необходимо иметь в виду, имеют право в силу этого акта в пределах своих полномочий определять и назначать заработную плату как ремесленных подмастерьев, так и всяких других рабочих, слуг и батраков, чья заработная плата в прежние времена назначалась и определялась законом или статутом, а также и таких рабочих, чья плата не определялась; ... [они могут определять заработную плату] поденно, понедельно, помесячно или иначе, с едой и питьем или без них, или сколько должен брать рабочий сдельно за жатву, покос, молотьбу хлеба и зерна, за ... устройство изгороди и за всякого рода работу и услуги. И ежегодно, не позже 12 июля, ... они должны сообщать эту расценку заработной платы вместе с мотивированным разъяснением в курию канцлера, ... и лорд канцлер Англии или лорд хранитель,[23] доложив об этом ее королевскому величеству, должны приказать напечатать и послать не позже 1 сентября ... в каждое графство 10, 12 или более прокламаций, содержащих принятую расценку [заработной платы] и приказание ... строго ее соблюдать, а судьям [и т. д.] ... строго следить за должным и строгим ее соблюдением. И по получении этих прокламаций шерифы, мировые судьи [и т. д.] ... должны приказать провозгласить их на открытых рынках в рыночные дни не позже праздника св. Михаила; и эти прокламации должны быть вывешены на подходящих местах ... А если случится, что не будет нужды в каких-либо ... изменениях в расценке заработной платы, ... тогда прокламации, изданные для прошлого года, останутся в силе.

13. [Наказание лицам, дающим заработную плату выше, чем определено в расценке, — 10 дней ареста и штраф в 5 фунтов; получающим — 21 день ареста.]

15. ... во время сенокоса или жатвы мировые судьи или констэбли или другие главные должностные лица каждой деревни или города, по соответствующей просьбе, чтобы избежать потери хлеба, зерна или сена, могут заставлять всех подмастерьев и других лиц, годных к работе, ... наниматься поденно для покоса, жатвы, ... уборки хлеба, зерна и сена, ... и никто из таких лиц не должен отказываться под страхом ареста в колодках на два дня и одну ночь.

*

16. все, кто обычно ходил в другие графства на жатвенные работы и не имеет в данное время достаточно жатвенной работы в своей деревне или в графстве, может отправляться... во всякое другое место или графство на покос, жатву [и т. д.], ... запасшись [соответствующим] удостоверением.

17. ... двое мировых судей, мэр или другое главное должностное лицо города [и т. д.] и два ольдермена или двое других разумных граждан, ... если не окажется ольдерменов, в силу данного акта, могут каждую женщину старше 12 лет и моложе 40 лет, незамужнюю и не находящуюся в услужении, заставить наняться на работу на год, понедельно или поденно, за такую плату и на таких разумных условиях, какие они сочтут подходящими. И если такая женщина откажется от работы, то эти мировые судьи [и проч.] могут отдать ее под стражу, пока она не обяжется наняться, как сказано выше.

18. Для лучшего преуспеяния сельского хозяйства и земледелия, и чтобы те, кто годен быть учеником в сельском хозяйстве, были бы к этому обязаны, ... [постановляется], что каждый хозяин, имеющий и обрабатывающий не менее половины плуговой [24] запашки, имеет право принимать в качестве ученика любого [молодого] человека старше 10 лет и моложе 18 лет для работы по сельскому хозяйству до достижения им возраста не менее 21 года, или до 24 лет, по соглашению сторон...

19. Каждый хозяин, имеющий не менее 24 лет от роду, живущий в сити или инкорпорированном городе, занимающийся каким-либо искусством, мастерством или ремеслом, имеет право с ближайшего праздника Иоанна Крестителя принимать в качестве ученика сына любого свободного человека, не занимающегося сельским хозяйством, не принадлежащего к числу рабочих и живущего в том же или в другом сити или городе...; ученик обязан служить, по обычаю и уставу сити Лондона, не менее 7 лет, так чтобы ученические годы его не окончились ранее, чем ему исполнится по крайней мере 24 года.

21. [Распространяет это предписание и на рыночные города.] [25]

23. каждое лицо, занимающееся ремеслом кузнеца, колесника, изготовителя плугов, строителя мельниц, плотника, каменщика для простых работ, штукатура, пильщика, обжигателя извести, изготовителя кирпичей, кровельщика, черепичника, изготовителя черепиц, ткача льняных изделий, токаря, бочара, мельника, горшечника, ткача домашнего сукна, но не иного, валяльщика, где бы оно не жило, имеет право принимать в ученичество сыновей любого лица.

24. после ближайшего 1 мая воспрещается всем, кроме тех, кто уже теперь занимается законно каким-либо искусством, мастерством или ремеслом, приниматься за занятие каким-либо ремеслом, .. если данное лицо не обучалось этому ремеслу в течение по крайней мере 7 лет в качестве ученика, как было выше сказано; [воспрещается] также брать на работу в таком ремесле... таких лиц, которые не являются рабочими в настоящее время, если они не пройдут через ученичество, как было сказано выше...

29. ... никто не может быть в силу этого статута принужден вступить в число учеников, если ему более 21 года.

30. ... Мировые судьи каждого графства,... а также мэр или главное должностное лицо в каждом городе... должны собираться ежегодно между праздником св. Михаила и Рождеством и между Благовещением и праздником Иоанна Крестителя и производить специальное и тщательное расследование относительно точного исполнения этого статута и отдельных его предписаний, и наблюдать, чтобы во всех случаях, когда будут найдены нарушения, они были бы настрого исправлены и наказаны без всякого лицеприятия...

12. Показания о нарушении статута о подмастерьях в Миддльсексе (1564—1582 гг.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 351—353].

[1564]

Присяжные... заявляют, что Ричард Смольмен из Фенсбери в графстве Миддльсекс, мельник, владеющий ветряной мельницей, 20 июня 6-го года царствования Елизаветы, божиею милостию королевы Англии, Франции и Ирландии, [26] защитницы веры [27] и прочая, в Фенсбери, дал Ричарду Хейуорду, своему работнику, который служил у этого Ричарда Смольмена в ремесле мельника на ветряной мельнице (molendarii ventarii) 2 шиллинга в неделю в виде жалованья..., что в год дает сумму в 104 шиллинга, в нарушение статута, изданного парламентом нынешней госпожи королевы Елизаветы в 5-й год ее царствования... и в нарушение прокламации той же госпожи королевы, недавно выпущенной для вышеозначенного графства Миддльсекса и касающейся... подмастерьев и работников в этом графстве.

[1573]

... Николай Бедлоу из Хайхолборна в графстве Миддльсекс, портной, Габриель Плэс оттуда же, портной, Роджер Кестиль оттуда же, портной, Джон Брадшо оттуда же, портной, Бернард Либард, иностранец, оттуда же, портной, и Роджер Ашмор оттуда же, портной, холостые и неженатые, обученные и воспитанные в искусстве и ремесле портных (in arte et facultate sutoris vestiarii, vocata tailors craft), не имеющие ни земель, ни других держаний по обычаю или в фригольде, с чистым доходом в 40 шиллингов, ни движимости, оцениваемой в 10 фунтов,... 3 марта 15-го года царствования Елизаветы... и много раз в другие дни, раньше и позже, занимались искусством и ремеслом портных в разных до́мах в Хайхолборне, не состоя ни на чьей службе, в неуважение к королеве и в нарушение изданного на этот счет статута...

13. Установление заработной платы мэром и мировыми судьями в Лондоне (1586 г.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 363—370.]

Елизавета, милостью божией королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры и прочая, мэру и шерифам Лондона привет. Приказываем вам немедленно по прочтении этого распорядиться тор-

жественно и всенародно от нашего имени провозгласить в разных местах в городе и предместьях, как в пределах городских вольностей, так и вне этих пределов, где вы сочтете удобным, прокламацию с некоторыми расценками и постановлениями касательно жалованья подмастерьев, слуг и рабочих, каковые расценки произведены нашими судьями в данном городе и посылаются на листах, приложенных к этому приказу. Кроме того, приказываем вам немедленно после провозглашения... прикрепить все эти листы на досках и на столбах в разных людных местах, чтобы наши верные подданные могли ясно их видеть...

29 июля 28-го года нашего царствования [1586].

Расценка платы за различные работы, составленная и опубликованная мировыми судьями города (сити) Лондона.

[Сначала приводится § 11 статута 1563 г. о подмастерьях.]

... Кроме того, постановлено, что люди всякого звания после такой прокламации обязаны соблюдать эту расценку заработной платы под страхом штрафов и наказаний, перечисленных в этом статуте, впредь до нового распоряжения путем прокламации... Поэтому ее королевское величество, получив в своей канцелярии среди других отношений, присланных из разных графств, сити и городов, отношение от сити Лондона, содержащее нижеприведенную расценку заработной платы, установленную судьями Лондона согласно предписаниям этого акта, и полагая, что эта расценка должна быть направлена к исполнению во всех пунктах, как предписано в процедуре, установленной актом, ... настрого предписывает людям всякого звания в сити Лондона соблюдать все пункты данной расценки...

И далее, ее высочеству угодно приказать, чтобы все мировые судьи, шерифы и другие главные должностные лица сити Лондона следили за исполнением всех пунктов данной расценки,... и если возникает какой-либо вопрос, недоразумение или сомнение относительно какого-либо пункта этой расценки,... то оно должно быть разрешено и определено мировыми судьями ее высочества, которые установили эту расценку

[Далее приводится отношение лондонских властей, содержащее расценку заработной платы.]

Сити Лондон ее высокопревосходительному величеству королеве в ее высочества курию канцелярии.

Сэр Уолстан Дикси, рыцарь, лорд мэр сити Лондона, сэр Роуленд Хэйуорд, сэр Томас Рамзей, сэр Эдуард Осборн, сэр Томас Пуллисон, рыцари и олдермены этого сити, сэр Уильям Флитфуд, доктор гражданского права (Serjeant at the lawe) и хранитель архива сити, мировые судьи вашего высочества в пределах данного сити и его свобод, заявляют вашему превосходительнейшему величеству, что согласно... акту парламента, касающемуся разных предписаний для подмастерьев, рабочих, батраков и учеников..., обратив особое внимание на высокие и сильно колеблющиеся цены на всякого рода съестные припасы, топливо, одежду льняную и шерстяную, а также квартирную плату и другие специальные и случайные издержки, которые нередко

тяжело падают на подмастерьев и рабочих, живущих в данном сити,... мы определили и назначили следующую подходящую годовую заработную плату и жалованье для всякого рода подмастерьев, рабочих и работников, живущих и работающих в пределах сити и его свобод...

Для лучших и самых квалифицированных рабочих и наемных слуг в перечисленных ниже компаниях:

	В год с едой и питьем
Сукноделы	5 ф.
Валяльщики.	5 »
Стригальщики	5 »
Красильщики . . .	6 » 13 ш. 4 п.
Портные-вязальщики	4 »
Вязальщики .	4 »
Сапожники	4 »
Изготовители оловянной посуды .	3 » 6 ш. 8 п.
Булочники на год	4 » 13 » 4 »
Пивовары	10 »
Подручные пивоваров	6 »
Главный возчик у пивовара .	6 »
Мельник . .	6 »
Другие возчики	3 » 6 ш. 8 п.
Бочары . .	3 » 6 » 8 »
Варщики эля	6 »
Седельники	4 »
Токари	4 » 6 ш. 8 п.
Изготовители ножей	4 » 6 » 8 »
Кузнецы . . .	6 »
Кожевники	6 »
Изготовители луков .	4 »
» стрел .	4 »
Хлебопеки .	3 » 6 ш. 8 п.
Подковщики	4 »
Перчаточники .	3 » 6 ш. 8 п.
Шапочники	4 » 13 » 4 »
Шляпники и фетровщики	4 » 13 » 4 »
Мясники	6 »
Повара .	6 »

Рабочим, поденщикам или наемным слугам следующих компаний:

Золотых дел мастера в год с едой и питьем 8 ф. В неделю 3 ш. 4 п., в день 7 п.; без еды и питья в неделю 6 ш., в день 12 п.

Скорняки (skinners) в год с едой и питьем 4 ф., в неделю 3 ш. 4 п., в день 8 п.; без еды и питья в неделю 5 ш., в день 13 п.

Маляры (painter stainners) в год с едой и питьем 4 ф., в неделю 4 ш., в день 9 п.; без еды и питья в год 8 ф., в неделю 6 ш. 8 п., в день 13 п.

Портупейные мастера (girdlers) в год с едой и питьем 3 ф., в неделю 16 п. [sic!], в день 4 п.; без еды и питья в неделю 5 ш. 6 п., в день 10 п.

Бочары в год с едой и питьем 4 ф. 6 ш. 8 п., в неделю 3 ш. 4 п., в день 8 п.; без еды и питья в год 8 ф. 13 ш. 4 п., в неделю 6 ш. 6 п., в день 13 п.

Вышивальщики (broderers) в год с едой и питьем 5 ф., в неделю 4 ш. 6 п., в день 8 п., без еды и питья в неделю 6 ш. 8 п., в день 13 п.

Паяльщики (plumbers) в год с едой и питьем 3 ф. 6 ш. 8 п., в неделю 3 ш. 4., в день 8 п.; без еды и питья в неделю 6 ш., в день 13 п.

Изготовители восковых свечей в год с едой и питьем 4 ш. 4 п. [sic!], в неделю 2 ш., в день 6 п.; без еды и питья в неделю 4 ш. 6 п., в день 11 п.

Оружейники в год с едой и питьем 3 ф. 6 ш. 8 п., в неделю 3 ш. 4 п., в день 8 п.; без еды и питья в неделю 6 ш., в день 13 п.

Упаковщики шерсти (wool winders) в год с едой и питьем 3 ф. 6 ш. 8 п., в неделю 3 ш. 4 п., в день 8 п.; без еды и питья в неделю 6 ш., в день 13 п.; их ученики, прослужившие 3 года, с едой и питьем в неделю 3 ш. 4 п., в день 8 п.; без еды и питья в неделю 5 ш., в день 10 п.

Черепичники с едой и питьем в неделю 3 ш. 6 п., в день 9 п.; без еды и питья 6 ш. 6 п., в день 13 п.; их ученики с едой и питьем в неделю 3 ш. 4 п., в день 7 п.; без еды и питья в неделю 5 ш., в день 11 п.

Каменщики с едой и питьем в неделю 3 ш. 4 п., в день 11 п.; без еды и питья в неделю 5 ш., в день 13 п.

Столяры в год с едой и питьем 5 ф., в неделю 4 ш. 6 п., в день 9 п.; без еды и питья в неделю 7 ш., в день 13 п.; их подручные в год с едой и питьем 4 ф., в неделю 2 ш., в день 4 п.; без еды и питья в неделю 4 ш., в день 10 п.

Штукатуры с едой и питьем в день 9 п.; без еды и питья в день 13 п.

Ткачи льна в год с едой и питьем 4 ф., в день 6 п.; без еды и питья в день 10 п.

Роговых дел мастера в год с едой и питьем 3 ф., в неделю 20 п.

Стекольщики с едой и питьем в день 9 п.; без еды и питья в день 13 п.

Мостильщики с едой и питьем в день 9 п.; без еды и питья в день 13 п.

Изготовители тетив для длинных луков (longe bowstringemakers) в год с едой и питьем 4 ф., в день 8 п.; без еды и питья в день 12 п.

Литейщики в год с едой и питьем 5 ф., в день 12 п.; без еды и питья в день 16 п.

Бляшечники (lorimers) в год с едой и питьем 4 ф. 6 ш. 8 п., в неделю 20 п.

Цырюльники в год с едой и питьем 3 ф., в неделю 20 п.

Возчики в неделю с едой и питьем 2 ш. 6 п.

Лодочники (watermen) в год с едой и питьем 40 ш., в неделю 12 п. в день 4 п.; без еды и питья в неделю 3 ш., в день 7 п.

Носильщики с едой и питьем в день 8 п.; без еды и питья в день 12 п.

Плотники с едой и питьем в неделю 4 ш. 6 п., в день 9 п.; без еды и питья в неделю 6 ш. 2 п., в день 13 п.; ученик, прослуживший три года, с едой и питьем в неделю 3 ш. 3 п., в день 7 п.; без еды и питья в неделю 5 ш., в день 9 п.

Пильщики с едой и питьем в неделю 4 ш., в день 8 п.; без еды и питья в неделю 6 ш., в день 12 п.

Тому, кто пилит сотню [куб. футов?] (to him that saweth the hundreth), с едой и питьем в день 10 п.; без еды и питья в день 20 п.

Чернорабочим с едой и питьем в день 5 п.; без еды и питья в день 9 п.

В удостоверение чего мы, вышеупомянутые судьи, к сему приложили руки и печати. Дано в Гильдхолле, [28] сити Лондона, 1 июля 1586 г., в 28-м году царствования нашей суверенной госпожи Елизаветы, божией милостью королевы Англии, Франции и Ирландии, защитницы веры и проч.

Боже, спаси королеву.

14. Применение в Уильтшире актов, регулирующих производство сукна (1603 г.).

[Historical MSS. Com., vol. I, pp. 74—75.]

Правила, выработанные для ремесла ткачей.

(1). Ни одному лицу, занимающемуся суконно-ткацким ремеслом, не дозволяется иметь больше ткацких станков, чем разрешается статутом, изданным в 5-й год царствования Елизаветы. (2). Все те лица, старше или моложе 30 лет, женатые или холостые, коим разрешено быть мастерами ткачества и кои сами не прослужили полного срока ученичества, не должны брать в услужение учеников, и никто не должен служить им в качестве учеников. (3). Каждое лицо, имеющее разрешение быть мастером ткачества, но не прослужившее полного срока ученичества, не должно иметь больше одного работающего ткацкого станка, и не имеет права работать с учениками, а лишь с подмастерьем или подмастерьями. (4). Никто не может сделаться с этих пор учеником в ремесле тканья широких сукон [29] иначе, как по форме вышеупомянутого статута. (5). Имена всех тех, кому разрешено быть учениками, должны быть зарегистрированы, и с этих пор никто не может сделаться учеником, если его сначала не представят тем лицам, которые назначены надзирателями за данным ремеслом, чтобы предотвратить злоупотребления и незаконные уловки для затемнения истинного смысла этого статута. (6). Ни один ткач не должен продавать своего ученика и брать другого, прежде чем первый не прослужит 7 лет. (7). Никто не должен работать в качестве подмастерья, если не представит удостоверения, что прослужил [учеником] полных 7 лет, или если его мастер не засвидетельствует этого. (8). Ни один суконщик не должен держать у себя в доме больше одного ткацкого станка, точно так же ни один ткач, имеющий пахотную землю, не может иметь более одного станка у себя в доме. (9). Ни один ткач не должен держать у себя при одном ткацком станке двух учеников, если только один из них не работает у него последний год. (10). Ни один ученик не должен заканчивать свою службу по договору в качестве ученика прежде, чем он не достигнет 24 лет, — дабы избежать ранних браков и увеличения числа бедных. (11). Ни одно лицо или лица не должны иметь работающего ткацкого станка или станков в другом доме, помимо своего собственного, или делать это через кого-нибудь другого. (12). Те, кто вступил в ремесло ткачества широких сукон противно статуту, должны быть в течение этих двух лет исключены и отстранены от оного ремесла, а всякий, кто является подмастерьем и не прослужил своего законного времени, если он не женат, может вернуться и отслужить свои 7 лет или же должен быть исключен из своего ремесла. (13). Все, кто вступил в ремесло про-

тивно статуту и имеет другие средства к существованию, должны быть изгнаны и исключены из него. (14). Все ткачи, живущие в инкорпорированном городе, бурге или рыночном городе, могут приглашать в свое товарищество всех ткачей, живущих в пределах 3 миль от оных городов, как на места подмастерьев, так и мастеров, а надзирателей в этой компании должно быть столько, сколько потребуется. (15). Каждый ткач-мастер в оных компаниях пусть раз в три месяца (quarter) является на собрание, на котором они могли бы рассмотреть те дела, кои идут у них худо, дабы не возникло такого беспорядка, как бывало прежде; а каждый ткач широких сукон, имеющий станок, должен уплачивать каждую четверть года [3 месяца] 4 пенса в пользу нуждающихся бедных братьев. (16). Мастер каждой компании может вызвать к себе виновного в проступках, касающихся его ремесла, мастер ли он, подмастерье или ученик, дабы пьянство, леность или воровство в рядах мастеров могли быть наказаны по установленному для этих преступлений закону. (17). Если кто не будет повиноваться этим добрым правилам, то должны быть на этих лиц наложены такие пени, кои они будут в состоянии заплатить и кои будут согласованы с законами королевства и с теми лицами, которые по статутам и актам получили на это власть.

15. Обход статута о подмастерьях (1669 г.).

[Из регистра Тайного совета. Unwin, Industrial Organization in the XVII. centuries, p. 252.]

[29 октября 1669 г.] Зачитано сегодня нижайшее прошение Фрэнсиса Кидерби из Фрамлингама в графстве Сеффок, суконщика... Он служил учеником в сити Лондона у портного и при этом хорошо узнал и научился распознавать различные сорта сукна, и занимался этим делом долгое время. Но личные обстоятельства просителя заставили его жить в упомянутом Фрамлингаме, а этот город нуждался в торговце сукном, и поэтому проситель открыл лавку для продажи этого товара и этим хорошо зарабатывал хлеб для себя и своей семьи; но некоторые по злобе подстроили против него три письменных обвинения (bills of indictment) [30] во время сессий [31] в Вудбридже в этом графстве, на основании статута 5 Eliz., c. 4, где постановлено, чтобы никто не занимался каким-либо ремеслом, если он не проработал в нем 7 лет в качестве ученика; но этот статут, хотя и не отменен, но рассматривается большинством судей, как неудобный для промышленности и для роста изобретений. Проситель перенес эти обвинения в суд Королевской скамьи, [32] где приговор должен быть вынесен против него, так как статут все еще остается в силе. Поэтому он просит его величество приказать стряпчему по делам казны (attorney general) дать приказ «non prosequi» [33] для прекращения направленного против него дела. Приказано его величеством в совете передать — и сим передается — это дело стряпчему по делам казны для рассмотрения правильности доводов просителя, и по рассмотрении этого дела донести его величеству в совете о своем мнении и сообщить, поскольку он считает удобным для его величества удовлетворить просьбу просителя.

[17 декабря 1669 г. стряпчий по делам казны донес, что Кидерби виновен в нарушении статута, но в виду того, что обвинения были на имя короля, его величество может издать приказ о прекращении дела, что и было приказано сделать.]

16. Петиция от текстильщиков Уильтшира, обращенная к мировым судьям с просьбою фиксировать заработную плату (1623 г.).

[Historical MSS. Commission, vol. I, p. 94.]

Разрешите осведомить вас о том бедственном положении, в котором находится большинство ткачей, прядильщиков и других, работающих по изготовлению шерстяных тканей: работая усердно, они не в состоянии добыть себе средства для пропитания, потому что суконщики (clothiers), заставляя их работать чрезвычайно усиленно, по своему произволу понижают заработную плату. А некоторые из них заставляют нанимаемых ими рабочих людей (their work-folks) выполнять сверх того работу на дому, бегать на посылках, выполняя их поручения, разматывать им основу (spool their chains), крутить пряжу для кромок (twist their list), выполнять всяческие приказания, не давая им ни хлеба, ни питья, ни денег за много дней работы. Соблаговолите поэтому для устранения этих злоупотреблений, чинимых суконщиками, — назначить нескольких уважаемых и рассудительных лиц, которые познакомились бы с условиями тяжелой работы, установили бы такую заработную плату, которая вознаграждала бы их труд, что особенно важно теперь при такой дороговизне хлеба, чтобы бедным ремесленникам (artificers), работающим по изготовлению шерстяных тканей, можно было не умереть с голоду, трудолюбиво занимаясь своим ремеслом. Снизойдите к нашей просьбе, и множество семей сочтут своим долгом молиться за ваше счастье и вечное блаженство.

Приказ, подписанный 9 судьями.

Просители должны подписать свои имена под петицией и указать, где они живут, а суконщиков, проживающих поблизости к месту их жительства, вызвать на четверг в ближайшую неделю пятидесятницы в Девайзис [34] для переговоров с нами и передать всем другим, кто обижен, чтобы они присутствовали здесь в указанное время. [35]

17. Назначение Тайным советом комиссаров для расследования жалоб текстильщиков Восточной Англии (1630 г.).

[Bland, Brown and Tawney, English Economic History, pp. 357 — 360.]

Уайтхолл, 16 февраля 1630 г.

В виду того, что сегодня была представлена петиция в Совет (Board) от имени Сильвии Гарберт, вдовы, насчет ее самое и нескольких других, указывающая, что бедные прядильщицы, ткачи и чесальщики шерсти в Сэдбёри (Sudbury) и примыкающих местностях, в графствах Сеффок и Эссекс, за последнее время настолько урезаны суконщиками [между тем богатеющими трудами бедного люда] в отношении

своей прежней, обычной заработной платы, что они [прежде поддерживавшие свои семьи в полном достатке] находятся в настоящее время в столь бедственном положении вследствие сокращения их заработной платы в период такой дороговизны и недостатка во всем, что они вынуждены продавать свои постели, прялки (wheels) и рабочие инструменты (working tools) из-за недостатка хлеба, как это в самой петиции более подробно указывается; в этой петиции просители смиренно обращаются к помощи и указаниям со стороны этого совета; их лордства, обсудив данный вопрос, сочли за благо и предписали, чтобы петиция, будучи сперва подписана секретарем совета (clerk of the council attendant), была представлена на рассмотрение следующим лицам: [следует семь имен] мировым судьям упомянутого графства и [следует два имени] олдерменам Сэдбёри или любым четверым из них; причем один мировой судья от каждого графства и один из упомянутых ольдерменов являются теми тремя лицами, которые получают сим полномочие и предписание — вызывать для допроса, производимого ими, тех лиц — с той или другой стороны, — которые, по их мнению, наилучшим образом могут осведомить их об истинном положении дел в связи с поданными жалобами, с тем, чтобы затем принять меры к удовлетворению петиционеров путем установления справедливой и правильной выплаты следуемой им и обычной для них заработной платы, чтобы у них не было дальнейших поводов для жалоб и не беспокоили впредь совета. Если же найдется какое-либо лицо, которое [по жестокости своего сердца в отношении к бедным, или из личных своих целей или упорства] будет сопротивляться мерам, признанным комиссарами разумными и справедливыми, то такового следует вызвать к ответу по данному делу пред советом.

Доклад Тайному совету от комиссаров, назначенных, как сказано выше (1630).

Достопочтенный и многомилостивый лорд.

Согласно вашему предписанию, присланному из Тайного совета от 16 февраля 1630 г. за подписью секретаря совета, мы призвали к себе мастеров, работающих по производству саржи (saymakers), а также прядильщиц, ткачей и чесальщиков — из Сэдбёри и близлежащих мест, и расследовали дело о понижении мастерами, работающими по производству саржи, заработной платы прядильщиц, ткачей и чесальщиков. Спросив упомянутых мастеров, почему они снижают заработную плату, мы услышали в ответ, что то же самое происходит в данной отрасли производства во всех других частях королевства однако они согласны платить ту заработную плату, которая будет установлена нами в том случае, если она будет изменена во всех остальных частях королевства. Вместе с тем мы вынесли, с общего согласия всех сторон, соответствующее постановление, изложенное в приложенной при сем ниже бумаге. И мы покорнейше просим ваши лордства, чтобы было издано подобное же распоряжение, относящееся ко всем работающим в данной отрасли производства по всему королевству, путем издания указа его величества (His Majesty's proclamation), или

путем какого-либо другого приказа, как это представится мудрости ваших лордств наилучшим сделать. Но если подобное распоряжение будет издано только лишь в отношении Сэдбэри и близлежащих мест, то оно приведет к гибельному и полному разорению. Передавая все дело на дельнейшее усмотрение ваших лордств, мы остаемся ваших лордств покорнейшими слугами, готовые к выполнению всех ваших распоряжений.

Сего 26 апреля 1631 г.

[Следуют подписи семи комиссаров.]

На обороте написано.

27 апреля 1631 г.

От мировых судей графства Эссекс относительно мастеров, работающих по производству саржи, прядильщиц, ткачей и чесальщиков Сэдбёри.

Эссекс. На собрании в Хольстеде в графстве Эссекс нами было вынесено следующее распоряжение в соответствии с приказом лордов Тайного совета.

Постановлено и решено нами, чьи имена ниже подписаны, чтобы мастера, работающие по производству саржи в городе Сэдбёри в Сэффоке, платили бы прядильщицам по 1 пенни за каждые семь пучков пряжи (for spinning of every seven knots) и не производили бы никаких вычетов из их заработной платы, и чтобы катушка (reel), на которую наматывается пряжа (the yarn is reeled), была в 1 ярд длиною, но не больше. И мы далее предписываем, чтобы за белую саржу менее 5 фунтов весом мастера, производящие таковую саржу, платили бы ткачам по 12 пенсов за 1 фунт изготовленной ткани, а за саржу весом более 5 фунтов, но менее 10 фунтов, платили бы по 12 пенсов за 1 фунт, вычитая по 6 пенсов с 1 куска изготовленной ткани; наконец, за смешанную саржу (mingled sayes) — весом в 8 — 9 фунтов — по 9 шиллингов и т. д., смотря по большему или меньшему ее весу. Действие этого нашего распоряжения продлится до 15 числа мая месяца, если Тайным советом не будет издан какой-либо другой приказ.

[Следуют подписи шести комиссаров.]

18. Акт против выдачи заработной платы товарами (1701 г.).

[Bland, Brawn and Tawney, English Economic History, pp. 545—546.]

Акт, в целях более действительного предотвращения злоупотреблений и обманов по отношению к лицам, работающим в шерстяных, полотняных, бумазейных, хлопчатобумажных и железоделательных предприятиях этого королевства... III. Чтобы помешать угнетению рабочих, занятых в шерстяном, полотняном, бумазейном, хлопчатобумажном и железоделательном производстве, оная власть постановляет: всякая плата и вознаграждение, которые будут выплачиваться с этих пор кому-либо из оных рабочих за всякую выполненную ими в этих производствах работу, должны быть в законной монете этого королевства, а не в сукне, съестных припасах или товарах вместо этого; и вся шерсть, передаваемая для обработки, должна выдаваться с указанием ее истинного веса, под угрозой того, что каждый виновный в каждом случае должен будет уплатить штраф в пользу такого рабо-

чего в двойном размере по сравнению с тем, что полагается за произведенную им, ею или ими работу; а если какой-нибудь рабочий будет виновен в каком-либо мошенничестве или проступке в произведенной им, ею или ими работе, тогда этот работник будет отвечать собственнику этой работы в двойном размере за причиненный ему вред.

19. Акт против бродяг и нищих (1495 г.).

(II Henry VII, c. 2.)

[Statutes of the Realm, vol. II, p. 569.]

I. Поелику его милость король больше всего на земле желает счастья и благоденствия своей страны и своих подданных, дабы жили они спокойно, в твердой надежде на милость бога и согласно его законам, он желает и намерен по всегдашнему своему милосердию привести их к этому более мягкими мерами, чем той крайней строгостью, каковая проявлялась в статуте, данном во дни короля Ричарда II; [36] принимая, кроме того, в соображение великие тяготы, которые проистекают для его подданных от заключения бродяг в тюрьму, согласно тому же статуту, и от долгого их пребывания в ней, от чего многие из них, повидимому, теряли жизнь, для смягчения этого статута его величество пожелал властью нынешнего парламента приказать и узаконить, чтобы шерифы, мэры, бэлифы, главные и младшие констэбли и все другие правители и чиновники городов, бургов, селений, деревень и других мест в течение 3 дней со дня опубликования этого акта произвели необходимые розыски, забрали и приняли все меры к тому, чтобы забрать всех таких бродяг, праздных и подозрительных лиц, живущих подозрительной жизнью, и всех этих лиц посадили бы в колодки на 3 дня и 3 ночи, не давая им никакой пищи, кроме хлеба и воды; по прошествии же указанных 3 дней и 3 ночей выпустили бы их на свободу, а потом приказали бы им больше не появляться в городе. И если после того они будут захвачены в таком проступке в том же городе или деревне, тогда должно их подобным же образом заключить на 6 дней в колодки при таком же питании, как уже было сказано; а если кто-нибудь даст какую-либо иную пищу или питье указанным преступникам, забитым, как выше указано, в колодки, и тем самым окажет помощь заключенным в их злодеянии, то такие лица должны быть оштрафованы в размере 12 пенсов за каждый проступок.

II. И также упомянутой властью указано, чтобы всякого рода нищие, неспособные к труду, в течение 6 недель после обнародования этого акта оставались бы и пребывали в своей сотне, [37] где жили последнее время, или там, где они лучше известны, или откуда они родом и там жили бы, но не смели просить милостыню в этой стране под страхом вышеупомянутого наказания. И чтобы никто не был освобожден от наказания, ссылаясь на то, что он студент университета и т. д., если он не предъявит бумаг от канцлера [38] университета, которые доказывали бы, откуда он пришел; это же касается тех, кто называет себя солдатом, моряком или путешественником, если они не принесут бумаги от своего капитана или из того города, где они сошли на берег; а потом пусть им будет приказано уйти к себе на родину прямой дорогой.

20. Акт о наказании бродяг и оказании помощи бедным и неработоспособным (1572 г.).

(14 Eliz., c. 5.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, part I, p. 590.]

II. [Лица свыше 14 лет, взятые за выпрашиванием милостыни, должны быть заключены в тюрьму до следующей сессии]...

V. Для полного определения того, какие лица должны считаться в силу этого акта праздношатающимися, бродягами и упорными нищими и нести наказание за свой беспутный образ жизни, ныне объявляется и устанавливается властью настоящего парламента: всякое лицо и лица, которые являются или называют себя ходатаями по делам и шляются там и сям в какой-либо области или областях этого королевства, не имея достаточных полномочий, выданных от лица нашей верховной госпожи королевы, и все другие праздные лица, которые бродят в какой-либо области оного королевства и занимаются хитрой и ловкой и беззаконной азартной игрой или, как некоторые из них, заявляют, что имеют познания в физиономистике, хиромантии и других вредных науках, чем обманывают людей, говоря, что могут предсказать им судьбу, смерть или богатство, и рассказывая тому подобные фантастические измышления; и всякое лицо или лица, здоровые и крепкие телом и способные работать, не имеющие земли или хозяина, не занимающиеся какой-либо законной торговлей, ремеслом или профессией для снискания средств к существованию, и которые не могут объяснить, каким законным путем они добывают себе пропитание; и все фехтовальщики, вожаки медведей, актеры и менестрели, не принадлежащие какому-нибудь барону этого королевства или какой-либо особе высшего ранга, все жонглеры, разносчики, паяльщики и мелкие торговцы, которые бродят, не имея разрешения по меньшей мере двух мировых судей; все чернорабочие, здоровые телом, праздношатающиеся и отказывающиеся работать за ту разумную плату, какая установлена и обычно дается в тех местах, где таким лицам приходится жить; все подделыватели разрешений и паспортов и все пользующиеся ими, зная, что это подделка; все студенты Оксфордского или Кембриджского университетов, странствующие, выпрашивая милостыню и не имея на то разрешения от комиссара, канцлера или вице-канцлера этих университетов за их печатью, все матросы, лживо заявляющие, что потерпели кораблекрушение, и все лица, выпущенные из тюрем, которые просят вспомоществования или идут к себе на родину или к друзьям, не имея разрешения от двух мировых судей той области, где они были освобождены,— все такие лица должны быть почитаемы за бродяг и упорных нищих, предусмотренных настоящим актом; сюда же относятся все те лица, которые после сего будут преступать или нарушать те добрые приказы, какие во 2-й части настоящего акта установлены для помощи престарелым и немощным беднякам.

XVI. По человеколюбию необходимо позаботиться о бедных, престарелых и немощных, а бродяг и упорных нищих наказывать; а бедные, престарелые и немощные люди должны получить подходящие жилища и убежища по всему этому королевству для того, чтобы жить

там, чтобы после этого никто из них не нищенствовал и не бродяжничал. Поэтому настоящий парламент своею властью постановляет, чтобы мировые судьи всех и отдельных графств Англии и Уэльса и все прочие мировые судьи, мэры, шерифы бэлифы, и прочие должностные лица каждого сити, бурга, округа и иммунитета [39] в этом королевстве, в пределах своих полномочий должны накануне ближайшего праздника св. Варфоломея или в самый праздник распределить между собой обязанности, и после этого в каждом из своих подведомственных округов произвести тщательные розыски и расследования относительно всех престарелых, немощных и дряхлых бедняков, родившихся в оных округах, проживавших там в течение 3 лет до настоящего парламента, которые живут или вынуждены жить милостыней и на счет народной благотворительности; после этого розыска следует завести регистрационную книгу, содержащую имена и прозвища всех тех престарелых, дряхлых и немощных бедных, которые находятся в этих округах, каковая книга должна всегда быть у этих судей, мэров, бэлифов и прочих чиновников, или кого-либо из них. И когда число этих бедных людей, вынужденных жить милостыней, будет точно выяснено, тогда эти судьи, мэры, бэлифы, шерифы и прочие должностные лица должны по своему усмотрению в надлежащее время назначить в каждом своем округе подходящие и удобные места и предоставить там этим бедным лицам жилище и убежище, если приход, в котором они живут, не захочет или не сможет им таковых предоставить. И должны также в надлежащее время подсчитать всех оных бедных в выше сказанных округах и на основании этого [сообразно количеству] установить размеры еженедельного взноса на помощь и поддержку оных бедных в пределах каждого округа. И, сделав это, вышеупомянутые судьи, мэры, шерифы, бэлифы и прочие должностные лица в пределах своих округов должны по своему доброму усмотрению обложить налогом всех жителей, проживающих в каждом сити, бурге, местечке, деревне, поселке и местности в оных округах; этот налог должен уплачиваться еженедельно для помощи бедным людям, и имена всех обложенных этим налогом жителей должны также быть записаны в регистрационную книгу вместе с суммой взноса. И [эти должностные лица] должны также по своему усмотрению в каждом своем округе назначить или найти сборщиков на целый год, которым была бы указана вышеназванная сумма, которую они должны собирать и взимать в сказанной пропорции и выдавать этим бедным в количестве, которое назначат судьи, мэры, шерифы, бэлифы и прочие должностные лица. Также они должны назначить по своему усмотрению надзирателей за оными бедными людьми на срок одного года. И если кто откажется быть надзирателем, то каждый отказавшийся заплатит пеню в 10 шиллингов за каждую такую провинность...

21. Акт о посылке бедных на работу и искоренении лености (1576 г.)

(18 Eliz., c. 3.)

[Statutes os the Realm, vol. IV, part I, p. 610 sqq.]

IV. Для того чтобы молодежь приучалась и воспитывалась в труде и работе и не вырастала подобно ленивым бродягам и чтобы те, которые уже выросли в лени и, таким образом, являются бродягами в на-

стоящее время, не могли оправдываться тем, что не могут найти службу или работу, и должны были без всякого снисхождения понести заслуженное наказание, и чтобы другие бедные и нуждающиеся люди, желающие работать, могли быть поставлены на работу, приказывается и узаконяется властью [настоящего парламента] следующее: в каждом сити и инкорпорированном городе этого королевства должен быть оборудован склад шерсти, пакли, льна, железа или иного материала по назначению и приказанию мэра, бэлифов, судей и других главных должностных лиц...; для каковой цели они сами и все другие жители в пределах их округов должны быть обложены налогом. Подобным же образом в каждом рыночном городе или ином месте каждой области этого королевства должен быть оборудован подобный же склад шерсти, пряжи, льна, железа или другого материала [как удобнее в каждой области] на основании приказа мировых судей на общих мировых сессиях. Для этой цели все жители их округов облагаются налогом. Такие склады в сити и инкорпорированных городах должны быть вверены охране и руководству лиц, назначенных мэром, бэлифом, судьями или другими главными должностными лицами, а в прочих городах и местностях лицам, назначенным мировыми судьями,... эти лица будут иметь власть и полномочия [под руководством тех, кто их назначил] отдавать приказания и устанавливать правила для распределения и порядка работы в упомянутых складах и будут впредь называться сборщиками и надзирателями за бедными (collecteurs and governours of the poore). Эти сборщики и надзиратели за бедными время от времени, по мере надобности, должны передавать из этих складов бедным и нуждающимся лицам достаточное количество пряжи или других материалов для обработки, определяя при этом по своему усмотрению сроки и характер работы.

По мере выполнения этой работы, она должна время от времени сдаваться упомянутым сборщикам и надзирателям за бедными; последние должны уплачивать тем, кто работал, сообразно качеству их работы, и затем передавать следующую порцию материала для обработки. Таким образом, они должны время от времени передавать необработанный материал и получать его обратно в обработанном виде так часто, как этого потребует дело. Эта пакля, шерсть, лен или другой материал после обработки должны время от времени продаваться упомянутыми сборщиками и надзирателями на каком-либо рынке или в другом месте и в такое время, какое они сочтут подходящим. На вырученные от продажи деньги следует покупать новые запасы материалов, чтобы склады не потеряли ценности. А если кто-нибудь, кто в состоянии производить такую работу, откажется работать или уйдет нищенствовать или жить в праздности, или, взяв такую работу, напортит или запутает ее так, что сочтут невозможным выдавать ему впредь работу из этого же склада, то тогда, по существующему удостоверению, подписанному и переданному одним из оных сборщиков и надзирателей за бедными тем лицам, которым поручен надзор и управление одним из исправительных домов в этом графстве, они должны быть приняты в исправительный дом и содержаться там в строгости, как в отношении харчей, так и работы, и подвергаться время от времени

наказаниям; и каждое лицо, отказавшееся платить и не уплатившее на оные склады той суммы, которую на него наложат по упомянутому приказу, и в тот срок, какой назначен этим приказом, должно быть за каждый проступок оштрафовано вдвойне по сравнению с той суммой, в которую оно обложено.

V. [Исправительные дома должны быть оборудованы в каждом графстве, чтобы наказывать и давать работу бродягам и безработным беднякам и проч.]

VI. [Судьи на сессии должны назначать надзирателей за исправительными домами и сборщиков налогов на их содержание. Наказание за уклонение от этих обязанностей — 5 фунтов штрафа.]

22. Акт о призрении бедных (1597 г.).

(39 Eliz., c. 3.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, part II, pp. 896 sqq.]

I. Церковные старосты каждого прихода и четверо зажиточных домовладельцев, назначенных ежегодно на пасхальной неделе приказом за подписью и печатью двух мировых судей этого графства, должны быть надзирателями за бедными данного прихода. Они, с согласия двух или более мировых судей, должны время от времени принимать меры к тому, чтобы давать работу детям тех родителей, которые будут указанными лицами признаны неспособными кормить и содержать своих детей, а также всем тем лицам, женатым и неженатым, у которых нет средств содержать себя и которые не имеют постоянной и ежедневной работы или других средств к существованию; а также [они должны принимать меры], чтобы путем обложения налогом каждого жителя и владельца земли в оном приходе оборудовать склад пакли, льна, шерсти, пряжи, железа и другого необходимого товара и материала для предоставления бедным работы, а также, чтобы [собрать] достаточную сумму денег для необходимого пособия увечным, немощным, старым, слепым и тому подобным бедным, а также для определения набранных из этого прихода детей в ученики. И должно в течение 4 дней по окончании года и по назначении новых надзирателей представить мировым судьям точный и правильный отчет о всех денежных суммах.

IV. Эти церковные старосты и надзиратели, с согласия двух мировых судей, имеют право заставлять детей, [о которых сказано выше], работать в качестве учеников там, где они, [старосты и надзиратели], сочтут подходящим, пока мальчики не достигнут 24 лет, а девочки 21 года.

V. Чтобы можно было как следует позаботиться о необходимых квартирах для немощных бедняков, постановляется: уполномочить этих церковных старост или надзирателей, с позволения лорда манора, построить на пустыре или общинной земле, на общий счет прихода, сотни, или графства, подходящие дома для жительства этих немощных бедных, а также вселять жильцов или целые семьи в коттедж или дом, где живет только одна семья.

VII. И далее постановляется, чтобы обладающие достаточными средствами родители или дети бедных, старых, слепых, увечных и немощных, или иных нетрудоспособных бедняков, помогали и содер-

жали на свой счет каждого такого бедного, согласно расчету мировых судей графства, под страхом, что всякий, кто не будет исполнять это, будет штрафоваться ежемесячно на 20 шиллингов.

VIII. И далее постановляется, что мэры, бэлифы и прочие высшие должностные лица каждого инкорпорированного города этого королевства, которые являются судьями или мировыми судьями, в силу этого акта получают ту же власть в пределах их корпораций, какая определена, предписана и назначена каждому мировому судье графства для всех целей, установленных настоящим актом, и никакой другой мировой судья не должен вмешиваться в их компетенцию.

IX. И далее, оная власть постановляет, что все взыскания и пени, прежде упомянутые в этом акте, будут предназначаться и итти в пользу бедных того же прихода, на склад материалов и жилище для них и на прочие необходимые цели и пособия, какие упоминались и высказывались в оном акте.

X. Каждый солдат, уволенный со службы и получивший законное разрешение на проезд к себе на родину и не имеющий средств на путешествие домой, а также каждый моряк, высадившийся на берег и не имеющий средств на поездку домой, если у него есть свидетельство за подписью мирового судьи той местности, где он высадился на берег или был уволен, устанавливающее время и место, где и когда он высадился на берег или был уволен, и место жительства или рождения тех лиц, к которым он должен итти, и время, необходимое для его поездки, может, не подвергаясь опасности быть наказанным по этому акту, просить и получать необходимую ему для его путешествия помощь на тех дорогах, которые прямо ведут к тому месту, куда он направляется, и в течение срока, определенного в его свидетельстве для его путешествия.

23. Акт о наказаниях для бродяг и упорных нищих (1597 г.).

(39 Eliz., c. 4.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, part 2, p. 899 sqq.]

I. Для борьбы с бродягами и упорными нищими постановляется властью настоящего парламента, ... что мировые судьи в графствах и городах этого королевства и княжества Уэльс на своих четвертных сессиях ... должны принимать постановления об устройстве ... одного или нескольких исправительных домов в своих графствах и городах...

II. [Определение термина «бродяги и упорные нищие», близкое к тому, которое дано в § 5 статута 1572 г.]

III. ...всякий, кто этим актом признается бродягой или упорным нищим, схваченный после ближайшей Пасхи за выпрашиванием милостыни, бродяжничеством или бесчинством в каком-либо месте в этом королевстве или в княжестве Уэльс, должен быть, после своего ареста, по распоряжению мирового судьи, констэбля или десятского [40] (hedborough or tythingman), ... раздет догола выше пояса и публично бит кнутом, пока его или ее спина не покроется кровью; а потом их следует пересылать из прихода в приход . . ближайшим путем до тех

приходов, где они родились, если эти приходы известны..., а если они неизвестны, то в те приходы, где он или она жили перед наказанием в течение года, и там они должны наняться на работу, как следует честным людям (true Subject); а если неизвестно, где они в последнее время проживали, то их следует посылать в тот приход, через который они в последний раз прошли без наказания. И после наказания кнутом данное лицо получает свидетельство, подписанное мировым судьей... [и т. д.] с приложением его печати, удостоверяющее, что это лицо было наказано согласно этому акту с упоминанием о дне и месте наказания и о том месте, куда данное лицо направляется, и о том времени, которое ему предоставлено для того, чтобы прибыть в это место под страхом ответственности. И если это лицо по своей вине не выполнит предписания, содержащегося в данном свидетельстве, то его следует немедленно схватить и наказать кнутом, и делать это всякий раз, как ими будет нарушено какое-либо из предписаний этого статута...; а такое наказанное кнутом лицо, относительно которого неизвестно, где оно родилось или где в последний раз проживало в течение года, должно быть отправлено должностными лицами деревни, через которую оно в последний раз проходило без наказания, в исправительный дом того округа, в котором лежит деревня, или в общую тюрьму графства или местности; и там оно должно оставаться и работать, пока не будет ему найдена какая-нибудь служба...

IV. Если окажется, что кто-либо из этих бродяг представляет опасность для простонародья (inferier sorte of people) той местности, где его взяли, и вообще не может быть исправлен от своей бродяжнической жизни мерами этого статута, то в каждом таком случае мировые судьи округа, где он будет взят, могут заключить такого бродягу в исправительный дом или в тюрьму графства, впредь до ближайшей четвертной сессии, ... и тогда, по решению этих судей или большинства из них, [эти бродяги] могут быть изгнаны из этого королевства и всех его владений и на государственный счет сосланы в те заморские страны, которые будут предназначены для этого Тайным советом ее величества или ее преемников,... или же пожизненно отправлены на казенные галеры...; и если кто-либо из сосланных бродяг вернется обратно в какую-либо местность этого королевства или княжества Уэльс, не имея на то законного разрешения, то такое преступление будет караться смертной казнью...

24. Закон об оседлости (1662 г.).

(14 Charles, c. 12.)

[Bland, Brown and Towney, English Economic History, pp. 47—48.]

Акт для оказания лучшей помощи бедным этого королевства.

Нужда, количество и непрерывный рост числа бедных не только в городах Лондона и Вестминстера, с местами, входящими в состав их вольностей, но и по всему английскому королевству и княжеству Уэльс, очень велики и крайне тягостны по причине недочетов в законах о поселении бедных и отсутствия должной заботы о регули-

ровании помощи и подыскании работы в тех приходах или местах, где они законным образом живут, а также по причине небрежения к верному исполнению законов и статутов, изданных для ареста бродяг и на благо бедным; это вынуждает одних обратиться в неисправимых бродяг, а других погибать от нужды. Для исправления этого и предупреждения гибели кого-либо из бедных, старых или молодых от недостатка необходимой помощи, да будет угодно вашему величеству постановить [следующее]: бедным людям по причине некоторых недочетов в законах не возбраняется переходить из одного прихода в другой, и посему они стараются поселиться в самых богатых приходах, где имеется много запасов, где самые большие общинные земли и пустыри для постройки коттеджей и очень много леса, который они могли бы жечь и уничтожать, а истребив все это, они идут в другой приход и в конце концов становятся бродягами, так что приходы теряют всякую охоту заготовлять запасы, которые могут быть расхищены пришельцами... Поэтому постановляется, что по жалобе, принесенной мировому судье церковными старостами или надзирателями за приходскими бедными в течение 40 дней после того, как такие лица поселятся, как было описано выше, в каком-либо владении с доходом не свыше 10 фунтов, двое мировых судей этого округа [одного довольно для кворума] имеют право дать приказ об удалении таких лиц и о препровождении их в тот приход, где они последнее время не менее 40 дней законно проживали, как местные хозяева, приезжие, ученики или слуги, если они не могут дать вышеупомянутым судьям достаточных гарантий в том, что не обременяют означенного прихода.

[III. Лицам, имеющим от своего прихода удостоверения о месте жительства, разрешается уходить в другие приходы на осенние полевые работы.]

[IV. Распоряжение об устройстве работных домов.]

[VI и XXIII. Президент и управляющие такими работными домами могут и должны с разрешения Тайного совета ставить бродяг на работу в работных домах. Мировые судьи могут приговаривать буянов и упорных нищих к ссылке на срок не свыше 7 лет.]

25. Компания подмастерьев-ткачей города Глостера (1602 г.).

[Bland, Brawn and Tawney, English Economic History, pp. 297—299.]

Томас Мэшин, мэр города Глостера всем, кому и т. д. Знайте, что сегодня в совет ольдерменов пришло несколько подмастерьев-ткачей оного города от имени всего товарищества подмастерьев и заявило в своей петиции, что до сих пор им были даны и пожалованы различные добрые ордонансы, кои для доброго порядка и управления людьми и для их большей пользы были приняты по соглашению между мастерами-ткачами упомянутого города, известными под именем старосты и братства ткачей во имя св. Анны в городе Глостере и оными подмастерьями; но в последние годы существовало некоторое злоупотребление этими [ордонансами] вследствие небрежности некоторых из оных подмастерьев, и вследствие этого-то неправильного понимания некоторые из этих ордонансов не могли быть утверждены зако-

нами этого королевства и не соответствовали общему благу оного города. Посему показалось пристойным нам, мэру и ольдерменам, не только коренным образом пересмотреть оные статьи, но также рассмотреть те книги уставов (compositions), которые были до сих пор даны вышесказанной компании или братству ткачей или нашими предшественниками или судьями ассизы[41] оного города и графства; поэтому мы призвали к себе старост и старшин оного братства или компании, чтобы выслушать, что они могли бы или хотели бы сказать по этому поводу для нашего лучшего осведомления, попросив их далее показать нам их книги уставов; они принесли нам очень охотно и должным образом разные ниже упомянутые книги, — одну книгу, одобренную судьями ассизы, датированную 10 ноября 24-го года царствования Генриха VII, другую книгу, дарованную нашими предшественниками и также разрешенную судьями ассизы, датированную 13 марта 4-го года царствования Эдуарда VI. Мы, вполне ознакомившись с оными книгами, соизволили, с согласия присутствовавших старост и приставов оной компании ткачей и других мастеров оной компании, занимающихся ткацким ремеслом в этом городе, разрешить, чтобы подмастерья в оном ремесле в оном городе имели право спокойным и пристойным образом во всякое после сего время собираться и встречаться в подходящем месте в этом городе, во время между 7 часами до полудня и 4 после полудня, как они сочтут удобным и подходящим; всегда, однако, по меньшей мере за день они должны известить о цели и значении собрания старосту оной компании ткачей или, в его отсутствие, одного из приставов оного братства, для того, чтобы оный староста или кто-либо из компании ткачей-мастеров, если они нашли или знают что-нибудь такое, что следовало бы сообща рассмотреть и обсудить, могли внести это на обсуждение и притти к заключению, согласному со справедливостью и добрым порядком; а также это предупреждение необходимо для того, чтобы спокойное и мирное поведение и пристойные и вежливые обычаи могли бы соблюдаться во всей этой компании подмастерьев на все будущее время, и чтобы они могли оказывать друг другу ту братскую поддержку и христианскую помощь, какая для них будет наилучшей: ведь некоторые из них — молодые люди и холостяки и не имеют ни собственного дома, ни семьи, а некоторые другие — люди преклонных лет и обременены содержанием жены и многих детей. Поэтому мы сочли за благо, с согласия оных мастеров-ткачей, чтобы оные подмастерья могли законно собираться ежегодно в день св. Петра-апостола и выбирать двух честных и добропорядочных подмастерьев из числа более пожилых и самых добропорядочных на должность приставов на следующий год, каковые пристава должны иметь власть и право собирать и созывать всех подмастерьев оного ремесла, а также всяких лиц, занимающихся ткачеством в оном городе и его предместьях и не являющихся мастерами; и эти, собравшись таким образом, должны совещаться между собой о всех тех добрых порядках и средствах, которые будут всего лучше для блага их общества, и для тех только целей и задач, кои ранее были упомянуты. Каковые подмастерья, после того как их выбрали, должны принять на себя

должность приставов и выполнять целиком и в отдельности последующие ордонансы, а буде кто из них откажется от этой должности, то платит штраф 40 шиллингов. И оные пристава должны ежегодно в день св. Анны шестью из старейших и лучших людей из их компании подмастерьев быть представлены старосте и приставам компании ткачей тогда и в том месте, где ими будет назначено, дабы рассудить, что им надлежит делать, как служащим оной компании ткачей, или в силу их уставов или прежних или будущих пожалований и т. п.; все это они должны приложением своих рук обещать верно выполнять и побуждать к исполнению под страхом уплаты 20 шиллингов. [Следуют подробные ордонансы: они требуют, чтобы подмастерья-чужаки предъявляли удостоверение об ученичестве и свидетельство о добром поведении и платили 8 пенсов за принятие в товарищество подмастерьев. Прочие подмастерья должны платить 4 пенса за принятие, и все должны платить 1 пенни каждую четверть года «для пособия наиболее бедным в этом товариществе». Подмастерья, утаивающие пряжу, должны быть исключаемы, а уклоняющиеся от выборов новых приставов должны уплатить штраф 3 шиллинга 4 пенса. Компания подмастерьев не должна делать ничего вредного по отношению к старосте и компании ремесла... ткачей [-мастеров] путем повышения своей заработной платы или как-либо иначе.]

26. Стачка подмастерьев-войлочников (1696—1699 гг.).

(Протоколы совета войлочников.)

[Unwin, Industrial Organization in the XVI. and XVII. centuries, app. A., pp. 248—252.]

16 ноября 1696. Настоящим советом решено и приказано, чтобы с 21 числа сего месяца ноября до следующего сентября месяца заработная плата выплачивалась хозяевами-ремесленниками, живущими в Лондоне и в 4 милях в окрестности, подмастерьям шапочного дела в следующем размере, именно:

	Шиллингов	Пенсов	
Касторовая шляпа	3	0	с харчами
1 шляпа в какую-либо цену, начиная с 18 ш. до цены касторовой шляпы	2	6	
1 шляпа в цену 16 ш.	2	4	
1 » » 14 »	2	2	
1 » » 12 »	1	10	
1 » » 10 »	1	6	
1 » от 8 ш. до 10 ш..	1	2	
1 » 7 ш. или 6	1	0	
1 » 5 »	0	9	

И также, если подмастерья, состоящие членами этой компании, не примут от хозяев, живущих в упомянутом округе, выше установленной и указанной платы, то в таком случае хозяевам, живущим вне пределов города, разрешается взять и поставить на работу в качестве подмастерьев любое лицо или лиц, знакомых с ремеслом, уроженцев

этого королевства, поскольку это лицо или лица, в случае их найма на работу, докажут перед советом представителей (court of assistants) оной компании и что он или они прослужили в учениках в оном ремесле 7 лет. Доказав это и уплатив сумму в 20 ш. в пользу компании, сверх платы клерку и беделю согласно древнему обычаю, такое лицо или лица могут быть допущены в качестве сторонних подмастерья или подмастерьев этой компании... И далее постановляется, чтобы никто из хозяев или подмастерьев ремесла не платил и не принимал бóльшую плату, чем упомянуто выше, под страхом для виновного лица уплаты каждый раз штрафа в сумме не свыше 5 фунтов, какой совет представителей компании сочтет нужным на него или на них наложить, если будет найдено, что эти лица поступили противно истинному смыслу вышеупомянутого приказа.

30 ноября 1696. Джордж Беркеридж и прочие, в количестве 12 подмастерьев ремесла, заявили этому совету от себя и от всех подмастерьев ремесла в пределах корпорации, что они пришли между собой к решению не принимать платы за производство шляп в размерах меньших, чем они получали прежде, и желают, чтобы последний приказ об уменьшении их платы был отменен.

20 июня 1698... Джордж Беркеридж, Томас Ньюби и еще некий подмастерье, явившись в этот совет от своего имени и от имени и других подмастерьев, чтобы уладить некоторые спорные дела между ними и компанией, предложили во всем, что относится к производству, вернуться к порядкам 1682 года... После долгих прений по этому поводу совет сообщил им, что если они к будущей среде чистосердечно и полно сообщат и раскроют все о своих объединениях и сборах денег, направленных против компании, то они могут ожидать некоторых послаблений, что подмастерья обещали выполнить.

5 августа 1698. Мастер сообщил этому совету, что комитет назначил последнее [заседание] совета, чтобы устроить встречу некоторых подмастерьев ремесла с гг. Коксом и Чольмли для улажения разногласий между хозяевами и подмастерьями; причем последние заявили о своем раскаянии в своих незаконных объединениях для повышения платы и обещали подписать документ, заявляющий о том же и об их готовности повиноваться в будущем постановлениям компании и сообщать о всех злоупотреблениях. И после прочтения проекта этого документа об их подчинении было приказано, чтобы он был переписан с теми изменениями, которые сочтет нужным сделать клерк, и подписан обвиняемыми и еще 15 подмастерьями по указанию мастера и старост, и после сего преследование будет прекращено.

Текст документа.

Мы, подписавшиеся и приложившие к сему свою руку, подмастерья-войлочники в сити-Лондоне, его предместьях и бурге Саусверк, настоящим признаем: мы вместе с прочими подмастерьями оного ремесла устраивали собрания, на которых мы вступали в заговор и соглашение с целью увеличения вознаграждения за выделку шляп, за что некоторые из нас теперь привлечены к ответу; ныне, вполне чувствуя и сознавая незаконность таких заговоров, настоящим объ-

являем о нашем сердечном и искреннем раскаянии. Мы и каждый из нас настоящим обещаем и соглашаемся с мастером,[42] старостами и всей компанией войлочников Лондона, что никто из нас [ни какие-либо другие подмастерья ремесла с нашего или кого-либо из нас ведома и согласия], не будет с этих пор никогда предпринимать каких бы то ни было шагов, которые смогут как-либо вызвать такие заговоры и объединения или способствовать им. Но мы и каждый из нас будем делать все от нас зависящее, чтобы противодействовать и мешать подобным заговорам и соглашениям в будущем, а также постараемся устраивать среди подмастерьев-войлочников добровольные сборы денег для преследования французов и иных лиц, незаконно работающих в оном ремесле. И для этого мы будем добросовестно выплачивать собранные путем таких взносов деньги в руки состоящего в должности мастера оной компании. И далее мы обещаем, что в будущем будем вести себя послушно и сообразно правилам и постановлениям оной компании.

27. Петиция хозяев-портных против союза подмастерьев (1721 г.).

[Bland, Brown and Tawney, English Economic History, pp. 622—624.]

Дело хозяев-портных, живущих в Лондонском сити и в Вестминстере, по поводу великих злоупотреблений, совершенных их подмастерьями. Смиренно предложено на рассмотрение Парламента.

Портняжные подмастерья в городах Лондоне и Вестминстере и окрестностях в количестве свыше 7 тысяч недавно объединились в союз для повышения своей заработной платы и для прекращения работы часом ранее, чем это было принято прежде. Для лучшего осуществления своей цели они подписали свои имена в приготовленных для этого книгах в разных посещаемых местах [т. е. в трактирах в Лондоне и Вестминстере и их окрестностях], где они обычно бывают, и собирали там значительные суммы денег для защиты в судебных преследованиях, направленных против них.

Теперь лишь немногие из них приходят на работу, и большинство из тех, кто приходит, требует и получает 12 шиллингов и 9 пенсов в неделю [вместо их обычной платы 10 шиллингов и 9 пенсов] и оставляют работу в 8 часов вечера [вместе 9 часов, их обычного часа с незапамятных времен], и очень многие из них шатаются по городу, совращая и соблазняя всех, кого они встретят, к великому ущербу и вреду для ремесла.

На основании жалобы, поданной мировым судьям его величества, последние издали приказы против этих правонарушителей, как против праздношатающихся; в силу этого некоторых из них обязали явиться в сессию, а с остальных было взято обязательство явиться в его величества суд королевской скамьи в Вестминстере, а книги с подписями в силу приказа государственного секретаря были арестованы. Однако они [подмастерья] продолжают упорно и настойчиво причинять вышесказанные затруднения своим хозяевам, к великому ущербу для производства в целом, а также продолжают собирать большие суммы денег для поддержки своих незаконных объединений и союзов.

Это объединение портняжных подмастерьев вызовет и может вызвать много дурных последствий, поскольку общество лишается пользы, приносимой трудом значительного числа подданных этого королевства, а семьи этих подмастерьев впадают в бедность и могут сделаться тягостью и бременем для общества. А те самые лица, которые вступили в это незаконное объединение, предпочитая лучше жить в лености, чем работать за обычную плату и обычное время, не только сделаются бесполезными и тягостными, но и крайне опасными для общества, являясь очень плохим примером для подмастерьев всех других ремесл, как уже достаточно видно на примере подмастерьев кожевников, кузнецов, парусников, каретников и ремесленников в разных других ремеслах и производствах, которые уже заключили подобного же рода союзы, а подмастерья плотников, каменщиков и столяров предприняли некоторые шаги в этом направлении и только ожидают результатов у других.

Эти самые портняжные подмастерья, когда бывает спешка в работе перед днем рождения короля или, как часто случается, при производстве траурных или свадебных платьев, или под праздники, и всегда в летнее время, не довольствовались неумеренной платой, на которой они теперь настаивают, но требовали и получали 3 — 4 шиллинга в день, а иногда и больше; иначе они не хотели работать; а некоторые в такое горячее время и вовсе не хотят работать, что представляет большую неприятность для господ и насилие над хозяевами, и если позволить этому продолжаться, то должны значительно увеличиться издержки при производстве платья.

Что касается оных мест сборищ или трактиров, которых много в Лондоне и предместьях, где эти портняжные подмастерья часто собираются и бывают и расходуют все или большую часть тех денег, которые они получают в качестве платы, то хозяева этих посещаемых мест поддерживают, поощряют и подстрекают этих подмастерьев к их незаконным объединениям для повышения заработной платы и сокращения рабочего времени.

Теперешние законы, регулирующие труд ремесленников, рабочих и слуг, были изданы в 5-м году королевы Елизаветы и могли бы применяться и в наше время; но они не совсем подходят для производства в Лондоне, Вестминстере и т. д., как оно теперь ведется.

Поэтому хозяева смиренно надеются, что почтенная палата примет необходимые меры путем издания закона для исправления упомянутых общественных бедствий или придет на помощь каким-либо иным путем, как их великой мудрости покажется более подходящим.

28. Акт для поддержания флота (1540 г.).

(32 Hen. VIII, c. 14.)

[Statutes of the Realm, vol. III., p. 760.]

Очевидно и общеизвестно, что бо́льшая часть ... королевства Англии и ее пределов и владений окружена со всех сторон большими морями, так что никто из королевских верноподданных, а также никто из людей, живущих в разных чужих королевствах и странах, не

может перевозить или переправлять свои товары в это королевство или из него через эти моря иначе, как на кораблях; и флот, или обилие кораблей, в этом королевстве и в прежние времена был и теперь является весьма выгодным, желательным, необходимым и полезным для торговых сношений купцов, перевозящих свои товары, как было сказано выше; а также он дает большую защиту и безопасность этому королевству во время войны, [служа] как для обороны, так и для нападения; кроме того, он дает работу многим мастерам, морякам и мореходам, делая их людьми опытными и знающими искусство и науку мореплавания, и они и их жены и дети находят здесь пропитание; флот представляет также главный источник существования для городов, деревень, гаваней и пристаней, лежащих у морских берегов; и королевские подданные — пекари, пивовары, мясники, кузнецы, канатчики, кораблестроители, портные, сапожники и другие люди, занимающиеся торговлей припасами, а также ремеслом, и живущие вблизи от этих берегов, также находят здесь главный источник своего пропитания. И этот флот, или обилие кораблей, в последнее время пришел в удивительный упадок; и в силу этого верноподданные короля, находившие здесь пропитание, сократились в числе и обеднели, и даже целые города, деревни и жилища, лежавшие вблизи от морских берегов, пришли в крайний упадок и разрушение. Чтобы исправить это, было предписано статутом, изданным в 5-м году царствования благороднейшего короля Ричарда II, [43] чтобы никто из подданных короля не перевозил товаров морем иначе, как на английских кораблях под страхом конфискации перевозимого таким образом товара; и потом другим статутом, изданным в 6-м году царствования того же благороднейшего короля, было предписано, что в случае неимения английских кораблей каждый может перевозить свои товары на иностранных кораблях. Далее, парламентом, заседавшим в Вестминстере в 4-м году покойного благородного короля славной памяти Генриха VII, было предписано и узаконено, чтобы никто не ввозил вин из Гаскони, Гиени, или вайды из Тулузы в Англию, Уэльс, Ирландию, Кале и его округ, или в Бервик [44] иначе, как на кораблях английских, уэльских, ирландских, или из Кале и его округа, или из Бервика, причем хозяева и экипаж этих кораблей, или большая часть его, должны быть из тех стран, под страхом конфискации этого вина или вайды. Далее, парламент, заседавший в Вестминстере 15 января 23-го года царствования нашего теперешнего суверена и господина короля Генриха VIII, предписал и узаконил, чтобы все перечисленные статуты и каждое содержащееся в них предписание оставались в полной силе и действительности... И, несмотря на это, разные лица, пренебрегая поддержанием флота и выгодами и барышами, проистекающими от него для этого королевства, для своей личной выгоды не боятся нарушать эти законы и добрые постановления. [Поэтому постановляется, что все эти статуты сохраняются в силе].

VII. [Недавней королевской прокламацией было разрешено иностранцам ввозить и вывозить товары, уплачивая те же пошлины, какие были установлены для англичан. Парламент получил много жалоб на то, что иностранцы постоянно отправляют из Англии большие

партии товаров на иностранных судах к разорению английского торгового флота. Поэтому постановляется, что товары, вывозимые иностранцами на иностранных кораблях, должны облагаться повышенными пошлинами, установленными для иностранцев. Если в порту отправления нет английских судов, иностранцам разрешается вывоз на иностранных судах, но при удостоверении от лорда верховного адмирала, или начальника таможни или контролера порта...]

VIII. [Владельцы судов должны оповещать Ломбард-Стрит [46] о предполагаемом отправлении их судов за 6 дней, чтобы купцы могли приготовить свои товары.]

29. Акт касательно некоторых политических постановлений, сделанных для поддержания флота (1563 г.).

(5 Eliz., c. 5.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, part I, p. 422.]

I. Для лучшего поддержания и увеличения флота в Английском королевстве постановляется,... что с первого апреля 1564 г. разрешается всем подданным нашей суверенной госпожи королевы, сколько им угодно, вывозить и транспортировать из этого королевства на судах подданных королевы всякого рода сельди и другую морскую рыбу, пойманную в море подданными королевы, [и в течение четырех ближайших лет такие лица будут свободны от уплаты всяких вывозных пошлин за рыбу].

VI. [Воспрещается перевозить рыбу, съестные припасы или другие товары из одного английского порта в другой на иностранных кораблях под страхом конфискации этих товаров.]

VIII. [Воспрещается ввоз французских вин и тулузской вайды иначе, как на английских судах, под страхом конфискации, согласно статуту 4 Henry VII, с. 10.]

XI. [Для поощрения рыбного промысла предписывается есть рыбу по средам; в эти дни воспрещается потребление мяса.]

XII. [Устанавливается наказание за потребление мяса в рыбные дни — 3 фунта штрафа или 3 месяца тюрьмы; за укрывательство — 2 фунта штрафа.]

XIII. [Можно есть мясо в рыбные дни по специальному разрешению, приобретаемому путем взноса в приходскую кружку для бедных, причем лорды и их жены платят по 26 шиллингов и 6 пенсов в год, рыцари и их жены по 13 шиллингов 4 пенса, люди более низкого звания по 6 шиллингов 8 пенсов. Специальные разрешения требуются и для больных.]

XVII. [Английским подданным разрешается вывоз пшеницы, ржи, ячменя, солода, гороха и бобов на английских судах для продажи за морем из некоторых портов, если цены на пшеницу в этих портах не превышают 10 шиллингов за квартер, на рожь, горох и бобы — 8 шиллингов, на ячмень и солод — 6 шиллингов 8 пенсов за квартер.]

XXIV. [Рыбаки и матросы не должны против их воли привлекаться на сухопутную военную службу.]

30. Жалобы ганзейцев (1540 г.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. II, pp. 31—34.]

Хотя ганзейским купцам было пожаловано с незапамятных времен — и это пожалование несколько раз подтверждалось... королями Англии и Франции,... что на людей и товары этих купцов не будет налагаться никаких взиманий, взысканий и неподобающих уплат, и это соблюдалось в течение долгого времени, но, несмотря на все это, в интересах валяльщиков и стригальщиков Лондона, в противность милостивейшему пожалованию вашего величества, по ходатайству и прошению этих валяльщиков и стригальщиков, вынесено и теперь приводится в исполнение постановление, по которому никто из ганзейских купцов не смеет грузить на корабли и вывозить из Англии неотделанные и неостриженные сукна под угрозой их конфискации, к большой обиде и помехе для ганзейских купцов, издавна привыкших вывозить неотделанные и неостриженные сукна свободно и без всякого противодействия.

Далее, предшественниками вашего величества было пожаловано нашим купцам право, уплатив однажды пошлину, вывозить всякие свои товары, как привезенные в это королевство, так и купленные в нем; но теперь эти купцы подвергаются таким стеснениям, что без специального разрешения они не могут вывезти тех своих товаров, которые они не могут продать или сбыть в вашем. королевстве без крайнего убытка, неудобства и невыгоды.

Далее, в привилегии, пожалованной Эдуардом II, сказано, что никто не может быть задержан, арестован или подвергнут какому бы то ни было взысканию за чужую вину, если он не является ответственным компаньоном, принципалом или поручителем; однако, без всякого уважения к этой привилегии, наших купцов обвиняют за преступления других и заставляют оплачивать потери и убытки, понесенные подданными вашего величества в пределах юрисдикций или территорий любого из наших князей, где бы это ни случилось...

Далее, в силу наших привилегий чиновники вашего величества не должны устанавливать цены и оценки для наших купцов и их товаров; но когда в гавани вашего величества приходят из Данцига или Гамбурга наши суда, груженые разными товарами, часто случается, что чиновники вашего величества являются на эти суда, и, произведя досмотр всех товаров, они против воли корабельщиков отбирают всякого рода лес, а когда с ними начинают говорить об уплате, они в свою защиту ссылаются на новые и необычные цены, которые они бесстыдно называют королевскими ценами.

Далее, наши купцы пользовались во всем королевстве вашего величества правом складывать свои товары в любой гостинице или постоялом дворе с согласия хозяина гостиницы; но, несмотря на это, мэр... сити Лондона иногда лишает наших купцов этой вольности.

Далее, в привилегиях ясно сказано, что купцы, уплатив требуемые пошлины один раз в каком-либо месте королевства и имея соответствующие свидетельства и расписки, могут быть свободны [от уплаты пошлин] в других местах; однако, несмотря на это их заставляют

платить новые пошлины, которые называют местными пошлинами; это делается в вашей милости городах Ньюкасле,[46] Саузэмптоне и Ярмуте.

Нам приходится выносить еще одно притеснение, недавно изобретенное подданными вашего величества. Когда купцы договорятся с лоцманом, как это принято, о доставке их корабля в сохранности в гавань или в назначенный пункт, вице-адмирал часто разрывает такие договоры вместе со старшинами лоцманов, заявляя, что мы не можем сослаться в свою защиту на какие-либо обычаи и что лоцманов следует требовать от старшин. Вследствие этого купцы часто бывают вынуждены нарушить свой маршрут, если они не хотят допустить на борт такого лоцмана, какого им назначат; и многим кораблям приходится проходить с крайней опасностью, а некоторые и погибают.

В договоре о торговле купцы освобождены от юрисдикции адмирала; в тех случаях, когда в пределах королевства Англии возникает какое-нибудь дело против [ганзейских] купцов,... или когда поднимется дело о совершенной или якобы совершенной сделке, или о какомлибо совершенном или якобы свершенном проступке, королевской властью назначаются, в зависимости от важности дела, двое или трое судей, и они выслушивают и решают дело без всяких формальностей и судебной торжественности с возможной быстротою; и никто из купцов или лоцманов не обязан являться в адмиральский суд... Но, несмотря на это, наших купцов в нарушение этой привилегии часто вызывают к лорду адмиралу и его чиновнику, что связано для нас с большими неудобствами и издержками. Поэтому мы покорнейше просим, чтобы адмиралу было впредь запрещено совершать по отношению к нам узурпации, противно соизволению его величества...

Наконец, мы просим, чтобы весовщики... производили взвешивание на правильных весах, а не в пользу англичанам и в обиду нам...

[На обороте.] Жалобы купцов Ганзейского двора, торгующих в Англии.

31. Отмена ганзейских привилегий (1552 г., 24 февраля).

[Acts of the Privy Council, vol. III, pp. 487—489.]

По вопросу о данных, представленных против ганзейских купцов, обычно называемых купцами Ганзейского двора, после тщательного рассмотрения как этих данных, так и ответа вышеназванных купцов Ганзейского двора и всех документов, грамот, хартий, договоров, свидетельских показаний и прочих свидетельств и доказательств, приведенных обеими сторонами, для Тайного совета его величества короля выяснилось следующее.

Во-первых, выяснилось, что все свободы и привилегии, которые, по их словам, были пожалованы этим ганзейским купцам, недействительны по законам этого королевства, так как эти ганзейские купцы не составляют корпорации, которая могла бы принять эти привилегии.

Также выяснилось, что все эти пожалования и привилегии, на которые претендуют ганзейские купцы, не распространяются на определенные города или определенных лиц, и потому неясно, какие лица и какие

города должны пользоваться этими привилегиями; и в силу этой неясности они допускали и допускают к пользованию своими вольностями всех, кого они хотят и в каком хотят количестве, к великому ущербу и вреду для пошлин его величества, что составляет 20 000 фунтов или около этого ежегодного убытка, не считая общего вреда для всего королевства.

Также выяснилось, что сто и более лет тому назад, когда те привилегии, на которые они претендуют, были им пожалованы, эти ганзейские купцы перевозили товары из этого королевства только в свои страны и в это королевство ввозили только такие товары, которые были произведены в их странах. А теперь они перевозят товары, произведенные в Англии, в Нидерланды, Брабант, Фландрию и другие соседние местности и там продают их, к убыткам и разорению достославного сословия подданных его величества, торгующих в этих странах разными товарами; и, кроме того, они ввозят в это королевство товары из всех чужих стран в нарушение истинного смысла их пожалований и привилегий, ... вследствие чего его величество король теряет много своих пошлин...

Также выяснилось, что привилегии, пожалованные до сих пор купцам Ганзейского двора, прежде применялись разумно и были удобны и очень выгодны для них, не нанося заметного, чрезмерного или крайнего ущерба интересам короля в этом королевстве; но в последнее время, принимая в свое общество всех, кого они хотели и в каком угодно количестве, ввозя товары из других стран и вывозя товары из этого королевства во все другие страны, они сделали те привилегии, на которые они претендуют, настолько пагубными для интересов короля и короны, что их нельзя более терпеть без большого ущерба для интересов короля и всего королевства.

Далее, во времена короля Эдуарда IV у ганзейских купцов были отняты те привилегии, на которые они претендуют, в виду войны между нашим королевством и ими, а потом был заключен договор и было постановлено, что подданные нашего королевства должны пользоваться такими же вольностями в Прусской земле и в других ганзейских странах, какими ганзейцы пользовались и пользуются здесь, и что на них и их товары не будет налагаться никаких взиманий, новых взысканий и других пошлин, кроме тех, которые были установлены 10, 20, 30, 40, 50, даже 100 и более лет тому назад. Но это соглашение постоянно нарушалось и нарушается, особенно в Данциге; англичанам не только запрещают там свободно покупать и продавать, но и налагают на них новые взимания и налоги противно этому договору. И, несмотря на многочисленные представления, сделанные отцом его величества и его величеством о необходимости исправить ущерб, нанесенный английским купцам в нарушение этого договора, никаких мер к исправлению сего до сих пор не воспоследовало.

Принимая во внимание вышеизложенное, а также другие доводы, выяснившиеся при рассмотрении вопроса, лорды Тайного совета его величества от имени его величества постановили, что привилегии, вольности и свободы, на которые претендуют купцы с Ганзейского двора, впредь берутся королем обратно до тех пор, пока купцы с

Ганзейского двора не представят лучших и более убедительных доказательств для своих притязаний на вышеупомянутые привилегии; но за купцами с Ганзейского двора, тем не менее, сохраняются все те права свободного приезда в это королевство, купли и продажи и всякого рода торговли, в том объеме, в каком ими пользуются [или имеют право пользоваться] все другие иностранные купцы...

Этот декрет дан в Вестминстере, 24 февраля 6-го года царствования нашего суверена и господина, короля Эдуарда VI.

32. Дело купцов-авантюристов о разрешении вывоза неотделанного сукна (1514—1536 гг.).

[Bland, Brown and Tawney, English Economic History, pp. 402—404.]

Соображения, приводимые управителем и товариществом купцов-авантюристов в доказательство того, что выгоднее было бы для всеобщего благосостояния королевства Англии перевозить и отправлять на заграничные рынки обычные сорта сукон различной стоимости в нелощеном и нестриженном виде, вместо лощеного и стриженного. Во-первых, следует отметить, указать и принять в соображение, что в течение нескольких лет после издания парламентского акта, по которому ни один сорт сукна, произведенного в английском королевстве, ценою свыше 5 марок[47] за кусок, не должно вывозить за границу нелощеным и неостриженным, те сорта сукон, которые покупались тогда за 5 марок, теперь продаются в пределах королевства, благодаря трудолюбию иных купцов, за 4 фунта стерлингов, что является большим обогащением для всего королевства; вследствие этого купцы считают сообразным с разумом и совестью, чтобы сукно, стоимостью в 4 фунта за кусок, приравнивалось, по смыслу этого акта, к сукну стоимостью в 5 марок за кусок.

Купцы тех стран, которые покупают английское сукно, никоим образом не захотят связываться с лощеным сукном, если только не смогут получить его много дешевле стоимости; ежедневный опыт показывает, что когда английские купцы вывозят за море одинаковые по длине и добротности сукна, из которых одна половина лощеных и отделанных, а другая нет, то оные купцы продают нелощеное сукно дороже на 5 шиллингов на каждом куске, чем лощеное.

Эти нелощеные сукна пригодны и нужны каждому, а лощеные только отдельным людям, так что английские купцы продадут на один кусок лощеного сукна 500 нелощеного; ясно, что было бы в интересах общего блага и обогащения всего английского королевства — вывозить в другие страны все сорта сукна в неотделанном виде, а вывоз лощеных сукон выгоден лишь для отдельных частных лиц, ибо гораздо больше тех, кто живет производством и продажей сукон, чем тех, кто их отделывает.

Народ в тех странах, которые покупают бóльшую часть наших сукон, носит сукна разных цветов, не употребительных у нас в Англии, каковые цвета нельзя выделать, если сукна покупаются лощеными, ибо лощение сукна и здесь и там так его изменяет, что его обыкновенно нельзя перекрасить. И в случае если бы английские купцы должны

были вывозить лощеные сукна, то они должны бы были не только разориться на их продаже, но также, несомненно, в тех странах скоро совсем перестали бы покупать и носить платье из английского сукна, и от чего да избавит нас бог.

В настоящее время, благодорение господу, отправляется на кораблях и вывозится из Англии в другие страны больше сукна всех сортов, и там продается и покупается больше, чем когда-либо было на памяти человеческой; принимая в соображение, что теперь там сукно так ценится и имеет такой хороший сбыт, вышеназванные купцы полагают, что нет никакой необходимости, но крайне опасно для какой-либо цели рисковать прекращением этой доброй торговли, которую да продолжит нам бог.

Жители других стран, ворся английские сукна, потребляют их большое количество; и ворс, по их вкусу и моде, без сомнения, не может быть выделан на английских сукнах, лощеных у нас; так что уже по одной этой причине будет большим ущербом для общего блага этого королевства, если оный акт о лощении будет действовать и иметь силу.

Жители английского королевства могут покупать и продавать шерсть, а также могут чесать шерсть, прясть, ткать, валять сукно и продавать его в неотделанном виде, жители же других стран могут только лощить и отделывать некоторые сорта сукна; поэтому тамошнее жители мало обеспечены, и немногие из них могут достать себе работу; поэтому-то правительство и честные граждане этих городов желают, чтобы люди английской нации часто посещали их города и поддерживали с ними дружеские и близкие отношения. И нужно бояться и опасаться, что если английское королевство не пожелает, и они [т. е. жители иностранных городов] не получат никакой помощи и выгод от этого, то жители Антверпена и других мест, стремясь к общему благу своему, не только найдут средства и случай изгнать от себя англичан, но равным образом английское сукно не найдет там сбыта и потребления, от чего избави нас боже.

33. Цифры вывоза шерсти и сукна (предположения относительно субсидии) (1547 г.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. I, pp. 178—180.]

Доходы от пошлины и субсидии [48] с шерсти, овчин и сукна и от пошлины за промер (aulnage) [49] последнего в 28-м году царствования короля Эдуарда III. [50]

Вывезено в этом году шерсти 34 760 мешков, обложенных пошлиной и субсидией в 40 шиллингов с мешка, что составляет 68 558 фунтов.

Вывезено в том же году овчин 348 451, обложенных по 2 пенса с овчины, что составляет 2 900 фунтов.

Вывезено сукон 2 483, обложенных по 14 пенсов за сукно, что составляет 148 фунтов.

Доход с пошлины за промер (aulnage) в том же году 344 фунта 3 шиллинга и 7 пенсов.

Общая сумма: 72 946 фунтов 3 шиллинга 7 пенсов.

Примечание. В этом подсчете не сделано различия между пошлинами с иностранцев и с англичан, но все посчитаны одинаково, т. е. по 40 шиллингов с мешка. Действительный доход с пошлин и субсидий был поэтому выше.

Доходы от пошлины и субсидий с шерсти, овчины и сукон и с пошлины за промер (aulnage) последнего в 28-м году царствования короля Генриха VIII.

Вывезено в этом году англичанами 1 136 мешков, обложенных по 40 шиллингов с мешка, пошлина и субсидия составляют 2 272 фунта.

Вывезено в том же году иностранцами 409 мешков, обложенных по 3 фунта 16 шиллингов и 8 пенсов с мешка, что составляет 1 625 фунтов 3 шиллинга 3 пенса.

Вывезено в том же году овчин 364 829, обложенных по 2 пенса с овчины, что составляет 3 029 фунтов 4 шиллинга и 10 пенсов.

Вывезено в том же году сукон 172 017, обложенных по 14 пенсов за сукно, что составляет 10 056 фунтов 13 шиллингов и 2 пенса.

Доходы от пошлины с промера (aulnage) составили в этом году 758 фунтов и 14 шиллингов.

Общая сумма: 17 743 фунта 15 шиллингов 4 пенса.

Отсюда видно, что король Эдуард III получил за год больше пошлин, чем король Генрих VIII, на 55 202 фунта 8 шиллингов 3 пенса.

Сверх этого у короля Эдуарда была на два года субсидия в 9-ю овцу, 9-ю овчину, 9-го ягненка и в 9-ю часть всех товаров английских и иностранных купцов...

Мешок шерсти содержит 13 тоддов.

Тодд содержит 28 фунтов...

34. Акт касательно суконщиков и вывоза на кораблях за границу отделанного сукна (1566 г.).

(8 Eliz., c. 6.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, part I, p. 489.]

Для лучшего подыскания работы и вспомоществования большему количеству подданных ее величества королевы, занимающихся ремеслом и работой по производству сукна, да будет угодно ее величеству королеве по всепокорнейшему челобитью ее подданных постановить, а власти настоящего парламента узаконить, чтобы с этого времени на каждые 9 кусков сукна неотделанного, предназначенного после сего к отправке на кораблях или вывозу куда-либо за море, ... те же лица, которые вывозят это сукно, вывозили еще 1 кусок такого же сукна того же сорта, длины, ширины и добротности, вполне отделанным и лощеным, т. е. с ворсом, чесаным... и остриженным от одного конца до другого, так чтобы каждый десятый кусок сукна, вывозимый по вышесказанной форме за границу, был отделан в этом королевстве до отправки и перевозки за границу, под угрозой заплатить штраф в 10 фунтов за каждые 9 кусков сукна, вывезенных и отправленных, таким образом, вопреки смыслу этого акта...

35. Учреждение компании для вывоза окрашенного и лощеного сукна вместо компании купцов-авантюристов (Merchant Adventurers) (1616—1617 гг.).[51]

[Bland, Brown and Tawney, English Economic History, pp. 454—460.]

«Яков, милостью божией, и т. д.

Часто и многообразно изъявляли мы наше... глубочайшее желание и постоянную решимость содействовать тому, чтобы,... вместо торговли неокрашенным сукном (white cloths), мало способствующей росту богатства и благосостояния нашего королевства, была заведена торговля окрашенным и лощеным сукном...

Для этой цели мы прежде всего обратились с соответствующим предложением к старинной компании купцов-авантюристов (Merchant Adventurers), которые, однако, отказались взять ее в свои руки под предлогом невозможности этого.

Тем временем, не будучи ни в коей мере обескуражены и твердо решившись добиться осуществления нашего основного намерения, какие бы ни встретились трудности и препятствия на пути к осуществлению этого превосходного дела, мы изыскали способы привлечь ряд лиц хорошего состояния, живущих в городе Лондоне и в других местах, которые изъявили большое рвение и похвальное усердие к тому, чтобы положено было начало осуществлению этого нашего намерения.

Принимая во внимание все вышесказанное и имея в виду прежде всего достижение указанной цели, мы направили наши королевские заботы к тому, чтобы в период между прекращением прежней торговли и утверждением и началом торговли новой компании не произошло бы приостановки в выделке сукон или задержки и прекращения в торговле ими, и тем самым это столь многообещающее в будущем дело не подверглось бы большому риску в самом его начале. Побуждаемые этим, мы решили даровать различные привилегии (licences), с приложением большой нашей печати, упомянутым выше лицам для торговли неокрашенным сукном (for a trade of whites); эти привилегии должны быть временного характера — на тот период, пока дело не будет вполне и в должной мере налажено, без всякой спешки и связанных с нею неудобств, и не будет благополучно завершено; вместе с тем, упомянутые лица получают право устраивать собрания, составлять советы (keeping of Courts) и т. п., но все же без обращения их в настоящую корпорацию (actual incorporation).

Но, тем не менее, имея всегда в виду осуществление нашей первой цели, мы постоянно настаивали и побуждали указанных лиц, которым передается производство и торговля сукнами, чтобы они гарантировали изготовление и выделку известной пропорции лощеных и окрашенных сукон для ежегодного вывоза, и чтобы эта пропорция увеличивалась и возрастала таким образом, как это требуется для плодотворного начинания столь полезного дела и для обеспечения его расширения в надлежащее время.

Тем временем указанные лица, входящие в состав новой компании, заявили пред лордами нашего Тайного совета в заседании, состояв-

шемся 18 июня 1615 г., о своей полной готовности и согласии выделывать 36 тысяч кусков сукна лощеного и окрашенного из того количества кусков неокрашенного сукна, которое прежде обычно вывозилось старой компанией в неотделанном и неокрашенном виде...

...Посему мы в нашем королевском решении... в настоящее время признаем за благо расширить наше королевское благоволение, признать указанных лиц образующими корпорацию и облечь их такими правами, пожаловать их такими привилегиями, которые прежде имела старая компания, расширив и увеличив их, как это требуется необходимостью вознаградить и всячески поддержать столь хорошее и полезное дело, с той лишь однако оговоркой, что, — поскольку настоящие права и привилегии неизбежно должны отличаться от тех, которые будут справедливы и нужны после того, как все это дело будет окончательно налажено и упрочено, — мы сохраняем свое право отменить или изменить указанные права и привилегии.

И далее мы от своего имени и от имени наших наследников и преемников настоящей грамотой подтверждаем и жалуем упомянутому [товариществу] и их преемникам, всем им и каждому из них и их преемникам навсегда, право торговать, вести торговые сношения и всякого рода торговые дела, вывозить и ввозить товары в город Кале (Callice), в пределах королевства Франции, [52] а также ввозить и вывозить товары и вести торговые сношения с каждой из упомянутых стран: Голландией, Зеландией, Брабантом, Фландрией, Западной Фрисландией и всеми другими странами, к ним непосредственно примыкающими и входившими прежде в состав герцогства Бургундского, [53] а также с Восточной Фрисландией, Гамбургом и территориями, со всеми странами Германии, ее территориями, областями и городами; разрешается вести торговлю всякого рода шерстяными тканями и товарами, каразеями (kersies) и т. п., исключая запрещенных, без всякого прекословия или вмешательства с нашей стороны или со стороны наших наследников и преемников или каких-либо других лиц.

И чтобы упомянутое [товарищество] могло наблюдать за поддержанием порядка всяким подданным или подданными нашими, наших наследников и преемников, хотя бы [эти подданные наши] и не принадлежали к данной компании, но вели бы торговые сношения с упомянутыми странами и местностями за морем и посещали бы какуюлибо из них с торговыми целями; средствами побуждения к исполнению таких приказов, постановлений и предписаний, которые имеют быть установлены и утверждены упомянутым [товариществом] для правильного управления такими подданными и надлежащего распорядка, являются штрафы, конфискации, пени, тюремные заключения и т. п., так, чтобы компании не наносился таковыми подданными ущерб и не чинились бы препятствия, но чтобы ее положение всячески поддерживалось и укреплялось. Все такие конфискации, штрафы [и т. п.], имеющие быть взимаемыми, как выше сказано, должны всегда и на будущее время поступать в пользу и в распоряжение упомянутого [товарищества]...

А также мы изъявляем свое желание, как в отношении нас, так и наших наследников и преемников, чтобы в силу настоящей

грамоты, дарованной упомянутому [товариществу], упомянутое [товарищество] имело бы полную власть и полномочие (power and authority) облагать разумными налогами и денежными суммами, а также и взимать таковые — как со всех лиц, ведущих торговлю с упомянутыми странами, так и с товаров, которые везутся и ввозятся в страны, города, области и территории, выше перечисленные, или в какую-либо из них — водным путем или сухопутным...

И для наилучшего поощрения упомянутой компании или товарищества... мы сим, как от своего имени, так и от имени наших наследников и преемников, отдаем строгое приказание и повеление всем и каждому из наших таможенных чиновников, контролеров, досмотрщиков, надзирателей, служителей и других чиновников и служащих наших, или наших наследников и преемников, в каждое данное время (for the time being), во всех и каждом из наших портов, гаваней, бухтах... в пределах наших королевств и владений (dominions),... чтобы они и каждый из них... впредь не имели бы права по своей воле разрешать или допускать, чтобы кто-либо из подданных наших или наших наследников и преемников, или кто-либо из чужестранцев или граждан других государств везли, грузили или выгружали с кораблей или других грузоперевозных судов какие-либо товары (any goods, wares or merchandises), являющиеся местными продуктами нашего королевства и предназначающиеся для вышеупомянутых территорий, стран и городов, где должно торговать, согласно настоящей грамоте упомянутое [товарищество], — если только на таковые товары не выданы соответствующие разрешения (entries... subscribed and allowed) директором или вице-директором упомянутой компании в данное время, собственноручно подписанные им, ими, или таким другим лицом или лицами, каковые для этой цели назначены и уполномочены директором или компанией, при условии ввоза таковых товаров на таком корабле, кораблях или других судне или судах, которые упомянуты в таковых разрешениях [bills or writings]...

И для наилучшего поощрения упомянутого [товарищества], и в целях его преуспеяния в вывозе лощеного и окрашенного в нашем королевстве сукна, каковой будет столь сильно содействовать общему благу королевства и каковой не может быть развит в полной мере... без предоставления временного разрешения (a temporary liberty) вывозить неокрашенное сукно..., мы настоящей грамотой... даем и жалуем упомянутому [товариществу и т. д.] полное право и льготу, разрешение, полномочие и привилегию... заготовлять и покупать... в нашем королевстве Англии и других наших владениях для собственных надлежащих нужд и потребностей ежегодно 30 тысяч кусков шерстяной ткани, неотделанной и неостриженной (unrowed, unbarbed and unshorn)... и свободно вывозить, посылать, перевозить, отсылать морем..., продавать... или располагать иным образом таковыми, отправляя из нашего королевства Англии в город Кале и его пределы в королевстве Франции и в области и города Голландии [и т. д., как выше сказано]..., за каждый же кусок неокрашенного и неотделанного сукна, сверх упомянутого количества в 30 000 кусков, вывезенного из королевства,... должна уплачиваться пошлина в 2 шиллинга 8 пенсов...

Однако наша воля и искреннее желание, сим нами объявляемые, состоят в том, ... чтобы упомянутое [товарищество и т. д.] ... приняло все меры к тому, чтобы по истечении трехлетнего срока, в продолжение которого должно вывозиться, как выше сказано, 36 000 кусков окрашенного сукна ..., представилась бы полная возможность вывозить и продавать в упомянутых странах, областях, городах и местностях исключительно сукно, окрашенное и лощеное в пределах нашего королевства и других наших владений...

Настоящая жалованная грамота и содержащиеся в ней постановления не простираются и не дают права упомянутому [товариществу королевских купцов и т. д.] или какому-либо из членов упомянутой компании вывозить из пределов королевства те сукна, каразеи и разные другие товары, вывоз которых ограничен или запрещен законом и статутами королевства ..., если только на это не будет испрошено и выдано соответствующее разрешение.

36. Основание Ост-индской компании (1599—1601 гг.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. II, pp. 83—88.]

Собрание лиц нижеупомянутых, состоявшееся 24 сентября 1599 г.

[Следуют 57 имен.]

В виду того, что различные лица, выше упомянутые, вместе с другими разными лицами, имена которых перечислены в начале этой книги, попущением всемогущего бога и с предварительно испрошенного королевского согласия нашей государыни, ее величества королевы, изъявили намерение — во имя славы нашей родины и для развития торговых сношений в королевстве Англии, сообразно с размерами своего участия в предприятии и в соответствии с денежными суммами, назначенными ими и собственноручно подписанными, — предпринять в настоящем году путешествие в Ост-Индию и другие острова и страны, близ ее лежащие, и торговать там такими товарами, какие, как это будет установлено по дальнейшем обсуждении, требуются в этих странах, или покупать и выменивать там те товары, драгоценности и т. п., которыми те страны могут снабжать;

а для лучшего распорядка и организации предполагаемого путешествия и для поощрения всех тех, кто уже решил принять участие в данном предприятии, а также и тех, кто до момента отправления решит присоединиться к нему, упомянутые лица находят целесообразным выработать для себя известные постановления и правила, которых надлежит придерживаться — как в отношении снаряжения подходящих для такого предприятия судов, так и в смысле приготовления всяких товаров, слитков и т. п., всего того, что требуется и должно быть внесено для осуществления предприятия. Посему настоящее собрание выработало и приняло следующие постановления.

Во-первых, ни одно судно не должно быть принято для участия в предполагаемом путешествии от кого-либо из участников предприятия в качестве его капитала, или его доли в предприятии, за какую бы то ни было установленную плату.

Во-вторых, все суда, которые примут участие в путешествии должны быть куплены за наличные деньги и подысканы теми лицами, которые будут назначены для этой цели.

Что касается, наконец, товаров, то никакой товар не может быть принят для отправки в качестве чьей-либо доли в предприятии, но все товары и все потребное для путешествия должны быть куплены и приготовлены для отправки теми лицами, которые будут назначены ответственными лицами и директорами (comitties and directors) для данного путешествия — для того, чтобы купить и снарядить соответствующие суда с товарами.

Настоящее собрание избирает и назначает следующих 15 лиц, имена коих ниже названы, ответственными руководителями и директорами путешествия для того, чтобы вести хозяйство, распоряжаться и управлять делами, относящимися к путешествию, а также для того, чтобы обратиться к ее величеству с прошением о даровании купцам, принимающим участие в упомянутом предприятии, исключительной привилегии на возможно больший срок и таких прав и льгот, таможенных и других изъятий и разрешений, какие только могут быть получены; а также для того, чтобы снарядить соответствующие суда, нагрузив их различными товарами, предназначенными для отправки в данное путешествие. Настоящее собрание утверждает и санкционирует все те меры, которые упомянутые ответственные лица или директора, назначенные для данного путешествия, примут единодушно или большинством голосов в отношении распоряжения имуществом, с тем, однако, условием, чтобы ни один фактор (factor) или другой служащий (office) не был нанят для данного путешествия помимо согласия и утверждения его общим собранием всех участников предприятия по избрании их большинством собравшихся...

Далее, настоящее собрание избирает казначеями для получения и выплаты денежных сумм, относящихся к данному предприятию, мистера Джона Хайлорда (mr. John Highlord) и мистера Уилльяма Ромней (mr. Wm. Romney); в их руки должны быть переданы соответствующие взносы каждым из принимающих участие в означенном предприятии — в два срока, а именно первый платеж в ноябре, второй — в декабре.

Было принято на данном собрании, чтобы впредь не принимался ни один участник в предполагаемое путешествие и предприятие с меньшей суммой, чем 200 фунтов стерлингов.

Наконец, было всеми принято, что казначеям должны быть переданы в кратчайший срок для покрытия мелких текущих расходов, связанных с упомянутым путешествием, по 12 пенсов с каждых ста фунтов, подписанных или имеющих быть подписанными в качестве долей отдельных участников предприятия, с тем, чтобы эти суммы были собраны лицом, приглашающим участников на собрания, или доставлены самими участниками предприятия казначеям.

На собрании ответственных лиц или директоров путешествия 25 сентября 1599 г.

Ответственные лица, коим было поручено руководство всеми делами, относящимися к путешествию, собравшись вместе, поделили

между собою текущую работу по организации путешествия: часть их должна выступать и ходатайствовать о даровании привилегии и других прав и льгот, с нею связанных; другие же должны озаботиться приисканием таких кораблей, которые будут признаны годными для путешествия; для осуществления этих задач упомянутые лица взаимно согласились приложить свои усилия, а именно:

ходатайствовать пред лордами совета (the lords of the Council) [8 имен],

подыскивать корабли [7 имен].

И было постановлено представить петицию лордами ее величества высокопочтенного Тайного совета — от имени участников предприятия, в которой было бы указано их милостям, что различные купцы, побуждаемые к тому успехом путешествия, предпринятого голландцами,[54] и будучи осведомлены, что голландцы приготовляются к новому путешествию и для этой цели купили несколько судов здесь, в Англии, и, наконец, движимые не менее сильным желанием к ускорению развития торговли в родной стране, чем голландские купцы, стремившиеся также ко благу своего государства, — решили предпринять путешествие в Ост-Индию, если ее величеству будет угодно помочь осуществлению их намерения и наилучшему выполнению поставленной задачи — путем удовлетворения следующих ходатайств и просьб, а именно:

даровать участникам предприятия наследственную привилегию и признать их образующими компанию (to incorporate them in a Company), ибо торговать с Индией, отстоящей столь далеко отсюда, возможно лишь при условии образования акционерного объединенного капитала;

чтобы корабли участников предприятия не были задерживаемы под предлогом несения какой-либо службы, ибо задержка в течение одного месяца может привести к потере возможности путешествия на целый год;

чтобы участники предприятия получили право беспрепятственной отправки иностранной монеты, невзирая на какой-либо из статутов;...

чтобы была удовлетворена смиренная просьба об освобождении от таможенных сборов на все те товары, которые имеют быть вывезены в продолжение 6 поездок, тем более, что придется произвести много опытов прежде, чем удастся наладить снабжение страны товарами, на которые здесь имеется спрос, а также и по той причине, что голландские купцы для лучшего их поощрения на много лет освобождены от таможенных пошлин, как ввозных, так и вывозных.....

Общий совет (Generall Court), имевший место 9 января 1600 (1601) г. в присутствии... [17 имен] и большинства участников компании (generality).

Данный Совет был осведомлен, что общая сумма, собранная на организацию торгового путешествия, оказалась недостаточной: не хватает 4 или 5 тысяч фунтов по сравнению с тем, что необходимо затратить, принимая во внимание большие приготовления голландцев, которые предполагают отправиться в те же самые места и пункты Ост-Индии, куда предположено и наше путешествие; а кроме того,

некоторые из участников предприятия, подписавшие на него назначенные ими суммы, не внесли ничего, а другие не внесли всей подписанной суммы, утверждая, что они не могут вложить в предприятие тех сумм, которые они прежде подписали. Вследствие этого собранная сумма оказалась недостаточной, и необходимо собрать еще средства для устройства хорошей торговой поездки, которая обойдется в общем в 8—9 тысяч фунтов. Получив данные сведения, совет стал обсуждать, каким образом всего лучше покрыть этот обнаружившийся недостаток средств. И вот было решено общим советом, что для того, чтобы путешествие оказалось успешным, и для избежания того вреда, который может произойти вследствие недостатка надлежащих средств для осуществления настоящего предприятия, с общего согласия настоящего собрания, закрепленного в виде правовой нормы под гарантией указанных жалованных грамот (establyshed as a lawe warraunted by the said letters pattentes), для безотлагательной отправки судов и достаточного увеличения капиталов, вложенных в предприятие, — следует увеличить по 2 шиллинга на фунт те вклады, которые были сделаны участниками предприятия, пропорционально величине этих вкладов; с той однако оговоркой, что, в том случае, если вся нужная сумма будет собрана путем добровольного увеличения вкладов или путем оказания давления на тех, кто не внес целиком или частично тех вкладов, которые были этими лицами подписаны, — то весь излишек, который получится благодаря увеличению на 2 шиллинга с фунта, должен быть возвращен соответствующим вкладчикам пропорционально суммам их взносов, а тем временем этими дополнительными взносами надлежит пользоваться, как деньгами, взятыми в долг.

Было также постановлено довести до сведения лордов совета (Lords of the Councell) и принести жалобу на тех лиц, которые, не выполнив своих обязательств, тем самым внесли расстройство в подготовку путешествия; пусть они будут вызваны пред их лордства, чтобы получить там такой приказ, какой найдут нужным отдать их лордства (their honors). Пусть это предписание и принятое решение будут приведены в исполнение в кратчайший срок, и упомянутые взносы в размере 2 шиллингов с фунта внесены каждым из участников предприятия пропорционально их долям к 15 числу этого месяца — под страхом взыскания двойной суммы по сравнению с той, которая с них причитается, согласно и в силу упомянутых выше жалованных грамот и привилегий (graunt and priviledges); если однако кто-либо из участников предприятия захочет добровольно увеличить свою долю участия в нем в размере свыше чем 2 шиллинга, на фунт всей подписанной суммы, то по отношению к нему не должно быть применяемо вынесенное постановление о заимообразном увеличении внесенной суммы в размере по 2 шиллинга на фунт.

В силу полномочий, данных компании в отношении выбора помощника главного директора (the deputie to the governor) ее, в настоящем совете (Court) был произведен выбор такового помощника, и с общего согласия был избран и назначен м-р Уилльям Ромней для несения обязанностей такового помощника.

И для лучшей подготовки отправления судов в предполагаемое путешествие, и для устранения того ущерба, который нанесли делу путешествия те, кто не внесли подписанных ими сумм, принимается постановление, чтобы господин главный директор и остальные директора компании (m-r governor and comittees) назначили тех лиц, которые могли бы пойти к лордам совета (to the Court... to the Lords), изложить все дело и принести жалобу.

37. Жалоба на монополию в Московской компании (1604 г.).

[Tawney and Power, Tudor Economic Documents, vol. II, pp. 88—89.]

Московская компания, состоящая из 180 лиц, или около того, имеет 15 директоров, которые управляют всей ее торговой деятельностью (the whole trade); они устанавливают для каждого из участников долю капитала (the proportion of stock), которой он участвует в операциях компании, соединяют все доли в общую казну и общий капитал и передают все в руки одного своего агента в Москве, а затем, по возвращении, в руки агента в Лондоне, которые ведут все торговые операции, давая лишь такие отчеты, какие им заблагорассудится дать.

Это — непомерная и постыдная монополия; монополия в монополии! как за границей, так и на родине. Вся компания, благодаря ей, обращается как бы в одного человека, который один торгует продуктами столь великой страны. Неудобства, которые отсюда явным образом проистекают, троякого характера.

Во-первых, вследствие этого они распространяют меньше наших товаров; так как имеется лишь один агент, то все товары идут через его руки; этим пользуются голландцы, которые проникают помимо нас туда же [в Москву], торгуют там нашими собственными английскими товарами, — которые наиболее подходят для той страны, — продают товаров гораздо больше, чем наши собственные купцы, и делают более быстрые барыши (make quicker retum); это ведет к тому, что многие англичане присоединяются для того, чтобы торговать, к голландцам, причиняя ущерб его величеству королю в его таможенных доходах, а торговля вследствие этого приходит в очевидный упадок; ибо голландцы увеличили в короткий срок число кораблей с 2 до 20, а этой весной они отправили в Московию около 30 кораблей, тогда как наши соотечественники лишь 7 кораблей. Нечто подобное произошло с Турецкой компанией, когда ее участники были принуждены образовать акционерный капитал; а после того, как это было отменено, стали отправляться 4 корабля вместо одного.

Во-вторых, при их возвращении с московскими товарами, они наносят большой ущерб обществу и государству. Напр., что касается канатов (cordage), то они привозят их в Англию так мало и продают так дорого, что в короткое время подняли цену с 20 до 30 шиллингов. Мало того, чтобы продавать товар дороже, они вошли в соглашение с покупателем — не ввозить больше этого товара в течение 3 лет.

В-третьих, это наносит ущерб всем младшим купцам их собственной компании, которым невыгодно, чтобы их капитал на такой

долгий срок уходил из их рук, которые хотели бы применить свою собственную предприимчивость в приложении своего капитала; и часто все они губятся (damnified) банкротством главного фактора.

38. Статут о монополиях (1623—1624 г.г.).

(21 James I, c. 3.)

[Statutes of the Realm, vol. IV, part II, pp. 1212—1214.]

Ваше превосходительнейшее величество в год нашего господа бога 1610 опубликовали в печати для всего королевства и всего потомства, что все пожалования монополий и изъятия от каких-либо уголовных законов или полномочия освобождать от исполнения закона и отменять по соглашению конфискацию — противны законам вашего величества... и ваше величество далее милостиво соизволили ясно приказать, чтобы ни один челобитчик не осмеливался беспокоить ваше величество просьбами такого рода; но, тем не менее, вследствие неверных сведений и под ложно выставленным предлогом общего блага многие таковые пожалования были неправильно получены и незаконно приведены в исполнение... во избежание оного и предупреждения всего подобного в будущем, да соблаговолит ваше величество, по смиренному челобитию светских и духовных лордов и общин в нынешнем парламенте, приказать, чтобы все монополии и все поручения, пожалования, лицензии, хартии, жалованные грамоты, до сих пор данные или пожалованные какому-либо лицу или лицам, каким бы то ни было юридическим лицам и корпорациям для монопольной покупки, продажи, производства, выработки и употребления чего-либо в пределах этого королевства или княжества Уэльс,... были [объявлены] совершенно противными законам этого королевства и, таким образом, являлись и были впредь совершенно недействительными и не имеющими никакой силы и никоим образом не были приводимы в исполнение.

[II. Все грамоты, связанные с монополиями, должны впредь быть согласованы с общим правом.]

[III. Воспрещается впредь получать грамоты, дающие монополии.]

[IV. Лицам, потерпевшим ущерб от владельцев монополий, должны быть возмещены согласно общему праву понесенные убытки в тройном размере.]

V. Ни одно из вышеупомянутых заявлений не простирается на жалованные грамоты и пожалования привилегий на срок в 21 год или ниже, доселе выданные для монопольного производства или изготовления какого-либо рода новой мануфактуры в этом королевстве, первому и настоящему изобретателю или изобретателям таких мануфактур, каких другие во время выдачи жалованных грамот и пожалований не производили, лишь бы [эта грамоты и пожалования] не были противны закону и пагубны для государства, повышая цены на товары внутри страны или вредя торговле, или вообще неудобны...

[VII. Этот акт не распространяется на пожалования, предоставленные актом парламента.]

39. Экономическая политика Страффорда [55] в Ирландии (1636 г.).

[Bland, Brown and Tawney, English Economic History, pp. 470—472.]

Последним из моих общих дел было дело о торговле, о которой я рассуждал следующим образом: я указал им, что до моего приезда купцов, приезжающих сюда торговать, грабили пираты и в портах его величества, и в открытом море [один корабль был сожжен в самой Дублинской гавани в виду замка его величества и продолжал гореть, а пираты свозили груз с корабля в течение двух дней к великому позору для государства]; что корабли из-за недостатка денег прибывали так поздно [обыкновенно не раньше самого конца июля], что ущерб бывал причинен еще до их прибытия; но теперь, когда деньги уплачиваются здесь надлежащим образом казначейству, корабли в течение последних 2 лет приставали к берегу в начале марта; 5 или 6 бискайцев было захвачено в канале, задержано и затем отпущено после того, как они дали обещание не совершать никаких враждебных действий в канале; большой корабль герцога Macqueda был захвачен у западного берега, и это так обескуражило их, что купцы не потеряли ничего со времени моего приезда сюда, и в течение последних 2 лет не было и слышно о каком-либо бискайце. Таким образом, торговля чрезвычайно увеличилась, и так будет продолжаться, если у нас будет мир к чести его величества и к обогащению его народа.

Здешняя торговля не только увеличилась, но и находится в хорошем состоянии, так как вывозимые местные товары превосходят по крайней мере на треть, если не вдвое, ценность ввозимых из-за границы товаров— верный признак того, что государство наживает за счет своих соседей.

Промышленность у них была незначительна, или ее даже совсем не было, не считая некоторых ничтожных попыток суконного производства, которым я препятствовал бы и предложил бы препятствовать по силе возможности, если бы не было иных указаний от его величества и его совета; ведь это, во-первых, может подорвать английское суконное дело — наше главное производство; во-вторых, если они станут обрабатывать свою собственную шерсть, производство которой дошло до очень больших размеров, то мы не только потеряем ту прибыль, которую получаем от выделки сукна из их шерсти, но его величество понесет большой урон в своих пошлинах, и в конце концов можно опасаться, что они вытеснят самое наше производство, продавая дешевле нас, на что у них есть полная возможность. Кроме того, этого [требуют] государственные соображения: пока они не выделывали сукна из своей собственной шерсти, они должны были по необходимости приобретать себе одежду у нас и, следовательно, некоторым образом зависеть от нас в своих средствах существования и вследствие этого настолько зависеть от нашего государства, что они не могли бы отделиться от нас, иначе они и их дети будут ходить голыми. Но я постарался бы посадить их за другую работу, а именно насаждал бы производство льняных тканей, тем более, что женщины все умеют прясть, что в ирландской земле очень хорошо растет лен и что эта мануфактура была бы, в конце концов, выгодней для этого королевства, чем

всякая иная. Я поэтому послал за льняным семенем в Голландию, так как там сорта лучше наших, посеял в этом году на 1 000 фунтов [так как я нашел из нескольких посевов прошлого года, что эти сорта принимаются здесь очень хорошо], выписал рабочих из Нидерландов и даже из Франции и устроил уже 6 или 7 ткацких мастерских; и это, как я надеюсь, если богу угодно будет благословить нас в этом году, побудит [ирландцев] следовать нашему примеру; когда они увидят, что таким путем получается большая прибыль, и они возьмутся за это дело и будут им заниматься; и если так случится, в чем я уверен, то выйдет большое дело, так как, по всему вероятию, мы сможем продавать льняные ткани дешевле голландских и французских по крайней мере на 20%.

В заключение, для увеличения торговли я смиренно посоветовал бы, чтобы его величество не допускал никаких враждебных действий по отношению к купцам и их имуществу в Канале, который должен охраняться и пользоваться привилегиями, как величайшая из гаваней его величества, по тем же самым естественным причинам, по которым это делает Венецианское государство со своим заливом, а датский король со своим Зундом, и поэтому я смиренно умолял бы его величество и его совет, чтобы это помнили и принимали в соображение во всех будущих договорах с иностранными государями.

Подводя всему этому итог, я хотел бы показать его величеству и лордам, что благосостояние народа в этом королевстве растет и может возрасти превыше всякого ожидания, если получит небольшое содействие своему начальному развитию и если страну не будут приводить в уныние более суровым обращением с нею, чем с Англией и Шотландией. В качестве примера я приводил налог на уголь, которым ирландцы облагаются не как англичане, а как иностранцы, а именно 4 шиллингами за тонну — столько же, сколько платят французы или голландцы; далее, взимаются чрезмерные пошлины с лошадей (horse or mare), вывозимых из Англии, так что я не знаю, как снабжать армию для королевской службы, так как в Ирландии нет своей собственной породы [лошадей] для удовлетворения этих потребностей; наконец, 18 пенсов взимается с каждой головы живого скота, который прибывает оттуда, что может быть большой помехой для тех, кто желал бы переселиться с детьми в страну, где с ними будут обращаться как с иностранцами, будут отказывать им в снисхождениях и льготах, даруемых другим подданным, и совершенно подавлять и в корне подрезывать всякий рост торговли мелкими придирками (nipping) и чрезмерным отягощением.

40. Критика Навигационного акта (1663 г.). [56]

[Bland, Brown and Tawney, English Economic History, pp. 672—674.

Его превосходительнейшему королевскому величеству.

Нижайшее представление Джона Блэнда из Лондона, купца, в защиту жителей и плантаторов Виргинии и Мериленда.

Нижайше представляется вашему величеству: если будет так, что из последнего акта об увеличении торговли и судоходства не сде-

лают изъятия в отношении этих колоний, то разорение их неизбежно; это будет не только гибельным для жителей и колонистов, но разорит самые большие, плодороднейшие и наиболее славные колонии во владении вашего величества; если же будет сделано изъятие, то это принесет более высокую выгоду для национальной торговли и более значительный доход казне вашего величества, чем какая-либо часть света, с которой мы торгуем...

Виргиния и Мериленд — колонии, которые хотя и способны производить самые лучшие товары, однако теперь могут доставлять только вот что: главным образом табак, на следующем месте хлеб и скот — товары, которые можно получить почти в каждой стране; вместе с тем, это такие товары, за которыми, если их не продавать на этих плантациях так дешево, как нигде, никто не захочет туда ездить, чтобы привозить их, никто, даже мы. Раз это так, то, конечно, несовместимо с мудростью препятствовать голландцам ездить туда.

Опять-таки если вы не пускаете туда голландцев, то можно ли поверить, что из Англии будет послано больше кораблей, чем нужно для того, чтобы привезти оттуда только такое количество табаку, какое будет потреблено в самой Англии? Если же они привезут больше, то не придется ли им потерять как капитал, так и проценты?

Этот акт причинит, очевидно, вред торговле не только тем, что не разрешает торговать с этими колониями голландцам, но тем самым он не разрешает этого и нам самим, так как по этому акту английским кораблям нельзя грузить какие-либо товары в Виргинии и Мериленде, чтобы перевезти в какую-либо страну помимо наших владений Я спрашиваю, не лучше ли будет разрешить английским кораблям, забирающим груз в тех колониях, отправляться туда, куда им угодно, и платить там, где они торгуют, [если это не будет решено иначе], те же пошлины вашему величеству, которые они платили бы в Англии, или дать там квитанции, чтобы заплатить в Англии? Конечно, это было бы более благоприятно для торговли и служило бы обеспечением как для кораблей, так и для товаров, и принесло бы выгоду вашему величеству; ведь пока они прибудут в Англию, они смогли бы уже достигнуть цели своего путешествия и приобрести рынок, которого быть может нельзя было бы получить в Англии. Если же, несмотря на то, что указано в предшествующих пунктах, будет признано за благо, чтобы акт оставался в силе,... то позвольте мне в отношении упомянутых колоний, Виргинии и Мериленда, сделать следующие предложения, которые, я надеюсь, покажутся только справедливыми, и я осмелюсь хлопотать, чтобы они были вполне удовлетворены и чтобы те немногие табачные плантаторы, которые сосредоточили в своих руках эту торговлю, продолжали бы ее впредь, не терпя дальнейшего убытка.

Во-первых, чтобы торговцы с Виргинией и Мерилендом, приезжающие из Англии, доставляли и снабжали поселенцев и жителей этих колоний всеми видами товаров и необходимых припасов, в которых они могут нуждаться или желать, — по таким же дешевым ценам, какие брали голландцы, когда им разрешалось там торговать. Во-вторых, чтобы упомянутые купцы, приезжающие из Англии в эти колонии,

не только покупали бы у плантаторов в колониях тот табак, какой нужен для Англии, но забирали бы все, что будет ими произведено за год, по тем же хорошим ценам, какие обыкновенно платили голландцы.

Чтобы уладить дело, я предлагаю: пусть все голландцы и какие бы то ни было другие нации свободно торгуют в Виргинии и Мериленде и привозят туда и вывозят оттуда все, что им угодно; и чтобы уравновесить дешевизну их фрахта с дороговизной наших кораблей, пусть они платят установленную пошлину и налог, который может это уравновесить; и если то, что они платили прежде, окажется недостаточным, то можно эту сумму удвоить и утроить, как окажется нужным, но все же с той оговоркой, что от этого им не должно стать хуже, чем если бы им совсем запретили [торговать]...

Далее, чтобы все английские корабли, отправляющиеся туда торговать и привозящие товары в какую-либо другую страну помимо Англии, могли быть освобождены от всяких пошлин, за исключением определенного сбора в пользу этих колоний.

41. Список важнейших акционерных компаний от 1553 до 1720 г.

[Составлено по W. R. Scott, Joint-Stock Companies, vol. III, pp. 462—481.]

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
1553	Московская компания (первоначальное название «Цех и компания купцов-авантюристов для открытия неведомых стран, владений и мест»[57]	240	25	6 000	240	1553
					207	1555
			200	48 000		1564
					80	1572(?)
					12	1586(?)
					80	1604
				64 687		1617
					50	1654
					12—14	1694
1564	Общество королевских рудников[58]	24	850	20 400	22 акционера в Англии	1569 1571
1565	Общество для разработки руд и минералов	36	—	—	—	—
1571	Общество для разработки нового способа выделывать медь[59]	5	200	1 000	5	1571

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
1576	Компания авантюристов для открытия Северо-западного прохода, или Катайская компания .	—	—	875	18	1576
				5 150	41	1577
				6 952		1579
				11 600		
—	Компания для колонизации Северной Америки, организованная Христофором Карлейлем [60] .	—	25	4 000	—	—
			$12^1/_2$			
			$6^1/_4$			
—	Компания левантских купцов .	—	130	—	20	1581
						1592
1599	Компания лондонских купцов, ведущих торговлю с Ост-Индией (знаменитая Остиндская компания) [61] .	1 путеш.	—	68 373	—	1601
		2 »	—	60 450	—	1604
		3	—	53 500	—	1607
		4	—	33 000	—	1608
		5	—	13 700	—	1609
		6	—	80 163	—	1610
		7	—	15 634	—	1611
		8	—	55 947	—	1611
		9	—	19 614	—	1612
		10	—	46 092	—	1612
		11	—	10 669	—	1612
		12	—	7 142	—	1613
		1 акционерн. капитал		418 691	—	1613—17
		2 » »		1 629 040	954	1617—28
		1 Персидское путеш.		125 000	—	1628
		2 » »		150 000	—	1629
		3 » »		100 000	—	1630
		3 акционерн. капит.		420 000	—	1632
		1 генеральное путеш.		80 450	—	1641
		4 акционерн. капит.		105 000	—	1642
		2 генеральное путеш.		192 800	—	1648
		Объедин. акц. капит.		—	—	1650
		Нов. генеральн. капит.		$739\,782^1/_2$	—	1657

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
					530—600	1681
					320	1688
					482	1693
					1 200	1691
				744 000	763	1702
				1 574 608	759	1703
					960	1707
					916	1708
					965	1708
1606	Компания авантюристов и колонизаторов из лондонского Сити для устройства первой колонии в Виргинии .	—	$12\frac{1}{2}$	36 624	858	1619
			$6\frac{1}{4}$	36 862	866	1620
1616—1617	«Магазин» (компания для торговли с Виргинией) [62]. .	—	—	7 000	—	—
1621	Акционерное общество для изготовления стекла и бус в Виргинии [63] .	—	10	около 1 000	—	—
1621	Акционерное общество для отправки 100 девиц в Виргинию (в качестве жен для колонистов) [62]. .	100	8	800	—	—
1612	Компания лондонского Сити для колонизации Бермудских островов .	400	—	10 000	—	1612 1613
1610	Общество новой колонизации Ольстера в королевстве Ирландии	12	$3.333\frac{1}{8}$	40 000	54 [63]	1613
1608	Компания для проведения в Лондон воды из Чадвельского и Аквельского ключей (New River Company) [64]. .	36, кроме королевск. половины	$257\frac{1}{4}$	18 524	—	1615
		72	—	—	—	1831
1618	Компания лондонских авантюристов для торговли с Гвинеей и Бенином (Gynney and Bynney). .	—	—	5 766	—	1620

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
1619	Компания знати и дворянства для колонизации Гвианы . .	—	150 100 50	5 000	55	1627
1620	Плимутский совет для колонизации и управления «Новой Англии» в Америке [65]	—	110	—	—	1622
	Компания авантюристов для колонизации Нового Плимута [66] .	—	10	7 000	70 [67]	1624
1621	Предприниматели для колонизации Новой Шотландии [68] . .	—	100	8 000	83	1624 1628
1628	Компания Массачусетского залива в Новой Англии	—	50	—	110	1628 1629
1629	Компания авантюристов для колонизации провинции Лаконии в Новой Англии . .	—	—	—	—	—
	Канадская компания авантюристов . . .	—	—		—	—
1629	Компания авантюристов для колонизации островов Провидения, Генриетты и соседних островов между 10° и 20° северной широты и 290° и 310° долготы [69]	10 24 24	200 500 1 000	2 000 12 000 24 000	10 42	1629 1630 1633
1631	Компания купцов, торгующих с Гвинеей	—	—	[70 000]	—	—
1631	Предприниматели для осушения Линдсейской топи [70] .	18	2 500	45 000	8	—
1631	Компания для осушки болот в графствах Кембридж, Гентингтон, Норзэмптон, Сеффок и на о-ве Или [71]	20	4 650	93 000	11	1638
1630	Общество для рыбной ловли в Великобритании и Ирландии [72] .	—	—	22 682½	—	1635

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
1642	Компания авантюристов для приобретения земель в Ирландии[73] .	—	—	360 000	—	—
1656	Компания авантюристов для путешествия в Индию на корабле «Уильям» .	—	—	46 200	—	—
1661	Компания королевск. рыбных ловель Великобритании и Ирландии	—	—	10 980	—	1663 1664
1670	Королевская компания рыбных ловель в Шотландии[74]	—	—	25 000	—	—
1677	Компания королевск. рыбн. ловель в Англии	—	—	100 000	—	1694
1662	Королев. компания английских авантюристов для торговли с Африкой .	305	400	122 000	—	1662
1672	Королевская Африканская компания[75] . .	—	—	111 100	—	1672
					198	1680
				444 400		1691
				625 250		1693
				1 101 050		1697
				451 350		1712
1668	Компания английск. авантюристов для торговли с Гудзоновым заливом . . .	105	100	10 500	18	1670
					32	1672
				31 500		1690
				103 950	89	1720
1670	Предприятие для разработки королев. рудников в графствах Кардиган и Мерионет[76] .	42	100	4 200	—	—
1675	Компания предпринимателей для подачи воды из Темзы (York Buildings Company) .	12	—	—	1 675	—
		48	100	4 800	1 690	—
				1 259 575	1 720	—
1670	Компания для изобретения и применения прокатки свинца .	12	—	—	—	—

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
1667	Товарищество для страх. домов от огня [77]	12	—	—	12	1680
1680	Компания для снабжения водой Ньюкасля на Тайне [78] .	—	—	—	—	—
1681	Компания Шедвельского водопровода (для снабжения Лондона) .	—	—	3 500 —	—	—
1681	Шерст. мануфактура в Нью-Милльсе в графстве Гаддингтон [79] . .	—	—	5 000	—	1681
1682	Компания уличных фонарей с рефлекторами (Convex Lights) .	32 32	160 800	5 120 26 600	—	до 1694 1695
1683	Компания, получившая патент на переработку морской воды в питьевую . .	—	—	—	—	—
1683	Капитан Пойнтц и компания для колонизации о-ва Тобаго [80] .	5 000	12	60 000	—	—
1685	Комп. для изготовл. белой бумаги в Англии	400	50	20 000	—	1686
1687	Королев. комп. для изготовления в Англии глянцовитых шелковых тканей (lustrings)	2 400	25	60 000	134	1692
1689	Соляные копи в Дройтвиче [81] . .	—	—	—	—	—
1689	Джон Лофтинг и К° владельцы дренажной машины . .	—	—	—	—	—
1690	Королевск. корпорация Ирландской льняной мануфактуры . .	400	5	2 000	—	1690
	Компания серебряных и медных рудников, организов. сэром Карберри Прайсом [82] .	4 800	17	81 600	—	1691 1693
1690	Комп. стеклянного производ. в Лондоне .	—	—	25 000	120	—
1691	Королевск. Лондонская комп. для льняной и бумажной мануфактуры на островах Джерсей и Гернсей .	—	—	—	—	—

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
1691	Компания медных рудников в Англии .	700 21 000	— 5	— 105 000	—	1692 1720
1691	Компания для изготовл. селитры в Англии	1 200	—	—	—	1692
1689	Северно-английское общество для выделки сабельных клинков	—	—	150 000 268 867	—	1703 1708
1691	Шотландская льняная мануфактура	6 000	5	30 000	—	—
1692	Гемпстедские водопроводы [83]	600	20	12 000	—	1692
1692	Комп. для плавки свинца с камен. углем	—	—	—	—	—
1692	Купеческ. комп. для торговли с Гренландией	—	—	40 000	42	1892
	Комп. для раскапывания и разработки рудников при помощи акционерн. капитала	—	—	—	—	—
1693	Компания для выплавки железа с каменным углем .	—	—	10 500	—	—
	Компания водопроводных труб в Сити [84]	300	500	105 000	—	1703
[1582]	Водопроводн. комп. Лондонского моста . .	—	—	—	—	—
1694	Компания Английск. банка .	—	—	1 200 000	1 267	1694
1694	Шотландская мануфактура белой бумаги	1 400	—	5 000	—	—
1695	«Миллионный банк» [85] .	—	—	320 000 500 000	—	1700
1695	Банк Земельного кредита, основанный Гью Чемберленом . .	—	—	—	—	—
	Земельный банк, учрежденный в 1695 г.	—	—	100 000	—	1695
	Национальный земельный банк .	—	—	—	—	—

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
1695	Компания Английского национального[86] земельного банка	—	—	—	—	—
	Компания Шотландского банка	—	—	100 000	—	—
1695	Шотландская компания для торговли с Африкой, Ост-Индией и Вест-Индией	—	—	400 000	1 317	1696
	Подрядчики на ввоз табака во владения московского царя	—	—	12 000	70	1698
1698	Английск. компания для торговли с Ост-Индией[87]	добавочный	капитал	1 662 000 581 700	—	—
1702	Комитет для соединенного управления ост-индской торговлей	—	—	—	—	—
1709	Соединенная комп. английск. купцов для торговли с Ост-Индией	—	—	3 163 000 31 080 3 194 080		1708 1709—17 1717
1698	Английск. компания горно-промышленников авантюристов	облигаций 25 000 акций 4 008 6 012	5 20 45	125 000 80 160 270 540	700 600	1698 1705 1710
1699	Благотворительная компания для помощи трудолюбивым беднякам путем мелких ссуд под заклад за законный процент	—	—	20 000 30 000 600 000	—	1704 1719
1706	Лондонская страховая компания	24	40 (?)	960 (?)	—	1709—70
	Общество страхования от огня «Солнце»	2 400	10 (?)	24 000 (?)	—	—
	Лондонск. общество страхования жизни	—	—	—	—	—

Дата возникновения	Название компании	Число акций	Цена акции в фунтах	Капитал в фунтах	Число акционеров	Год, к которому относятся сведения об акциях, акционерах или капитале
1711	Компания великобританских купцов для торговли в южных морях и в других частях Америки и для поощрения рыболовства[88] .	—	—	9 177 967 10 000 000 11 746 844 37 802 203	—	1711 1715 1719 1720
1713	Компания для изготовления и продажи букового масла .	— 5 000	— 45	20 000 225 000	—	1714
1717	Страховое общество королевской биржи[89] .	11 520	10	номинал 1 152 000 внесено 115 200	400	1719
1719	Лондонское страховое общество[90] .	19 740	5	98 198 3/4	—	1720

42. Число акционерных компаний, возникших с начала сентября 1719 г. до конца сентября 1720 г. (по месяцам).[91]

Год	Месяц	Число компаний	Капитал в фунтах
1719	Сентябрь	2	10 000 000 + ? (сведения только об одной компании)
	Октябрь	3	2 800 000
	Ноябрь	3	2 200 000 + ? (сведения только о двух компаниях)
	Декабрь	5	4 220 000
1720	Январь	5	7 700 000
	Февраль	24	34 500 000 + ? (нет сведений об одной компании)
	Март	1	1 240 000
	Апрель	27	22 000 000 + ? (нет сведений о 10 компаниях)
	Май	19	21 500 000 + ? (нет сведений о 10 компаниях)
	Июнь	87[92]	18 370 000 + ? (сведения лишь о 47 компаниях)
	Июль	2	нет сведений
	Август	6	388 000 + ? (сведения лишь о 2 компаниях)
	Сентябрь	3	100 000 + ? (сведения лишь об одной компании)

43. Спекуляция в 1720 г.

[По W. R. Scott, Joint-Stock Companies, vol. I, pp. 419—421.]

Название компании (сокращенно)	Номинальная цена акции в фунтах	Наивысшая цена в 1720 г.
Компания южных морей[93] .	100	1 050
Английский банк .	100	265
Ост-индская компания .	100	449
«Миллионный» банк . .	100	440
Королевская Африканская компания .	100	200
Ливерпульское Водопроводное общество . .	10	20
Страховое общество «Солнце» .	10	20
Королевские рыбные ловли .	10	25
Морское страхование . .	1	3
Ирландская парусина .	$^{1}/_{4}$	1
Общество святого острова[94]	5	15
Доставка угля из Ньюкасля в Лондон .	$^{1}/_{4}$	1
Разработка лесов и пустующих земель . .	5	20
Перепродажа акций .	2	12
Похоронные процессии . .	$2^{1}/_{2}$	15
«Пенсильвания» .	$5^{1}/_{4}$	40
Гренландское китоловство .	$^{1}/_{2}$	$3^{1}/$
Сушка солода нагретым воздухом .	$^{1}/_{8}$	1
Страховое общество «Роза» . .	$^{1}/_{2}$	4
Страхование жизни .	$^{1}/_{2}$	4
Торговля с Гамбургом .	15	120
Большие рыбные ловли .	$^{1}/_{2}$	5
Оркнейские рыбные ловли . .	25	250
Пенсильванские лен и конопля . .	$2^{1}/_{2}$	28
Каменная соль .	$1^{1}/_{4}$	15
Улучшение растительных масел .	5	60
Селитра .	$^{1}/_{8}$	$1^{1}/_{2}$
Чулки .	$2^{1}/_{2}$	30
Удобрение земли . . .	$^{1}/_{8}$	4
Водяная машина . .	4	50
Багамские острова[95] .	3	40
Навигация по реке Дуглас .	5	70
Постройка судов для фрахта .	1	15

Название компании (сокращенно)	Номинальная цена акции в фунтах	Наивысшая цена в 1720 г.
Глянцовитый шелк. .	$5^1/_8$	105 или 120
Английская медь. .	5	105
Уэльская медь .	$4^1/_8$	90 или 95
Британское страховое общество .	$^1/_8$	3
Страховое общество Королевской биржи .	10	250
Водопроводное общество (York Buildings) .	10	305
Золотые россыпи .	$^1/_2$	16
Лондонское страховое общество .	5	175
Генеральное страховое общество .	$^1/_8$	8
Рыбные садки (сэра Р. Стиля)[90] .	0	160

44. Колебания акций Компании южных морей и Ост-индской компании за 1720 г.

[По W. R. Scott. Joint-Stock Companies.]

Месяц и число	Компания южных морей	Ост-индская компания
	Ном. ст. 100	Ном. ст. 100
Январь 1 — 9. .	$128^1/_4$ — $134^3/_4$	
11 — 16. .	$134^1/_4$ — 136	
18 — 23. .	$134^1/_2$ — $135^3/$	
25 — 30. .	$128^1/_2$ — $135^3/$	
Февраль 1 — 6. .	129 — 161	
8 — 13. .	160 — $173^1{}_2$	
15 — 20. .	$173^1/_2$ — 187	
22 — 27 .	$169^1/_4$ — $179^1/_2$	
Февраль 29 — март 3. .	172 — 180	
Март 7 — 12. .	$179^1/_2$ — 185	
14 — 19. .	$182^1/_2$ — 200	
21 — 26. .	235 — 380	
Март 28 — апрель 2. .	295 — 325	
Апрель 4 — 9. .	283 — 319	
» 11 — 16. .	278 — 350	
18 — 23. .	328 — 348	
25 — 30.	336 — 350	

Месяц и число		Компания южных морей	Ост-индская компания
		Ном. ст. 100	Ном. ст. 100
Май	2	незначительные колебания	238 — 240
»	3		239 — 243
	4		$239^1/_2$ — 243
	5		238
	6		237 — 238
	7		235
	9		$237^1/_2$
	10		237
	11		236
	12		235 — 239
	13		240 — 242
	14		245 — 251
	16		250
	17		256
	18	352 — 360	246 — 248
	19	370 — 384	252 — 256
	20	381 — 415	255 — 268
	21	420 — 460	260 — 290
	23	460 — 495	280 — 290
	24	465 — 480	270 — 280
	25	473 — 485	266
	26	468 — 475	270 — 275
	27	474 — 496	268
	28	500 — 520	280 — 290
	30	510 — 550	295
	31	585 — 610	305
Июнь	1	610 — 770	300
	2	770 — 870	295 — 300
	4	690 — 765	295 — 300
	5	770 — 780	305 — 325
	6	768 — 775	$317^1/_2$ — 322
	7	740 — 765	317 — 340
	8	740 — 765	320 — 337
	9	725 — 770	340
	10	725 — 770	340 — 360
»	11	735 — 740	335 — 340

Месяц и число		Компания южных морей	Ост-индская компания
		Ном. ст. 100	Ном. ст. 100
Июнь	12 .	700 — 740	345 — 350
	14 .	690 — 715	345 — 350
	15 .	705 — 755	340
	16 .	745 — 780	—
	17 . .	750 — 760	340
	18	750 — 755	334 — 340
	20 .	740 — 765	335
	21 .	750 — 765	332 — 337
	22 .	750 — 785	335 — 360
	23 .	1000	365 — 395
	24 .	1000 — 1050	440
	25 .	1000	—
	27 .	1000	—
	28 .	980	435 — 449
	29 .	980 — 1000	425
»	30 .	950	415 — 420
Июль	1 .	940	405
	2 .	950	400 — 410
	4 .	—	400
	5 .	—	395
	6 .	—	385 — 395
	7 .	—	370 — 380
	8 .	—	360 — 375
	9 .	960	380
	11 .	975	390
	12 .	970 — 990	385
	13 .	980	390
	14 .	970	380 — 390
	15 .	980	370 — 385
	16 .	—	360
	18 .	—	355
	19 .	—	345
	20 .	—	360 — 365
	21 .	980 — 990	360
	22 .	980	365 — 375
»	23 .	—	375

Месяц и число		Компания южных морей	Ост-индская компания
		Ном. ст. 100	Ном. ст. 100
Июль	25	975	—
	26	950	372 — 375
	27	950 — 965	372
	28	950 — 965	370
	29	950	367 — 370
	30	950	370
Август	1	940	365
»	2	940	360 — 363
	3	900 — 920	350
	4	870 — 890	345 — 350
	5	880 — 885	350 — 355
	6	880	360 — 385
	8	885	380 — 390
	9	—	375
	10	—	—
	11	900	365
	12	—	370
	13	—	366
	15	880	365
	16	875 — 880	360
	17	870 — 885	—
	18	850 — 880	—
	19	840 — 850	330 — 360
	20	820 — 850	335 — 340
	22	810 — 830	330
	23	805 — 820	330 — 335
	24	815 — 845	320 — 335
	25	810 — 820	335 — 340
	26	770 — 810	340 — 360
	27	780 — 790	350 — 355
	29	760 — 795	350
	30	755 — 780	340 — 350
	31	770 — 815	348
Сентябрь	1	770 — 780	345 — 348
	2	755 — 770	340 — 345
	3	755 — 760	335

Месяц и число	Компания южных морей	Ост-индская компания
	Ном. ст. 100	Ном. ст. 100
Сентябрь 5 . .	735 — 750	335 — 340
6 .	705 — 769	310 — 320
7 .	690 — 705	315
8	670 — 690	300 — 310
9 .	575 — 620	270 — 300
10 . .	645 — 670	300
12 .	590 — 660	300 — 315
13 .	570 — 590	280 — 290
14 .	555 — 590	290
15 .	560 — 580	280
16 . .	510 — 550	280 — 290
17 .	450 — 480	260
19 . .	380 — 440	240 — 280
20 . .	390 — 420	230
21 .	350 — 395	220 — 230
22 .	400	210 — 230
23 .	350 — 400	220
24 .	370	210
26 .	300 — 360	180 — 210
27 .	300	190
28 .	200 — 260	150 — 190
29 .	200	
30 .	200 — 330	150 — 180
Октябрь 1 .		
3 — 8 . .	230 — 290	
10 — 15 . .	165 — 265	
17 — 22 . .	195 — 240	
» 24 — 29 . .	203 — 222	
Октябрь 11 — ноябрь 5 .	206 — 220	
Ноябрь 7 — 12 . .	210 — 218	
» 14 — 19 . .	140 — 207$^1/_2$	
» 21 — 26 . .	180 — 215	
Ноябрь 28 — декабрь 1 . .	178 — 205	
Декабрь 5 — 10 . .	140 — 178	
» 12 — 17 .	124 — 165	
» 19 — 30 . .	152 — 200	

ПРИМЕЧАНИЯ.*

[1] Праздник св. Елены — 24 февраля или 18 августа.

[2] Праздник всех святых — 1 ноября.

[3] Обратить внимание на благочестивый и елейный стиль торговцев кожаными изделиями, собирающихся проглотить ремесленные цехи.

[4] Графства в юго-восточной Англии. Для работы над многими из приведенных в этом отделе документов необходимо иметь перед глазами карту Англии (хотя бы суммарную карту графств вроде той, которая помещена Эшли в указанной в Введении книге, на стр. 587, или в «Социальной истории средневековья», т. II). В дальнейшем местоположение графств указываться не будет; будут даваться лишь общие указания на местоположение городов, если оно не ясно из самого документа.

[5] Порт в графстве Гамшир. Один из главных портов южной Англии.

[6] Лидс, Уэкфильд, Галифакс — в западном Иоркшире. Рочдэль (в подлиннике Ratsdale) — в Ланкашире. Видные центры шерстяной промышленности.

[7] Норич — главный город графства Норфок (в восточной Англии). С давних пор центр камвольной промышленности (о камвольной промышленности в Норфоке и в Нориче см. у Эшли, стр. 476 — 480; переводчик неправильно передает термин «worsted», как «устедский», — надо «камвольный»).

[8] Ярмут — порт в южной части Норфокского побережья.

[9] Экзетер — главный город графства Девоншир (юго-западная Англия).

[10] Плимут — портовый город в царстве Девоншир.

[11] Уэльс — западная окраина Великобритании.

[12] Благовещение — 25 марта.

[13] Обратить внимание на связь шерстяной промышленности с сельским хозяйством.

[14] Кольчестер — в графстве Эссекс. Один из древнейших городов Англии.

[15] Кентербери — в графстве Кент (юго-восток Англии).

[16] Это графство (Worcestershire) пишется по-русски по-разному — Устершир, Ворчестершир.

[17] Королева Мария Тюдор (Кровавая) была замужем за Филиппом II Испанским; со времени ее замужества (1554) государственные акты обозначались годами их совместного царствования.

[18] Фирма — ежегодная уплата, заменявшая все, следуемые с города сеньеру (или королю) платежи. Феодальная фирма (fee farm) — наследственная или вечная фирма.

[19] Пятнадцатая деньга — налог на движимость. Отметить фискальный интерес в охране государством городских привилегий.

[20] Ноттингам — главный город графства Ноттингамшир в средней Англии.

[21] Собратьями мэра обычно называются ольдермены.

[22] Рабочее законодательство в Англии началось после великой чумы 1348 — 1349 г. (см. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера); в течение следующих двухсот лет идет непрерывная серия актов, регулирующих условия труда и, прежде всего, установление заработной платы. Акт 5-го года Елизаветы представляет систематизацию предшествовавшего законодательства.

[23] Лорд — хранитель большой печати — должность, параллельная должности канцлера.

[24] Плуговая запашка (ploughland, каруката) считалась в среднем в 120 акров (примерно, 45 десятин), но размеры ее сильно варьировали в ту и в другую сторону.

[25] «Рыночные города» (market towns) — села и местечки, имеющие право рынка и ярмарки. «Сити» — города, в которых имеются епископские кафедры. «Бурги» — города, посылающие депутатов в парламент. «Инкорпорированные города» пользуются правами городского самоуправления.

[26] Титул короля Франции был принят королем Эдуардом III в связи с династическими претензиями на французский престол; этот титул сохраняли все английские короли до Георга III.

---

* В примечаниях даны лишь те разъяснения, которых читатель не найдет в указанных в Предисловии русских пособиях.

[27] Титул «Защитник веры» (defensor fidei) был дан папой королю Генриху VIII за его литературное выступление против Лютера (1521).

Этот титул был удержан и после реформации, существует и поныне.

[28] Гильдхолл (Guildhall) — зал городской корпорации (дума, ратуша) Лондонского Сити.

[29] Широкими сукнами назывались камвольные ткани (они не подвергались валянию и поэтому не садились, как другие шерстяные ткани).

[30] Bill of indictment — письменное обвинение, представлявшееся большим жюри (Grand Jury), состоявшим из 12 — 24 присяжных; без такого обвинения никто не мог быть привлечен к суду.

[31] Здесь имеются в виду разъездные королевские суды (суды ассизы). О них см. в книге Петрушевского, Очерки английского государства и общества.

[32] Суд Королевской скамьи — верховный суд по уголовным и отчасти по гражданским делам; имеет право надзора над низшими судебными инстанциями.

[33] Non prosequi — приказ о прекращении судебного преследования.

[34] Девайзис (Devizes) — город в Уильтшире.

[35] Результатом собрания, о котором здесь идет речь, было издание мировыми судьями приказа, чтобы установленный уровень заработной платы был оглашен в базарный день в Девайзисе.

[36] Имеется в виду статут I Ric. II, c. 5 (1383).

[37] Сотня (hundred) — административный округ, подразделение графства.

[38] Канцлер — глава университета с весьма широкими полномочиями. В настоящее время почетная должность, без прямого участия в делах университета.

[39] Иммунитет (franchise) — привилегированная территория (принадлежащая частному лицу или корпорации), со своей юрисдикцией и должностными лицами.

[40] Население было разделено на десятки (tithings), которые были ответственны за представление в суд своих членов, совершивших те или иные правонарушения. Во главе каждого десятка стоял десятский (tithingman или headborough).

[41] См. прим. 31.

[42] Мастером здесь называется выборный глава цеха.

[43] Перечисленные здесь навигационные акты относятся к следующим датам: (1) 5 Ric. II. Stat. I, c. 3 (1381), (2) 6 Ric. II. St. I, c. 8 (1382), (3) 4 Hen. VII, c. 10 (1488 — 1489), (4) 23 Hen. VIII, c. 7 (1532).

[44] Кале — ближайший к Англии французский порт. С 1346 до 1558 г. он принадлежал англичанам. Бервик — порт в Шотландии. С 1482 г. он находился в руках англичан.

[45] Ломбард-Стрит — торговая и банкирская улица в Лондонском Сити.

[46] Ньюкасль (Newcastle) — порт на северо-востоке Англии (в графстве Норсемберленд).

[47] Марка — $^2/_3$ фунта, или 13 шиллингов 4 пенса.

[48] Субсидия — налог, взимаемый с разрешения парламента на специальные нужды.

[49] Aulnage — см. Эшли, стр. 202 — 203, 476, 495 — 496. При промерке взималась пошлина.

[50] Эдуард III вступил на престол в 1327 г.

[51] История этой компании рассказана у Савина, Лекции по истории английской революции, 114 — 117.

[52] В это время Кале уже перешел к французам.

[53] Герцогство Бургундское: имеются в виду Нидерландские провинции, до 1579 г. находившиеся под властью испанского короля (Филиппа II); эти провинции перешли к испанскому королю по наследству от герцогов Бургундских, владевших ими до конца XV в.

[54] Имеется в виду первая экспедиция голландцев в Ост-Индию (1595 — 1597).

[55] Страффорд, знаменитый советник Карла I, был лордом - наместником (Lord deputy) Ирландии с 1633 до 1639 г.

[56] Текст Навигационного акта переведен в книге А. Кудрявцева, Великая английская революция, стр. 127 — 130.

[57] Под этим названием сменился ряд самостоятельных компаний.

[58] Королевскими рудниками считались все, где были хотя бы следы драгоценных металлов. Таким образом, сюда отошло много медных рудников. Половина акций была продана в Германии.

[59] Общество было основано сэром Томасом Смитом для производства опытов по выработке меди из железа. Дело кончилось крупными убытками для участников.

[60] Предположенную сумму не удалось собрать, и дело не состоялось. Акция или доля акции ($^1/_2$ или $^1/_4$) давала право на земельный надел в колонии.

[61] Для объяснения дат и цифр, касающихся Ост-индской компании см. А. Кудрявцев, Великая английская революция, стр. 120—123 (Ост-индская торговля Англии в XVII в.).

[62] «Магазин», общество для изготовления стекла и бус и общество для отправки 100 девиц представляли подсобные предприятия Виргинской компании. Такой же характер имели рыболовная компания 1618 г. (капитал 1 800 ф.), другая рыболовная компания 1620 г. (капитал 1 000 ф.), «Новый магазин» 1620 г. (капитал 1 000 ф.), «Магазин» для снаряжения 1621 г. (1 800 ф.), компания для торговли мехами (900 ф.) и Судостроительная компания 1621 г. (1 000 ф.).

[63] Акционерами были 54 ливрейных компании Лондона.

[64] В 1612 г. половина дела была приобретена Яковом I; другая поделена на 36 акций. В 1631 г. Карл I продал свою часть, которая была после этого также поделена на 36 частей. Компания существует и по настоящее время (хотя дело продано лондонскому водопроводному управлению в 1904 г.). Ключи расположены в соседнем графстве Гертфордшир.

[65] Акционерами могли быть только дворяне. Исключение было сделано лишь для шести купцов. Была еще подсобная компания для рыболовства с акциями по 50 ф.

[66] Теперь графство Плимут на юго-востоке штата Массачусетс.

[67] 70 — число акционеров, лично не участвовавших в колонизации.

[68] Теперь в штате Нью-Иорк.

[69] Переводя долготу (восточную) на современные термины, получим 70—90° западной долготы. Указанный район захватывает почти все Караибское море до побережья Америки. Остров Генриетты обычно называется островом св. Андрея.

[70] В графстве Линконшир.

[71] Островом Или называется северная часть графства Кембриджшир.

[72] У него было не менее трех вспомогательных компаний.

[73] В связи с декретированной Долгим парламентом распродажей земель ирландских повстанцев (после восстания 1641 г.).

[74] Компания не собрала необходимого капитала. Своей монополией она воспользовалась для того, чтобы обложить в свою пользу шотландских рыбопромышленников. Уничтожена актом парламента в 1690 г.

[75] Преобразованная предыдущая компания.

[76] Подсобная компания Общества королевских рудников. Кардиган и Мерионет — графства в Уэльсе.

[77] Основано Николаем Бэрбоном в 1667 г., передано компании в 1680 г.

[78] Порт в северной Англии, в промышленном и угольном районе.

[79] В Шотландии.

[80] Остров в Британской Вест-Индии.

[81] В графстве Вустершир.

[82] В 1698 г. дело куплено компанией горнопромышленников-авантюристов (см. ниже), по 20 ф. за акцию.

[83] Лондонская городская корпорация получила полномочия проводить воду из Гемпстеда (к северо-западу от Сити) еще в 1546 г. В 1692 г. дело было передано акционерной компании.

[84] В 1703 г. Компания слилась с Водопроводной компанией Лондонского моста.

[85] Основной капитал банка был помещен в билетах государственного выигрышного займа, выпущенного на сумму в 1 000 000 ф. Отсюда и название банка.

[86] Составилась из слияния двух предыдущих банков.

[87] Об этой и следующих компаниях см. Кудрявцев, Великая английская революция, стр. 122.

[88] Знаменитая компания «Южных морей».

[89] Это общество переменило много названий. Его целью было страхование коммерческих судов и их грузов.

[90] Общество страхования коммерческих судов и их грузов.

[91] Составлено по W. R. Scott, Joint-Stock Companies, vol. III, pp. 445 — 458. Размеры капитала даны далеко не для всех компаний; поэтому цифра «капитала в фунтах» имеет лишь ориентировочное значение.

[92] Из них 67 возникло между 6 и 12 июня.

[93] Названия всех компаний даны сокращенно.

[94] Святой остров, или Линдисфарн, близ северо-восточных берегов Англии. Древнейший центр христианской культуры в северной Англии. Компания ставила себе целью добычу соли, рыбные ловли, ломку мрамора и огораживание 60 000 акров земли.

[95] В Британской Вест-Индии.

[96] В этой Компании (ее целью была доставка на рынок живой рыбы в цистернах) выплачивалась премия в 160 ф. раньше, чем были сделаны взносы. Как в этом, так и в ряде других случаев (страховое общество «Роза», Генеральное страховое общество) основой успеха было получение патента.

С. Д. СКАЗКИН.

КОЛЬБЕРТИЗМ. [1]

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нижеприведенные документы, за исключением первого, взяты мною из двух главных собраний частной и административной переписки Кольбера: Depping, Correspondance administrative sous Louis XIV, 4 vol., 1850—1855 гг., из известной серии «Collection de documents inédits sur l'histoire, de France», * и P. Clément, Lettres, instructions et mémoires de Colbert», vol. VII, 1861 — 1865 гг., с очень важным добавочным томом, дающим исправления текста документов, изданных Clément'ом, и подробный указатель к ним, (издан в 1882 г. Pierre'ом de Brotonne) **

Первый из документов нашего собрания стал известен несколько позже и приведен впервые в работе Neumarck'a, Colbert et son temps, vol. II, 1877, откуда он и заимствован мною. Подлинник его не совсем исправен; некоторые места его темны и не согласуются с остальною частью текста. Тем не менее, я счел необходимым включить его в Хрестоматию в виду его огромного значения, как программы всей экономической и политической деятельности Кольбера. Дальнейшие документы, касающиеся внутренней и внешней политики Кольбера, показывают, каким образом эта программа осуществлялась на практике. О значении системы Кольбера нет нужды говорить много. Изучающий ее найдет достаточно материала для предварительного ознакомления с нею в общих пособиях, приводимых ниже. Экономическая политика абсолютизма в момент его расцвета нашла в Кольбере своего талантливого осуществителя. В его деятельности, как и в его взглядах, идеи позднего меркантилизма нашли свое полное логическое завершение, охватив всю внутреннюю и внешнюю политику крупнейшего в то время государства Европы — Франции. Огромный интерес представляет социальный смысл деятельности Кольбера. Это была попытка связать интересы абсолютизма с интересами промышленной и торговой буржуазии, в деятельности которой Кольбер видел главный источник правительственных доходов. Отсюда его протекционизм, его широкая торговая и колониальная политика. Эта сторона его политики должна быть отмечена особо. Позже, в эпоху своего упадка, абсолютная монархия во Франции смотрела гораздо проще на задачи государственного хозяйства, пускала в дело в первую очередь налоговый пресс, который нажи-

* Цитируется везде: Depping, Correspond.

** Цитируется: Lettres.

мал главным образом на французского мужика. Обреченная на бесславный конец, монархия связала себя с теми группами французской буржуазии, которая кормилась около налоговой системы французского государства и наживала громадные состояния на государственных откупах, займах и чисто финансовых спекуляциях. Ростовщический характер французского капитализма, тип французского рантье — явления, известные не только XIX в. Против «financiers», этих «пьявок и губок», во Франции оказался в свое время еще Ришелье!

Важнейшие работы о Кольбере:

P. Clément, Histoire de Colbert et de son administration, Paris, 1846 (1-е изд. с приложением документов), 3 изд. 2 v. Paris, 1892.

P. Clément, Histoire du système protecteur en France, Paris, 1854 (с приложением документов и отрывка из сочинения F. Mengotti о кольбертизме).

Neumarck, Colbert et son temps, Paris, 2 v., 1 77.

Hecht, Colberts politische und volkswirtschaftliche Grundanschauungen. Freiburg, 1898.

Benoît du Rey, Recherches sur la politique coloniale de Colbert. Paris, 1902.

Cordier, Les compagnies à Chartes et la politique coloniale de Colbert. Paris, 1907.

E. Lavisse, Статья о Кольбере в «Histoire de France», v. VII, p. I.

L. Mims, Colberts West-India Policy, London, 1912.

H. Sée, Que faut-il penser de l'oeuvre économique de Colbert? в «Rev. Histor.», 1926, Juillet-Août.

На русском языке: Н. Кареев, История Западной Европы в новое время, т. II; А. Савин, Век Людовика XIV (литограф. лекции), М. 1912; Миклашевский, История политической экономии, Юрьев, 1909.

I. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИКИ КОЛЬБЕРА.

1. Первое заседание Совета торговли под председательством короля, в воскресенье, 3 августа 1664 г.

Докладная записка Кольбера.

[Neumarck, Colbert et son temps, v. II (Appendix)].

Государь, вашему величеству угодно уделить несколько часов внимания восстановлению, или, скорее, воссозданию торговли вашего королевства. Это дело касается блага лишь ваших подданных и лично вашему величеству может принести выгоды только в будущем, после того как оно создаст в вашем народе избыток и богатства; напротив, оно причинит вашему величеству не только неудовольствие слышать частые разговоры о предмете, по существу довольно неприятном, но даже вызовет в настоящее время уменьшение ваших доходов. Конечно, государь, жертвуя этими двумя вещами, столь важными и дорогими для короля, — временем, которое он мог бы употребить или на свои развлечения, или на другие дела, более приятные, и своими доходами, — ваше величество умножите до бесконечности этими беспримерными знаками своей любви к своим подданным преклонение и уважение в их умах и удивление среди иностранцев. Полагаю, государь, что было бы уместно вкратце остановиться на вопросе, хорошо ли, что ваше величество приобщается к делам этого рода, — чтобы затем перейти к обозрению того положения, в котором находится

торговля вашего королевства или, скорее, в котором она была в тот момент, когда его величество начал принимать личное участие в своих делах, ибо разными распоряжениями, изданными с того времени, его величество уже дал большой толчок к восстановлению торговли.

Несомнѐнно, государь, что никогда еще в истории не было примера, чтобы такие большие и могущественные государства, как ваше, проявляли большую деятельность в торговле. Мысли об этом порождались в умах людей только необходимостью.

До XIV столетия этого слова [торговли] не знали ни в океане, ни в морях Атлантическом, Восточном и Южном. Одно Средиземное море пользовалось этим преимуществом, и самые древние города, которые начали обогащаться и делаться могущественными посредством торговли, были города Фокеи, города Сидон и Тир.

До 1480 г. венецианцы и марсельцы держали в своих руках всю крупную торговлю и все драгоценные товары Индии; перец, сахар, соль и даже золото и серебро доставлялись караванами из Великой Индии и Персии в города Египта, где они забирались венецианцами, а затем отчасти марсельцами, и привозились и сбывались в Европу; именно это и составило мощь Венеции, которая тогда являлась главным складом всех этих товаров в Европе.

С течением времени усердные и трудолюбивые жители Антверпена устроили в своем городе склады для всех стран Севера, куда они привозили все товары, приобретавшиеся ими в Венеции, а затем, под флагом Франции, начали сами ездить в Египет и другие турецкие порты Леванта, чтобы получить товары из первых рук.

Такова была крупная торговля Европы, когда, приблизительно к середине XV в., португальцы решили испробовать путь кругом мыса Доброй Надежды. Когда это удалось, король их начал основывать колонии по берегам Африки по сю сторону, в королевстве Конго, в Гвинее и Анголе; он сделался хозяином Канарских островов и Зеленого Мыса и, пройдя пролив, водворил поселенцев и колонии в Мозамбике, Мелинде, и сделался господином восточных и западных берегов Африки; а затем, продвигая вперед свои завоевания, он основал колонии и одновременно свое господство и продвинулся в Персидский залив... и к выходу Красного моря; далее, он стал основывать свои фактории в империи Могола, на острове Диу, затем завоевал в королевстве Беджпура [на Малабарском берегу] знаменитую станцию Гоа, которую он сделал главным городом всех португальских владений Востока. Затем они продвинули свои колонии и одновременно свое господство в Бенгальский залив на Кормандельский берег.

Основания колоний и завоевания совершались легко, так как могущественные короли, вроде персидского, Великого Могола и других, увидев в их стране иностранцев, забиравших их продукты и товары легче и в большем количестве, чем караваны, приняли их благосклонно, оказали им милости, заключили с ними договоры и позволили им обосноваться в своих государствах на столь выгодных условиях, что те могли не признавать другого повелителя, кроме своего собственного короля.

До сих пор португальцы в своих морских экспедициях шли вдоль берегов и не осмеливались плыть через великие моря, которые лежат от мыса Доброй Надежды до Китая; но когда в своем первом плавании они открыли Молуккские острова, где нашли небывалое изобилие превосходных бакалейных товаров и, между прочим, гвоздику и мускат, то они решили, что нашли все богатства Нового Света.

По примеру португальцев, кастильцы тоже начали путешествовать и основали несколько колоний.

Вест-Индия тоже была открыта этими двумя нациями.

И для того, чтобы избежать споров, которые могли возникнуть между ними, папа Александр VI, которого они избрали своим арбитром, провел знаменитую линию через весь земной шар и присудил королю Кастилии все, находящееся по правую сторону, т. е. весь Запад, а королю Португалии все по левую сторону, т. е. весь Восток; и это знаменитое разделение внушило Магеллану самую отважную и необыкновенную мысль, которая когда-либо приходила на ум человеку. До него никто не верил, что существуют антиподы; в нашей религии такая мысль была своего рода ересью. Он оказал услугу королю Португалии, открыв Молуккские острова, которые были тогда самой богатой частью всей Индии. Он был недоволен португальским королем, который не наградил его соразмерно столь большой и важной заслуге. Острова принадлежали этому королю, так как находились по левую сторону линии, обозначенной Александром VI. И вот этот человек решает предпринять кругосветное путешествие, чтобы открывать и покорять острова справа, предлагает это королю Кастилии, и король дает пять судов для этого замечательного предприятия. Магеллан идет вдоль берегов всей Южной Америки, входит в какой-то залив и остается там целых три месяца, невзирая на все противодействие ветров и скал; и, наконец, потеряв два корабля, проникает до большого Южного Моря, которого никто еще не посещал до него, пристает к Молуккским островам, покоряет один из них, штурмует крепость другого, где его и убивают. [2] Затем один из его пяти кораблей возвратился к концу третьего года, совершив кругосветное путешествие. Уместно сказать при этом, что Колумб, флорентинец, [3] открывший Америку для кастильского короля, приезжал во Францию сделать такого рода предложение королю Людовику XII, где был принят за сумасшедшего, и после этого отправился к королю Кастилии, который и дал ему корабли для путешествий.

В таком положении находилась эта великая ост- и вест-индская торговля, когда корона Португалии была присоединена к кастильской в 1578 г., после смерти короля дона Себастиана в Африке, в битве при Альказар-Кебире, в которой три короля погибли со шпагой в руке. Со времени этого объединения прошло уже сорок лет, когда голландцы, освободившись от власти католического [испанского] короля, сделали торговлю основою своего государства и единственным средством существования, обусловленным положением их страны, трудолюбием и бережливостью жителей.

Европейские дела благоприятно сложились для этого замысла. В уме испанцев была всесветная монархия, их внимание было погло-

щено Европой. Французы были заняты гражданскими и религиозными войнами и были слишком озабочены делами внутренними, не думая о том, что происходит вовне.

Голландцы почти повсюду превосходили испанцев на море, но в особенности испанцам были недоступны голландские берега, откуда они могли бы доставлять товары Индии на Север, где эти товары находили наибольший сбыт.

Город Антверпен оставался под властью испанского короля, и, в результате этого, голландцы, сильнейшие на море, подорвали и почти целиком уничтожили его торговлю. Этим воспользовался и быстро расцвел город Амстердам; голландцы же, видя, что, вследствие соединения короны португальской и кастильской, они уже больше не могут легко получать товары из Индии, заложили в 1598 г. первые основания той знаменитой Ост-индской компании, которая настолько расцвела с того времени, что сделалась без всякого сравнения более могущественной в Индии, чем государства и их государи в Европе; она объявляет и ведет войну с самыми сильными государями этой страны, и ее богатства достигли по последней описи 800 миллионов.

Англичане, в подражание голландцам, создали такую же Ост-индскую компанию, так что теперь в этой стране две нации, исповедующие католическую апостольскую римскую религию, совершенно отодвинуты на задний план, а две нации, там господствующие, — обе еретические.

После беглого обзора состояния этой крупной торговли, единственно достойной внимания, положение остальной торговли таково. В Вест-Индии, откуда идут сахар, краски, табак и хлопок, и где французы занимают различные острова, вся торговля находится в руках голландцев. Торговля с Левантом еще немного ведется через Марсель и почти целиком разорена неумелым управлением французских консулов, которые учреждены в результате договоров, заключенных в турецких городах Леванта с султанами. Торговля Балтийского и Северного морей находится в полном и бесспорном владении голландцев. Остается торговля внутри королевства, которая состоит в свободе сообщения между всеми подданными короля, в развитии мануфактур и в транспорте наших продуктов и товаров из порта в порт.

Остается только рассмотреть, выгодно или не выгодно стремиться к тому, чтобы восстановить или развивать торговлю и промышленность в нашем королевстве. Доводы против этого следующие.

Могущественные государства никогда не проявляли большого рвения к торговле, напр., республика и императоры римские, короли Азии, Франции, Испании, так что это занятие характерно для государств слабых; трудолюбию и бережливости французов мешают изобилие и плодородие Франции, торговле мешает также то обстоятельство, что для плавания французского судна требуется всегда почти вдвое больше людей и припасов, чем для голландского. Такая экономия дает голландцам выигрыш, в то время как французы разоряются. Их [голландцев] удивительная сила и способности в области торговли, которую они считают основой их государства, легко даст им средства для разорения всех тех, которые захотели бы соперничать

с ними, подрывая их торговые начинания путем покупки в Европе и Индии различных товаров и продажи их с значительным убытком; и даже, если бы это удалось и имело результатом почти полное разорение голландцев, так как половина их судов существует торговлей с Францией, — то разорение республики, основанной при помощи и покровительстве короля и его предшественников, не может быть выгодно королю; восстановление торговли, клонящееся к разорению голландцев, может заставить их соединиться с коронами, враждебными величию короля; и, наконец, поскольку дело идет о могуществе на море, то королю почти безразлично, обладать ли таким могуществом самому, или же получить его при помощи союза с республикой, подобной Голландии, которой его величество может всецело располагать.

Однако и доводы в пользу того, чтобы предпринять восстановление торговли и даже создание новых торговых предприятий, заключаются именно в том, что последствия, проистекающие от изобилия страны и препятствующие трудолюбию и бережливости, велики и кажутся трудно преодолимыми.

Дела легкие не дают совсем или дают мало славы и выгоды; трудные — наоборот. Если к естественному могуществу Франции король сможет присоединить силу, которую дают промышленность и занятие торговлей, — то достаточно лишь немного поразмыслить относительно могущества городов и государств, которые лишь отчасти обладали такой промышленностью и такой торговлей, — и сразу станет ясно, что величие и могущество короля возрастут до небывалых размеров.

Разница в издержках на мореплавание будет возмещена льготами и покровительством, которые будут находить французские суда в портах королевства, потому что голландские суда уезжают и приезжают во Францию и здесь уплачивают пошлины. Разница в 50 су за тонну (ввозная пошлина), которую король столь славно установил, * приведет к тому, что французы легко и с избытком возместят ту сумму, какую они потеряют на людях и в провианте.

Что касается разорения голландцев, то оно никогда не будет полным. У Франции сейчас нет 200 основательных судов в своих портах. В 1658 г. у голландцев их было 16 000. Речь идет только о том, чтобы забота и покровительство короля увеличили число кораблей его подданных в 8- или 10-летний срок, быть может, до 2 000. Вследствие этого голландцы потеряют из упомянутого числа, быть может, от 1 200 до 1 500; другие нации — все остальное.

Итак, не может итти речи об их разорении, но лишь о незначительном уменьшении числа их кораблей. Сухопутные силы короля превосходят таковые же силы других европейских государей, морские силы Франции ниже других. Это — единственное средство сравнять их повсюду. Голландцы весьма скоро и легко поймут, что в союзе с Францией всегда есть выигрыш для их торговли и государства, и что они все потеряют в союзе с другими. Затруднения, которые будет чинить голландская Ост-индская компания по части закупки товаров в Индии и продажи их в Европе, могут быть преодолены только могуще-

* В 1659 г.

ством и покровительством короля и его финансовой помощью, в случае, если бы в ней оказалась нужда. В последнем случае, сохраняя договоры, заключенные с голландцами, нужно, чтобы его величество предпочитал благо своих подданных благосостоянию союзников.

Обсудив доводы за и против восстановления торговли, следует детально рассмотреть то состояние, в котором она находилась, когда его величество начал принимать личное участие в своих делах.

Состояние внутренней и каботажной торговли:

Мануфактуры сукна, саржи и других материй этого качества, бумажные, мелочные железные и медные заведения, шелковые, полотняные, мыльные и вообще все другие производства были и теперь еще почти совершенно разорены.

Всем им чинили препятствия голландцы, привозя к нам предметы этих производств и вывозя в обмен продукты, нужные для своего потребления и торговли; между тем, если бы эти мануфактуры были должным образом восстановлены, то у нас не только хватало бы этих товаров для собственного потребления, так что голландцы приносили бы нам наличными те деньги, которые они от нас получают, но, кроме того, мы могли бы посылать эти товары за границу, что равным образом доставило бы нам денежный эквивалент, — а это составляет единственную цель торговли и единственное средство увеличения величия и могущества нашего государства.

Что касается морской торговли, как из порта в порт, так и между чужими странами, то известно, что даже и для торговли первого рода во всех портах королевства имеется не более, как от 200 и до 300 кораблей, принадлежащих подданным короля. Поэтому голландцы ежегодно получают из королевства, по самому точному подсчету, 4 млн ливров за этот транспорт, и на эту сумму они получают от нас продукты; последние им совершенно необходимы, и если бы у нас было достаточное количество кораблей, чтобы совершать эту перевозку из порта в порт самим, голландцы были бы вынуждены отдавать нам ту же самую сумму наличными деньгами.

Причины плохого состояния внутренней торговли следующие: долги городов и коммун, затрудняющие сообщение, [4] которое является основой всякой торговли подданных короля, из провинции в провинцию, и из города в город; порожденное этими долгами в городах сутяжничество, разоряющее жителей; большое количество внутренних таможенных застав, установленных повсюду, на сухопутных и речных путях; разрушение общественных дорог; ужасающее количество чиновников; излишние налоги на все съестные продукты; чрезмерные и плохо составленные тарифы пяти больших откупов (cinq grosses fermes); [5] пиратство, погубившее бесчисленное количество судов, и, одним словом, невнимание короля и его совета, обусловившее нерадение подведомственных им чиновников, в руках которых находится авторитет административной власти для сохранения и расширения всех отраслей производства.

Состояние внешней торговли:

Ясно, что за исключением нескольких марсельских кораблей, которые поддерживают сообщение с Левантом, в королевстве более

не строится кораблей. Дело дошло до того, что на островах, населенных французами в Америке, имеется 150 голландских судов, которые ведут всю торговлю, доставляют туда припасы германского происхождения и продукты германской промышленности, привозя немцам сахар, табак, москательные товары для окрашивания. Они привозят их немцам, платят за право въезда, отдают их в переработку; затем оплачивают право выезда и, наконец, доставляют их нам; и привозимые ими ежегодно товары этого сорта оцениваются в два миллиона ливров, за которые они увозят от нас необходимые нам самим товары на ту же сумму; тогда как если бы мы сами вели эту торговлю со своими островами, то голландцы были бы вынуждены отдать нам эти два миллиона чистоганом.

Изложив вкратце состояние внешней и внутренней торговли, быть может, было бы не лишне сказать в немногих словах, в чем состоят выгоды от нее.

Я думаю, что легко согласятся с тем принципом, согласно которому лишь избыток денег в государстве создает его величие и мощь. Поскольку дело идет об этом принципе, известно, что ежегодно вывозится из королевства продуктов французского производства и происхождения, нужных для потребления чужих стран (эти продукты суть вина, водки, уксус, железо, фрукты, бумага, полотна, мелочные железные и медные товары, шелковые товары, галантерея) на 12—18 млн ливров. Вот это-то и суть рудники нашего королевства, к сохранению которых надо прилагать все усилия.

Голландцы и другие иностранцы ведут постоянную войну против этих рудников и до сих пор так хорошо успевали в этом, что, не давая названной сумме чистоганом поступать в государство и в результате обогащать его, они сами привозят нам на две трети этой суммы разных товаров своего производства или производства других стран, так что деньгами в королевстве ежегодно поступает лишь 4, 5, 6 млн ливров.

Средства, которыми они при этом пользуются, суть следующие: судовые фрахты из порта в порт дают им 3 млн; товары, доставляемые на острова Франции, — 2 млн; прекрасные материи, которыми они возбудили наше любопытство, индийские товары — пряности, сахар и т. д. — 3 млн; продовольствие с Севера и материалы для кораблестроения — 15 млн [6] сверх того, они всегда забирают у нас продукты некоторых из наших производств — бумажного, мыльного, суконного, шелкового, которые составляют часть вышеуказанных 18 млн ливров вывоза, и этот вывоз вернулся бы к нам наличными деньгами, если бы товары вывозились в чужие страны, тогда как иностранцы не только лишают нас этого преимущества, но даже привозят их нам вместо денег, в обмен на наши, необходимые нам самим, продукты.

Их оборотливость и наша несообразительность зашли так далеко, что, при помощи своих торговых агентов и комиссионеров, которых они сумели водворить во всех портах королевства, голландцы сделались хозяевами всей торговли и благодаря своему торговому флоту установили цену всех покупаемых или продаваемых ими товаров.

Исходя из этого положения, легко заключить, что, насколько мы сможем уменьшить прибыль, которую голландцы получают за счет подданных короля, и сократить потребление товаров, которые они нам привозят, — настолько же мы увеличим количество денег [во Франции] посредством продажи наших товаров, а также могущество, величие и благосостояние государства.

Мы можем сделать то же заключение относительно товаров транзитных, т. е. тех, которые мы могли бы доставать из Вест- и Ост-Индии, чтобы перевозить их на север, откуда мы привозили бы самостоятельно материалы, нужные для постройки флота, в котором заключается величие и могущество государства.

Сверх тех выгод, которые произведет приток большего количества наличных денег в королевство, несомненно и то, что миллионы людей, пребывающих ныне в праздности, будут добывать себе средства существования, работая на мануфактурах, в торговом флоте и в морских портах; что почти беспрерывное умножение судов умножит также величие и мощь государства.

Вот, по моему мнению, те цели, к которым должны устремляться заботы короля, его милость и любовь к своему народу.

Чтобы достичь этого, можно предложить следующие средства: постановлением совета в присутствии короля объявить всему народу циркулярными письмами о решении, принятом его величеством, чтобы все те, которые имеют честь оказать ему услугу, довели до его сведения о тех выгодах, которые могут быть от этого получены подданными короля; [7] принимать всех торговцев, которые прибудут ко двору, с особыми знаками покровительства и милости; помогать им во всем, что будет касаться их торговли, выслушивать их иногда в совете его величества, когда они прибудут по важным делам; предложить им всем посылать представителей для постоянного присутствия в свите короля; приказать главному королевскому квартирмейстеру отводить им почетные помещения среди свиты короля; за отсутствием депутатов, назначить лицо, которое имело бы власть поддерживать с ними корреспонденцию, принимать все их депеши, их жалобы, быть ходатаем по их делам и сообщать им все, что будет решено для их блага и в их пользу; возобновить все административные распоряжения внутри королевства, клонящиеся к восстановлению производств;

пересмотреть все тарифы пошлин, ввозных и вывозных, уменьшить пошлины на товары, нужные для производства, и на товары, выработанные в стране, уменьшить пошлины на владельцев мануфактур с 12 млн. до 1 500 000 ливров ежегодно;

ежегодно употреблять значительную сумму на восстановление мануфактур и на благо торговли, следуя постановлениям, которые будут приняты в совете (на полях написано «один миллион»);

то же самое относительно судоходства: давать вознаграждение всем тем, кто будет покупать или строить новые корабли, или тем, кто будет совершать большие рейсы;

починить общественные дороги и постепенно уничтожать все внутренние таможни на реках;

заново начать работу по ликвидации коммунальных долгов, не переставая работать над тем, чтобы сделать судоходными несудоходные реки внутри королевства;

тщательно исследовать коммуникационные пути между морями через Гиень и Бургундию;

всемерно поддерживать Ост- и Вест-индские компании; побуждать всех вступать в число их членов;

переносить все судебные дела, в которых будут заинтересованы коммерсанты, на личное рассмотрение короля;

объявить всем почетным корпорациям королевства через президентов и генеральных прокуроров о решении, которое принял король, и приказать им от имени его величества приложить особенные заботы о всем, что будет касаться коммерсантов;

также всем губернаторам провинций и городов, всем мэрам и эшевенам, чтобы их известить об этом, с приказанием собрать купцов, чтобы прочесть в их присутствии о решении короля;

кроме того, в каждом заседании совета надо будет рассматривать каждую статью торговли в отдельности, а именно:

торговлю Леванта и беспорядки, причиняемые консулами, дабы принять надлежащие меры;

все, касающееся Ост-индской и Вест-индской компаний;

все, что касается торговли Севера, Архангельска, Москвы, Балтийского моря и Норвегии;

внутренние таможни в королевстве;

ликвидацию коммунальных долгов;

общественные дороги;

судоходство по рекам и морям;

мануфактуры и т. д.

2. Людовик XIV эшевенам и жителям города Марселя [8]

P. Clément, Lettres, instructions et mémoires de Colbert, v. II, p. 426.]

1664 г., 26 августа.

Рассмотрев, в какой мере было бы полезным для королевства восстановить торговлю внутри и вне его,.. мы решили для этой цели собирать каждые пятнадцать дней в нашем присутствии особый совет торговли, в котором будут рассматриваться и решаться все вопросы, касающиеся интересов торговцев и средств к восстановлению как торговли, так и всего того, что имеет отношение к мануфактурам. Объявляем вам, что мы назначили из средств нашего государства один миллион ливров ежегодно для восстановления мануфактур и расширения мореплавания, не считая тех еще более значительных сумм, которые мы приказываем образовать для снабжения вест- и ост- индских компаний;

что мы приказываем неустанно работать в том направлении, чтобы уничтожить речные пошлины на судоходных реках;

что уже израсходовано более миллиона ливров для исправления больших дорог, в каковом направлении мы приказываем работать и впредь непрерывно;

что мы приказываем оказывать денежную помощь из нашей королевской казны всем тем, кои пожелали бы предпринять восстановление прежних мануфактур или предложили бы создать новые;

что мы дали приказ всем нашим посланникам или резидентам при государях, не находящихся с нами в союзе, делать необходимые представления от нашего имени, дабы все жалобы наших купцов находили справедливое удовлетворение и дабы им была обеспечена полная свобода их торговли;

что мы приказали предоставлять удобную квартиру при нашем дворе и нашей свите всем и каждому из купцов, у которых будут до нас дела в течение всего времени, пока они будут принуждены при нем оставаться, распорядившись, чтобы главный наш квартирмейстер отвел подходящую для этой цели квартиру, которая будет названа Дворцом Торговли;

что если вышеупомянутые купцы захотят делегировать кого-либо из их среды к нашему двору и нашей свите, для того чтобы представительствовать здесь об их делах, мы прикажем поместить его в этот дворец и дадим ему по всякому делу аудиенцию;

что если они затруднятся найти такого из них, кто мог бы или захотел оставить свою семью и свою торговлю ради таковой должности, мы поставим знающего и подходящего человека, которому мы назначим жалованье для того, чтобы он жил в этом дворце, принимал в нем купцов, прибывающих по делам ко двору, ходатайствовал за них и отправлял им извещения о решении их дел, — все это совершенно бесплатно;

что все купцы и негоцианты, которые покупают корабли или заказывают новые для своих предприятий и торговли, будут получать от нас пожалования на покупку таковых или на их постройку.

Обо всем этом мы пожелали сообщить вам этим письмом и сказать вам, что, как только вы получите его, вы соберете всех купцов и негоциантов вашего города Марселя и точно объясните им наши намерения относительно всего вышесказанного, чтобы они, будучи осведомлены об этом и о благосклонном обращении, которое мы соизволили им оказывать, тем более прилагали стараний к торговле. Объявляем им, что по всем вопросам, которые касаются блага и преуспеяния торговли, они могут обращаться к господину Кольберу, и т. д.

II. МАНУФАКТУРЫ И ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ.

1. Королевский указ о наказаниях, налагаемых на предпринимателей и рабочих, кои фабрикуют и продают недоброкачественные и несогласованные с регламентами материи.

[P. Clément, Histoire de Colbert.]

1670 г., 24 декабря.

Заслушав доклад господина Кольбера, одинарного советника королевского совета, генерального контролера финансов, его величество в своем королевском совете по делам торговли указал и указывает, что если материи, произведенные во Франции, окажутся недобро-

качественными и несогласными с регламентами, то они будут выставлены на столбе в девять футов вышиной с надписью, содержащей имя и прозвище купца и мастера, совершившего проступок. Этот столб с железным ошейником [poteau avec un carcan — позорный столб с железным ошейником, которым виновные прикреплялись к столбу] должен быть установлен для этой цели стараниями прокуроров или синдиков городской ратуши или других властей, обязанных судить по делам мануфактур, и за счет представителей корпорации купцов и мастеров, перед главной дверью, где производится осмотр и клеймение товаров; и товары, признанные недоброкачественными, должны оставаться там в течение сорока восьми часов, по истечении которых они должны быть сняты оттуда той властью, которая их там выставила, и должны быть затем изрезаны, сожжены или конфискованы, согласно соответствующему приказу. В случае повторения проступка, купец или мастер, подвергающиеся вторичной конфискации, помимо того, что их товары должны быть выставлены у позорного столба, как указано выше, должны сами подвергнуться выговору со стороны мастеров и должностных лиц профессиональной корпорации на ее общем собрании. В случае повторения в третий раз, они должны быть арестованы и прикованы на два часа железным ошейником к позорному столбу сами, вместе с образчиками конфискованного у них товара.

2. Мэрам и эшевенам.

[Depping, Correspond., v. III, p. 874, Lettres, v. II_2, pp. 607—608.]

Париж, 17 февраля 1671 г.

Король, дабы заставить мануфактуры работать согласно повсюду разосланным статутам и регламентам, счел необходимым дать острастку тем, кто стал бы делать недоброкачественные материи или кто стал бы таковые принимать. В силу этого король издал в своем совете торговли указы, кои вы найдете приложенными ниже, согласно которым указывается, что перед местами, где происходит осмотр и клеймение товаров, должен быть поставлен столб с железным ошейником; и товары, которые не будут соответствовать по качеству регламентам, будут привязываться к этому столбу с надписью, содержащей имена виновных купца и мастера. И каждый из вас должен присутствовать при этих осмотрах и клеймениях понедельно в порядке списка.

Прикажите незамедлительно, в согласии с этими указами, воздвигнуть этот столб, составить об этом протокол и прислать его мне возможно скорее, строго наблюдая за исполнением этих указов и за соблюдением общих регламентов, касающихся мануфактур.

3. Г-ну Пенотье, казначею Лангедокских штатов.

[Depping, Correspond., v. III, p. 877. Lettres, v. II_2, pp. 640—641.]

Версаль, 28 декабря 1671 г.

Господин Пат, один из директоров Левантийской компании, написал мне относительно недостатков, обнаруженных в драпе, посланном в Левант, как в фабрикации, так и в отделке и окраске его. Так как

дурные качества его уронили славу французского драпа, в то время как материи других наций заслужили там хорошую репутацию, и так как улучшение качества может устранить дурное мнение, сложившееся у торговцев турецких городов о нашем драпе, необходимо, чтобы вы во время вашего пребывания в Лангедоке приложили все усилия к изучению средств, которые могли бы исправить это производство, . . . для того чтобы на будущее время в турецкие города Леванта отправлялся драп лишь очень хорошего качества. Вы поставите для приемки этих товаров лицо, не только честное, но и наиболее опытное и вполне знающее толк в этом сорте товара; ему вы дадите строгий приказ не принимать ни одной штуки драпа с недостатками в выделке, длине, ширине, окраске и отделке; и для этой цели это лицо будет осматривать и обмеривать все штуки, которые ему будут доставляться.

4. Инструкция Кольбера к Беллинцани.

[Depping, Correspond., v. III, p. 85. Lettres, v. II_2, pp. 560 — 561.

Париж, 8 октября 1867 г.

Беллинцани должен начать свой осмотр всех наших мануфактур с Мо и Ферже-су-Жуарр. В городе Мо учреждена мануфактура трипа (шерстяная материя для мебели) неким Леклерком, жителем Турнэ; посмотреть его договор, чтобы узнать, исполняет ли он его.

Сделать перечень всех условий договора; проверить число станков, которые он пускает в работу; обратить внимание на все то, что может быть сделано для увеличения их числа, и организовать эту мануфактуру таким образом, чтобы мы не имели надобности обращаться за границу для получения этого сорта материи.

Этот Леклерк — слабый человек, нуждающийся в побуждениях; обследовать, можно ли ему оказать помощь, чтобы расширить его мануфактуру. Следует также иметь в виду, что нельзя полагаться на его добросовестность.

В том же городе учреждена господином Питтаном и другими мануфактура фландрской материи (damas de Flandre), льняной, шерстяной и шелковой. Обследовать договор, заключенный с ними, его выполнение, число станков, качество материй и все, что можно сделать, чтобы расширить и улучшить производство. Обратить внимание на то, что это производство может быть весьма полезным. Учредить эту мануфактуру не трудно так же, как и увеличить число станков до бесконечности, потому что эти сорта материи уже фабрикуются и имеют очень большой спрос; 30% [пошлины], установленные на изделия фландрских мануфактур, сделают невозможным их ввоз; распространять свои изделия будет очень легко.

Обследовав все, что можно сделать для расширения и усовершенствования этих двух мануфактур, нужно отправиться для осмотра мануфактуры шерстяных материй (bouracan), учрежденной в Ферже-су-Жуарр покойным господином Лаллеманом, которая в настоящее время находится в руках его сына и зятя; нужно посмотреть договоры, заключенные с ними, и, в особенности, последний, в силу которого я им дал, когда они женились, 40 000 ливров; я ссудил эту сумму

покойному отцу, с условием поставить 120 станков, фактически работающих в две смены. Следует точно проверить число станков, обследовать, из какой шерсти делается материя; имеют ли материи сбыт или нет, сколько мужчин и женщин работают в каждой отрасли производства, производятся ли прядение и другие работы по приготовлению шерсти в окрестностях и покупают ли они шерсть королевства.

Равным образом, обследовать секретно, допускаются ли на эту мануфактуру без различия католики и гугеноты. На всех мануфактурах нужно всегда наблюдать за рабочими и обязывать их делать материю добросовестно, как в отношении выделки, так и ширины и длины кусков.

Посетив эти мануфактуры, следует поехать в Сен-Кантен и осмотреть мануфактуры брюссельских хлопчатобумажных материй (basin et coutil de Bruxelles), учрежденные в настоящее время, а также старую мануфактуру полотняных тканей; тщательно обследовать, в каком они состоянии, и требовать от господина,.. который учредил две первых, расширить их. Затем следует отправиться в Аррас осмотреть и обследовать, в каком состоянии находятся мануфактуры полотняных и шерстяных тканей, переработка простой соли в очищенную, и обсудить с главными предпринимателями средства к расширению этих производств.

В Лилле, Гурнэ, Куртрэ и других завоеванных городах следует побеседовать с господином Бертело насчет всего того, что он признал возможным сделать для торговли и мануфактур, обратиться к интенданту и действовать во всем в согласии с ним и по его приказаниям. Нужно также побеседовать с господином Дерье, осмотреть с ним его предприятие и действовать совместно и благоразумно, дабы всеми возможными средствами способствовать расширению их торговли и мануфактур, и в особенности побуждать их пользоваться общим транзитом, складом и станциями королевства, а не путями на Фландрию или Голландию, при отправке их товаров за границу.

Чтобы достичь этого, следует изучить дело с господином Желе, представителем таможенных откупов в Лилле, и узнать от него положение, в котором находится это дело, совместно обсудить средства его ускорения и дать знать о нем интенданту, чтобы пригласить его оказать содействие и дать соответствующие приказания. Главное средство состоит в том, чтобы нечувствительно заставить торговцев этой области отправлять товары через Францию, облегчая им всеми возможными средствами морской и сухопутный транспорт в пределах королевства и постепенно затрудняя им провоз через Фландрию и Голландию; но это следует делать с большой ловкостью и осмотрительностью, чтобы довольно грубые и закоснелые люди этой страны не догадывались, что их хотят к этому принудить.

Господин Талон, интендант в Уденард, весьма осведомлен по части того, что можно сделать для того, чтобы переманить мануфактуры из испанских городов в города Франции, а также торговлю всеми товарами, которые идут к ним через Голландию. Следует поговорить с ним и с господином Дерье относительно всего того, что может быть сделано в этом направлении.

Нужно направить усилия к тому, чтобы в Гавре были корабли, готовые перевозить товары в Галицию [испанская провинция], Португалию и Испанию, и заверить их, что король даст военные суда для их сопровождения. Нужно также обдумать с интендантом, господином Дерье, и господином Желе насчет всего того, что может сделать легко судоходной реку Скарп, установить судоходство от Дуэ к Лиллю и приспособить проезжие дороги для облегчения транспорта; по поводу чего следует заметить, что в наших самоуправляющихся провинциях (provinces d'Etats) расходы этого рода падают на провинцию. Обозрев все, что может быть сделано в этой области, вышеуказанный господин Беллинцани возвратится в Амьен, чтобы здесь произвести такой же осмотр, обследовать вновь учрежденную мануфактуру брюссельского камлота [шерстяная материя — camelots de Bruxelles], осмотреть количество станков и состояние, в котором находятся все старые мануфактуры этого города, являющиеся, несомненно, самыми значительными шерстяными заведениями королевства. Он проедет затем в Аббевиль, чтобы посетить и обследовать шерстяные и полотняные мануфактуры, сосчитает станки и рабочих, посмотрит, заметно ли улучшение в производстве серого и черного драпа и, в особенности, цветного; и затем он возвратится через Бовэ, где произведет такое же обследование.

Ему же, в Ат.

30 июня 1671 г.

Бургундские штаты, во время последней сессии, отпустили средства от 60 000 до 80 000 ливров на устройство новых мануфактур.

Нужно постараться использовать эти средства к пользе и выгоде этой провинции. На этот предмет вам следует знать, что компания соединенных откупов[5] заключила с представителями Бургундии договор на устройство 200 станков для выработки саржи лондонского образца, на сумму 40 000 ливров, из которых 20 000 ливров уже уплачены наличными, а остающиеся 20 000 пока еще не уплачены. Эта компания уже установила 100 станков в городах Сеньеле, Оксерр и Отэн. Необходимо, чтобы вы попросили этот контракт для просмотра и обязали директоров этой мануфактуры установить еще 100 станков и получить в то же время оставшиеся 20 000 ливров; и всячески постарайтесь, чтобы это было скорее выполнено.

Я бы полагал также необходимым, чтобы вы совершили поездку в Сеньеле, Оксерр и Отэн с господином Ландэ и посмотрели, в каком состоянии находится в этих местах это производство, и что нужно сделать для увеличения в каждом из них числа станков и для устройства новых установок, чтобы довести число станков до 200.

Качество почвы в провинции Бургундии позволяет думать, что она удобна для производства льна; прошу вас предложить господину Жильберу устроить полотняную мануфактуру и обсудить с ним, что можно было бы сделать для ее осуществления, с какими расходами это могло бы быть связано. И если дела ему позволят, то пусть он поедет с вами. Быть может, посетив некоторые из городов этой провинции, он найдет условия благоприятными для осуществления этого

плана, тем более, что там, как я вам уже сказал, есть и средства; нужно только сделать так, чтобы тот, кто берет на себя заботы по устройству, был застрахован от всякого убытка...

При учреждении этого рода предприятий следует всегда соблюдать правило, что из двух городов, территории которых одинаково удобны для их устройства, следует всегда предпочитать тот, около которого нет виноградников, так как вино — всегда очень большая помеха для работы; но так как в Бургундии почти повсюду виноградники, то приходится не обращать внимания на это неудобство, за неимением лучшего.

Кроме учреждения двухсот станков саржи лондонского образца, которая должна выделываться компанией соединенных откупов, нужно приглядеться к приказчикам, работающим на мануфактурах в Сеньеле и Оксерр; и если кто-либо из них способен предпринять установку еще некоторого количества станков в соседних городах, как Нуайе и другие, то вы можете сейчас же, во время вашего путешествия, сделать ему соответствующее предложение, а затем можно будет заключить договор с представителями Штатов, на условиях, которые я выработал бы для этого.

Мне приходит в голову, что в Бургундии можно было бы устроить мануфактуру грубой шерстяной материи для вывоза в Левант и Ост-Индию, подобно той, какая фабрикуется сейчас в Дофинэ и какой нам очень недостает, как вы знаете, для этих двух компаний. Тщательно разузнайте все, что можно сделать для этого, и приготовьте доклад по всем вопросам моей записки к тому времени, когда я вернусь в Париж.

5. Г-ну Марэну де Лашатеньре, орлеанскому интенданту.

[Depping, Correspond., v. III, p. 873. Lettres, v. II_2, p. 584.]

Сен-Жермен, 21 ноября 1670 г.

Не думайте, что чулочная мануфактура в Дурдане вредит земледелию; наоборот, делайте все, что в ваших силах, чтобы ее укрепить, так как ничто не может в такой же мере способствовать увеличению населения страны, как разнообразие средств к жизни, и поверьте мне, что и король и народ будут довольны.

6. Письма Кольбера к Леблану, руанскому интенданту.

[Lettres, v. II_2, pp. 713—714.]

Фонтенебло, 23 октября 1680 г.

Мне досадно, что начало улова сельдей было неудачно. Я прошу вас дать мне знать, не будет ли он удачнее ко дню всех святых (1 ноября), так как этот улов имеет очень большое значение в виду того, что голландцы ежегодно привозят огромное количество сельдей и благодаря этому извлекают из королевства много денег. Когда вы посещаете приморские города, следует поощрять торговцев увеличивать их улов и узнавать, ездят ли они в Англию, к берегам Ярмута, где этот улов более значителен, чем где-либо, и сколько туда ходит рыболовных судов со всех берегов Нормандии.

Распределение аббатствами шерсти среди бедных, учреждение и расширение мануфактур в такой мере полезны для народа и для государства, как изгоняющие леность, что я всемерно призываю вас действовать в этом направлении. Вы согласитесь с этим, поразмыслив немного о том количестве босяков (gueux) и лентяев, которых можно найти в окрестностях монастырей, подающих милостыню всем без исключения, как, напр., аббатства Жюмьеж и Бек.

7 ноября 1680 г.

Я не сомневаюсь, что вы встретите затруднения в деле раздачи монастырями шерсти бедным для прядения; но нужно преодолеть эти затруднения потому, что ясно, что нет ничего в такой же мере важного для провинций, как уменьшение в них лености, если ее нельзя искоренить совершенно...

28 ноября 1680 г.

Самым лучшим для вас будет обязать монахов, совершающих общую милостыню, покупать шерсть и отдавать ее для прядения [бедным], потому что нет ничего, что поддерживало бы леность более, чем эта общая милостыня, которая совершается без всяких оснований и без всякой уверенности в том, что в ней нуждаются...

31 января 1681 г.

Вы очень хорошо сделали, обязав монахов в Фекане давать работу бедным, которым они подают милостыню, так как ничто так не вредно для государства, как нищенство здоровых и могущих работать бедняков. Эти монахи могли бы распределять то, что они подают бедным, наполовину хлебом, наполовину шерстью, с условием приносить обратно шерсть, сработанную в виде чулок; и так, уменьшая с каждым разом долю хлеба и увеличивая долю шерсти, незаметно можно было бы свести нищенство, ограничив его калеками и неспособными работать. Вы легко убедитесь, что вы едва ли совершите другое дело, столь же полезное для провинции и столь же необходимое для государства...

7. Кольбер Бавиллю, интенданту в Пуатье.

[Lettres, v. II_2, p. 735.]

6 января 1683 г.

Усердие, которое вы прилагаете к поддержке и расширению мануфактур, распространенных в этой провинции, полезно еще и в том отношении, что, когда народ добывает при помощи мануфактур средства к существованию, он, несомненно, становится более послушен духовным и светским властям...

8. Письма Кольбера о предприятии Ван-Робе в Аббевиле

г-ну Рупе Дюкудре, амьенскому интенданту.

[Lettres, v. II_2, p. 669.]

Версаль, 2 декабря 1762 г.

Я очень рад, что мануфактура Ван-Робэ преуспевает. Прошу вас разузнать подробно о количестве кусков драпа, которые эта мануфактура производит ежегодно, и сделать все, что от вас зависит,

чтобы ее расширить и усовершенствовать, так как нет ничего в такой же мере нужного и важного для блага города Аббевиля, как добиться при помощи этой мануфактуры изгнания всех голландских и английских сортов драпа...

Г-ну Бретейлю, амьенскому интенданту.

[Lettres, v. II_2, p. 738.]

Версаль, 17 сентября 1682 г.

... Признаюсь, я был бы очень рад, если бы вам удалось обратить в католичество Ван-Робэ. Так как он очень хороший человек, было бы большим благом, если бы он принадлежал к нашей религии, потому что он оказался способным так хорошо устроить в Аббевиле мануфактуру тонкого драпа, что она, повидимому, завоюет затем себе место в королевстве и нанесет огромный ущерб фабрикам Голландии и Англии, и принесет великую выгоду подданным короля.

Г-ну Мельяну, интенданту руанскому.

[Lettres, v. II_2, p. 748.]

Париж, 27 июня 1683 г.

Именуемый Ван-Робэ, которого король вызвал из Голландии в Аббевиль для учреждения мануфактуры голландского и английского драпа, отправил некоторое количество штук этого драпа некоему Гильотену руанскому торговцу; но надсмотрщики за материями наложили арест на эти штуки драпа и собираются их конфисковать, потому что они не прокрашены гарансом, как это требуется регламентами, изданными для мануфактур. Так как вышеуказанный Ван-Робэ знает особый секрет окраски в черное, который был признан здесь очень хорошим на опытах, произведенных в присутствии наиболее знающих торговцев Парижа, ему было позволено продавать свой драп, окрашенный при помощи его собственного способа, и торговцы этого города не чинят ему при этом никаких препятствий.

Вот почему необходимо в интересах этой мануфактуры, чтобы вы дали немедленно приказ о снятии ареста с этого драпа и предоставили торговцу, взявшему на себя его продажу, свободу, необходимую ему для сбыта этой материи. Прошу сообщить мне, что вы предпримете во исполнение этого письма.

9. Из письма г-ну Бушю, дижонскому интенданту.

[Lettres, v. II, pp. 688—689.]

Версаль, 17 октября 1674 г.

Городские власти совершают большую ошибку, не давая наград отцам, которые посылают своих детей на мануфактуры, потому что это больше всего способствует росту мануфактур, и я считал бы нужным, чтобы вы послали на места знающего и надежного чиновника, который осведомлял бы вас обо всем, что происходит, составлял и посылал вам список всех отцов, имеющих на мануфактурах число детей, требуемое указами,[10] для того, чтобы вы могли распределять между ними награды.

III. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ, КОЛОНИИ.

1. Инструкция маркизу Виллару, французскому послу в Мадриде.

[Lettres, v. II_2, pp. 699—705.]

Сен-Жермен, 15 мая 1679 г.

Король, посылая маркиза Виллара в Испанию для пребывания при католическом [испанском] короле в качестве своего чрезвычайного посла, соизволил сообщить ему свои намерения относительно всего того, что касается торговли, которую его подданные ведут в Испании, дабы он тщательно следил за тем, чтобы мирные договоры исполнялись в точности в этом отношении и чтобы во всем, что касается вышеупомянутой торговли, подданные его величества были в такой же мере благоприятствуемы, как и иные иностранцы на всем протяжении земель, принадлежащих католическому [испанскому] королю, согласно пунктам шестому и седьмому Пиренейского трактата, подтвержденного трактатами в Экс-ла-Шапель и Нимвегенским.

И хотя господин маркиз де Виллар, благодаря своему прежнему пребыванию в Испании,[11] уже знает все, что касается этой торговли, его величество, тем не менее, хочет, чтобы ему [Виллару] снова подтвердили главные пункты трактатов для того, чтобы он мог с большей уверенностью выполнять его намерения относительно всего того, что касается блага и пользы его подданных.

Он хорошо знает, что торговля всех наций в Испании почти не ведется путем товарообмена, но за наличные деньги, привозимые в Испанию из Перу флотами и галионами, посылаемыми туда время от времени. Эта торговля имеет тем большее значение, что именно посредством ее драгоценный металл расходится по всем прочим государствам Европы, и чем больше то или другое государство ведет торговлю с испанцами, тем больше в нем денег. Вот почему необходимо и желательно его величеству, чтобы вышеназванный господин маркиз де Виллар приложил исключительные старания к поддержанию и расширению этой торговли всеми средствами, какие могут ему быть внушены торговцами, и чтобы он всегда пользовался именем и авторитетом короля, дабы оказывать купцам всяческое покровительство, в котором они могли бы иметь нужду. И чтобы знать, в каком отношении подданные его величества могут нуждаться в покровительстве и поддержке, которое он им должен оказывать, да будет ему ведомо, что коммерческие сношения французов с Испанией совершаются тремя различными способами.

Во-первых, французские рабочие и ремесленники пограничных провинций Лимузэна, Оверни и других ежегодно отправляются в Испанию и, проработав там некоторое время, возвращаются во Францию и приносят в свои провинции заработок. И, так как эти рабочие и ремесленники расходятся по всем провинциям Испании, будет хорошо, если господин маркиз де Виллар будет осведомлен, насколько это ему окажется возможным, об их числе, о препятствиях, которые они могут встретить, и о помощи, какую он им может оказать при их возвращении во Францию с деньгами, заработанными своим трудом, — и если он будет оказывать им поддержку, в которой они могут иметь

надобность. Во всем этом нужно действовать с известной ловкостью и тайно, так как неудобно, чтобы испанцы и даже французы знали, что он собирает сведения о числе этих ремесленников и рабочих.

Второй способ торговых сношений заключается в том, что в Испанию проходит большое количество мулов с различными товарами французского производства, которые потребляются в Испании. Относительно этой торговли достаточно сказать, что он [де Виллар] должен быть доступен для всех французских купцов и их представителей в Мадриде и в других главных городах Испании и оказывать им всяческую поддержку и покровительство, в которых они будут нуждаться. Он должен даже время от времени приглашать к себе некоторых из них, в которых он признает больше ума и такта, и осведомляться у них о том, что можно сделать, как для того, чтобы добиться бо́льших льгот для их торговли, так и для того, чтобы дать большее распространение французским изделиям.

Третий способ коммерческих сношений, более важный и значительный, чем два предыдущих, состоит в торговле французскими товарами и продуктами французских мануфактур, доставляемыми в Кадикс, в Санта-Марию и в Сан-Лукар и другие порты Испании, для погрузки на галионы и флоты, отправляющиеся из Испании в Вест-Индию, а также в погрузке дорогих товаров и драгоценных металлов в монете и слитках, производящейся на фрегаты Сен-Мало, Руана и других портов Франции, во время возвращения флотов и галионов. Все свои усилия господин маркиз де Виллар должен направить на то, чтобы сделать эту торговлю легкой и верной.

Он должен обратить внимание на то, что испанцы не знанимаются никаким производством. Поэтому безусловно необходимо, чтобы все товары, нужные [им] для обширных стран, коими они владеют в южной и северной Америке, доставлялись им иностранцами, кои посредством этого получают значительную часть богатств, доставляемых рудниками этих стран. Это обстоятельство заставляет купцов всех европейских наций, французов, англичан, голландцев, генуэзцев, венецианцев, ганзейские города и др., соперничать в доставке наибольшего количества товаров, чтобы извлечь больше прибыли и выгод. Но французы имеют столь большое преимущество сравнительно с другими нациями благодаря плодородию почвы, большому количеству производимых ею конопли и льна и своей промышленности, которая дает красивейшие и наилучшие товары, что, получай они помощь и покровительство, подобно нынешним, будь они в положении лучшем или, по крайней мере, в таком же, как и другие иностранцы, — нет никакого сомнения в том, что они привлекут в свое королевство наибольшую часть этих богатств.

На этот предмет господин маркиз де Виллар должен знать, что, согласно трактатам Пиренейскому, в Экс-ла-Шапель и Нимвегенскому, французы должны находиться в том же благоприятном положении, как и все другие иностранцы. И для того, чтобы хорошо знать размеры льгот, которые должны предоставляться французам, ему нужно внимательно прочесть договоры между Испанией и Англией и в особенности договор 1667 г., договоры Испании с голландцами, ганзейскими городами, датчанами, шведами, генуэзцами и др.

Во всех этих договорах, и в особенности в англо-испанском, он должен обратить особое внимание на право беспрепятственно заходить иногда при известных обстоятельствах в порты Вест-Индии, — не для того, чтобы требовать [для французов] специального постановления о предоставлении им таких же прав, но лишь для того, чтобы воспользоваться этим при случае. На этот предмет его величество приказал приложить к этой инструкции копию ордонанса, который королева католическая приказала изготовить и вручить кардиналу де Бонзи, в то время архиепископу Тулузскому, послу его величества в Испании, с приказом всем губернаторам испанских колоний и их чиновникам предоставлять французам те же льготы и привилегии, какими пользуются англичане и ганзейские города; его величество считает необходимым, чтобы господин маркиз де Виллар требовал возобновления такого же ордонанса и даже, если это возможно, еще более сильно и точно выраженного.

Чтобы быть хорошо осведомленным, каким образом и в каких случаях он должен пользоваться этими правами, которые должны быть столь же благоприятны для французов, как и для остальных иностранцев, он должен знать, что испанские законы и распоряжения предписывают регистрировать весь драгоценный металл и все предметы, нагружаемые в портах Вест-Индии на флоты и галионы, под угрозой конфискации всего незарегистрированного, и запрещают вывозить из Испании деньги в монете или слитках. Этими двумя законами испанцы думали задержать в своем государстве все неисчислимые богатства Нового Света. Но, так как они сами не производят товаров, необходимых для такой большой страны, безусловная необходимость получать их из-за границы, ловкость и заинтересованность одних, снисходительность других позволяют обходить эти законы. Капитаны галионов и кораблей поощряют из-за собственных выгод обманы, почти всегда покрываемые судьями и чиновниками. Но так как последние в праве строго применять эти распоряжения, то они часто именно так и поступают по отношению к французам, чтобы отнять у них всю или лучшую часть этой торговли, не обращая внимания на то, что она переходит к другим нациям, ибо они полагают, что они в меньшей степени могут опасаться их могущества, чем могущества французов. Именно в этом отношении нужны особые старания маркиза де Виллара, дабы французы пользовались теми же преимуществами и льготами, как и другие иностранцы.

Эти льготы состоят в следующем: для того, чтобы обойти эти законы и распоряжения, иностранцы отправляют на рейд г. Кадикса свои корабли с товарами во время отплытия галионов и флотов, и, с согласия капитанов этих галионов и флотов, они ночью грузят на них свои товары, не регистрируя их, а по возвращении [флотов и галионов] они подобным же образом забирают [на свои суда] дорогие товары и драгоценный металл в монете и слитках, которые они получают в обмен на свои товары, проданные в Вест-Индии.

И, чтобы косвенным путем освободить себя от строгости закона, англичане и ганзейские города получили согласно договорам для своих кораблей, магазинов и товаров освобождение от осмотра, так что на-

грузка товаров во время отплытия и перегрузка дорогих товаров и слитков при возвращении [испанских судов], будучи совершаемы ночью и не контролируемы днем, позволяют им совершенно свободно производить эти операции.

В силу тех же оснований снисхождения и необходимости в тех случаях, когда вследствие запаздывания отплытия или прибытия галионов суда принуждены перегружать товары в г. Кадиксе или в других приморских городах, купцы этих городов, компаньоны или представители французских фирм и чиновники пользуются уловками, необходимыми для обмана таможен, пропуская товары либо через стены, либо через потайные места, для того чтобы произвести погрузку на вышеупомянутые галионы и суда во время их отплытия.

При помощи таких и других, практикующихся там, в силу необходимости, средств, изобретаемых ловкостью, нуждою и корыстью, производится эта огромная и важная торговля. Но, так как все эти способы суть лишь обходы законов и распоряжений, испанцы, если им вздумается нанести ущерб иностранцам, пользуются строгостью их для конфискации товаров и вещей, рассматривая их как контрабанду или требуя значительную сумму денег за то, что они называют «indulte» [пошлины], и именно в этом случае маркиз де Виллар должен использовать всю силу влияния и покровительства его величества.

Кроме того, он должен обратить внимание, что согласно параграфам договора, заключенного [испанцами] с ганзейскими городами, последние имеют своего собственного судью; он должен в удобный момент добиться такой же льготы.

Консулы Кадикса, Аликанте, Валенсии, Барселоны, Майорки и Минорки и Галисии получат приказ сообщать ему обо всем, что происходит в пределах их консульств; и он возьмет на себя заботу требовать от них, чтобы они продолжали давать сведения обо всем, что произойдет, и быстро приходить на помощь при всяком ущербе, который будет нанесен им и купцам со стороны испанских губернаторов и чиновников.

2. Записка Кольбера о делах французской Ост-индской компании на острове Дофине (Мадагаскаре) и в Индии.[12]

[Lettres, v. III_2, pp. 414—427.]

8 марта 1669 г.

Рассмотрев и тщательно изучив все бумаги, мемуары и инструкции, доставленные с острова Дофина[13] и из Сурата двумя последними прибывшими оттуда кораблями, я считаю необходимым, хотя и трудно составить правильное суждение об ошибках, которые были совершены, и о средствах к их исправлению, рассмотреть их подробно и представить затем свои соображения.

Чтобы ясно представить ошибки, нужно принять во внимание, что они могут совершиться в трех различных местах:

в Париже;

на острове Дофине;

в Индии, т. е. в Сурате.

Ошибки, которые мы совершили в Париже, состоят в том, что мы сделали наши первые экспедиции слишком громоздкими [14] до получения определенных сведений относительно торговли Индии и тех предприятий, кои мы могли бы сделать на острове Дофине. Громадные издержки первых экспедиций были бы в состоянии в конец разорить эту компанию [индийскую], если бы она не была поддержана не только покровительством, но и большими денежными суммами, которые ей щедро предоставил король.

Я уже не говорю о несчастиях, происшедших благодаря отсутствию людей, сведущих в таких плаваниях, и благодаря избранному большой флотилией 1666 г. пути на Бразилию, тем более, что они неизбежны при крупных предприятиях и что их следует преодолевать усилиями и настойчивостью.

Ошибки, совершенные на острове Дсфине, велики и могут привести компанию к полному разорению и гибели. В особенности досадно, что трудно отделить сознательно виновных в ошибках от невиновных.

Траты наличных денег и товаров, отправленных на кораблях для Индии, произведенные на острове, в общем на сумму 470 586 ливров, таковы, что одного неблагоразумия и простой нерасчетливости недостаточно, чтобы совершить их, и их следует приписать определенному намерению разорить компанию и обогатиться на ее разорении.

Вполне правдоподобно, что неудачи долгого путешествия и чудовищной траты съестных припасов по необходимости положили начало этой ошибке, т. е. что когда 1700 или 1 800 человек, из которых состоял флот, прибыли на остров без съестных припасов, дурное состояние форта Дофина, незнакомство с силами туземцев, трудность найти съестные припасы для такого огромного количества людей, различные болезни, вызванные состоянием их здоровья, подорванного долгим путем, дурное продовольствие, которым они питались на кораблях, и, наконец, страх умереть от голода или козней туземцев — заставили командира и директоров держать всю эту массу людей вместе, с целью защиты, и пользоваться деньгами и товарами компании, чтобы облегчить крайнюю нужду, в которой они находились и из которой они, быть может, надеялись скоро выйти. Но если начало этого безобразия и было так невинно, совершенно ясно, что продолжение его было преступным и что заправилы экспедиции продолжали это злонамеренное поведение и даже допускали, чтобы диким [15] давались деньги для того, чтобы, пользуясь таким предлогом, при помощи недобросовестных уловок, удерживать большую часть денег и направлять ее в руки главных виновников...

Но поразительная вещь, что при таких огромных растратах ни один из тех, которые обладают властью в компании и письмам которых дана была полная вера, не написал ни о расходовании средств компании, ни о причинах, которые принудили так поступать.

Отсюда можно сделать заключение, что губернатор, посланный королем, обратил законную власть, ему врученную, в тиранию; что он совершенно отстранил директоров, не оставив им ни имени, ни авторитета; что он приводил в исполнение свои приказания без рассмотре-

ния и обсуждения их в совете и, наконец, совершал все те насилия, которые может делать человек, обладающий силою и властью короля, в столь отдаленной стране, когда он хочет истратить вверенные ему ценности для утоления своей жадности...

Другие ошибки, совершенные на этом острове, незанятие некоторых постов, непринуждение колонистов обрабатывать землю и другие, произошли от упомянутой выше первой.

В общем можно и должно повторить содержание речи господина Беррье,[16] что для ведения такого огромного предприятия нужно много благоразумия, умеренности и терпения; и для того, чтобы эти хорошие качества перешли в умы тех, которые есть и будут впредь находиться в Индии, необходимо их внедрить в умы всех парижских директоров [компании]. Вначале приходится мириться со многими ошибками и дурным поведением в виду того, что средства к исправлению очень трудны, ненадежны и в такой же мере опасны, как и самое зло; все это случается почти всегда в такого рода предприятиях, и все это приходится вести с большим благоразумием, умеренностью и терпением. И, кроме этих хороших качеств, нужно всегда употреблять все усилия, чтобы поддерживать единение и подлинную субординацию во всех подчиненных, служащих этому большому коммерческому предприятию, тем более, что без этих двух условий все другие хорошие качества бесполезны.

Перейдем к отдельным ошибкам, совершенным в трех главных местах.

Парижские ошибки могут быть легко исправлены тем, что в Индию будут посылаться не более двух-трех кораблей зараз; тем, что будет внимательно и заботливо изучаться все, что можно и должно сделать к выгоде компании, а именно: продажа товаров, привозимых компанией из Индии в подходящий момент; установление мест, куда ее корабли должны прибывать при своем возвращении; места, наиболее удобные для продажи и выгрузки товаров; места для погрузки, тщательность ее и заботливость при отправлении кораблей в плавание и, одним словом, соблюдение правил хорошего и точного торгового хозяйства во всем.

Что касается ошибок, совершенных на острове Дофине, то в виду того, что они очень велики, гораздо труднее изыскать и средства, нужные для их исправления.

Кажется, что этот остров может и должен рассматриваться как удобное, но не обязательное складочное место, и что обязательная станция должна быть со временем устроена на мысе Доброй Надежды; что этот остров [Мадагаскар] не только может и должен кормить своих жителей, т. е. французов, на нем находящихся, но и может доставлять значительные запасы свежих риса и мяса на корабли, проходящие мимо, после того как нужда заставит французов, живущих на нем, обрабатывать землю и занять бухты святого Августа и Атонжиля.[17] Для этой цели, кажется, следует распорядиться, чтобы корабли, которые будут посланы в Индию, не приставали к этому острову из опасения, что они будут задержаны силой, или что губернатор воспользуется властью, которая находится в его руках, чтобы захватить все те продукты и товары, в которых по его мнению нуждается остров.

Из всех донесений, которые мы имеем с этого острова, мы видим, что он в состоянии давать пропитание большому количеству народа и большому количеству скота; что французы, которые обрабатывали землю, получали очень хорошие овощи; что остров производит рис повсюду. И можно заключить без затруднения, что, когда все французы, живущие на нем, будут необходимостью принуждены работать, они не только добудут от земли все, необходимое для их существования, но даже будут заготовлять съестные припасы и свежие продукты для кораблей компании.

Письма директоров, господина де Мондеверга [18] и всех прочих, находящихся на острове, свидетельствуют об их уверенности в том, что на этом острове будет учреждена главная станция как для товаров, идущих из Франции, так и для товаров, идущих из Индии; что остров будет распоряжаться всеми индийскими конторами и будет местом верховного суда для всех служащих. Необходимо, чтобы компания рассеяла эти фантазии директоров и дала бы им приказ отправлять корабли из Индии прямо во Францию, не приставая к острову Дофину, за исключением тех случаев, когда они будут безусловно вынуждены к этому погодой; объявить директорам, что этот остров является возможным, но не необходимым складочным местом, и что его даже следует по возможности избегать до тех пор, пока жители путем обработки земли не только будут покрывать свои потребности, но и окажутся в состоянии иметь достаточно припасов, чтобы снабжать ими корабли.

Больше того, следует, чтобы компания дала ясные приказания своим директорам в Индии — не посылать больше никаких припасов на остров иначе, как в обмен за те деньги и товары компании, которые были там растрачены, с нарочитым и положительным запрещением делать для острова какие-либо новые расходы.

Будет полезным для блага компании дать приказ задерживать в Индии все товары и деньги, которые будут туда присланы с острова на приобретение съестных припасов, и корабли; ничего не посылать на остров, тем более, что все это принадлежит компании и происходит из тех сумм, которые были там растрачены преступным образом; но, так как наиболее важным и существенным для блага и пользы компании было бы извлечь, насколько возможно, деньги и вещи, растраченные на острове; следовало бы, пожалуй, оставить тем, кто живет на острове, надежду на возможность получения съестных припасов взамен денег и ценностей, посылаемых ими директорам, находящимся в Индии. На каковой предмет компания должна дать приказы директорам извлекать наивозможно большую выгоду путем уменьшения цены товаров, которые [жители острова] будут посылать, и увеличивать цену продуктов, которые им будут отправляться. И, так как благо и выгоды компании требуют, чтобы было учреждено главное складочное место, куда могла бы направляться вся корреспонденция из всех контор, установленных в различных торговых местах Индии, и где могли бы встречаться все корабли, идущие в Индию и из нее, и совершать погрузки, следовало бы запросить мнение директоров на местах и сказать им при этом, что все корабли будут направляться в Сурат.

Исполняя все вышесказанное, компания будет уверена, что, немедленно по прибытии ее приказов, она не будет более нести никаких расходов на остров; но так как главное состоит в том, чтобы постараться вернуть вещи, которые находятся на острове, и наказать за преступную растрату, если она была совершена, то вот те средства, коими нужно будет пользоваться для достижения этой цели:

Что касается компании, то она должна послать ловкого человека на корабле «Святой Павел» и приказать капитану делать все, что ему будет указано компанией, и в особенности не пускать на корабль кого бы то ни было, кто мог бы захватить начальство над ним.

Этот доверенный компании должен получить приказ высадиться на острове и действовать во всем в согласии с доверенным короля, который будет туда послан. Капитан корабля равным образом должен получить приказ не признавать никого посланным от доверенного компании, пока тот находится на острове и до тех пор, пока он не будет на его корабле на полной свободе.

Этот доверенный должен иметь приказ увезти все деньги и товары, годные для Индии, которые окажутся в магазинах острова, равно как и продавать съестные припасы и товары с корабля по ценам, наиболее выгодным для компании, и в особенности хорошенько наблюдать, не проявлял ли губернатор в своем поведении насилия, что можно очень легко узнать; и в таком случае не выпускать из своих рук никаких продуктов или товаров до тех пор, пока деньги или вещи, которые он должен получить в обмен за них, не будут на борту корабля; и, когда он извлечет все, что он сможет, и все его продукты и товары будут обменены, губернатор получит приказ сесть на этот же самый корабль и ехать в Индию...

Король пошлет на этом же корабле разумного и верного человека со своими письмами и приказаниями к господину де Мондевергу. Эти письма будут содержать в себе краткий перечень всех совершенных ошибок, с нарочитым приказом внести в них необходимые исправления... Если господин де Мондеверг сделает то, что повелевает ему долг, и своим поведением и авторитетом, находящимся в его руках, он заставит изъять и доставить на корабли компании, по крайней мере, половину денег и других вещей, посланный от короля будет лишь поддерживать его, хвалить и помогать ему во всем; но, если господин де Мондеверг будет отказываться или учинять волокиту, посланный объявит ему, что он имеет приказ короля начать расследование беспорядков, покажет ему полномочия, данные ему на этот предмет, и начнет расследование, передав его генеральному прокурору. Этот же посланный объявит приказ короля об расформировании учрежденных де Мондевергом двух рот пехоты, переданных им под начало своих родственников или преданных ему людей, каковой приказ он заставит исполнить в первую очередь. Кроме этого, он объявит господину де Мондевергу об отставке, с приказом покинуть остров на первом корабле...

[Что касается ошибок, совершенных в Индии, Кольбер видит их, главным образом, в подрыве авторитета некоторых директоров компании и раздорах, происходящих постоянно между ее служащими.]

3. Из инструкции господину Делаге, генеральному лейтенанту Ост-Индии.

[Colbert, Lettres, v. III_2, pp. 461 — 470.]

Версаль, 4 декабря 1669 г.

Господину Делаге известно, что король посылает в эту страну [т. е. в Индию] шесть хороших военных кораблей, два транспорта, магазин или госпиталь и что Ост-индская компания, учрежденная во Франции, отправляет туда же три больших корабля.

Его величество приказал снабдить его эскадру съестными припасами на два года, дал ему денег на восемнадцать месяцев жалованья, и его намерение заключается в том, что он должен оставаться в Индии в течение трех полных лет, по истечении коих его величество надеется, что благодаря многолетнему опыту, который господин Делаге приобрел в командовании его войсками, его армиями и укрепленными местами, благодаря его умеренности, твердости и хорошему управлению, он, король, будет иметь удовольствие видеть успешное осуществление его предначертаний, заключающихся в создании некоторых крупных факторий в Индии, для обеспечения торговли компании, которую он учредил в своем королевстве.

На этот предмет господин Делаге должен иметь в виду, что единственная и исключительная цель, предположенная его величеством, совершающим столь большой расход, как посылку значительной эскадры кораблей на долгое время, заключается в том, чтобы поставить компанию на столь крепкие и прочные основания, что она могла бы держаться самостоятельно, расти и процветать в будущем своими собственными силами.

Для этого необходимо, чтобы он действовал в согласии с обоими находящимися в Индии директорами компании и следовал их разъяснениям и приказам относительно всего того, что должно предпринять в Индии для блага компании, так как один из них, господин Карон, [19] имеет глубокие познания, благодаря опыту двадцати двух лет, которые он провел на службе голландской Ост-индской компании. И его величество полагает столь необходимым действовать в согласии с директорами и исполнять все, что они считают подходящим, что даже в тех случаях, если бы господин Делаге знал, что они делают плохо, его величество желает, чтобы господин Делаге, представив им свои соображения, все же пунктуально следовал их мнениям; в каковом случае его величество предоставляет благоразумию господина Делаге судить лишь, не будет ли в этом чего-либо противного благу его службы, безопасности его войска и кораблей, а так как один из директоров — француз, а другой натурализовался и привлечен к службе его величества многими благодеяниями, его величество полагает, что нет никаких оснований опасаться [измены].

Так как эта эскадра впервые должна познакомить Индию с оружием и мощью его величества, нужно, чтобы он постарался показать ее лицом, дал почувствовать ее красоту, силу, показал ее артиллерию, ее экипаж в полном порядке, чтобы он объявил, что она послана его величеством лишь для того, чтобы разведать места и рейды для более

крупного флота, который король решил послать в скорости, подтверждая, что эскадра имеет приказ поддерживать и покровительствовать торговле компании и ни в чем не нарушать покоя других наций, так как необходимо, чтобы жители Индии возымели высокое представление о справедливости и милости его величества и знали в то же время об его могуществе.

Относительно губернаторов и командиров провинций [дело идет, конечно, о туземных властях], к которым он [Делаге] будет приставать, он может посылать им приветствия и принимать их, объяснять им мотивы, которые заставили его величество послать эту эскадру; и он может в то же время передать через кого-нибудь из своей свиты, что его величество решил послать скоро более могущественный флот, который привезет послов и подарки Великому Моголу. Впрочем, его величество остановится, конечно, на том, что будет сочтено директорами более подходящим.

Из писем господина Карона ясно, что, по его мнению, нет ничего более важного для блага и пользы компании, как установление значительной фактории на острове Цейлоне, который производит корицу и который в настоящее время занят голландцами, кои, с помощью местного царька, выгнали оттуда португальцев. Но, так как голландцы занимают лишь западную и южную часть острова, которую господин Карон захватил для них при завоевании, и так как он сохранил связи с царем Цейлона, он считает, что можно легко устроить факторию на востоке, которая имела бы очень большое значение и дала бы компании возможность торговать корицей. Другая фактория, которую всегда считали необходимой и очень выгодной, — это фактория на острове Банке, расположенном к востоку от большого острова Суматры; эта фактория могла бы сделаться более значительной и более удобной, чем Батавия — главное место голландцев в Индии, дала бы компании возможность торговать всеми видами бакалеи со всех островов и королевств Индии, а также из Китая и Японии.

Его величество желает, чтобы господин Делаге приложил все свои старания и все свое искусство к организации и основанию этих факторий, и он смотрит на эту услугу, как на самую большую и самую значительную, какую только дворянин может оказать его величеству, потому что король стремится утвердить свое могущество и свой авторитет в стране, в которой могущество его предшественников никогда не было известно, и откуда можно извлекать все товары, составляющие богатство и мощь государств, обосновавших здесь свои предприятия.

Его величество полагает, что посылаемые им для этой цели шесть кораблей достаточно сильны, чтобы противостоять всякой морской державе, которая вздумала бы итти против его намерения, и господин Делаге должен сохранять это намерение в секрете, чтобы помешать врагам или завистникам славы и могущества короля заранее подготовиться к противодействию ему. Что же касается сухопутных держав, то туземцы недостаточно сильны, чтобы помешать этому намерению, тем более, что господин Карон начал переговоры с царьком Цейлона, который, будучи чрезвычайно обижен голландцами, будет очень рад принять на свой остров другую нацию, которая могла бы

ему покровительствовать и даже оказать ему помощь, чтобы отмстить за него. Англичане слабы, а голландцы, хотя и сильны, не осмелятся открыто противодействовать намерениям его величества. Но в высшей степени необходимо остерегаться неожиданностей с их стороны. Принимая это во внимание, будет необходимо иметь тысячу добрых людей для того, чтобы в случае нужды произвести высадку. Экипаж кораблей может дать до 600 человек, и его величество хочет дать на корабли 400 человек хорошего войска как для работы по укреплению постов, которые будут заняты, так и в качестве их гарнизона...

Его величество полагает, что будет очень полезным для славы его оружия, для блага и выгоды компании, чтобы господин Делаге, возвращаясь из Индии, если можно, по дороге показался с своей эскадрой у Малабарского побережья и показал ее всем народам, живущим от мыса Коморин до Аравии.

4. Кольбер к Круасси, французскому послу в Лондоне.

[Lettres, v. III_2, p. 443.]

Париж, 20 апреля 1669 г.

Так как главное недоразумение, которое происходит теперь между Англией и Голландией, заключается в том, что англичане требуют допустить их иметь торговые сношения во всех портах и реках Индии, где у голландцев имеются укрепленные места, в коих последние видят средство для недопущения туда всех прочих иностранцев, — было бы очень важно для блага нашей торговли и нашей Восточной компании, чтобы вы подробно разузнали об этом разногласии, узнали бы наименование портов и рек, откуда голландцы хотят изгнать англичан, какая ведется там торговля и на какие выгоды рассчитывают англичане, добиваясь для себя свободы торговать. И если вы можете получить все эти разъяснения, вы соблаговолите мне их сообщить. Вы можете даже обратиться к королю Англии, доведя до его сведения, что, объединившись с королем [Франции] и приняв меры совместно, он легко может достичь того, что сами голландцы принуждены будут обращаться к ним [т. е. к союзным королям], чтобы получить свободу для своей торговли вместо нынешнего положения вещей, когда король Англии обращается к ним за этим...

5. Инструкция господину Талону, отправляющемуся в качестве интенданта в Новую Францию.

[Lettres, v. III, pp. 389 — 397.]

Париж, 27 марта 1665 г.

Его величество, избрав г. Талона для выполнения этой должности, считал, что он обладает всеми качествами, необходимыми для всестороннего расследования в каком положении находится эта страна, как до сих пор было поставлено в ней правосудие, администрация и финансы; [20] что он будет в состоянии устранить злоупотребления и, выполнив это, удерживать народ, составляющий эту большую колонию, в законном владении своим имуществом, в полном едине-

нии между собою, что может со временем привести колонию в цветущее состояние,—главная цель, которую его величество хочет достигнуть.

Для этой цели пусть г. Талон знает, что те, кто доставлял об этой стране наиболее верные и беспристрастные сведения, всегда заявляли, что иезуиты,[21] благочестие и усердие коих сильно способствовали привлечению в колонию людей, ныне в ней находящихся, захватили там влияние, превосходящее границы их действительного назначения, которое должно касаться только человеческой совести. Для того, чтобы утвердить за собой это влияние, они сумели назначить епископа Петрейского выполнять там епископские обязанности, так как он находился в полной зависимости от них; и дело дошло даже до того, что иезуиты стали назначать в этой стране губернаторов для выполнения королевской службы и пользовались всеми доступными средствами для того, чтобы заставить отзывать тех, которые были избраны на эту должность без их участия. И, так как совершенно необходимо держать в должном равновесии светскую власть, пребывающую в особе короля и тех, кто является его представителем, и власть духовную, в лице вышеуказанного епископа и иезуитов, таким образом, чтобы последняя во всяком случае была ниже первой,—главное, на что должен обратить внимание г. Талон и относительно чего он должен собрать все сведения,—это узнать точно то состояние, в котором находятся ныне в этой стране эти две власти, и то состояние, в котором они должны быть по природе...

Ему важно знать, что эта колония была уступлена одной компании, создавшейся во времена покойного кардинала Ришелье в 1628 г.; что эта компания, не имея достаточно сил, чтобы содержать эту колонию, передала в 1644 г. жителям ее торговлю мехами, единственную здесь доходную статью, с условием уплаты ей ежегодно тысячи бобров за ее право сеньера; в 1662 г. эта компания насчитывала уже только сорок пять долей из ста, из которых она состояла первоначально, и участники этих сорока пяти долей передали их целиком в руки короля, не будучи в состоянии покрывать расходы, которые им приходилось делать, не получая от этого никакой выгоды.

С 1662 г. его величество присоединил эту колонию к концессии, которую он дал Вест-индской компании; необходимо, чтобы г. Талон посмотрел условия концессии, согласно которым компания в праве назначать губернаторов и всех прочих чиновников, и, так как компания хорошо знает, что она не могла бы найти человека, достаточно достойного и авторитетного, чтобы занимать и выполнять с честью эту должность, она была довольна, что это назначение делает король, до тех пор, пока, благодаря тому, что король продолжает свои милости и свое покровительство и колония процветает, компания сможет найти сама из числа [колонистов] лицо, которое она может определить на эту должность.

Так как... ирокезы, которые распадаются на несколько племен и все суть вечные и непримиримые враги колонии, убив значительное количество французов и совершая бесчеловечности по отношению к тем, кто попадает в их руки, помешали тому, чтобы колония была более

многолюдной, чем ныне, и так как они своими нападениями и внезапными набегами постоянно держали в страхе страну, король, желая помочь этому, решил начать против них войну и добраться до их очагов, чтобы их окончательно истребить, совершенно не полагаясь на их слово, так как они нарушают клятву всякий раз, как жители колонии оказываются в их власти. Для этой цели он приказал г. де Траси отправиться туда с Антильских островов с четырьмя ротами пехоты регулярных войск и командировал их на эту экспедицию; кроме этого, он посылает тысячу добрых людей под командой г. де Сальер, бывшего полковника пехоты, [22] со всеми военными приспособлениями и провиантом, необходимыми для этого похода, обширная инструкция которого вручена г. Талону, равно как и средства, предназначенные для этой цели и для других расходов, могущих быть в колонии, и г. Талон, с своей стороны, предоставит от трех до четырехсот солдат, опытных в борьбе с дикими...

Прежде чем отправиться из Квебека в эту экспедицию, следует, чтобы он, насколько позволит время, обследовал как все, что касается ведомства юстиции, так и то, что имеет отношение к состоянию поселенцев, для того, чтобы в случае, если бы оказалось необходимым внести исправление в первую или с пользой поработать во втором, он сделал все это до своего отъезда; но по возвращении он будет более свободным и незанятым главными военными заботами, и, согласно данной ему и гг. де Траси и де Курсель власти, они или распустят верховный совет, чтобы составить его из других лиц, в случае, если бы они увидели, что он не исполняет своего долга, или удовлетворятся удалением некоторых лиц, или, наконец, утвердят их всех, если они действительно признают, что члены совета имели благие намерения и соблюдали только интересы правосудия. Так как правосудие есть благословение народов и выполнение главного желания короля, важно, чтобы он [Талон] крепко держал в своем уме, что все его старания должны быть направлены к тому, чтобы сделать суд нелицеприятным, бдительно следя за тем, чтобы верховный совет совершал правосудие полностью, без экивоков и бесплатно Так как колония будет извлекать очень значительную выгоду из должного управления, как в отношении государственных поступлений и обработки земли, так и в отношении могущих быть учрежденными мануфактур, г. Талон согласует с чинами, составляющими совет, и с главными жителями страны средства для издания регламентов, относящихся к этому, для неукоснительного их исполнения, основывая их, если это возможно, на примере тех, которые действуют в тех городах королевства, в коих установлены наилучшие порядки.

Ему [Талону] вручена роспись доходов и расходов страны вместе с займами, кои были заключены, и процентами, уплачивавшимися по ним ежегодно; но так как он сможет на месте внести в это большую ясность, то королю угодно, чтобы он постарался разузнать до последнего су размеры доходов, и, если в этом отношении совершены какие-либо злоупотребления, он должен произвести расследование и наказать виновных, если последние окажутся повинными в хищениях.

Обстоятельство, которое в особенности препятствовало заселению Канады, заключалось в том, что жители, оседавшие здесь, строили свои жилища, где им нравилось, не стараясь из предосторожности селиться и захватывать землю недалеко друг от друга для того, чтобы в случае нужды оказывать друг другу помощь. Они брали участки такого размера, что всегда оказывались не в состоянии их обработать, и, рассеявшись таким образом, они оказались под угрозой ирокезов, которые благодаря своему проворству всегда производили свои набеги так, что соседи тех, на кого они нападали, не успевали притти на помощь. Именно исходя из этих соображений, король приказал два года тому назад издать постановление совета, копия которого будет вручена г. Талону, которым его величество, для устранения этих случаев, приказывал, что на будущее время всякие заимки могут делаться только одна рядом с другой так, чтобы жители по возможности были сведены в поселки наподобие наших приходов и бургов. Тем не менее, это постановление осталось без применения, так как для того, чтобы свести жителей в деревенские общества, им пришлось бы вменить в обязанность произвести новые заимки и распашки и бросить прежние. Во всяком случае, так как нужно найти средство для того, чтобы обеспечить подданных короля от набегов диких, не находящихся с ними в союзе, его величество предоставляет благоразумию г. Талона посоветоваться с г. де Курселем и членами верховного совета в Квебеке относительно всего того, что будет нужным для достижения столь благой цели.

Вышеупомянутое затруднение, встретившееся при выполнении королевского постановления относительно соединения жителей в приходские общества, помешав безусловно спасительному средству, которое могло бы наиболее способствовать процветанию этой колонии, должно побудить г. Талона, не прибегая к строгому выполнению королевского постановления, стараться совместно с жителями выполнить его отчасти, если он не может выполнить его целиком. Мера, которую можно было бы применить для этого, могла бы заключаться, напр., в том, что житель, имеющий заимку в 500 арпанов земли, из которых он распахал только 50, предоставил бы 100 арпанов французу-новопоселенцу, который явился бы в эту страну; если бы он стал протестовать, ему можно было бы пригрозить отнятием у него всей той земли, которую он еще не пустил в обработку. И, в случае нужды, нужно выпустить декларацию, зарегистрированную верховным советом в Квебеке, объявляющую, что вышеуказанные жители обязуются распахать все земли, которые им были даны, в противном случае, если они этого не сделают, у них будет отбираться ежегодно десятая или пятнадцатая часть для наделения ею новых колонистов; при помощи такого средства можно надеяться, что в течение немногих лет все уступленные [колонистам] земли окажутся под обработкой.

В этой области остается еще одно предприятие, которое будет способствовать расширению колонии; дело в том, что король желает, чтобы г. Талон распорядился устраивать ежегодно тридцать или сорок хозяйств для поселения в них такого же количества новых семей,

приказывая корчевать лес и засевать земли, которые будут распаханы за счет его величества.

Так как король, считает всех своих подданных в Канаде, от первого и до последнего, как бы своими детьми и желает исполнить свою обязанность, дав почувствовать милость и благоденствие его царствования наравне с жителями Франции, г. Талон должен найти пути к тому, чтобы облегчить их во всех отношениях и побуждать их к работе и торговле, ибо лишь эти занятия могут дать богатство стране и создать семьям благоприятные условия для жизни. И так как наилучший способ достичь этого заключается в том, чтобы войти во все мелочи их маленьких дел и дел их домашних, было бы весьма кстати, если бы он [Талон] посетил бы все хозяйства по очереди, познакомился с их действительным состоянием и затем помог им, насколько возможно, в тех нуждах, которые он замстит, и, совершая таким образом обязанности доброго отца семейства, он мог бы облегчить им пути к тому, чтобы лучше устроиться и произвести распашку нови на землях, лежащих вблизи тех, которые уже пущены в обработку.

Он [Талон] обратит внимание на то, что одной из наибольших нужд Канады является учреждение там мануфактур и привлечение туда ремесленников, ибо до сих пор оказывалось необходимым привозить сюда шерстяные материи (драп) для одежды жителей и даже обувь, и это происходило или потому, что жители, будучи принуждены обрабатывать землю ради хлеба насущного, занимались исключительно земледелием, или вследствие недостатка усердия и предприимчивости тех, кто ими управлял до настоящего времени.

Вот почему он должен приложить все старания к развитию мануфактур. Король будет способствовать этому субсидиями из своей казны, так как он вполне убежден, что он не смог бы найти наилучшего применения для своих денег.

Так как воспитание детей является первым долгом отцов по отношению к детям, г. Талон будет их побуждать к тому, чтобы внушать детям набожность и великое уважение к нашей религии (хотя епископ Петрейский и иезуиты с большим успехом действуют в том же направлении), затем любовь и уважение к королевской его величества особе и, кроме этого, приучать их заранее к работе; ибо опыт всегда показывал, что леность с первых лет жизни является истинным источником всех неудач, постигающих человека, в то время как у тех, кто избегает праздности с раннего возраста, прилежание производит противоположные результаты.

Когда будет окончена экспедиция против ирокезов, король хочет, чтобы г. Талон предложил солдатам, как полка Кариньян, так и четырем ротам пехоты, которые сначала переправились в Америку под командой г. де Траси, остаться на жительство в этой стране, сделав каждому из них небольшие подарки от имени его величества, дабы помочь им здесь устроиться. Его величество хочет, чтобы он [Талон] снабдил их за счет жителей некоторым количеством обработанной земли сверх той, которую он может им дать для распашки нови.

Согласно постановлению королевского совета, которое епископ Петрейский, работающий с большим усердием и рвением для распространения и укрепления христианства в Новой Франции, увез с собой из последней поездки ко двору, король учредил церковные десятины на продукты земли и позволил епископу и его клиру взимать двадцатую часть на содержание семинарии и духовных лиц, которые несут священнические обязанности в Квебеке, Монреале, в Трех Реках и других поселениях колонии. Его величество полагал тогда, что этот налог не будет тяжел для жителей колонии, в виду того, что церковь взимает в большей части королевства одиннадцатую часть в качестве десятины. Тем не менее, в его намерения входит, чтобы г. Талон совместно с г. де Траси и де Курсель посмотрел, не является ли это установление излишне отяготительным для страны и не следует ли смягчит его, так как его величество предпочел бы иным путем содействовать содержанию семинарии и священников, ее составляющих.

Из всех донесений, идущих из Канады, известно, что там имеется огромное количество леса, пригодного для разного употребления и особенно для постройки всех частей корабля, что там есть деревья необходимой для мачт толщины и вышины. Так как это сокровище следует охранять, и так как со временем нужно будет создать несколько мастерских для постройки кораблей королевского флота, было бы хорошо, чтобы при новых распашках земли запрещали порубку леса, с наиболее высокими и ровными деревьями, для обращения его к указанной выше надобности. Однако г. Талон окажет королю приятную услугу и в то же время подвинет вперед дело торговли в колонии, если он сможет уговорить наиболее богатых жителей предпринять постройку каких-либо судов для себя, каковое предприятие будет облегчено для них, если будут открыты медные, свинцовые и железные рудники, которые, согласно произведенным уже разведкам, должны быть там очень обильными.

Далее, г. Талон посмотрит, плодородна ли земля и сколько она дает хлеба, и в том случае, если хлеба окажется сверх того, что нужно для продовольствия всех жителей, составляющих колонию, и их семейств, не будет ли более выгодным для жителей сеять на некоторых землях коноплю и овощи, и в случае, если он считает это необходимым, он сможет при помощи губернатора и совета издать во исполнение этого регламент.

Так как выкормка скота, для чего страна очень подходяща благодаря обилию вод и обширному пространству лугов, сильно способствовала бы процветанию колонии, было бы также очень хорошо, чтобы г. Талон обсудил с участием местных губернатора и совета, не следует ли издать временное запрещение убивать быков, коров, телят, овец, свиней и вообще всякий другой скот, на срок, который они установят с взаимного согласия.

Сверх всего этого г. Талон должен подробно сообщать королю обо всем том, что происходит в этой стране и отослать его величеству наблюдения, которые он сделает согласно настоящей инструкции.

6. Из письма Кольбера к Талону, интенданту в Канаде.

[Lettres, v. III$_2$, pp. 511 — 520.]

11 февраля 1671 г.

Я получил письма и мемуары, которые были в портфеле, доставленном мне вашим секретарем. Король был очень рад узнать, что корабли, отплывшие в прошлом году из Ларошели и Гавра, счастливо прибыли в Канаду и к берегам Акадии, и что все нашли колонию не только способной существовать своими собственными силами, но и доставлять французским островам в Америке некоторую часть необходимого для жизни их обитателей и для их других надобностей...

Я не преминул сделать доклад королю о трех кораблях, построенных в Канаде и посланных прошлый год на принадлежащие французам острова Америки. Это начало торговых сношений было очень приятно его величеству; и, так как, само собою разумеется, оно принесет значительную пользу жителям страны, если они будут стараться поддерживать ее и расширять, всемерно поощряйте их к постройке новых кораблей и использованию их для перевозки леса и продуктов на острова с тем, чтобы там забирать сахар и доставлять его во Францию и отсюда отвозить к себе домой продукты и другие товары, им необходимые...[23]

Здесь представлялись некоторые офицеры войсковых частей, которые остались в Канаде, [24] и, так как для королевской службы важно, чтобы они остались в этой стране и служили примером своим солдатам, вы должны стараться, чтобы эти офицеры не возвращались во Францию, указав им, что истинное средство заслужить милости его величества — это остаться на своих местах и всячески поощрять всех своих солдат к распашке новых земель и к обработке полей...

Король с удовольствием узнал из вашего последнего письма, что из ста пяти девушек, которые отправились в прошлом году в Канаду, осталось выдать замуж только пятнадцать и что, так как солдаты работали в их жилищах, они тоже находятся на пути к тому, чтобы выйти замуж. Его величество распорядился по этому случаю послать в этом году сто пятьдесят девушек; я уверен, что, как только они приедут, вы постараетесь устроить их и выдать замуж или за этих солдат, или за других жителей, и, таким образом, колония, получит значительное приращение. Вы очень хорошо сделали, что издали приказ, лишающий волонтеров права охоты и добычи мехов, если они не женятся пятнадцать дней спустя после прибытия кораблей, которые привезут девушек.

В высокой мере необходимо, чтобы вы тщательно наблюдали не только за тем, чтобы все находящиеся в Канаде работали, но и чтобы все вступали в брак немедленно же по достижении нужного возраста и чтобы девушек было достаточно.

Я очень рад, что вы дали девушкам, еще не вступившим в брак, 50 ливров вещами и продуктами для того, чтобы положить начало их устроению. Что касается тех, которые будут отправлены в нынешнем году, я уже отдал необходимые распоряжения, чтобы были выбраны здоровые и сильные и того качества, какого вы просите, и я должен вам ска-

зать, что король соизволил пожаловать 600 ливров девице Стефании во внимание к отмеченным вами ее заботам о поведении других девушек. Я также приказал послать вам удостоверения с мест, откуда были взяты эти девушки, свидетельствующие, что девушки свободны и могут беспрепятственно вступать в брак... Король даровал сумму в 1 200 ливров отцам Récollets, дабы дать им средство укрепить и расширить их учреждение, и его величество продолжает выдавать епископу Петрейскому пожалование в 6 000 ливров, которые он обычно давал ему на содержание его семинарии и молодых дикарей, воспитываемых в ней...

Работайте неустанно и поощряйте всех клириков и монахов, находящихся в Канаде, воспитывать у себя возможно большее количество этих детей [дикарей] для того, чтобы, будучи наставлены в правилах нашей веры и наших обычаев, они могли бы составить с жителями Канады один и тот же народ и укрепить таким образом эту колонию...

7. Письмо Кольбера к господину Арле де Шанвалону, архиепископу Руанскому.

[Lettres, v. III_2, p. 476.]

Сен-Жермен, 27 февраля 1670 г.

Последними письмами, которые я получил из Канады, меня известили, что девушки, отправленные туда в прошлом году, будучи взяты из общего госпиталя [учреждение для бедных], оказались недостаточно крепкими, чтобы переносить климат и тяжесть земледельческих работ, и что было бы более полезным посылать туда молодых крестьянок, в большей степени приспособленных выносить усталость, с которою им придется встретиться в стране.

Так как в окрестных Руану приходах можно было бы найти пятьдесят или шестьдесят девушек, которые охотно согласились бы отправиться в Канаду, чтобы там выйти замуж и устроиться, и так как, кроме того, у вас большое рвение и усердие, направленные к процветанию этой колонии, я полагаю, что вы соблаговолите принять мою просьбу использовать авторитет и доверие, которыми вы пользуетесь, у приходских священников тридцати или сорока приходов, чтобы посмотреть, не смогут ли они найти в каждом из этих приходов одну или двух девушек, готовых добровольно отправиться в Канаду. Так как г. Гене, коммерсант города Руана, должен принять на себя заботу по их отправлению, он будет иметь честь видеть вас и принять ваши на этот счет распоряжения.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] С именем Кольбера (1619—1683) связывается представление о политической и экономической системе, о так называемом кольбертизме. Этот термин установился со времени появления книги Ф. Менготти, итальянского экономиста, написавшего в конце XVIII в. книгу «Il Colbertismo, ossia della libertà di commercia dei prodotti della terra», Dissertazione, на конкурсную тему, объявленную в 1791 г. Королевским экономическим обществом во Флоренции. Впрочем, Менготти видел в кольбертизме одну из разновидностей меркантилизма и сводил его сущность к двум принципам: к доктрине выгодного торгового баланса и к принципу развития мануфактур и производства вообще. В действительности система Кольбера была гораздо шире: это была не только система экономической политики, направленная к развитию

производства внутри страны и установлению выгодного торгового баланса, но и система внешней политики, направленная к усилению экономической мощи Франции за счет других наций. Этим объясняется огромное значение, какое придавал Кольбер развитию военного могущества Франции, ее флота, роста ее торговли, ее колоний и ее народонаселения. В социальном отношении его система представляет собою попытку сделать господствующими интересы торгово-промышленного класса Франции и уничтожить или, по крайней мере, ослабить значение финансовой буржуазии, жившей государственными займами и откупами государственных налогов. (О значении последней см. мою книгу «Старый порядок во Франции», прим. №№ 4, 10.)

[2] Кольбер ошибается: Фердинанд Магеллан, знаменитый мореплаватель, открывший пролив между Огненной Землей и Южной Америкой, умер в 1521 г. на Филиппинских, а не на Молуккских островах.

[3] Колумб был родом из Генуи, а не из Флоренции.

[4] Для покрытия долгов города установили ввозные и вывозные пошлины, затруднявшие коммерческий оборот. См. также документ № 2.

[5] Cinq grosses fermes. Таможенное объединение 12, главным образом, северных округов Франции.

[6] Повидимому, здесь должна стоять цифра 5, а не 15. Этот и последующий абзац мало понятны и не совпадают с предшествующими рассуждениями Кольбера.

[7] Начиная с этого параграфа и кончая словами: «для их блага и в их пользу», мы находим на полях пометки: «хорошо», написанные рукой Кольбера, весьма возможно, под диктовку Людовика XIV.

[8] Этот документ примыкает к предыдущему и представляет собою, повидимому, набросок циркуляра, разосланного по крупным городам Франции.

[9] Беллинцани.

[10] Дело идет не только о распределении наград; но отцы, у которых на мануфактурах работали трое и больше детей, освобождались от платежа прямого налога, тальи. См. Lettres, v. II₂, p. 441, № 4.

[11] Он уехал оттуда в 1673 г., с началом франко-испанской войны.

[12] Ост-индская компания, организованная впервые еще при Ришелье и при его деятельной поддержке, погибла в эпоху неурядиц, сопровождавших малолетство Людовика XIV. Восстановленная усилиями Кольбера в 1664 г., она привлекала особые заботы и внимание правительства. В период между 1664 — 1672 гг. мы находим большую переписку Кольбера по поводу этой компании. Из нее здесь даны два документа, характеризующие лишь начальную стадию существования компании. Кольбер придавал большое значение ост-индским мероприятиям. В Ост-Индии он видел источник обогащения Франции; здесь он сталкивался с главными соперниками Франции 70-х годов — голландцами. Однако, несмотря на все усилия и жертвы, несмотря на крупную поддержку из королевской казны, почти принудительную подписку на участие в компании, льготы и самые разнообразные привилегии, Кольбер уже с самого начала принужден был констатировать лишь ошибки и, как результат их, постоянные дефициты. Французские частные капиталы очень неохотно шли в предприятие такого рода: «Бордосский парламент, — писал Кольберу интендант, — ссылается на пример Тулузского парламента, который не подписался, на палату косвенных налогов в Бордо и Монтобане, которые тоже не подписались, и, наконец, на Парижский парламент, из чинов которого подписались лишь немногие». Компания держалась, главным образом, поддержкой королевской казны. Приведенные ниже документы дают полное представление о методах колониальной политики Кольбера.

[13] Дофин-Мадагаскар. Здесь еще во времена Ришелье Ост-индская компания имела свою станцию.

[14] Первая отправка была подготовлена 18 октября 1664 г. Триста человек купцов, их приказчиков и ремесленников были отправлены в Брест для посадки на суда. Четыре корабля должны были перевезти их на Мадагаскар. Гюи-Патэн писал 9/VI 1665 г. к Фальконе: «Здесь ищут бродяг и несчастных, мужчин и женщин, для отправки их на Мадагаскар, для поселения и работы в этой стране. Это разгрузит немного Францию от праздных людей, которых так много, но мне кажется, что было бы хорошо отправить туда монахов; у нас их слишком много и здесь и в других местах; они не любят работать, но, по крайней мере, они будут заселять страну, тогда как здесь они совершенно бесполезны».

По поводу туземцев на о. Мадагаскаре вот одно любопытное место из инструкции Делеге, генерального лейтенанта в Ост-Индии (от того же 1669 г.).

(Lettres, vol. III_2, pp. 464—465.)... «По поводу туземцев, которые делятся на бесконечное множество отдельных групп, имеющихся у каждого племени, его величество полагает, что так как главной задачей должно быть существование французских колонистов, осевших в этой стране, то нужно, чтобы мир и война с предводителями и командирами этих племен осуществлялись в той мере, в какой этого требует эта задача, т. е., если французы могут обеспечить себя от голода только войной, нужно воевать, так как лучше умереть с оружием в руках, чем от голода и нищеты. Но если французы обеспечены, нужно подумать о том, чтобы сохранить туземцев и даже увеличить их число; по этому поводу его величество полагает, что следует заключить мир с ближайшими и наиболее могущественными из этих предводителей, помогать им в борьбе с другими, остерегаться давать им однако огнестрельное оружие и никоим образом не показывать, как им пользоваться, и при всяких отдельных заключениях мира или объявлениях войны... всегда иметь в виду существование и процветание колонии...»

[16] Главный директор компании, который жил в Париже.

[17] Бухты, расположенные на юго-западе и северо-востоке Мадагаскара.

[18] Губернатор Мадагаскара.

[19] Карон — один из директоров компании. Перешел на французскую службу после 22-летней службы у голландской Ост-индской компании. Кольбер очень ценил опыт и знания этого человека и всячески защищал его от обвинений в том, что он будто бы предавал интересы французов, находясь в тайных сношениях с голландцами.

[20] Обычная формула поручения, которое давалось интендантам, отправляемым центром в провинции.

[21] Кольбер часто жаловался на католическое духовенство колоний, которое своим вмешательством в отношения между предпринимателями и дикими стесняло драгоценную для первых свободу их деятельности. Отсюда его наставления, клонящиеся к усилению светской власти в колониях и к ограничению «своеволия» духовенства. Не лишне привести здесь ряд колоритных распоряжений Кольбера по этому поводу.

Г Курселю, генерал-губернатору Канады.

[Lettres, v. III_2, p. 451.]

Париж, 15 мая 1669.

...По поводу слишком большой власти, которую вы находите у епископа Петрейского и иезуитов, или, лучше сказать, этих последних, прикрывающихся именем первого, я должен сказать вам, что вам необходимо действовать с большим благоразумием и осторожностью, полагая, что, когда в стране увеличится население, королевская власть, конечно, станет выше духовной и снова получит то настоящее значение, которое она должна иметь. Пока вы всегда сможете, не доводя дела до разрыва с ними и не проявляя с вашей стороны пристрастия, ловко препятствовать слишком большим затеям с их стороны, по поводу чего вы можете советоваться с г. Талоном и действовать в согласии с ним.

Из Инструкции Бутеру, отправляющемуся в Канаду в качестве интенданта

[Lettres, v. III_2, pp. 404 — 405.]

5 апреля 1668 г.

До настоящего времени оказывалось, что иезуиты не имели обыкновения привлекать туземцев к совместной жизни с французами путем предоставления им общих земель и поселений или путем воспитания их детей и смешанных браков. Их основание было в том, что они думали сохранить в более чистом виде принцип и святость нашей религии, удерживая диких, обращенных в христианство, в привычных им формах жизни и не привлекая их в среду французов. Совершенно очевидно, до какой степени подобное правило далеко от всякого разумного управления, как в отношении религии, так и государства. Нужно осторожно действовать в том направлении, чтобы они изменили это правило, и употреблять весь авторитет светской власти для привлечения диких в среду французов, что может осуществляться при помощи браков и воспитания их детей.

Торговля вином и водкой с дикими была предметом постоянных споров между епископом Петрейским и иезуитами, с одной стороны, и главными жителями и теми кто торгует в этой стране, с другой.

Епископ и иезуиты полагали, что эти напитки опьяняют диких, что они не могут соблюдать умеренности в них и что пьянство делает их ленивыми к охоте и придает им всевозможные дурные привычки как в отношении к религии, так и в отношении к государству. Главные жители и торговцы, наоборот, полагают, что желание иметь напитки, которые можно выменять, заставляет диких ходить на охоту с большим прилежанием. Нужно внимательно изучить эти два мнения, и пусть интендант даст свое заключение королю...

Нужно всячески препятствовать большому количеству священников, монахов и монашек; достаточно того количества, которое необходимо для духовных потребностей и для отправления таинств.

[22] Mestre de camp d'infanterie — военный чин, соответствующий приблизительно полковнику.

[23] Здесь не лишне будет привести некоторые извлечения из различных документов, касающихся Вест-индской компании и Америки и характеризующих принципы колониальной и торговой политики Кольбера.

[P. Clément, Lettres de Colbert, v. III. II partie, LXXV — LXXVI.]

Принцип исключения иностранцев требует, чтобы всякий иностранный корабль, или французский корабль, нагруженный товарами, взятыми из чужих стран, даже с соседних островов, плавающий и пристающий в окрестностях [французских] островов, был конфискован, и чтобы конфискованное было разделено согласно королевскому ордонансу; и в тех случаях, когда различные обстоятельства дают место каким-либо сомнениям, их нужно истолковывать против иностранцев и, не колеблясь, конфисковать все, оставляя за хозяевами или собственниками кораблей право жаловаться королю.

Принцип свободы для французов требует, чтобы всякий французский корабль, имеющий разрешение короля, был принимаем на всех островах, чтобы он имел там полную свободу торговли, продажи и покупки по ценам, которые ему кажутся нужными. Такая же свобода должна быть предоставляема жителям островов по части продажи их сахара; все случаи сомнений, могущих возникнуть по этому поводу, должны истолковываться в пользу этой свободы, лишь бы не возникало подозрений, что эти корабли нагружены товарами, взятыми из чужих стран, или прибыли оттуда.

Не следует приходить в замешательство от тех затруднений, которые могут произойти от этих двух правил в начале их применения, так как невозможно, чтобы применение их не оказалось сначала причиной некоторого расстройства в снабжении на всех островах; но нужно силой поддерживать эти правила, несмотря на затруднения, и быть вполне уверенным, что за сим последует изобилие.

Так как торговля есть результат свободной воли людей, то торговцы мехами потеряли желание заниматься своим делом, едва только были наложены на эту торговлю некоторые ограничения; поэтому, важно предоставить каждому полную свободу продавать и покупать по той цене, которую он найдет подходящей.

Нужда на островах [Антильских] непременно произведет противоположные последствия, так как французские купцы, приняв это во внимание, доставят туда съестные припасы, продукты и товары, в которых жители [островов] имеют нужду, и так как по необходимости купцы будут иметь свободу выбирать наилучший сахар, те из жителей, у которых будет лучший сахар, лучше и легче его продадут. Это побудит и всех других работать лучше, чем они работали до сих пор, а это — единственное средство сделать острова богатыми. Относительно денег, которые были привезены на острова в монете, надо пожелать, чтобы они остались там для облегчения торговли, для того, чтобы жители могли ими пользоваться при своих надобностях; но его величество, зная из долгого опыта, что свобода есть душа торговли, хочет, чтобы торговцы пользовались полной свободной делать то, что они хотят, для того, чтобы она побуждала их привозить туда все те продукты и товары, в быстром и верном сбыте которых они уверены.

Так как торговля есть результат свободной воли людей, нужно обязательно дать ей свободу, если только нет безусловной необходимости сосредоточить ее в руках одной компании или нескольких частных лиц.

[24] См. предыдущий документ. Дело идет об офицерах и солдатах полка Кариньян-Сальер, которые остались в Канаде и сделались родоначальниками более трехсот канадских фамилий. Каждый солдат получил 50 ливров и на год припасов. Офицерам были даны крупные сеньерии. Пожелание Кольбера, таким образом, исполнилось.

ДЖОН ЛО И ЕГО «СИСТЕМА».

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Для этой главы даны три документа: выдержки из сочинений Вольтера о Дж. Ло и два документа, идущие от самого Дж. Ло, отрывки из его главного сочинения «Considération sur le Numéraire et le Commerce», в которых изложены его теоретические взгляды на ценность и деньги, и одно из писем, помещенных в газете «Mercure de France» в 1720 г., т. е. в то время, когда его Система была уже накануне полного крушения. Последнее обстоятельство придает этому третьему письму особенное историческое значение: в нем Дж. Ло не только откровенно делает последние выводы из своей Системы (принудительный курс бумажных денег), но и борется с одолевающими его врагами, защищая с жаром свое произведение, в истинность и благодетельность которого он верил до конца; в этом же письме мы находим тот налет демократизма, который позволил Луи Блану, а затем Бабсту занести Ло в число социальных реформаторов. Энтузиаст нового хозяйственного средства — кредита и акционерной формы предприятия, которым суждено было сыграть такую колоссальную роль в XIX в., — Ло считал, что при помощи его возможно направить предпринимательскую энергию народа и в особенности капиталы французской буржуазии на развитие национального производства и освободить государственное хозяйство, а следовательно, и плательщиков налогов от колоссального государственного долга, у которого питалась жадная толпа государственных кредиторов.

Текст сочинений Дж. Ло взят из собрания его сочинений и его переписки, изданных в известной коллекции Eugène Daire, Economistes financiers de XVIII s., Paris, 1843.

Важнейшие работы о Дж. Ло:

Levasseur, Law et son système, Paris, 1908.
S. Alexi, J. Law und sein System, Berlin, 1885.
Бабст, Джон Ло или финансовый кризис во Франции в первые годы регентства, М., 1852.
Горн, Джон Ло, СПБ., 1895.
Луи Бланк. История Французской Революции. Том I. СПБ. 1907.

1. Заметка Вольтера о Системе Джона Ло.

[Voltaire, Precis de l'Histoire de Louis XV.]

Знаменитая система Ло, которая, казалось, должна была погубить регентство и государство, в действительности поддержала и то и другое, благодаря последствиям, которых никто не предвидел...

Некий шотландец, по имени Джон Ло, единственным занятием которого было то, что он был замечательным игроком, способным к ловким расчетам, принужденный бежать из Великобритании из-за убийства, с давних пор составил план создания компании для оплаты государственных долгов билетами и покрытия их доходами. Эта система была очень сложна; но, введенная в нужные границы, она могла быть очень полезной. Это было подражанием английскому банку и английской индийской компании. Ло предложил такое учреждение герцогу Савойскому, впоследствии первому королю Сардинии, Виктору-Амедею, который ответил, что он не достаточно могуществен, чтобы разоряться. Ло предложил его тогда генеральному контролеру Де-Марэ, но это было во время несчастной войны, когда было утеряно всякое доверие, а эта система нуждалась в доверии, как своей основе.

Обстоятельства сложились для него, наконец, благоприятно во время регентства герцога Орлеанского: два миллиарда долгов, подлежащих уплате, мир, дававший правительству возможность передышки, государь и народ, жаждущие новинок.

Сначала, в 1716 г., он устроил банк на свое собственное имя. Банк вскоре сделался генеральным бюро государственных доходов. К нему присоединили Миссисипскую компанию, на доходы которой возлагали большие надежды. Общество, соблазненное приманкой барыша, ринулось покупать акции этой компании и соединенного с нею банка. Капиталы, придерживавшиеся до этого вследствие недоверия, стали обращаться в большом количестве. Билеты удваивали, учетверяли эти капиталы. Франция сделалась очень богатой благодаря кредиту. Все профессии познакомились с роскошью, и она перешла к соседям французов, принявшим участие в этом предприятии.

Банк был объявлен в 1718 г. королевским. Он взял на себя торговлю с Сенегалом. Он приобрел привилегию прежней Индийской компании, основанной знаменитым Кольбером, а затем пришедшей в упадок и передавшей свою торговлю негоциантам города Сен-Мало. Наконец, этот банк взял генеральные откупа королевства. Таким образом, все было в руках шотландца Ло, и все финансы королевства зависели от торговой компании.

Так как эта компания казалась утвержденной на очень широких основаниях, ее акции повысились в цене в двадцать раз сравнительно с их первоначальной стоимостью. Герцог Орлеанский совершил безусловно большую ошибку, предоставив общество самому себе. Правительству было легко наложить узду на это неистовство; но жадность придворных и надежда получить выгоду от этого беспорядка помешали остановить его. Частые колебания цены этих бумаг доставили незаметным доселе людям огромные богатства: многие меньше, чем в полгода, сделались более состоятельными, чем многие из государей. Ло, соблазненный сам своей системой и опьяненный вакханалией общества, выпустил такое количество билетов, что химерическая ценность этих акций в 1719 г. превысила в 24 раза ценность денег, которые могли обращаться в королевстве. Правительство оплатило ценными бумагами всех держателей государственных рент. Регент

не мог более управлять этой огромной и сложной машиной, стремительное движение которой увлекало его против его воли. Прежние финансисты и крупные банкиры, объединившись, опустошили королевский банк, получив из него значительные суммы. Каждый старался обратить свои билеты в деньги; но непропорциональность была громадная. Кредит сразу упал. Регент хотел его оживить указами, которые его уничтожили. В обращении были только бумажные деньги; подлинная нищета начала появляться на смену фиктивным богатствам. И вот тогда Ло дали должность генерального контролера финансов, т. е. как раз в такое время, когда он не мог ее выполнять; это было в 1720 г., в эпоху крушения состояний частных лиц и финансов государства. В короткое время увидели, что шотландец, натурализовавшись, превратился в француза, протестант — в католика, авантюрист — в сеньера богатейших имений, банкир — в государственного министра. Я видел, как он появлялся в залах королевского дворца; сопровождаемый герцогами и пэрами, маршалами Франции и епископами. Беспорядок дошел до пределов. Парижский парламент заявил протест, насколько было в его силах, против этих нововведений и был изгнан в Понтуаз. Наконец, в том же году Ло, сопровождаемый общим проклятием, был принужден бежать из страны, которую он хотел обогатить и которую он привел в замешательство. Он отправился в почтовой коляске, которую ему ссудил герцог Бурбон-Кондэ, унося с собой лишь две тысячи луидоров, почти все, что осталось от его мимолетного богатства. Пасквили этого времени обвиняют регента в том, что он завладел всеми деньгами королевства из-за честолюбивых целей, однако известно, что он умер, задолжав семь миллионов. Обвиняли Ло в том, что он перевел для себя французские деньги за границу. Он жил некоторое время в Лондоне щедростью маркиза Лассея и умер в Венеции в 1729 г. почти в нужде. Я видел его вдову в Брюсселе, в такой же мере униженную, в какой она была гордой и торжествующей в Париже.

2. Из «Размышлений о деньгах и торговле».

[L a w, Considérations, pp. 465, 496, 510.]

Ценность (valeur) вещей имеет своим основанием не их употребление, более или менее необходимое, но их большее или меньшее количество в сравнении со спросом на них. Вода имеет большое употребление, но очень малую ценность, потому что ее количество на много превосходит спрос на нее. Бриллианты имеют очень небольшое употребление и, однако, очень большую ценность, потому что спрос на них много превышает существующее количество бриллиантов.

Ценность вещей изменяется от двух различных причин — от большего или меньшего изобилия продуктов и от большего или меньшего изобилия монеты. Из этих двух причин одна ускользает от действия человека, тогда как другая может находиться всецело в его власти. От человека не зависит, чтобы количество зерна, вина и т. д. находилось всегда в равновесии с потребностями, но от него зависит, чтобы сумма денег была постоянно в нужном соответствии со спросом, лишь

бы деньги не имели внутренней ценности, лишь бы они не были сделаны из золота или из серебра.

В этом факте великое преимущество, ибо деньги есть принцип работы, земледельческой культуры и народонаселения. Те страны богаты, у которых много денег, бедны же те, у которых деньги редки.

Ничто в такой мере не способно выполнять функцию денег, как бумага. Бумага присоединяет к преимуществам, которые в этом отношении дают драгоценные металлы, такие качества, которых у последних нет: 1) ее легче считать и передвигать с места на место; 2) материал ничего или почти ничего не стоит, тогда как золото и серебро приходится покупать по очень дорогой цене; 3) наконец, по этой же причине, ее не вывозят за границу, и предложение всегда может равняться спросу Последнее обстоятельство имеет наибольшее значение. В самом деле, между собственниками вещей и держателями денег идет непрестанная борьба. Первые диктуют свои условия вторым, когда продукты и товары разного рода редки; и бывают побеждены, когда их оказывается много. Однако справедливость и общий интерес требуют, чтобы ценность или цена вещей никогда не выходили за границу издержек производства. Итак, есть только одно средство, чтобы достигнуть этого результата: это сделать так, чтобы сумма денег была постоянно в равновесии с количеством вещей, — гипотеза, которая осуществится с того момента, когда можно будет снабдить денежными знаками, на основе реальных гарантий, всех тех, кто в них имеет нужду. Если деньги в металлической оболочке делают это desideratum химерой, то нет ничего легче выполнить его при помощи бумажных денег.

3. Третье письмо,[1] в котором еще раз трактуется о рентах[2] и кредите и в котором объясняется употребление денег вообще и преимущество бумажных денег в частности.

М. г., я чрезвычайно польщен, не как автор, но как гражданин, что мои письма[3] были хорошо приняты в вашей провинции и что они завербовали в число сторонников Системы большинство тех, которым вы их сообщили. Я не удивляюсь также, что эти письма нашли противников. Несправедливо, чтобы мои письма были более счастливы, чем то дело, которое они защищают. Существует большое количество противников, которых нельзя убедить или потому, что они вообще не считают нужным рассуждать, или потому, что, несмотря на объяснения, они желают держаться тех взглядов, которые они составили против Системы в то время, когда они ее не понимали. Я намереваюсь вооружить доводами против профессиональных декламаторов тех, кто имеет добрые намерения. Ничто не приводит в большее замешательство и отчаяние этих людей, как необходимость рассуждать и быть опровергнутыми при помощи фактов перед теми обществами и собраниями, которым они вскружили голову своими словами. Но есть другой сорт людей, заслуживающих того, чтобы на них было обращено внимание. Это те, кто действительно терпит от введения Системы, и для кого погашение государственных рент было потерей значительной части их дохода.

Их интерес обязывает меня еще раз возвратиться к этому вопросу и представить им затем со всех сторон Систему, которую они еще не научились ценить. Очень трудно чувствовать благо какого-либо общего распоряжения, как бы ни было оно благодетельно в действительности, если оно неудобно для нас лично. Еще более считаются обоснованными жалобы, если они исходят от круга людей, к которому мы принадлежим. В таком случае люди начинают считать этот круг из самолюбия самым важным в государстве и из-за ошибки в расчете — самым многочисленным.

Как раз именно так и обстоит дело с теми, кто жалуется на выкуп государственных рент. Они считают дурным, что государство делает то самое, что они не преминули бы сделать сами, если бы могли. Некоторые из них оказываются неблагоразумными настолько, чтобы говорить, что полное банкротство короля было бы лучше, чем погашение рент. Это значит, что лучше было бы перенести всю потерю на другой круг людей, чем отнять у них самих часть их дохода; ибо удивительна та убежденность, с которой каждый ставит на место Системы фантазии, вызванные его заинтересованностью, удивительно то высокомерие, с которым на нее нападают в речах, не имеющих никакого смысла. Я был в одном обществе, где я говорил, что благо денежной циркуляции, установившейся в государстве, приводит естественно к уменьшению судебных процессов. Я прибавил, что имеется список трехсот шестидесяти стольких-то земель и домов, на которых был наложен арест, и что Система сняла его к удовольствию и заимодавцев и должников, которых в одинаковой мере разорила бы судебная волокита. Некий краснобай резко возразил мне, вставая: «Если прекратятся процессы, все погибло, ибо француз — сутяга». Вот образец большинства возражений, которые я слышу против Системы и которые, мне кажется, вполне доказывают ее благодетельность.

По поводу, напр., выкупа рент, к которому я возвращаюсь, я не оспариваю достоинства и ранга у большинства из тех, которые жалуются на него; но я не сообщу им ничего нового, чего не сказали бы они сами, если я скажу дальше, что с точки зрения общего блага часть государства, имеющая наибольшее значение, состоит из пахарей и рабочих, или из деревенского люда и жителей городов, к которым следует присоединить торговцев. Вот источник всяческого богатства королевства, вот то, что поддерживает все другие классы жителей и граждан. Быть может, не будут отрицать, что этот первый класс вместе с тем и наиболее многочисленный. В таком случае, я спрашиваю, состоит ли его достояние в рентах и наносит ли ему ущерб выкуп их? Я, кроме того, спрашиваю, разве Система в своих испытанных уже основаниях и в своих уже известных планах не способна содействовать обработке земли, работе мануфактур, деятельности торговли? Я не упоминаю здесь о бесчисленном множестве тех, которые извлекают средства своего существования непосредственно из королевских денег и которым нынешнее положение вещей дает спокойствие, не один раз ими терявшееся раньше.

Когда давали обещание, что Система обогатит королевство, это обещание совсем не означало, что Система сохранит богатства

у тех, кто ими владел, в особенности если эти лица упорно продолжали итти путями, противоположными тем, кои открывало им государство, и продолжали подрывать всеми мерами доверие к правительству своими речами и своим поведением. Довольно того, чтобы общество было богатым, а для того, чтобы убедиться в том, что оно таково, достаточно войти безразлично в дом какого угодно частного лица, посмотреть при выходе и на аллеях общественных мест, прогулок и зрелищ, достаточно пройти по улицам Парижа.

Я хорошо знаю о постыдных прозвищах, данных тому сорту людей, которые сумели нажиться, чтобы не пользоваться их же терминологией; но я так же хорошо знаю, что Система обогатила невероятное количество вельмож и лиц наиболее значительных; и самый мягкий ответ, который я мог бы дать всем этим болтунам, заключается в том, что они во всех отношениях чрезвычайно плохо осведомлены. Во всяком случае, дверь к богатству была открыта для всех, и в этом заключается главное отличие прежних способов обогащения от способов обогащения при помощи Системы. Высокопоставленные лица не принимали раньше участия в выгодных операциях; и из остальных принимал в них участие не всякий, кто хотел. Я же жалею только тех, которые, имея намерение купить акции, не получили выкупных сумм [4] достаточно рано, и число таких очень невелико. Но еще далеко не все для них потеряно, и у них еще есть время, если они хотят разбогатеть при помощи акций более успешно, чем они богатели при помощи рент.

Скажу еще раз всем держателям королевских займов и в особенности тем, кто жалуется на редукцию рент до 2%, что, если обыкновенные ренты дают меньший процент, чем процент королевских займов, а королевские ренты имеют в своем основании капиталы, уже истраченные в момент самого займа, естественный конец королевских займов есть не выкуп их, а банкротство, что́ мы и имели бы в один прекрасный день, если бы не было Системы. Доход с рент был уже раз понижен при покойном короле, и, если бы захотели подумать относительно этой редукции, заметили бы чудовищное противоречие, которое предвозвещало близкое разорение королевства. Каков был смысл редукции рент? Причина лежала не в умножении денег, не в легкости их обращения, наоборот, причиной ее была редкость и перебои обращения денег. Согласно всем принципам здравого смысла, эта причина должна была поднять процент, а отнюдь не понизить его. Деньги, как и все прочие товары, должны быть тем дороже, чем более они редки и чем больший на них спрос. Каким же образом король претендовал платить за них меньше? Точно так же, для того, чтобы устранить недоверие, которое оказалось налицо, когда король понизил доход с капиталов, взятых им в долг, он был принужден для оплаты процентов по займам в уменьшенном виде произвести новые займы под очень высокие проценты. Больше того, при первой же нужде он занимал у деловых людей на одну четверть деньгами и на три четверти бумагами, которые он сам считал ничего не стоящими, отказываясь принимать их в свои кассы, и он платил 15 и 20 % со всей суммы. Во что обращалась при этом рента займа города Парижа, принимая во внимание,

с другой стороны, что городские сборы и налоги уплачивались с чрезвычайными затруднениями и почти не давали доходов?

И государственные и частные займы, на основе прежней системы, приносили вред и заимодавцу, и должнику, и государству. Они наносили ущерб заимодавцу самой высотой дохода в настоящем, угрожавшей ему конечным банкротством. Они были вредны должнику высотой процента, которая, по нашим доказательствам, оказывается чрезмерной; так что и в менее подозрительные времена вы можете услышать слова, подобные моим, что никакая рента не могла держаться тридцать лет, не разорив должника (constitutionnaire), благодаря арестам на его имущество.

Я хорошо знаю, что защитники рент говорят, что должник распоряжается полученной суммой в том смысле, что он или освобождает себя в данный момент от долга или от другого затруднительного дела, либо он приобретает должность или почетное звание,[5] ценимое людьми, после чего он оказывается в состоянии заплатить своему кредитору из своих сбережений. Я не сомневаюсь, конечно, что всякий, кто занимает деньги посредством установления ренты [на свое имущество или доходы] и [при этом] не разоряется, прибегает к хитрости, на долгое время затрудняет себя, посягает на доход с другого своего имущества для того, чтобы освободиться от долга. Все это говорит в мою пользу и против учреждения рент. Для того, чтобы напасть на чрезмерность такой ренты, для меня достаточно того, что должник (рентоустановитель) не находит в капитале займа средств для своего спасения, хотя бы он и без труда уплачивал по своему долгу. Ибо, в конце концов, остается правильным именно благодаря возражениям то положение, что ваша ссуда разорит всякого человека, от которого вы потребуете более значительных денег, чем доходы с имущества, под обеспечение которого вы ему дали ссуду, если только он не имеет другого имущества или если он не покрывает следуемую вам уплату другими доходными статьями, которые, в сущности, вам не принадлежат. Наконец, установление рент наносило ущерб и государству не только потому, что ренты разоряли бесконечное число кредиторов и должников, но и потому, что они отвращали от работы и торговли людей со средним достатком, которых удобства получения ренты повергали в леность или задерживали в праздности. Те же самые доводы были использованы в эдикте покойного короля в 1665 г., при редукции ренты с $^1/_{18}$ до $^1/_{20}$ (с $5^5/_9\%$ до 5%) капитала, в то время, когда министром был Кольбер. Ибо я не думаю, чтобы можно было найти разумный, солидный и выгодный принцип в каком бы то ни было управлении, французском или иностранном, который не был бы использован в новой Системе и более непосредственно, и более существенно, чем даже в той системе управления, откуда этот принцип будет взят. Можно сказать, кроме того, что самый разумный из займов, основанных на установлении ренты, заем, предназначающийся на восстановление земель и домов, был заменен займом, который король обещался оплачивать 2% под обеспечение всех земель.

Я признаю, что погашение или понижение рент порождает неудобство для тех, кто получает выкупные деньги или кто может вложить эти деньги в новые ренты, только из более низкого процента.

Это одно из тех зол для частных лиц, которые необходимо порождаются принципом общего блага. Если бы имущественные дела королевства устроились таким образом, что большая часть судебных процессов исчезла бы или разрешалась бы упрощенным порядком, наподобие того, как это имеет место в торговых судах, разве не следовало бы благодарить царствование и министра, который дал бы такое благо Франции? И однако, как велико число семей, существующих во всем королевстве только процессами и судебной волокитой! Вдовы и дети большинства судейских подвергаются риску потерять от такой реформы свою вдовью часть или свое наследство. Вот, когда можно было бы сказать: «Если исчезнут суды, все погибло, ибо француз — сутяга». И, однако, на такое затруднение может быть только один ответ. Те, кто имел подобную профессию, пойдут со временем по другой дороге или, по крайней мере, заставят пойти своих детей; зато государственный организм окажется освобожденным от самого, может быть, большого из всех своих зол.

Таким образом, когда мне говорят: Сколько людей, расстроенных погашением рент! — вот мой ответ: Это происходит оттого, что общественное положение так глубоко изменилось, что почти отпала всякая необходимость займов; или, если кто-либо и имеет нужду произвести заем, деньги сделались настолько обильными, и их обращение настолько легким, что получить их стоит очень дешево. Неужели вы требуете, чтобы я досадовал по поводу этого обстоятельства, в особенности, когда государь предлагает всем в торговле ресурс, несравненно более верный, чем рента, и очень хочет обеспечить, при помощи вклада в банк и других предосторожностей, имущество клира, коммун, вдов и малолетних? Неужели вы требуете, чтобы король и ваши сограждане остались под тяжестью забот не для того, чтобы вы чувствовали себя более обеспеченными, ибо вы в очень плохом положении, но для того, чтобы дать вам доход сообразно с вашими предрассудками и вашими привычками? А как было раньше? Достаточно известно, что обычай учреждения рент появился очень поздно в римской юриспруденции. Все народы древности, прославившиеся или своими законами, или своими богатствами, из обыкновенного и признанного законом имущества знали только земли и торговлю. Даже теперь обычай установления рент мало употребителен вне Франции, где он распространился тоже с очень недавних пор. Народы, по крайней мере, те, которые знают толк в торговле, мало одобряют этот обычай и ценят его очень низко. В самом деле, что думать об одной части граждан, которая живет и существует в довольстве, давая взаймы другой части граждан, разоряющейся от этого? Я хорошо знаю, что закон спасает этих первых, посредством продажи имущества должника, от упреков в явном лихоимстве, [6] за которое я их все же не обвиняю. Но каким образом осуществляется эта продажа? Она осуществляется только при условии очень строгой уплаты всех недоимок (государственных и сеньериальных налогов и повинностей); и, таким образом, сумма денег, данная под залог имущества, на которое наложена ипотека, в действительности менее обеспечена, чем сумма, данная на шесть месяцев на основе простого векселя.

Конечно, можно было бы сказать держателям ренты: давайте взаймы ваши деньги на таких условиях, на каких вы можете, раз вы находите заемщиков. Но, с другой стороны, разве король, который готовится сам давать взаймы, потерпит, чтобы его подданных мучили слишком высоким процентом? Ему весьма угодно, чтобы его подданных предупредили, что всякий заем под проценты, как бы он ни был легок, невыгоден для заемщиков, и что они действовали бы с большим расчетом, если бы обходились без займа даже у короля, хотя последний и имеет намерение уменьшать свои проценты все больше и больше. Он приглашает своих подданных поставить свое честолюбие и свои предприятия в зависимость от действительного состояния их имущества; и, обходясь без займов, насколько они смогут, они окажутся в состоянии впоследствии улучшить свое положение более верным способом. Пусть заимодавцы, со своей стороны, вместо того, чтобы искать задавленных нуждою или неблагоразумных для того, чтобы втянуть их в долговую кабалу, помещают свои деньги во всеобщее торговое общество, которое только что основано: вот способ их употребления, который сам по себе исключает всякое подозрение в лихоимстве; вот способ, который в одинаковой мере позволяли и одобряли естественные законы, и гражданские, и церковные, и который их обогатит, содействуя общему благу нации.

Я отвечу лишь одним словом по поводу легкости расточения имущества, заключающегося в бумагах. Это то неудобство, которое всегда было у купцов, дельцов и просто частных лиц, имущество которых заключалось в портфеле. И, однако же, я не поколебался бы, имея в виду общее благо, предпочесть его, в сравнении с сутяжничеством, неисчерпаемым источником которого является учреждение рент. Средства теряются вследствие расточительности только благодаря неблагоразумию, тогда как процессы разоряют независимо от того, совершены ошибки или нет. Я не сомневаюсь, милостивый государь, что вы обратили внимание на то место, где я сказал, что акции более надежны, чем ренты. Я надеюсь, что мне удалось установить малую надежность рент. Почти всеобщее банкротство, которое постигло бы их без Системы, можно было бы считать предположением; но трудность, с которой получались доходы [от рент] к концу прошлого царствования, не исчезла еще из вашей памяти. Таким образом, дело идет о том, чтобы доказать, что акции надежны; и, скажем больше, что они представляют собою наиболее надежный вид дохода.

Я совсем не думаю разрушать здесь преимущества земельной собственности; никакая Система не благоприятствовала ей в такой степени, как эта последняя: в то время, как способ наложения тальи заставлял крестьянина бояться улучшать землю и снабжать ее рабочим скотом, из страха быть обложенным более крупной суммой налога, тот способ, которым теперь предлагают взимать королевские налоги, [7] обяжет всех владельцев обрабатывать землю до последних граней своего поля и извлекать из сельского хозяйства все возможное. Спокойствие и довольство увеличат народонаселение в королевстве, будут привлекать людей и из других стран, а такое постепенное увеличение повысит эксплуатацию домов в городах и особенно в столице.

Можно сказать даже, что в то время, как прежнее управление финансами не давало ничего и с каждым днем приводило все к запустению и гибели, новая Система в такой мере благодетельна, что и доверие и недоверие, которое можно иметь на ее счет, одинаково обращаются к выгоде королевства. Доверие к ней побуждает вкладывать капиталы в индийскую торговлю, а недоверие заставляет распахивать новые земли и строить дома. Система, наконец, доставляет неблагодарным средства для того, чтобы принять тот путь, который они хотят. Ведь, не говоря о неравенстве ежегодных урожаев, обычное содержание большинства земель поглощает почти весь доход с них; известна также непрочность частных домов, не говоря уже о частых ремонтах, иногда капитальных, которые приходится им делать.

Ничего подобного не знают доходы от той обширной и могущественной торговли, которую может создать и вести Франция. Мы не хотим сказать, что исчезнет риск, связанный с морскими предприятиями; но кораблекрушение, которое иногда разоряет до тла отдельного купца, так сказать, нечувствительно для нации в целом. Не только одна торговая флотилия покрывает потери другой, но один год уравнивает другой. И чего только нельзя ожидать от могущества нации? Я говорю в данном случае не столько о могуществе оружия для защиты от неприятельского нападения, сколько о могуществе торговли, в которой должны будут принять участие все те, которые естественно были бы нашими врагами. Слабый купец, которого зависть толкала бы на то, чтобы разорить сильного купца, замечает скоро, что его выгода состоит в том, чтобы соединиться с ним и еще более усилить его. Уже давно известно, что в области коммерческих сделок и банков наиболее крупная биржа привлекает к себе все и оставляет другим лишь отдельные поручения. Здесь я даю только общие точки зрения на этот предмет; со временем я их разовью полнее.

Но уже сейчас я могу указать основания надежности акций и уплаты дивиденда (repartitions); это та легкость, с которой государство сможет удовлетворить их при помощи кредита и банковых денег. Всякий кредитор ищет в своем должнике двух условий: добрую волю и возможность платить. Ибо, без этих двух условий, самый путь принуждения может лишь ускорить банкротство должника и ввести кредитора в новые издержки. По отношению к королю, к которому путь принуждения не может иметь места, риск кредитора заключается в том, что он рассчитывает лишь на добрую волю короля. Дело идет, таким образом, лишь о его возможности платить; и, сказать правду, короли не платили или не будут платить по своим долгам, только в случае невозможности сделать это. Великая необходимость кредита, так или иначе понятого, плохо или хорошо осуществляемого, заставит их всегда сохранять доверие к себе, насколько возможно.

Наилучшей Системой, безусловно, будет та, которая даст государю более надежные средства легче уплачивать все свои долги, которые теперь являются не чем иным, как его расходами. Мне могут возразить, между прочим, что самая легкость, с которой государь сможет расходовать, может повести к громадным затруднениям.

Всем возражениям подобного рода я отвечу, что я не беру на себя ответственность за лиц, но лишь за Систему. Кроме того, расходы, которые не заставляют входить в долги, совсем не вредны для государя. Итак, Система более способна, чем какая-либо другая известная форма управления, дать одним и предупредить от разорения других. Вот все, что можно требовать. Впрочем, те, кто возражает, полагают, что Система должна быть истинным источником богатства, но это, конечно, не те люди, с которыми мы имеем теперь дело. Я лишь имею в виду тех, которые думают, что бумажные деньги, став на место металлических, наполняют королевство химерическим и ложным благом.

Ответ на такой довод или на такой упрек и составляет главный предмет этого третьего письма, остальная часть которого вам даст нечто еще более новое, чем два предыдущих письма. Однако, все это новое основывается на наиболее древних политических принципах, на первом установлении денег, на опыте всех наций, показывающем недостаточность и затруднительность употребления одного золота и серебра для обращения и для торговли.

Я твердо уверен, что никакая Система не может быть хорошей, если она не основана на неопровержимых аксиомах, которые приняты всеми людьми, пользующимися хотя бы немного своим разумом. Сама философия ставит нас выше многих традиционных мнений лишь в том случае, если она подчиняет нас разуму и здравому смыслу, который обыкновенно находится в противоречии с мнениями. Разница между человеком философом и человеком предрассудка, между разумом истинным и заблуждающимся, между человеком, который думает и размышляет, и тем, который краснобайствует и увлекается, заключается не в том, что один принимает предлагаемые принципы, а другой нет; они принимают их обыкновенно оба. Но один, приняв принцип, не покидает его никогда; он ставит в зависимость от него все, что он говорит, он рассматривает, как установленную истину, все то, что вытекает как необходимое следствие из этого принципа, независимо от того, является ли это положение старым или новым, принимается ли оно всеми или никем не принимается. Человек предрассудка не поступает так. Когда его подводят от принятого принципа к новой истине, он сначала отрицает ее, стараясь скрыть свой стыд криками, бранью и, в особенности, лживыми и клеветническими заявлениями. Затем он пугается всего того, что представляется ему в разумной форме. Он доходит до того, что начинает говорить, что есть много таких материй, в которых разум не имеет приложения и где должны решать принятое мнение, привычка или даже старое заблуждение. Истина, тем не менее, преодолевает все препятствия и становится мало-по-малу принятым мнением, ибо она основана на принципах здравого смысла.

Все начинают замечать скоро, что в Системе, на которую нападали, нового есть лишь новая комбинация частей; все замечают невежественную нелепость большинства возражений, которые ей противополагались. Что делает в таком случае человек предрассудка, сбитый с толку результатами, которых он не видел в причине? Он спасает себя, говоря, что Система не имеет ничего нового, ничего такого, что не было бы известно во все времена. Он высказывает немного более

правильную мысль, чем раньше, ибо и после Декарта находили все то, что он сказал, в Платоне и в Аристотеле.

Допустив это, я прошу вас вспомнить один общий принцип, который вы, без сомнения, признали вместе со мной, читая мое первое письмо; а именно, что кредит есть самое большое богатство коммерсанта; откуда я заключаю, что кредит должен быть самым главным ресурсом и самой великой силой государства. Если бы в то время, когда голландцы писали нам свои законы в Гертруденберге,[8] кто-нибудь смог бы их заставить отказаться от их кредита и ограничиться их звонкой монетой, они были бы принуждены тотчас же уступить нам. Именно только благодаря кредиту это столь небольшое государство, имеющее гораздо меньше денег, чем мы, удерживалось против могущества нашего оружия и всегда заключало с честью мирные договоры.

Первое применение кредита заключается в замещении денег бумагой, и это применение может считаться одним из тех народных учреждений, изобретатель которых совершенно неизвестен, или, лучше сказать, которые совсем не имеют отдельного изобретателя. С тех пор, как среди людей появилась регулярная торговля, тот, кто имел нужду в деньгах или у кого не оказывалось денег для расплаты, давал бумагу вместо денег, и кредитор довольствовался ею. Легко видеть, что этот способ значительно увеличивает количество металлической монеты, недостаток которой всегда чувствовался бы без кредита; так что можно утверждать, что таких верных и обеспеченных билетов в торговле распространено на гораздо большую сумму, чем имеется денег во всех кассах коммерсантов, взятых вместе. Такое употребление ценных бумаг пошло еще дальше между крупными предпринимателями; ибо их билет переходил с места на место и часто способствовал совершению множества сделок прежде, чем возвратиться к своему источнику; так что их билет представлял столько денежных сумм, сколько их нужно было бы видеть в руках тех, которые ими пользовались в своих операциях.

Система в этом отношении не сделала ничего иного, как ввела во всеобщее употребление, начиная с короля, то, что природа обмена и, так сказать, необходимость вещей уже ввели среди частных лиц. Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать Систему, как непереносимое новшество, я очень удивлен тем, что она сама не установилась с давних пор. Тем не менее, известно, что всякое государство до сих пор держалось лишь в той мере, в какой оно сделалось причастным этой Системе.

Обыкновенный человек не преминет заметить относительно вышесказанного, что частный билет держится и сохраняется тем, что люди вольны его принимать или не принимать в уплату; я же, наоборот, утверждаю, что кредит этого билета подвергается сомнению, а его циркуляция — ограничению, в силу того обстоятельства, что его акцептация свободна. В самом деле, первый, кто отказывается его принять, не имея даже для этого специальной причины, дает повод опасаться, что частное лицо, выпустившее этот билет, зависимое не только от видимых затруднений в делах государства, но и от тайных затруд-

нений в своих частных делах, не в состоянии уплатить суммы, гарантированной его подписью. Этим он останавливает циркуляцию билета и заставляет его беспрестанно возвращаться к своему источнику. Если же его обязаны принимать все, может случиться, что он никогда не вернется к своему первоначальному источнику и что, таким образом, лицо, выпустившее такой билет, никогда не окажется в необходимости оплатить его.

Это первое положение настолько очевидно, что мне было бы стыдно его доказывать, если бы не встречались люди, глубоко понимающие в делах, которые беспрестанно упрекают нынешнее правительство в принудительном кредите: как будто может существовать общий кредит, который не был бы основан на статутах и законе. Деньги и те нуждаются в них для циркуляции, и приходилось не раз прибегать к власти для того, чтобы заставить некоторых лиц принимать некоторые монеты или принимать монету по определенному курсу. Это принуждение утверждает всеобщее доверие, потому что обыкновенный человек не принял бы никогда монету или бумагу, которых кто-либо имел бы право не принимать. Я много раз слышал, как вы сами жаловались на то, что указы на этот предмет оказывались недостаточно скоро известными в деревне для того, чтобы внести успокоение в умы. Итак, ничто лучше не свидетельствует об истинности какой-либо Системы, как то обстоятельство, что, нападая на нее, высказывают беспрестанно вещи, с ней согласные.

Как раз отсутствие принудительного курса вводит в такие узкие границы торговлю частных лиц. Лишь суверен может иметь настоящий кредит, а частные коммерсанты могут иметь лишь тень его. Это одно позволяет понять, сколь велика слабость правительства, при котором простые буржуа могут хвастать, не проявляя особого нахальства, что они имеют больший кредит, чем король, потому что король пользовался своим кредитом, чтобы занимать так же, как и они, суммы, которые он однако не возвращал, как они, в то время, как кредит суверена состоит в том, чтобы платить полноценно самым своим обещанием, чего не могли бы сделать со своим обещанием частные лица.

И, наконец, быть может вы скажете, что, каковы бы ни были усилия моего ума, я не понимаю, каким образом бумага может действительно оплатить товар; и если она мне послужит для того, чтобы получить товар, последний предъявитель билета окажется, несомненно, в убытке. Я мог бы ответить сначала, что, раз циркуляция установилась, этого последнего предъявителя нет совсем; но вот ответ более существенный и более решительный.

Среди людей не существует иных реальных богатств, кроме продуктов и товаров, и нет иной реальной торговли, кроме обмена этих продуктов или этих товаров. Золото, серебро, медь, билеты, меченные и нанизанные на веревку раковины, которыми пользуются кое-где на Африканском берегу, — все это лишь опосредствованные богатства или знаки передвижения реальных богатств. Владельцы продуктов или товаров, получают ли они их с своей земли или добывают их из земель и вод, никому не принадлежащих, доставляя эти продукты или эти товары тем, кто предъявляет спрос на них, имеют право полу-

чать взамен какую-нибудь другую вещь. И, так как эти последние не имеют часто вещей, в которых нуждались бы первые, последние дают первым в знаке сделки, каков бы этот знак ни был, признание, не определяющее природы вещи, которую они получили, но определенное в отношении своей цены. Таким образом, я рассматриваю один экю как билет, смысл которого можно было бы выразить так: «любой продавец даст продукта или товара, в которых предъявитель билета имеет нужду, на сумму в три ливра за такое же количество другого продукта или товара, которое мне было доставлено» и за подпись, изображение государя или какой-нибудь другой общепризнанный знак.

Все знаки сделки (transmission), таким образом, равны или безличны, поскольку они представляют всякий вид вещей и поскольку они являются общей мерой их цены и их ценности (prix — valeur). Если я должен дать два мюида хлеба за один мюид вина, то, при существовании установленных знаков сделки, я отдаю один знак за один мюид зерна в то время, как отдаю два за один мюид вина.

Это понятно без труда и показывает вам, что в том случае, если банковый билет не производит денег, чего и нет на деле, никакой предъявитель такого билета не потерпит убытка, потому что он имеет на нужный для него товар такой же титул, как и первый, который этот товар получил. Дело идет теперь относительно того, чтобы рассмотреть, какие знаки сделки наиболее удобны для государства. Знак сделки может быть выражен в материале, который сам по себе не имеет цены или имеет цену настолько низкую, что она не имеет никакого значения, вроде бумаги или раковин; или, наоборот, он может быть выражен в материале, который сам по себе есть ценный товар, напр., металлы; и среди этих металлов можно выбрать такие, которые добываются в королевстве, как железо или медь, или такие, которые приходят извне, как золото и серебро.

Металлы издавна употреблялись для того, чтобы служить знаками сделки или монетой: во-первых, потому, что они до известной степени не ухудшаются и не портятся, переходя постоянно из рук в руки; и, во-вторых, потому, что они поддаются точному делению и, таким образом, могут служить точной мерой наиболее дешевых товаров. Сначала применялись железо и медь, которые находимы повсюду; ибо, естественно, нельзя употреблять для знаков сделки на товары своей страны материал, который можно достать только из-за границы. Я хорошо понимаю, что народы, которые владеют золотыми и серебряными рудниками, жадно воспользовались соблазном, в который вверг другие народы блеск этих двух металлов. Этот соблазн доставил первым бесконечные преимущества, привлекши к ним, как подать, товары других наций. Но он бросил соблазненные народы в ужасное затруднение, заключающееся в том, что у них часто не бывает достаточного количества драгоценных металлов для торговли, уже установившейся у них: так что многие из них, по недостатку знаков, не могли купить нужные им товары, несмотря на то, что последние изобилуют в их собственной стране. Затруднение становится еще более значительным, когда недостаток этих знаков оказывается у государя,

потому что, не говоря об общих, а иногда экстренных расходах, которых требует сохранение государства, самая большая часть его подданных существует на жалованье или вознаграждение, которые он им дает. Этот недостаток материала происходит обыкновенно и от сознательной алчности соседей, и от слепого недоверия подданных. Соседи, также любители золота и серебра, имеют необычайную ловкость, чтобы привлечь их к себе, совращая даже некоторых из подданных недозволенными и преступными выгодами; или, наоборот, подданные, не погрязая в такое взяточничество, запирают эти знаки сделок, как действительные сокровища, побуждаемые к этому некоторой долей страха или недоверия, которое я всегда называю слепым, потому что оно останавливает циркуляцию, наносит государству ущерб и оказывается способным больше, чем что-либо другое, навлечь на других и на них самих скудость, которой они боятся. Но вот безусловное лекарство для этого зла: нужно дать людям знак сделки, материал которого был бы взят в их же стране и количество которого государь мог бы увеличивать и уменьшать, сообразно с потребностями государства и торговли, и в особенности чтобы этот знак не имел никакой внутренней ценности. В этом заключается главное условие, на котором я считаю нужным настаивать. Золото и серебро суть, естественно, такие же товары, как и всякие другие. Часть золота и серебра, употребленная на монеты, была всегда связана с этим употреблением, и ювелирам всегда было запрещено покупать крупные золотые и серебряные монеты (louis d'or et d'argent) и перерабатывать их в изделия. Таким образом, эта часть драгоценных металлов была изъята из коммерческого оборота законом, имевшим свои основания в прежнем управлении, но невыгодном в себе самом. Это все равно, как если бы изъяли часть шерсти или шелка, находящихся в королевстве, для того, чтобы употребить их на выделку знаков сделки: не оказались ли бы в более выгодном положении люди, если бы эти материалы возвратили их естественному употреблению и стали бы употреблять для этих знаков сделки материал, который сам по себе ничему не служит? Но наибольшее преимущество знаков, сделанных из ничего не стоящего материала, заключается в том, что никто не стал бы пробовать отклонять их от их естественного назначения, заключающегося в их циркуляции.

Государь имеет непосредственную власть по отношению к тем, которые задерживают или укрывают деньги, потому что деньги принадлежат частным лицам лишь в порядке циркуляции и потому что им запрещено присвоивать деньги в каком-либо другом смысле. Я с удовольствием повторю и объясню положение моего предыдущего письма, потому что вы мне заметили, что оно неприятно поразило кое-кого, несмотря на то, что в политике нет другого положения, более верного, чем это. Я не говорю, что государь в праве изъять всю металлическую монету из своего королевства для того, чтобы присвоить ее себе, оставив в нищете своих подданных, но все деньги принадлежат государству, представляемому во Франции королем, и они принадлежат ему точно так же, как и большие дороги, не для того, чтобы запирать их в своих владениях, но чтобы препятствовать тому, чтобы кто-либо запирал их в своих; и так как королю, и только ему одному, дозволено изменять

направление дорог в видах общественного удобства, судить о котором может только он сам или через посредство своих чиновников, королю также позволено, и только ему одному, заменять золотые и серебряные монеты другими знаками сделки, более выгодными для общества, и он должен их принимать сам так же, как он принимал другие. Это как раз то, что делает нынешнее правительство. Однако, так как золотые и серебряные монеты сохраняют на себе изображение знака, и так как те, кто их собирает, смотрят на них, как на знаки сделки, государь имеет полное право потребовать возвратить их, так как этот вид сокровища уже не служит тому употреблению, к которому он был предназначен. Государь имеет, пожалуй, такое же право и по отношению к тому имуществу, которое принадлежит вам на праве собственности, и он может обязать вас засевать ваши земли, чинить ваши городские дома, под страхом их конфискации, потому что, по существу, ваше имущество принадлежит вам лишь при условии, что вы будете использовать его ко благу общества. Так вот, чтобы избежать обысков и конфискаций денег, гораздо лучше дойти до источника зла и дать людям такие деньги, из которых они не стали бы делать склада.

Бумажные деньги удовлетворяют вполне всем условиям, которых мы искали для монеты. Они достаточно гарантированы от порчи тою легкостью, с которой их можно сменить в банке, когда они истрепались от употребления; они точно делимы, благодаря указанию ценности на билете; а мелкая серебряная монета, которую всегда можно оставить в торговле, будет удовлетворять мелким уплатам, нужным для потребностей жизни. Бумажные деньги приняты во Франции, и государю принадлежит право решать вопрос об их количестве, необходимом для потребностей государства. Наконец, сами по себе они лишены какой бы то ни было ценности, с которой можно было бы считаться.

Банковый билет имеет еще одно преимущество, которое дает нам пищу для новых размышлений. Будучи обратим в звонкую монету, он имеет двойное применение по желанию предъявителя: одно заключается в том, что он служит для приобретения земли или товаров, и другое в том, что вместо него можно получить звонкую монету. Так как французы совсем не умеют пользоваться кредитом, некоторые нашли неудобным запрещать им иметь при себе более пятисот ливров в звонкой монете и требовать, чтобы платежи свыше пятисот ливров уплачивались банковыми билетами. Однако, такая практика узаконяется примером наших соседей, которые познакомились с кредитом раньше нас. Я не говорю о конфискациях звонкой монеты, которые имели место во всех государствах и в самой Франции из необходимости восстановить прерванную циркуляцию. Но с самых первых времен учреждения Амстердамского банка в 1609 г. частным лицам было запрещено оплачивать звонкой монетой суммы свыше трехсот флоринов. Без такого правила учреждение кредита оставалось бы бесполезным и не имело бы ни своего естественного распространения, ни даже своего первого удобства. Главное преимущество банкового билета заключается в совершении больших расчетов, в то время как монета из дра-

гоценных металлов годна для средних и медная монета — для самых мелких расчетов. И так как в самой Франции было запрещено уплачивать медной монетой свыше ста су, нужно запретить уплаты монетой из драгоценных металлов свыше определенной суммы, сверх коей расчет должен производиться банковыми билетами. Это единственное средство поддерживать соответствующую циркуляцию этих трех видов монеты и ту градацию кредита, которую они взаимно оказывают друг другу. Не стали бы брать банковые билеты, если бы они не разменивались на золотую и серебряную монету для средних расплат; не стали бы брать и монет из драгоценных металлов, если бы они не разменивались на медную монету для мелких расплат. Но, с другой стороны, что подумали бы вы о человеке, который, имея миллион в экю (écus comptés), обратил бы его сразу в медяки? Вы бы, без сомнения, сказали ему: «К чему вам эта груда? Или вы хотите опорожнить из-за вашей фантазии целую провинцию? Не достаточно ли было бы для вас разменивать один за другим несколько ваших экю для ваших ежедневных потребностей? Вы никогда не истратите этой суммы на мелкую провизию, и я советую вам сохранить большую ее часть для расплат или приобретений, которые вы сможете сделать только монетой из драгоценного металла». Вот то, что должен сказать себе каждый при той горячке, которая охватила французов, желающих реализовать все свои акции и все свои банковые билеты. Но, так как большая часть людей есть простой народ — дети в отношении новых установлений, их следует властью довести до тех границ, в которые сразу ставит человека просвещенного и зрелого его разум. По существу, все народы походят друг на друга своими слабостями. С того времени, как Амстердамский банк был превращен в общественный (государственный) банк, он долгое время испытывал те же возражения и те же нападки, что и наш. Республика принуждена была защищать его законами, которые вызывали еще больше ропота, и ее министры утвердили, наконец, кредит банка средствами, которые его невежественные критики рассматривали, как признаки его бессилия и его страха.

Точно также и тот, кто в таком королевстве, как Франция, только что принял участие в общественном коммерческом деле, поднимает голос против банкового билета, во-первых, так же смешон, как и тот, кто в частном торговом деле, будучи сам в нем заинтересован, поднял бы голос против векселей и других коммерческих обязательств банкиров и предпринимателей. Во-вторых, он так же смешон, как и тот, кто захотел бы сохранить в богатом и крупноторговом городе обычаи пользоваться одной медной монетой под тем предлогом, что в те времена, когда в нем не было никакой торговли, он не имел иной, несмотря на то, что медная монета ему теперь уже недостаточна.

Я не знаю, сделаете ли вы мне здесь возражение, которое я считал нужным сделать многим: «Наш банковый билет, — говорят они, — может быть хорошим внутри королевства; но что станет с заграничной торговлей?» Я мог бы ответить, что ни одно королевство не могло бы обойтись без иностранцев в такой степени, как наше; но я иду дальше, и я прибавлю, что иностранцам нельзя обойтись без нас. Я совсем не

хочу рассматривать пока Францию как главное бюро торговли, как общий банк Европы и, может быть, и других частей света. Если принимать во внимание лишь естественные произведения нашей почвы, мы всегда доставляли нашим соседям больше товаров, чем получали от них; и если исключить случаи покупки бриллиантов, приобретенных у иностранцев и уже оплаченых новыми богачами, баланс — говоря в среднем — всегда выгоден для нас, т. е. в конце расчетов иностранцы всегда должны нам уплачивать деньги. Если это преимущество в будущем будет иметь место в еще большем размере, иностранцы всегда будут принуждены передвигать к нам запасы золота и серебра, в результате окончательного расчета, подобно тому, как сделал король по отношению к ним, чтобы освободить Францию от иностранных долгов. Таким образом, банковый билет не вносит никаких изменений во внешнюю торговлю; или если, наконец, иностранцы берут наши билеты и наши акции, то, так как ценность, им соответствующая, остается в стране, они будут принуждены их привозить обратно, чтобы получить их оплату или чтобы купить на них французских товаров. Одним словом, наши бумаги не смогут быть в их руках, не сделав их в некотором роде французами и не заинтересовав их в нашем кредите и в нашей торговле. Иностранцы сами научили нас смотреть на наш банковый билет как на настоящие деньги, ибо его повышение или падение всегда вызывало у них изменение его меновой цены на золото и серебро. Он поднялся на 25%; он потерял эту надбавку и затем снова поднялся al pari и даже выше точно так же, как золото и серебро.

Каково бы ни было впечатление, слабое или сильное, произведенное на ваш разум всем тем, что я сказал в этом письме и в первых двух, и каким бы образом все это на вас ни подействовало, хорошо ли, дурно ли, — Система, тем не менее, установлена. Она не без труда преодолела препятствия, которые ей ставили; но и король, и общество в такой мере связались с ней, что разрушить ее — смею сказать — невозможно ни королю, ни обществу. Таково преимущество всякой Системы, основанной на истине и на природе. Сначала она испытывает некоторое затруднение, проникая в умы; но раз она там укоренилась, ничто не в состоянии вырвать ее оттуда. Если ее нужно исправить или усовершенствовать, это можно сделать лишь на основании ее собственных принципов, или при помощи ее самой. Больше того, эта Система, будучи практической, в такой мере переплела все части государства, что они не могут от нее отвязаться. Индийская компания удовлетворила короля, взяв на себя его долги и, кроме того, дает ему ежегодно двадцать миллионов бонов. Если только король коснется Системы, он потеряет свои двадцать миллионов, он снова возьмет на себя все свои долги и, сверх этого, обременит себя всеми теми долгами, которым он подвергнет себя за банковые билеты и за акции. Он уже имеет кредит, который в десять раз превышает его звонкую монету. В тот день, когда он вздумал бы бросить Систему, все его деньги ушли бы на уплату неизбежных долгов, и не успели бы перейти из банка в королевскую казну. Таким образом, наиболее проницательные из противников Системы не надеются, чтобы король когда-либо от нее отказался. С другой стороны, общество предалось ей в результате

выбора, делавшегося с каждым днем все более необходимым; и, так как Система обогатила многих даже из тех, которые не взяли акций, ее падение увлекло бы одинаково и тех и других.

Когда я говорил в моих предыдущих письмах, что для того, чтобы использовать Систему кредита, нужно лишь принять в ней участие я не хотел этим сказать, что учреждение и успех Системы зависят от частных лиц; я давал им простой совет — принять в ней участие, только для их собственной выгоды. Нельзя того же сказать о прежней финансовой системе, ибо было недостаточно принять в ней участие, чтобы получить в ней свою выгоду. Как бы ни были ловки, какими бы добрыми намерениями ни были воодушевлены министры, которые обязаны были осуществлять [прежнюю систему], все их заботы клонились лишь к смягчению порока, лежащего в существе Системы, виновниками которой они совсем не были, и к тому, чтобы возможно меньше прибегать к налогам и займам, источнику, так же разорительному для короля, как и жестокому для всех без исключения сословий государства. Принципы прежнего управления [финансами] были таковы, что по совести ими никогда не следовало бы пользоваться. Но каковы бы ни были эти принципы, никогда не было человека, который вздумал бы бороться против правительства, потому что государь всегда находит средства нанести ущерб тем, кто ему сопротивляется. Что же думать о тех, которые поднимают мятеж против Системы, доставившей столько богатств тем, кто стал на ее сторону, принявшей затем видимую и устойчивую форму, обеспечившей существование учреждению более надежному, чем учреждение рент, обеспечившей учреждение, которое может расти и которое будет расти, в то время как ренты могли лишь чахнуть и погибли?

Существуют рантье, которые хранят свои выкупные суммы в банковых билетах, вместо того, чтобы брать приносящие дивиденд акции, и которые жалуются, что нынешнее имущество не дает ничего. Они обманывают общество; и им остается обманывать самих себя, если им это нравится. Акции,— отвечают они,— суть лишь воображаемые блага. Но, в действительности, разве они не замечают, что кредит банковых билетов той же природы, что и кредит акций, и что они черпают свою ценность из ценности акций?

И, однако, нужно признать за врагами Системы, если это им доставляет удовольствие, что они имели против нее некоторую власть: власть замедлить большое количество выгодных операций, которыми бы теперь пользовался народ. До сих пор приходилось употреблять самую большую часть времени на то, чтобы устранить препятствия, которые эти враги с добрыми или дурными намерениями чинят Системе; направлять и предупреждать зло, которое они ей делают или хотят сделать. Недоверие, которое они сеют в обществе, — главная причина дороговизны товаров. Рабочие с трудом привыкают к банковым билетам, потому что они слышат, что против них постоянно кричат; и многие купцы, которым известно больше, чем другим, употребление бумажных знаков, распространяют, чтобы держать товары на уровне очень высоких цен, невыгодные предубеждения, которые, как они видят, существуют в обществе против бумажных знаков. Некоторые

даже поддерживают эти предубеждения против своей собственной совести, несмотря на исключения, сделанные в их пользу относительно количества металлических денег, которые они могут иметь, и ставят себя, таким образом, в число неблагодарных, по отношению к Системе, которая их обогатила, — род людей, встречающихся нынче повсюду. Но так как, в конце концов, победа добра над злом близка не в уме невежественного и бессильного фрондера, но во взглядах государя и господина, то скоро увидят плоды, которые способно производить лишь одно это воображаемое имущество и которые никогда не были даны имуществом реальным: движение по морям и рекам, восстановление больших дорог, учреждение общественных складов, которые будут предупреждать дороговизну продуктов даже в несчастливые годы. Трудолюбие, так плохо вознаграждаемое, терявшее веру в себя и скрывавшееся из страха перед налогами, найдет почетные и прибыльные занятия и внутри государства, и в колониях.

Пусть не говорят, что Система, если она хороша и сама по себе и для других наций, не подходит к нашей. Она непоколебима во всяком государстве — республиканском ли то, или монархическом, раз это государство ее примет. Политики прошлого века, говорившие об Амстердамском и Венецианском банках считали их такими же прочными, как и самые эти государства. Я доказал полную невозможность разрушить когда-либо королевский банк ни для короля, ни для общества. Кстати, как велико преимущество деспотической власти при основании учреждения, подверженного стольким препятствиям со стороны нации, которая к нему еще не привыкла! Почти невозможно так быстро объединить во взглядах главарей республики, чтобы исправить ежедневные и часто противоречивые затруднения, которые создает народ и которые требуют изо дня в день противоречивые по внешности средства исправления. Самое большое число главарей не гарантирует самого здравого суждения, и их опыт в прежнем правлении — главная причина их заблуждений в новом.

Просвещенный государь бесконечно сокращает все эти трудности, и, хотя некоторые из них могут снова появиться с течением времени, король всегда более способен их устранить, чем верховный совет, пререкания и медлительность которого надо преодолеть прежде, чем получить большинство голосов в вопросах, не терпящих отлагательства. Я прибавлю здесь даже, что именно недостаток деспотического авторитета есть причина, почему у наших соседей существует такое большое количество различных компаний, которые стремятся лишь дискредитировать взаимно друг друга в то время, как король один способен согласовать все ради одной цели и дать своему королевству общий и единый кредит, который привлечет доверие даже иностранцев. Впрочем, Франция имеет все условия, требуемые для того, чтобы поднять кредит и торговлю на самую высокую степень: обширность и плодородие почвы, ее положение относительно морей и материков, трудолюбие и работоспособность ее жителей. Таким образом, Франция является в Европе и, может быть, во всем мире государством, к которому Система подходит наилучшим образом.

Остаюсь и т. д. Суббота 18 мая, 1720 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Напечатано впервые в «Mercure de France» в мае 1720 г. (Daire, v. I, pp. 666—679.)

[2] Constitution — рента (rente constitué) — практика государственных займов при помощи ренты, устанавливаемой на ту или другую отрасль государственных доходов, ведет свое начало с XVI в. Это одно из наиболее отрицательных явлений старого порядка. Почти одновременно с нею появляются и другие формы государственных займов: продажа должностей и расходование вперед государственных доходов из авансов, получаемых либо от сборщиков прямых налогов (receveurs), либо от откупщиков косвенных налогов (fermiers généraux).

Все это, вместе с системой взимания налогов при помощи компании сборщиков и откупщиков, ложилось тяжестью на налогоплательщиков, оттягивало французские капиталы к финансовым операциям казны и способствовало превращению французской буржуазии в своеобразный класс бюрократов-ростовщиков, лишенных той инициативы и предприимчивости, которой отличались их собратья по ту сторону Ламанша. Ло, как и Кольбер, прекрасно видели эту сторону старого порядка, но их попытки уничтожить государственный долг, выкупить часть должностей и изменить систему взимания налогов (Ло) имели успех только на короткое время. Способ займа при помощи установления рент на известные статьи дохода, в особенности на недвижимую собственность и землю был очень распространен и в частной практике.

[3] Дело идет о двух письмах Ло, напечатанных раньше там же, в феврале и марте 1720 г., в которых излагалась та же самая тема. (См. Les économistes financiers du XVIII s. Collection de Daire, v. I, pp. 650—657.)

[4] За государственную ренту.

[5] Ло имеет в виду практику продажи должностей во Франции, являвшейся скрытой формой государственных займов, так как государство, продавая тому или иному лицу должность, часто совершенно ненужную государству и созданную исключительно с целью получения казной денег, обязывалось уплачивать покупателю жалование, которое и являлось уплатой процентов по внесенной в уплату за должность суммы.

[6] Смысл этой фразы таков: высокая рента, лежащая на имуществе должника, была бы лихоимством, но так как должник не в состоянии долгое время ее уплачивать, его имущество продается с публичного торга. Все рассуждения Дж. Ло о рентах представляют собой интереснейшую характеристику французского капитализма при старом порядке с его ярко выраженным ростовщическим характером.

[7] Ло, подобно Вобану, предлагал заменить все налоги единой королевской податью (devoir royal).

[8] Город в Брабанте, в котором в 1710 г. состоялось франко-голландское соглашение. Пользуясь разорением Франции, представители Голландии заставили французов принять чрезвычайно тяжкие условия.

Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ.

ПРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В XVIII ВЕКЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящем отделе собран материал, имеющий своею целью охарактеризовать правовое и материальное положение прусского крестьянства в конце XVIII столетия, т. е. накануне реформы. Материал этот разбит на два подотдела. Первый содержит извлечения из прусского законодательства о крестьянах, именно соответствующие параграфы Общеземского Прусского Уложения, характеризующие личные и имущественные права и обязанности крестьян, их барщинные службы, условия выхода из зависимого состояния и т. п. Уложение это, как известно, получившее силу закона с 1 июня 1794 г., никаких новшеств в разрешение крестьянского вопроса не вводит, а, наоборот, всецело отправляется от исторически сложившихся жизненных отношений и, таким образом, как бы дает итоги социальной эволюции прусской деревни XVIII и предшествующих столетий. Правда, оставляя широкий простор местному провинциальному законодательству, Общеземское Прусское Уложение является как бы вспомогательным по отношению к последнему кодексом действующего права, но все же оно чрезвычайно ценно для нас той полнотою, с какою оно отразило крестьянские отношения в их общепрусском масштабе; оно дает возможность охватить жизнь крестьянина целиком, трактуя разнообразные и сложные функции его и как члена деревенской общины, и как частного подданного помещика, и как подданного государства.

Во втором подотделе собран материал другого рода, отчасти иллюстрирующий, отчасти же корректирующий положения Общеземского Уложения. Здесь приведены выдержки из современных авторов, рисующие жизнь крестьянина не в общеправовых ее нормах, а в повседневных и конкретных ее проявлениях. Во-первых, мы взяли здесь извлечения из одного современника (L. Krug), дающие сжатую характеристику реального уклада крестьянской жизни во всех прусских провинциях, рассматриваемых каждая по отдельности; во-вторых, привели подробные данные из современной анонимной работы о крестьянском быте одной только прусской провинции — Верхней Силезии. Известно, что в Верхней Силезии положение крестьян было едва ли не наихудшим, и это худшее проявление крестьянского быта обрисовано автором самыми мрачными красками, настолько мрачными, что он, очевидно, опасаясь репрессий за свои разоблачения, предпочел скрыть свое имя (см. соответствующее примечание).

Мы предпочли взять более или менее компактный, а не дробный

материал по истории прусского крестьянства, приуроченный к небольшой эпохе (конец XVIII столетия). Мы исходили при этом из того убеждения, что только такой концентрированный материал дает возможность не беглого, а более или менее углубленного ознакомления с тем или иным явлением общественной жизни. Некоторые добавления к этому материалу мы делаем в примечаниях, где приводим не только необходимые пояснения к тексту (о характере того или иного памятника, о сущности таких институтов, как Gutsherrschaft, Unterthänigkeit и пр., об упоминаемых в изложении монетах, мерах и т. п.), но и соответствующие выдержки из исторических памятников.

В заключение заметим, что для предварительной ориентировки в тех вопросах, которые связаны с приводимым в настоящем отделе материалом, необходимо ознакомление с работою Г. Кнаппа: «Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии». Перевод с немецкого Л. И. Зака. СПБ. 1900 г.

I. ПРУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О КРЕСТЬЯНАХ.

1. Из Общеземского прусского уложения.

Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten, Neue Ausgabe, 1806, B. III. Dritte, verbesserte Auflage, 1885, B. III.]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Отдел первый.

О крестьянском сословии вообще.

Кого числить крестьянином.

§ 1. К крестьянскому сословию принадлежат все жители сельских местностей (des platten Landes), собственноручно обрабатывающие землю и занимающиеся сельским хозяйством...

§ 2. Лица, принадлежащие к крестьянскому сословию, не могут, без особого разрешения на то со стороны государственной власти, заниматься городскими промыслами. И детей своих обучать городским промыслам не имеют права.

§ 4. Разрешение заниматься городскими промыслами отнюдь состояния замледельца и его личных отношений не меняет.

О правах и обязанностях крестьянства.

§ 8. Каждый земледелец обязан, в целях удовлетворения общественных потребностей, обрабатывать свой участок.

§ 9. Он может быть насильственно принуждаем к тому государственной властью, и, в случае упорного неисполнения им своих обязанностей, участок его может быть передан другому.

§ 14. Число крестьянских владений в стране не может быть уменьшаемо ни путем отнятия крестьянских дворов и принадлежащих им реальных прав (Realitäten), ни путем их соединения.

Отдел второй.

О деревенских общинах.

О правах и обязанностях деревенских общин.

§ 18. Лица, владеющие крестьянскими участками в деревне или на ее территории, образуют деревенскую общину.

§ 28. Все члены деревенской общины имеют право пользоваться общинными землями путем выпаса скота, добывания дров и т. д., поскольку это не стоит в противоречии с точным смыслом законов или договоров.

§ 29. Пользование общинными угодьями принадлежит каждому соразмерно его доле участия в отправлении общинных повинностей.

§ 30. Каждый деревенский житель может пускать на общинные выпасы столько скота, сколько требуется ему содержать его для правильного ведения своего хозяйства.

§ 37. К общинным работам и прочим обязанностям соседей, в отправлении которых должен участвовать каждый член деревенской общины, по общему правилу относится следующее:

1. Починка общинных дорог и мостов.
2. Поддержание деревенских и общинных полевых канав.
3. Огораживание общинных выгонов.
4. Постройка и починка общинных деревенских строений — кузниц, жилищ для пастухов, колодцев и т. д.
5. Содержание деревенских пастухов и прочих состоящих на службе у общины людей.
6. Ночной караул или содержание деревенского караульного.
7. Задержание и содержание под караулом преступников.
8. Перевозка и сопровождение пересылаемых по этапу преступников и бродяг.
9. Так называемое наблюдение над дезертирами.
10. Поставка подвод для земского судьи и других участвующих в суде, а также в следствии по уголовным преступлениям лиц.
11. Содержание деревенских племенных быков и племенных кабанов.
12. Содержание в исправности деревенских пожарных труб и других употребляемых для тушения огня инструментов.
13. Тушение в деревне и принадлежащих к ней лесных местностях пожаров.

О шульце, или деревенском судье.

§ 46. Шульц, или деревенский судья, есть представитель общины.

§ 47. Назначается он помещиком... [1]

§ 51. Лицо, поставленное шульцем, должно иметь необходимые сведения в чтении и письме и отличаться безукоризненным поведением.

§ 52. На обязанности шульца лежит созыв в нужных случаях общинного схода, председательство на сходе и подсчет голосов при решениях.

§ 54. Шульц производит сбор налогов и других общественных поборов, когда общине надлежит их платить, и доставляет их по месту назначения.

§ 56. Шульц совместно с выборными (шоффенами) или деревенским судом ведает общинным имуществом; он же ведет отчетность.

§ 59. Особенно вменяется ему в обязанность смотреть за точным выполнением положений о деревенской и земской безопасности.

§ 61. Он не должен терпеть в своей деревне праздношатающихся, нищих, некрещеных евреев, цыган и прочих неизвестных и подозрительных лиц ..., но тотчас же задерживать их, как нарушителей земского мира, и передавать властям.

§ 66. О покражах на полях и в огородах, а равно и обо всех прочих нарушениях полицейских и уголовных законов, в случае, если дойдет о том до сведения шульца, он должен сообщать властям без промедления.

§ 69. Должен он также незамедлительно доносить властям о тех из жителей деревни, которые нерадиво относятся к своему хозяйству, либо к своим постройкам, или неосторожно обращаются с огнем и светом.

О выборных (шоффенах) или судебных заседателях.

§ 73. Рядом с шульцем местный представитель судебной власти назначает не меньше двух выборных или судебных заседателей, и они вместе с шульцем должны под клятвою обещать верное выполнение своих обязанностей по отношению к государству, помещику и общине.

§ 74. Выборными, или судебными заседателями, помещик должен ставить по возможности оседлых хозяев, людей незапятнанной репутации и безукоризненного поведения.

§ 76. Выборные должны помогать шульцу в отправлении его обязанностей.

О деревенском суде.

§ 79. Шульц и выборные вместе образуют деревенский суд.

§ 81. Его ведению подлежат нарушения правил о внутренней деревенской безопасности, караемые лишь малым, поступающим в общинную кассу и не достигающим 1 талера штрафом, притом с правом обжалования приговора перед местным представителем судебной власти.

Отдел третий.[2]

О подданных поселянах и об отношении их к их помещикам.

§ 87. Отношения частных подданных (Gutsunterthanen) к их помещикам (Gutsherrschaften) должны регулироваться соответственно особенностям жизни разных провинций местным провинциальным законодательством. При этом надлежит брать за основу уже существующие провинциальные законы и покоящуюся на них давно сложившуюся обычную практику.

§ 88. Где частные подданные числились до сих пор таковыми не в силу своего личного состояния, а лишь в силу владения подчиненным помещику земельным участком, или же в силу своего проживания в пределах помещичьей юрисдикции, там и впредь быть тому нерушимым.

§ 89. Но то, что в дальнейшем будет постановлено о личных отношениях подданных, которые подчинены помещику не в силу своего личного состояния, распространяться на таких лично свободных жителей деревни (§ 88) не может.

§ 91. По общему правилу иметь подданных и пользоваться соответствующими помещичьими правами над такими людьми могут только владельцы рыцарских имений.

§ 92. Владельцы прочих свободных имений, если они будут утверждать, что и им принадлежат эти права, должны специально обосновать их ссылками на провинциальные законы, привилегии или давность.

§ 93. Дети подданных подчиняются тому помещику, какому были подчинены в момент их рождения их родители.

§ 94. Если личное состояние родителей не одно и то же, то в отношении подданства законнорожденные дети наследуют состояние отца, а незаконнорожденные — состояние матери.

§ 96. Лица женского пола, если они выйдут замуж за подданного, становятся подданными, как и он.

§ 106. Крестьянин, в случае, если он возьмет обязанный отношениями подданства надел и не оговорит письменно своей свободы, становится в силу этого помещичьим подданным.

§ 107. Наоборот, мещанин (ein Mensch bürgerlichen Standes), поскольку он определенно и в письменной форме не откажется от своей личной свободы, не становится подданным в силу одного лишь того, что он берет двор, обязанный отношениями подданства.

§ 108. Однако и такой человек, пока он владеет наделом, обязан всеми следующими с этого надела барщинами и платежами, как подданный.

§ 109. Дворяне никоим образом не могут принимать личного подданства...

§ 111. Лишь мещане и крестьяне могут, даже и не принимая обязанного отношениями подданства земельного участка, становиться по договору личными подданными помещика.

§ 113. Если такие свободные люди поселятся в деревне, не взявши обязанного отношениями подданства надела и не вступивши в отношения личного подданства, они должны числиться подзащитными (Schutzunterthanen) или жильцами (Einlieger).

§ 114. Таких жильцов никто из жителей деревни без ведома и разрешения помещика принимать не может.

§ 116. Положение этих принимаемых по воле помещика или с его разрешения жильцов должно определяться особыми, заключаемыми при их приеме договорами, в случае же отсутствия таковых, — законами и установлениями отдельных провинций.

§ 117. В случае отсутствия и договоров и соответствующих провинциальных узаконений, люди этой категории подчиняются помещику лишь по суду.

§ 121. Они и их дети вольны покидать деревню и селиться в других местах, не испрашивая на то разрешения у помещика.

§ 122. Каждый помещик обязан в случае нужды оказывать своим подданным помощь.

§ 123. Тем из них, которые еще не сели на землю, он обязан, поскольку это в его силах, предоставлять возможность снискивать пропитание.

§ 124. Если же помещик не в состоянии этого сделать, он должен... разрешить им зарабатывать свой хлеб на стороне, с выдачею соответствующего письменного в том удостоверения.

§ 125. Особенно помещик должен заботиться о том, чтобы дети его подданных получали доброе и христианское воспитание.

§ 127. Те из помещиков, которые не пожелают принять на свое попечение сирот или покинутых родителями детей, теряют на них свои права.

§ 128. Права эти передаются тем из помещиков, которые принимают на себя воспитание и содержание означенных детей до того возраста, когда они сами смогут снискивать себе пропитание.

§ 130. Если севшие на землю подданные нуждаются вследствие приключившихся с ними несчастий в помощи со стороны, помещик первый обязан оказать им по мере сил своих действительную помощь.

§ 133. Подданные обязаны по отношению к своему помещику верностью, уважением и послушанием.

§ 134. Они несут в его пользу барщины и платежи, как подробно о том следует ниже.

§ 136. Обязанности подданных по отношению к помещикам прежде всего определяются записями купли и приема наделов; в дальнейшем — реестрами наследства и барщинными реестрами или урбариями; наконец, — провинциальными законами.

§ 144. Там, где до сих пор урбарии или барщинные реестры отсутствовали, помещик может требовать барщин и платежей согласно исстари установившемуся обычаю. Таким же путем могут добиваться освобождения от повинностей и платежей и подданные.

§ 146. Лишь в том случае, когда договоры, урбарии, провинциальные законы и давние обычаи не решают споров между помещиками и подданными, применяются предписания Общеземского Уложения.

Отдел четвертый.

О личных правах и обязанностях подданных.

§ 147. Вне круга отношений к поместью, к которому подданные приписаны, они рассматриваются в своих действиях как свободные граждане государства.

§ 148. Следовательно, прежняя крепостная зависимость (Leibeigenschaft), как особый вид личного рабства (Sklaverey), в отношении подданных сельских местностей не имеет места.

§ 149. Подданные могут приобретать собственность и разные права и защищать их против кого бы то ни было судебным порядком. [3]

150. Без разрешения своего помещика они не могут оставлять поместья, к которому приписаны.

§ 151. Но и помещик не может продавать, выменивать или иным образом уступать их помимо их воли другим лицам без земли, к которой они считаются принадлежащими.

§ 152. Если где до сих пор помещикам разрешалось передавать подданных вместе с их дворами друг другу, там и впредь оставаться тому по-старому.

§ 153. Но такая перемена никоим образом не должна отягчать или ухудшать состояния подданных.

§ 154. В провинциях, где такие отчуждения до сих пор не имели места, и впредь они запрещаются.

§ 155. Беглых подданных помещик может разыскивать повсюду и во всякое время и принуждать их возвращаться обратно.

§ 156. Отказать помещику в выдаче беглого подданного или тайно укрывать его у себя никто не смеет.

§ 157. Кто это сделает, подлежит установленному земским полицейским законом, а за отсутствием такового, — от 5 до 20 талеров штрафу.

§ 158. Кто примет чужого подданного без удостоверения, платит такой же штраф и, кроме того, возмещает весь причиненный вред и убытки.

§ 159. Помещик имеет также право требовать возвращения родившихся на стороне детей беглых подданных.

§ 160. Он теряет это право в том только случае, если, зная их местопребывание, не вытребовал их в течение 10 лет по смерти их отца.

§ 161. При вступлении в брак подданные обязаны испрашивать на то разрешение у помещика.

§ 162. Но помещик не может отказывать им в разрешении без законных на то оснований.

§ 163. Законные основания отказа в разрешении на брак следующие: когда имеющее намерение сочетаться браком лицо повинно в тяжком преступлении.

§ 164. Далее, когда оно известно своим беспутством, нерадением или непослушанием, и это может быть доказано верными свидетельскими показаниями.

§ 165. Равным образом, когда оно по физическим недостаткам неспособно надлежащим образом выполнять хозяйственные работы, входящие в круг его обязанностей.

§ 166. Также и людям, которые не в состоянии по физическим недостаткам прокармливать себя и свою семью, помещик может отказывать в разрешении вступать в такой брак, который неспособен улучшить их положения.

§ 167. Подданные — мужчины, испрашивающие разрешения на брак, по общему правилу должны, если таково будет требование помещика, обосновываться домом в том месте, где они числятся подданными.

§ 168. Хотя браки, заключаемые без разрешения помещика, и считаются действительными, но виновные могут быть наказываемы

либо заключением в тюрьму на срок от трех дней до четырех недель, либо принудительными работами на тот же срок.

§ 169. Если севший на землю подданный вступит без разрешения помещика в брак с лицом, которое не удовлетворяет требованиям §§ 163 и 164, помещик в праве лишить его надела.

§ 171. Дети подданных по общему правилу должны наследовать крестьянское состояние и посвящать себя занятиям их родителей.

§ 172. Без разрешения помещика они не могут быть допущены к отправлению городского ремесла или к занятию науками.

§ 173. Но и помещик не может принуждать детей подданных — вопреки воле их родителей и опекунов — к выбору другого образа жизни.

§ 174. Родители, занимающиеся дозволенным деревенским ремеслом, могут передать это ремесло одному из своих детей — по собственному выбору.

§ 175. Детям, которые по своим физическим качествам не в состоянии справлять тяжелые ручные работы, помещик не в праве запрещать обучаться более легкому промыслу.

§ 176. Если кто-либо из детей проявляет, по определению сведущих людей, выдающиеся таланты в области искусств или наук и обладает необходимыми средствами для изучения их, дорогу ему в этом направлении закрывать нельзя.

§ 177. Если кто-либо из подданных обучится на средства помещика такому искусству или ремеслу, которое может обслуживать помещика лично или в его хозяйстве, он должен служить помещику за обычное вознаграждение до тех пор, пока отчислениями от этого вознаграждения не покроет полностью затрат помещика на его обучение.

§ 178. А если помещик не пожелает принимать такие отчисления от вознаграждения, подданный должен служить ему до тех пор, пока будет заниматься искусством или промыслом, какому обучился на средства помещика.

§ 179. Если же помещик не пожелает такого обученного на его средства искусству или ремеслам подданного держать при себе, или если подданный обучится такому промыслу, который обычно не употреблялся для обслуживания личных и хозяйственных нужд помещика, тогда нельзя препятствовать подданному зарабатывать хлеб в другом месте.

§ 181. Детей подданных, обученных сельскому хозяйству, можно принуждать по достижении ими 24-летнего возраста брать пустующие наделы в тех поместьях, к которым они приписаны.

§ 189. Если помещик в услугах детей подданных не нуждается, он не в праве отказывать им в выдаче письменного разрешения на службу в другом месте.

§ 190. Такие письменные разрешения действительны (если только не будет точно оговорен более продолжительный срок) лишь на 1 год. Но нельзя и отменять их до истечения года.

§ 191. Если находящийся в услужении на стороне подданный нуждается в продлении своего отпуска, он должен известить о том заблаговременно и представить помещику на этот предмет объяснения.

§ 195. Помещик может принуждать детей подданных итти к нему в услужение не ранее достижения ими возраста и физической силы, необходимых для выполнения того рода службы, какая от них потребуется.

§ 196. Тех из детей подданных, которые нужны родителям в их собственном хозяйстве, как работники и работницы, надлежит оставлять у родителей.

§ 197. В таком случае подданному землевладельцу предоставляется выбирать, кого из своих детей он желает оставить дома.

§ 198. Сыновья, состоящие на военной службе и находящиеся у своих родителей в отпуску, не могут считаться за детей, обслуживающих домашнее хозяйство.

§ 200. Единственного сына или единственную дочь нельзя брать у родителей даже тогда, когда они являются лишними в хозяйстве.

§ 201. Если подданный лишится помощи оставленных ему для нужд его собственного хозяйства сына или дочери, он может по окончании текущего года услужения потребовать обратно сына или дочь, состоящих на службе у помещика.

§ 202. То же самое должно иметь место в том случае, если один из родителей вследствие какого-либо несчастного случая сделается неработоспособным.

§ 204. Установленное Положением о дворне вознаграждение, а также до сих пор практиковавшееся в той или иной местности довольствие дворне не могут быть уменьшаемы по усмотрению помещика.

§ 205. Простое изменение в порядке положенного харчевания возможно с согласия большинства сидящих на земле хозяев деревни.

§ 206. Там, где служба в дворне не определена известным количеством лет, дети подданных должны нести ее до тех пор, пока не представится им возможность принять двор или же заключить брак, с чем служба в дворне не совместима.

§ 207. Помещик никоим образом не может запретить подданным, обязанным неопределенною службою в дворне, воспользоваться этой возможностью только потому, что они в дворне еще не служили. Не может он также требовать от них возмещения за то, что они не справили службы.

§ 208. Если же служба подданных в дворне определена известным количеством лет, то зависит от усмотрения помещика, в какое время требовать от них отправления этой службы.

§ 209. Но и в этом случае помещик не может лишать таких детей возможности обзаводиться собственным хозяйством принятием двора или заключением брака только потому, что они еще не отслужили положенных лет в дворне; не может он требовать и возмещения за неотслуженные годы.

§ 210. Если кто-либо из таких детей пожелает освободиться от обязательств, вытекающих из отношений подданства, он должен по выбору помещика либо поставить служить за себя в остающиеся годы другого работоспособного человека, либо возместить разницу между установленной Положением о дворне платой дворовому и свободнонаемному рабочему.

§ 211. В тех местностях, где определенные годы услужения обычно заменяются денежной платой за службу, помещик в праве требовать службы натурою, и нельзя понуждать его принимать деньги за службу.

§ 212. Но и помещик не может понуждать подданного, в случае готовности с его стороны справлять службу натурою, вносить денежную плату за службу.

§ 213. Если же помещик и подданный придут друг с другом к соглашению относительно уплаты денег за службу, то там, где этот обычай вошел в практику, никакое третье лицо протестовать против него не имеет права.

§ 216. Начатый год услужения дворовый человек во всяком случае должен довести до конца, и помещик не может понуждать коголибо другого быть ему заместителем.

§ 227. Ленивую, неподчиняющуюся порядку и строптивую дворню помещик может понуждать к выполнению долга умеренными наказаниями. Эго право он может передавать своим арендаторам и служащим по хозяйству.

§ 229. Однако эти наказания не должны грозить опасностью здоровью, а тем более жизни дворовых.

Прибавление, § *105*. Наказание палками по закону не полагается. Разрешается применение ременной плети, именно умеренное число ударов по спине через платье.

§ 230. Помещик также должен воздерживаться от наказаний, оскорбляющих стыд, особенно когда дело идет о дворне женского пола.

§ 231. Такого рода жестокости по отношению к подданным (§§ 229 — 230) должны быть наказуемы согласно предписаниям уголовных законов; кроме того, потерпевшие должны получать соответствующее удовлетворение.

§ 232. Сидящих на земле хозяев с их женами, в случае, если при выполнении бесспорных барщинных служб они проявят противление, упорную лень, злостную небрежность или по-другому как провинятся, помещик может понуждать к исполнению их обязанностей тюремным заключением или принудительными работами.

§ 233. Если провинность такова, что помещик найдет достаточным наказать за нее тюремным заключением на срок не более 48 часов, то он может ограничиться привлечением к расследованию дела лишь деревенского суда.

§ 234. Но если потом, по заявлению наказанного таким образом подданного, будет иметь место расследование со стороны земской юстиц-коллегии, и если это расследование выяснит, что наказание было наложено незаконно, помещик должен полностью возместить подданному вред и сверх того понести кару за злоупотребление властью по уголовным законам.

§ 235. Если помещик найдет нужным подвергнуть подданного лишению свободы на более долгий срок или же наложить на него иное наказание, он должен предоставить расследование и приговор земскому судье.

§ 236. Если земский судья приговорит к восьмидневному или меньшему аресту, либо к принудительным работам на тот же срок, его решение обжалованию не подлежит.

§ 238. Если же земский судья подвергнет наказанию на более долгий срок или более суровому, чем это указано в § 236, его приговор можно обжаловать в высшей судебной инстанции.

§ 239. О том, как надлежит действовать в случае, если подданные будут оказывать помещику или его служащим сопротивление, сказано в уголовном законодательстве.

Отдел пятый.

О правах и обязанностях подданных в отношении их имущества.

§ 240. Подданные могут, подобно прочим гражданам государства, приобретать свободное имущество и владеть им.

§ 241. Подданные не имеют права брать на себя без разрешения помещика такие личные обязательства, которые могли бы помешать им выполнять службы в пользу помещика.

§ 242. Поэтому они не могут подлежать личному аресту за долги, на которые помещик не давал своего разрешения.

§ 244. Шинкари и трактирщики не должны отпускать деревенской дворне, если не будет на то разрешения от помещика, напитки и съестное в долг, под страхом потерять его, а лишь за наличные деньги.

§ 245. Они не должны также, под страхом тюремного заключения и принудительных работ, принимать от таких людей продукты и одежду в качестве платы.

§ 246. По общему правилу, если только местными провинциальными законами и распорядками или иначе не установлено противного, сидящих на земле подданных надлежит считать настоящими собственниками их дворов и наделов, и в надлежащих случаях они должны быть рассматриваемы именно как таковые.

§ 247. Но они не могут без разрешения помещика ни отчуждать этих наделов, ни меною или иным способом отторжения принадлежащей к ним недвижимости ослаблять их.

§ 249. Также и для отдачи недвижимости в залог необходимо согласие помещика.

§ 259. Помещик может отказать в разрешении на отчуждение надела в пользу другого владельца в том случае, когда этот последний не обладает достаточным имуществом и достаточными способностями для того, чтобы вести надлежащим образом хозяйство и справлять барщину.

§ 260. Равным образом и в том случае, когда новый владелец известен своею бесхозяйственностью, ленью, распутством или строптивостью.

§ 267. Как и прочие граждане государства, подданный может распоряжаться своею собственностью путем завещания.

§ 268. Он может распорядиться, к кому из детей должен перейти его надел.

§ 271. В случае отсутствия завещания, на подданных распространяются общие нормы законодательства о наследовании.

§ 274. Наследнику, вступающему во владение наделом по воле завещателя или по законодательным нормам о наследовании, помещик может отказать в передаче этого надела в силу тех же оснований, на каких он может протестовать против отчуждения надела в пользу нового владельца (§§ 259 — 260).

§ 277 Если в силу завещания или закона надел должен перейти не к подданному помещика, то, хотя бы наследник и соглашался признать себя подданным помещика, последний в праве отвести его от наследования.

§ 287. Без уважительных причин и судебного решения помещик не имеет права согнать подданного с его собственного надела.

§ 288. Но подданного можно заставить продать надел, если он разоряет этот надел и относящийся к нему инвентарь нерадивым ведением своего хозяйства.

§ 289. То же может иметь место, если подданный грубо нарушит следуемое помещику уважение, провинившись злостной строптивостью, подстрекательством своих односельчан или умышленными проступками против помещика.

§ 290. Равным образом и тогда, когда подданный обнаруживает явную склонность к воровству и другим угрожающим неприкосновенности собственности преступлениям, или же зазорным поведением сеет в общине явный соблазн и не может быть исправлен наложением на него более легких взысканий.

§ 293. Если подданный по престарелому возрасту или вследствие неизлечимой болезни окажется не в состоянии надлежащим образом вести свое хозяйство, помещик в праве заставить его передать надел другому работоспособному хозяину.

§ 294. Но в таком случае надлежит позаботиться о предоставлении прежнему хозяину средств к жизни сообразно его потребностям, и если есть у него дети, обеспечить за ними надел, насколько это возможно.

§ 297. Подданный, если его понудят в силу вышеприведенных оснований продать надел, тем самым от личного подданства отнюдь не освобождается.

§ 298. Если состоящие во владении подданных наделы являются собственностью помещика и предоставлены им не в срочную или наследственную аренду, а отданы для обработки и пользования без обозначения срока, в таком случае права подданных в отношении этих наделов должны определяться положениями 1 части 21 статьи 4 отдела.

§ 300. Подданный землевладелец этой категории не имеет права оставлять свой двор без особого разрешения на то помещика.

§ 301. Но ему нельзя отказывать в этом разрешении, если он сможет представить помещику достойного хозяина для приема надела.

§ 304. Владельцев арендных земель надлежит считать сообразно смыслу их договоров либо наследственными, либо срочными арендаторами.

§ 305. Сомнительные случаи владения надлежит рассматривать при этом как наследственную аренду.

§ 306. То обстоятельство, что оброк, платимый подданным землевладельцем помещику за пользование наделом, носит наименование наследственного чинша, отнюдь еще не может служить доказательством того, что и самый надел является наследственною чиншевою собственностью в правовом смысле.

§ 307. Подданных арендаторов и наследственных чиншевиков можно понуждать по суду оставлять и продавать их дворы и связанные с ними полезные права на тех же основаниях, что и собственников.

Отдел шестой.

О барщине подданных.

Для каких целей должна быть справляема барщина.

§ 308. Барщина (Dienste), которую обязаны справлять подданные в пользу помещика (Herrschaft), имеет целью обработку и хозяйственное обслуживание барских имений.

§ 309. Нельзя принуждать подданных нести барщину и на других землях, как это велось до сего времени.

§ 310. Если не может быть установлено, в каком барском имении или барской мызе (Vorwerke) подданные, платившие до сих пор деньги за барщину (Dienstgeld), должны нести барщинные службы, они могут быть принуждаемы к этому лишь в пределах своей деревни или ближайших к ней мыз, где можно применять барщину.

§ 311. По общему правилу обязанные барщиной подданные должны справлять всякого рода конные и пешие работы (alle Arten von Fuhren und Handarbeiten), потребные для нужд сельского хозяйства барских имений.

§ 312. Другие же работы, в особенности такие, какие касаются не обычного для данной местности производства (Fabrication) или торговли, подданные в качестве дворовой барщины (im Hofedienste) справлять не обязаны.

§ 313. Впрочем, там, где уже во время обнародования настоящего Земского Уложения, подданные ... должны были нести и такого рода барщинные службы, пусть это и впредь так остается.

О возможной фиксации барщины

§ 314. Все виды дворовой барщины впредь должны быть по возможности определены временем, местом, мерою или весом.

§ 315. При точной фиксации неопределенной (немереной) барщины надлежит принимать во внимание не только нужды барского имения, обработка которого является обязанностью подданных, но и нужды собственного их хозяйства.

§ 317. Помещик не обязан фиксировать те неопределенные до сих пор барщины, какие относятся не к обычным хозяйственным работам в имении, а требуются лишь при чрезвычайных обстоятельствах или в особенных случаях.

§ 318. Поэтому неопределенную барщину по постройкам (Baudienste) ни в каком случае нельзя обращать в определенную вопреки воле помещика.

§ 319. При фиксации и распределении барщины необходимо оставлять подданным достаточно времени для обслуживания их собственного хозяйства и удовлетворения их собственных потребностей.

§ 320. В случае, если при фиксации неопределенной барщины возникнут споры, должны быть вызваны с той и другой стороны представители, знающие дело, и с их мнением земский судья должен считаться. Преимущественно этим мнением ему и надлежит руководствоваться при решении.

О конной барщине.

§ 323. Кто из подданных обязан нести конную барщину (Spanndienste), какой при этом должен быть рабочий скот и сколько его, все это определяется местными установлениями.

§ 324. Отступать от этих установлений ни одна сторона без согласия другой не имеет права.

§ 325. В сомнительных случаях надлежит исходить из предположения, что крестьяне должны справлять барщину с лошадьми.

§ 326. Подданных, у которых нет рабочего скота для обработки их собственных земельных наделов, нельзя принуждать к отправлению конной барщины на помещика.

О фиксировании барщинных дней.

§ 328. Там, где барщина определена известными днями недели или года, зависит от помещика, какие дни недели заблагорассудится ему выбрать для справления барщины.

§ 329. Праздники, определенные земскими узаконениями, имеют силу наравне с воскресеньями.

§ 330. Подданные не могут отказываться нести барщину, если в ней будет надобность, в праздники, отмененные земскими узаконениями.

§ 331. Однако там, где подданные обязаны справлять барщину ежедневно, они могут не ходить на барский двор (исключая время уборки хлеба) в один из трех так называемых великих праздников, в великий четверг и в три дня покаяния.

§ 332. По обычаю полагается накануне с вечера оповещать подданных о том, какая на следующий день предстоит им работа.

§ 333. Однако в непредвиденных случаях помещик может на следующее утро намеченные работы распределить по-другому, или даже совсем отменить их.

§ 334. Но если подданный фактически уже начал отправлять барщину тем, что выехал со своим рабочим скотом или как по-другому, то в случае, если начатую работу продолжать не надо, надлежит либо указать ему другую работу, либо уже начатую зачесть в ту барщину, какая с него полагается.

§ 335. Если подданный будет отпущен домой до обеда, то надлежит засчитывать ему половину барщинного дня, а если уже при начале послеобеденной работы, надлежит засчитывать барщинный день целиком.

§ 336. А где заведено распределять и засчитывать работу по упряжкам (Gespann), там каждая упряжка, если она начала работу, должна засчитываться за целую.

§ 338. Если начатая работа будет прервана по вине подданного, то оставшиеся в недоимке часы он должен потом отработать.

§ 339. Неистребованная в течение положенного времени еженедельная конная барщина может быть потом истребована лишь в течение недельного, а неистребованная пешая барщина — в течение лишь двухнедельного срока.

§ 340. Если обычная дворовая барщина занимает более трех дней в неделю, можно требовать за старое справления лишь одного дня барщины в неделю.

§ 341. Нельзя требовать работы в счет пропущенной конной барщины, когда нужда в работе у подданного такая же, как и у помещика.

§ 342. Также и во время уборки хлеба, когда подданный еще не управился со своим урожаем, помещик не может требовать от него пропущенных подвод, которые нужны самому подданному в это время.

§ 343. Ни в каком случае нельзя требовать справления подданными барщины в счет будущего времени против их воли.

О барщине, измеряемой мерами поля.

§ 344. Если конная барщина подданных измеряется определенною мерою поля или луга, она должна быть выполняема в надлежащее время года, и притом так, как это принято в правильно поставленном хозяйстве.

§ 345. То же самое надлежит соблюдать и тогда, когда дворовая барщина (Hofedienste) подданных измеряется обработкою известного участка поля или луга.

§ 346. И в таких случаях подданные обязаны следовать при выполнении работ указаниям помещика, и могут им быть к этому принуждаемы.

§ 347. В случае, если обработка будет признана небрежной и недостаточной, она должна быть тотчас же, без возражений и без отнесения в счет обычной дворовой барщины, выполнена вновь в лучшем виде.

О барщине, измеряемой и временем, и мерою поля.

§ 348. Если барщина подданных частью определена известным количеством дней, частью — известною мерою поля или луга, частью же — известным количеством подвод, при всех означенных видах барщинных служб надлежит соблюдать вышеизложенные постановления.

О ручных работах подданных, обязанных конною барщиной.

§ 349. При отправлении конной барщины надлежит ставить, кроме рабочего скота, еще нужных для управления повозкою, плугом и бороною людей.

§ 350. Они должны помогать и при обработке поля, и при нагрузке и разгрузке повозок.

§ 352. Если обязанный конной барщиной подданный должен еще ставить одно или нескольких лиц для особых ручных работ, нельзя... требовать справления обоих видов барщины одновременно.

§ 353. Подданному предоставляется право либо самолично справлять дворовые работы, либо через посредство годных работников и работоспособных детей.

§ 354. Мужские барщинные дни не могут быть обслуживаемы женщинами или девушками; равным образом так называемые женские дни — лицами мужского пола.

§ 356. Подданные, которые освобождены от обычной дворовой работы и взамен этого обязаны лишь определенными днями работы в году, должны без возражений справлять эти работы тогда, когда более всего в них помещик нуждается.

§ 357. То же касается и так называемых добавочных дней (Beitagen), которые справляются некоторыми подданными помимо обычной дворовой работы.

О сельскохозяйственных орудиях.

§ 358. Подданные должны приносить с собой на барщину исправные сельскохозяйственные орудия, которые или специально содержатся ими для работы на барском дворе, или же употребляются для работ того же порядка в их собственном хозяйстве.

§ 359. Если подданный обязан справлять такого рода работы, каких в собственном своем хозяйстве он не выполняет, то потребными для этой работы орудиями должен снабжать его помещик.

§ 360. Лишь в тех случаях, когда он умышленно или по непростительной небрежности эти орудия испортит, с него взыскивается причиненный таким образом вред.

О начале и конце рабочего дня.

§ 361. Там, где местные обычаи не дают других указаний, подданный с 15 апреля до конца августа должен выходить на барщину в 5 часов утра, в прочее же время года — с восходом солнца. Никогда он не должен оканчивать барщины ранее захода солнца.

§ 362. Но при таком определении времени надо по справедливости принимать во внимание расстояние местности, где надлежит справлять барщину, от местожительства подданного.

О часах отдыха.

§ 363. И при конной и при пешей барщине подданному должны быть предоставляемы обычные в каждой местности часы отдыха для завтрака, обеда и полдника.

§ 364. Там, где местный обычай не устанавливает для этого определенного времени, надлежит предоставлять подданным при конной барщине на завтрак 1 свободный час, на обед 2 часа и на полдник 1 час, при пешей же барщине во всех трех случаях по 1 часу. [5]

§ 365. В зимнее время — с 21 сентября до 21 марта — свободных часов для завтрака и полдника не полагается.

О барщине по постройкам.

§ 369. Барщина по постройкам (Baudienste) по общему правилу должна быть справляема подданными сверх обычной дворовой барщины.

§ 370. Подданные обязаны нести ее как при возведении новых, так и при восстановлении и починке старых строений.

§ 371. Но они должны обслуживать этой барщиной лишь хозяйственные и необходимые жилые постройки имения, к которому приписаны.

§ 372. При этом безразлично, лежат ли означенные строения внутри рыцарского двора или вне его. Безразлично также, возводятся ли они на прежнем месте или на новом.

§ 373. К отправлению барщины по таким постройкам, которые служат потребностям роскоши и удовольствия, можно привлекать подданных не иначе, как в дни, определенные для обычной дворовой барщины.

§ 374. То же имеет силу и по отношению к постройкам, воздвигаемым для особых промыслов (Gewerbe), не имеющим отношения к сельскому хозяйству.

§ 375. В тех случаях, когда барщина по постройкам не определена точно, подданным вменяется в обязанность привозить все потребные для постройки материалы и орудия.

§ 376. Если помещик вздумает устроить при постройке печь для обжигания извести и кирпичей, подданные не имеют права отказываться привозить дрова для ее топки.

§ 377. Но они не обязаны при устройстве этих печей справлять особую барщину, помимо обычной.

§ 378. Подвоз камней и песка для хлевов и в места для складки навоза, а также дерева для колодезных срубов и помещений для перегноя (Düngerstellen) относится к барщине по постройкам.

§ 379. Напротив, привоз дерева и камней для садовых стен и заборов по общему правилу к разряду барщин по постройкам не относится.

§ 380. Подданные обязаны также привозить из леса нужные для постройки деревья, но они должны быть очищены от верхушек и сучьев.

§ 383. Строевой лес подданные должны брать в местах, указанных им помещиком.

§ 384. Однако никого нельзя принуждать ездить за строевым лесом и камнями разных родов на расстояние, превышающее 6 миль.

§ 385. Другие строительные материалы подданные обязаны привозить и с бо̀льшего расстояния, если их нельзя достать ближе.

§ 387. Подданные не могут отказываться привозить строительные материалы, указанные им помещиком, с расстояния в 6 миль, хотя их можно было бы достать и ближе, но худшего качества или слишком по дорогой цене.

§ 388. Ближние материалы надлежит считать слишком дорогими тогда, когда они на $^1/_4$ или более стоят дороже материалов отдаленных.

§ 389. Лучшее качество отдаленного строительного материала не дает права помещику требовать от подданных справления подвод на дальнее расстояние, раз пригодны строительные материалы, какие можно достать поближе.

§ 393. Помещик должен требовать справления следуемой ему барщины по постройкам с таким расчетом, чтобы не было при этом разорения хозяйству подданных.

§ 395. Барщина по постройкам должна также справляться подданными при возведении и исправлении строений на крестьянских усадьбах, так как поддержание этих строений по общепринятым местным установлениям является обязанностью помещика.

О лесной барщине.

§ 396 Лесную барщину (Forstdienste) по общему правилу следует относить к обычной, в определенные дни справляемой дворовой барщинной службе.

§ 397. Поэтому подданные, барщина которых еще не определена, по общему правилу нести лесную барщину не обязаны.

§ 398. Какую барщину должны еще нести подданные при охоте, это определяется законами каждой отдельной провинции, сообразно особенностям ее учреждений.

О рыночных подводах.

§ 399. К обычным дворовым службам обязанных конною барщиною подданных относится также перевозка всевозможных продуктов того имения, к которому они приписаны, будут ли то продукты полевого хозяйства и садоводства, или же скот. Равным образом на их обязанности лежит и привоз всего того, что нужно для потребностей этого хозяйства.

О подводах для разъездов.

§ 400. Если подданные обязаны, сверх обычной дворовой барщины, поставлять еще неопределенное количество подвод для разъездов (Reisefuhren), они должны справлять эти подводы для помещика, его законной жены и проживающих в его доме детей.

§ 401. Не должны они также отказывать в подводах для привоза и отвоза лекаря, хирурга, акушера и повивальной бабки.

§ 404. Как при этих чрезвычайных, так и при обычных, справляемых в качестве дворовой барщины подводах, когда требуется выезд за пределы поместья, определение того, на какое расстояние справлять эти подводы, сколько миль пути приравнивать к одному дню дворовой барщины, сколько поклажи обязан брать подданный и т. д., — все это зависит от местных установлений и должно быть точнее определено в провинциальных законах.

О возвращении обратно с поклажею

§ 406. Когда обязанным конною барщиной подданным приходится справлять подводы, с выездом за пределы поместья, они должны при возвращении обратно брать для помещика поклажу.

§ 407. Если поклажа при обратной подводе составляет половину полной нагрузки и менее, ничего за это подданным в барщину не зачитывается.

§ 408. Если же поклажа при обратной подводе составляет более половины полной нагрузки, или если подданному приходится ожидать ее более полдня, то ему следует зачесть в число положенных барщинных дней за обратную подводу столько же, сколько и за подводу по месту назначения.

§ 409. Подданный ни в каком случае не обязан дожидаться при обратной подводе поклажи более суток.

О ходьбе посыльными.

§ 410. Повинность ходить посыльными по барским делам обычно возлагается лишь на тех подданных, которые не должны нести конную барщину.

§ 411. Ходьба посыльными по общему правилу относится к разряду чрезвычайных барщин. Но никак нельзя требовать потом отбывания обычных барщинных дней, пропущенных из-за отлучки при справлении этой посыльной повинности.

§ 412. Если подданный прождет ответа там, куда его отправят посыльным, более полдня, то это время надлежит засчитывать в дни следуемой с него барщины.

§ 413. Посыльный обязан носить с собою при справлении барщины от 15 до 19 фунтов, а при дальнем расстоянии, когда он едва успеет вернуться в тот же день, — от 10 до 12 фунтов.

§ 414. Поклажу, какую можно доставить лишь на тачке, по общему правилу посыльные брать с собой не обязаны.

§ 415. Там же, где они обязаны это делать, поклажа никак не должна весить более 50 — 60 фунтов.

О барщине во время посева и жатвы.

§ 417. Во время посева и жатвы нельзя, кроме случаев крайней необходимости, требовать от подданных справления чрезвычайных барщин, которые они обязаны нести сверх обычной дворовой работы; в особенности нельзя в это время требовать барщины по постройкам.

§ 418. Посевный сезон надлежит считать в 4, жатвенный в 6 недель.

О вознаграждении при барщинных службах.

§ 419. Определение того, что следует подданным в качестве вознаграждения за барщину, а также и того, какое довольствие надо давать людям и рабочему скоту, предоставляется местным установлениям и провинциальным законам.

§ 420. Во всяком случае надлежит возмещать подданным таможенные, подорожные, мостовые и проездные деньги; если же барщина

захватывает и ночное время, то при конной барщине — также плату за постой, при ходьбе посыльными — за ночлег, а равно и прочие чрезвычайные расходы этого рода.

О переводе барщины на денежный оброк.

§ 421. Помещики могут по соглашению с подданными переводить натуральные службы на денежные оброки, а также обращать неопределенные барщины всякого рода в определенные.

§ 422. Однако при этом необходимо согласие всех заинтересованных лиц, так как подобного рода изменения в порядке барщинных служб одних подданных могут повести к увеличению неопределенных повинностей других.

§ 423. Там, где каждый подданный справляет определенную барщину, для перевода ее на денежный или другие оброки достаточно соглашения с отдельными подданными, согласия же прочих не требуется.

§ 424. Если подданный обязан либо натуральной барщиной, либо оброком, помещику предоставляется на выбор требовать то или другое.

§ 425. Однако в случае, если он пожелает уклониться от прежней практики, ему следует дождаться начала нового хозяйственного года и известить о своем желании подданных в течение первых трех месяцев предыдущего года.

§ 426. То же должны соблюдать и подданные, если им предоставляется выбирать, платить ли за барщину оброк, или же отправлять барщину в натуре.

§ 427. Если помещик письменно договорился с подданными относительно денежного оброка, то так это впредь и должно оставаться согласно содержанию договора.

§ 430. Если подданные уже в течение 15 лет натуральной барщины не несли, а платили за нее денежный оброк, то и впредь пусть это так остается.

Об отсрочках барщинной службы.

§ 432. Если подданный должен нести службу в пользу государства и вследствие этого барщину помещику справлять не может, он на это время от барщины освобождается. Однако она должна быть справлена им потом — в течение ближайших дней или ближайшей недели.

§ 433. То же самое надлежит соблюдать и тогда, когда подданный нести барщину помещику вследствие справления службы на пользу общины (Gemeinarbeit) временно оказывается не в состоянии.

§ 434. Но требованием этой барщины за прошлое нельзя лишать подданных возможности вести их собственное хозяйство.

Об освобождении от барщинной службы.

§ 435. Если жилые или хозяйственные постройки подданного потерпят значительный ущерб от пожара и если помещик не возьмет на себя заботу о восстановлении этих построек, подданный может требовать соответствующей сбавки барщинной службы.

§ 439. При потерях из-за несчастных случаев в рабочем скоте подданный может добиваться сбавки конной барщины лишь на то время, какое потребуется на восстановление этой убыли.

§ 440. Если подданный не в состоянии справлять барщину по собственной болезни или по болезни своих семейных, помещик не может требовать справления этой барщины после.

§ 441. Однако в таком случае обязанный конной барщиной подданный не может отказывать в предоставлении своего рабочего скота для барщинной службы помещику.

§ 442. Жена обязанного барщиной подданного освобождается после родов от лежащей на ней барщинной службы на 6 недель.

§ 443. В случае смерти хозяина или хозяйки, в течение 8 дней нельзя требовать с крестьянского двора никакой барщинной службы.

О тех случаях, когда нести барщину невозможно.

§ 444. Домогаться полной отмены положенной барщины, со ссылкою на невозможность нести ее, подданные могут в том только случае, когда вследствие какого-либо несчастья, стихийной силы (höhere Gewalt) или притязаний третьего лица они лишаются части своего участка или полезных прав, к нему относящихся.

§ 445. Равным образом и тогда, когда в силу таких несчастных случаев участки совсем или частично становятся непригодными для обычной, до той поры практиковавшейся сельскохозяйственной культуры.

§ 446. Если заявление о невозможности нести барщину обосновано ссылкою на эти обстоятельства, то должно быть выяснено экспертизою, насколько уменьшилась доходность участка из-за несчастного случая.

§ 447. В таком случае помещику предоставляется или восстановить прежнюю доходность путем наделения подданного другими реальными благами, или же согласиться на сбавку барщинной службы соответственно происшедшему ухудшению.

§ 448. Если помещик будет утверждать, что подданные, несмотря на понесенный ими ущерб, все же в состоянии справлять положенные барщинные службы, ему предоставляется доказывать это либо путем ближайшего обследования настоящего качества крестьянского надела, либо путем сравнения его с другими наделами, несущими такие же барщины.

§ 449. Если помещик выберет первый способ доказательства, то надлежит установить, может ли надел дать при обычной его обработке урожай, достаточный для прокормления владельца и его семьи, а также для содержания необходимого в хозяйстве скота и рабочих.

§ 450. А равно и следующее: останется ли владельцу в случае, если его заставить справлять барщину в прежнем размере, достаточно времени для того, чтобы надлежащим образом вести хозяйство и вместе с тем нести повинности государственные и общинные.

§ 451. При этом вычислении времени надлежит обращать внимание и на следующее: требуется ли подданному, и если требуется, то сколько

времени для того, чтобы найденную недостаточной доходность участка восполнить добавочным заработком, и насколько в данной местности этот добавочный заработок возможен.

§ 452. На основании того, что будет таким образом выяснено, а также на основании данных тщательного обследования через присяжную экспертизу, судья должен решить: обязан ли помещик сложить часть обычной барщинной службы, и если обязан, то в какой мере.

§ 453. Если же помещик предпочтет способ доказательства через сравнение, то ему предоставляется указать те наделы, с какими должно произвести это сравнение.

§ 454. В таком случае надлежит установить: действительно ли эти указанные помещиком наделы равны как в отношении барщин и прочих повинностей, так в отношении объема и качества имеющихся при них полезных реальных благ (nutzbaren Realitäten) тем, для которых испрашиваются льготы.

§ 456. Если судья на основании данных экспертизы найдет, что годные для сравнения и несущие те же самые барщинные службы наделы — того же или даже еще худшего качества, то заявление о невозможности нести барщину должно быть отвергнуто, как недостаточно обоснованное.

§ 457. Но если окажется, что несущие равные барщинные службы наделы — лучшего качества, то помещик должен либо улучшить наделы, для которых испрашивается льгота, так, чтобы они уподобились взятым для сравнения, либо же сбавить их барщинные службы в соответствии с худшим их качеством.

§ 458. Если вследствие расширения и улучшения барского хозяйства неопределенные барщины подданных возрастут настолько, что им не будет оставаться времени, необходимого для обслуживания собственного хозяйства, помещик обязан в соответствии с произведенным им расширением своего хозяйства расширить и свое участие по его обслуживанию собственными упряжками или наемными рабочими.

§ 459. Вышеприведенные предписания (§§ 444 — 458) имеют силу и тогда, когда наделы подданных принадлежат не им, а являются собственностью помещика.

§ 460. В случае, если помещик не согласится вести с подданным этой категории процесса по поводу поданного им заявления о невозможности справлять барщину, ему предоставляется право отобрать участок.

§ 462. Если подданный является только срочным арендатором, то его право требовать льготы по справлению барщины определяется содержанием договора, а затем общими законами об аренде.

О спорах относительно барщины.

§ 463. Если возникнут споры о барщинных службах, то до решения дела по суду подданные должны продолжать нести те же самые барщины, какие несли они согласно указаниям помещика, без письменных условий, в предшествующем году.

§ 464. Барщина по постройкам и другие барщины, исполняемые не ежегодно, должны быть справляемы во все время процесса, пока он

не будет окончен сообразно провинциальному, а если последнее ничего на этот счет не содержит, — Общеземскому Уложению.

§ 465. Против такого справления спорных барщинных служб на прежних основаниях подданные ни в коем случае не могут протестовать, основываясь на том, что об этих барщинных службах ничего не говорится в прежних договорах или урбариях.

§ 467. Если в результате процесса окажется, что помещик требовал спорные барщинные службы несправедливо, он обязан вознаградить за них подданных вдвойне по сравнению с обычной местной правительственною оценкой, и притом считая со времени первой подачи протеста.

§ 468. При подаче заявления о невозможности справлять барщину подданные должны нести положенные барщинные службы лишь до решения дела в первой инстанции.

§ 469. Решение первой инстанции должно действовать до тех пор, пока не состоится иного судебного решения.

§ 470. Если судебное решение признает льготу по барщине, помещик должен возместить подданным тот ущерб, который пришлось претерпеть им во время процесса вследствие справления барщины и упущений в хозяйстве.

§ 471. Владельцы обязанных барщиною крестьянских участков, если они и не являются личными подданными, в отношении следуемых с их участков в пользу помещика барщин и платежей должны быть рассматриваемы судом наравне с подданными-землевладельцами.

Отдел седьмой.

Об оброках и платежах подданных.

Общие положения.

§ 472. Земельные оброки и прочие платежи, которые платят подданные помещику с своих наделов, впредь, как и барщина, должны быть возможно точнее определяемы урбариями или записями купли и приема участков.

§ 473. Нельзя исходить из предположения, что подданные сверх определенных так или иначе платежей должны еще нести в пользу помещика и многие другие.

О натуральных платежах.

§ 474. Если помещику следует часть (pars quota) известных продуктов, будет ли называться это десятиною или как по-другому, в таком случае должны применяться предписания относительно права на десятину.

§ 475. Платежи, состоящие из определенного количества плодов или других натуральных продуктов, должны быть платимы и принимаемы в чистом виде, без примеси, как они получены на оброчном участке.

§ 476. Если натуральные платежи подданного из года в год остаются неизменными, он должен вносить за них установившуюся к сроку платежа среднюю цену ближайшего городского рынка.

О денежных оброках.

§ 477. В случае, если денежные платежи не будут внесены в установленный срок, подданные должны платить проценты за промедление (Zögerungs-Zinsen).

§ 482. Денежные оброки должны быть вносимы и принимаемы в той монете, в какой подданные платят государственные налоги.

§ 483. Если будет введена более легковесная монета, то при определении как вновь устанавливаемых, так и установленных уже оброков, надлежит руководствоваться современным чеканом.

Отдел восьмой.

О выходе из состояния подданства.

§ 495. В случае, если кто будет добиваться выхода из состояния подданства (Entlassung aus der Unterthänigkeit), должен договариваться о том с своим помещиком.

§ 496. Лишь действительный собственник имения, не залогодержатель и не обладатель простых прав пользования, может давать вольную подданным.

§ 498. Помещик никоим образом не может давать вольную подданному, если последний предварительно с достаточною убедительностью не покажет, чем он впредь будет снискивать себе пропитание.

§ 499. Если помещик этого предписания не выполнит и получивший вольную подданный будет в тягость для общества, как нищий или бродяга, ответственность за то падет на помещика, как если бы получивший вольную продолжал оставаться его подданным.

§ 500. Основания к выходу из состояния подданства должны быть ясно обозначены в вольной.

§ 501. Если выставленные подданным и записанные в вольную основания к выходу из состояния подданства окажутся ложными и придуманными, вольная теряет свою силу.

§ 502. При этом хотя выкупные деньги и подлежат возвращению, но в наказание подданного за его обман они поступают в деревенскую кассу для бедных.

§ 503. Нельзя отказывать в выдаче вольной еще не севшему на землю подданному, если он с разрешения помещика и не на его средства обучится таким наукам, искусствам или промыслам, какие не дают ему возможности снискивать пропитание на месте.

§ 505. Не осевший еще на землю подданный может добиваться выдачи вольной в том случае, если ему предоставляется возможность устроить свою судьбу поступлением на какую-либо городскую, церковную или школьную должность.

§ 506. Не может помещик отказывать в выдаче вольной и тогда, когда не осевшему на землю, но уже совершеннолетнему подданному представляется возможность осесть на землю в другом месте.

§ 507. Но если помещик сможет отвести такому подданному двор в пределах тех поместий, по отношению к которым последний обязан отношениями подданства, то он должен либо принять двор, либо, если

он все же пожелает получить вольную, подыскать для этого двора другого годного и приемлемого хозяина.

§ 511. Если помещик сможет отвести для подданного двор не в том, по отношению к которому он обязан отношениями подданства, а в другом своем поместьи того же округа, подданный обязан предпочесть этот последний двор всем остальным.

§ 514. Принудительно сажать подданного на двор в другом округе помещик не имеет права.

§ 515. Не имеет также помещик права принуждать подданного брать двор в другом поместье, которому он не обязан отношениями подданства, и в том случае, если подданный может получить двор на стороне вследствие брака, но невеста его следовать за ним в другое поместье не согласна.

§ 516. Если подданный вступит вследствие брака во владение свободным от отношений личного подданства двором, который может прокормить его вместе с семейством, или если подданный улучшит свою участь тем, что получит доступ к отправлению городского ремесла, ему надлежит выдать вольную...

§ 517. То же должно иметь место и тогда, когда подданному представляется возможность получить вследствие брака обязанный отношениями подданства двор в другом поместьи, и невеста его итти на тот двор, который отводит ему теперешний его помещик, не согласна.

§ 518. Помимо приведенных случаев, брак подданного мужского пола не может служить основанием к просьбе о вольной.

§ 519. Подданной — женщине, если она может устроиться замужеством на стороне, помещик не имеет права отказывать в выдаче вольной.

§ 520. Подданный, по отношению к которому помещик допустил самовольную и беззаконную жестокость, может добиваться выдачи вольной без выкупа.

§ 521. Сидящий на земле хозяин, если он представит установленные § 498 доказательства и сможет подыскать для своего двора равного ему по качествам другого хозяина, тоже может добиваться и для себя и для своей жены выдачи вольной.

§ 522. Отпускать с родителями годных для услужения детей помещик обязан в том только случае, если семейство нового хозяина соответствующим образом возместит ему эту потерю.

§ 523. Если помещик удержит при себе детей несовершеннолетнего возраста, он должен либо принять их к себе в услужение, либо позаботиться об их пропитании и их судьбе как-нибудь по-другому.

§ 524. Помещик никоим образом не может задерживать при себе детей моложе 14-летнего возраста в случае ухода их родителей, помимо воли этих родителей.

§ 526. Детям уходящей на сторону вдовы помещик не обязан давать вольную наравне с матерью.

§ 528. Подданный, виновный в грубых проступках против помещика или его семьи, лишается права требовать вольную при каких бы то ни было обстоятельствах.

§ 531. Подробные правила о том, когда и сколько уходящий подданный должен платить за себя, за свою семью и за свое имущество выкупных и выездных денег (an Loslassungs-und Abzugsgelde), устанавливаются провинциальным законодательством.

§ 534. Военная служба подданного лишь временно прерывает, но не уничтожает состояния подданства.

§ 535. Если подданный продолжает в таком случае владеть обязанным отношениями подданства двором, он должен нести все связанные с этим владением барщины и платежи наравне с прочими подданными.

§ 536. Помещик не в праве препятствовать жене такого подданного следовать за ним по месту его квартирования.

§ 537. Отец может взять с собою также и детей, не достигших 14-летнего возраста.

§ 538. Отпускать к месту квартирования отца детей старше 14 лет помещик не обязан.

§ 540. Если состоящий на военной службе подданный оставляет ее, он по общему правилу вновь принимает на себя все те обязательства по отношению к помещику, какими был связан до поступления на военную службу.

§ 541. Но если он пожелает выйти из состояния подданства, уплативши за то установленный законом выкуп, помещик не имеет права ему в этом препятствовать.

§ 542. Если солдат устраивается при отставке на такой должности по гражданской части, какая не совместима с состоянием подданства, он получает вольную без выкупа.

§ 543. Если солдат по отставке снова возвращается к состоянию подданства, ему должны следовать в этом состоянии его жена и прижитые с ней во время солдатчины дети.

§ 546. Если вышедший в чистую отставку солдат сочетался во время своей солдатчины браком с свободной женщиной, то по смерти мужа она может требовать вольную без выкупа.

§ 547. Кантонист, если он примерным поведением достигнет на военной службе должности обер-офицера, тем самым вместе с семьей от всяких личных обязательств по отношению к своему бывшему помещику освобождается и поэтому в вольной не нуждается.

§ 548. Подданный, если он достигнет на военной службе должности фельдфебеля или вахмистра, получает вольную без выкупа.

II. ПРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ИЗОБРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННИКОВ.

1. О Прусском крестьянстве вообще.

[Krug Leopold, Über Leibeigenschaft oder Erbunterthänigkeit der Landwohner in den preussischen Staaten, Halle, 1798, S. 53 ff., 100 ff.] [6]

О положении деревенского простого народа в различных провинциях Прусского государства.

На основании вышеприведенных постановлений Общеземского Уложения [7] никоим образом нельзя судить о действительном состоянии и настоящем положении деревенского простого народа. В действи-

тельности в одних провинциях отношения этого класса людей к землевладельцам-дворянам менее для него тяжелы, в других более тяжелы по сравнению с тем, как определены они в вышеприведенных отделах Общеземского Уложения.

Поистине потребовалось бы кропотливое и долгое исследование, чтобы изучить эти отношения помещиков и подданных друг к другу на протяжении всего Прусского государства, так как каждая провинция имеет в данном случае свои собственные порядки, и даже в отдельных местностях, деревнях и дворянских имениях одной и той же провинции отношения эти крайне разнообразны. В небольшом обзоре невозможно представить их во всем их многообразии применительно ко всем местностям и провинциям. Я ограничусь здесь лишь более общим, и только для освещения целого буду при случае останавливаться на частном.

В восточной, западной, южной и ново-восточной Пруссии (Neuostpreussen) по общему правилу имеет место наследственное подданство (Erbunterthänigkeit) крестьян, определяемое приведенными в предшествующем отделе положениями. Однако было бы еще счастьем, если бы права помещиков не шли далее этих узаконенных положений: так как эти общие узаконения действительны лишь постольку, поскольку с ними не расходится законодательство отдельных провинций, это последнее, очевидно, лишь до тех пор не будет противоречить Общеземскому Уложению, пока прусские чины (Stände) в своих провинциальных уложениях будут руководствоваться побуждениями добродушия и добросердечия. В силу других законом освященных полномочий помещика последний имеет неограниченные права на все лежащие в пределах подвластной ему территории и состоящие под его юрисдикцией крестьянские и другие зависимые наделы. Крестьянин не имеет никаких наследственных прав на землю, которую обрабатывает. И всецело зависит от усмотрения помещика, оставить ли крестьянину его надел, или же передать этот надел в другие руки. Помещик волен либо сделать крестьянина поденщиком, либо наделить его бо̀льшим или меньшим наделом. От него же зависит либо взять крестьянских детей в работники, либо предоставить им обучаться ремеслам и т. п. Кроме того, помещику принадлежит еще право так называемого бичевания. [8]

В старых провинциях Прусской монархии исключение из этого общего правила о строгом наследственном подданстве составляют: крестьяне королевских доменов, на которых крепостное право совершенно отменено с 1719 г.; далее, владельцы так называемых кульмских участков (отчасти также магдебургских и прусских свободных участков) либо совсем не обязаны барщиной, либо обязаны определенною барщиной в малом размере; свободны также владельцы хатулькульмских участков (der Chatoulkölmischengüter), хатульских участков (der Chatoulgüter) и хатульских крестьянских участков (der Chatoulbauerngüter). Так называемые королевские крестьяне в свою очередь разделяются на барщинных и крупнооброчных крестьян (Schaarwerks (Dienst-) Bauern oder Hochzinser). Хотя крестьяне этих двух категорий не владеют своими наделами наследственно и в качестве соб-

ственников, но все же их нельзя сгонять с их дворов без достаточных оснований. Первых помещик снабжает скотом, лошадьми, сельско хозяйственным мертвым инвентарем, и они обязаны нести либо определенную, либо неопределенную барщину. Вторые платят, как это показывает самое их название, более высокий оброк, нежели первые, несут барщину в меньшем размере и обычно не получают от помещика скота и прочего. Некоторые из них... именуются ассекурантами или наследственно-свободными крестьянами (Assekuranten, oder auch Erbfreibauern) и могут, с разрешения палаты, отчуждать свои земли. Кроме того, здесь встречаются крестьяне-бортники (Beutnerbauern), занимающиеся главным образом бортничеством в королевских лесах. Они обычно владеют или малым количеством пахотной земли, или пахотною землею плохого качества; одни из них являются барщинными крестьянами, другие наследственными владельцами и собственниками своих наделов. Береговые крестьяне (Strandbauern) и крестьяне рыбаки (Fischerbauern) на побережье Балтийского моря почти совсем не владеют пахотною землею; у них имеются лишь огороды, и они платят ежегодный оброк за разрешение на рыбную ловлю. Береговые крестьяне обязаны также искать и поставлять янтарь. Крестьяне-рыбаки обязаны рубить в королевских лесах дрова и доставлять их.

Также и в отношении дворянских имений с их подданными (зависимыми) крестьянами встречаются здесь исключения, так как некоторые дворяне-землевладельцы отказались от своих прав по договору с подданными. Я могу назвать из таких дворян господина фон Гюльзена из Döhsen'a, который в 1791 г. уничтожил на своих землях крепостную зависимость подданных. Также и в южной Пруссии есть много дворянских земель (преимущественно в засечных местностях), обитатели которых не являются подданными помещиков. Само собой разумеется, что их надо искать только там, где осаживались немецкие колонисты, заключавшие с помещиками формальные договоры. Напр., в округе Bomst имеется 2 500 семейств крестьян, которые, не будучи подданными, обязаны помещику только барщиной, да и ту во многих местах они перевели на денежный оброк, обычно в размере 12 талеров и 1 шеффеля овса с каждой гуфы. Впрочем, и здесь местами встречается неопределенная барщина, которая, вероятно, теперь уже заменена определенною. Все это, однако, не касается коренных местных жителей южной Пруссии и ново-восточной Пруссии, которые, как это хорошо известно, стоят на низших ступенях хозяйственного и духовного развития.

Кроме землевладельцев и крестьян, встречаются еще в сельских местностях Пруссии огородники (Gärtner) и инсты (Instleute), у которых нет ни собственных домов, ни полей. И то и другое они снимают в наем, — по крайней мере, на три года. Первые обязаны за известное денежное вознаграждение и определенный хлебный паек (Deputatgetreide) ежедневною барщиною либо помещику, либо — на королевских землях — королевскому управляющему. Вторые вносят определенную плату за наем (Miethe) и, кроме того, обязаны несколькими днями барщины королевскому либо дворянскому имению, или же хозяину, у которого проживают. Так называемые Eigenkäthner — сельские

жители, которые строят на крестьянской земле (обычно на деревенском выгоне) небольшие хижины и получают землю на несколько шеффелей посева. Они владеют недвижимостью по договору, являются свободными людьми и могут свободно распоряжаться своими участками. С ними имеют сходство так называемые Kaufgärtner, которые хотя и имеют собственные жилища и небольшие полевые участки, но не платят за них оброка, как это делают Eigenkäthner, а справляют некоторую пешую барщину в поле, зимою же за известное вознаграждение обязаны молотьбою. Они могут отчуждать свои участки лишь с разрешения управляющих королевскими имениями — в случае, если последним эти участки не нужны.

В Силезии в общем те же или приблизительно те же порядки, но опять-таки и здесь есть много исключений. При этом положение крестьянства в Нижней Силезии значительно лучше, нежели в Верхней Силезии. Главная причина этого здесь, как и во всех областях, ранее населенных славянами, — не в одинаковом (немецком или славянском) происхождении крестьян и других сельских жителей. Впрочем, из последующего будет ясно, что силезские сельскохозяйственные порядки (по крайней мере, в Нижней Силезии) неуклонно идут, хотя и медленными шагами, к усовершенствованию. Крестьяне в этой провинции или свободны, или обязаны барщиной (барщинные, подданные крестьяне). Первые чаще встречаются в Нижней Силезии, нежели в Верхней, и о резких различиях в ценах на их участки в той и другой частях этой провинции будет сказано в следующем отделе. Из барщинных крестьян некоторые владеют 3, $2^1/_2$, 2, $1^1/_2$ и 1 гуфами, некоторые— еще меньшим количеством. Все барщины (работы) теперь, со времени урегулирования их Комиссией по составлению урбариев, твердо фиксированы, и сообразно различию старых росписей барщины, занимают 6, 5, 4, 3 и 2 дня в неделю. Другая категория помещичьих подданных — огородники (в других местах их именуют коссетами). Они называются либо Freigärtner, либо Dienst- Hof- Dresch- Robotgärtner — все эти названия одного и того же значения. Но владения их крайне разнообразны. У каждого имеются дом, хлев, небольшой огород, амбар и поле на 5, 10, 15 шеффелей, иногда лишь на 2, 3, 4 шеффеля посева. Многие из свободных огородников платят помещику только один оброк и работают в его пользу за малое вознаграждение или совсем задаром от 4 до 20 дней ежегодно. Другие несут более тяжелую барщину — соответственно договорам, заключенным помещиком с их предшественниками. Но несчастнейшие из всех людей — это, бесспорно, дворовые огородники (Hofgärtner) и огородники-молотильщики (Dreschgärtner). По общему правилу они владеют таким же количеством земли, как и свободные огородники (Freigärtner), но большинство из них обязано отбывать барщину в течение 600 дней в году и более, между тем как сама природа дает им всего лишь 365 дней в году вместе с праздниками. Поэтому жена, дети, работница, — все должны справлять барщинные работы. За эти работы мужчина получает 8 пфеннигов, жена или работница — 5 пфеннигов в день. Вознаграждение при ходьбе посыльными (Botenlohn) — 8 пфеннигов за милю пути и т. д. Круглый год за малую плату тянут они одну и ту же лямку, и, кроме

того, платят еще поземельный и другие оброки, государственные подати и в большинстве случаев вынуждены еще содержать при своей семье работницу. Третья категория помещичьих подданных — домовники (Häusler) — свободные, барщинные, луговые и прочие домовники. Положение их можно назвать еще сносным: у каждого есть небольшая хижина, немножко огорода, частичка поля; живут они ремеслом или поденным заработком, платят помещику определенный поземельный оброк в 2, 4, 6 талеров ежегодно, несут во время жатвы некоторые барщинные работы и т. п. О том, каково экономическое положение подданных крестьян в Силезии, свидетельствует следующий пример, приведенный в Силезских Провинциальных Ведомостях за 1788 г., в № 9, стр. 223 — 250. Это — оценка одного горного крестьянского участка среднего качества, с двумя лошадьми, обязанного определенною барщиной. При точном вычислении всех доходов и неизбежных для владельца расходов у него ежегодно получается 8 талеров 15 серебряных грошей чистого остатка!!

В Бранденбургской Марке наблюдается большое разнообразие отношений между помещиками и подданными. При этом здесь, как и повсюду, положение подданных в общем на королевских доменах лучше, чем в дворянских имениях. Наиболее широки права землевладельцев-дворян в Новой Марке, и даже сам ярый защитник помещичьих привилегий, фон Бенекендорф, сознается, что здесь в большинстве местностей подданные являются настоящими крепостными (unter der Leibeigenschaft stehen), хотя он и пытается смягчить резкость этого понятия, подменяя его выражением Gutspfligtigkeit. И здесь имеет место деление земледельцев на крестьян (Bauern), коссетов (Kossäten) и домовников (Häusler) или бобылей (Büdner). Обычно и крестьяне, несущие конную барщину, и коссеты, обязанные пешею барщиной, работают на барщине по 2 дня в неделю. Это — если не считать время с Иванова до Михайлова дня, когда они обязаны нести барщину ежедневно, и притом часто сам-друг (mit 2 Personen). В некоторых местностях крестьянин обязан еженедельно по 3, по 4 дня справлять конную барщину и в таком же размере пешую; в других местностях барщина справляется лишь в течение 1 дня в неделю. Хозяйственное положение тамошнего крестьянина поистине незавидно, если принять во внимание, что каждый из них, владея одной или полутора гуфами, еженедельно от 3 до 4 дней справляет сам-друг конную барщину и, кроме того, несет еще подводную повинность, повинность по расквартированию солдат, по доставке фуража и т. п., наконец, наличными деньгами платит военный налог, налог на содержание кавалерии, поземельное и подворное обложение и несет множество других более мелких платежей.

В Померании порядки те же, что и в Новой Марке, с тем лишь различием, что барщинные службы подданных здесь в большинстве местностей еще обременительнее и права помещиков еще шире, чем в названной провинции. В большинстве поместий крестьяне обязаны нести ежедневную барщину, а на Балтийском побережье каждый крестьянин обязан ежедневно посылать на барский двор работника, работницу, подростка и четырех лошадей. Земля по бо̀льшей части

является здесь собственностью помещика, который снабжает также крестьян скотом, сельскохозяйственным инвентарем и орудиями. Здесь есть такие дворянские имения, которые совсем не держат лошадей для обработки своих полей — вся работа производится подданными и барщинниками. По провинциальным законам землевладелец может здесь увеличить оброк, барщину и арендную плату своих подданных, если ему кажется или если он видит, что благосостояние их улучшилось вследствие их прилежания. Спрашивается, неужели это может служить средством для того, чтобы побудить людей к трудолюбию?

В герцогстве Магдебургском, княжестве Гальберштадт, графствах Гогенштейн и Мансфельд деревенское население не знает подданства в вышеозначенном смысле этого слова. В этих провинциях есть крестьяне (с полным наделом и с половинным наделом или половинной упряжкою), коссеты (крупные и мелкие) и домовники (Häusler), или жильцы (Einlieger). Крестьяне хотя и обязаны здесь барщиной, но во многих местах она уже отменена и переведена на деньги. Напр., в 1786 г. в первом дистрикте округа Holz в герцогстве Магдебургском насчитывалось 35 деревень, население которых взамен натуральной барщины платило помещику определенные денежные взносы и было обязано лишь некоторыми (кое-где неопределенными) барщинными службами по постройкам (Baudiensten). В 12 деревнях население частью платило деньги за барщину (Dienstgeld), частью отправляло барщину натурою; напр., в течение трех четвертей года платились деньги за барщину, а в течение четверти года барщина отправлялась натурою; или же крестьяне платили вместо барщины деньги, а коссеты справляли барщину натурою, или наоборот. Натуральная барщина не была отменена лишь в 15 деревнях, но она отличалась умеренностью. Так, в некоторых из этих деревень крестьяне справляли 1 день в неделю конную барщину, коссеты — 4 дня в неделю пешую барщину, домовники или жильцы — 1 день в неделю тоже пешую барщину. В других деревнях крестьяне с полным наделом несли ежегодно в течение 114 дней конную барщину, крестьяне с половинным наделом — в течение 57 дней то же самое, и, наконец, коссеты в течение 104 дней справляли пешую барщину. В других местах крестьяне с полным наделом несли в течение 104 дней конную барщину, крестьяне с половинным наделом — в течение 52 дней то же самое, и коссеты — в течение 104 дней то же самое.

В провинциях Вестфалии тоже наблюдается большое разнообразие крестьянских отношений, но в общем деревенские жители являются здесь крепостными (eigen) короля или помещиков; при этом крепостные помещиков несут несравненно бо̀льшие повинности, нежели крепостные королевских доменов. И здесь обязанности подданных определены не везде и не во всех отношениях и частью зависят от произвола помещиков; сюда прежде всего надо отнести так называемое произвольное поземельное обложение (ungewissen Gefälle), которому подвержены крепостные. В княжестве Минден лишь недавно (1797 г.) так называемые королевские крепостные (Eigenbehörigen) объявлены свободными за большой выкуп, но в общем в этих провинциях действуют приведенные в предыдущем отделе постановления нового Уложения. Новое

Минден-Равенсбергское Положение о собственности (Eigenthumsordnung) от 26 ноября 1741 г., распространяющееся также на Текленбург и Линген, пространно говорит об этом состоянии. В общем означенное крепостное состояние (Eigenbehörigkeit), в других местностях именуемое подданством, характеризуется тем, что сидящий на земле деревенский житель, исполняя обычные обязанности всякого подданного, сверх того должен еще нести за свой надел известные ежегодные барщинные службы и платежи, не приступать без разрешения помещика к обработке земли, не отпускать без его ведома на сторону своих детей, не ухудшать качества надела и в некоторых случаях нести еще чрезвычайное обложение. Если помещик во многих местностях наследует половину имущества крепостного, то это, конечно, менее всего способно поднять уровень прилежания крестьян и сельскохозяйственную культуру. В Вестфалии можно попасть в разряд крепостных (Eigenbehörigen) в силу рождения, брака, кабалы, давности. Состояние это многим совсем не кажется обременительным, но так как оно в большей или меньшей степени дает простор произволу помещиков, то является вследствие этого противным идее благоустроенного государства.

Преимущество, отличающее в некотором отношении многие Вестфальские провинции от других Прусских провинций, заключается в следующем: королевские и дворянские имения здесь не так велики, как в других местностях, и поэтому барщина либо совсем почти отсутствут, либо практикуется в очень малых размерах. Помещики разбивают бо̀льшую часть своих земель на небольшие участки и, сажая на эти участки крепостных (Eigenbehörigen), получают с них оброки деньгами и натурою. Даже и та земля, которую помещики сохраняют за собой, обычно сдается ими в аренду, и, следовательно, натуральная барщина является для них совсем ненужною. Так как названия разных категорий земледельцев значительно разнятся в этих провинциях от тех, какие приняты в других Прусских провинциях, я хочу их здесь перечислить и дать им краткую характеристику. Самые большие и значительные крестьянские дворы, содержащие по 6, 8 и до 10 лошадей, называются дворами шульцев (Schulzenhöfe). Наименование владельца (шульц) не является однако здесь наименованием должности, как в других местностях, и во многих деревнях бывает по 3 и по 4 двора таких шульцев. Владелец двора с 4 — 6 лошадьми носит наименование крестьянина в собственном смысле этого слова. Меньшие дворы — с 1, 2, 3 лошадьми — называются коттами (Kotten), а владельцы их — коттерами (Kötter). Безземельные и безлошадные дворы называются Stellen и обитатели их — либо поденщики, либо ремесленники. Если эти Stellen стоят на общинной деревенской земле, обитатели их носят наименование Brinksitzer, если же они стоят на крестьянской усадьбе, они называются Einwohner. Leibzüchter — это те, которые в других провинциях известны под именем Auszügler.

В герцогствах Анспах и Baireuth крепостное состояние (Leibeigenschaft) не сохранилось; впрочем, местами и здесь раздаются жалобы на частые требования барщины.

Собственно, в план этой книги не входит характеристика провинций Невшатель и Vallengin, так как их государственный строй резко

разнится от государственного строя прочих Прусских провинций. Все же относительно этой в общем свободной страны я должен между прочим заметить следующее: мещанство маленького городка Будри уже с XIV столетия так крепко привязано к земле, что без формального разрешения сеньера (Landesherrn) нельзя ни покидать ее, ни отчуждать. Еще более странным является крепостное право (Leibeigenschaft) в приходе Крессье: права сеньера здесь настолько широки, что он наследует все имущество крепостного.

О различии в ценах на крестьянские наделы и о барщинных службах, которыми эти наделы обязаны.

Почему продажная цена крестьянского надела в герцогстве Магдебургском в 100 раз выше продажной цены надела соответствующих размеров в Верхней Силезии? Если в герцогстве Магдебургском за крестьянский надел в 1, $1^1/_2$, 2 и $2^1/_2$ гуфы платят 1 000, 2 000, 3 000, 4 000 талеров и больше, то продажная цена надела такой же величины во многих местностях Верхней Силезии — лишь 10, 30, 50 и 100 талеров. В Нижней Силезии за барщинный крестьянский надел в 1 гуфу платят 500, 1 000 и до 1 200 талеров — такова в этом отношении разница в пределах одной и той же провинции. Зависит она от меньшего плодородия почвы и от более дешевых цен на хлеб в Верхней Силезии? Хотя и то и другое нельзя не признать верным, [9] но, во-первых, это не единственная причина дешевизны крестьянских наделов, а во-вторых, это лишь результат плачевного состояния сельского хозяйства. А плачевное состояние сельского хозяйства — этого вернейшего источника добывать хлеб насущный, объясняется плачевным моральным и экономическим положением населения, занимающегося земледелием. Ведь, всякое дело удается и спорится в руках свободных людей, которые могут распоряжаться плодами своей работы по собственному усмотрению, лучше, нежели в руках крепостных, которые справляют полевые работы лишь из-за страха перед плетью и очень мало заботятся об улучшении условий своей жизни. С юности не знают они других потребностей, кроме самых необходимых и простых, без которых обойтись человек не может, да еще потребности в пагубной для здоровья и благосостояния водке. [10] И если у них расстроится хозяйство, если скот и сельскохозяйственный инвентарь погибнут, то в убытке не они, а помещики, которые являются собственниками. Ведь, даже малую плату за надел помещик получает при отдаче его крестьянину лишь в очень редких случаях сразу; обычно 10 — 20 талеров вносятся в 10 — 20 сроков и на протяжении стольких же лет; иногда так называемому покупателю даже прощается все, так как помещик ничего не может с него взять, не разоривши и его, и через это самого себя...

В тех провинциях, где действуют вышеприведенные постановления Общеземского Уложения и где крестьяне, будучи собственниками, могут работать на себя и на своих семейных, все же из-за тяжелой барщины им нет возможности сосредоточить все свое время и все свое прилежание на обработке своих наделов. Справляя работы помещику, они приучаются к лени и небрежности, [11] а это губительно отзывается и на их собственных наделах, которые они обрабатывают вместе с по-

мещичьими землями. И я с уверенностью решусь утверждать, что более четверти всей почвы Прусского государства вследствие этого плохо возделывается и что государство и население ежегодно могло бы получать лишние миллионы, если бы... возделывание почвы было в руках людей свободных. Даже и сами помещики не извлекают никакой действительной пользы от принудительных барщинных служб своих подданных. Правда, им не приходится держать для обработки своих полей собственных лошадей, так как обработка эта производится лошадьми подданных, но неужели помещик может думать, что, обслуживая свои поля барщиною подданных, он получит такой же урожай и такой же доход, какие он получил бы, обрабатывая поля сам, при помощи свободных, соответствующим образом вознаграждаемых людей и при помощи собственных лошадей? Ведь, если высчитать, во что обойдутся помещику такие свободные рабочие руки и лошади, если, с другой стороны, высчитать, во что обходятся ему барщинные службы и лошади его крестьян, то при переводе всего этого на деньги окажется наверное, что тут нет никакого правильного соотношения и что в данном случае большими затратами достигаются малые результаты и происходит настоящее разорение сельского хозяйства. Справедливость этого положения нельзя отрицать, если принять во внимание, во-первых, то обстоятельство, что крестьяне часто должны тратить по 2 и по 3 часа на одну лишь езду к барскому двору, где они обязаны барщиной, вовторых, то обстоятельство, что помещики и арендаторы часто лишь единственно для того, чтобы не отучить крестьян от барщины, устанавливают такие барщинные дни, которые собственно совершенно им не нужны... Если уж нельзя сразу уничтожить все натуральные барщины, так как во многих местностях и имениях к этому имеется слишком много преград, то, по крайней мере, на первых порах и как можно скорее хоть позаботились бы о том, чтобы отменить неопределенные барщины, все их превративши в определенные.[12] В результате крестьянин получил бы бо̀льшую уверенность в своих доходах, прекратилась бы масса процессов и споров, и было бы положено основание благосостоянию земледельца, который, зная точно, когда и сколько он должен работать на помещика, оказался бы в состоянии распоряжаться своим рабочим временем по собственному усмотрению.

И для помещиков от этого было бы больше пользы, нежели вреда, так как все-таки я полагаю, что среди них мало найдется таких, какие стали бы противиться такому полезному установлению только из склонности к деспотизму. В настоящее время в тех местностях, где еще не отменена неопределенная барщина, крестьянские и другие наделы не имеют никакой твердой цены: она всецело зависит от того, в каких размерах помещик будет требовать от своих подданных барщину. И вот крестьянский надел, который сегодня продается за 500 талеров, через год, может быть, не будет стоить и 100 талеров, если помещику вздумается потребовать в этом году разные барщины в бо̀льшем размере, чем в прошлом году, и крестьянин вследствие этого окажется не в состоянии использовать свой надел так, как он был использован владельцем прошлого года. От такой неопределенной стоимости наделов проистекает много вреда, и это не безразлично для

самого помещика. Ведь, неимущие, впавшие в бедность из-за своего неопределенного положения, и лишенные всякого рвения подданные, естественно, далеко не могут дать помещику, пользующемуся во многих местах пивной, водочной и прочими монополиями, того дохода, какой он получил бы от людей состоятельных, уверенных в своей собственности. Последние в состоянии содержать (также и для нужд помещика) гораздо лучший и более выносливый скот, так как он самим им на пользу, и его не надо мучить неопределенными и неравномерно распределенными барщинами. Бо̀льшая ценность, которую приобретут наделы в результате лучше поставленных и планомерно рассчитанных хозяйственных работ, увеличит и судебные доходы носителя судебной власти (Gerichtsobrigkeit). Сократится количество всяких столь дорого стоющих помещику судебных процессов, особенно по уголовным делам, так как уголовных преступлений неизменно бывает больше среди ленивых и угнетенных людей, нежели среди трудолюбивых и зажиточных. Кроме того, помещику нечего будет бояться ослушаний крестьян при справлении барщины, раз она будет точно фиксирована. Помещик получит возможность делать послабления беднейшим из своих барщинных крестьян сбавкою некоторых барщинных служб, а при неопределенной барщине это невозможно, так как прочие крестьяне в праве в таком случае жаловаться на то, что на них перекладывается работа того, кому сделано послабление. Если каждый будет отрабатывать определенное время или — что еще лучше — возделывать определенный участок поля [13] и справлять другие точно определенные работы, то ему будет мало дела до того, исполняются ли или не исполняются эти работы его соседом.

2. О крестьянстве Верхней Силезии.

[Der gegenwärtige Zustand Oberschlesiens, juristisch, ökonomisch, pädagogisch und statistisch betrachtet, Dresden, 1786, S. 24 ff.] [14]

О современном положении подданных в Польской Верхней Силезии, о их нравах и образе жизни.

О земельных наделах и лежащих на них обычных повинностях свободного и барщинного крестьянства.

О наделах свободных крестьян в общем замечу, что они встречаются в тех или иных деревнях лишь в виде исключения, очень редко; что ... владельцы их или совсем не несут барщины, или же ежегодно несут лишь небольшую конную барщину при обработке полей, при уборке сена и хлеба; что они платят вместо барщины поземельный оброк, и что все-таки лишь немногие из таких наделов ценятся в 300 и до 500 — 600 имперских талеров. Насколько выше цена свободных крестьянских наделов в Нижней Силезии, я покажу в 8 отделе.

Наделы барщинных крестьян тоже весьма разнообразны; некоторые крестьяне имеют по $2^1/_2$ гуфы, некоторые по 2 или по $1^1/_2$, некоторые лишь по 1 гуфе и менее. Одни из них обязаны шестью днями барщины в неделю, другие — пятью, четырьмя, тремя или всего лишь двумя днями. В некоторых деревнях крестьянская барщина

определяется не по дням, а сообразно потребностям в той или иной работе.

Поэтому конная барщина справляется то в большем, то в меньшем размере, сообразно тому, сколько надо помещику подвод для перевозки строительных материалов, рыбы, шерсти и прочего. Те из крестьян, которые обременены слишком большою барщиной и вследствие этого не имеют достаточно времени для надлежащей обработки собственных своих полей, конечно, терпят большой ущерб. Лошади у них слабые, низкорослые, часто никуда негодные, и не всегда они получают с своих плохо возделываемых полей достаточно доходов для того, чтобы, уплачивая государственные, помещичьи и прочие подати, вместе с тем держать в надлежащем порядке рабочий скот, постройки и необходимый сельскохозяйственный инвентарь. На одежду для себя и для своих семейных им ничего почти не остается.[15] О вреде для общества, проистекающем из-за большой барщины, я буду говорить подробно в 6 отделе. Здесь же только замечу, что у некоторых крестьян имеется пахотной земли более того, что они в состоянии обработать, у некоторых же, наоборот, пахотной земли слишком мало для того, чтобы по уплате положенных ежегодных взносов хватало для покрытия насущных потребностей жизни.

О повинностях и наделах свободных и дворовых огородников.

Не все свободные огородники (Freigärtner) имеют одинаковые по количеству и по качеству пахотные земли. У одних имеется при их усадьбах пахотной земли на 5, на 10 и на 15 шеффелей посева, у других — лишь на 2, на 3 и на 4 шеффеля посева. Многие ничего не платят помещику, кроме оброка деньгами, курами, яйцами и т. п., и обязаны лишь по 4, по 5, по 10 и до 20 дней в году отбывать барщину при уборке сена и во время жатвы — безвозмездно, либо за малую плату. Другие, наоборот, обязаны еще ходить загонщиками на охоту, когда от них потребует этого помещик, или в его отсутствие управляющий, либо откупаться от этой повинности определенным оброком. Некоторым, кроме того, вменяется еще в обязанность: ходить, когда этого от них потребуют, посыльными, с вознаграждением по 8 пфеннигов или 1 серебряному грошу за милю пути; мыть и стричь помещичьих овец; очищать мельничные и другие канавы; нести ночные караулы в помещичьих мызах; охранять во время уборки урожая помещичий хлеб; наконец, справлять работы при постройках помещичьих зданий...

Положение дворовых огородников (Hofgärtner), бесспорно, в настоящее время в Польской Верхней Силезии — самое тягостное и печальное. Почти повсеместно каждый из них должен ходить на барский двор сам-друг (mit 2 Personen) на протяжении всех шести рабочих дней недели. Дворовый огородник получает в день за свою работу 8 пфеннигов, жена его или работница — 5 пфеннигов. Во время молотьбы — в осенние и зимние месяцы — ему полагается еще довольствие (Hebe) разным зерном, в количестве 14, 16, самое большее 18 бреславльских шеффелей. Многие дворовые огородники обязаны

еще ходить посыльными, с платою по 8 пфеннигов за милю пути, и либо бесплатно, либо за 8 пфеннигов в день участвовать в качестве загонщиков на охоте. Часто они по 2, по 3, по 4 дня и более должны дожидаться ответа, и в награду за это не получают даже доброго слова; изредка дают им при этом кусок хлеба, чтобы они не умерли с голоду или не пустились на кражу. Они должны еще ежегодно прясть за малое вознаграждение от помещика пряжу, по несколько штук пряжи каждый, и, кроме того, платить поземельный и другие оброки. Сверх ежедневной денежной платы за барщину они ежегодно получают от помещиков по пайку (ein Deputat) — около 2 шеффелей ржи и такого же количества ячменя каждый. В некоторых поместьях каждый из дворовых огородников должен работать на барском дворе сам-друг в течение 5 дней в неделю безвозмездно, получая лишь довольствие (Hebe) и небольшой паек (Deputat). Денежное вознаграждение полагается только за работу во время жатвы — самое большее по 2-3 имперских талера каждому. И лишь шестой день недели остается им для работы на собственные нужды. Помимо барщинных работ на помещика, они, как и свободные огородники, несут еще государственные и общинные работы, причем некоторые из этих работ оплачиваются, некоторые же не оплачиваются. При отводе дворовым огородникам наделов пахотная земля распределялась крайне неравномерно. Некоторым усадьбам выделено пахотной земли на 10 — 15 шеффелей посева, некоторым — на 3, на 4, самое большее на 5 шеффелей посева. Легко вычислить, что доходы дворового огородника недостаточны для покрытия его насущных потребностей. Если в среднем принять, что каждый дворовый огородник (если только он не заболеет и его не потребуют на охоту или не отправят посыльным) ежедневно сможет работать на барском дворе в течение 8 месяцев в году вместе с женой и работницей, то заработок его будет равняться 4 имперским талерам 29 серебряным грошам 4 пфеннигам. За работницу он получит 3 имперских талера 3 серебряных гроша 4 пфеннига; всего, следовательно, 8 имперских талеров 2 серебряных гроша 8 пфеннигов. Из этой суммы ему в течение года надо покрыть следующие расходы:

1) уплатить сообразно величине своей запашки 2 и более имперских талеров ежегодного государственного налога;

2) отдать помещику от 2 до 3 имперских талеров и более в качестве оброка;

3) заплатить жалованье и деньги на рубашку работнице, всего 4 имперских талера.

Следовательно, расходы дворового огородника превышают его доходы. Правда, можно допустить, что жена дворового огородника, когда она здорова и малые дети или хлопоты по хозяйству не очень отвлекают ее от пряжи, удачно купивши лен, сможет заработать на пряже 5, 6 и до 8 имперских талеров, а работница 3-4 имперских талера в год, и в таком случае дворовый огородник все-таки будет иметь для покрытия своих расходов на одежду и т. п. от 10 до 12 имперских талеров ежегодно. Но как ему быть, если он сам, его жена или работница на некоторое время заболеют? Как ему быть, если жена

его продажею пряжи не окупит платы за лен, или же будет отвлечена малыми и больными детьми от прялки? Выдаваемые помещиком довольствие и паек, а также хлеб, получаемый от собственного урожая, не всегда достаточны для прокормления семейства огородника. Редко удается ему пустить в продажу несколько шеффелей зерна: так как повседневное питание его состоит из простого хлеба, клецок из ржаной муки, или же из крупы, гороха, пшена, и лишь в очень редких случаях — из куска мяса, то ему, при постоянной тяжелой работе и хорошем аппетите, приходится потреблять много хлеба. Для того, чтобы прокормиться с женою, детьми и работницей, дворовому огороднику ежегодно требуется зерна от 40 до 48 шеффелей. Те из огородников, которые получают кое-что за свою работу лишь во время жатвы, а за другие работы, кроме довольствия, — лишь несколько шеффелей зерна в виде пайка, поистине находятся в бедственном положении. Я не буду вычислять время, теряемое многими из них на участие в охоте, прядение для помещика пряжи, хождение посыльными. Не буду считать деньги, которые часто огородники вынуждены платить за обработку своих полей, когда сами они не в состоянии их обработать. Не буду говорить о тех убытках, которые они вследствие этого терпят. Малая плата, какую дворовые огородники получают от помещиков за пряжу, часто бывает недостаточна, чтобы окупить стоимость льна или конопли, покупаемых ими в тех случаях, когда полученного от помещика материала не хватает на выполнение заданного урока.

В каждой деревне Польской Верхней Силезии встречаются еще 1) луговые домовники (Auen-Häusler), 2) Auszügler'ы и 3) Hausleute. У первых в большинстве случаев, кроме усадьбы на помещичьем лугу, ничего нет, и они зарабатывают пропитание поденным жалованьем или пряжею. То же надо сказать и о последних. Auszügler'ы получают то или иное содержание (рожь, пшеницу, помещение, дрова, молоко, масло и т. п.) от лиц, которым они продали свои усадьбы, сообразно условиям продажи и в зависимости от величины усадьбы.

Не только Hausleute и Auszügler'ы, но и луговые домовники обязаны по нескольку дней в году работать на помещика и прясть для него по 1 или по 2 штуки пряжи каждый. Луговые домовники платят, кроме того, поземельный оброк, в размере от 16 грошей до 1 имперского талера.

О довольствии и денежной плате дворовым людям.

В силу распространенного по всей Силезии обычая, помещики имеют преимущественное пред всеми право брать в дворню (Gesinde) на свои мызы лучших и наиболее крепких людей из среды своих подданных. Обычай этот имеет силу и в Польской Верхней Силезии, где многие подданные (Unterthanen), вопреки старинным и до сих пор не отмененным императорским законам, рассматриваются как крепостные (Leibeigene) и рабы (Sklaven), а не как свободные люди. . .[16]

На свое малое вознаграждение дворовые люди не в состоянии купить себе даже самой плохой одежды, а в некоторых поместьях

скудное довольствие (Kost) едва дает им возможность кое-как утолять голод. Иногда дворовые получают это довольствие in natura, а не в виде печеного хлеба, каши и т. п., а у них нет ни соли, ни времени, ни дров, чтобы приготовить себе кушанье... Во многих отношениях им живется хуже, нежели той скотине, за которой они ухаживают..[17] Многих из них нужда заставляет пускаться на воровство, чтобы добыть таким путем денег и обзавестись хоть каким-нибудь платьем. Ниже я подробно буду говорить о вреде, проистекающем отсюда для государства. Менее всего можно примириться с тем, что некоторые дворовые должны служить на барском дворе по 6, 7, 8 и 10 лет под ряд, получая при этом все время одну и ту же плату. До чего плохо довольствие и мало вознаграждение дворовых людей в некоторых поместьях Польской Верхней Силезии, может поверить только тот, кто своими глазами видел различные таблицы с расписаниями расходов на дворню (Gesindetabellen) и таким путем мог быть осведомлен об истинном положении дела. Большинству дворовых получаемые ими довольствие или паек дают возможность есть мясо лишь 5 — 8 раз в году; в остальные же 357 — 360 дней они едят только крупу, пшено, горох и т. п. Но и это еще было бы хорошо, если бы в некоторых мызах сплошь и рядом не выдавалось мясо от больного, иногда уже полуиздохшего скота, и если бы люди всегда имели возможность наедаться досыта. Было бы хорошо, если бы денежное вознаграждение дворовым хватало на покупку хоть плохенькой одежды для защиты от холода и зноя [18] и если бы везде исполнялось положение о дворне, предписывающее переводить дворовых людей по истечении трехлетнего срока их службы на жалованье свободно-наемных рабочих, или же предоставлять им служить каждые два года из четырех в другом месте, за бо̀льшую плату. Коровам и лошадям временами все-таки дается соль, дворовые же на помещичьих мызах в большинстве случаев соли не получают. О беспорядках и воровстве, проистекающих от того, что некоторые дворовые люди получают довольствие in natura и им приходится промышлять о том, чтобы испечь хлеб и сварить кушанье в соседних деревнях, я скажу ниже, в 6 отделе. Здесь же лишь приведу некоторые достоверные данные о том, какое довольствие и какое жалованье выдаются дворовым людям помещиками.

1. На мызе D*** 11 дворовых людей получают (все вместе в год): жалованья 27 имперских талеров [19] и 26 серебряных грошей, [20] довольствия: a) 8½ шеффелей[21] ржи, b) 33 шеффеля гречи и c) 66 кварт[22] масла.

2. На мызе C*** 8 дворовых людей получают в год: жалованья 26 имперских талеров и 26 серебряных грошей; довольствия: a) 60 шеффелей ржи, b) 24 шеффеля гречи и c) 48 кварт масла.

3. На господском дворе S*** 8 дворовых людей в год получают: жалованья 25 имперских талеров и 26 серебряных грошей; довольствия: a) 60 бреславльских шеффелей ржи, b) 24 шеффеля гречи и c) 48 кварт масла.

4. На мызе K*** 11 дворовых людей получают: жалованья 33 имперских талера и 10 серебряных грошей, довольствия: a) 99 шеффелей ржи и b) 66 кварт масла.

5. На господском дворе F*** 11 дворовых людей все вместе в год получают: жалованья 29 имперских талеров и 2 серебряных гроша; довольствия: a) 75 шеффелей ржи, b) 15 шеффелей ячменя и c) 15 шеффелей гречи.

6. На мызе N. F. 2 дворовых человека в год получают: жалованья 4 имперских талера; довольствия: a) 15 шеффелей ржи, b) 3 шеффеля ячменя и c) 3 шеффеля гречи.

7. В C*** 7 дворовых людей получают: жалованья 15 имперских талеров и 22 серебряных гроша; довольствия: a) 52½ бреславльских шеффелей ржи, b) 10½ шеффелей ячменя и c) 10½ шеффелей гречи.

8. На мызе D*** 10 человек все вместе в год получают: жалованья 36 имперских талеров и 28 серебряных грошей; довольствия: a) 90 шеффелей ржи, b) 15 шеффелей ячменя, c) 5 шеффелей гороха и d) 15 шеффелей гречи.

9. На господском дворе M*** 2 дворовых человека вместе в год получают: жалованья 5 имперских талеров и 26 серебряных грошей; довольствия: a) 18 шеффелей ржи, b) 1 шеффель ячменя, c) 1 шеффель гороха и d) шеффель гречи.

Крупы, молока, сыра и соли дворовым не полагается совсем. Молоть рожь и ячмень, печь хлеб, варить горох и т. д. им предоставляется на стороне.

В поместьи M*** каждый из дворовых людей в течение трех месяцев получает:

1) ржаной муки 1 шеффель и 10 меце; [23]
2) муки на клецки 6½ меце;
3) гороха 2¾ меце;
4) крупы 3¼ меце;
5) соли ½ меце;
6) масла ¾ кварты;
7) некоторое количество (etwas) кислой капусты;
8) фунт мяса или взамен его 1 серебряный грош;
9) право на посев 1 меце льна, причем семена должны доставать сами дворовые;
10) 1 меце пшеницы на пирог;
11) некоторое количество (etwas) сыра и молока;
12) по 2 кварты пива взрослому работнику и по 1 кварте пива подростку и работнице;
13) кроме того, ежегодно во время жатвы каждый получает третью часть тех видов трехмесячного довольствия, которые названы в первых десяти вышеприведенных пунктах.

Годичное жалованье взрослого рабочего равняется 5 имперских талерам и 8 серебряным грошам, подростка — 3 имперским талерам и 14 серебряным грошам. Работница получает столько же, сколько и подросток; мальчик при табуне — 1 имперский талер и 24 серебряных грошей; столько же — девочка-гусятница и девочка-свинятница.

Довольствием некоторые дворовые еще кое-как обходятся, но жалованья почти никогда не хватает на покупку одежды, которая на службе помещику быстро изнашивается и в которой все неизменно испытывают недостаток, так как каждый, особенно из работников и

подростков, ежедневно в любую погоду должен быть в поле и вообще на открытом воздухе. Мне самому не раз случалось наблюдать, как при сильных морозах в зимнюю пору дворовые люди ходили босиком, раздирая в кровь и обмораживая себе на льду ноги.

О нравах и образе жизни подданных в Польской Верхней Силезии.

Кому не приходилось почасту наблюдать подданных Польской Верхней Силезии в их повседневной жизни, тот едва ли сможет составить себе правильное представление об их поистине удивительных нравах. Почти каждый воспитывается от рождения в суровой обстановке, как полудикарь. Это объясняется множеством работы — и на барском дворе, и дома — в крестьянском хозяйстве. В Польской Верхней Силезии почти повсеместно ощущается острый недостаток в работоспособной дворне, а между тем помещики, при большом количестве имеющихся у них полей и скота, нуждаются на своих мызах в большом количестве дворовых рабочих. Вот почему часто не только мальчики 10, 8 и 7 лет должны выходить вместе с отцом на барщину, но иногда даже девочек 8 — 10 лет заставляют садиться на лошадей и справлять полевые работы.

Вот в чем кроется причина того, что многие дети очень редко, да и то едва на протяжении трех месяцев в году ходят в школы. Одною из главных причин плохого воспитания детей является еще невозможное состояние школ и почти повсеместно наблюдаемая невежественность деревенских школьных учителей. [24] Если детям редко приходится наблюдать добрые примеры в доме своих родителей, если они редко, или даже совсем не посещают школу, то и в школе невежественные учителя многому обучить их не могут. Почти ежедневно работая в летнюю пору на барщине или дома со своими родителями, растут они, так сказать, словно в лесу деревья. Легко можно себе представить, что при таком воспитании из них получаются крайне невежественные, тупые, суеверные, более склонные к злому, нежели к доброму, люди. Правда, жители деревни выдают школьному учителю положенное довольствие и жалованье, но родители своих детей школьного возраста в школу не посылают — отчасти из-за дальности расстояния, отчасти из-за недостатка в одежде. По большей части деревенские дети не лишены способностей, но им не хватает выучки и развития. Можно указать ряд примеров того, как крестьянские дети самоучкою достигали значительных успехов в механике (in mechanischen Künsten) и сами по себе выучивались некоторым полезным ремеслам. Все же надо сказать, что во всей Польской Верхней Силезии очень мало, вернее, всего лишь несколько шульцев, которые в состоянии удобочитаемо написать свое имя. Большинство весьма несведуще в чтении и письме, и само собой разумеется, что среди деревенских судей в сущности очень мало людей, годных на эту должность. До сих пор общинную отчетность обычно ведут либо деревенские школьные учителя, либо помещичьи счетоводы. Но многие школьные учителя сами не в состоянии вразумительно написать кряду и шести строк или составить общинный отчет, даже руководствуясь готовыми об-

разцами. Согласно Положению, деревенские судьи всегда и неизменно должны указывать новым хозяевам границы их полей и лугов, а иногда закон предписывает им опечатывать и производить опись имущества умерших, так как justitiarii не всегда, за дальностью расстояния, сами в состоянии это сделать. На практике эти предписания, однако, не выполняются. Ни увещаниями, ни угрозами, ни разъяснениями невозможно добиться каких-либо улучшений: большинство судов не проводит их в жизнь, так как это является для них необычным. Лишь немногие из деревенских судей в состоянии производить оценки земель и недвижимости. В целях охраны сирот в некоторых поместьях для тех из детей, у которых есть кое-что из имущества, назначают опекунов. Но эти опекуны по своей некультурности, суеверию и нерадивости приносят мало пользы, а иногда даже вред. Мне известны поместья, к которым принадлежат 3, 4, 5 деревень, и во всех этих деревнях едва ли найдется 100 имперских талеров сиротских денег. В Нижней Силезии, наоборот, я знаю некоторые деревни, в которых имеется от 1 000 до 10 000 имперских талеров сиротских денег. Так как большинство подданных Польской Верхней Силезии—частью по бедности, частью же по некультурности и из-за отсутствия вкуса обходятся малым количеством домашней утвари, то многие ремесленники и мастера остаются без заработка. Умерших в большинстве случаев кладут в ящики, сколоченные из пропитанных навозом досок, и так погребают.

Обременительная барщина и плохое вознаграждение являются еще причиною того, что многие подданные, по недостатку времени, удобрения, денег и прочее, не всегда в состоянии надлежащим образом обрабатывать свое поле. Вследствие этого хозяйства их не дают и половины своей настоящей доходности. Так как у подданных мало зерна и прочих продуктов для продажи, так как, наоборот, сами они испытывают нужду в хлебе, семенах и корме для скота, то, за покрытием всех государственных, помещичьих, общинных и прочих положеных податей, у них мало, или даже совсем ничего не остается. При таком положении дела многие круглый год либо потребляют мясо в очень ограниченном количестве, либо даже совсем его не потребляют: они вынуждены продавать выхоженный ими скот, чтобы полученными деньгами покрыть падающие на их землю оброки и другие повинности. Лишь немногие могут помышлять о хорошей и сносной одежде. В большинстве они бывают довольны, если им удается кормиться самим и кормить свою семью хлебом и другою простою едою и покупать самую дешевую и плохую одежду. С юности обремененные тяжелыми работами, воспитанные в невежестве и рабстве, они редко помышляют об улучшении своего материального положения. Так же плохо обстоит дело и с их постройками. В большинстве они сделаны из распиленных бревен и в случае пожара в одно мгновение сгорают до тла, так что не приходится и думать об их спасении. Немногие брандмауеры выложены без фундамента и очень низки.

По ту сторону Одера во многих деревнях в избах совсем не имеется дымовых труб. Дым выходит через отверстие в крыше, причем люди и скот нередко спят в одном и том же помещении. [23] По ночам многие

при свете пылающих факелов занимаются в своих овинах молотьбою. Суконная одежда, зеркала, часы, календари, платяные и сапожные щетки и прочие необходимые предметы домашнего обихода, а также скребницы для лошадей или совсем не встречаются, или же встречаются очень редко, и лишь немногие из подданных Польской Верхней Силезии когда-либо видели эти вещи. В большинстве они и по сию пору столь же необразованны, невежественны, нерадивы и дики, как и их давным-давно скончавшиеся предки. Многие вследствие этого получают более ударов плетью, нежели их скот, но немногие от этого становятся лучше. При всяком удобном случае они крадут, пьянствуют, заводят драки. Деревенские судьи обычно первые подают в данном случае дурные примеры прочим. Если они соберутся и напьются пьяными в корчме, то ни посторонний человек, ни шульц, ни судья не в силах укротить и усмирить их, не рискуя получить ряд ударов и подвергнуться всяким другим неминуемым в такой свалке неприятностям. При грубости своих нравов, они устраивают нелепые, неприличные и грязные развлечения на масляницу, в церковные праздники и т. п. Часто, и не далее, как в прошлом году, путники, которые по скупости или из-за отсутствия помещения в другом месте останавливались в деревне во время их дурацких потех, испытывали на себе их ярость и коварство. Было бы излишне и бесполезно распространяться обо всех до сих пор сохранившихся в Польской Верхней Силезии деревенских празднествах и наблюдаемых при этом грязных и неразумных поступках. Хомячину, мясо дохлых и заживо сгоревших, брошенных в навозные ямы коров они старательно извлекают из-под навоза и пожирают, как какое-нибудь изысканное лакомство, тут же на месте. То, что они не в состоянии поесть сразу, нагружают на телеги и потом едят дома. [26] По большей части они сдирают кожи с помещичьей и своей издохшей скотины, без всяких колебаний, и это совсем не считается у них делом постыдным.

Большинство очень мало заботится об опрятной одежде в праздничное время. У многих отсутствует также всякая забота о чистоте жилища. Мало обращают они внимания и на то, чтобы содержать в порядке свою скотину. Немногие чистят лошадей и имеют скребницы. Многие почти круглый год пускают лошадей и коров пастись без присмотра на всходы, луга и молодые лесные поросли, и часто им приходится разыскивать и выкупать скотину в чужой деревне, если ее загонят просто из озорства или в виду потравы.

В большинстве они мало бывают озабочены возможностью конокрадства и не очень его опасаются, так как лошади у них низкорослые и жалкие, стоимостью не свыше 6 — 12 имперских талеров. Их величайшее и самое привычное удовольствие состоит в том, чтобы по возможности чаще ходить в корчмы и пивные, напиваться до-пьяна, заводить ссоры и, в конце концов, драки. Многие стригут бороды лишь раз в три месяца, когда им приходится бывать в городе, и лишь немногие расчесывают волосы гребнем. По большей части они ходят круглый год без чулок, не все даже носят зимою сапоги или башмаки — частью по бедности, частью же по привычке. В летнюю пору большинство обходится лишь грубою холстинною рубахою и штанами.

Даже некоторые женщины — молодые и пожилые — еще в октябре, как я наблюдал это в 1782 г., ходят совсем без рубашек, с одними лишь плохими кофтами и юбками на теле. Да и кофты иногда бывают без застежек, так что обнажается вся грудь и тело до бедер. Ложь, обман, воровство почитаются за несправедливость и грех лишь немногими. По большей части ничего они не знают о религиозных обрядах, о христианском учении, о нравственности и т. п. Поэтому многие в один и тот же день меняют свои показания и клятвы столько раз, сколько это потребуется. Словом, большинство подданных Польской Верхней Силезии ничего человеческого, кроме внешнего вида, не имеют, да и этот последний у многих надо назвать скорее отталкивающим, нежели сносным и привлекательным. У большинства уже на самом их лице лежит печать тупости, дикости и т. п.

О правах на пользование общинными угодьями в Польской Верхней Силезии.

По обе стороны Одера территории различных поместий и деревень изобилуют лесами, лугами и выгонами. Поэтому многие подданные пользуются правом пасти свой скот в лесах, на лугах, а также на пару и на жниве. Некоторые платят за это определенный оброк, другие пользуются правом выпаса свободно, и ничего, кроме жалованья пастуху, за это не платят. Различные деревенские общины имеют также jus pascendi в лесах и на лугах, лежащих на территории других поместий. Легко себе представить, сколько проистекает от такого права на общинное пользование ежедневно вреда, особенно если принять во внимание, что целые стада скота сплошь и рядом пасутся круглый день без надлежащего присмотра, или даже совсем без присмотра, иногда же лишь под надзором нескольких детей, у которых не хватает ни разумения, ни сил, чтобы держать стадо в определенных границах. Особенно распространен обычай пускать на выпас по ночам лошадей при очень плохом присмотре за ними. Мне очень часто приходилось наблюдать, как при малой бдительности пастухов соседи захватывали и загоняли целые стада скота, когда они заходили в молодые поросли или на нивы. И, тем не менее, большинство держится старого губительного обычая и редко принимает соответствующие меры предосторожности. Крестьяне не опасаются конокрадства, оставляя во многих случаях, особенно по ночам, лошадей под плохим надзором, или даже совсем без надзора, так как по большей части лошади эти едва в состоянии бегать, и с трудом найдешь одну лошадь из ста, которая бы стоила от 10 до 20 имперских талеров. Очень часто лошади убегают в чужие деревни, и нередко собственники бывают вынуждены тратить целые дни на их розыски. Такая удивительная небрежность в отношении присмотра за скотом ведет к тому, что он причиняет огромный вред не только в лесах, где есть молодые поросли, но и в лугах, особенно в весеннюю пору, когда трава только начинает расти . . ., а также и на нивах . . . Хотя многие управляющие, прекрасно видя проистекающие отсюда убытки, и заставляют в случае загона скота платить за него соответствующий выкуп, все же они, как и прочие подданные, совершенно бессильны положить конец всем этим беспорядкам. На

многое поэтому они вынуждены смотреть сквозь пальцы, чтобы только не заводить постоянных ссор со своими соседями.

Иногда те, кому скот нанес вред, учиняют над ним всяческие жестокости, и вследствие этого при выкупе дело доходит до убийства и смертельных побоев...

Замечания о недостатке хирургической помощи и помощи при родах в деревнях Польской Верхней Силезии.

В услугах лекарей нуждаются не здоровые и физически сильные люди, а только больные, страдающие внутренними и внешними недугами. Истинное счастье, что жители Польской Верхней Силезии — в большинстве здоровые, закаленные суровым воспитанием люди, и что до сих пор нет среди них заразных, венерических и прочих болезней. Дети, не обладающие совершенным физическим здоровьем от рождения, осуждены на преждевременную смерть — отчасти из-за отсутствия ухода, отчасти по причине пагубных лошадиных средств лечения, до сих пор применяемых их родителями.

Этими двумя причинами, несомненно, и объясняется то, что редко можно найти в деревнях человека с многолюдным семейством. Тотчас же по разрешении от родов, которые почти всегда происходят без помощи повивальной бабки, роженице преподносится стакан водки. Пусть решают лекари, является ли этот обычай спасительным или вредным.

Если женщины производят на свет детей без помощи повивальных бабок, если им предоставляется, за отсутствием надлежащего ухода и медицинской помощи, либо страдать от болезни, либо совсем отправляться на тот свет, то и другим людям, в случае, если они, напр., сломают или вывихнут себе руку, ногу и т. п., предоставляется либо выздоравливать естественным путем, либо оставаться больными на всю жизнь, либо совсем расставаться с жизнью: в Польской Верхней Силезии встречаются поместья, к которым принадлежат 5 и более деревень, и ни в одной из них нет ни хирурга, ни повивальной бабки. С трудом можно найти их даже в большинстве из городов и лишь крайне редко — в больших деревнях, в которых есть состоятельные подданные. Нечего и говорить о том, сколько людей вернули бы себе здоровье и сколько детей были бы вырваны из когтей смерти, если бы поблизости были искусные и сведущие хирурги и повивальные бабки и если бы повсюду в городах были устроены хорошие аптеки, снабженные хорошим лекарством. Почти ежегодно многие, особенно из дворовых работников, подростков и работниц болеют только оттого, что слишком набрасываются на незрелые плоды и ими объедаются. Одни от этих незрелых плодов уже заполучили смерть, другие обречены на умирание в ближайшие годы, так как помощи им нет ниоткуда, а сами они слишком бедны, чтобы на свои средства искать содействия медицины.

Некоторые помещики, пекущиеся о своих подданных, заботятся между прочим и о том, чтобы бедняки за их счет получали медицинскую помощь и пользовались необходимым для больного уходом. Проводя в жизнь эти свои благие намерения, они приглашают хирургов, дают

им содержание и жалованье, и, кроме того, медицинские их услуги оплачивают особо. А за это хирурги должны прежде всего заботиться о больных подданных и лечить их. [27]

Розыскание о вреде для общества, проистекающем от современных распорядков касательно барщины, денежного вознаграждения, грубых нравов и бедности большинства подданных Польской Верхней Силезии, именно: [28]

В отношении интересов помещиков, в частности.

Из-за починки надворных построек барщинных крестьян и дворовых огородников.

Почти в каждой деревне существуют свои распорядки относительно барщины, вознаграждения дворовым людям, довольствия и т. д. Часто уже на протяжении 100 и более лет 3, 5 и большее количество деревень принадлежат одному и тому же помещику, и, тем не менее, в каждой из них повинности и права крестьян совершенно различны. Во многих деревнях все подданные владеют своими усадьбами наследственно, на основании покупки; во многих деревнях, наоборот, большинство сидят на своих наделах как холопы (Knechte), пока они в состоянии исполнять свои обязательства и справлять барщину на пользу помещика. Помещики, барщинные крестьяне которых должны работать по 4, по 5 и по 6 дней в неделю, а дворовые огородники имеют слишком скудные средства к существованию, часто должны задаром, либо в счет будущих платежей чинить, или даже вновь воздвигать своим крестьянам и дворовым огородникам надворные постройки, так как лишь очень немногие из них могут собственными средствами поддерживать в хорошем состоянии свои избы, хлева и амбары. По ту сторону Одера помещики иногда даже делают своим обязанным барщинною подданным окна, печи и т. п., — все это в счет будущих платежей или совсем задаром.

Дворовые крестьяне обязаны на собственные средства содержать в хорошем состоянии потребный им для справления барщины рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь. Но, так как по разным причинам очень многие этого сделать не могут, помещики сплошь и рядом оказываются вынужденными не только поддерживать их надворные постройки, но и снабжать их лошадьми, коровами и сельскохозяйственным инвентарем. Затрачиваемые на это деньги они или дают в долгосрочные ссуды, или даже совсем прощают крестьянам. Многие дворовые крестьяне сами виноваты в своем бедственном положении — вследствие своей невежественности, лени, дикости и частого пьянства. Многочисленные побои, получаемые такими дворовыми огородниками и дворовыми крестьянами, редко ведут к исправлению, чаще же делают зло еще большим: случалось уже не раз, что подвергнутые таким наказаниям крестьяне сбегали на сторону, предварительно расхитивши или уничтоживши все, что было на их наделах ценного. Легко видеть, какой из-за всего этого ежегодно терпят помещики вред, в особенности когда они владеют такими злостными, невежественными и ленивыми крестьянами, у которых нет ни надлежащего рабочего

скота, ни денег, чтобы обзавестись всем, чего не хватает; в результате они не в состоянии не только справлять положенную барщину в пользу помещика, но и обслуживать собственное свое хозяйство.

Из-за пустующих крестьянских наделов и усадеб дворовых огородников.

Крайняя некультурность и лень подданных, гнет тяготеющих над ними повинностей, а также плохое питание деревенского населения Польской Верхней Силезии приводят к тому, что некоторые крестьянские наделы остаются пустыми.

Многие помещики заботятся лишь о том, чтобы их уже удобренные и полезные поля тщательно по мере надобности обрабатывались одно за другим, совсем не принимая во внимание того обстоятельства, что крестьянские лошади вследствие этого слишком переутомляются и приходят в негодность и что крестьянам тоже надо дать время для обслуживания собственного их хозяйства. Садясь на землю по большей части с пустыми руками, с великим трудом добывая себе хлеб, крестьяне по недостатку времени и денег не могут извлекать из своих наделов наивозможную выгоду, и потому даже незначительные несчастные случаи ставят их на многие годы, и даже навсегда в бедственное положение. Если к этому еще прибавить жестокости и строгости помещичьих служащих, то все вместе взятое является причиною того, что ежегодно некоторые в отчаянии уходят за границу или кудалибо в другое место. Предположим, что в больших поместьях, к которым тянет по 5 и более деревень, 4, 5, 7 крестьян, из которых каждый обязан барщиной по 4, по 5 или по 6 дней в неделю, по разным причинам и вследствие того, что им нечего терять, убегают, оставляя наделы без рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Предположим, что помещик, не будучи в состоянии сразу посадить на эти 4, 5 или 7 пустующих крестьянских наделов новых хозяев и снабдить их необходимым рабочим скотом и т. п., по необходимости взамен убывших 6 или 7 крестьянских конских упряжек должен обзавестись на некоторое время 3 или 4 добавочными упряжками. В таком случае, даже если учесть только эту сторону дела, помещик понесет в течение одного года 200 и более имперских талеров убытку. Польские лошади.., если иметь в виду годных для работы и еще не старых, не так уже дешево ценятся в Польской Верхней Силезии. Хорошая молодая средняя лошадь стоит не дешевле 8, 10 и 13 дукатов. Следовательно, три конских упряжки, считая в среднем каждую лошадь по 8 дукатов, обойдутся в 288 имперских талеров. Далее, рабочей лошади надо давать по меньшей мере по 1 меце овса ежедневного корма, и, таким образом, 12 лошадей поедят в год 273 шеффеля 12 мецe. Если считать цену шеффеля в 8 грошей, то овес обойдется свыше 90 имперских талеров. А во что, кроме того, обойдется содержание и жалованье 4 работникам, 4 подросткам, а также работы шорная и кузнечная? — Так же плохо во многих деревнях обстоит дело и с дворовыми огородниками: часто сбегают и они, и усадьбы их остаются пустыми... Бывает, что, по недостатку в людях, на них не так легко

посадить новых хозяев. А так как полевые и другие помещичьи работы не ждут, управляющим приходится приглашать свободных огородников взамен дворовых и каждому давать не 8 пфеннигов, а от 4 до 5 серебряных грошей поденной платы. [29]

Из-за частой, почти ежедневной покражи в лесах, на лугах, на полях и в амбарах.

Почти ежедневно в Польской Верхней Силезии случается множество покраж. В зимнее время свои и чужие подданные крадут в лесах, овинах, амбарах и из рыбных садков, в летнее время — на лугах и везде, где что плохо лежит. Тщетно принимаются всякие меры предосторожности против воровства, днем — помещичьими служащими, ночью — караульщиками при амбарах и во всякое время — сторожами в лесах, — все-таки искоренить воровство никак не удается. Будучи большими простаками в других отношениях, отличаясь склонностью к лени, подданные в деле воровства весьма предприимчивы, идут, не страшась быть пойманными, на многое, и вообще редко чего-нибудь боятся. Многие открыто говорят, что кражу помещичьего добра они вовсе не считают делом греховным, называют эту кражу не кражею, а кормлением за счет помещика, и приводят пословицу, которая на немецком языке гласит приблизительно следующее:

«Сколько бы раз ни забирали у воробья его яички, он всегда снесет новые и выведет птенцов; так и мы — сколько бы мы ни кормились за счет помещика, все же он останется богатым, а мы — бедняками».

Дело обстоит так, как будто бы подданные в Польской Верхней Силезии знают только девять заповедей и никогда не слыхали о шестой: они крадут все, что только могут украсть, и всякий раз крадут снова, хотя бы и были пойманы на воровстве и подверглись за то соответствующему наказанию.

Помещик, у которого много бедных, ленивых и злонамеренных подданных, ежегодно теряет вследствие воровства на 300, на 500 и даже на 1 000 имперских талеров из своих доходов. Трудно поверить разным плутням, совершающимся почти ежедневно. Часто при этом помещичьи служащие рискуют не только своей безопасностью, но и самою жизнью. Напр., когда им приходится ловить лесных воров и они хотят представить их на допрос, эти последние, будучи уверены, что ни лесные сторожа, ни другие служащие не знают их имени и места жительства, нередко оказывают им сопротивление. Также и дворовые работники пускаются на воровство всякий раз, как для этого представляется случай. Наказание плетьми помогает мало, так как по большей части стыда у них нет и в помине и совсем нипочем им удары. Дворовые люди, которым вместо ежедневного довольствия каждые три месяца выдается из помещичьих амбаров паек (Deputat), как нельзя лучше пользуются этим обстоятельством: продавая якобы свой паек, они круглый год крадут хлеб из амбаров. А чтобы легче было схоронить концы в воду, многие продают краденое по ничтожной цене или просто отдают за несколько кварт водки.

Легко себе представить, сколько еще, помимо ущерба от частой покражи, помещики сплошь и рядом терпят убытков, теряя (часто в самую горячую рабочую пору) время на преследование воров, на розыски краденого и т. п. Терпят большие убытки и деревенские судьи, которых постоянно тревожат из-за этого воровства и которые ничего за свои труды не получают: будучи все время отрываемы от дела, они не в состоянии обслуживать свое хозяйство или добывать хлеб свой насущный ручными работами и прочее. Вот поэтому-то каждый подданный и отказывается всячески от должности судьи или шульца.[30]

Из-за поземельных или так называемых денежных оброков.

Если не считать немногих немецких деревень в окрестностях Нейштадта, а также в округах Leobschütz и Katsch, где живут культурные, в большинстве зажиточные и трудолюбивые подданные немецкого происхождения, во всей Польской Верхней Силезии мало таких больших и многолюдных селений, какие, например, часто встречаются в Нижней Силезии, особенно в областях предгорной и горной. Да и в этих селениях уже имеющиеся дворы барщинных крестьян и огородников не всегда заняты. Поэтому доходы помещиков от поземельных и денежных оброков почти повсюду незначительны.

А между тем поземельный оброк, бесспорно, является одним из наиболее надежных и верных помещичьих доходов. По всей Силезии отдельные хозяева вносят его в Михайлов день (лишь разного рода ремесленники, как, например, мельники, рыбаки и прочие, вносят его по полугодиям или по четвертям года). И чем больше в деревне земельных наделов или дворов, тем больше помещик получает поземельных оброков, наоборот, чем меньше дворов, тем меньше оброков. Так как в Польской Верхней Силезии еще и по сию пору лежат впусте многие тысячи шеффелей поля, так как дерева, известняка и прочих строительных материалов во многих местах имеется в достаточном количестве и они дешевы, то помещики легко могут устроить сотни новых дворов и деревень..., и поземельный оброк вследствие этого значительно может быть увеличен.[31]

В отношении интересов подданных, в частности, поскольку дело касается способа обработки их полей и порядка прочих работ.

Так как во втором отделе я уже говорил о барщинных работах крестьян и дворовых огородников, то, не желая вдаваться в частые повторения, я ограничу здесь свое изложение очень немногим.

Весьма многие из подданных Польской Верхней Силезии, именно: дворовые крестьяне, дворовые люди и дворовые огородники, обременены слишком большою барщиной и получают за нее очень малую, еще 100 лет тому назад установленную плату. Вследствие этого большинство дворовых крестьян, особенно те, у которых имеется по $1^1/_2$, по 2 и по $2^1/_2$ гуфы и которые могут высеять от 30 до 40 бреславльских

шеффелей зерна, не в состоянии обрабатывать свои поля в надлежащее время и надлежащим образом.[32]

Большинство дворовых крестьян не в состоянии, за недостатком времени, иметь какой-нибудь добавочный заработок перевозкою дров и другими подводами в города и т. п. Если же крестьянин не в состоянии ни обработать надлежащим образом свое поле, ни получить какой-нибудь добавочный заработок от подвод, либо добавочный доход от скота и проч., то само собой разумеется, что он не может ни иметь хорошего урожая, ни вообще извлекать из своего надела наивозможной выгоды.

Если подданный из всего своего хозяйства и ежедневной работы ежегодно извлекает лишь столько, сколько он потребляет с семьей, если у него, за покрытием ежегодных повинностей и налогов, ничего не остается ни деньгами, ни хлебами, ни чем-либо иным, что он мог бы в случае нужды обратить в деньги, то при несчастных случаях, например, в случае падежа нескольких штук скота, гибели хлеба на корню от градобития, разграбления запасов в военное время врагами и прочее, он собственными силами не в состоянии оправиться и снова поставить на ноги свое хозяйство. К этому надо добавить, что так как очень немногие из подданных могут, принимая надел, заплатить за него целиком, или даже хотя бы наполовину, так как большинство вообще не в состоянии купить наделы за низкую цену и вследствие этого полностью расплатиться за них в течение 10, 20, 30 лет, то лишь немногие сидящие на земле подданные могут оставить в наследство своим детям какое-нибудь имущество и, кроме того, многие еще обременены долгами.

Еще сейчас можно найти по 10 — 20 владельцев в той или иной деревне, которые не в состоянии уплатить кредиторам 100 имперских талеров, взятых взаймы во время Семилетней войны. Вообще, надо сказать, что ни один разумный человек, знающий материальное положение подданных, не даст взаймы барщинному крестьянину или дворовому огороднику и одного имперского талера. Лишь мельникам, содержателям корчем и вообще владельцам более значительных и свободных от барщины участков даются взаймы некоторые малые суммы...[33]

П о с к о л ь к у   д е л о   к а с а е т с я   д о б а в о ч н о г о   з а р а б о т к а,   н а п р и м е р,   п е р е в о з к о ю   д р о в   и   д р у г и м и   п о д в о д а м и,   а   р а в н о   р у ч н ы м и   р а б о т а м и.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с повседневными работами земледельца, легко из вышеизложенного может увидеть, что подданные, которым приходится еженедельно и в больших размерах справлять конную и пешую барщину (Ross- und Handdienste), едва имеют время для того, чтобы своевременно и надлежащим образом обработать свои поля и обсеменить их. Поэтому само собой разумеется, что многие обремененные большим количеством полевых работ подданные не в состоянии что-либо приработать на стороне извозом дров, другими какими-либо подводами, или же поденной работою. А если и случится кому-нибудь из них по окончании обра-

ботки своего и помещичьего поля и выполнения других работ улучить для этого 1 или 2 дня в неделю, то и тогда не всякий раз представляется возможность заработка с упряжкою. В Польской Верхней Силезии нет такой нужды в подводах, какая ощущается в Нижней Силезии. Отчасти это объясняется тем, что здесь не так, как в Нижней Силезии, развита торговля, отчасти тем, что здесь вообще не велик спрос на подводы вследствие малочисленности городского населения. Поэтому крестьянам различных деревень, в случае, если они обязаны умеренною конною барщиной, из-за отсутствия спроса на подводы приходится держать своих лошадей в зимнее время по 8 — 14 дней совсем без работы, и лишь понапрасну тратиться на прокорм их. Не лучше обстоит дело и с ручными или поденными работами. Такую работу, как, например, участие в небольших постройках или рубку дров в лесу вне времени уборки урожая, найти очень трудно и даже невозможно совсем, так как спрос на нее и в городах и в деревнях очень невелик, к тому же в городах эта работа по большей части выполняется за малую плату свободными стражами (Freiwächter) или солдатами, стоящими у горожан на квартирах. Правда, в работах поденщиков нуждаются еще многие из крестьян и прочих мелких земледельцев, так как часто они не в состоянии обойтись руками своей прислуги. Но эти земледельцы по большей части слишком бедны, чтобы нанимать поденных рабочих. Поэтому сплошь и рядом у них стоят самые неотложные работы, и многие из-за этого несут большие убытки в своем хозяйстве.

Поскольку дело касается их детей, которые часто остаются по смерти родителей в несовершеннолетнем возрасте без всяких средств к существованию, без всякого образования и без одежды.

Из того, что я уже сказал, всякий легко может увидеть, что... весьма немногие из подданных Польской Верхней Силезии могут расплатиться за свои купленные за бесценок наделы даже в течение 10 лет..., и что тем менее в состоянии они что-либо накопить и отложить для обеспечения своего потомства. Что же, спрашивается, делать бедным, неразумным, необразованным и раздетым сиротам в случае преждевременной смерти их родителей? Кто, сжалившись над ними, даст им пропитание и одежду? Кто возьмет на себя заботу обучить их всему тому, что необходимо для земледельца?

Многие из таких несчастных детей ходят и просят милостыню, многие, если они годны для услужения, проводят дни на помещичьих мызах, обремененные тяжелыми работами, жестоко страдая и в зимнюю и в летнюю пору от недостатка одежды. Некоторые из них уходят за границу и частью по нужде, частью из-за привычки к лени становятся бродягами и злодеями. Взрослые дети, которые уже в состоянии взять отцовские наделы, садятся на эти наделы по большей части без денег. Если хозяйство на наделе расстроено, если при нем нет достаточных запасов хлеба, корма, семян, то сыну суждено на

отцовском наделе разориться в короткое время. Если он не получит денег и помощи от помещика, если ему, как и его предшественникам, не удастся получить кредита, каким образом сможет он при ряде следующих друг за другом несчастных случаев долго владеть своим наделом и на нем удержаться? Ведь, ни братья его, ни сестры ничего не смогут сберечь на своей службе и оказать ему помощь в его хозяйстве. Может быть, у него самого уже дети, и все же, в конце концов, он вынужден отказаться от надела в пользу другого. И если ни отец его, ни он сам не успели, владея наделом, внести за него хотя бы половины покупной его суммы, напр., 5, 10 или самое большее 20 имперских талеров, то и он и все его семейство становятся нищими, вынужденными либо всю жизнь кормиться, перебиваясь кое-как, либо на чужой стороне искать лучшей доли. А если им даже и внесены в счет покупной платы 5, 10 или 20 имперских талеров, все же от нового владельца он получит их обратно не сразу, а в рассрочку, именно, в год по 2, по 3 и по 5 имперских талеров. Очень часто... невозможно бывает даже определить, кто из кредиторов имеет право на получение долгов в первую очередь...

Если два-три хозяина в деревне из-за падежа рабочего и иного скота, плохого урожая или других несчастных случаев разорятся, то в результате будет от 10 до 20 человек нищих, считая старых и малых. Большинство из них, если им придется жить дома самим по себе, без службы и хозяйства, будут вынуждены под давлением нужды кормиться воровством из помещичьих амбаров и житниц, или же из помещичьего леса.

Нужда, воровство и вызываемые им наказания таковы, что им может поверить только тот, кто часто имел случай все это видеть и обо всем этом слышать самолично...

Поскольку дело касается кредита.

Положим, что крестьянин даст обязательство заплатить за свой надел 10, 12, 24, 50, 100 или даже хотя бы 400 силезских талеров. Все же в действительности, по своей бедности, он сможет дать, вступая во владение этим наделом, лишь не более 1, 2, 3, 5, 10 силезских талеров в виде задатка. Остальные деньги он будет уплачивать продавцу, его наследникам или кредиторам, не входя при этом в новые долги, в течение 10, 15, 20 и 30 лет, если только ему удастся удержаться в течение столь долгого времени на наделе и если градобитие, пожар, наводнение и другие несчастные случаи и потери не помешают этой уплате. Если, таким образом, кредитору не обеспечена правильная уплата его вложенного в землю капитала, если он к тому же не получает никаких ежегодных процентов на этот капитал и вообще ждет уплаты долга 5, 10 и 20 лет, получая деньги лишь небольшими частями, и притом теряя, кроме процентов, еще с каждого силезского талера по 1 серебряному грошу в виде налога с уплачиваемого долга, то кому, спрашивается, придет при таких обстоятельствах охота давать подданному взаймы свои добытые трудом деньги для улучшения его хозяйства? Если у кого есть лишние талеры, он скорее предпочтет

держать их дома под запором, нежели к великому своему вреду и великому беспокойству ссужать их на нужды такого хозяйства.[34]

Мне известны некоторые деревни, которые, взявши в долг под поручительство помещиков от 100 до 200 имперских талеров еще во время Семилетней войны, и до сих пор не вернули кредиторам их денег, хотя уже много лет тому назад состоялось судебное решение об уплате. На каждого члена общины падает при этом обязательство единовременно уплатить всего лишь 1, 2, самое большее — 4 имперских талера. Некоторые честные и трудолюбивые люди, которые еще могли бы стать на ноги, окончательно разоряются из-за отсутствия кредита и вынуждены с своею семьею жить милостынею.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Терминами помещик, поместье мы совершенно условно передаем, в сущности, непереводимые на русский язык немецкие термины Gutsherr, Gutsherrschaft. Известно, что характеризуемые этими терминами отношения были типичны лишь для тех областей Германии, которые лежали к востоку от Эльбы. Gutsherrschaft — это не только дворянская экономия, дворянское имение особого типа (с поставленным на широкую ногу производством сельскохозяйственных продуктов для рынка); Gutsherrschaft обнимает и крестьянские земли, является, следовательно, территориальным округом (Gutsbezirk), подчиненным помещику (Gutsherr) не только как земельному собственнику, но и как носителю судебно-полицейской власти. В немецкой историко-экономической литературе принято отличительными особенностями Gutsherrschaft'а считать: 1) верховную собственность помещика на все лежащие в пределах подчиненной ему территории земли, 2) крепостную зависимость (наследственное подданство) всего проживающего в пределах этой территории населения от помещика, выражающуюся прежде всего в зависимости по земле и обязан ости справлять всякого рода барщинные работы в крупном помещичьем хозяйстве, 3) судебно-полицейские права помещика над всем населением округа. Отношения, характеризуемые термином Gutsherrschaft, как известно, складывались постепенно, главным образом на протяжении XVI — XVII вв., и были господствующими в восточной Германии на протяжении всего XVIII в. Они знаменовали собою разрыв связей прямого подданства между территориальным князем (Landesherr) и крестьянством. О происхождении и сущности этих отношений см. Кнапп Г., Освобождение крестьян и т. д. Перевод с немецкого, Спб, 1900.

[2] Этот отдел, равно как и следующие за ним отделы 4-й и 5-й (§§ 87—307), потеряли свою силу после издания указа 9 октября 1807 г., провозгласившего для одних категорий крестьян немедленную отмену состояния подданства, а для других категорий крестьян (в том числе и безземельных) — с Мартынова дня 1810 г. В третьем, исправленном издании «Уложения» (1885 г.) эти отделы опущены, и мы берем их в издании 1806 года.

[3] По поводу этих параграфов Уложения один из современных авторов говорит следующее: «Согласно терминологии Общеземского Прусского Уложения, ни в одной из Прусских провинций нет крепостной зависимости (Leibeigenschaft): законом признается лишь подданство (Unterthänigkeit)... Но чем это последнее отличается от крепостной зависимости?.. Все мы — подданные государства или представителя его — территориального князя. Но значит ли это, что государство может по усмотрению одних из своих подданных делать конюхами, других поваренками, третьих пастухами? Ведь никто из нас не признает за государством таких полномочий. Так зачем же пользоваться этим термином для определения отношений частных подданных к их помещикам в Пруссии, Силезии, Померании, Неймарке и т. д.? Владелец каждого наделенного дворянскими правами имения может здесь... любого из своих подданных, не спрашивая на то его согласия, произвольно определять на работу в своем имении, на барском дворе, на скотном дворе, на кухне и т. п. Новорожденные дети считаются принадлежащими помещику (sind dem Herrn eigen); это значит, что он может, не спрашивая родителей, решать, для каких служб или для какой работы они должны быть воспитаны.

Несмотря на такие широкие полномочия помещика, термина «крепостной» избегают и придумали делать различие между обязанностями этого класса людей по отношению к имуществу или к земле и обязанностями по отношению к личности (телу) землевладельца: того, кто уже в силу своего рождения привязан к личности, стали называть крепостным, а того, кто в силу рождения привязан к земле,— лишь зависимым по земле (gutspflichig) или glebae adscriptus. Если мы последнее выражение будем толковать в применении к подданному в том смысле, что тело его принадлежит имению (ибо, благодарение богу, душою несчастного помещик располагать не волен), то легко выявится шаткость всех таких понятий и разъяснений»... (Krug L., Über Leibeigenschaft oder Erbunterthänigkeit, 1798, S. 7—9.)

Известный историк Прусского крестьянства, Г. Кнапп, толкует приведенные параграфы Уложения таким образом: «Совершенно ясно, говорит он, что Общеземским Уложением крепостная зависимость в строгом смысле этого слова воспрещена; личное рабство, делающее человека неспособным приобретать имущество, объявлено несуществующим... Следует ли отсюда заключать, что этот институт когда-то существовал? Имеем ли мы основания думать, как это делают многие, что приведенные постановления Общеземского Уложения заменили крепостную зависимость в худшем смысле этого слова более мягким состоянием наследственного подданства? Во всяком случае, приведенное место нельзя понимать в том смысле, будто только в 1794 г. наследственное подданство стало на место крепостной зависимости. Напротив, наследственное подданство было господствующим состоянием в течение всего XVIII столетия. Притязания помещиков на частную движимость подданных, если они где и предъявлялись, были противозаконны. Правда, в начале XVIII столетия упоминается об одной группе крестьян, которые не могли приобретать имущество для себя, но чтобы такие порядки существовали еще в момент появления Общеземского Уложения, это нам кажется неправдоподобным. В картинках из жизни крестьян, поскольку они относятся к концу XVIII в., нет ни одного примера того, чтобы помещик предъявлял притязание на частную движимость своих крестьян; нет примеров и того, чтобы подданные отчуждались против их воли без имения, к которому они приписаны. Следовательно, приведенное место Общеземского Уложения не имеет значения поворотного пункта и, повидимому, никакого отношения к реальной действительности не имеет; это — просто теоретическое положение в духе естественного права» (Knapp G., Die Bauern-Befreiung etc., I, S. 122—123).

Кнапп вполне прав, когда он утверждает, что Общеземское Уложение, провозглашая подданство крестьян, тем самым ничего нового в жизнь не вводило. Но он едва ли прав, считая это провозглашение простым теоретическим положением, никакого отношения к реальной действительности не имеющим. В настоящее время можно считать выясненным, что понятие подданства (Unterthänigkeit) или наследственного подданства (Erbunterthänigkeit) имело в Восточной Германии совершенно определенный правовой смысл и отражало реальные жизненные отношения. Оно означало не личное холопство, а зависимость по земле, крепостную зависимость не в строгом смысле этого слова, и характерные черты состояния подданства очень хорошо выявлены Уложением. Будучи крепки к земле и не имея права самовольно покидать свой надел, подданные несли в пользу помещика барщины и всякие другие повинности, не могли без его разрешения вступать в брак и были подсудны ему по делам низшей юстиции. Дети подданных обязаны были служить в дворне и по достижении совершеннолетия садиться по требованию помещика на тот или иной надел, т. е. обзаводиться собственным хозяйством. Писаные законы Прусского государства никогда не признавали личной зависимости крестьян, личного их холопства, предоставляя подданным имущественные и семейные права и запрещая помещикам отчуждать их без земельных наделов. Однако надо сказать, что в некоторых Прусских провинциях, именно в Шлезвиг-Голштинии, Мекленбурге и Померании, повседневная правовая практика допускала на протяжении всего XVIII в. продажу помещиками крестьян и без земли, так что в этих провинциях личное холопство фактически существовало. Правда, крестьяне пользовались и здесь имущественными правами, но эти права сплошь и рядом были «худшего качества»: помещик мог в любое время прогнать крестьянина с его надела и требовать от него справления барщины в неограниченном количестве. Словом, в Шлезвиг-Голштинии, Мекленбурге и Померании крестьяне во многих случаях, вопреки точному смыслу писаных законов, были настоящим живым инвентарем поместья, и помещик мог пользоваться ими по своему усмотрению.

[4] Уложение особенно подробно останавливается на барщине подданных, и это вполне понятно. Барщина была главною повинностью крестьян, так как крупные рыцарские имения обрабатывались почти исключительно их руками, и самая крепостная зависимость была вызвана в Восточной Германии, главным образом, стремлениями помещиков заполучить для нужд этих хозяйств даровую рабочую силу. Мы знаем, что уже к началу XVIII в. барщина сделалась настоящим бичом для крестьянства, и это очень хорошо отметил в 1710 г. в своем «Донесении» Фридриху I известный фон Лубен. «В некоторых местностях, — говорит он, — существует настоящая крепостная зависимость, и дворяне ее не отменяют... И вот мучают они своих подданных тяжкими, египетскими, работами..., суровыми взысканиями и всяческими повинностями до того, что делают совсем нищими и неплатежеспособными, или же вынуждают их к бегству. Если же случится это последнее, водворяют обратно, и тогда зло становится еще большим: людей карают штрафами, жестоким обращением. При неурожае и других несчастных случаях... никаких послаблений... им не делают..., помощи не оказывают..., всю кровь из них высасывают. И если вашего королевского величества отеческая забота о стране не примет против этого мер... все должно пойти вверх ногами...«(Stadelmann R., Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landescultur, I, 1878, S. 216.) Мы знаем, что на протяжении всего XVIII в. ничего не было сделано в смысле ослабления барщины. Ничего нового в этом отношении не вводит и Общеземское Уложение. В частности, при всей подробности регламентирования барщинных работ, Общеземское Уложение все же отнюдь не исключает возможности бесконечных споров и тяжб, обычно возникавших при справлении этих работ между помещиками и крестьянами. В самом деле, целый ряд параграфов (напр., §§ 319, 347, 393) средактирован крайне двусмысленно и неопределенно, так что для обеих заинтересованных сторон открывается широкая возможность толковать эти параграфы в свою пользу.

[5] Ср. в качестве образца соответствующих местных постановлений о длине барщинного дня и о часах отдыха для барщинных крестьян «Регламент о крестьянской барщине в Новой Марке» от 26 октября 1720 г., §§ 2 и 3 (Altmann W., Ausgewählte Urkunden etc., I Theil, 2 Auflage, 1914, S. 227 — 228).

§ 2. «Так как подданные нарушают крестьянский устав (речь идет об уставе 1685 г.) тем, что в барщинные дни являются на работу не к положенному времени, но приходят и уходят, когда это им будет угодно, и сверх того целый день проводят в праздности и отдыхе,... постановлено о том, чтобы крестьяне и все подданные выходили на барщину с восходом солнца и уходили с барщины с его заходом. А дурной обычай, где это завелось по-другому, должно оставить. При этом однако по справедливости надлежит принимать во внимание такие случаи, когда подданные живут на дальнем расстоянии. Тогда, сообразно дальности расстояния, вычитать время, необходимое для прибытия туда и обратно. Но никоим образом, под страхом жестокого телесного наказания, не должны подданные и их работники чересчур мешкать, а тем более иметь остановки в дороге».

§ 3. «При справлении дневной барщины время отдыха и обеда не должно превышать двух часов. И если подданным предстоит работа на дальних полях, не ездить им со своим скотом обедать домой, но брать с собой с утра свой обед; скот же кормить или пасти на месте».

[6] В своем небольшом произведении «О крепостной зависимости или наследственном подданстве сельского населения в Прусских государствах» автор (Leopold Krug) ставит своею целью доказать прусскому дворянству необходимость и возможность отмены крепостного права. Охарактеризовав состояние подданства в том смысле, в каком понимает его Общеземское Прусское Уложение, дав затем изображение быта подданных в различных провинциях Прусской монархии in concreto, он разбирает и опровергает в дальнейшем аргументы в защиту крепостного права, приводимые обычно его сторонниками, подчеркивает вред для сельского хозяйства, проистекающий от неопределенной барщины и предлагает в заключение следующие мероприятия, которые, по его мнению, можно было бы немедленно провести в жизнь, не затрагивая интересов помещиков: 1) повсеместное превращение неопределенной барщины в определенную, 2) упорядочение и улучшение школьного дела в деревнях, 3) предоставление подданным права выхода из зависимого состояния путем уплаты помещикам выкупных сумм, которые должны быть точно фиксированы правительством, 4) ограничение права помещичьей юсти-

ции, 5) учреждение по округам небольших правительственных фондов, из которых могли бы выдаваться трудолюбивым, но бедным крестьянам деньги для выкупа их из зависимого состояния, 6) выдача правительственных премий тем помещикам и деревенским общинам, которые пришли бы к обоюдному соглашению о замене натуральных крестьянских служб денежными или натуральными платежами. Для нас рассматриваемое произведение особенно важно потому, что мы находим здесь сжатую и совершенно объективную характеристику материального и правового положения прусских крестьян во всем его конкретном разнообразии, применительно к отдельным провинциям Прусской монархии.

[7] Автор приводит перед тем §§ 87—239, 246, 318, 495—548 четвертого титула второй части Общеземского Уложения.

[8] Примечание автора: «Я воздержусь здесь от каких бы то ни было замечаний и отложу их до следующего отдела. Отмечу только, что по общему правилу помещики пользуются такими правами над своими подданными в Силезии, особенно в Верхней Силезии, по правую сторону Одера, в Померании и вообще в тех провинциях, где славяне некогда составляли большинство населения».

[9] Примечание автора: «Впрочем, и в Верхней Силезии есть местности, которые в отношении плодородия почвы не уступят многим местностям герцогства Магдебургского».

[1] Примечание автора: «В тех областях, где господствует строгое подданство крестьян, потребляется гораздо более водки, нежели в тех областях, где проживают свободные люди. Причина этого та, что крепостной в опьянении и вызываемом им забвении своего печального рабского положения ищет и часто находит для себя величайшее и, можно сказать, единственное счастье. Многие Силезские и Прусские помещики извлекают большие доходы из своей монополии на выкуривание водки и стремятся вследствие этого к распространению сбыта ее между своими подданными. Впрочем, я охотно признаю, что это больше практикуется не самими помещиками, а их арендаторами. Конечно, это является средством к тому, чтобы держать людей неподготовленными к свободному состоянию. Но не ужасно ли, когда ссылаются на это, как на довод против отмены прав, их угнетающих? Некоторые по-человечески мыслящие помещики Силезии повышают цену на водку и варят вместо нее полезное для здоровья и крепкое пиво, которое встречается там не часто. И даже такое, повидимому, ничтожное и незначительное средство может иметь благодетельные последствия в смысле постепенного повышения культурного уровня крестьянства. Само собой разумеется, что чистые доходы помещика как будто терпят от этого ущерб, так как арендаторы снижают на несколько талеров арендную плату, если торговля водкой ограничивается».

[11] Ср. для иллюстрации этого положения то, что говорит о работах и о хозяйстве крепостных людей другой современник (S c h m a l z, Über Erbunterthänigkeit, Berlin, 1808, S. 33—34): «Непрестанно раздаются жалобы на коварство крепостных людей, на их беспечность, порчу ими сельскохозяйственных орудий и на их лень... И в самом деле, часто едва можно поверить тому, насколько далеко простираются эта беспечность и эта лень... Крепостные работники жестоко обращаются с вверенными им лошадьми, между тем как наши свободные работники обращаются с этими животными почти нежно. Да и крестьянин, который является только хозяином и которому его дом, а нередко и его скот не принадлежат в собственность, относится и к тому и к другому с удивительною небрежностью. Ему лень привезти из леса для топки отведенные для этого дрова, и он рубит на топливо стропило из собственной крыши (я рассказываю то, что сам видел собственными глазами), «так как в случае, если дом обрушится, строить его придется помещику». Лошадей кормят плохо и невозможно изнуряют их быстрой ездой, так как в случае, если лошадь издохнет, вред от этого будет помещику (вот почему наблюдается быстрая езда в местностях с крепостным населением)». Ср. также следующее место из современника (Gemälde der Sclaverey und Leibeigenschaft in den Herzogsthümern Schleswig und Hollstein, 1797, S. 36—37): «Крепостному человеку в его положении совершенно безразлично, случится ли неурожай и дороговизна, сгорит ли его дом от пожара, пропадет ли сельскохозяйственный инвентарь или погибнет рабочий скот; он знает, что восстанавливать все недостающее и потерянное придется помещику. От такого безразличия естественно проистекают неописуемые нерадение и лень, которые часто граничат с настоящей преступностью: некоторые из крепостных умышленно, из желания, по мере возможности, досадить своему бессердечному

помещику, стараются как можно хуже обработать его землю и как можно больше навредить его рабочему скоту».

[12] Прим чание автора: Даже в графстве Мансфельд еще в 1786 г. в некоторых деревнях, напр., в Клотвице, существовали неопределенные барщины. А барщины по постройкам и в королевских и в дворянских имениях не определены почти повсюду».

[13] Примечание автора: «Если уж нельзя обойтись без натуральных барщин, то я полагаю, что в таком случае и для помещика и для крестьян было бы лучше не определять барщину днями (ведь, известно, как барщинники стараются при этом выгадать медлительностью работы, малыми нагрузками, так называемой жалостью к лошадям и т. п.). Было бы лучше предоставлять каждому из барщинников для обработки определенный участок, сообразуясь при этом с другими его барщинными службами и с точным смыслом заключенного с ним контракта».

[14] Во второй половине XVIII и начале XIX в. в Пруссии, как известно, появился целый ряд произведений, авторы которых указывали на бедственное положение зависимого крестьянства и подчеркивали необходимость отмены крепостного права. Опасаясь репрессий со стороны всемогущего дворянства, они не всегда решались открывать свое имя, предпочитая или выступать под псевдонимами, или же оставаться совсем неизвестными. К числу этих последних относится и автор произведения «О современном состоянии Верхней Силезии». В предисловии он говорит, что долгое время из опасения «нажить множество врагов» колебался печатать свою книгу, и лишь сознание того, что каждый должен «содействовать общему благу», а также патриотические побуждения заставили его решиться на это дело. Автор считает нужным оговориться, что он отнюдь не замышляет «разрушать добрый порядок и сеять смуту», а просто хочет указать на невозможное положение крепостных людей Верхней Силезии и на тот вред, который проистекает от таких порядков не только для крестьян, но и для помещиков, и для всего общества в его целом. «А чтобы никому не показалось, будто те или иные факты сообщаются им по личной неприязни и из-за нечистых побуждений», он «не называет ни помещиков, ни деревень, но и о том и о другом умалчивает». Несмотря на такие предосторожности, автор все же предпочел умолчать и о своем собственном имени, очевидно, имея к этому веские основания! Книга снабжена примечаниями «критика» (Beurtheiler), который обычно подтверждает сообщаемые автором факты на основании собственных наблюдений, и лишь в очень немногих случаях (в наших примечаниях они отмечены) выражает сомнение в их достоверности. Этот «критик» из осторожности тоже предпочел скрыть свое имя.

[15] Примечание «критика»: «Я более, чем кто бы то ни было, имел случаи убедиться в истинности этих сообщений».

[16] Прим чание автора: «Некоторые крайне тяготятся этим ярмом, и при случае, когда побои уже не могут заставить их старательнее выполнять их обязанности, на угрозы помещика препроводить их в исправительный дом, прямо в лицо ему говорят: «Лучше уж нам 10 лет отсидеть и отработать в исправительном доме, нежели два года состоять в подчинении вашей милости».

[17] Прим чание автора: «Скотину помещик должен выращивать на свой собственный счет или же покупать ее на свои наличные деньги. А детей подданных выращивают их родители, и, когда эти дети становятся работоспособными, помещик просто берет их на свои мызы. Понятно, почему он бережнее обращается со своею скотиною, нежели со своими дворовыми людьми и прочими подданными. Ведь хорошая рабочая лошадь стоит 10, 12 и более дукатов, а дворовый работник и работница ничего не стоят, кроме слов: «отправляйся на барский двор».

[18] Прим чание автора: В Нижней Силезии работник, находящийся в услужении у крестьянина, получает, кроме достаточного довольствия и денег на рубашки, в год 16, 20 и до 24 имперских талеров жалованья, а работник, находящийся в услужении у помещика — 8, 10 и до 12 имперских талеров жалованья. Многие, прослужив 3 года на мызе, могут, согласно положению о дворне, наниматься по своему усмотрению, куда угодно. Если же необходимость заставляет удерживать их на барском дворе более 3 лет, им полагается или жалованье свободного рабочего, или же прибавка по соглашению. Также и в Марке дворовые люди получают хорошее довольствие и жалованье, и ни помещики, ни их крестьяне никакого вреда от этого не терпят

[19] Талер — серебряная монета, которую стали чеканить на Западе с конца

XV ст. Имперский талер (Reichsthaler) XVIII ст. по весу содержавшегося в нем серебра равнялся 4,20 маркам на современную золотую валюту, т. е. приблизительно 2 нашим рублям.

[20] Грош (Groschen) — мелкая серебряная монета. В XVIII ст. в Пруссии имперский талер обычно содержал 24 гроша, по 12 пфеннигов в каждом. С 1821 г. введены были в Пруссии во всеобщее употребление более мелкие, так называемые «серебряные гроши» (Silbergroschen); их было 30 в имперском талере, и каждый из них попрежнему содержал 12 пфеннигов. Однако в Силезии такие «серебряные гроши» (называвшиеся здесь Gröschel'ями) были в ходу еще в XVIII ст. Именно такие гроши и имеются в виду при вычислении жалованья дворне.

[21] Шеффель (Scheffel) — мера сыпучих тел. В XVIII в. в Пруссии шеффель равнялся приблизительно 55 литрам (54,96 литра). Шеффель — иногда также простонародная мера поля, так как размеры пахотных полей нередко определялись количеством шеффелей зерна, потребных для их засева.

[22] Кварта (Quarta) равялась в Пруссии в XVIII в. 1,15 литра.

[23] Меце (Metze) — $^1/_{16}$ часть шеффеля. В Пруссии равна была 4,435 литра.

[24] В другом месте своей книги автор говорит о деревенских школьных учителях Верхней Силезии следующее: «Во многих деревнях школьные учителя одновременно являются и писарями, так как почти ни один шульц или судья не может удобочитаемо и понятно писать ни по-немецки, ни по-польски. За это они получают некоторое небольшое вознаграждение и от помещика и от подданных. В тех деревнях, где школьный учитель вместе с тем является и писарем общины, он ежегодно получает: 1) как писарь, иногда обслуживающий 2-3 деревни сразу, от 6 до 8 и 10 имперских талеров; 2) как школьный учитель — 4, 6 и до 8 имперских талеров и несколько шеффелей хлеба от помещика, около 8 грошей и около 2 бреславльских меце зерна от каждого крестьянина и 4 гроша с придачею 1-2 меце хлеба от каждого свободного и дворового огородника. Там, где крестьян много и несколько деревень имеют одну школу, доходы школьного учителя еще дают ему возможность кое-как существовать, если у него не много детей. Но когда школа обслуживает 2-3 малых деревни и малое число крестьян, доход школьного учителя настолько мал, что он жить на него не может... Поэтому многие из школьных учителей, если они не хотят пускаться на воровство или вместе со своими семьями голодать, вынуждены ходить в летнюю пору в лес рубить дрова, или же прирабатывать ремеслом... Правда, некоторые помещики... не жалеют давать школьным учителям по нескольку имперских талеров в год и таким образом снабжать их средствами к существованию, но таких помещиков мало, большинству же нет никакого дела до того, может или не может школьный учитель сводить при своих доходах концы с концами». Автор отмечает, что в результате материальной необеспеченности и невежественности школьных учителей и вообще плохой постановки школьного дела крестьяне настолько невежественны, что сплошь и рядом даже «не знают, сколько месяцев в году, сколько дней в месяце и сколько в сутках часов» (K r u g L., Op. cit., S. 45 — 47). Плохая постановка школьного дела, необеспеченность и невежественность школьных учителей не являлись исключительными особенностями Верхней Силезии. То же мы можем констатировать и для других провинций Прусской монархии, напр., для Шлезвига и Голштинии. Один из современников говорит, что большинство деревенских школьных учителей здесь — ремесленники, для которых их промысел является главным, а преподавание в школе — лишь побочным занятием. Эти школьные учителя «часто не в состоянии отвечать на предлагаемые им вопросы иначе, как словами из катехизиса; они не привыкли к самостоятельному мышлению, не могут ни порядочно складывать буквы и читать, ни правильно писать, и у них нет ни малейшего представления о методах преподавания». (Gemälde der Sclaverey und Leibeigenschaft in den Herzogsthümern Schleswig und Holstein, von T h. S k l a v e n f e i n d, 1797, S. 59 — 60.)

[25] Ср. то, что говорит современник о жилищах крепостных Шлезвига и Голштинии (Gemälde der Sclaverey und Leibeigenschaft in den Herzogsthümern Schleswig und Holstein, von T h. S k l a v e n f e i n d, 1797. S. 43 — 44): «Уже один внешний вид их приводит в содрогание. С трудом можно поверить, что крестьянские дома, особенно дома мелких крестьян и инстов обитаемы человеческими существами, и если бы не... двери и разное тряпье, каким заткнуты разбитые оконные стекла, то эти человеческие жилища легко можно было бы принять за хлева для скота. Если же войти внутрь... и посмотреть, какая там теснота и хаос, каким смрадом

из смеси собственных испарений и испарений скота дышат люди, если посмотреть, какая нечистота царит в этих жилищах, как малы и низки конуры, именуемые комнатами и предназначенные собственно для проживания людей, то даже бессердечный человек не сможет... не проникнуться глубоким состраданием к несчастным обитателям означенных жилищ и не пожелать им более счастливой доли. Правда, жилища так называемых гуфнеров не столь тесны и ужасны, как жилища кетнеров (Käthner) и инстов (Insten), но все же и на них лежит яркая печать крепостного состояния, и если в одной и той же деревне рядом проживают свободные и крепостные люди, то уже по одному виду их жилищ можно легко догадаться, к какому разряду людей относятся их обитатели».

[26] Примечание «критика»: «Не слишком ли в данном случае автор преувеличивает, поскольку он говорит о Польской Верхней Силезии вообще? Я наблюдал это лишь среди проживающих в Верхней Силезии цыган».

[27] Ср. то, что говорит другой современник об организации медицинской помощи в деревнях Шлезвига и Голштинии: «Лекаря в собственном смысле этого слова едва обслуживают шестую часть населения; обычно их заменяют старухи-знахарки, коновалы, в лучшем случае—брадобреи». (Gemälde der Sclavercy und Leibeigenschaft in den Herzogsthümern Schleswig und Holstein, 1797, S. 54.)

[28] В дальнейшем мы даем лишь некоторые небольшие выборки из того, что говорит автор в обширном VI отделе. Из других сообщаемых им здесь сведений особенно интересны те, которые касаются рыбоводства и рыбной ловли в барских прудах (стр. 72—74). Автор отмечает наличие в имениях Верхней Силезии большого количества прудов, в которых разводится множество карпов, линей, щук и другой рыбы, предназначаемой не только для собственных потребностей помещиков, но и для массовой продажи на сторону. Рыбное хозяйство ведется крайне нерационально. Выловленная рыба массами истребляется птицами и животными, а между тем крестьянам брать ее задаром не дозволяется. «Она остается лежать на плотинах, часто портится и много ее загнивает. Не все карпы, щуки и лини могут быть проданы сразу на месте и поэтому их сажают в садки. Так как рыба стоит здесь в скученном состоянии и может быть продана лишь постепенно — в течение 2, 3 и 4 месяцев, то часто на протяжении этого времени от 100 до 150 дюжин ее умирает. Мертвую рыбу своевременно из садков не удаляют, она там загнивает, заражает живую рыбу, и вследствие этого еще большее количество ее пропадает. Если принять, что 5 дюжин карпов в среднем могут быть проданы за 6 имперских талеров, если далее принять, что 150 дюжин рыбы погибнет, то убытка будет на 180 имперских талеров». Помещичье рыбное хозяйство являлось источником настоящих мучений для крепостного крестьянства. «О том, в какой строгости содержатся подданные Польской Верхней Силезии, свидетельствуют рыбные ловли. Во многих случаях рыба вылавливается из прудов в октябре, причем случается, что в эту пору стоят уже морозы и вода замерзает. Многие подданные должны без всяких возражений в течение целого дня, а иногда даже в течение нескольких дней под ряд ходить по большим прудам, в которых имеется 350, 400 и до 450 дюжин карпов, и ловить рыбу сетями или руками, причем совсем не обращают внимания на то, что они могут отморозить себе руки и ноги». Само собой разумеется, что помещики стремились производить вылавливание рыбы из прудов как можно ближе к зимнему времени, так как морозы предохраняли рыбу от порчи. И мы знаем, что рыбные ловли сплошь и рядом происходили не только в октябре, но и позднее. В примечании «критика» к вышеприведенному сообщению нашего автора говорится следующее: «Часто лишь в ноябре вылавливают рыбу в главных прудах, а потом еще приступают к очищению малых прудов. Жутко смотреть на мучения, испытываемые несчастными подданными, когда они идут (сплошь и рядом одетые) в воду, уже покрытую льдом, погружаясь в нее по плечи и даже по шею. Некоторые дворовые рабочие совсем коченеют от холода; их отогревают у огня и вливают им в рот подогретое пиво, смешанное с перцем и старым маслом! Часто при этом приходится силою раскрывать рот, чтобы влить в него этот напиток».

[29] Примечание «критика»: «Мне бы хотелось, чтобы весь этот отдел не соответствовал действительности. К сожалению, в истинности всего сообщаемого я убедился лично».

[30] Примечание «критика»: «Нигде столь часто мне не приходилось наблюдать то, о чем здесь рассказывается, как в Верхней Силезии».

[31] Примечание автора: «Один помещик построил в 1776 г. на куске поля в 64 бреславльских шеффелей посева 8 новых дворов. Поле это было плохого качества и могло приносить в год самое большее 37 имперских талеров, 8 грошей чистого дохода. Его величество король отпустил помещику за эти 8 дворов 960 имперских талеров наличными деньгами. Кроме того, каждый поселенец вносит ему 30 имперских талеров одновременно и платит по 4 талера ежегодно в виде оброка. По самым умеренным расчетам означенный помещик ежегодно получает в настоящее время вместо 37 талеров 8 грошей — 54 талера 19 грошей и $9^4/_5$ пфеннигов чистого дохода .....»

[32] Примечание автора: «Некоторые дворовые крестьяне и дворовые огородники имеют плохие пахотные земли, например, первые — на 16 — 20 шеффелей, вторые — на 1, 2, 3 бреславльских шеффеля посева в поле; поэтому многим не хватает ни хлеба, ни корма, ни семян. Многие удобряют свои поля лишь раз в 10, 12, даже 15 лет, вследствие чего не могут получать такой хороший урожай, какой они получали бы, если бы удобряли свои поля каждые 3 года .

[33] Примечание «критика»: «Все, что излагается в этом отделе, равно как и в следующих за ним отделах 2, 3, 4 и 5, — сущая правда».

[34] Автор особенно подчеркивает фактическую невозможность для крестьянина получить какой-либо кредит вследствие отсутствия всяких твердых гарантий удовлетворения претензий кредиторов. Лежащие на крестьянских наделах долги возникают не вследствие получения денежной ссуды, а вследствие того, что, садясь на участок, крестьянин должен рассчитываться с прежними его владельцами. Обычно эти долги погашаются следующим образом: в первую очередь удовлетворяются (по большей части не сразу, а в течение 2, 3, 4, даже 10 лет) самые давние кредиторы — наследники первого покупателя и владельца надела. Затем уплачиваются точно таким же образом долги следующим продавцам надела или их детям, либо кредиторам. Многие вынуждены ждать платежа долга в течение 20 и более лет, а некоторые, за давностью лет, и совсем теряют свои права на взыскание долга. При этом кредиторам никаких процентов не полагается; мало того, они еще должны платить с каждого силезского талера постепенно выплачиваемого им долга по 1 серебряному грошу особого налога (S. 88).

В. М. ЛАВРОВСКИЙ.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ И АГРАРНЫЙ ПЕРЕВОРОТ В АНГЛИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий отдел содержит две главы: 1. Промышленный переворот в г. Стокпорте и дер. Марпль, 2. Историю парламентского огораживания двух норфокских приходов; в них подобран достаточный и подходящий материал для семинарской разработки двух тем, соответствующих названиям этих глав. Из них первая содержит выдержки из переписки Самуэля Ольдноу, других документов, сохранившихся в архиве фабрики Ольдноу, и некоторых вспомогательных источников — описания Стокпорта и отрывков из автобиографии Оуэна. История предприятия С. Ольдноу представляет большой интерес, как один из конкретных случаев развития новой промышленной системы, отражающей некоторые существенные черты «промышленного переворота» в целом. Вторая глава дает материал по истории огораживания двух приходов — Shouldham and Shouldham Thorpe и, кроме парламентского акта, содержит в существенных отрывках и самый «приговор об огораживании» (Enclcsure Award), хранящийся в Лондоне в Public Record Office и нигде не напечатанный. Изучение конкретного случая огораживания позволяет познакомиться с существом одного из важнейших проявлений аграрного переворота. Методическая обработка содержащихся в приговоре об огораживании данных хотя и представляет некоторые трудности, но зато позволяет поставить основной вопрос о распределении земельной собственности между различными группами населения этих приходов в результате огораживания. Составитель данного отдела Хрестоматии, предназначенной преимущественно для пользования при занятиях семинарского типа в высших учебных заведениях, считал наиболее целесообразным дать не ряд выдержек из источников общего характера — описаний различных графств, трактатов и памфлетов современников, а перевести по возможности свежий материал, в значительной части, относящейся к «аграрному перевороту, вообще доселе не изданный и содержащий выборку из рукописных источников.

Для общей ориентировки в вопросе составитель считает возможным отослать к тем источникам, которые переведены им и изданы Государственным издательством в виде двух небольших сборников: «Аграрный переворот в Англии», Гиз, 1925, и «Промышленный переворот в Англии», Гиз, 1925 (Серия «История в источниках»).

В качестве пособия при обработке материала, содержащегося в первой главе, было бы чрезвычайно важно изучение книги G. Unwin'a, Samuel Oldknow and the Arkwrights. The Industrial Revolution at Stockport and Marple, 1924. Но, в виду серьезных трудностей изучения этой книги при слабом знании английского языка учащимися, составитель счел полезным внести во вводные замечания и в пояснительный текст некоторые существенные данные, относительно предприятия С. Ольдноу, заимствованные из упомянутой книги и облегчающие изучение переведенных им отрывков из переписки С. Ольдноу и других источников. В качестве пособия ко второй главе составитель рекомендует две свои статьи, помещенные в Трудах «Исторического Института»: «Проблема обезземеления крестьянства в Англии» (в т. I), где содержится обзор основных теорий по данному вопросу, и другую статью — «Приговор об огораживании двух лестерширских приходов» (в т. III), представляющую собою обработку приговора об огораживании этих приходов.

I. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В СТОКПОРТЕ И МАРПЛЬ.

Материал для этой главы выбран из документов фабричного архива, найденного в 1921 г. Георгом Ануином (George Unwin) и Артуром Хольмом (Arthur Hulme) на чердаке старого фабричного строения, принадлежавшего когда-то Самуэлю Ольдноу (Samuel Oldknow).

Самуэль Ольдноу (1756 — 1828) — чрезвычайно любопытная фигура среди пионеров новой английской промышленности; это один из отцов современного хлопчатобумажного производства, применивший широко на практике те важнейшие изобретения в прядильном деле, с которыми теснейшим образом был связан так называемый «промышленный переворот». История его хлопчатобумажного предприятия представляет большой интерес и значительные удобства для изучения.

Архив фабрики Самуэля Ольдноу, найденный, правда, в весьма поврежденном состоянии, содержит большое число писем, бумаг, приходо-расходных книг и других деловых записей, относящихся к концу XVIII и началу XIX в. Эти документы рисуют как финальную стадию «домашней промышленности» в области хлопчатобумажного производства, так и существенные ступени в развитии фабричной системы; они позволяют на весьма конкретном материале проследить зарождение и развитие одного из предприятий капиталистического характера и на конкретных фактах познакомиться с некоторыми весьма существенными чертами промышленного «переворота» в целом.

Изучение «промышленного переворота», после находки архива фабрики Самуэля Ольдноу, документы которого легли в основу упомянутой выше работы Георга Ануина, вышедшей в 1924 г. и озаглавленной «Samuel Oldknow and the Arkwrights, The Industrial Revolution at Stockport and Marple», входит, несомненно, в новую стадию — изучения отдельных фабричных предприятий по документам фабричных архивов. Лишь такое детальное и локальное изучение промышленного переворота может подтвердить или опровергнуть ряд

общих утверждений, связанных с этой важнейшей проблемой. Документы фабричного архива Самуэля Ольдноу позволяют проследить, как протекала промышленная революция в Стокпорте и Марпль. Стокпорт (Stockport) — город в графстве Чешир, расположенный на границе с Ланкаширом, всего в 7 милях от Манчестера. Марпль (Marple) — или Marple Bridge — небольшая деревня, лежащая частью в Чешире, частью в Дербишире — по обоим берегам реки Goyt. На дербиширской стороне реки, в расстоянии мили от Marple Bridge, построил Самуэль Ольдноу свою хлопчатобумажную фабрику в деревушке Меллор (Mellor), на которой стало работать население всей округи. [1]

Мы познакомимся сперва с периодом деятельности С. Ольдноу, предшествовавшим его появлению в Стокпорте, по некоторым документам, относящимся к тем годам, когда Ольдноу был занят производством муслинов в Андертоне (Anderton) в Ланкашире, а затем перейдем к изучению документов, рисующих рост и развитие самой хлопчатобумажной фабрики в Меллор. Приводимые ниже, в отделе I, письма — отрывки из переписки Самуэля Ольдноу с двумя лондонскими фирмами относятся к 1782 — 1784 гг., т. е. к андертонскому периоду его деятельности. II отдел посвящен первым годам деятельности Самуэля Ольдноу в Стокпорте (конец 1784 — 1786 гг.). Наконец, III отдел — наиболее важный — содержит подбор материалов, относящихся к введению фабричной системы в предприятии Самуэля Ольдноу и истории его предприятия с 1787 г. по 1798 г. В заключение дан краткий очерк истории фабрики С. Ольдноу и его кредитора Аркрайта после кризиса 1798 г. до смерти С. Ольдноу, когда фабрика окончательно перешла к Аркрайту.

1. Муслиновое производство в Андертоне в 1782 — 1784 гг.

Предки Самуэля Ольдноу были крестьянского происхождения. Его дед — Томас Ольдноу — умер в 1787 г. в Кальвертоне (Calverton), — деревне в 6 милях к северу от Ноттингэма, где он, повидимому, родился и имел участок земли. Но значительную часть своей жизни Томас Ольдноу провел в самом Ноттингэме, где он, по всей вероятности, торговал сукном и где его сын Томас имел впоследствии суконную лавку.

Другой его сын, Самуэль, отец интересующего нас Самуэля Ольдноу, был послан родителями в Андертон для изучения профессии мануфактуриста. Но он не порывал связи с землей и вел хозяйство на арендуемом участке земли, перешедшем его жене от ее покойного отца.

Самуэль Ольдноу старший умер рано, его вдова с тремя детьми продолжала заниматься сельским хозяйством и впоследствии вышла вновь замуж за фермера. Но сын ее, интересующий нас Самуэль Ольдноу, не пошел по линии сельского хозяйства. Мы видим его в Ноттингэме — в качестве ученика у своего дяди Томаса; а в 1781 г. он вошел с своим дядей в компанию и некоторое время вел с ним совместно его дело.

Вскоре однако Самуэль Ольдноу решил переселиться в Андертон, не порывая связи с своим дядей, к которому он впоследствии часто обращался за советами делового характера.

В Андертоне Самуэль Ольдноу начал свое собственное дело, открыл небольшую мастерскую и стал выделывать бумазею и другие хлопчатобумажные ткани и изделия. Приводимые отрывки из переписки Самуэля Ольдноу с двумя лондонскими фирмами — «Messrs S. and W. Salte» и «Messrs Parker, Topham and Co» — рисуют первые шаги Самуэля Ольдноу в качестве самостоятельного мануфактуриста и его довольно искусное лавирование между двумя фирмами, из которых каждая не прочь была оказать Самуэлю Ольдноу известный кредит, но при условии исключительной продажи Самуэлем Ольдноу своих изделий данной фирме. Но последний, несмотря на острую потребность в кредите для развития своего предприятия, не торопился связывать себя подобными обязательствами.

Из переписки Самуэля Ольдноу.

(1783 г.)

Письмо Самуэля Ольдноу фирме «S. and W. Salte».

(От 22 апреля 1783 г.)

«Сэр, я осмеливаюсь обратиться к Вам за некоторыми благосклонными указаниями с Вашей стороны, но прежде всего уместно будет сказать Вам, кто я такой... Я тот самый Самуэль Ольдноу, который в 1781 и 1782 гг. был в торговом товариществе с Томасом Ольдноу из Ноттингэма, [2] а теперь я открыл хлопчатобумажную мануфактуру в Ланкашире [3] и только что начинаю продажу производимых мною муслинов. Я получил значительный заказ от Ваших бывших компаньонов — «Parker and Topham» — и послал им товару на сумму в 150 фунтов стерлингов. Но чрезвычайно важно в деловых сношениях знать, с кем имеешь дело, и я счел бы за особую любезность с Вашей стороны, если бы Вы уведомили меня, насколько являются заслуживающими доверия упомянутые «Parker and Topham»? Что бы Вы мне ни сообщили на этот счет, смею уверить, что имя Ваше останется тайной». [4]

Письмо Самуэля Ольдноу фирме «S. and W. Salte».

(Май 1783 г.)

«Ваше письмо от 26 числа прошлого месяца я имел честь своевременно получить... К сожалению, я не имею готовой ткани полосками и клетчатой по 6 шиллингов 4 пенса и 9 шиллингов 4 пенса, успев изготовить еще очень немного. Но я устанавливаю новые станки, чтобы иметь возможность в кратчайший срок исполнять Ваши заказы... Если Вы находите, что клетчатый плис (checked cords) не будет продаваться, то уведомьте меня об этом при следующем заказе, и я, конечно, прекращу его выделку. Вы можете вполне на меня положиться, что для Вас я всегда буду делать самое лучшее, что в моих силах; но в настоящее время материал слишком дорог, чтобы можно было вырабатывать муслины по очень дешевой цене. Но я надеюсь через некоторое время получить материал по такой цене, что смогу вырабатывать ткани дешевле... Я с благодарностью принимаю предложение Вами кредита, и когда я этой привиллегией воспользуюсь, то неизменно буду руководствоваться Вашими советами. [5]

Мне необходимо лично переговорить с Вами по вопросам, связанным с моим производством, в частности — с выделкой муслинов, и я решил, если только мои дела позволят мне отлучиться отсюда на две недели, предпринять путешествие в Лондон в сентябре месяце с. г.» [6]

Письмо Самуэля Ольдноу фирме «Parker and Topham».

(17 мая 1783 г.)

«Милостивые государи, письмо Ваше от 12 числа сего месяца я получил. Вы пишете, что, по Вашему мнению, некоторые из моих изделий расценены слишком дорого; смею Вас уверить, что я не посылал Вам товаров, на которых при продаже на манчестерском рынке нельзя было бы нажить $7^1/_2{}^0/_0$, я уверен в этом. Вы рассчитываете, что я посылаю Вашей фирме всю производимую мною мануфактуру, и потому торгуетесь. Я советую Вам принять те предложения, которые Вам представляются более выгодными. Хотя я посылаю значительную часть своей мануфактуры Вашей фирме, я не могу принять на себя обязательство посылать товар исключительно Вам; могу лишь обещать, что не буду никому продавать товар по более дешевой цене, чем Вам. Я благодарю Вас за Ваше любезное предложение прибегнуть к Вашему кредиту...» [7]

Письмо Самуэлю Ольдноу от фирмы «S. and W. Salte».

(24 мая 1783 г.)

«Мы получили муслины, галстуки и т. д. вместе с Вашим письмом. Чтобы ускорить дело, мы хотели бы, чтобы Вы смогли приехать в Лондон. В личном разговоре мы легче, чем в письмах, сможем уговориться о наших совместных планах на будущее и все уладить в наших взаимных интересах. В ближайшем месяце мы устраиваем распродажу муслинов, и если Вы приедете в Лондон, то мы сможем показать Вам наших обычных покупателей и дать ряд указаний, которые в письме не передашь. Что касается нашей поддержки, то, поскольку мы сможем, Вы можете на нас рассчитывать; мы готовы поощрить заслуги, если найдем таковые, а к Вам мы относимся с дружеским расположением. Пришлите клетчатой и полосатой ткани по 6 шиллингов 4 пенса и 7 шиллингов 4 пенса и столько галстуков, сколько Вы сможете выслать. Мы охотно заберем весь Ваш товар, чтобы не оказался в выгоде кто-либо иной, вмешавшись в наши дела с Вами. Дайте нам поскорей ответ и уведомьте нас, когда мы можем рассчитывать Вас увидеть». [8]

Некоторые сведения о размерах предприятия С. Ольдноу.

Ниже приводятся некоторые данные о размерах предприятия С. Ольдноу в 1782 — 1784 г., заимствованные у Г. Ануина и очень важные для понимания помещенных в тексте источников писем С. Ольдноу. Сперва все помещение, в котором находилась мануфактура Самуэля Ольдноу в Андертоне, занимало площадь всего около 600 кв. футов и было в 1783 г., вместе со всеми инструментами и машинами, оценено в 57 фунтов стерлингов 17 шиллингов 11 пенсов. Запасы

хлопка были очень невелики: всего в кладовой хранилось около 324 фунтов хлопка разных сортов; кроме того, около 125 фунтов были выданы на руки 23 прядильщикам, работавшим на Ольдноу; общая стоимость разных материалов, выданных 69 работавшим на Ольдноу ткачам (основы пряжи, или «warp», утка, или «weft», и сырого хлопка, или «wool») была оценена в 251 фунт. стерлингов 17 шиллингов 11 пенсов.

Но большая часть состояния Самуэля Ольдноу заключалась в изготовленных продуктах его мануфактуры, оцененных в 812 фунтов стерлингов, из которых $^4/_5$ составляли муслины, находившиеся на складе в Андертоне, и $^1/_5$ — другие хлопчатобумажные изделия — в манчестерской лавке. За проданный товар Самуэль Ольдноу должен был получить 1 407 фунтов стерлингов. Но его собственные долги достигали суммы в 1 548 фунтов стерлингов, из которых 1 000 фунтов стерлингов составлял его долг А. Кромптону.

В 1784 г. Самуэль Ольдноу произвел перестройку своего помещения, расширив его почти вдвое и затратив на это около 90 фунтов стерлингов, что составляло для него весьма значительную сумму при той незначительной величине постоянного капитала — в виде помещения и машин, которая была характерна для его предприятия.

Для расширения производства и дальнейшего развития своего предприятия Самуэлю Ольдноу был чрезвычайно важен крупный заем, а не тот сравнительно незначительный кредит под заказанные товары, на который Самуэль Ольдноу мог рассчитывать со стороны упоминавшихся выше двух лондонских фирм. Так, фирма «S. and W. Salte» выдала ему — при годичных платежах в 1387 фунтов стерлингов в виде авансов всего около 670 фунтов стерлингов; а помещать бóльшие суммы и на более долгий срок в муслиновое производство Messrs. Salte не предполагали.

Вот почему так важна была та помощь, которую оказал Самуэлю Ольдноу Ричард Аркрайт (Richard Arkwright) — знаменитый изобретатель и признанный вождь хлопчатобумажной индустрии (1732 — 1792 гг.). После довольно длительных переговоров в конце 1783 г. и в начале 1784 г. Аркрайт дал взаймы Самуэлю Ольдноу 3 000 фунтов стерлингов, что позволило последнему начать производство хлопчатобумажных изделий в Стокпорте на гораздо более широких началах.

С этого момента начинается новый период в деятельности Самуэля Ольдноу. Наличность капитала позволяла применить на практике те новые изобретения, которые делали возможным необычайное увеличение производства и рост индустриальной предприимчивости. Самуэль Ольдноу постепенно выходит из сферы преимущественного влияния фирмы «S. and W. Salte»; наоборот, влияние Аркрайта определяет в значительной мере всю дальнейшую судьбу и карьеру Самуэля Ольдноу, который обращается постепенно в одного из наиболее крупных вождей и заправил новой индустрии. Из приведенных ниже писем и других документов фабричного архива видно, как постепенно росло и развивалось предприятие С. Ольдноу, отражая в истории своей организации и развития некоторые общие, типичные черты «промышленного переворота» в Англии.

2. Первые годы деятельности С. Ольдноу в Стокпорте.

(1784 — 1786 гг.)

Нарисуем себе в общих чертах ту обстановку и условия, в которых начал свою деятельность в Стокпорте С. Ольдноу. Ко второй половине XVIII в. промышленное развитие Стокпорта сделало значительные шаги. Но если обратимся к I изданию «Путешествия по всему острову Великобритании» Даниеля Дефо, 1724 г., [9] то не найдем в нем в описании Чешира даже упоминания о Стокпорте.

Затем Стокпорт делается центром шелковой промышленности. [10] Здесь была устроена первая в Англии шелковая мельница по итальянскому образцу: 1 июня 1732 г. местный землевладелец Edward Warren, лорд манора, сдал в аренду на 1 000 лет (a lease for 1 000 years) водяную мельницу в своем парке компании из шести лиц, из которых трое были местные джентльмены, один — лондонский купец, торговец шелком, и два торговца (chapmen) из Heaton Norris (поселок рядом со Стокпортом), за ренту в $1/2$ пенса с ярда в год и, сверх того, за 5% с прибылей нового предприятия. Компания предполагала приспособить мельницу для целей шелковой промышленности.

Для устройства шелкопрядильных машин на мельнице был приглашен итальянец John Guardivaglio, который принял предложение и прибыл сюда с несколькими рабочими из Дерби. В 1736 г. шелковая мельница была готова и пущена в ход.

Пример оказался заразительным, в Стокпорте стали строить еще шелковые мельницы, так что в 1741 г. здесь работало уже шесть мельниц, а в следующие годы число их возросло до десяти.

Описание г. Стокпорта в 7-м издании „Путешествия по всему острову Великобритании Даниеля Дефо“. [11]

(1769 г.)

«Стокпорт большой и красивый город, расположенный на трех холмах и в долинах между ними, причудливо извивающихся, с рядом живописных видов на церкви, на реку и т. д., с большими шелковыми мельницами, принадлежащими местным купцам (chief tradesmen of the place); в городе живет много дворян (gentry), а также владельцев складов (warehouse-men), занятых производством клетчатой ткани (check), ткани из ангорской шерсти (mohair), пуговиц (button) и шляп (hat manufacturers). Но, главным образом, здесь тростится и приготовляется для дальнейшей обработки (is... thrown and prepared) шелк-сырец — для Спитальфильдских ткачей [12] — при помощи шести машин, занимающих огромное помещение (by six engines, the buildings of which are of prodigious bulk): одно из них содержит свыше 45 000 веретен, наполняющих просторные комнаты пятиэтажного здания (up to the fifth story) и приводимых в движение одним водяным колесом (by one wheal, which goes by water)...

В этом городе не чувствуется бедности; беден лишь тот, кто ленив. Всякий, кто умеет связывать мотки шелка (capable of tying knots), может найти себе работу на шелковых мельницах, которые дают зара-

боток приблизительно 2 000 человек, и где шестилетние дети могут зарабатывать по 1 шиллингу в неделю, а когда подрастут, то могут заслужить и больше». [13]

В приведенном ниже отрывке из описания Стокпорта хорошо отмечен момент вытеснения шелкопрядильного производства новой хлопчатобумажной промышленностью. Дело в том, что в условиях шелкопрядильной промышленности в 70 — 80-х гг. наступает некоторое ухудшение. Хлопчатобумажное производство приносит бо́льшие барыши. В частности продается и переоборудуется для целей хлопчатобумажного производства и та первая шелкопрядильная мельница, которая была устроена в Стокпорте в 30-х гг. XVIII в.

J. Aikin. Описание района на 30 — 40 миль вокруг Манчестера. [14]

(1795 г.)

«Мы обратимся теперь к вопросу о развитии промышленности, которому город обязан своим цветущим состоянием.

В Стокпорте были устроены первые шелкопрядильные мельницы (first mills for winding and throwing silk) по итальянскому образцу (on a plan procured from Italy). Лица, имевшие касательство к шелковым фабрикам, занимали видное положение среди местного населения (were reckoned the principal people in the place); но после упадка этой отрасли промышленности, шелкопрядильные машины были приспособлены для прядения хлопка (the machinery was applied to cotton spinning), и различные отрасли хлопчатобумажной мануфактуры являются в настоящее время главным предметом производства в этом городе. [15] Население Стокпорта было сперва занято перематыванием и прядением намотанной пряжи (in the spinning of reeled weft), затем тканьем клетчатых тканей (in weaving checks), наконец, выделкой бумазей (fustians); местные жители были необычайно изобретательны в производстве муслинов, которое было заведено здесь лет десять тому назад после изобретения тонкопрядильных машин (the machines called mules)... Мануфактуристы стали производить... особый вид муслина с цветками и каемкой (a species of flowered muslin with borders) для передников и платков... искусно подражая ручной работе иглой (a good imitation of needle work)... Хлопчатобумажная промышленность в Стокпорте столь значительна, что, кроме очень большого числа хлопчатобумажных мастерских (cotton spinning shops), здесь имеется 23 крупных хлопчатобумажных фабрики (large cotton factories), из которых 4 работают паровыми машинами (worked by steam engines).

Производство шляп, равным образом, является весьма значительной отраслью производства...

Население города чрезвычайно возросло за последние годы, так что перед войной [16] не успевали строить домов — столь велик был спрос на них... В 1794 г. в старой церкви (Стокпорта) было совершено 149 браков, 415 крещений и 600 погребений; последняя цифра, по всей вероятности, почти равна общему числу всех смертей в городе. И даже допуская, что год был нездоровым (the year being an unhealthy one), приходится предположить, что население города составляло около

15 000 человек... Цифра домов, с которых платятся налоги (rated houses), была установлена недавно в 1 358 домов... Вероятным представляется, что таково же приблизительно число домов, освобожденных от налогов (non rated houses)... В этом расчете не приняты во внимание поселки Heaton Norris и Portland — на ланкаширском берегу реки, [17] из которых в первом — 170 домов, а во втором около 100 домов». [18]

Некоторые данные, относящиеся к началу деятельности С. Ольдноу в Стокпорте.

Самуэль Ольдноу приехал в Стокпорт в июле 1784 г., когда здесь была уже хорошо подготовлена почва для развития хлопчатобумажной промышленности. С. Ольдноу устроил в Стокпорте склад, куда доставлялись ткани деревенскими ткачами, из материала, распределявшегося между ними его управляющим (manager); управляющий же принимал готовый товар, выплачивал за него заработную плату ткачам, вел счетную часть предприятия и т. п. В 1784 г. на С. Ольдноу работало 90 — 100 ткачей, живших в окрестностях Стокпорта. Осенью 1786 г. число их возросло до 300; работая на 500 станках, они изготовляли около 2 000 кусков ткани в месяц. Кроме того, около 1 000 кусков вырабатывали для С. Ольдноу ткачи в Андертоне, число которых с 69 (в 1783 г.) возросло до 159 (в 1786 г.). С. Ольдноу занялся производством ситцев и входившего в моду муслина, на котором он и составил себе репутацию. Архив фабрики С. Ольдноу содержит ряд материалов, относящихся к этому периоду его деятельности и рисующих постепенный рост предприятия, отношения между С. Ольдноу, его управляющим и ткачами. С. Ольдноу снабжал ткачей не только материалом, но частично и станками для печатания узорных муслинов, а также особыми приспособлениями, так называемыми «reeds and geers» [19] для выработки определенной ткани в точном соответствии с инструкцией предпринимателя. С. Ольдноу избрал Стокпорт своей главной квартирой, лишь иногда приезжая в Андертон, где у него был особый управляющий (см. ниже письмо последнего).

Из переписки Самуэля Ольдноу.

(1785 — 1786 гг.)

Письмо Самуэлю Ольдноу от его управляющего в Андертоне.

Андертон, 4 июля 1786 г.

«Самуэль Ольдноу,

при сем я посылаю список ткачей в Андертоне, по возможности точный... Кроме того, здесь есть еще... ткачи, которые хотели бы знать, смогут ли они получить еще работу; они не включены в этот список. Я хотел бы знать поскорее, следует ли произвести какие-либо изменения по отношению к работающим ткачам, потому что скоро начинается сенокос; и сможет ли большее число ткачей получить работу?.. Но больше всего я рассчитываю на то, что Самуэль Ольдноу сам в ближайшем времени приедет в Андертон, если только он сможет выбрать время, достаточное для такой поездки. Остаюсь с полным уважением

Thomas Swift».

Особый интерес представляют письма фирмы «S. and W. Salte» к С. Ольдноу за 1785 и 1786 гг., весьма богатые конкретным содержанием и рисующие их взаимоотношения в первые годы деятельности С. Ольдноу в Стокпорте. Фирма «S. and W. Salte», скупавшая изделия у отдельных мануфактуристов и перепродававшая их мелким торговцам, продолжает играть большую роль в эти годы, закупая у С. Ольдноу большое количество товаров и стараясь устранить другие лондонские фирмы от непосредственных торговых связей с С. Ольдноу; так, напр., в одном лишь июне месяце 1786 г. «S. and W. Salte» получили от С. Ольдноу товаров больше, чем на 3 000 фунтов стерлингов.

Письмо Самуэлю Ольдноу от «S. and W. Salte».

(11 февраля 1785 г.)

«Мы получили два Ваши письма. Дела помешали ответить Вам на них раньше... Мы и впредь рассчитываем посылать Вам деньги по субботам, как обычно... Мы готовы и впредь оказывать Вам всяческие услуги, исходя из основного принципа наших, надеемся, взаимных отношений. Вы имели деловые сношения с Mr. Wadham; но он два года тому назад обанкротился, и мы отказываем ему в кредите. Другой же — Thwaites — держит мастерскую, где лишь наклеиваются ярлыки (a ticketing shop). Эти два последние предложения — худшие из всех, которые Вы имели. Мы вполне полагаемся на Вашу репутацию и рассчитываем, что Вы пошлете нам в кратчайший срок все имеющиеся у Вас муслины, а мы, с своей стороны, всегда готовы предостеречь Вас... Продолжайте дело и улучшайте Вашу мануфактуру, и Вы добьетесь всеобщей известности; и Вы ничего не потеряете, если наше предприятие и наше состояние будут значить нечто (will weigh anything) в Вашем балансе». [20]

Письмо Самуэлю Ольдноу от «S. and W. Salte».

(23 апреля 1785 г.)

«Ваш новый способ перечисления при помощи маленьких букв не подходит. Старый способ был много лучше — A, B и т. д. Новый же приводит в крайнее затруднение наших служащих. Передники и платки изготовлены не так, как Вы обычно делаете, они имеют вид шотландских. Вам самому они не нравятся. Придерживайтесь старого способа, если не можете его улучшить. Но где же фуляровые платки (Romall handkerchiefs)? Где же ткани в полоску и в клетку по 6 шиллингов 4 пенса и 7 шиллингов 4 пенса? Мы крайне огорчены тем, что время весенней продажи минуло, а мы не имели ни куска этих товаров. Если Вы продаете их на месте или снабжаете ими кого-либо другого, то это ставит нас в полное недоумение и может испортить наши дружеские отношения. Но наверное Вы не совершите такого недостойного поступка... Мы поздравляем Вас по случаю сложения налога (the duty being taken off) с Вашей мануфактуры, — это замечательно, и мы надеемся, что Вы воспользуетесь представляющейся Вам золотой возможностью (the golden opportunity), и доведете до степени совершенства все Ваши изделия».

Письмо Самуэлю Ольдноу от «S. and W. Salte».

(4 марта 1786 г.)

«Товары, которые должны были прибыть сегодня утром в вагоне Пикфорда (by Pickfords waggon), еще не прибыли, к большому нашему огорчению. Мы посылали в гостиницу (Inn) за справкой, [21] но не могли добиться ничего определенного. Это очень плохо. Это наносит ущерб как нам, так и Вам. Вы должны постараться устранить этот повод для жалоб в скорейшем времени, потому что многое зависит от точности.

200 фунтов стерлингов наличными деньгами были посланы Вам во вторник утром, [22] и надеемся, что Вы их в целости получите.

Теперь о деле. Салфетки (napkins) слишком коротки и узки; их следует делать длиннее и шире, и, чтобы они были похожи на индийский товар (to imitate India), должна быть красная полоска с краев, — запомните это на будущее время... Ситцы для печатания по 9 шиллингов 8 пенсов (the $^9/_8$ calicos for printing) [23] продаются так дешево, что мы ничего не смогли нажить на Ваших: как они ни хороши, они были проданы по 21 пенс за ярд при условии кредита на 4 месяца из 5% (4 months credit and 5 p. cent); производство печатных ситцев (the printing trade) в настоящее время находится в крайне стесненном положении.. Переведите своих ткачей на выработку муслинов. Чтобы помочь Вашему производству муслинов, посылаем Вам при сем несколько образчиков модных муслинов... Посылаем также Вам два образчика муслина с описанием способа их выработки...

Вчера S. Salte посетил Mr. Eden'a, торгового представителя (commercial ambassador) во Франции, согласно выраженному последним желанию сообщить данные насчет положения соответствующей отрасли производства во Франции. S. Salte изложил Mr. Eden'y, что производство муслинов в Англии находится еще в младенческом состоянии (the infant manufactory of english muslins). Mr. Eden остался столь доволен докладом S. Salte'a, что пригласил его в ближайшую среду в Уайтголл, чтобы изложить пред лордами промышленности (Lords of Trade) [24] свои показания по данному вопросу, как и по другим. В результате — S. Salte получил письмо от лордов (from their Lordships) и предполагает посетить их и предложить их вниманию образцы изобретательности Самуэля Ольдноу (exhibit to them samples of Mr. Oldknow's ingenuity). Не воодушевит ли это Вашего рвения превыше всего? В следующем письме мы уведомим Вас о подробностях этого испытания (particulars of this examination) пред лордами промышленности. — Мы делаем для Вас все, — и Вы должны делать для нас все, что Вы можете. Пришлите нам все Ваши муслины». [25]

Письмо Самуэлю Ольдноу от «S. and W. Salte».

(15 марта 1786 г.)

«Мы получили Ваше письмо сегодня со вложением счета на 171 фунт. стерлингов 8 шиллингов... Вчера мы уже послали Вам вагоном Пикфорда 200 фунтов стерлингов наличными деньгами...

Мы радуемся, что приняли меры к тому, чтобы Ваши товары доставлялись своевременно, так как мы испытывали много неудобств. [26]

Вам самому лучше судить, какие образчики муслинов подойдут к ткацкому станку. Не предпринимайте попыток, в наилучшем завершении коих Вы не уверены... Но, чем лучше и совершеннее образец, тем большее мы испытываем увлечение и гордимся достигнутым... Гений получает большую поддержку от Честолюбия, и Отчаяние не является нашим девизом..., не должно быть таковым и у Вас. Если мы посылаем Вам время от времени свои указания насчет улучшения Вашей мануфактуры, то ведь мы на них не настаиваем...

S. Salte имел длинный разговор с лордами в Совете Промышленности. Они вряд ли знали что-нибудь прежде о британской муслиновой промышленности, — я взял с собою различные образцы. Я не буду передавать Вам тех комплиментов, которые они расточали. Они были и поражены и восхищены показанными мною образцами. Меня расспрашивали насчет муслинов в течение двух часов, и некоторые лорды обещали посетить меня. Mr. Eden все время при этом присутствовал. Я сделал для Вас копию... с докладной записки, представленной мною лордам... и содержащей краткий исторический очерк развития производства ситцев и муслинов в этой стране... Через несколько дней я должен буду давать ответы лордам по вопросу о современном состоянии английской льняной промышленности. Я написал в разные места с просьбой о присылке мне документов. Mr. Eden отправится во Францию, как только будут собраны нужные сведения насчет разных вопросов промышленности и торговли (needfull information... upon various matters of manufacture and commerce)»

Наблюдения касательно британской муслиновой и ситцевой промышленности, прочитанные и переданные лордам Промышленного Совета S. Salte'ом.

«Эти материалы были неизвестны в нашей стране еще немного лет тому назад, но прогресс этого производства шел очень быстрыми шагами. Искусство в механических изобретениях Mr. Arkwright'а и других лиц, с ним связанных, и сооружение мельниц и машин для чесания и прядения хлопка (cotton wool) являются первой причиной всех улучшений в хлопчатобумажном производстве. Первые усилия изобретательности в этом новом искусстве были направлены на производство дешевых ситцевых тканей... Затем честолюбие и изобретательность, добившись успехов в ситцевом производстве, устремились на достижение внешней и более важной цели. Этой целью — несомненно великой — было завести в Англии такие мануфактуры, которые могли бы конкурировать с бенгальскими, хотя многим лицам это казалось дикой и химерической затеей... Опыт трех лет однако более чем оправдал самые пламенные надежды в области производства миткалей и муслинов. Шотландцы начали первыми, — они встали во главе этой промышленности, в начальный период ее развития. Но хотя им нельзя никоим образом отказать в терпении и настойчивости, все же ланкаширские мануфактуристы оказались успешнее их. При усло-

вии покровительства и поощрения со стороны государства — трудно даже предположить до каких размеров в смысле количественном, и до какого совершенства — в смысле качественном, разовьется эта молодая промышленность в несколько лет!

Один ясный вывод должен обратить на себя внимание Ваших Лордств [27] (your Lordships) в этом вопросе, это тот, что развитие хлопчатобумажной промышленности привело к упадку шелковых мануфактур в стране, и если французы тоже заведут у себя хлопчатобумажную промышленность, — а они, конечно, постараются это сделать, — то она равным образом будет вытеснять шелковые мануфактуры во Франции, как это случилось и в Великобритании.

Я надеюсь, что Ваши Лордства простят мне несовершенство данного мною очерка новой и почти не пользующейся защитой государства отрасли промышленности (almost unprotected manufacture). Я чувствую собственную слабость в качестве защитника по этому вопросу Но если даже Ваши Лордства посмотрят на вопрос с точки зрения временной и местной, увидят в нем лишь средство дать пропитание части трудолюбивого беднейшего населения (laborious poor) нашей страны, то и то вопрос этот имеет в высокой степени важное значение. Если же Ваши Лордства рассмотрят его под углом отдаленных, будущих последствий — под углом обогащения мануфактуристов и торговцев, под углом роста и увеличения государственных доходов, то значение данного вопроса неизмеримо увеличится и возрастет в важности».

Письмо Самуэлю Ольдноу от «S. and W. Saltc».

(19 апреля 1786 г.)

«Вчера мы послали Вам 200 фунтов стерлингов через Пикфорда. Вашу накладную мы получили почтой сегодня. Передники прибыли сегодня. Это только капля в ведре. Дешевые по своей цене товары дают немного барыша. Мы имеем некоторые жалобы и много подозрений. «Parker, Topham and Moore» продают Ваши товары дешевле, или же народ врет. [28] Мы довольствуемся небольшим барышом, а на некоторые неважно сделанные товары даже очень незначительным. Мы не хотим, чтобы кто-нибудь вмешивался в наши дела. И для нас, и для Вас крайне невыгодно, чтобы кто-нибудь обесценивал и продавал очень дешево Ваши товары. [29] S. Salte вчера опять был у лордов Промышленного Совета, но сейчас у нас нет времени, чтобы подробнее писать Вам об этом. Был разговор о Вас и об Аркрайте . . .»

Письмо Самуэлю Ольдноу от «S. and W. Salte».

(10 мая 1786 г.)

«Мы получили Ваше письмо со счетами в полной сохранности . . . Мы отправили Вам 200 фунтов стерлингов через Пикфорда сегодня . . . Муслины и сатинеты прибыли сегодня утром почтовой каретой (by the coach). Мы предпочли бы, чтобы Вы остановили производство сатинетов, — этим товаром здесь не удивишь, и продается он лишь в течение двух месяцев (only fit for 2 months sale). Коричневатая

с полосками ткань нравится больше, но пока прекратите ее выделку, обратите станки к чему-либо другому; эта ткань не вполне удовлетворяет модников (people of fashion), на которых она только и рассчитана. Нам нужно больше салфеток, из которых некоторые следует изготовить более крупных размеров. Попробуйте свое искусство на изготовлении столового белья...

Аркрайт должен продавать нитки для основы (twist) [30] дешевле и выпрядать их тоньше. Скажите ему, что на карту поставлена репутация нашей страны против Шотландии.

Мы надеемся увидеть Вас в скором времени в Лондоне и сообщить всевозможные новые данные, которые могут послужить к Вашему руководству в деле улучшения муслинового производства...»

Письмо Самуэлю Ольдноу от «S. and W. Salte».

(23 мая 1786 г.)

«Наша ближайшая продажа индийских муслинов (India muslin sale) назначена на 29 июня, и если Вы хотите поглядеть на товары, то Вам следует приехать в Лондон за неделю до этого срока. Наши и Ваши товары до сих пор шли хорошо, несмотря на все противодействие. У Вас есть враги, и у нас врагов множество... Наши соперники производят будто бы товары лучше и дешевле Ваших. Нам прожужжали уши каждодневными разговорами о превосходстве шотландских и ланкаширских муслинов... Мы относимся к этим росказням с философским спокойствием, пусть они и Вас не особенно огорчают, если Вы услышите здесь что-либо подобное... Шотландское бесстыдство и настойчивость превыше всего. Но есть один мануфактурист в Ланкашире, который производит отличные муслины и продает их через комиссионеров (by comission) в Лондоне, хотя мы не могли узнать его имени. Один наш друг в прошлую субботу купил этих товаров на 300 фунтов стерлингов..., между прочим балазорских платков (Balasore handkerchiefs) [31] — прекрасного, тонкого и интересного тканья, а также передников, которые, по его словам, лучше и много дешевле Ваших. Может быть Вам удастся узнать, откуда приходит этот товар? Постарайтесь сделать все, что Вы сможете. Мы наверное знаем, что Вы окружены шпионами. Все стараются украсть что-либо от Вас. У нас тоже есть враги, которые окружают нас во время наших продаж и стараются рекомендовать покупателям другие фирмы»...[32]

Фирма «S. and W. Salte» и в 1785—1786 гг. продолжает играть большую роль в качестве покупателя товаров, производимых ткачами, работающими на С. Ольдноу, и этот последний, конечно, должен был считаться с советами Сальтов, хотя и не всегда и не во всем их исполнял.

В развитии предприятия С. Ольдноу сыграло также, как мы видели, большую роль получение в 1784 г. займа в 3 000 фунтов стерлингов от Р. Аркрайта. На бумагопрядильной фабрике Р. Аркрайта в Кромфорде и на фабрике его сына — тоже Ричарда Аркрайта — вырабатывалась нужная С. Ольдноу в его производстве пряжа. Аркрайты были заинтересованы в том, чтобы обеспечить сбыт своей пряже.

Осенью 1786 г. С. Ольдноу ведет переговоры с Аркрайтами, о содержании которых мы узнаем из приводимых ниже писем Sam. Salte'a, Rich. Arkwright'a Junior и Will. Strutt'a. [33]

Письмо Sam. Salte'а к Самуэлю Ольдноу.

(18 сентября 1786 г.)

«Итак, Вы, наконец, отправились в Кромфорд... Я думаю,... м-р Аркрайт удержит Вас дольше, чем Вы предполагаете, и окажет Вам необычайно любезный прием. А его любезность будет иметь самые благодетельные последствия для Вашей мануфактуры. Молодой Mr. Strutt говорил мне, что... никто другой не может снабдить Вас тонкой пряжей, которая Вам так нужна... Несомненно, мой дорогой друг, нужно что-то сделать, чтобы усовершенствовать находящуюся все же еще в младенческом состоянии отрасль промышленности. Думайте, думайте все время об этом... Вы не должны быть вторым в Риме... Первым — или никем!.. А теперь, мой дорогой друг, я особенно прошу Вас передать мои наилучшие пожелания Вашему брату и сестре, и Miss Hall. Десять тысяч раз благодарю их за любезнейший прием, оказанный мне в Heaton... Закончен ли вполне Ваш дом? Покончили ли Вы с плотниками, малярами и т. д?... Мои лучшие пожелания...»[31]

Письмо Рич. Аркрайта Младшего Самуэлю Ольдноу.

(13 октября 1786 г.)

«Сегодня утром я имел честь получить Ваше письмо от 10 числа. Я написал и отправил Вам письмо во вторник — вагоном, в ответ на Ваши два последние письма... Я не думаю, чтобы какие-либо дела могли бы в настоящее время потребовать моей поездки в Манчестер. Поэтому я хотел бы встретиться с Вами... в воскресенье утром в 9 часов или в половине десятого. Я написал Mr. Simpson'у, что буду ждать его между 12 и 1 часом дня..., чтобы наши различные деловые разговоры с Вами и с ним не помешали один другому»...

О содержании переговоров между Аркрайтами и С. Ольдноу мы узнаем отчасти из приводимого ниже письма «S. and W. Salte» к Самуэлю Ольдноу, который спрашивал перед этим их совета.

Письмо Самуэлю Ольдноу от фирмы «S. and W. Salte».

(23 октября 1786 г.)

«Вы спрашиваете моего совета... по поводу предложений мистера Аркрайта... Его характер говорит многое в его пользу. Если бы я мог повернуть хотя бы несколько листочков в темных страницах будущего и кинуть мимолетный взгляд на отдаленные последствия, которые могут произойти из Вашего соглашения с мистером Аркрайтом, то мои сомнения были бы устранены, и я мог бы дать Вам решительный совет. В новых проектах и планах вероятность успеха, если не внутренняя уверенность в нем, всегда должна приниматься во внимание. Мудрый человек никогда не рискнет вступить на опасную почву, которая может провалиться у него под ногами... Нужно многое предварительно обдумать и обсудить, прежде чем Вы примете решение. Разве уже хлопчатобумажных фабрик в настоящее время не больше того числа, которое может работать (при данном спросе)? Каковы должны быть размеры новой фабрики, вполне оборудованной и готовой

к работе? Не вовлечет ли она Вас в такие издержки, которые не будут покрыты прибылью в таком размере, в каком Вы рассчитываете? [35] Не помешает ли она Вашему личному наблюдению за Вашей мануфактурой, [36] которое требует целиком Вашего времени и всего Вашего искусства? Эти и множество других вопросов должны встать перед Вами и быть обсужденными, прежде чем Вы решитесь принять на себя те обязательства (engagement), о которых Вы говорите. Если мистер Аркрайт Младший примет Вас пайщиком (would give you a share) в свою Бэкуэллскую хлопчатобумажную фабрику, и если Вы дадите ему известную часть в Вашем производстве (a share in your manufacture), то разве это не будет служить к взаимной Вашей и его выгоде? Я думаю, что такой союз не связан ни с каким риском. Он будет изо всех сил стараться улучшить выработку пряжи, а Вы, равным образом, будете думать о том, как бы улучшить Вашу мануфактуру.

Честь и прибыль будут принадлежать Вам и ему сообща и поровну. Я надеюсь, что Вы получите это письмо перед Вашим новым разговором с Аркрайтом. Если по беспристрастном обсуждении моего письма Вы не найдете в нем соображений достаточно веских, чтобы определить окончательно Ваше решение по поводу вопроса о сооружении хлопчатобумажной фабрики (cotton mill), то уведомьте меня. Я все же думаю, что фабрику строить не следует. Смелые спекуляции иногда увенчиваются успехом, но на одного удачливого предпринимателя приходятся сотни разорившихся... Честолюбие очень действенное и полезное качество ума, когда оно руководится опытностью и разумом. Вы спрашиваете, где бы Вы могли занять 5 000 фунтов стерлингов. Конечно, я мог бы рекомендовать Вас некоторым лицам... Но они хотят в обеспечение землю и 5%... После разговора с Аркрайтом будьте добры написать мне подробное письмо». [37]

Письмо Ричарда Аркрайта Младшего Самуэлю Ольдноу.

(31 октября 1786 г.)

«... В какой день Вы думаете быть здесь, [38] если приедете сюда на следующей неделе? — чтобы не оказалось, что меня нет дома. Чем скорее, тем для меня приятнее, потому что я хочу притти к решению по вопросу, о котором мы с Вами говорили. Вы можете, конечно, положить ему конец, написав мне письмо... Если Вы не приедете на следующей неделе, но принятое Вами решение сделает необходимой нашу встречу, то приезжайте в воскресенье, сообщив об этом письменно...

Я надеюсь, что теперь пряжа очень хороша... Я думаю, что мы встретимся в Бэкуэлле во вторник...»

Письмо Sam. Salte'а Самуэлю Ольдноу.

(31 октября 1786 г.)

«Я сегодня работал целый день в «India House», изучая муслины, а теперь я выхожу для того, чтобы итти обедать. Ваше письмо не требует большого обсуждения, так как Вы и мистер Аркрайт довели дело, или почти довели, до правильного решения... Ваше соглашение —

надеюсь—увеличит Ваше состояние и счастье. Я не могу себе представить союза более естественного, чем Ваш и Аркрайта, и предрекаю его великие последствия. Я очень высоко ценю Аркрайта, но я не уменьшаю заслуг и моего друга, мистера Самуэля Ольдноу; скоро надеюсь поздравить их обоих с событием, которое скорее всего может привести к улучшению муслинового производства в нашей стране. Соединившись вместе, Вы сможете вызвать на бой всех конкурентов и всех узурпаторов (all competitors and all usurpers)... Пожалуйста, передайте мои лучшие пожелания обоим Аркрайтам и скажите, насколько я приветствую этот новый союз. Напишите мне после Вашего посещения Бэкуэлла и Кромфорда,[89] чтобы я мог порадоваться, узнав об условиях Вашего вступления в товарищество (partnership)»...

Письмо Will Strutt'a Младшего Самуэлю Ольдноу.

(11 ноября 1786 г.)

«Я очень озабочен, что не мог выполнить своего обещания, данного Вам приехать в Стокпорт в прошлом месяце... Может быть, Вы отложили исполнение Вашего плана?.. Если в настоящее время... Вы думаете, что я могу чем-либо быть Вам полезным, и если об этом нельзя сообщить письменно, то... я немедленно приеду в Стокпорт в тот день, который Вы мне назначите...»

Письмо Самуэля Ольдноу Will. Strutt'у Младшему.

(Без даты.)

«... Ваше письмо от 11 ноября, которое я имел честь получить, должно вызвать чувство благодарности за Ваше любезное предложение приехать в Стокпорт   Хотя колесо (wheel) уже готово, и план применения водяной силы почти осуществлен, тем не менее, я буду очень рад Вас видеть когда угодно и с большим удовольствием покажу Вам нашу белильню (our gleaching ground) и познакомлю Вас с нашими основанными на опыте успехами в этой отрасли»...

Письмо Самуэлю Ольдноу от фирмы «S. and W. Salte».

(18 ноября 1786 г.)

«Мы получили Вашу накладную и письмо сегодня—с двумя счетами, всего на 1 520 фунтов стерлингов.... Насчет Вашего договора с мистером Аркрайтом — мы не знаем достаточно подробностей, чтобы судить о нем. Вы, конечно, не отклонили его первого предложения и готовности мистера Аркрайта вложить в Ваше предприятие 15 000 фунтов стерлингов — Вы не упомянули об этом в своем письме... Конечно, совершенно необходим компаньон (a partner), чтобы вести муслиновое производство в столь больших размерах (upon a respectable and large scale); и, конечно, мы не знаем никого другого, кто подходил бы для этой цели больше, чем мистер Аркрайт Младший — во всех отношениях... И, поскольку это в наших силах, мы готовы всячески содействовать успеху и выгодам обоих Вас в этом новом соединении (connection), будучи вполне уверены, что в то же самое время и Вы постараетесь о том же по отношению к нам. Наши интересы должны быть взаимны. S. Salte ждет с нетерпением окончания Ваших очень важных переговоров...»

Письмо Самуэлю Ольдноу от фирмы «S. and W. Salte».

(21 ноября 1786 г.)

«Мы получили Ваше последнее сообщение насчет подробностей Вашего соглашения с мистером Аркрайтом и не видим оснований думать, что Вы когда-либо о нем пожалеете. Мы думаем, что имеются полные основания полагать, что это событие будет иметь счастливые последствия для обеих сторон. Следует только заботиться о том, чтобы — как в брачном союзе — взаимно угождать друг другу; результатом будет общая гармония и успех. Когда Вы дело сделаете, сообщите дальнейшие подробности».

Письмо Sam. Salte'a Самуэлю Ольдноу.

(23 ноября 1786 г.)

«Откуда произошла и чем объясняется такая перемена у Вас — относительно договора с мистером Аркрайтом Младшим? Я не хочу быть излишне любопытным. Вы лучший судья в том деле, которое прежде всего касается Вас, и, несомненно, Вами все было взвешено, прежде чем Вы пришли к решению... Моим правилом было всегда — вести свое дело исключительно самому; компаньона следует избирать себе только в случае крайней необходимости, а у Вас таковой не было... Ваша энергия и живой ум, изобретательный в отношении улучшения муслинового производства, в короткое время обеспечат Вам полную обеспеченность и независимость. Зачем давать другому возможность собирать урожай, для получения которого Вами было затрачено столько труда и уменья?..»

Результатом долгих переговоров, отражающихся в приведенных выше письмах, не было заключено такого соглашения между Аркрайтом и С. Ольдноу, которое предполагало бы совместное ведение ими муслинового производства на началах товарищества. Однако С. Ольдноу все же получает от Аркрайтов большие авансы в виде пряжи и векселей — всего к началу 1788 г. на сумму свыше 10 000 фунтов стерлингов. И благодаря как этой поддержке, так и собственной энергии, Самуэлю Ольдноу удается сделать решительные шаги к введению фабричной системы в своем производстве муслинов в гораздо более крупных размерах. Решительным шагом к этому была покупка им участка земли в деревне Меллор и права на использование водяной силы весной 1787 г.

Мы перейдем в следующем отделе к изучению того материала из фабричного архива Самуэля Ольдноу, который относится к годам его деятельности в качестве фабриканта в смысле этого слова, приближающемся к современному.

3. Введение фабричной системы в предприятии С. Ольдноу.

(1787 — 1798 гг.)

1787 — 1788 гг. были отмечены тяжелым кризисом, охватившим ситцевую и муслиновую промышленность. Общая депрессия отозвалась и на делах С. Ольдноу. Его торговые книги, сохранившиеся в фабричном архиве, обнаруживают сильное сокращение сумм, на которые были проданы товары, особенно резко сказывающееся в 1788 г. Но интересно, что именно в эти годы тяжелого кризиса С. Ольдноу — со значительной долей риска — вводит ряд существенных изменений в организации производства в своем предприятии, приближавших, а отчасти и осуществлявших применение принципов новой фабричной системы.

Сильнейшим стимулом к введению улучшений в производстве были конкуренция индийских муслинов и соперничество с ланкаширскими и шотландскими мануфактуристами.

На истории предприятия С. Ольдноу можно наблюдать постепенный разрыв с системой домашней промышленности и переход к централизованной форме производства. Купив весной 1787 г. участок в Меллор и право пользования водяной силой для своей будущей фабрики, С. Ольдноу в 1787 — 1788 гг. вводит принципы фабричной системы в организацию некоторых процессов выделки пряжи, проклеивания и окончательной отделки муслинов.

Правда, зародыши новой фабричной системы можно отметить еще в андертонском и первоначальном стокпортском предприятиях С. Ольдноу. Был у него уже и кадр служащих — приблизительно в 20 человек, которые осуществляли некоторые вспомогательные операции при работе прядильщиков и ткачей, чинили так называемые «reeds and gears». Но они мало отличались от тех «помощников», которые нанимались некоторыми суконщиками еще в XVII в.; С. Ольдноу был связан в течение всего первоначального периода своей деятельности с работой на него домашних прядильщиков и ткачей, находился в зависимости от других фирм — в отношении, например, получения необходимой для его производства проклеенной пряжи, так называемой «twist».

Но вот С. Ольдноу строит планы самостоятельной организации и объединения под своим контролем различных операций — по изготовлению пряжи, белению, проклейке, печатанию и окраске тканей — и добивается в значительной мере их осуществления, несмотря на предостережения Сальтов, которые советовали ему не разбрасываться, не расширять чересчур своего производства, не отвлекаться от своей основной цели — выделки муслинов. Сальты, взывая к благоразумию С. Ольдноу, убеждали его не богатеть «чересчур быстро». Но С. Ольдноу, обладая большим запасом предпринимательской предприимчивости, вводит ряд новшеств и усовершенствований в своем производстве, затрачивает большие суммы на машины и оборудование своей фабрики, добиваясь значительного ускорения и улучшения работы.

Особенно быстро растет и развивается предприятие С. Ольдноу в годы 1789 — 1791, следовавшие за кризисом 1787 — 1788 гг. Французская революция и ослабление могущественного конкурента — Франции — создали весьма благоприятные условия для британских мануфактуристов. Если обратиться к торговым книгам С. Ольдноу, сохранившимся в фабричном архиве, то легко обнаружить быстрый рост оборотов фабрики Ольдноу, развитие и расширение его торговых связей и сношений в 1789 — 1791 гг. Изделия фабрики С. Ольдноу получают широкую известность и распространение. Он получает заказы из всех частей Великобритании, из Франции, Голландии и Германии. Он уже не нуждается более в посредничестве Сальтов, завязывает сношения с рядом других фирм — манчестерских и лондонских.

Пользуясь расширением своих оборотов, С. Ольдноу вводит ряд

новых улучшений в прядильное дело. Одним из первых С. Ольдноу применяет в хлопчатобумажном производстве паровую машину (1790), вместо водяного двигателя. В конце 1791 г. С. Ольдноу уже вырабатывал на своей новой фабрике в Стокпорте тонкие сорта пряжи, необходимые в муслиновом производстве. Эта фабрика должна была, по мысли С. Ольдноу, стать организующим центром большого предприятия, которое могло бы давать работу приблизительно 1 000 ткачам, живущим в округе радиусом в 5 — 6 миль. Более грубые сорта ниток предполагалось вырабатывать на фабрике в Меллор, приводившейся в движение водяной силой. Стокпортская же фабрика была снабжена тонкопрядильными машинами, приводящимися в движение паровым двигателем Больтона и Уатта; здесь, кроме выработки тонких ниток, выполнялся фабричным способом ряд других операций по расчесыванию хлопка, мотанию, снованию, проклейке пряжи и т. п.

Некоторые шаги предпринимает С. Ольдноу к введению фабричной системы и в области ткацкого дела; хотя большинство ткачей продолжало работать в своих помещениях, все же часть особенно искусных и опытных ткачей уже работала в фабричном помещении в Стокпорте под надзором фабричной администрации. К 1793 г. должна была быть закончена постройкой новая большая фабрика в Меллор.

Однако 1791 г. был зенитным пунктом в успешном осуществлении Ольдноу его планов, 1792 и 1793 гг. принесли ему горькие разочарования и испытания. Осенью 1792 г. начался тяжелый кризис, достигший кульминационного пункта после объявления в 1793 г. войны Франции. С. Ольдноу испытывает острые финансовые затруднения, запутывается в долгах и, в конце концов, должен был продать свое предприятие — за исключением фабрики в Меллор.

В приводимых ниже переписке С. Ольдноу, сохранившейся в архиве Меллорской фабрики, и отрывках из «Автобиографии Роберта Оуэна» — рисуется сам С. Ольдноу и история предприятия С. Ольдноу в период его наибольшего развития и расцвета и затем — в годы его кризиса и упадка.

Из переписки Самуэля Ольдноу.

(1787 — 1788 гг.)

Письмо С. Ольдноу от фирмы «S. and W. Salte». В ответ на его сообщение о покупке земли в Меллор для устройства фабрики.

(25 апреля 1787 г.)

«Возможно, что Вы были правы, купив ту землю (in purchasing the Estates), о которой Вы упоминаете. Мы не имеем на этот счет никаких сомнений. Все, чего мы для Вас желаем, — это чтобы ничто не отвлекало Вас и не мешало Вам в великом деле улучшения муслинового производства. Все остальное должно быть для Вас — «пустяками, легкими как воздух» («Trifles light as air»).

Письмо Самуэлю Ольдноу от фирмы «S. and W. Salte».

(25 мая 1787 г.)

«Мы надеемся, что Вы представили несколько в мрачном свете положение Вашего муслинового производства. Мы всегда предостерегали Вас и советовали не расширять чересчур предприятие ... Мы вполне одобряем Ваше решение прекратить производство в Андертоне (your resolution of leaving Anderton) и сократить несколько свои планы... Времена и состояние промышленности в настоящий момент — действительно весьма неопределенные. Сейчас нет никаких побуждений к тому, чтобы итти на слишком большой риск. А мы предвидим возможность того, что положение будет еще хуже. Во всех отраслях наблюдается перепроизводство, и от этого все товары продаются в убыток или, во всяком случае, без барыша. Торговый договор, который должен был произвести, как думали, чудеса, пока еще ни к чему не привел.[40] Никакого движения, никакого оживления или погрузки товаров на корабли благодаря ему не замечается. Мы продали небольшую партию наших муслинов двум молодым людям, отправляющимся в Руан в Нормандии. Мы льстим себя надеждой, что кое-что нам удастся сделать. Мы также послали небольшую партию муслинов в Санкт-Петерсбург...»

Письмо Ричарда Аркрайта Младшего Самуэлю Ольдноу.

(21 июня 1787 г.)

«Застой промышленности является предметом общих громких жалоб (the general cry), и я думаю, что положение дел, действительно, чрезвычайно плохо. И трудно ожидать, что в более или менее близком будущем можно ожидать улучшения при таком большом количестве произведенных товаров... Что делают шотландцы? Я получил заказ на пряжу на сумму в 300 фунтов стерлингов ..., и это показывает, что они[41] нуждаются в здешней пряже... Может быть они производят какой-либо особый вид товара? Они, конечно, не стали бы продолжать производство себе в убыток...»

Письмо S. Salte'a Самуэлю Ольдноу.

(27 февраля 1788 г.)

«Мы слышали странные вещи насчет Вашего участия на втором митинге в Манчестере. Неверующие иудеи, как Вы их называете, в конце концов все же не были убеждены Вашими аргументами... Мы опять-таки повторяем наше мнение: о какого рода поддержке Вы можете ходатайствовать перед правительством? Сэр Ричард Аркрайт присоединяется к нам в нашем убеждении, что Вы должны сократить свое производство и изготовлять ткани лучшего качества. Думайте прежде всего о Вашей мануфактуре (your own manufacture) и предоставьте всем остальным добиваться того, чего они хотят, и теми средствами, которые они считают наилучшими... Хорошие муслины британской выделки продаются так дешево, что мы удивляемся, откуда они поступают; но оказывается, что из Ланкашира и Чешира».

Письмо S. Salte'а Самуэлю Ольдноу.

(30 мая 1788 г.)

«Положение остается приблизительно тем же самым... Мы думаем, что фирмы «Large House» на улице Cheapside и «Banking House» на улице Lawrence Lane скоро разорятся... Нельзя будет дольше водить за нос кредиторов... Мой добрый друг,... каждый осторожный человек не должен богатеть чересчур поспешно. Но довольно размышлений. Пришлите нам...» [42]

Письмо S. Salte'а Самуэлю Ольдноу.

(25 июня 1788 г.)

«... Пожалуйста, сократите число Ваших ткачей. Не гонитесь за славой мануфактуриста, который производит чрезвычайно много (as a manufacturer in quantity). Мы уверяем Вас, что всякий мануфактурист должен в настоящее время сократить производство, почти остановить, оглядеться вокруг и подсчитать свои долги... Употребите свой досуг и свою изобретательность на создание новых образчиков муслина, которые сможете производить в будущем...»

Письмо S. Salte'а Самуэлю Ольдноу.

(Июнь 1788 г.)

«... Кризис последнего времени расшатал всю систему кредита и производства... Очень немногие должники оказываются в состоянии платить нам... Здесь и там прекращают свою деятельность фирмы, насчет которых не могло быть каких-либо сомнений. И подобные жалобы мы слышим со всех концов страны...»

Отрывки из «Автобиографии Роберта Оуэна», относящиеся к деятельности Самуэля Ольдноу как муслинового фабриканта. [43]

«... Первым стал делать британские муслины.. мистер Ольдноу» в Стокпорте, в графстве Чешир, в семи приблизительно милях от Манчестера — около 1780, 1781 или 1782 г. Интересно проследить историю этой отрасли производства... Когда мистер Ольдноу начал вырабатывать свои изделия, в Англии продавались лишь ост-индские муслины... мистер Ольдноу стал называть свои ткани, в отличие от ост-индских, тонкими британски мимуслинами (British Mull Muslin). Это был новый товар на рынке, шириной менее ярда, который С. Ольдноу продавал мистеру Mc. Guffog'у [44] по 9 шиллингов или 9 шиллингов 6 пенсов за ярд, а последний перепродавал эти муслины своим покупателям по полгинеи за ярд. [45] Товар этот был в большой моде и быстро покупался дворянами (by the nobility) по этой цене, так что мистер Mc. Guffog не успевал получать от мистера Ольдноу достаточного количества, чтобы удовлетворить спрос. Он был принужден часто просить и умолять мистера Ольдноу прислать ему один-два лишних куска в неделю, но нередко — без успеха. Таково всемогущее влияние моды, и ее нелепость при современном неупорядоченном состоянии человеческих умов (the present desorder of the human intellects) такова, что те лица, которые покупали с жадностью новый товар по 10 шиллингов 6 пенсов за ярд, теперь бы не стали и смотреть на него; а товар

гораздо лучшего качества покупался в то же время бедными людьми всего по 2 пенса за ярд [46]

. . . .

Около этого времени выработка хлопчатобумажной пряжи (cotton spinning) становится таким выгодным делом, что начинает привлекать к себе внимание многих лиц, владевших капиталами. Мистер Аркрайт, который ввел, если не изобрел (the introducer, if not the inventor), новые хлопко-прядильные машины, устроил хлопко-прядильную фабрику (cotton spinning mill) в Манчестере, где у него был управляющим некий Симпсон (Simpson) Мистер Дринкуотер (Mr. Drinkwater), богатый манчестерский фабрикант и купец, имевший большие торговые связи за границей, построил фабрику для выработки более тонкой пряжи (finer spinning) машинным способом — под наблюдением Георга Ли (Mr. George Lee), обладавшего в то время наибольшими научно-техническими познаниями.

Мистер, а затем сэр Георг Филипс (George Philips) задумал устроить большую фабрику в Сальфорде и без ведома Дринкуотера, вошел в компанию (partnership) с Георгом Ли, и эта компания под именем «Philips and Lee» сделалась на много лет одной из руководящих фирм в Манчестере.

Мистер Ли поставил Дринкуотера в известность, что он должен его покинуть в виду вхождения его в компанию с Георгом Филипсом. Мистер Дринкуотер, человек совершенно незнакомый со всем тем, что связано с хлопко-прядильным делом, хотя он и был хороший мануфактурист бумазеи (a good fustian manufacturer), крупный торговец с заграничными странами (a first-rate foreign merchant) и очень в это время богатый человек (very wealthy), был поставлен в тупик уходом от него мистера Ли, так как он устроил свою фабрику лишь в расчете на постоянную помощь (permanent services) со стороны последнего. В таком чрезвычайно неприятном положении мистер Дринкуотер стал искать управляющего для своей уже работающей фабрики путем публикации в газетах... [47]

. . . .

В это время хлопок, употребляемый для прядения на новых прядильных машинах, доставлялся из Вест-Индии, из Южной Америки и с французского острова Бурбон и был известен под именем орлеанского хлопка. Северо-американский хлопок еще не употреблялся для прядения, не подходил для обработки теми машинами, которые тогда были в ходу. Самая тонкая хлопчатобумажная пряжа и нитка выпрядались на фабрике мистера Дринкуотера [48] из хлопка, привозимого с Французских островов; и высшие номера или тончайшая нитка, вырабатывавшаяся машинами, называлась техническим термином «сто двадцать», потому что такое число мотков, каждый по 840 ярдов, шло на фунт готовой пряжи... Я уделял много внимания операциям по покупке хлопка для нашей фабрики [49] и получил среди биржевых маклеров по продаже хлопка (cotton brokers) репутацию одного из лучших знатоков качества хлопка, если не самого лучшего...

Грандиозный рост хлопчатобумажной промышленности с этого времени и до настоящего момента есть одно из чудес нашего времени. В течение 40 лет я принимал видное и деятельное участие в развитии этой отрасли в качестве организатора и управляющего обширными по размерам фабриками, стараясь улучшить положение работающих на них лиц... Я уже скоро заметил, сколько внимания уделяется на этих фабриках неодушевленным машинам (dead machinery) и какое невнимание и пренебрежение царит по отношению к работающим людям (living machinery — живым машинам!)...

. . . .

В результате уже одного года управления фабрикой мистера Дринкуотера я увеличил мои знания в определении качества хлопка,... улучшил точность работы машин, усовершенствовал все процессы обработки материала до его обращения в готовые нити или пряжу, нашел средства выделывать нити более тонкие, увеличив количество мотков в фунте пряжи с 120 до 300 и тем сделав возможным для шотландских мануфактуристов в Paisley и по соседству начать выработку новых тонких сортов муслина в обширных размерах... Фабрика мистера Дринкуотера стала процветать... Мое имя приобрело известность, как лучшего в мире специалиста по прядению хлопка, и эта репутация оставалась за мною все время, пока я был управляющим на фабрике мистера Дринкуотера... Так я с большим успехом продолжал вести дело до ужасного для торговли года 1792, который остановил на время быстрый рост и развитие хлопчатобумажной промышленности. [50] Все занятые в этой отрасли пострадали тогда более или менее сильно. Многие были совершенно разорены — в различных отраслях торговли и промышленности и по всему королевству. Но мистер Дринкуотер обладал большим капиталом и перенес разразившийся в торгово-промышленном мире кризис без особенно больших потерь, так что я получил целиком мое жалованье в виду того, что мистер Дринкуотер был в высшей степени доволен моей деятельностью... Но когда, азалось, все шло хорошо и счастливо в наших делах, в семье мистера Дринкуотера произошло событие, имевшее решительное влияние на мою будущую судьбу. Мисс Дринкуотер достигла того возраста..., когда брак с нею стал рассматриваться в качестве завидной партии для всех молодых людей из самых видных в торговом и промышленном отношении семейств во всей округе... Теперь-то я и должен вернуться к тому человеку, имя которого я упомянул в начале моего повествования, — чье имя высоко стояло в кругах Чеширских и Ланкаширских, — в качестве первого и наиболее крупного фабриканта британских муслинов, и от которого, как я рассказал выше, мистер Mc Guffog покупал этот товар, прося, чтобы каждую неделю высылалось кусков побольше. Этот человек — знаменитый и чрезвычайно предприимчивый Самуэль Ольдноу, про которого было известно, что он получил незадолго перед тем по 17 000 фунтов стерлингов прибыли в течение каждого из двух годов, следующих один за другим. Его все считали очень богатым и смотрели на него, как на очень крупного человека в мире промышленности и торговли.

Самуэль Ольдноу нажил эти деньги в муслиновом производстве, покупая потребную для него пряжу у прядильщиков. Но, думая, что прядильщики получают слишком большие барыши, он не удовлетворился, как многие другие, своим благосостоянием и прибылями и, будучи очень честолюбив, решил сделаться крупным хлопкопрядильщиком, подобно тому как он уже был крупнейшим фабрикантом по производству муслина.

Самуэль Ольдноу построил большую, прекрасно оборудованную и весьма внушительного вида хлопко-прядильную фабрику, прекрасно расположенную и в красивой местности, — потому что он имел в этом отношении большой вкус. Словом, Самуэль Ольдноу готовился и уже сделал большие шаги к тому, чтобы стать первостепенным и важным «хлопчатобумажным лордом» (first rate and leading «cotton lord»).

Однако он столь смело и щедро тратил свой капитал на устройство фабрики, на снабжение ее машинами, на покупку земли кругом ее, а также на устройство и оборудование прекрасных помещений вблизи Стокпорта и в самом городе для ведения в широких размерах производства муслинов и их продажи, что когда наступила пора испытаний в 1792 г., то оказалось, что он слишком зарвался в своих планах и их осуществлении и не может выйти из положения без больших жертв.

Чтобы предупредить это, как впоследствии все думали, и поправить свои дела, он решил жениться на мисс Дринкуотер, рассчитывая на помощь ее отца . . . [51] И вот С. Ольдноу обращается к мистеру Дринкуотеру с просьбой о разрешении сделать предложение его дочери. Мистер Дринкуотер был этим необычайно польщен, потому что в это время имя С. Ольдноу высоко стояло в хлопчатобумажном мире — рядом с Аркрайтами и Струттами из Дербишира . . . Ему удалось победить нежелание дочери указаниями на ожидающее ее богатство и положение . . ., и она, не имея возможности сопротивляться, уступила желанию отца . . . Мистер Ольдноу был принят отцом и дочерью, как будущий супруг последней . . .

Некоторое время дела шли, повидимому, хорошо у мистера Ольдноу, он приобрел большое влияние на мистера Дринкуотера. Около этого же времени мистер Ольдноу узнал от мистера Дринкуотера о его соглашении со мною, [52] и это соглашение стояло у него поперек дороги к осуществлению его, мистера Ольдноу, честолюбивых планов; он выражал величайшее желание, чтобы все дело (the whole business) обоих домов было объединено исключительно в их руках, и мое вхождение в товарищество, которое должно было осуществиться, согласно соглашению, с следующего года, стояло у мистера Ольдноу поперек дороги к тому, чтобы получить исключительный доступ к собственности мистера Дринкуотера. [53]

Мистер Ольдноу полагал, что это затруднение нужно устранить во что бы то ни стало, и решил попытаться, нельзя ли что-нибудь сделать со мною. Мистер Дринкуотер . . . послал за мной и пригласил в Newal House, свою загородную резиденцию, где я не был с того самого дня, когда между нами было заключено, согласно его собствен-

ному предложению, упомянутое соглашение. Я кое-что уже предполагал из того, что произошло и должно произойти, и, зная честолюбие мистера Ольдноу, полагал, что мне будут сделаны какие-либо новые предложения.

Я отправился в Newal House, захватив с собой в кармане текст нашего соглашения. Когда я вошел к мистеру Дринкуотеру в его рабочий кабинет, где он был один ... он сказал мне: «Я послал за Вами, чтобы уведомить о неожиданных переменах, которые произошли недавно в моей семье. Знаменитый мистер Ольдноу должен стать моим зятем. Вы знаете, что он первый британский мануфактурист муслина, а теперь он делается и крупным хлопко-прядильщиком (a great cotton spinner). Он выразил сильное желание, чтобы все дело обоих домов было сосредоточено в одной семье (the entire business of both houses should be retained in the family). Но, в силу нашего соглашения, в будущем году Вы должны стать моим компаньоном на моих фабриках, и это соглашение мешает осуществлению грандиозных планов и проектов С. Ольдноу. Он хотел, чтобы я выяснил из разговора с Вами, на каких условиях Вы согласитесь сохранить в своих руках заведывание моими фабриками, отказавшись от претензий на вхождение в наше дело в качестве компаньона. Если Вы согласитесь отказаться от претензий на участие в товариществе, то можете сами назначить себе жалованье. Вы имеете теперь пятьсот фунтов в год, и какую бы сумму Вы ни назначили, Вы ее получите».

Мистер Дринкуотер, казалось, с большим беспокойством ждал моего ответа. Я сказал ему: «Ваш договор со мной я принес сюда, — вот он. И я брошу его в огонь, потому что я никогда не захочу быть связанным с теми людьми, которые не желают сами быть соединенными со мною. Но при таком положении дел я не могу оставаться у Вас управляющим, какое бы жалованье Вы мне ни предложили».

И тут же на его глазах наше соглашение было уничтожено.

. . . .

Но планам С. Ольдноу не суждено было осуществиться: «Мистеру Дринкуотеру стало ясно, что материальное положение (pecuniary position) мистера Ольдноу совсем не таково, каким он его предполагал, и поэтому брак между мистером Ольдноу и мисс Дринкуотер не состоялся. А мистер Дринкуотер, недовольный ходом своего дела, продал фабрику .»

Чтобы лучше уяснить себе причины быстрого краха столь, казалось, успешно развивавшегося предприятия Самуэля Ольдноу, необходимо познакомиться с теми финансовыми затруднениями, которые ему приходилось испытывать при осуществлении его попыток введения фабричной системы в своем предприятии. Особенно туго ему пришлось в связи с кризисом 1792 — 1793 года. Ниже приведены отрывки из его переписки с кредиторами и с теми лицами, к которым он тщетно обращался за финансовой поддержкой.

Интересно письмо фирмы «S. and W. Salte» от 17 декабря 1790 г., когда, казалось, С. Ольдноу чрезвычайно преуспевал, построил новую хлопко-прядильную фабрику в Стокпорте, снабдил ее машиной Больтона и Уатта, когда он заложил большую пятиэтажную фабрику в Меллор: оказывается, что уже в это время его финансовое положение было далеко не блестящим, фабрика в Меллор строилась в кредит, приходилось думать о том, от кого и на каких условиях можно было бы получить заем.

Из переписки Самуэля Ольдноу.

(1790, 1791, 1792 и 1794 гг.)

Письмо Самуэлю Ольдноу от фирмы «S. and W. Salte».

(17 декабря 1790 г.)

«Мы получили Ваше письмо от 14 числа насчет Вашего имения (your estates), заклада земли (mortgages) и т. д. ...[55] Конечно, Вы сам являетесь лучшим судьей насчет того, что Вы предприняли как в Меллор, так и в других местах. Я надеюсь, что Вы не заключили невыгодной сделки. Но насчет 5 000 фунтов стерлингов, которые Вы просите под залог Ваших участков (premises) в Стокпорте, то для нас не представляется возможным кредитовать Вас в размере этой суммы приблизительно до февраля следующего года. У нас сейчас нет свободных денег... Кроме того, нам пришлось отсрочить на несколько недель предполагавшееся получение 6 000 фунтов стерлингов приблизительно... Все это делает для нас невозможным в настоящее время предлагаемую Вами операцию. Но ведь Вы имеете богатые ресурсы в Манчестере, ... и Вам краткосрочный кредит, во всяком случае, обеспечен...»

Получив отказ от фирмы «S. and W. Salte», С. Ольдноу обращается к поддержке Аркрайта. Но им еще не был выплачен долг за пряжу, полученную им от Аркрайта в 1787 г. Оказывается, что даже весьма удачные для С. Ольдноу годы — 1789 и 1790 — не позволили ему расплатиться с этим старым долгом.

Тем не менее, ему удается заложить у Аркрайта землю и получить заем в 12 000 фунтов стерлингов, который, однако, оказался недостаточным для того, чтобы выйти из затруднений, в которые С. Ольдноу попал вследствие своего чересчур широкого размаха в деле развития своего предприятия, — против чего его всегда предупреждал осторожный С. Сальт. Письма от Henry Norris к С. Ольдноу, помещенные ниже, говорят о том, на каких условиях соглашался этот богатый купец поместить свой капитал в новую промышленность.

Письмо Henry Norris Самуэлю Ольдноу.

(30 июня 1791 г.)

«... В своем последнем письме я уведомил Вас, что не входит и не входило в мои намерения давать деньги в долг под проценты лишь за личною ответственностью (on personal security), но лишь при условии двойного обязательства (on double bonds)... Я хорошо помню, что Вы в своем последнем письме сообщаете, что Вы никого не хотите просить сообща с Вами обязаться в уплате (to be joined security with you). Но я надеюсь, что Вы, может быть, переменили свое решение? Я вовсе не хочу угнетать Вас неприятным для Вас требованием, но в то же время смею думать, что Вы признаете мое полное право устанавливать такие правила в ведении моих личных дел, какие, по моему мнению, являются требованием благоразумия. Конечно, в данном случае речь идет, к счастью, о лице, в кредитоспособности которого сомневаться не приходится... Я надеюсь, что Вы соблаговолите ответить мне на это письмо».

Письмо Henry Norris Самуэлю Ольдноу.

(4 июня 1792 г.).

«Я имел честь получить Ваше письмо от 1 июня, в ответ на которое я сообщаю, что согласен на то поручительство, которое Вы предлагаете (the security you proposed). Но, чтобы предупредить недоразумение, содержащееся в Вашем письме, я оставляю за собою право вновь напомнить Вам, что не помещаю под проценты и одной гинеи, менее чем из $5^0/_0$».

Письмо Рич. Аркрайта Самуэлю Ольдноу.

(Кромфорд, 13 мая 1794 г.)

«Я чрезвычайно поражен Вашим письмом, так что не знаю, что Вам и ответить на него. Я несколько раз писал Вам — и насчет процентов за полгода, и насчет уплаты части денег. Если Messrs Smith [56] хлопочут о том, чтобы получить свои деньги, в которых они имеют обеспечение (have a security), то что же должен делать я, когда мною дана Вам сумма вдвое большая без всякого обеспечения (no security). Вы всегда говорили, что постараетесь уменьшить эту сумму долга, и я думал, что Вы уменьшите ее в значительной степени. Сперва я этого ожидал тогда, когда Вы получили заем у Smiths; но я скоро обнаружил, что вы взяли деньги в долг у них не для этой цели. Недавно еще я ожидал, что получу с Вас часть денег, когда Вами была продана ситценабивная мастерская (printing works), но и это не оправдалось. Вы предполагаете не платить ни процентов, ни самого долга и думаете, что я должен сидеть спокойно и смотреть, как Smiths получают по 250 — 500 фунтов стерлингов в месяц, тогда как я, который должен был три раза уже получить эту сумму, ничего не получаю... Я Вам говорил неоднократно и при всяком удобном случае, что я хочу получить деньги. Вы знаете, каково было мое мнение с самого начала, когда Вы кинулись в эти крайности ... Вы спрашивали моего совета и совета Mr. Strutt'a..., но, вместо того, чтобы этим советам следовать, Вы непрерывно увеличивали число Ваших машин (have continued to increase your machinery). Я рад был бы оказать Вам всякую поддержку, совместимую с благоразумием и с тем долгом, который я имею по отношению к самому себе ... Но я не могу и не собираюсь терпеливо смотреть, как Messrs S. получают деньги, а мой долг остается, и даже проценты не уплачиваются Вами ... Я надеюсь, что предпремете в этом отношении какие-либо меры... Если бы Вы платили по $2^1/_2{}^0/_0$ в год по ипотеке (on the mortgage) и по обязательству (on the bond) каждые полгода, то я не был бы так раздосадован на Вас, как в настоящий момент — после получения Вашего письма»...

В тесной связи с кризисом 1792 — 1793 гг. находится еще одна любопытная попытка С. Ольдноу выпутаться из тяжелого положения путем выпуска своего рода «бумажных денег» в виде расписок, выдававшихся рабочим, на право получения товаров в фабричной лавке. Эти расписки для лавки (chop-notes), которыми производилась расплата с рабочими на Меллорской фабрике в 1793 — 1794 гг., представляют интересный эпизод в развитии так называемой «truck-system». [57] Но, помимо того, они имеют большое значение в истории торгового кредита и денежного обращения Англии в эпоху войны с революционной Францией.

Образцы расписок, которые получали на фабрике С. Ольдноу рабочие взамен заработной платы.

£. 0. 13, 9. Меллор, 13 апреля 1793

Уплатить David'у Byers 13 шиллингов 9 пенсов товарами на эту сумму.

Самуэль Ольдноу.

В лавку. № 73.

£. 1. 15. 10 1/2 Меллор, 13 апреля 1793 г.

Приписать к счету David'a Byers один фунт пятнадцать шиллингов 10 1/2 пенсов, за которые является ответственным Самуэль Ольдноу. За него подписываюсь я, Ваш покорный слуга.

H. Mason.

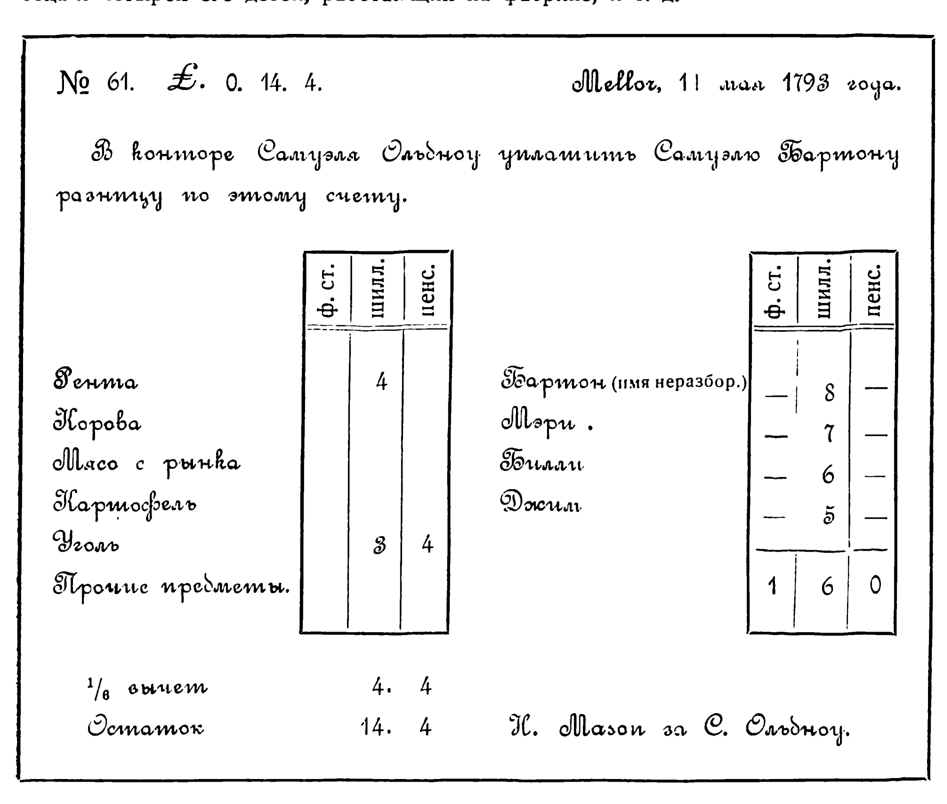
Из сопоставления этих двух расписок ясно, что David Byers предполагал истратить в лавке сумму в 13 шиллингов 9 пенсов, отмеченную на первой расписке, а вторую расписку он мог представить другому лавочнику — в качестве долгового обязательства Самуэля Ольдноу.

Следующая расписка имеет другой характер и форму.

Наличными деньгами		0.	5.	0
Копченая свинина		0.	2.	1/2
Хлеб		0.	0.	11
	£.	0.	7.	11 1/2
Долг в лавке John'a Wrigley		0.	15.	11
Наличными деньгами		0.	1.	10
	£	1.	5.	8 1/2

Смысл этой расписки таков. Некий Henry Wheeldon получил расписку в лавку на 1 фунт стерлингов 5 шиллингов $8^{1}/_{2}$ пенсов. В лавке С. Ольдноу он истратил 2 шиллинга $11^{1}/_{2}$ пенсов на свинину и хлеб, а 5 шиллингов получил наличными деньгами. У него осталось 17 шиллингов 9 пенсов. Затем Henry Wheeldon пошел в лавку John'a Wrigley и отдал расписку взамен своего долга этой лавке в 15 шиллингов 11 пенсов, получив сдачи 1 шиллинг 10 пенсов наличными деньгами. Очевидно, что после этого расписка стала долговым обязательством Самуэля Ольдноу по отношению к лавочнику John'y Wrigley на сумму в 17 шиллингов 9 пенсов, т. е. за вычетом стоимости свинины, хлеба и 5 шиллингов наличными деньгами, полученных Henry Wheeldon'ом в лавке Самуэля Ольдноу.

Приведенные выше образцы расписок написаны от руки. Помещенная же ниже расписка Меллорской фабрики от 11 мая 1793 г. — это печатный бланк, где от руки вписаны лишь номер, следуемые суммы, имена получающего деньги отца и четырех его детей, работающих на фабрике, и т. д.

№ 61. £. 0. 14. 4. Mellor, 11 мая 1793 года.

В конторе Самуэля Ольдноу уплатить Самуэлю Бартону разницу по этому счету.

	ф. ст.	шилл.	пенс.
Рента		4	
Корова			
Мясо с рынка			
Картофель			
Уголь		3	4
Прочие предметы.			

	ф. ст.	шилл.	пенс.
Бартон (имя неразбор.)	—	8	—
Мэри .	—	7	—
Билли	—	6	—
Джим	—	5	—
	1	6	0

$^{1}/_{6}$ вычет 4. 4

Остаток 14. 4

Н. Mason за С. Ольдноу.

Повидимому, 1 фунт стерлингов 6 шиллингов — это двухнедельный заработок четверых малолетних детей, который должен был получить их отец — за вычетом ренты, стоимости угля и еще какого-то вычета в размере $^{1}/_{6}$ их заработной платы. На обратной стороне этой расписки — перечень товаров, забранных в лавке, — очевидно, в счет этой расписки: хлеб, мука, масло, копченая свинина, сыр и один раз ситец («print») — всего на 1 фунт стерлингов 8 пенсов, т. е. на сумму большую, чем та «разница», которую должен был получить, согласно расписке № 61, Самуэль Бартон, отец четырех малолетних работников и работниц. Очевидно, нужно было ждать следующей расписки, чтобы покрыть долг лавке в 6 шиллингов 4 пенса!

Но очень часто, повидимому, рабочие, получив расписки, обращались к какому-либо третьему лицу и получали, взамен расписок, известные суммы денег.

Таким видным банкиром в деревне, к которому обращались рабочие за деньгами взамен своих расписок, был некий John Downes, предъявивший для оплаты

Самуэлю Ольдноу 12 июня 1793 г. сразу 67 расписок от разных дат за предшествующие два месяца — на сумму в 64 фунта стерлингов 18 шиллингов и $9^1/_2$ пенсов. Нужно отметить, что этот John Downes держал и самую лавку С. Ольдноу, и в то же время — частным образом — он ссужал рабочих деньгами, взамен выдававшихся на фабрике им расписок.

Характерно следующее, очень безграмотно написанное письмо без даты, сохранившееся в фабричном архиве и рисующее с несколько другой стороны деятельность этого John'а Downs, державшего лавку у С. Ольдноу.

«Мистер Ольдноу.

Сэр, да будет Вам известно, что покупать товар в лавке лихоимца Mr. Downs — значит платить за все продукты по пенсу дороже за каждый фунт, чем я могу купить в Marpor bridge,[58] и многие продукты на $1^1/_2$ и 2 пенса дороже и хуже. Сэр, я буду весьма обязан Вам, если Вы дадите мне расписку в лавку в Marpor bridge, это сбережет мне 4 шиллинга при платеже за товар, и я смогу платить Вам эти 4 шиллинга в погашение старого долга (? to wards the ould monny), а если я буду покупать у Mr. Downs, я никогда не смогу заплатить Вам, потому что вряд ли смогу получить даже продукты.

От Вашего покорного слуги

Thos. Austin».

От системы расплаты с рабочими расписками наживался, повидимому, не только содержатель лавки, но выигрывала и фабрика. Особенного развития достигает система расплаты расписками в связи с кризисом 1792 — 1793 гг. Были периоды, когда $^9/_{10}$ заработной платы рабочим выплачивалась расписками, и лишь небольшие суммы выдавались деньгами. Этим способом С. Ольдноу пытался выпутаться из своих финансовых затруднений и возраставших претензий своих кредиторов. Интересно, что долговые расписки С. Ольдноу, выдававшиеся рабочим, начинают ходить по округе, играя роль своего рода бумажных денег. Все же С. Ольдноу не смог выпутаться из своего критического положения и должен был прекратить в 1795 г. муслиновое производство и продать большую часть своего предприятия, сохранив лишь Меллорскую фабрику.

Данные о положении Меллорской фабрики в 1797 — 1798 гг.

Отчет Меллорской фабрики за январь месяц 1797 г.

I.

№	Количество веретен	Всего веретен	Среднее количество работающих веретен	Хлопок для обработки чесальными машинами	Хлопок низшего качества для обработки чесальными машинами	Количество мотков пряжи	Число фунтов пряжи	Заработная плата		
								ф. ст.	шил.	пенс.
1	2 608									
2	2 464	8 464	6 000	15 842—2	4 452	340 380	17 060	405	2.	10
3	2 816									
4	576									

II.

Расчет стоимости	Фунт. ст.	шилл.	пенс.
Хлопок для обработки . 15 842 фунт. 2 унц. по 2 шилл. $1^1/_2$ пенс.	1 683	1	9
Хлопок низшего качества 4 452 » — » » 1 » 4 »	296	16	0
20 294 фунт. 2 унц. .	1 979	17	9
340 390 мотков, 17 060 фунт. пряжи, общая сумма расходов по 1 шилл. за фунт .	853	0	0
баланс или очевидная прибыль .	11	16	$5^1/_2$
	2 844	14	$2^1/_2$
8 450 фунт. выпряденной пряжи (spun yarn) по 4 шилл. 7 пенс. .	1 943	18	2
за вычетом 10%. . .	194	7	$9^3/_4$
	1 749	10	$4^1/_4$
8 610 фунт. выпряденной пряжи на звонкую монету (present money) . . .	992	5	5
17 060 фунт. .	2741	15	$9^1/_4$
3 234 фунт. хлопка низшего качества по разной цене . .	102	18	5
20 294 фунт. .	2844	14	$2^1/_4$

Общая сумма расходов по отдельным статьям в пенсах		10%, подлежащие вычету	
Рабочие руки на фабрике (hands in the mill) на 1 фунт.	$5^1/_2$ пенс.	Скидка покупателям	. — 5%
Управление, секретарь, кузнецы, столяры и т. д.	$1^1/_4$ »	Комиссионные за продажу	. — $2^1/_2$%
Порча и повреждение	$1^3/_4$ »	Риск долгов и перевозки в Манчестер (Risque of debts and cariage)	. — $2^1/_2$%
Проценты на капитал . . . . —	2 »		
Рента, страховка, перевозка, почтовые расходы и т. д. . . . . . —	$1^1/_2$ »		
На 1 фунт . . —	12 пенс.		10%

III.

Смета расходов в письме от 24 августа 1798 г.

Рента Меллорской фабрики 1 600 фунт. ст. в год.

	фунт. ст.	шилл.	пенс.
Рента в неделю по 2 пенс. с фунта, всего с 3 700 фунт.	30	16	8
Рента или процент на машины, по 10% на 16 000 фунт. ст. составит ту же сумму, [59] что и рента, и на 3 700 фунт., по 2 пенса на фунт. [60]	30	16	8
Заведывание, секретарям, кузнецам, столярам и т. д., страховка, перевозка, почтовые расходы по 2 пенс. с фунта, всего с 3 700 фунт., выпрядаемых в неделю	30	16	8
В неделю, или по 6 пенс. с фунта, всего же с 3 700 фунт.	92	10	0
Заработная плата в неделю			
318 прядильщикам (mill hands)	74	0	0
100 подмастерьев (apprentices)	20	0	0
	94	0	0

Эти 12 пенс. с фунта, всего же с 3 700 фунт. ст. и есть действительная стоимость прядения, и еще 1 фунт. ст. 10 шилл. остается сверх того. 61

Что прежде всего следует отметить в этих таблицах — это сравнительно очень небольшое количество веретен на столь славившейся в свое время фабрике С. Ольдноу, казавшейся современникам огромным предприятием.

Далее, обращает на себя внимание тот факт, что работает в среднем лишь 6 000 веретен из 8 464, т. е. менее трех четвертей. Затем, если мы разделим сумму мотков 340 380 на 17 060, т. е. количество фунтов пряжи, то увидим, что на фунт приходится около 20 мотков, т. е. пряжа вырабатывалась весьма грубая, тогда как Оуэн на фабрике Дринкуотера довел количество мотков до 120 на фунт пряжи.

Но больше всего поражает незначительность, судя по подсчету, прибыли — всего 11 фунтов стерлингов 16 шиллингов $5^1/_4$ пенсов в месяц.

I и II таблицы содержат подсчеты, произведенные кассиром С. Ольдноу, а III таблица — его собственный приблизительный расчет. Между I и II подсчетами и подсчетом, помещенным в III таблице, имеются значительные расхождения. Количество производимой пряжи приблизительно одинаково, только в первом случае дан месячный итог (за $4^1/_2$ недели), а во втором — недельный. Заработная плата во втором случае несколько больше 6 пенсов в цене каждого фунта пряжи, а в первом — $5^1/_2$ пенсов. Значительная весьма разница в подсчетах в отношении ренты: в первом подсчете на ренту, вместе со страховкой, перевозкой, почтовыми расходами и т. д., отводится $1^1/_2$ пенса в стоимости фунта пряжи, тогда как во втором подсчете — на одну ренту — 2 пенса, а на порчу и повреждения ничего не отведено.

В общем, положение Меллорской фабрики С. Ольдноу было весьма не блестящее. Времена были очень тяжелые. Военный кризис, приостановка платежей звонкой монетой в феврале 1797 г. — вызвали временную остановку предприятия. Письмо Аркрайта в феврале 1798 г. хорошо отражает это общее положение дел и состояние фабрики С. Ольдноу.

Письмо Рич. Аркрайта Самуэлю Ольдноу.

(Февраль 1798 г.)

«. . . Не произошло никакой благоприятной перемены в положении дела, которая побудила бы меня изменить свое отношение по сравне-

нию с тем, что я писал Вам в своем последнем письме; даже, наоборот, все как будто бы складывается против того, что внушало какие-нибудь надежды... Я боюсь тех последствий, которые, повидимому, неизбежны при теперешнем положении промышленности. Многие фабрики закрываются. По соседству — на фабрике Mr. Strutt'a сократили часы работы; так же поступил Mr. Nightingale... Я за последнее время продавал неизменно очень мало... Не знаю, какие шаги следует предпринять... Я очень сожалею, что Вы не можете переслать мне мои проценты... Они накопятся, если Вы не будете выплачивать, а этого допускать не следует. Я всегда рад Вас видеть у себя, когда это Вам удобно, но по тому делу, на которое Вы ссылаетесь, это не является необходимым, потому что я ничего нового сказать Вам не могу.[62] У меня есть список хлопкопрядильщиков, которые продают с большой скидкой, и Вы среди них; однако, Вы не можете этого избежать, деньги Вам необходимы.[63] Мне кажется, что пока не будет заключен мир, положение промышленности не может улучшиться,[64] или пока не будет закрыто от половины до двух третей или даже трех четвертей всех фабрик».

С. Ольдноу все еще не терял надежды и пытался делать новые предложения Аркрайту. Но последний настроен весьма пессимистически и не сочувствует планам Ольдноу. Может быть с этим отношением Аркрайта стояло в связи и то объявление о продаже с аукциона земли и фабрики С. Ольдноу в Стокпорте, которое относится к тому же 1798 г. и помещено ниже.

Объявление о продаже с аукциона земли Стокпортской фабрики С. Ольдноу.

«Участок I. Все те обширные участки земли (premises), на которых недавно вел хозяйство (in the occupation) мистер Ольдноу, а теперь сданы (now occupied by) Messrs Parker, Sykes, and C°, живописно расположенные в Higher Hillgate, в Стокпорте, с находящимися на них прекрасным домом, конюшней, службами, садом, а также удобное и обширное пятиэтажное здание, приспособленное в настоящее время для хлопкопрядильной фабрики и производства муслинов и других тканей, вместе со всем необходимым для выделки тысячи кусков ткани в неделю, и занимающее площадь в 7 640 кв. ярдов, частью фригольд, частью лизгольд (leasehold) в долгосрочной аренде, вместе с прекрасной паровой машиной конструкции Messrs Больтона и Уатта и с большим количеством других ценных вещей, продаваемых вместе.

Участок II. Пять хороших и основательных кирпичных строений, с сортировочной (picking room)[65] и ткацкой (Loom House),[66] построенные на земле, сданной в аренду на 99 лет ректором Стокпорта и примыкающей к упомянутому выше участку.

Первый из этих участков сдан в аренду за 520 фунтов стерлингов в год, а второй — за 80 фунтов стерлингов, а всего — за ренту в 600 фунтов стерлингов в год».

Некоторые данные о последующей деятельности С. Ольдноу.

В следующие два года (1798 — 1800 гг.) неутомимая энергия С. Ольдноу толкает его к другого рода деятельности: он меньше вни-

мания обращает на хлопкопрядильную фабрику в Меллор и предпринимает большие работы по улучшению земледелия в своем Меллорском имении, очевидно, считая занятия сельским хозяйством более патриотичным и выгодным делом в условиях, создавшихся во время войны с Францией, чем производство хлопчатобумажной пряжи при упавшем спросе на ткани и затруднениях в сбыте.

Правда, С. Ольдноу и раньше интересовался вопросами сельского хозяйства, держал стадо коров для выдачи молока своим рабочим в счет заработной платы, делал попытки снабжения своих рабочих мясом, интересовался овцеводством, держал под запашкой некоторую площадь земли — под овсом и отчасти пшеницей. Но до конца 90-х гг., вернее, до 1798 г., земледелие стояло на заднем плане, было подсобным занятием, а центром внимания и претензий С. Ольдноу было хлопчатобумажное производство.

В годы 1798 — 1800 наоборот, мы мало слышим о его хлопкопрядильной фабрике в Меллор, зато узнаем о ряде попыток С. Ольдноу завести интенсивное земледелие в Меллор, улучшить пути сообщения; С. Ольдноу озабочен постройкой каменного моста, проведением канала [67] и т. д.

Но и в этой области С. Ольдноу, обладая огромной предприимчивостью, не всегда умел учитывать свои силы и реальные возможности; он все же был большим мечтателем и фантазером, который мог легко зарваться.

В результате его сельскохозяйственных «улучшений» в сентябре 1800 г. его имение было оценено в 83 794 фунтов стерлингов 10 шиллингов 8 пенсов, а сумма его долгов достигла 97 400 фунтов стерлингов 18 шиллингов 5 пенсов... Это было уже почти банкротство, от которого он был спасен еще раз вмешательством Аркрайта, вошедшего с Ольдноу в товарищество — на условиях, оставлявших видимость владения и ведения хозяйства в Меллор за С. Ольдноу, но фактически передававших право собственности на предприятие С. Ольдноу Аркрайту, сосредоточившему в своих руках около $^7/_8$ капитала всего предприятия и получившему в соответствии с этим такую степень влияния на его дела, которая фактически сводила С. Ольдноу на положение почти лишь управляющего фабрикой.

Товарищество просуществовало до 1 января 1805 г., к этой дате стоимость имения и предприятия С. Ольдноу возросла почти вдвое — до 160 584 фунт. стерлингов, но и долги возросли до 156 333 фунтов стерлингов, из которых 143 000 фунтов стерлингов принадлежали Аркрайту. Положение Ольдноу, несомненно, улучшилось, хотя задолженность его предприятия была все же очень велика и продолжала возрастать.

Фабричный архив, найденный Ануином, позволяет проследить историю фабрики Ольдноу в 1800 — 1804 гг. и в годы, следующие за прекращением товарищества, по сохранившимся отрывкам из записей в торговых книгах, из отчетов о стоимости производства, его количестве и качестве, о заработной плате, именах покупателей и т. д.

Число работающих веретен возросло с 6 000 в 1797 г. до 10 000, повидимому, еще до 1804 г. В марте 1804 г. работало на фабрике

432 человека рабочих, включая 60 подмастерьев, а также около двух десятков механиков (mechanics) и сотня трепальщиков и сортировщиков хлопка (pickers).

К 1812 г. число рабочих всех категорий очень сильно уменьшилось: 345 рабочих, включая 38 подмастерьев, на самой фабрике (in the mill), 15 механиков, около 20 всего трепальщиков и сортировщиков. Заработная плата с 1804 по 1812 г. падает с 83 фунтов стерлингов до 14 фунтов стерлингов в месяц.

Общее количество выпускаемой в месяц пряжи почти не изменилось по сравнению с 1797 г.: в 1812 г. — 17 066 фунтов, тогда как в 1797 г. — 17 060 фунтов.[68] Но количество мотков почти удвоилось — вместо 340 380 мотков в 1797 г., теперь — 627 459 мотков, что означает увеличение числа мотков с 20 до $36^3/_4$ на фунт, т. е. пряжа стала вырабатываться более тонкая, почти вдвое тоньше, чем в 1797 г. Но цена высших, более тонких, сортов пряжи была ниже, чем цена более грубой пряжи пятнадцать лет тому назад, тогда как оплата труда возросла с 4 шиллингов 6 пенсов в неделю до 7 шиллингов 4 пенсов в неделю рабочему — в соответствии с общим ростом цен.

Все эти данные чрезвычайно важны и существенны для изучения истории фабрики Самуэля Ольдноу, которая находилась в руках этого предпринимателя до 1828 г., когда он умер; после же его смерти фабрика перешла к его главному кредитору и одно время к компаньону — Аркрайту.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] См. «Description of the country from thirty to forty miles round Manchester» by J. Aikin. London, 1795, pp. 442 и сл., 482.

[2] Т. е. имеется в виду дядя Самуэля Ольдноу — Томас Ольдноу.

[3] Имеется в виду мануфактура в Андертоне.

[4] Несомненно, Самуэль Ольдноу обладал большими дипломатическими способностями в своих торговых и деловых сношениях. Удачно рекламируя свое только что открытое предприятие, о котором еще ничего не известно, он в то же время указывает фирме «S. and W. Salte» на возможность продажи им своих изделий соперничающей с ними фирме «Parker, Topham and C°».

[5] Но предлагавшийся фирмой «S. and W. Salte» кредит был и недостаточным, и связанным с невыгодными для Самуэля Ольдноу обязательствами. Этим объясняется его уклончивый ответ, данный фирме.

[6] У Самуэля Ольдноу завязываются более тесные связи с фирмой «S. and W. Salte», но он ведет одновременно переписку и с конкурирующей с этой фирмой компанией «Parker and Topham» (см. следующее письмо).

[7] По отношению к фирме «Parker and Topham» тон письма Самуэля Ольдноу гораздо более независимый.

[8] Фирма «S. and W. Salte» торопит Самуэля Ольдноу с приездом в Лондон для деловых разговоров и ознакомления со вкусами покупателей. Обещая в неопределенной форме поддержку, фирма явным образом опасается, как бы кто-либо другой — очевидно, «Parker, Topham and C°» — не приобрел слишком большого влияния на предприятие Самуэля Ольдноу.

[9] A Tour through the whole Island of great Britain... By a Gentleman (Daniel De Foe), 1724, 1 изд. Последующие издания, начиная с 3-го изд. 1742 г. — «с очень большими прибавлениями, улучшениями и поправками», произведенными S. Richardson'ом; то же следует сказать и про 7-е изд. 1769 г., из которого ниже приведены выдержки, относящиеся к стокпортской промышленности.

[10] См. Henry Heginbotham, Stockport ancient and modern, v. I — II, 1877, 1892, v. II, pp. 318 — 319.

[11] A Tour through the whole Island of great Britain... By a Gentleman (Daniel de Foe), 7-е изд., 1769, v. II, pp. 397 — 398.

[12] Spitalfields — район в Лондоне, известный в связи с шелковой промышленностью, начало которой здесь положили французские беженцы после отмены в 1685 г. Нантского эдикта.

[13] Очень существенно отметить, что возможность роста хлопчатобумажной индустрии в Стокпорте была подготовлена предшествующим развитием здесь шелковой промышленности — с большими фабричными зданиями, с дорогими сложными машинами, правда, пока еще приводившимися в движение водяной силой, с широким уже, повидимому, применением труда малолетних детей.

[14] J. Aikin, A Description of the country from 30 to 40 miles round Manchester, 1795, pp. 445 — 447.

[15] Нужно все время помнить, что промышленный переворот в Стокпорте был тесно связан с изменением положения шелковой промышленности, с падением ее выгодности и вытеснением ее хлопчатобумажным производством; промышленный переворот был подготовлен развитием шелкопрядильного дела и осложнен вытеснением мелкого производства — новой хлопчатобумажной индустрией.

[16] Имеется в виду война с Францией, начавшаяся в 1793 г.

[17] Т. е. реки Mersey, на которой стоит Стокпорт.

[18] На старинной гравюре, изображающей г. Стокпорт в 1793 г., снимок с которой приложен к описанию J. Aikin'a, мы видим часть города, окруженного холмами, местами покрытыми лесом, с мостом на ланкаширскую сторону реки Mersey, с круглой башней в центре города, называющейся «Замком» (Castle) — это большая хлопчатобумажная фабрика, и с двумя церквами — старой и новой.

[19] «Reed» — ткацкий инструмент — сперва кусочек тростника, затем кусок проволоки, употребляемый для того, чтобы разделить нити основы (warp), а «geers or healds», или «haddles» — особое довольно сложное приспособление, при помощи которого основа ткани разделяется надвое, чтобы пропустить челнок с утком.

[20] Мы видим, что фирма «S. and W. Salte» попрежнему склонна давать советы Самуэлю Ольдноу, старается, по возможности, быть в положении единственного скупщика его муслинов; но уже по тону письма чувствуется, что удельный вес предприятия С. Ольдноу значительно увеличился.

[21] Речь идет, очевидно, о той гостинице, постоялом дворе (Inn), куда должен был прибыть Pickfords Waggon.

[22] «Last tuesday morning», — письмо же «S. and W. Salte» написано в субботу вечером.

[23] Имеются в виду хлопчатобумажные ткани специально для печатания на них — printing cloth, cotton cloth for printing.

[24] Имеются в виду Лорды Промышленного Совета (Lords of the Council for Trade). В 1786 г. был образован также Комитет Тайного Совета для выработки проекта организации Ведомства Промышленности (Board of Trade).

[25] Это письмо содержит ряд интересных подробностей, рисующих обстоятельства отправки и получения изготовленных Самуэлем Ольдноу товаров, условия торговли ситцами и муслинами, влияние фирмы «S. and. W. Salte» на ход и характер производства и т. д. Особенно же интересны эти данные о переговорах между Mr. Eden'ом и S. Salte и предполагаемом посещении последним Whitehall'a. S. Salte полон восторгом от предстоящего доклада, рисует блестящие перспективы пред С. Ольдноу и заканчивает весьма настойчиво и прозаически: «пришлите нам все Ваши муслины!..»

[26] Т. е. при несвоевременной доставке товаров.

[27] «Ваше Лордство» (Lordship) — обращение к знатным людям (noblemen), кроме герцогов (dukes), и к судьям.

[28] «S. and W. Salte» подозревают, очевидно, что С. Ольдноу продает свои товары дешевле их старому сопернику и конкуренту — фирме «Parker, Topham and C°» (см. письма 1783 г.).

[29] «S. and W. Salte» употребляют новый аргумент, чтобы побудить С. Ольдноу продавать товары исключительно им.

[30] Twist — это род пряжи, употребляемой для основы (warp) хлопчатобумажных тканей.

[31] Balasore — город в Британской Индии.

[32] Это письмо, особенно его конец, прекрасно рисуют атмосферу недоверия, соперничества и взаимного шпионства, господствовавших в новой, развивавшейся быстро индустрии. Соперничают не только отдельные фирмы и фабриканты, соперничают между собою графства, Англия и Шотландия, Великобритания и Франция.

[33] Will. Strutt — сын Jedediah Strutt'a, бывшего компаньона Аркрайта Старшего; он приобрел впоследствии известность в качестве изобретателя.

[34] Эти заключительные любезности в письме Sam. Salte'a весьма характерны. С. Ольдноу вполне, так сказать, «оперился», закончил отделку своего дома, едет для важных переговоров к знаменитому изобретателю и богатому фабриканту с полной надеждой на любезный прием и содействие. Это уже не тот С. Ольдноу, скромно заявляющий фирме «S. and W. Salte» о своем существовании в апреле 1783 г.

[35] Речь шла, таким образом, об устройстве Самуэлем Ольдноу при помощи Аркрайта новой хлопчатобумажной фабрики.

[36] «S. and W. Salte» различают и разграничивают операцию производства пряжи на предполагаемой хлопчатобумажной мельнице и собственно мануфактуру — производство муслинов, которым занят С. Ольдноу.

[37] Мы видим, что в решительный момент переговоров с Аркрайтом С. Ольдноу обращается к фирме «S. and W. Salte». Фирма, не имея ничего против более тесного единения С. Ольдноу и Аркрайта, даже приветствуя это, расхолаживает С. Ольдноу насчет возможности получения займа и отговаривает от постройки хлопчатобумажной фабрики, предлагая более надежный, по ее мнению, хотя и медленный путь.

[38] Т. е. в Bakewell, где была фабрика Рич. Аркрайта Младшего.

[39] Где были фабрики Аркрайтов — отца и сына.

[40] Имеется в виду торговый договор с Францией, заключенный в 1786 г., который должен был, как предполагали, открыть возможность широкого вывоза во Францию продуктов британской промышленности. По этому договору были взаимно сокращены пошлины на основные предметы торговли Великобритании и Франции. Этот договор рассматривался, как успех W. Eden'a, ведшего переговоры с Францией: ему удалось добиться отмены тех мер, которые были приняты в 1785 г. с целью ограничения возраставшего ввоза британских товаров.

[41] Т. е. шотландцы.

[42] Следует список товаров.

[43] «The Life of Robert Owen. Written by himself», London, 1857.

[44] Mc Guffog — шотландский купец, у которого Роберт Оуен был в ученьи (an apprentice).

[45] Half a guinea, т. е. по 10 шиллингов 6 пенсов.

[46] «Автобиография» Оуэна содержит, таким образом, указание еще на одного скупщика модного товара, производившегося Самуэлем Ольдноу — Mc. Guffog'a, при этом — в ранний период деятельности С. Ольдноу, когда он находился, судя по переписке, в сфере исключительного влияния фирмы «S. and W. Salte» и отчасти «Parker, Topham and C°».

[47] Все эти данные, сообщаемые Оуэном, насчет ряда предпринимателей, капиталистов и специалистов-техников, выступающих в области хлопчатобумажной индустрии, очень любопытны. Они рисуют нам и ту среду, в которой вырастали предприниматели типа Самуэля Ольдноу. Все это люди из породы так называемых „ланкаширских волков“, необычайно деловитые, предприимчивые и весьма характерные на общем фоне «промышленного переворота».

[48] Оуэн очень живо рассказывает в своей «Автобиографии», как, узнав от одного из прядильщиков на фабрике о публикации Дринкуотера в манчестерских газетах, он пошел наниматься к нему в управляющие на фабрику, оставшуюся без заведующего вследствие ухода мистера Ли. Дринкуотер, после некоторого промедления, согласился дать в качестве жалованья запрошенную Оуэном очень крупную сумму — в 300 фунтов стерлингов в год. Оуэн был очень тесно связан с этой сре-

дой и с той системой нового фабричного производства, последствия которой он столь ярко изображает в своем «Report to the Commitee of the Association for the Manufacturing and Labouring Poor», 1817 (см. перевод отрывков из этого „Report" в моем сборнике источников — «Промышленный переворот», Гиз, 1925. См. там же перевод Оуэновских «Observations on the Effect of the Manufacturing Sistem».

[49] Где Р. Оуэн был управляющим, причем Дринкуотер, уговорившись с ним за 300 фунтов стерлингов в год, обещал затем в следующие два года платить Оуэну 400 фунтов стерлингов и 500 фунтов стерлингов, а на четвертый год принять его в компанию на условии получения Оуэном четвертой части дохода с предприятия. Оуэн был в это время, в 1790 г., еще совсем молодым человеком (род. в 1771 г.).

[50] Это был именно тот год, с которого начинается упадок предприятия Самуэля Ольдноу.

[51] Это характерный эпизод. Нарождающиеся промышленные магнаты привлекают к себе на службу предприимчивых изобретателей или организаторов в роде Оуэна, роднятся между собою в целях взаимной поддержки и т. д.

[52] Речь идет об обещании Дринкуотера принять Оуэна по истечении трех лет в компанию с собою.

[53] Конечно, это обстоятельство следует иметь в виду, чтобы понять отношение Оуэна к С. Ольдноу.

[54] Эта сцена очень характерна, и рисует ярко, как двух деятелей «промышленного переворота» — Самуэля Ольдноу и его предполагаемого тестя Дринкуотера, так и Роб. Оуэна — сперва организатора производства, затем, впоследствии, самостоятельного фабриканта и, наконец, критика «промышленной системы».

[55] Дело в том, что Самуэль Ольдноу постепенно оказался владельцем крупного имения, которое составилось путем скупки участков земли у мелких йоменов, путем обменов и т. д. Интересно, что С. Ольдноу — один из представителей нового класса — фабрикантов - капиталистов — не ограничивает сферу применения своей инициативы новой, создаваемой им в значительной мере промышленностью, но, не оставляя своим вниманием и деревню, пытается создать себе крупное поместье. С. Ольдноу играет, таким образом, весьма активную роль в процессе обезземеления крестьянства в деревнях Marple и Mellor, оказавшихся в сфере непосредственного влияния и притязаний нового «хлопчатобумажного лорда». Процесс роста Меллорского имения С. Ольдноу путем постепенной скупки коттеджей, усадеб, ферм, участков земли, обменов ими и т. д. представляет большой самостоятельный интерес, как случай внедрения фабриканта-капиталиста в деревню. В 1791 г. С. Ольдноу оказался уже крупным землевладельцем в Marple и Mellor. Но мы не будем останавливаться сейчас на этой стороне деятельности С. Ольдноу, чтобы сосредоточить все внимание на росте его фабричного предприятия и затем на его упадке.

[56] Messrs Smiths — банкирский дом Smith, Payne and Smith.

[57] Т. е. системы расплаты с рабочими товарами через фабричную или связанную с фабрикой лавку. См. об этом подробнее в «Report on Truk-system», отрывки из которого приведены в сборнике источников «Промышленный переворот в Англии», Гиз, 1925.

[58] Т. е. в Marple Bridge—деревне в расстоянии 1 мили от Меллорской фабрики.

[59] Т. е. 1 600 фунтов стерлингов.

[60] Т. е. в неделю — 30 фунтов стерлингов 16 шиллингов 8 пенсов, а в год приблизительно 1 600 фунтов стерлингов.

[61] Если мы сложим 92 фунта стерлингов 10 шиллингов и 94 фунта стерлингов и разделим сумму в 186 фунтов стерлингов 10 шиллингов на 3 700, т. е. на количество фунтов пряжи, то и получим как раз 12 пенсов — стоимость пряжи, а в остатке будет еще 1 фунт стерлингов 10 шиллингов, т. е. разница между 94 фунтами стерлингов и 92 фунтами стерлингов 10 шиллингами.

[62] Т. е. по поводу денежных дел и отношений в связи с планами Ольдноу и с предшествующим советом Аркрайта — не задерживать уплату процентов.

[63] Речь идет о продаже товаров с большой скидкой, при условии оплаты стоимости их звонкой монетой, что стоит в связи с ее недостатком в эти годы; муслины и пряжа продавались со скидкой в 40% при продаже на звонкую монету. Ср. таблицу II, 1797 г. — «present money», или «real money» — звонкая монета.

[64] См. в сборнике «Промышленный переворот», Гиз, 1925, — оценка Оуэном роли войны с Францией для развития хлопчатобумажной промышленности в Англии.

[65] Где производились очистка, ощипывание и сортировка хлопка.

[66] Вспомним, что хотя «промышленный переворот» и введение фабричной системы С. Ольдноу не коснулось ткацкого дела, — ткачи продолжали работать на стороне, в своих помещениях, — все же некоторое количество лучших ткачей работало на Стокпортской фабрике С. Ольдноу в особой ткацкой (Loom - House).

[67] Pick Forest Canal — акт об устройстве этого канала, важного для округа, прошел в 1794 г., окончен канал в 1800 г.; С. Ольдноу был одним из видных сторонников этого проекта, много сделавшим для его осуществления.

[68] См. таблицы I и II — Отчет Меллорской фабрики за январь 1797 г.

II. ИСТОРИЯ ПАРЛАМЕНТСКОГО ОГОРАЖИВАНИЯ ПРИХОДОВ, SCHOULDHAM И SCHOULDHAM THORPE В ГРАФСТВЕ НОРФОЛЬК (NORFOLK).

1. Акт, объединяющий в одно целое различные постановления, обычно встречающиеся в актах огораживания, и имеющий в виду облегчение способов доказательства различных фактов, обычно требующихся при прохождении таких актов (2 июля 1801 г). [1]

«В целях уменьшения расходов, сопровождающих прохождение актов об огораживании, было признано целесообразным объединить в один статут некоторые постановления, содержащиеся в различных актах об огораживании, вместе с установленными правилами, касающимися облегчения доказательства различных фактов, обычно требующегося при прохождении таких актов в Парламенте. Посему его королевскому величеству было угодно, . . по совету и с согласия лордов, духовных и светских, и Общин, собравшихся в настоящем парламенте, издать следующий закон...

I. Во-первых, чтобы никто не мог действовать в качестве комиссара, во исполнение полномочий, возложенных на него каким-либо имеющим впредь пройти актом о разделе, наделении землей или огораживании какой-либо земли (for dividing, allotting, or inclosing any Lands or Grounds), пока им не будет принесена соответствующая присяга или подтверждение (oath or affirmation)... [2]

II. Во-вторых, узаконяется, чтобы никто из лиц, назначенных в силу какого-либо акта комиссарами по выполнению постановлений акта..., не мог покупать земли, держаний или участков, находящихся в наследственном владении в огораживаемом приходе, ни на свое имя, ни на имя какого-либо другого лица или лиц в течение пяти лет, следующих за приведением в исполнение приговора о переделе и огораживании земли...

III. В-третьих,... комиссары должны... путем опроса свидетелей, произведенного с принесением последними присяги или подтверждения..., и всякими другими законными путями и средствами, которые они найдут подходящими, выяснить границы между соответствующими приходами, манорами, выселками (Hamlets) или округами (Districts).

По выяснении и установлении границ между приходами, комиссары должны... представить в письменном виде описание этих

границ... одному из церковных старост (churchwardens) или надзирателей над бедными (overseers of the poor) соответствующих приходов, а также соответствующим лордам маноров, или их управляющим (stewards).

IV. В-четвертых, комиссарами, или тем лицом, или лицами, которых они назначат..., должны быть составлены верные, точные и подробные — описание, измерение, план и оценка (Survey, Admeasurement, Plan, and Valuation) всех земель (Lands and Grounds), подлежащих разделу, наделению и огораживанию в силу данного акта, а также всех усадеб, коттеджей, садов, огородов, усадебной земли (Messuages, Cottages, Orchards, Gardens, Homesteads), старинных огороженных земель (ancient enclosed Lands and Grounds) в данном приходе или маноре..., с указанием числа акров и десятых долей акра в установленных законом мерах, содержащихся во всех землях, подлежащих в силу акта разделу, наделению и огораживанию, а также и во всех старинных огороженных землях и усадьбах, а также с указанием размеров владения каждого из отдельных собственников во время составления описания и измерения земли... Лицо или лица, составлявшие это описание, измерение, план и оценку земли, должны засвидетельствовать их правильность присягой или подтверждением на общем собрании, которое должно быть созвано после составления описания, измерения, плана и оценки земли..., которые должны быть всегда доступны обозрению и изучению всеми земельными собственниками, их доверенными и всеми другими заинтересованными лицами, имеющими право снимать с них копии и делать извлечения...

V. . . . .[3]

VI. В-шестых, узаконяется, что все лица, корпорации или учреждения (bodies, corporate or politic), которые имеют и заявят притязание на общинное или другое право (common or other right) на огораживаемую в силу акта землю, должны передать, или поручить кому-либо передать комиссарам, или одному из них, на одном из собраний, назначенных комиссарами..., свои заявления — в письменном виде, с их личными подписями (или с подписями ответственных лиц), . .[4] содержащие перечень их соответствующих прав и притязаний, и описать в них свои земли (Lands and Grounds): соответствующие усадьбы (Messuages), земли (Lands), держания (Tenements) или наследственные участки (Hereditaments), в силу владения которыми (in respect whereof) они заявляют притязания на то, что имеют такие-то, и какие именно, права на этих землях, или их части, с именами тех лиц, в действительном владении (in actual Possession) которых земли находятся, с подробными указаниями на их размеры; а также с указаниями на то, какова природа и размеры такого-то права, к каким землям и интересам (Estates and Interests) относятся их претензии (claims), какие земли держат в свободном держании (Freehold), какие — по копии (Copyhold), какие снимают в аренду (Leasehold). В случае же невыполнения этого — всякий держатель, который нарушит это постановление и не подаст заявления о своих претензиях на землю, будет исключен и лишен всяких прав и титула на земли, подлежащие разделу, всяких благ и выгод, доли или участка земли. Все эти ука-

занные претензии (claims) должны быть во все удобное время, до приведения в исполнение приговора о разделе земли (Award), доступны свободному обозрению всех заинтересованных стран, заявивших свои претензии на соответствующие участки, их агентов или доверенных лиц (Agents or Attorneys), которые могут снимать с них копии или делать из них извлечения; и если какое-либо лицо или корпорация, заинтересованные в разделе или выставляющие свои претензии на участки, имеют какие-либо возражения против какого-либо выставленного притязания, то содержание этих возражений должно быть изложено в письменном виде и подписано данным лицом (или ответственными лицами) [5] и передано комиссару или комиссарам, на собрании или перед собранием, назначенным комиссаром, или комиссарами, для этой цели; после же этого никакие возражения приняты не будут, если только комиссар, или комиссары, не признают, что причина неподачи возражений была уважительной и вызывалась какими-либо особыми обстоятельствами.

VII. Предусматривается также и узаконяется, что комиссар, или комиссары, ни в коем случае не уполномочиваются разбирать и решать могущие возникнуть разногласия и споры, касающиеся права или титула на какие-либо земли, держания или наследственные участки; комиссар, или комиссары, должны лишь назначать и устанавливать наделы (Allotments), которые имеет получить данное лицо, или лица, состоящие во время раздела земли и огораживания в действительном владении (have the actual seisin or possession) участками земли, держаниями или наследственными участками, вместо которых (in lieu or in right whereof) даются наделы. Предусматривается также, что никакое разногласие или судебное разбирательство (Difference or Suit), касающееся титула на земли, держания или наследственные участки, не должно препятствовать или отсрочивать выполнение комиссаром, или комиссарами, возложенных на них в силу данного Акта полномочий; раздел и огораживание земли должны итти своим чередом, несмотря на возникшие разногласия и судебное разбирательство. [6]

VIII. Узаконяется, далее, что комиссар, или комиссары, должны, в силу возложенных на них полномочий, прежде всего — до производства раздела и наделения землей, предписываемого данным актом, — назначить и определить направление общественных проезжих дорог (the public carriage Roads and Highways) через земли или по землям, подлежащим огораживанию, ... и изготовлять карту, на которой предполагаемые дороги были бы тщательно нанесены и описаны ... [7] В возможно непродолжительном времени после определения и нанесения на карту намеченных комиссарами дорог, комиссары должны, поместив объявление в указанной в акте газете, а также вывесив его на церковных дверях в приходе, где происходит огораживание, ... назначить собрание в удобном для жителей прихода месте — в самой деревне, или поблизости, ... и не раньше, чем 3 недели спустя после указанного объявления; на этом собрании могут присутствовать все лица, которые находят, что направление намеченных комиссарами дорог неудобно для них и нанесет им ущерб, ... и, если они выставят свои возражения ..., то комиссар или комиссары, вместе с мировым

судьей или судьями соответствующего округа в графстве, где происходит огораживание... должны выслушать и разобрать эти возражения... и, разобрав все дело в целом, по мере своего крайнего разумения, должны окончательно установить направление проезжих дорог и либо утвердить составленную карту, или сделать в ней нужные изменения...

IX. . . [8]

X. Далее узаконяется, что комиссар, или комиссары, должны в силу возложенных на них полномочий и обязанностей определить и назначить направление частных дорог (private Roads), дорог для проезда верхом (Bridleway), пешеходных тропинок (Footways), рвов, канав для стока воды..., должны установить, где следует устроить мосты, ворота, ступеньки, валы, заборы и т. д... Починка [9] их должна производиться собственниками соответствующих участков огороженной земли в данное время (at the Expence of the Owners and Proprietors. for the Time being) — в таких долях и пропорциях, как это установят и предпишут комиссар, или комиссары, в своем приговоре.

XI. . . [10]

XII. Узаконяется, что при производстве наделения землей, предписываемого актом, комиссар или комиссары должны принимать во внимание как положение соответствующих домов и усадеб собственников, так и количество и качество отводимых им участков земли, поскольку это совместимо с общим удобством всех собственников земли. Особое внимание комиссар или комиссары должны обращать при производстве наделения землей и обменов участками на удобства собственников самых мелких участков земли (the Owners and the Proprietors of the smallest Estates).

XIII. Если собственники и лица, заинтересованные в общинных полях, лугах, пастбищах, общинных выгонах и пустошах, подлежащих огораживанию и разделу, имеют право лишь на очень мелкие наделы, и если огораживание для них слишком дорого, и если они пожелают сохранить на своих наделах обычай общинного выпаса (of flocking and depasturing their Allotments in common) и раздела между собою тех продуктов, которые могут быть возращены на участках..., то комиссар или комиссары имеют право, — по обращении к ним заинтересованных в этом лиц на первом или втором собрании для заявки притязаний, — внимательно осмотрев и изучив участки, присудить, решить и приказать соединить вместе такие участки, обнести их забором, с тем, чтобы на них продолжал существовать и впредь обычай общинного выпаса, выработав при этом такие правила и постановления, которые обеспечили бы равное пользование ими и раздел производимых или могущих произрастать на них продуктов между различными заинтересованными в них лицами...

XIV. Далее узаконяется, чтобы различные доли и участки земли, которые имеют быть отведены, назначены и закреплены за всеми лицами, имеющими право на них, служили бы и являлись полным удовлетворением и вознаграждением за соответствующие земли, общинные права и все другие права и интересы, которыми эти

лица владели и на которые они имели соответствующие титулы... непосредственно перед прохождением данного акта; с момента же и непосредственно вслед за выполнением раздела земли и надела участками и приведением в исполнение приговора об огораживании комиссаром, или комиссарами, или с другого времени, как это укажут и назначат комиссар, или комиссары, в объявлении за их личной подписью, вывешенном у главного входа в церковь того прихода, где находятся огораживаемые земли, все общинные права и все другие права, уничтожение которых имеет в виду акт, прекращаются, приостанавливаются и навсегда уничтожаются, независимо от того, принадлежат ли они какому-либо лицу или лицам, учреждениям или корпорациям.

XV. Далее, узаконяется, что комиссар, или комиссары, могут, и в силу акта уполномочиваются, назначать, наделять и присуждать усадьбы, строения, земли, держания или наследственные участки, новые наделы (Allottments) или старые огораживания (old Inclosures) в данном приходе или маноре — вместо или в обмен (in lieu of or in Exchange) на другие усадьбы, строения, земли, держания или наследственные участки, новые наделы или старые огораживания в данном приходе или маноре, или в соседнем приходе или местности; [11] но так, чтобы все эти обмены производились с согласия соответствующих собственников (owners, proprietors) или других лиц, владеющих (seised of...) землями, наследственными участками или наделами, предназначенными комиссарами к обмену, или с согласия мужей, опекунов, попечителей, управляющих делами и поверенных (Attorneys), действующих от имени и в интересах собственников или других соответствующих лиц, которые находятся под защитой, или являются несовершеннолетними, сумасшедшими, или находятся за морем, или вообще почему-либо не могут и не в состоянии действовать сами за себя. Такое согласие на обмен должно быть составлено в письменном виде, за соответствующими подписями. Все такие обмены должны быть установлены, обозначены и включены в приговор об огораживании, составленный комиссаром, или комиссарами.

Все же обмены землями, держаниями или наследственными участками, принадлежащими или держащимися в силу права (held in Right) церкви, часовни (Chapel) или церковного бенефиция (ecclesiastical Benefice), должны производиться с письменного согласия епархиального епископа (Bishop of the Diocese), или патрона данной церкви, часовни или церковного бенефиция в данное время... И все такие произведенные обмены должны навсегда считаться правильными, действительными и имеющими правовое значение (good, valid and effectual in the Law) для всяких целей и намерений (to all Intents and Purposes whatsoever).

XVI. Так как может случиться, что некоторые из собственников усадеб, коттеджей, держаний или земель в каком-либо приходе или маноре и лиц, имеющих право на надел или наделы, которые должны быть отведены в силу данного акта, могут владеть или иметь титул (may be seised thereof or entitled thereto) на совместное держание (in joint Tenancy), или как сонаследники (Coparceners), или как держатели сообща (Tenants in Common), и не могут по малолетству (by

reason of Infancy), или вследствие порядка наследования (settlement) или вследствие отъезда за море произвести фактически раздел таких земель, то комиссар или комиссары по огораживанию получают право и уполномочиваются, на основании письменного заявления таких содержателей, сонаследников, держателей сообща, или одного из них, или ответственных за них лиц..., [12] производить раздел и деление усадеб, коттеджей, держаний, земель, надела или наделов (Allottments), на которые упомянутые собственники имеют права, как содержатели, сонаследники, или держатели сообща, и назначать наделы каждому из собственников в отдельности (in Severalty). И после того, и непосредственно вслед за тем, как будет произведено это наделение участками и объявлено о нем (made and declared), эти наделы должны будут находиться в индивидуальном владении и пользовании тех лиц, которым они и будут даны...

XVII. Далее узаконяется, что всякое лицо или лица, которым дается в силу акта известное держание, или держания, должны принять соответствующее держание, или держания, в свое владение в течение двух календарных месяцев после приведения в исполнение приговора об огораживании (Award)... А в том случае, если данное лицо, или лица, не сделают этого, или откажутся принять свою долю, или держание, в течение указанного срока, ..., они совершенно лишаются земли и права на нее, или на какие-либо другие общинные права на земли, огораживаемые в силу данного акта.

XVIII . . . . [13]

XIX. Далее, узаконяется, что, после того, как комиссаром, или комиссарами, будут назначены участки и перед приведением в исполнение приговора об огораживании, каждое лицо, или лица, которые имеют получить надел или наделы, могут с разрешения комиссара, или комиссаров, данного в письменном виде, окопать рвами, огородить и обнести забором свои будущие участки — таким образом, как это укажут и предпишут комиссары.

XX. Далее, узаконяется, что строевые и другие деревья, кустарник и кусты, растущие на пустошах (wastes), или других землях, подлежащих переделу в силу акта, должны отдаваться вместе с соответствующими участками земли, на которых они растут, и должны впредь рассматриваться, как собственность тех лиц, которые получают участки. Но эти лица обязаны уплатить за деревья их прежнему собственнику, или собственникам, такие денежные суммы за них и в такое время, и в таком месте, как это будет установлено в письменном виде комиссарами за их личной подписью, или подписями. Но если те лица, которые должны уплатить соответствующие суммы, не сделают этого, или откажутся сделать, то те лица, которые имеют право на соответствующие платежи, могут войти на свои бывшие участки, срубить, взять и вывезти для своего собственного употребления деревья, кустарник и кусты, за которые им должно было быть уплачено; но они могут это сделать в подходящее время (at any seasonable time), в течение одного года после того, как им не будет сделана соответствующая уплата, и причиняя по возможности меньше вреда и убытка на соответствующих участках.

XXI. Далее, узаконяется, что в тех случаях, когда, согласно постановлениям этого акта и какого-либо отдельного билля об огораживании, [14] уплачивается известная сумма денег за покупку, или за обмен земель, держаний или наследованных участков, или за деревья, растущие на них, и эта сумма денег должна быть употреблена на покупку других земель, держаний и наследственных участков, предназначающихся для той же самой цели, то комиссар, или комиссары, имеют право покрывать из этой суммы такую часть расходов по проведению акта или по приведению его в исполнение, которая может быть возложена в виде долга на такие земли, держания или наследственные участки, ... таким образом продаваемые или обмениваемые, или на которых росли таковые [15] деревья; а также могут производить расходы на постоянные улучшения (of any permanent Improvement), как-то: возведение строений, подразделение (sub-dividing), дренирование участков, посадка деревьев и т. п., что будет признано комиссаром, или комиссарами, нужным и предписано сделать на каких-либо землях, которые в силу данного акта даются в качестве наделов такому-то лицу, или лицам, учреждениям или корпорациям, поверенным или душеприказчикам...

XXII. .

XXIII. . . . [16]

XXIV. Далее, узаконяется, что если какое-либо лицо, которому даются надел, или наделы, или ответственные за него лица..., [17] или держатель земли в порядке установленной завещанием очереди (in tail), или на жизнь (for Life), или поверенный, или поверенные, (Trustees) земли, переходящей в установленном порядке наследования (Settlement), или кредитор, давший деньги под залог земли, или другой кредитор, находящийся во владении (other creditor in Possession), не примут или откажутся принять (shall neglect or refuse to accept), огородить и обнести забором данный ему, ей или им участок, или участки, во время или сроки, установленные и предписанные комиссаром, или комиссарами, письменно, или в его или их, приговоре (Award), то комиссар или комиссары имеют право распорядиться, чтобы данный участок, или участки, были огорожены и обнесены изгородью, и затем имеют право сдать такие участки в аренду тому лицу, или лицам, котобые будут признаны ими для этой цели подходящими; получаемые комиссарами с сданных в аренду участков рента и доходы (Rents and Profits thereof) должны итти на покрытие издержек по их огораживанию и обнесению изгородью; могут комиссары возложить покрытие издержек и на самого собственника или собственников надела или наделов, установив письменно или в тексте приговора об огораживании сроки и порядок уплат

XXV.

XXVI.

XXVII. .

XXVIII. . . [18]

XXIX. ... Далее узаконяется, что в тех случаях, когда какое-либо лицо или лица, исключая тех лиц, которые изъяты от платежа издержек и расходов по приведению в исполнение акта об огоражива-

нии,[19] откажутся или не уплатят своей, или своих, доли, или долей, в расходах и издержках по огораживанию, или ... по устройству заборов и изгородей вокруг наделов ... в соответствующие сроки, назначенные для уплаты платежей в возмещение этих издержек и расходов, то комиссар или комиссары имеют право ... взыскать ... соответствующую сумму, или суммы, денег путем описи и продажи движимого имущества (Goods and Chattels) лиц, не внесших приходящихся с них платежей, или лиц, за них ответственных, ...[20] комиссар, или комиссары, или лицо, или лица, уполномоченные ими, могут также войти во владение (to take possession) участков, которые предназначаются лицу, или лицам, отказавшимся или неуплатившим то, что с них следует, как сказано выше, и получать и брать ренты и доход с них, ... пока не окажутся выплаченными тем или иным способом, доля, или доли, ... расходов и издержек ..., которые должны быть уплачены данным лицом или лицами ...

XXX. Далее, узаконяется, что в случаях, подобных только что упомянутому, ответственные лица ...[21] имеют право взять под залог отводимых участков, или получаемых в обмен земель, такие суммы денег в долг, которые будут признаны комиссарами ... необходимыми для уплаты и покрытия приходящихся на них долей издержек и расходов по проведению и приведению в исполнение соответствующего акта, ... но в размере не свыше 5 фунтов стерлингов на каждый акр наделов или обмениваемых земель; а также имеют право жаловать (grant), закладывать (mortgage), передавать (surrender), сдавать в аренду (lease or demise), или другим каким-либо образом передавать в распоряжение (subject) земли, держания и наследственные участки, под которые берутся в долг деньги, такому лицу, или лицам, которые согласятся выдать и одолжить соответствующую сумму, или его, ее или их душеприказчикам, опекунам или уполномоченным на известное количество лет (for any Term or Number of Years). Далее, в том случае, если какое-либо лицо, находящееся во владении ..., будучи обязано уплатить, как сказано выше, свою долю издержек, или имеющее право в силу данного, или какого-либо отдельного акта,[22] взять под залог таких земель в долг известную сумму денег, предпочтет выплачивать и погашать такую сумму, или суммы, денег, то упомянутые комиссар, или комиссары, имеют право ... пожаловать, заложить, передать, сдать в аренду или каким-либо другим образом передать в распоряжение эти земли, держания и наследственные участки такому лицу, или лицам, которые согласятся выплатить и погасить эту сумму, или суммы, или его, ее, или их, душеприказчикам, опекунам и уполномоченным на известное количество лет ...; но всякое такое пожалование, залог, передача, или аренда земли должны делаться с одной оговоркой или условием, что они отменяются и прекращают существование..., как только та сумма, или суммы, денег, обеспечением коей или коих они являются, будут сполна уплачены и покрыты ...

XXXI. . [23]

XXXII. Далее, узаконяется, что, ... если расходы по проведению и приведению в исполнение акта об огораживании покрываются

путем продажи части огораживаемой земли, . . . то комиссар, или комиссары, выделив такую часть, или части, выгонов, или общинных земель, которая, или которые, при продаже дадут сумму, достаточную для покрытия расходов и издержек . . ., могут продать часть, или части, таких земель тому лицу, или лицам, которые дадут за землю лучшую цену — либо по частному договору (by private Contract), либо путем публичного аукциона, или аукционов, назначаемых для этой цели... Лицо, или лица, покупающие землю, должны немедленно передать комиссару, комиссарам, или лицу, или лицам, которых они назначат и укажут одну десятую часть покупной цены, а остальную сумму в течение трех календарных месяцев, следующих за покупкой, или в такое другое время, как это будет назначено упомянутым комиссаром, или комиссарами; а при неуплате таковой суммы задаток конфискуется и употребляется на покрытие расходов по приведению в исполнение акта об огораживании; а упомянутые надел, или наделы, за которые не была уплачена полностью покупная сумма, . . . поступают вновь на продажу, как выше упомянуто, . . . за сумму, не меньшую $^9/_{10}$ той, за которую земля была в первый раз продана, — если она продается по частному договору . . .

Каждый надел, за который будет уплачена целиком его покупная цена, должен быть немедленно вслед за этим освобожденным от всех общинных и других прав, лежащих на нем; этот надел дается в полную собственность и владение (fee simple) и может затем быть огорожен его покупателем, или покупателями, получающими его в индивидуальное владение (in severalty), на правах полной и абсолютной собственности (private and absolute property) . . . А денежная сумма, полученная за проданную землю, употребляется комиссарами на покрытие расходов и издержек по акту

XXXIII. Далее, чтобы сделать для комиссара, или комиссаров, возможным наилучшим образом разрешить те вопросы, связанные с огораживанием, которые подлежат их разрешению, сим узаконяется, что комиссар, или комиссары, имеют право время от времени, по мере надобности, путем письменного вызова за их собственноручной подписью, или подписями, требовать явки какого-либо лица, или лиц, во время и в том месте, которые они назначат в своем вызове, для дачи свидетельских показаний по разным вопросам, могущим быть предметом спора между собственниками и заинтересованными лицами . . . Если же вызываемое лицо, или лица, не явятся и не приведут уважительных причин в оправдание своей неявки, или, явившись, откажутся дать свидетельские показания под присягой . . ., то они подлежат штрафу за неявку или отказ, налагаемому мировыми судьями . . . в размере не свыше 10 фунтов и не менее 5 фунтов стерлингов . . .

XXXIV. 24

. . . . . .

XXXV. Далее, узаконяется, что комиссары обязаны в возможно более скором времени после раздела земли и производства наделов, согласно смыслу и предложениям этого акта или какого-либо другого акта об огораживании, составить приговор об огораживании в письменном виде (an Award in Writing) . . ., который должен содержать пол-

ный перечень земель в акрах, рудах и перчах, в статутарных мерах, и указания, какое количество земли и кому дано в виде надела, или в обмен на другой участок, вместе с подробными указаниями на положение и характер участков; приговор об огораживании должен также содержать описание всех дорог, тропинок, рек, ручьев, вод, каменоломен, мостов, заборов, межевых знаков, установленных комиссарами, а также содержать перечень всех правил, норм, постановлений, соглашений и т. д..., установленных комиссарами в целях общей пользы всех заинтересованных сторон... Упомянутый приговор должен быть ясно составлен и написан на пергаменте и должен быть прочитан и исполнен комиссарами (read and executed)... в присутствии всех собственников, которые смогут притти на общее собрание, созываемое для этой цели, причем объявление об этом собрании должно быть помещено в газете, указанной в соответствующем акте и распространенной в данном графстве; о приведении в исполнение приговора об огораживании должно быть объявлено также в приходской церкви в ближайшее воскресенье. В течение двенадцати месяцев после подписания и приложения печати или скорее, если будет удобно, копия приговора об огораживании должна быть внесена в списки (inrolled) одного из судов Его Величества (Courts of Record) в Уэстминстере, или у письмоводителя мирового судьи (Clerk of the peace) в том графстве, где расположена огораживаемая земля, чтобы всякое лицо, или лица, заинтересованные в приговоре об огораживании, могли пользоваться копией и изучать ее за плату не более шиллинга...[25] Приговор об огораживании, или снятая с него копия..., будучи надлежащим образом заверена,... служит во всех судах законным способом доказательства (legal Evidence). Приговор об огораживании, различные наделы, устанавливаемые в нем, а также постановления, разделы, обмены и т. д.... являются обязательными и окончательными... для всех собственников и всех заинтересованных сторон и лиц, для всех целей и случаев... Упомянутые комиссары могут, если они считают это необходимым, составить, или приказать составить карты или планы огороженных земель, которые помогли бы детальнее описать произведенные новые наделы, а также и участки, обмененные в силу данного акта, — с указанием размеров каждого надела в акрах, рудах и перчах, вместе с именами соответствующих собственников в то время, когда производился раздел земли и выделялись соответствующие участки. Эти карты и планы должны быть приложены и присоединены к приговорам об огораживании и рассматриваться как их составная часть во всех отношениях.[26]

XXXVI. Далее, узаконяется, что комиссар, или комиссары, должны иметь особую книгу для записи всех полученных от собственников и других сумм на предмет огораживания, а также всех издержек и расходов..., связанных с актом и с его приведением в исполнение. Эта приходо-расходная книга должна храниться у секретаря комиссаров в служебном помещении и быть доступной во всякое подходящее для этой цели время обозрению каждого из собственников, без взимания какого-либо сбора за это, во все время, как производится огораживание, до окончательного установления всех расходов.[27]

XXXVII. . . . . [28]

XXXVIII. Далее, узаконяется, что ректор или викарий того прихода, где расположены огораживаемые земли,... могут сдать в аренду (to lease or demise) часть, или части, своих наделов... с согласия и одобрения епархиального епископа и патрона соответствующей приходской церкви или викариатства (rectory or vicarage)..., но на срок не свыше 21 года, начиная с периода в 12 месяцев, следующих за приведением в исполнение приговора... [29]

XXXIX. . . . . . . [30]

XL. Далее, сим узаконяется и объявляется, что в акте огораживания не должно содержаться ничего такого, что в каком-либо отношении нанесло бы ущерб правам, титулу или интересам лорда манора..., в пределах юрисдикции которого находятся огораживаемые и отводимые в виде наделов земли...

XLI. . . . . [31]

XLII

XLIII. . . . . [32]

XLIV. Предусматривается и узаконяется, что... все постановления и предписания, содержащиеся в данном акте, имеют значение и обязательную силу в каждом отдельном случае, пока они не будут целиком или частично изменены в силу какого-либо акта, имеющего быть изданным на будущее время.

2. Парламентская процедура прохождения акта об огораживании приходов Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, в графстве Norfolk.[33]

Заседание Палаты Общин 21 февраля 1794 г.

«Поступила в Палату Общин и прочитывается петиция от Thomas'а Hare, Esquire, лорда маноров Shouldham, Shouldham in Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, и от нескольких других лиц, чьи имена перечислены ниже, от имени их самих и всех других, имеющих общинные права на общинных полях (common Fields), землях, находящихся в общинном пользовании в течение полугода (Half Year Lands), лугах, находящихся в общинном пользовании с 1 августа (Lammas Meadows), [34] общинных пастбищах, выгонах и пустошах (Commons, and Waste Lands), в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, в графстве Norfolk.

Петиция указывает, что упомянутый Thomas Hare является лордом перечисленных маноров, он же и Maxey Allen, Esquire, John Beevor, доктор физики, James Oakes, Orbell Ray Oakes и Henry Bell — эскуайры, Edmund Kenney и John Carter — суть главные собственники (owners and proprietors) усадеб (Messuages), земель (Lands) и держаний (Tenements), имеющие обширные права на упомянутых общинных полях, землях, находящихся в общинном пользова-

нии в течение полугода, общинных лугах, общинных пастбищах, выгонах и пустошах; всего же в этих приходах имеется общинных полей, земель, находящихся в общинном пользовании в течение полугода, общинных лугов, общинных пастбищ, выгонов и пустошей около 4 750 акров, которые в их теперешнем положении приносят мало выгоды лицам, имеющим на них или претендующим на какой-либо интерес по отношению к ним, и не могут быть улучшены; но если их поделить и огородить и выделить определенные участки всем тем лицам, которые имеют интересы на эти земли, в соответствии с их правами, то это будет служить ко благу всех этих лиц и будет также полезно и для всего общества (Public Utility). Поэтому петиционеры просят, чтобы было дано разрешение на внесение билля (Leave may be given to bring in a Bill) о разделе, производстве наделов и огораживании упомянутых общинных земель, земель, находящихся в общинном пользовании в течение полугода, общинных лугов, общинных пастбищ, выгонов и пустошей — в таком виде и с такими постановлениями и ограничениями, какие Палата найдет нужным установить.

Постановлено (ordered): разрешить внести в Палату билль в соответствии с ходатайством, содержащимся в петиции; составить и внести билль поручается сэру John Wodehouse и Mr. Coke of Norfolk».

Заседание Палаты Общин 9 апреля 1794 г.

«Сэр John Wodehouse представил Палате, согласно ее постановлению, билль о разделе, производстве наделов и огораживании общинных земель, земель, находящихся в общинном пользовании в течение полугода, общинных лугов, общинных пастбищ, выгонов и пустошей в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, в графстве Norfolk.

Билль принимается (was received) и прочитывается первый раз.

Решено (resolved): назначить второе чтение билля».

Заседание Палаты Общин 17 апреля 1794 г.

«Билль об огораживании... приходов Shouldham и Shouldham Thorpe... читается во второй раз.

Решено: передать билль в комиссию (be committed) в составе Mr. Hobart'a, сэра John'a Wodehouse и др. ...»

Заседание Палаты Общин 7 мая 1794 г.

«Постановлено: выслушать доклад Mr. Buxton'a от имени комиссии, в которую был передан билль об огораживании ... приходов Shouldham и Shouldham Thorpe ...

Mr. Buxton в соответствии с этим докладывает, что комиссия... исследовала соображения в пользу билля и нашла их правильными; заинтересованные стороны дали свое согласие на билль к удовлетворению комиссии [кроме собственников земель, обложенных поземельной податью (Land Tax), в размере 40 фунтов стерлингов 10 шиллингов, которые отказались подписаться под петицией с просьбой о внесении билля; но вся земельная площадь, подлежащая огораживанию обложена поземельной податью в размере 1 104 фунтов стерлингов; никто

лично не являлся пред комиссией, чтобы сделать возражения против билля]. Комиссия, изучив билль, внесла к нему некоторые поправки, которые, согласно постановлению комиссии, должны быть прочитаны Палате...

Поправки прочитываются... и принимаются Палатой...

Постановлено: билль, вместе с поправками, должен быть еще раз переписан».

Заседание Палаты Общин 8 мая 1794 г.

«Переписанный заново билль об огораживании... приходов Shouldham и Shouldham Thorpe... читается в третий раз.

Решено: билль проходит под заглавием: «Акт о разделе, наделах и огораживании общинных полей, земель, находящихся в общинном пользовании в течение полугода, общинных лугов, общинных пастбищ, выгонов и пустошей в приходах Shouldham и Sholudham Thorpe, иначе Garboise Thorpe в графстве Norfolk».

Постановлено: сэру Martin'у Brown Folkes поручается доставить билль в Палату лордов и просить лордов о содействии».

Заседание Палаты Лордов 9 мая 1794 г.

«Поступило сообщение из Палаты Общин, доставленное сэром Martin'ом Folkes и другими, вместе с биллем, озаглавленным: «Акт о разделе, наделах и огораживании ... приходов Shouldham и Shouldham Thorpe...» Палата общин просит о содействии Палаты Лордов».

Билль читается в первый раз.

Заседание Палаты Лордов 12 мая 1794 г.

«Сегодня был прочтен второй раз билль, озаглавленный: «Акт об огораживании... приходов Shouldham и Shculdham Thorpe...»

Постановлено: передать билль в комиссию из следующих лордов» (перечень имен)...

Заседание Палаты Лордов 15 мая 1794 г.

«Лорд епископ of Bangor докладывает от имени комиссии лордов, которым был передан на рассмотрение билль, озаглавленный: «Акт об огораживании... приходов Shculdham и Shculdham Thorpe...»

Комиссия обсудила билль, исследовала соображения в его пользу и нашла их правильными; заинтересованные стороны дали свое согласие к удовлетворению комиссии. Изучив билль, комиссия поручила доложить его Палате без внесения поправок».

Заседание Палаты Лордов 16 мая 1794 г.

«Сегодня был прочитан в третий раз билль, озаглавленный: «Акт об огораживании... приходов Shculdham и Shouldham Thorpe...» Вопрос был поставлен: должен ли билль пройти? И был решен в утвердительном смысле».

Заседание Палаты Лордов 23 мая 1794 г.

«Лорд-канцлер сообщает Палате, что его величеству было угодно поручить следующим лордам, ниже упомянутым, объявить о коро-

левском согласии на следующие акты, прошедшие в обеих Палатах.

Затем три лорда, которым было дано это поручение, в своих мантиях, сели на скамью, помещенную между троном и местом лорда-канцлера, а именно — лорд-канцлер в середине, лорд-архиепископ кентерберийский справа, а лорд-Amherst слева..., и распорядились известить Общины о том, что упомянутые лорды желают их немедленного прибытия в эту Палату для выслушания данного им поручения.

Те приходят, вместе со своим спикером...»

прочитываются заглавия актов, на которые король изъявил согласие. В числе их — акт об огораживании приходов Shouldham и Shouldham Thorpe.

Ко всем этим биллям в отдельности произнесено королевское согласие... в таких словах: «Soit fait comme il est desiré» (да будет согласно желанию). Затем Общины удалились».

3. Акт о разделе, наделах и огораживании общинных полей, земель, находящихся в общинном пользовании в течение полугода; лугов, находящихся в общинном пользовании с 1 августа; общинных пастбищ, выгонов и пустошей в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе называемом Garboise Thorpe, в графстве Norfolk, изданный в 1794 г. (Текст акта.)[35]

«В виду того, что в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, в графстве Norfolk, имеются давно изъятые из общинного пользования земли several old whole year lands), содержащие, согласно произведенному обмеру (by Estimation), около 820 акров; а также имеются общинные поля, земли, находящиеся в общинном пользовании в течение полугода, луга, находящиеся в общинном пользовании с 1 августа, общинные пастбища и выгоны, содержащие, согласно обмеру, около 4 750 акров, а в целом — около 5 570 акров.

А также в виду того, что Thomas Hare, Esquire, является лордом маноров Shouldham, Shouldham in Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, а также собственником некоторых усадеб (messuages), земель и держаний в этом приходе, а кроме того, он держит землю в качестве арендатора (Lessee) от декана кафедральной церкви в Ely и, как арендатор этой земли, имеет право на манор и приходскую церковь (parsonage) [36] в Fodestone, иначе Fostone, а также на несколько усадеб, земель и держаний, вместе с другими правами и привилегиями, относящимися и связанными с этой арендой (Rights, Privileges and Appurtenances).

А также в виду того, что John Beevor, доктор физики, является лордом маноров Old Hall и West Acre в Marham, в этом же графстве Norfolk, и в качестве такового имеет право на различные земли и держания в приходе Shouldham, которые держатся (holden) от этих маноров, а также владеет на правах собственности и некоторыми другими землями и держаниями в приходе Shouldham.

А также в виду того, что существуют известные общинные права, право выпаса овец (sheepwalks), право выгона свиней на жнитво (shackage) и другие права и интересы на упомянутых общинных полях (common fields), на землях, находящихся в общинном пользовании в течение полугода (half year lands), на лугах, находящихся в общинном пользовании с 1 августа (Lammes Meadows), на общинных пастбищах и выгонах (Commons and Waste Lands). [37]

И так как упомянутые, давно изъятые из общинного пользования земли (Old Whole Year Lands), а также и общинные поля, земли, находящиеся в общинном пользовании в течение полугода, луга, находящиеся в общинном пользовании с 1 августа, общинные пастбища и выгоны лежат чересполосно (intermixed) и очень неудобно для их собственников, то послужило бы к большой выгоде этих собственников и других заинтересованных лиц, если бы эти земли можно было бы поделить и огородить изгородями, выделив соответствующие участки отдельным собственникам земель и всем другим заинтересованным в них лицам — согласно их различным правам, долям и интересам на этих землях. Однако, хотя такой раздел, выделение участков и огораживание и послужило бы ко благу всех заинтересованных сторон, это невозможно было осуществить и привести в исполнение без помощи Парламента.

Назначение комиссаров.

Поэтому да будет угодно Вашему Величеству, чтобы это могло быть узаконено, и да будет узаконено Его Величеством королем, по совету и с согласия лордов духовных и светских и Общин, собравшихся в настоящем Парламенте, и в силу законной власти и авторитета Парламента, чтобы были назначены комиссарами по разделу, установлению наделов и огораживанию различных земель, выше упомянутых и приведению в исполнение акта Парламента следующие лица: Joseph Forby из Fincham, в графстве Norfolk, клирик (Clerk) John Houchen из Wereham, в том же графстве, джентльмен, и Thomas Glover Ewen из города Norwich, джентльмен, и их преемники, избираемые упоминаемым ниже образом.

38

Обмер земли.

Да будет далее узаконено, чтобы упомянутые комиссары, или двое из них, распорядились к 1 июня или ранее произвести подробное описание, измерение и оценку земель, давно изъятых из общинного пользования, общинных полей, земель, находящихся в общинном пользовании в течение полугода, лугов, находящихся в общинном пользовании с 1 августа, общинных пастбищ, выгонов и пустошей — тем лицом, или лицами, которых комиссары, или двое из них, назначат для этой цели..., в письменном виде, с указанием числа акров, руд и пергей..., принадлежащих каждому собственнику, а также с указанием годичной стоимости (annual value) во время составления этого описания... [39]

Наделы для собирания топлива приходским бедным.

Далее, узаконяется, что упомянутые комиссары, или двое из них, прежде всего назначат, установят и выделят лорду, или лордам, упомянутых маноров Shculdham, Shculdham in Shculdham и Shculdham Thorpe... в данное время (for the time being), и викарию, или викариям этих приходов, и церковным старостам и попечителям о бедных в каждом из этих приходов в данное время и их преемникам два достаточных по величине участка общинного выгона и пустоши, принадлежащих к каждому из этих приходов для... сбора топлива беднейшими жителями из числа населения этих приходов... [40]

Участки для сбора песка, камней и добычи мела.

Далее, узаконяется, что упомянутые комиссары, или двое из них, вслед за тем назначат, установят и выделят такой участок, или участки, земли из подлежащих... огораживанию земель, какой... они сочтут необходимым..., но не свыше 5 акров для прихода Shculdham и не свыше 20 акров для прихода Snouldham Thorpe для добычи песка, камней, мела на общественные нужды... и для пользования собственниками земель... и их держателями... [41]

Наделы лордам за право на землю и на выгон овец.

Далее, узаконяется, чтобы... комиссары... затем назначили такие участки Thomas'у Hare и John'у Beevor, как лордам упомянутых маноров, а также упомянутым декану и капитулу, и их преемникам, в силу владения их манором Fodestone..., выделив эти участки из общинных выгонов и пустошей, какие комиссары найдут возможным выделить в виде компенсации прав лордов на почву этих общинных выгонов и пустошей; а Thomas'у Hare или другому лицу, или лицам, имеющим право выгона овец на общинные пастбища и пустоши, сверх того еще такую часть этих земель, которая будет, по мнению комиссаров... достаточной компенсацией за их соответствующие права...

Наделы собственникам домов, имеющим общинные права.

Далее, узаконяется, что... комиссары должны. назначить из остающейся площади общинных выгонов и пустошей ему же, Thomas'у Hare, и всем собственникам домов (Houses) и домов с усадебной землей (Tofts), имеющим общинные права (Right of Common) в этих двух приходах, такую часть, или части, общинных пастбищ, выгонов и пустошей,.. какие комиссары сочтут возможными выделить... в виде компенсации... за соответствующие доли, права и интересы этих собственников на эти земли...

Наделы остальным собственникам.

Далее, узаконяется, что... комиссары... назначат из остатка общинных пастбищ, выгонов и пустошей, подлежащих огораживанию, такие доли... остальным собственникам усадеб, коттеджей, держаний и земель в этих приходах..., какие комиссары сочтут справедливым и разумным вознаграждением.. за их соответствующие доли, права и интересы на эти земли...

Наделы вместо права выгона овец на общинные поля и луга.

Далее, узаконяется, что... комиссары должны... назначить упомянутому Thomas'y Hare или другому лицу, или лицам, имеющим право выгона овец на общинные поля, земли, находящиеся в течение полугода в общинном пользовании, и луга, находящиеся в общинном пользовании с 1 августа..., такие части огораживаемых земель, которые..., по мнению комиссаров, равны по стоимости... соответствующим правам на выгон овец...

Наделы вместо общинных прав и права выгона свиней на общинные поля и луга.

Далее, узаконяется, что... комиссары должны... назначить... всем собственникам земель, издавна изъятых из общинного пользования, общинных полей, земель, находящихся в общинном пользовании в течение полугода, лугов, находящихся в общинном пользовании с 1 августа, имеющим в силу владения этими землями или домами, или домами с усадебной землей, или коттеджами право на выгон свиней на общинные поля, Half Year Lands и Lammas Meadows...[42] такие участки общинных полей, Half Year Lands и Lammas Meadows, подлежащих огораживанию.., какие будут признаны комиссарами надлежащей компенсацией за соответствующие общинные права и право выгона свиней.[43]

Наделы остальным собственникам.

Далее, узаконяется, что... комиссары... должны назначить из остатка общинных полей, Half Year Lands и Lammas Meadows, участки всем остальным собственникам... этих земель... в соответствии с их правами и соответствующими долями на этих землях...

Качество и расположение участков.

Далее, узаконяется и предусматривается, чтобы комиссары принимали во внимание при наделах как количество и качество земель, подлежащих огораживанию, так и их положение и расстояние от соответствующих домов, усадеб, амбаров и т. п., принадлежащих тем лицам, которым отводится земля...[44]

Комиссары разбирают споры и разногласия.

Далее, узаконяется, что в случае спора или разногласия между сторонами по вопросу о соответствующих долях, на которые они высказывают претензии по отношению к огораживаемым землям..., или насчет деревьев и кустов, растущих на этих землях, или насчет... пахоты, сева, посадки турнепса...,[45] удобрения, улучшения земли и других касающихся собственников и держателей интересов..., комиссары могут и должны, путем опроса свидетелей под присягой..., производить соответствующее выяснение предмета спора и разногласий, улаживать и окончательно разрешать таковые. Предусматривается, однако, что комиссары... не могут решать вопроса о титуле на владение какими-либо усадьбами, землями и держаниями.[46]

Установление границ между приходами.

Узаконяется, что в случае споров, которые могут возникнуть между населением Shculdham, Shculdham Thorpe и населением соседних приходов...[47] ...насчет границы между частью огораживаемой земли или насчет права на совместный выпас (Right of intercommoning) на общинных пастбищах, выгонах и пустошах, принадлежащих всем приходам вместе...,[48] комиссары уполномочиваются и обязываются в силу акта исследовать, установить и определить соответствующие границы..., после чего... все общинные права, осуществляющиеся населением Shculdham и Shculdham Thorpe совместно с населением остальных приходов, прекращают свое существование...

Возможность апелляции к мировым судьям.

Предусматривается, что собственники земель и население приходов (с которыми жители Shculdham и Shculdham Thorpe сообща пользовались выпасами), в случае недовольства решением комиссаров, могут апеллировать к мировым судьям на четвертичных сессиях..., и решение последних является окончательным...

Сокращение границы между примыкающими общинными полями, пастбищами и выгонами приходов.

Далее, узаконяется, что комиссары имеют право произвести, с согласия лордов примыкающих друг к другу маноров, и собственников большей по ценности части земли, сокращение и выпрямление пограничной черты между общинными полями, пастбищами, выгонами Shouldham, Shculdham Thorpe и таковыми же землями других приходов, примыкающих и огораживаемым в силу акта...

Дороги.

Далее, узаконяется, что... комиссары уполномочиваются и обязуются определить направление общественных и частных дорог, установить, где должны быть выкопаны рвы, выстроены заборы, насыпаны валы, устроены мосты, ворота и т. п... Общественные дороги должны быть шириной в 40 футов..., должны быть с обеих сторон огорожены собственниками прилегающих участков в сроки, назначенные комиссарами и согласно их указаниям[49]

Обнесение изгородями наделов.

Далее, узаконяется, что все заборы, изгороди, рвы и канавы для обнесения и выделения ограживаемых в силу акта земель должны быть устроены в течение 12 месяцев после приведения в действие приговора об огораживании собственниками соответствующих участков в такие сроки и таким образом, как это будет назначено упомянутыми комиссарами... в их приговоре...[50]

Составление приговора об огораживании.

Далее, узаконяется, что... комиссары, по возможности, в непродолжительном времени по окончании раздела, наделения и огораживания земель..., согласно указаниям акта, должны составить

приговор об огораживании в письменном виде... с указанием на количество... акров, руд и перчей в огораживаемых землях... и во всех их частях, отведенных заинтересованным сторонам..., с описанием положения и границ соответствующих участков и с указанием насчет устройства заборов, рвов, канав и валов вокруг участков и о поддержании заборов, рвов, канав и валов в исправном виде, а также с описанием дорог, проходящих через огораживаемые земли..., и с перечислением всех необходимых правил и постановлений...

Обмены земли.

Далее, узаконяется, что в целях более удобного расположения земель и отдельных ферм (Farms)... сим дается право собственникам земли в этих приходах, или их опекунам, попечителям и другим ответственным лицам... производить обмен усадьбами, держаниями, старыми огороженными землями (Old Inclosures)... как в этих приходах, так и с соседними приходами, но так что эти обмены должны производиться с согласия комиссаров... и быть внесенными в их приговор об огораживании... [51]

Комиссары регулируют севооборот.

Далее, узаконяется, что со времени издания акта об огораживании и до приведения в исполнение приговора об огораживании комиссары получают право регулировать порядок обработки и севооборота на подлежащих огораживанию землях...

Прием наделов собственниками.

Далее, узаконяется, что различные лица, которым даются приговором об огораживании наделы,... должны принять во владение отведенные им участки в течение шести месяцев по приведении в силу приговора об огораживании;... а если кто-либо из этих лиц не войдет во владение участком в течение указанного срока или откажется принять таковой,... то таковое лицо, или лица, вообще теряют всякие права на получение какой-либо земли или другой собственности в виде компенсации за свои общинные права и другие интересы... [52]

Наделы являются полной компенсацией за землю и другие права.

Далее, узаконяется, что наделы, отведенные различными лицам в силу этого акта, должны рассматриваться в качестве полной компенсации за все те участки земли, которыми данные лица владели до прохождения акта на огороженных в силу этого акта землях...; а также в качестве полной компенсации за право выгона овец, за общинные права и за все другие права и интересы на огороженных землях;... непосредственно вслед за приведением в исполнение приговора об огораживании все такие права прекращают свое существование... [53]

Завещание и установленный порядок наследования (Settlements) не отменяются.

Предусматривается и узаконяется, что в данном акте не содержится ничего такого, что могло бы послужить или

быть истолковано в смысле отмены, или изменения, какого-либо завещания или установленного порядка наследования в отношении к тем или другим землям, ко вреду и уменьшению прав лиц, имеющих таковые в качестве вдовы, жены, владельца части, или в результате ссужения в долг денежной суммы...

Земля, отведенная вместо копигольда, должна быть копигольдом.

Далее, узаконяется, что все земли, которые отводятся и присуждаются в силу данного акта взамен соответствующих усадеб, коттеджей, земель и держаний, бывших до огораживания копигольдом упомянутых маноров, или какого-либо из них, или взамен общинных прав, или права на выгон свиней, принадлежавшего (appurtenant to or appendant on) к держаниям на правах копигольда, должны впредь, после подписания приговора об огораживании, и навсегда рассматриваться и считаться копигольдом, или обычным держанием (copyhold or customary lands), и в качестве, такового, нести те же ренты, повинности и службы, как и те земли или держания на правах копигольда, взамен которых даются новые наделы; собственники таких земель должны будут платить лорду манора, от которого они держат..., небольшую ренту (a quit Rent) в размере 1 пенса с каждого акра земли, отведенной взамен их прежних домов, усадеб, коттеджей, земель и держаний на правах копигольда; такие собственники.. должны будут, в течение 12 месяцев вслед за приведением в исполнение приговора об огораживании, быть допущены лордом или лордами соответствующих маноров в качестве держателей отведенных им земель (be admitted Tenants to the said Lands) без уплаты в пользу лорда, или лордов, соответствующих маноров какой-либо пени или других платежей при допуске (any Fine or other Charge), исключая небольшого вознаграждения в пользу управляющего (steward); но после того, как такой допуск произошел, земля, отводимая в качестве надела, должна навсегда держаться на условии того же самого держания, пени и других платежей, как и тот копигольд, взамен которого делается тот или другой надел, вместе с упомянутой рентой в один пенс с акра в год за копигольд (copyhold Lands), который дан в виде надела (allotted out of the said Lands and Grounds). Все же остальные земли, за исключением тех, относительно которых комиссары... установят, что они должны быть копигольдом, впредь будут считаться фригольдом (Freehold Lands), и пользоваться ими собственники будут на правах фригольдеров, уплачивая такие свободные ренты и службы (free Rents and Services), какие в настоящее время платятся с соответствующих земель, вместо которых они будут даны или на которые они могут быть обменены.

Аренды отменяются.

Далее, узаконяется, что все аренды (Leases at Rack Rent) на какой-либо части или частях участков, подлежащих в силу этого акта разделу, наделению и огораживанию, и все другие договоры (Agreements) на время или на срок (for any Time or Term) прекращают свое существование и объявляются отмененными в связи с производящимся разделом земли и наделением участками; но соответствующие

арендаторы и держатели должны получить от собственников этих участков, сдавших им землю в аренду или заключивших другой договор на срок, удовлетворение в размере, устанавливаемом комиссарами в качестве эквивалента за аренду или другое держание на срок.

Издержки акта.

Далее, узаконяется, что стоимость и издержки по проведению и приведению в исполнение этого акта, как-то: описание, обмер, планировка, оценка, раздел, деление на наделы, рытье рвов и канав, обмен земель..., обнесение изгородью участков, предназначенных для приходских бедных, составление, зарегистрирование и помещение на хранение приговора об огораживании, оплата комиссаров по огораживанию и другие необходимые издержки... несутся теми лицами, которым отводятся в силу акта наделы... [54] пропорционально стоимости отводимых им участков... [55]

Право держателей, получающих участки, брать деньги в долг под залог земли.

Далее, узаконяется..., что собственники земель, подлежащих огораживанию,... имеют право делать займы на покрытие издержек по огораживанию,... но не свыше 40 шиллингов на акр земли,... [56] а, в обеспечение платежа взятой в долг суммы с процентами, закладывать (to grant mortgage) и сдавать в аренду землю, под которую берется заем, лицу или лицам, которые ссудят и дадут в долг соответствующую сумму, или суммы, денег, впредь до выплаты взятой в долг суммы, после чего залог земли, договор об аренде и т. п. прекращают существование... [57]

4. Приговор об огораживании приходов Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, в графстве Norfolk (1799 г.). [58]

«Ко всем, кого касается это предписание, мы — Joseph Forby из Fincham, в графстве Norfolk, клирик John Houchen из Wereham, в том же графстве, джентльмен, и Thomes Glover Ewen из города Norwich, джентльмен, — комиссары, назначенные в силу акта парламента, изданного в 34-м году царствования его величества короля Георга III, ныне царствующего, и озаглавленного: «Акт о разделе, наделах и огораживании общинных полей, земель, находящихся полгода в общинном пользовании, лугов, находящихся в общинном пользовании с 1 августа, общинных пастбищ, выгонов и пустошей в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe, иначе Garboise Thorpe, в графстве Norfolk»; действуя во исполнение предписаний и постановлений данного акта, мы объявляли своевременно о нашем первом и последующих собраниях..., каждый из нас... принес и подписал предписываемую актом присягу, как явствует из приложенного к приговору добавления.

Далее, мы поручили Samuel'ю Davenport из Burton Overy в графстве Leicester, межевщику земли (Land Surveyor)..., произвести об-

мер, измерение и оценку земли...., с указанием числа акров, руд и перчей, в статутарных мерах, принадлежащих каждому собственнику, а также с указанием их годичной стоимости (annual values)... Указанные обмер, измерение и оценка заверены присягой упомянутого Samuel'я Davenport.

Далее, мы, упомянутые комиссары, удостоверяем и объявляем, что после издания указанного акта возник спор между населением приходов Shouldham и Shouldham Thorpe... и населением приходов Marham, Stradsett, Wallington и Rumton Holme... насчет границы между частью земель, подлежащих огораживанию, и остальной частью общинного пастбища и выгона, которыми эти приходы сообща пользовались (right of intercommoning upon the said commons and waste Lands)... Мы, упомянутые комиссары, разобрали это дело, исследовали и установили границы упомянутых общинных пастбищ и выгонов (следует перечень приходов)... Мы, упомянутые комиссары, в целях сокращения пограничной изгороди между землями прихода Shouldham... и землями прихода Wormegay...., вошли в соглашение с Henry Lee Warner, Esquire, лордом манора Wormegay и собственником большей по стоимости части земли в приходе того же имени, и установили пограничную черту, которая должна отделить общинные пастбища и выгоны, огораживаемые по акту, от земель прихода Wormegay...; мы постановили, что на счет прихода Shouldham должна быть выкопана канава шириной в 10 футов и глубиной в 4 фута (далее подробно описывается, как должна проходить пограничная черта между обоими приходами).

Мы, упомянутые комиссары, сим удостоверяем, что нами было произведено внимательное исследование и обсуждение произведенного по нашему приказанию измерения и оценки земли, а также осмотр самих земель, подлежащих в силу акта разделу, наделению и огораживанию, изучили их количество, качество и положение, опросили свидетелей и должным образом выяснили себе подробности насчет всех общинных прав, права на выпас овец (sheepwalks), на выгон свиней на жнитво после уборки урожая до времени сева (shackage) и других прав и интересов..., выяснили, выслушали и уладили все споры и разногласия между заинтересованными сторонами

Мы, упомянутые комиссары, сим заявляем, что, в соответствии с возложенными на нас данным актом парламента полномочиями и властью, разделили и поделили на наделы упомянутые земли, изъятые из общинного пользования (whole year lands), общинные поля, земли, находившиеся в общинном пользовании в течение полугода, луга, находившиеся в общинном пользовании с 1 августа, общинные пастбища, выгоны и пустоши в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe..., содержащие, не считая предположенных к устройству общественных и частных дорог..., в статутарных мерах 5 260 акров 1 руду 17 перчей, между теми лицами, в таких пропорциях, таким образом и при условии соблюдения таких правил, постановлений и предписаний, как все это установлено соответствующим актом парламента и указано и предписано нашим приговором.

Надел в пользу бедных прихода Shouldham.

Мы, упомянутые комиссары, согласно и во исполнение возложенных на нас актом Парламента прав и полномочий, настоящим нашим приговором, переписанным отчетливо на пергаменте, с приложением наших подписей и печатей, согласно указаниям акта, назначаем: — во-первых,... Thomas'у Hare, Esquire, лорду манора Shouldham и Shouldham in Shouldham и лорду, или лордам, этих маноров в данное время (for the time being) и викарию, церковным старостам и попечителям о бедных (Curate, Churchwardens and Overseers of the poor) этого прихода в настоящее время, и их преемникам два следующих участка земли: 1) кусок земли, часть общинного пастбища и выгона..., содержащий, согласно измерению, 82 акра 8 перчей... (следует описание границ этого участка); 2) другой кусок земли..., часть общинного пастбища, называемого Meerplot, содержащий, согласно измерению, 13 акров и 19 перчей... (описание границ); [59] эти два надела содержат вместе 95 акров 27 перчей и предназначаются для пользования бедных (for the use of the poor persons), живущих в этом приходе и не получающих помощи, милостыни или каких-либо сборов в их пользу от этого прихода; на этих участках указанные бедные жители прихода могут собирать необходимое топливо в таком количестве и в такое время, в течение каждого года впредь и навсегда, как это установят, предпишут и назначат лорд, или лорды, упомянутых маноров, викарий, церковные старосты и попечители о бедных этого прихода в данное время, но не иначе. [60]

И мы, упомянутые комиссары, сим объявляем, что эти два надела..., назначаемые для сбора бедными топлива,... должны сдаваться ежегодно на Пасхе церковными старостами и попечителями о бедных в аренду тому лицу, кто даст больше за право выпаса скота на них в течение всего следующего года; получаемая же сумма должна распределяться старостами и попечителями в осуществление той же цели, для которой отведены соответствующие наделы. [61]

И мы сим заверяем и объявляем об отданном нами приказании относительно огораживания, обнесения забором и окопании рвом этих наделов надлежащим образом... И на будущее время... эти участки должны быть огороженными, а заборы вокруг них должны поддерживаться церковными старостами, попечителями о бедных и их преемниками из тех средств, которые получаются, как выше сказано, от сдачи этих участков под пастбище.

Надел для сбора и добычи камня, мела, копания песка и т. п.

И мы, упомянутые комиссары,... сим назначаем: 1) кусок земли, часть того участка, на котором разводятся кролики (Warren), содержащий 2 акра 2 руды..., 2) другой кусок земли, тоже часть участка, где разводятся кролики, содержащий 3 руды..., 3) кусок земли, часть общинного пастбища, известного под названием Meerplot, содержащий 3 руды..., 4) кусок земли, часть Half Year Lands, содержащий 2 руды... И мы сим удостоверяем и заявляем, что нами отдано распоряжение об обнесении этих наделов надлежащей изгородью..., которая

на будущее время должна поддерживаться смотрителями дорог (Surveyors of the Highways) прихода Shculdham из средств, собираемых и получаемых ими на починку дорог в приходе. И мы сим заявляем, что эти четыре участка земли, содержащие вместе 4 акра 2 руды и выделяемые в качестве места для копания песка, сбора камней и добычи мела населением прихода (public Sand, Gravel, Stone and Chalk pits), должны впредь и навсегда быть в пользовании собственников земель и имений в этом приходе Shouldham и их держателей; эти наделы должны ежегодно на Пасхе, или в другой срок, сдаваться церковными старостами и попечителями тому лицу, кто даст больше, и эта сумма должна итти смотрителю или смотрителям дорог для их починки.

И мы, упомянутые комиссары, рассмотрев со всяческим вниманием соответствующие претензии (claims) упомянутого Thomas'a Hare, как лорда манора Shouldham и Shculdham in Shculdham, и John'a Beevor, доктора физики, как лорда манора Oldhall и Westacre в Marham, насчет их прав на общинные пастбища, выгоны и пустоши в приходе Shouldham, пришли к заключению, что лишь упомянутый Thomas Hare, как лорд манора Shouldham, имеет право на землю (right of Soil) этих общинных пастбищ, выгонов и пустошей. Поэтому мы, упомянутые комиссары, сим назначаем... упомянутому Thomas'y Hare...

Надел лорда манора.

1) кусок земли, часть общинных пастбищ, выгонов и пустошей в Shouldham, известный под названием Button Fen и содержащий 38 акров 18 перчей..., и мы предписываем, чтобы Thomas Hare и его наследники и преемники построили бы забор, всегда на будущее время чинили бы и поддерживали его в исправности между этим участком и землями, отданными в виде надела John'y Aylmer'y и Thomas'y Aylmer'y; и мы сим заверяем, объявляем и постановляем, что этот участок, который дается нами Thomas'y Hare, является справедливой и достаточной компенсацией за его право на землю общинных пастбищ, выгонов и пустошей в приходе Shculdham; 2) и мы, упомянутые комиссары,... сим назначаем Thomas'y Hare второй участок земли, часть старого огораживания, изъятого из общинных прав (old whole year inclosure), и часть земель, находившихся в общинном пользовании в течение полугода (half year lands) — всего 100 акров 3 руды и 10 перчей... И мы предписываем, чтобы Thomas Hare, его наследники и преемники построили бы забор, всегда на будущее время чинили бы и поддерживали его в исправности на северной и западной границе этого второго участка; и мы, упомянутые комиссары, сим заявляем, объявляем и постановляем, что этот второй участок, который дается нами Thomas'y Hare, является, по нашему мнению, равным по ценности и полным удовлетворением и компенсацией за права его на выгон овец на общинные пастбища и выгоны, а также на общинные поля, half year lands и Lammas Meadows в приходе Shculdham...; и мы, упомянутые комиссары, сим назначаем... Thomas'y Hare несколько кусков земли нижеупомянутых, т. е. 3) кусок земли, часть Half Year land, содержащий 121 акр 1 руду и 23 перча...; 4) кусок земли,

часть old whole year Inclosures и half year Lands, содержащий 279 акров 3 руды и 6 перчей...; 5) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 25 акров 37 перчей...; 6) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures и half year Lands, содержащий 107 акров 1 руду и 7 перчей...; 7) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, half year Lands, Lammas Meadows, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 757 акров 1 руду и 34 перча...; 8) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 9 акров 1 руду и 18 перчей...; 9) другой кусок земли, часть half year Lands, подверженных праву выпаса овец (shack Lands), [62] содержащих 9 акров 3 перча...; 10) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 35 акров, 1 руду и 1 перч...; 11) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 238 акров 3 руды 31 перч...; 12) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 17 акров, 1 руду и 35 перчей...; 13) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 9 акров 3 руды и 37 перчей...; 14) другой кусок земли, часть old Whole year Inclosures, кроличьего садка (warren), общинных пастбищ и выгонов, содержащий 351 акр 29 перчей...; 15) другой кусок земли, часть old whole year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 152 акра 2 руды и 5 перчей...; 16) другой кусок земли, часть old whole year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 401 акр 6 перчей...; 17) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, где стоит Fairstead House, содержащий 1 акр 30 перчей...; 18) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 1 акр 3 руды и 32 перча...; 19) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, [63] содержащий 2 акра 2 руды...; 20) другой кусок земли, часть half year Lands, содержащий 3 акра, 1 руду и 16 перчей...; и мы сим предписываем, чтобы Thomas Hare, его наследники и преемники построили бы заборы этих нескольких только что упомянутых наделов, всегда на будущее время чинили бы и поддерживали их в исправности — следующим образом . . . . [64]

И мы, упомянутые комиссары,... назначаем Thomas'у Hare, как арендатору (Lessee) декана и капитула Ely, один кусок земли, часть half Year Lands в Shculdham, содержащий 4 акра...; и мы сим предписываем, чтобы Th. Hare, его душеприказчики и преемники построили бы заборы, всегда впредь их поддерживали и чинили

Надел Rev. James'а Oakes.

Мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем его Преподобию, J a m e s'у O a k e s: 1) один кусок земли, часть old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов в Shculdham, содержащий 3 акра 1 руду и 36 перчей...; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 8 акров 3 руды и 14 перчей...; 3) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 3 руды 33 перча...; 4) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 3 руды 33 перча...; 5) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов, содержащий

1 акр 3 руды 34 перча...; 6) другой кусок земли, часть half year Lands, содержащий 70 акров 2 руды и 2 перча...; 7) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 54 акра 2 руды и 10 перчей...; 8) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 44 акра 1 руду...

И так как мы выяснили, что упомянутый James Oakes держит от манора Shouldham и также от манора Shouldham in Shouldham по копии манориального суда (by copy of Court Roll) следующие усадьбы (Messuages), земли и держания: 2 усадьбы и 32 акра 1 руду земли, согласно произведенной оценке (by estimation), от манора Shouldham и 20 перчей земли, согласно оценке, от манора Shouldham in Shouldham, то мы поэтому объявляем, что его 3-й и 5-й наделы, содержащие вместе 2 акра 3 руды и 27 перчей, где стоят несколько его усадеб, которые он держит на правах копигольда (several copyhold messuages), и 25 акров — часть его 6-го надела, всего же 27 акров 3 руды и 27 перчей, будут впредь и навсегда копигольдом манора Shouldham, вместо упомянутых 32 акров 1 руды земли. И, далее, мы объявляем, что 22 акра 1 руда и 20 перчей, часть его 8-го надела..., нами дается James'у Oakes взамен и в возмещение его различных общинных прав и права на выгон свиней, принадлежащих (appurtenant and appendant) к его упомянутым двум усадьбам и землям, которые он держит на правах копигольда от манора Shouldham. И, далее, мы объявляем, что 20 перчей, другая часть его 6-го надела.. должна быть отныне и навсегда копигольдом манора Shouldham in Shouldham, вместо упомянутых выше 20 перчей земли — копигольда того же манора... и вместо права на выгон свиней, принадлежащего к этому участку.

И мы предписываем, чтобы James Oakes, его наследники и преемники построили заборы, поддерживали их впредь и всегда, а также чинили такие части старых заборов, какие чинились прежними собственниками. [65]

Надел Maxey Allen, Esquire.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Maxey Allen'у, Esquire: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 5 акров 1 руду 32 перча...; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 5 акров 2 руды 34 перча...; 3) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 3 руды 28 перчей...; 4) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 136 акров 30 перчей...; 5) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, и half year Lands, содержащий 24 акра 29 перчей...; 6) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures и half year Lands, содержащий 7 акров 1 руду 32 перча...; 7) другой кусок земли, часть half year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 76 акров 3 перча...; 8) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 34 акра 2 руды и 12 перчей...

И так как мы выяснили, что упомянутый Maxey Allen держит от манора Shouldham, а также от манора Shouldham in Shouldham по копии манориального суда следующие усадьбы, земли и держания:

2 усадьбы (Messuages), из которых одна запустевшая (void) и 51 акров 3 руды земли, согласно оценке, от манора Shouldham и 3 руды земли, согласно оценке, от манора Shouldham in Shouldham, то мы поэтому объявляем, что его 3-й и 5-й наделы, содержащие вместе 25 акров, 17 перчей и часть его 4-го надела — 13 акров 35 перчей..., всего же 38 акров 1 руда и 12 перчей, будут впредь и навсегда копигольдом манора Shouldham, вместо упомянутых 51 акра 3 руд земли. И, далее, мы объявляем, что 18 акров 2 руды 15 перчей — другая часть его 4-го надела... даются нами Maxey Allen'у навсегда, взамен его различных общинных прав и права выгона свиней, принадлежащих (appurtenant and appendant) к его двум усадьбам и землям, и должны быть копигольдом манора Shouldham. И, далее, мы объявляем, что 2 руды 20 перчей, другая часть его 4-го надела..., должны быть навсегда копигольдом манора Shouldham in Shouldham, вместо 3 руд земли — копигольда манора Shouldham in Shouldham и права выгона свиней, принадлежащего к этому участку.

И мы предписываем, чтобы Maxey Allen, его наследники и преемники построили заборы, поддерживали их впредь и всегда, а также чинили такие части старых заборов, которые чинились прежними собственниками... [66]

Надел Edm. Kenney.

Мы, упомянутые комиссары, сим. назначаем Edmund'y Kenney один кусок земли, часто old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 123 акра 2 руды и 39 перчей...

И так как мы выяснили, что Edm. Kenney держит от манора Shouldham по копии манориального суда 2 усадьбы, 1 коттедж и 26 акров 3 руды 20 перчей земли, согласно оценке, то мы объявляем, что 21 акр 1 руда 30 перчей земли, на которых стоит его теперешняя усадьба (his present copyhold messuage) будет отныне навсегда считаться копигольдом манора Shouldham вместо упомянутых 2 усадеб, коттеджа и 26 акров 3 руд и 20 перчей земли. И, далее, мы объявляем, что 14 акров 16 перчей, другая часть его надела..., дается нами Edmund'y Kenney взамен его различных общинных прав и права выгона свиней, принадлежащих к его 2 усадьбам и земле, и будет считаться копигольдом манора Shouldham.

И мы предписываем, чтобы Edm. Kenney, его наследники и преемники построили, поддерживали впредь и всегда и чинили как новые заборы..., так и части старых, чинившиеся прежними собственниками.

Надел Will. Butter.

Мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем William'y Butter: 1) один кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 1 акр 22 перча...; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 1 руду и 1 перч...; 3) другой кусок земли, часть half year Lands, содержащий 17 акров 7 перчей...

И так как мы выяснили, что Will. Butter держит от манора Shouldham по копии манориального суда 2 усадьбы, 1 коттедж и 1 акр земли, то мы объявляем сим, что его первый и второй наделы, содер-

жащие вместе 1 акр 1 руду и 23 перча, и на них же стоят его усадьбы и коттедж, упомянутые выше . . . , и впредь будут копигольдом того же манора Shouldham. И, далее, мы объявляем, что 13 акров 2 руды земли, часть его 3-го надела, . . . будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham и дается нами William'y Butter взамен его общинных прав и права на выгон свиней, принадлежащего к его двум усадьбам и земле, которые он держит на правах копигольда от того же манора.

И мы предписываем, чтобы Will. Butter, его наследники и преемники построили, поддерживали впредь и всегда и чинили такие части старых заборов, какие чинились прежними собственниками . . .

Надел наследникам John'a Lamson'a.

Мы, упомянутые комиссары, сим . . . назначаем наследникам и преемникам покойного Jonh'a Lamson'a: 1) один кусок земли, часть whole year Inclosures, содержащий 1 акр 3 руды и 24 перча . . .; 2) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 2 руды 39 перчей . . .; 3) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures и half year Lands, содержащий 13 акров 1 руду и 9 перчей . . .

И так как мы выяснили, что John Lamson держал от манора Shouldham, а также от манора Shouldham in Shouldham, по копии манориального суда, следующие участки земли: 4 акра 20 перчей земли, согласно оценке, от манора Shouldham in Shouldham, то мы объявляем, что 2 акра 3 руды и 35 перчей, часть его 3-го надела, впредь будет считаться копигольдом манора Shouldham вместо 4 акров 20 перчей земли, которую он держал от манора Shouldham, и вместо права на выгон свиней, принадлежавшего к этому участку.

И мы, далее, объявляем, что 1 акр 3 руды 30 перчей, другая часть его 3-го надела . . ., будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham in Shouldham вместо 2 акров 3 руд земли, которую он держал от манора Shouldham in Shouldham, и права на выгон свиней, к ней принадлежащего.

И мы предписываем, чтобы наследники и преемники John'a Lamson'a поддерживали и чинили такие части старых заборов, какие чинились прежними собственниками, и построили, поддерживали и всегда впредь чинили заборы (новые) . . .

Надел William'a Cook.

Мы, упомянутые комиссары, сим . . . назначаем William'y Cook'y: 1) один кусок земли, часть old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 10 акров 2 руды и 16 перчей . . .; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 2 руды и 6 перчей . . .

И так как мы выяснили, что упомянутый Will. Cook держит от манора Shouldham по копии манориального суда 1 коттедж (? усадьба, messuage?) и 1 руду земли, согласно оценке, то мы объявляем, что 1 руда и 6 перчей — часть его 2-го надела, где стоит и его упомянутая усадьба (messuage) на правах копигольда . . ., впредь и навсегда будет считаться копигольдом манора Shouldham. И мы также объявляем,

что 1 руда—остальная часть упомянутого 2-го надела, и 8 акров 1 руда и 24 перча, часть его первого надела..., всего же 8 акров 2 руды 24 перча, даются нами ему взамен его общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к упомянутой усадьбе и землям, будет впредь также считаться копигольдом манора Shouldham.

И мы предписываем, чтобы упомянутый William Cook, его наследники и преемники построили, поддерживали и всегда впредь чинили, как новые заборы..., так и такие части старых, которые чинились... прежними собственниками...

Надел Isaak'a Clark.

Мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Isaak'y Clark: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 12 акров 2 руды 19 перчей...; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 2 акра 1 руду 22 перча...

И так как мы выяснили, что упомянутый Isaak Clark держит от манора Shouldham по копии манориального суда 1 усадьбу и 4 акра 1 руду земли, согласно оценке, то мы сим объявляем, что 1 акр 2 руды земли, часть его первого надела, где находится его упомянутая усадьба на правах копигольда, и держание, и весь его 2-й надел, всего же 3 акра 3 руды и 22 перча, впредь и навсегда будут считаться копигольдом манора Shouldham, вместо упомянутых 4 акров и 1 руды земли.

И мы, далее, объявляем, что 11 акров и 19 перчей земли, остальная часть его первого надела, даются нами ему взамен его общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к его усадьбе и землям, и будут считаться копигольдом манора Shouldham.

И мы предписываем, чтобы Isaak Clark, его наследники и преемники построили, поддерживали и чинили впредь и всегда новый забор... и такие части старых заборов, какие чинились прежними собственниками...

Надел Elizaberth Clark.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Elizabeth Clark, жене Isaak'a Clark: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 38 перчей...; 2) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 9 акров 1 руду 30 перчей...

И мы предписываем, чтобы упомянутая Elizabeth Clark, ее наследники и преемники всегда впредь чинили такие части старых заборов, какие чинились прежними собственниками, и построили бы и поддерживали заборы (новые)... [67]

Надел Thomas'a Collison.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Thomas'y Collison: 1) кусок земли, часть Old whole year Inclosures, содержащий 1 руду 6 перчей...; 2) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 9 акров 2 руды 25 перчей...

И так как мы выяснили, что упомянутый Thomas Collison держит от манора Shouldham по копии манориального суда 1 усадьбу и 1 руду земли, согласно оценке, то мы объявляем, что весь его первый надел...,

где стоит и его упомянутая усадьба на правах копигольда, будет впредь и навсегда копигольдом манора Shouldham. И мы, далее, объявляем, что весь его 2-й надел дается нами ему взамен его общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к его усадьбе на правах копигольда (copyhold messuage), и будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham.

И мы предписываем, чтобы Thomas Collison, его наследники и преемники чинили такие части старых заборов, какие до сих пор чинились прежними собственниками, и построили, поддерживали и всегда впредь чинили заборы (новые)...

Надел Thomas'a Blye.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Thomas'y Blye: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 1 руду 2 перча...; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 11 акров 3 руды 30 перчей...

И так как мы выяснили, что упомянутый Thomas Blye держит от манора Shouldham по копии манориального суда 1 усадьбу и 1 акр 3 руды земли, согласно оценке, то мы сим объявляем, что весь его первый надел..., где стоит и его упомянутая усадьба на правах копигольда, будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham. И, далее, мы объявляем, что весь его второй надел дается нами ему, Thomas'y Blye, взамен его общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к его усадьбе на правах копигольда, и будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham.

И мы предписываем, чтобы Thomas Blye, его наследники и преемники чинили такие части старых заборов, какие чинились до сих пор прежними собственниками, и построили, поддерживали и чинили всегда впредь новые заборы...

Надел William'a Leech и его жены Mary.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем William'y Leech и его жене Mary, ранее Mary Rogers, кусок земли, часть half year Lands, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 12 акров 1 руду 15 перчей...

И так как нами выяснено, что эта Mary, жена William'a Leech, держит от манора Shouldham по копии манориального суда 3 руды земли, согласно оценке, то мы объявляем, что 2 руды и 20 перчей, часть надела,... будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham взамен упомянутых 3 руд земли. [68] И мы предписываем, чтобы упомянутые William Leech и Mary, его жена, и их наследники и преемники построили, поддерживали и чинили всегда впредь новые заборы..., а также чинили такие части старых, какие до сих пор чинились старыми собственниками.. [69]

Надел Elizabeth'ы, жены John'a Holman, Amy Mathews и Catherine Mott.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Elizabeth'e, жене John'a Holman, Amy Mathews и Catherine Mott: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 1 руду 37 перчей...;

2) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 7 акров 3 руды 18 перчей... И так как мы выяснили, что упомянутые Elizabeth Holman, Amy Mathews и Catherine Mott держат от манора Shouldham, по копии манориального суда, каждая одну третью неподеленную часть (one equal individed third part) усадьбы (Messuage) и 1 руды земли, согласно оценке, то мы объявляем, что весь их первый надел..., где стоит и их упомянутая усадьба на правах копигольда, будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham;... а весь 2-й надел дается нами им... взамен их общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к их усадьбе на правах копигольда, и будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham...

Надел John'a Holman.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем John'у Holman: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 9 акров 2 руды 11 перчей...; 2) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 6 акров 3 руды и 11 перчей...; 3) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 21 акр 2 руды 36 перчей...

И так как мы выяснили, что упомянутый John Holman держит от манора Shouldham по копии манориального суда 1 усадьбу, 3 акра и 1 руду земли, согласно оценке, то мы сим объявляем, что 3 акра, часть его первого надела,... где прежде стояла и его заброшенная в настоящее время (now void) усадьба, будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham, вместо упомянутых 3 акров и 1 руды земли...; а 8 акров 10 перчей, часть его 3-го надела. . ., даются нами ему, John'у Holman, взамен его общинного права и права выгона свиней, принадлежащего к его заброшенной усадьбе, и будут впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham...

Надел Rev. Thomas'a Cotton.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем его Преподобию Thomas'у Cotton: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 3 руды 19 перчей...; 2) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 9 акров 3 руды 22 перча.[70]

Надел Richard'a Curl.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Richard'у Curl: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 2 руды 24 перча...; 2) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 10 акров 8 перчей...

И так как мы выяснили, что упомянутый Richard Curl держит от манора Shouldham, по копии манориального суда, 1 усадьбу и 3 руды земли, согласно оценке, то мы объявляем, что весь его первый надел..., где стоит и его усадьба на правах копигольда, будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham;... а 2-й его надел целиком дается нами ему взамен его общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к его усадьбе на правах копигольда, и будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham...

Надел Thomas'a Aylmer.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Thomas'у Aylmer: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 3 руды...; 2) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 2 руды 6 перчей...; 3) другой кусок, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 16 акров 3 руды 32 перча... [71]

Надел John'a Aylmer.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем John'у Aylmer: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 32 перча..; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 1 акр 37 перчей...; 3) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 4 акра 2 руды 14 перчей...; 4) еще кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 43 акра 1 руду

И так как мы выяснили, что упомянутый John Aylmer держит от манора Shouldham, по копии манориального суда, 4 усадьбы и несколько участков земли, то мы объявляем, что его 2-й и 3-й наделы целиком, где стоят и его усадьбы на правах копигольда, вместе с 3 акрами 30 перчами, частью его 4-го надела..., всего же 9 акров 1 перч, будут впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham, вместо упомянутых нескольких участков земли, которые держатся им на правах копигольда;... а 32 акра 2 руды 35 перчей, другая часть его IV надела..., даются нами Thomas'у Aylmer взамен его общинных прав, принадлежащих к его усадьбам на правах копигольда и землям, и будут впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham...

Надел Peter'a Dewson.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Peter'у Dewson: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 7 акров 24 перча...; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 1 руду 8 перчей...; 3) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 8 акров 2 руды 7 перчей...; 4) другой кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 2 руды 37 перчей...

Надел Thomas'a Maltby.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем Thomas'у Maltby: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 2 руды 3 перча...; 2) другой кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 12 акров 3 руды 33 перча...

Надел Thomas'a Norburn.

И мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем [72] Thomas'у Norburn: 1) кусок земли, часть old whole year Inclosures, содержащий 1 руду 32 перча...; 2) кусок земли, часть общинных пастбищ и выгонов, содержащий 10 акров 2 руды 1 перч.

Надел Elizabeth'ы Thorpe.

. . . . 1) 37 перчей old whole year Inclosures; 2) 10 акров 3 перча общинных пастбищ и выгонов.

И так как мы выяснили, что покойная Mary Thorpe [73] держала от манора Shouldham, по копии манориального суда, 1 усадьбу и 2 руды земли . . ., то мы объявляем, что весь первый надел Elizabeth Thorpe, где стоит и упомянутая усадьба на правах копигольда, будет впредь и навсегда считаться копигольдом манора Shouldham; . . . а второй надел Elizabeth Thorpe взамен общинного права и права выгона свиней, принадлежащего к усадьбе на правах копигольда и впредь навсегда будет копигольдом манора Shouldham . . .

Надел Christopher'a Thorpe.

. 6 акров 2 руды 18 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов. [74]

Надел John'a Ram.

. 1) 2 акра 1 руда 38 перчей old whole year Inclosures . . .; 2) 2 руды 14 перчей old whole year Inclosures . . .; 3) 27 акров 2 руды 17 перчей общинных пастбищ и выгонов.

И так как . . . John Ram держит от манора Shouldham по копии манориального суда 3 усадьбы и несколько участков земли, то . . . первый и 2-й наделы его . . . , где расположены и упомянутые усадьбы на правах копигольда, . . . объявляются копигольдом впредь и навсегда; а 3-й надел . . . дается ему взамен общинного права и права выгона свиней, принадлежащего к упомянутым усадьбам на правах копигольда и землям, и объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham.

Надел Sarah Thorpe.

. 1) 1 руда 21 перч old whole year Inclosures . . .; 2) 11 акров общинных пастищ и выгонов.

И так как . . . Sarah Thorp держит от манора Shouldham, по копии манориального суда, 1 усадьбу и 1 руду земли, то . . . первый надел его . . ., где стоит и его усадьба на правах копигольда, . . объявляется копигольдом впредь и навсегда; . . . а 2-й надел . . . дается ему взамен общинного права и права выгона свиней, принадлежащего к его усадьбе на правах копигольда . ., и объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham.

Надел Thomas'a Hebgin.

. 1) 1 руда 13 перчей old whole year Inclosures . . .; 2) 10 акров 1 перч общинных пастбищ и выгонов.

Первый надел его . . ., где стоит усадьба на правах копигольда, . . . объявляется копигольдом впредь и навсегда; . . . а 2-й надел . . . дается ему взамен общинного права и права выгона свиней, принадлежащего к его усадьбе на правах копигольда . . . , и объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham.

Надел John'a Baxter.

. 1) 3 руды 4 перча old whole year Inclosures...; 2) 15 акров 23 перча общинных полей (common fields) и half year Lands...

И так как... John Baxter держит от манора Shouldham in Shouldham по копии манориального суда 4 акра земли и еще 2 руды 20 перчей земли, то... 3 акра 20 перчей — часть его 2-го надела... объявляются копигольдом манора Shouldham in Shouldham вместо 4 акров земли, а 2 руды земли, другая часть его 2-го надела. ., объявляется копигольдом манора Shouldham in Shouldham вместо 2 руд 20 перчей земли и права выгона свиней, с ними связанного.

Надел Thomas'a Erish.

. . 1) 2 руды 14 перчей old whole year Inclosures. .; 2) 8 акров 32 перча — другой кусок земли (не сказано какой). И так как. Thomas Erish держит от манора Shouldham, по копии манориального суда, 1 усадьбу и 3 руды 20 перчей земли, то... его первый надел целиком..., где стоит и его усадьба на правах копигольда..., объявляется навсегда копигольдом этого манора..., а 2-й его надел целиком... дается ему взамен общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к его усадьбе на правах копигольда, и объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham.

Надел John'a Rudland и Elizabeth, его жены.

. 1) 1 акр 1 руда 35 перчей old whole year Inclosures 2) 9 акров 3 руды 32 перча общинных пастбищ и выгонов.

И так как... Elizabeth, жена John'a Rudland, держит от манора Shouldham, по копии манориального суда, 1 усадьбу и несколько участков земли, то... первый надел целиком..., где стоит и усадьба на правах копигольда,... объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham..., а 2-й надел целиком... дается John'y Rudland и его жене... взамен общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к его усадьбе на правах копигольда,... и объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham.

Надел Ostbert'a Denton, Esquire.

. 2 акра 3 руды 21 перч half year Lands... [75]

Надел Edmund'a Barsham.

. 9 акров 2 руды 30 перчей half year Lands...

И так как... Edmund Barsham держит от манора Shouldham in Marham 2 акра земли, согласно оценке, на которые упомянутый Edmund Barsham заявил притязания (claim), против чего Th. Ramsey не выставит возражений, [76] то... 1 акр 3 руды, часть надела Edmund'a Barsham, объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham in Marham.

Надел Ann Barsham.

. . . . . 1 руда 31 перч half year Lands...

Надел Rev. Benjamin'a Wymberley и Marian, его жены.

4 акра 26 перчей half year Lands...

Надел Ann Stona.

3 руды 33 перчей half year Lands...

Надел Elizabeth'ы, жены Benjamin'a Barker, Esquire.

. 2 акра 2 руды 8 перчей half year Lands...

И так как... Elizabeth Barker держит от манора Shculdham, по копии манориального суда, 2 акра земли, то 1 акр 3 руды, часть ее надела, объявляются навсегда копигольдом манора Shouldham, вместо упомянутых 2 акров и права выгона на свиней, к ним принадлежащего.

Надел Roger'a Jary.

13 акров 1 руда 13 перчей half year Lands...

И так как... Roger Jary держит от манора Shouldham, по копии манориального суда, 2 акра 2 руды, то 2 акра 1 руда земли, часть его надела, объявляются навсегда копигольдом манора Shculdham, вместо упомянутых 2 акров 2 руд и принадлежащего к ним общинного права и права выгона свиней.

Надел John'a Beevor, доктора физики.

46 акров 1 руда 30 перчей half year Lands...

Надел Joseph'a Forby, Clerk.

1 акр 38 перчей half year Lands...

Надел Rev. Anthony Carr.

2 акра 8 перчей half year Lands... [78]

Надел William'a Winearls.

10 акров 2 руды 35 перчей half year Lands...

И так как William Winearls держит от манора Shculdham in Marham по копии манориального суда половину (a moiety) 2 акров и 20 перчей земли, то ... 1 акр, часть его надела, объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham in Marham, вместо указанной половины 20 акров 20 перчей, которые он держит от упомянутого манора...

Надел Thomas'a Cozens.

10 акров 2 руды 23 перча half year Lands...

Надел вдовы Ann Bennett.

7 акров 2 руды 17 перчей half year Lands...

Надел John'a Durrant.

. 3 руды 13 перчей half year Lands...

Надел William'a Long.

29 перчей old whole year Inclosures...

Надел Rev. William'a Hardyman.

. . . . . 1 руда 37 перчей old whole year Inclosures... [79]

Надел церковному старосте и попечителям о бедных.

. George Cozens, церковный староста в настоящее время, и Thomas Cozens и James Porter, попечители о бедных в приходе Shouldham в настоящее время, и их преемники (получают): 1) 19 перчей old whole year Inclosures, 2) 1 руду 19 перчей old whole year Inclosures...

Надел Mary Peacock.

1 акр 10 перчей old whole year Inclosures...

Надел Willam'a Ram.

. 8 перчей old whole year Inclosures...

Надел Roger'a Maltby.

1 руда 8 перчей old whole year Inclosures...

Надел William'a Leech, кузнеца.

. 3 перча old whole year Inclosures...

Надел наследников покойной Elizabeth Porter.

. 1 акр 2 руды 33 перча old whole year Inclosures...

И так как... Elizabeth Porter держала от манора Shouldham, по копии манориального суда, 1 усадьбу и 1 акр 2 руды земли, то весь надел, на котором стоит и упомянутая усадьба на правах копигольда,... объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham.

Надел William'a Wilkin.

. 8 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...

Надел George'a White.

. 3 руды 21 перч old whole year Inclosuras.

И так как... George White держит от манора Shouldham по копии манориального суда 1 усадьбу и 3 руды земли, то... весь его надел, на котором стоит и его усадьба на правах копигольда,... объявляется навсегда копигольдом упомянутого манора.

Надел John'a Walker.

. . 33 перча old whole year Inclosures...

И так как... John Walker держит от манора Shouldham, по копии манориального суда, 1 усадьбу и 1 руду земли, то... весь его надел, на котором стоит и его усадьба на правах копигольда,... объявляется навсегда копигольдом манора Shculdham. [80]

И мы, упомянутые комиссары, сим заявляем и удостоверяем, что считаем, что различные наделы..., данные перечисленным выше лицам..., являются справедливой и разумной компенсацией и удовлетворением за их соответствующие доли, права и интересы на общинных пастбищах и выгонах, а также за их общинные права и право выгона свиней... в приходе Shculdham на подлежащих огораживанию в силу упомянутого выше акта землях... Указанные наделы даны и выделены нами в соответствии с указаниями упомянутого акта.

И во исполнение предписания акта мы, комиссары, назначаем и устанавливаем следующие направления общественных дорог в приходе Shouldham... [81]

И мы, комиссары, предписали устроить в приходе Shouldham следующую общественную канаву для протока воды (Public drain, called the Sandy Drain)... [82]

Обмены участками.

И мы, упомянутые комиссары, сим удостоверяем и объявляем, что упомянутые Thomas Hare и Edmund Barsham, согласно данному им в силу акта права, и с нашего согласия и одобрения, пришли к следующему соглашению: после приведения в исполнение нашего приговора об огораживании Edmund Barsham и его наследники будут держать и пользоваться всем 20-м участком земли, отведенным в нашем приговоре Thomas'у Hare и содержащим 3 акра 1 руду и 16 перчей в обмен на... 5 акров 1 руду и 12 перчей земли, отведенной Edmund'у Barsham и лежащей в приходе Marham..., которую со времени приведения в исполнение нашего приговора будут держать и пользоваться ею Thomas Hare и его наследники...

И мы, далее, удостоверяем и заявляем, что Thomas Hare и Anthony Carr, клирик, викарий упомянутого прихода Marham, согласно данному им в силу акта права, и с нашего согласия и одобрения, пришли к следующему соглашению.. (речь идет о подобном же обмене участками): Anthony Carr... будет держать и пользоваться участком в приходе Marham..., содержащим 3 акра 9 перчей... в обмен на надел..., данный ему в приходе Shouldham и содержащий 2 акра 8 перчей... [83]

Надел в пользу бедных прихода Shouldham Thorpe.

И мы, упомянутые комиссары,... назначаем... Thomas'у Hare, лорду манора Shouldham Thorpe..., викарию, церковным старостам и попечителям о бедных... участок, выделенный из общинных пастбищ и выгонов..., содержащий 50 акров..., для пользования бедных, живущих в приходе, для сбора ими необходимого топлива [84]

Надел для сбора и добычи камня, мела, копания песка и т. д.

И мы, упомянутые комиссары, назначаем... для копания песка, сбора камней и добычи мела.. участок земли, часть old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов, содержащий 6 акров 2 руды 5 перчей... [85]

Надел лорду манора.

И мы, упомянутые комиссары.. , назначаем Thomas'у Hare, как лорду манора Shouldham Thorpe, иначе Garbois Thorpe:

. . . 1) 14 акров 2 руды 2 перча общинных пастбищ и выгонов...; 2) 39 акров 2 руды 10 перчей old whole year Inclosures, half year Lands и Lammas Meadows...; 3) 150 акров 8 перчей old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов .; 4) 3 акра 3 руды 27 перчей общинных пастбищ и выгонов...; 5) 200 акров 2 руды 11 перчей old whole year Inclosures, half year Lands, лугов, общинных пастбищ и выгонов...; 6) 57 акров 27 перчей old whole

year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов . .; 7) 13 акров 1 руду 31 перч half year Lands...; 8) 86 акров 3 руды 14 перчей old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов...; 9) 2 акра 1 руду 18 перчей old whole year Inclosures...; 10) 31 акр 3 руды 26 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...; 11) 184 акра 2 руды 35 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...

Ему же, Thomas'у Hare, как арендатору (Lessee) от декана и капитула Ely: 1) 26 акров 3 руды 34 перча old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...; 2) 63 акра 1 руду 35 перчей общинных пастбищ и выгонов...; 3) 91 акр 2 руды 19 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...; 4) 30 акров 3 руды 4 перча old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...

Надел Henry Bell, Esquire.

. . 1) 20 акров 1 руду 29 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...; 2) 19 акров 3 руды 1 перч half year Lands.

Надел Orbell Ray Oakes, Esquire.

1) 19 акров 1 руду 30 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...; 2) 1 акр 2 руды 6 перчей общинных пастбищ и выгонов...; 3) 1 акр 2 руды 37 перчей old whole year Inclosures...; 4) 109 акров 1 руду 30 перчей old whole year Inclosures, half year Lands и Lammas Meadows...; 5) 18 акров 1 руду 10 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...

И так как... Orbell Ray Oakes, Esquire, держит от манора Shouldham Thorpe, по копии манориального суда..., 3 усадьбы и 20 акров земли, согласно оценке (by Estimation), то .. 3 руды и 24 перча, часть его первого надела, где находятся 2 его усадьбы или держания на правах копигольда, и весь его 3-й надел, где находится еще одна усадьба или держание на правах копигольда и 13 акров, часть его 4-го надела, всего же 15 акров 2 руды и 24 перча,... объявляются копигольдом манора Shouldham Thorpe..., вместо указанных 20 акров,.. а 16 акров 10 перчей, другая часть его 4-го надела..., объявляются копигольдом того же манора..., взамен общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к 3 усадьбам на правах копигольда и 20 акрам земли... А так как... Orbell Ray Oakes держит еще 2 акра 3 руды земли по копии манориального суда от манора Shouldham in Shouldham, то другая часть его 4-го держания... объявляется копигольдом манора Shouldham in Shouldham, вместо указанных 2 акров 3 руд земли, общинного права и права на выгон скота, с ними связанных.

Надел James'a Oakes, Esquire, и Elizabeth, его жены.

1) 4 акра 2 руды 21 перч old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов. .; 2) 2 акра 2 руды 87 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...

И так как... Elizabeth, жена упомянутого James'a Oakes, держит от манора Shouldham Thorpe, по копии манориального суда..., 1 усадьбу и 5 акров земли, то... 3 акра 2 руды, часть первого надела, где стоит

и упомянутая усадьба на правах копигольда..., объявляется навсегда копигольдом манора Shouldham Thorpe..., вместо упомянутых 5 акров земли...; а 1 акр 21 перч, остальная часть первого надела, и весь целиком 2-й надел, всего же 3 акра 3 руды 18 перчей... даются James'y Oakes и Elizabeth, его жене, взамен ее общинного права и права на выгон свиней, принадлежащего к упомянутой усадьбе, и объявляются навсегда копигольдом манора Shouldham Thorpe.

Надел John'a Carter, Esquire.

. 81 акр 2 руды 2 перча...

И так как... John Carter держит от манора Shouldham Thorpe по копии манориального суда, 4 акра 3 руды 30 перчей, то... часть его надела, 4 акра 3 руды 20 перчей, объявляются копигольдом манора Shouldham Thorpe..., взамен указанных 4 акров 3 руд 30 перчей, общинного права и права на выгон свиней, связанного с этим участком...

Надел Robert'a Carter.

. . 1) 2 акра 2 руды 22 перча old whole year Inclosures...; 2) 1 руда 38 перчей общинных пастбищ и выгонов...; 3) 1 акр 2 руды 19 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...; 4) 1 акр 3 руды 27 перчей общинных пастбищ и выгонов...; 5) 14 акров 3 руды 20 перчей old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов...; 6) 6 акров 3 руды 20 перчей old whole year Inclosures...

И так как... Robert Carter держит от манора Shouldham Thorpe, по копии манориального суда, 3 акра 3 руды земли и от манора Shouldham in Shouldham, по копии же манориального суда, 3 держания (Tenements), из которых одна (усадьба) пришла в упадок (decayed) и обращена в конюшню и стойла для скота, и 2 акра 2 руды земли, то... весь его 3-й надел целиком..., весь 4-й надел и 11 акров 20 перчей, часть его 5-го надела. ., даются Robert'y Carter взамен его общинного права и права на выгон свиней, связанного с его 3 усадьбами или держаниями (Messuages or Tenements), и объявляются навсегда копигольдом манора Shouldham in Shouldham..., а 3 акра 3 руды, остальная часть его 5-го надела..., объявляются навсегда копигольдом манора Shouldham Thorpe, взамен упомянутых выше 3 акров и 3 руд земли.

Надел Thomas'a Hebgin.

1) 2 руды 30 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...; 2) 5 акров 3 руды 27 перчей old whole year Inclosures, общинных пастбищ и выгонов...; 3) 7 акров 3 руды old whole year Inclosures...; 4) 1 акр 33 перча old whole year Inclosures...

Надел Robert'a Dickerson.

. . 1) 5 акров 1 руда 9 перчей old whole year Inclosures и half year Lands...; 2) 2 акра 33 перча общинных пастбищ и выгонов.

Надел наследников Mary Harvey.

. . 13 акров 1 руду 1 перч old whole year Inclosures, half year Lands, общинных пастбищ и выгонов...

И так как... Mary Harvey держала от манора Shouldham Thorpe, по копии манориального суда, 2 усадьбы и 5 акров земли, то 5 акров 30 перчей, часть этого надела, на которой стоят и упомянутые 2 усадьбы..., объявляются навсегда копигольдом манора Shouldham Thorpe, вместо упомянутых выше 5 акров..., а 8 акров 11 перчей, остальная часть этого надела..., даются наследникам Mary Harvey, взамен ее общинного права и права на выгон свиней, принадлежавшего к упомянутым 2 усадьбам, и объявляются навсегда копигольдом манора Shouldham Thorpe...

Надел James'a Smith.

.1 акр 2 руды 1 перч общинных пастбищ и выгонов.

Надел William'a Wright.

1 акр 32 перча общинных пастбищ и выгонов...

Надел Richard'a Benstead.

29 перчей old whole year Inclosures...

Надел Esther Patrick.

2 акра 1 руду 13 перчей old whole year Inclosures...

И мы, упомянутые комиссары, сим заявляем и удостоверяем, что считаем различные наделы..., данные перечисленным выше лицам,... справедливой и разумной компенсацией и удовлетворением за их соответствующие доли, права и интересы на общинных пастбищах и выгонах, а также за их общинные права и право выгона свиней... в приходе Shouldham Thorpe на подлежащих огораживанию в силу упомянутого выше акта землях... Указанные наделы даны и выделены нами в соответствии с указаниями упомянутого акта.

И, во исполнение предписания акта, мы, комиссары, назначаем и устанавливаем следующие направления общественных дорог в приходе Shouldham Thorpe.

Уплата копигольдерами в пользу лорда манора по 1 пенсу с акра в год.

...И мы, упомянутые комиссары, сим удостоверяем и объявляем, что, согласно нашему постановлению, различные лица, получившие наделы, взамен усадеб и держаний, на правах копигольда в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe, обязаны платить лорду манора, от которого они держат, ежегодно в десятый день октября небольшую ренту в один пенс с каждого акра земли (a quit rent of one penny for every acre of Land), данной им в качестве надела, вместо соответствующих усадеб и держаний на правах копигольда

Распределение расходов по огораживанию.

Из общей суммы расходов по огораживанию в 3 670 фунтов стерлингов 3 шиллинга (в обоих приходах) — 2 662 фунта стерлингов 13 шиллингов приходится на долю тех лиц, которые получили на-

делы... в приходе Shouldham, исключая упомянутых декана и капитул Ely и их преемников,... а именно:

	Фунт. ст.	шилл.	пенс.
Thomas Hare должен уплатить. . .	1 635	15	—
Он же, как арендатор (Lessee) от декана и капитула.	4	9	—
James Oakes.	176	8	—
Maxey Allen.	250	2	1
Edmund Kenney	142	3	6
Will. Butter.	21	7	6
Наследники покойного John'а Lamson.	21	6	6
William Cook	10	17	4
Isaak Clark. .	13	16	6
Elizabeth Clark	8	5	1
Th. Collison	8	6	11
Th. Blye . .	10	4	3
Will. Leach и Mary, его жена	10	0	9
Elizabeth Holman, Amy Mathews и Catherine Mott	8	6	2
John Holman.	36	10	2
Th. Cotton .	9	9	2
Richard Curl	9	0	8
Th. Aylmer.	17	1	9
John Aylmer	47	13	2
Peter Dewson	17	0	10
Th. Maltby	9	17	2
Th. Norburn	8	16	5
Eliz. Thorpe .	8	4	1
Christopher Thorpe	10	5	5
John Ram.	24	19	9
Sarah Thorpe.	8	9	8
Th. Hebgin	8	5	10
John Baxter	13	4	3
Th. Erish	8	18	4
John Rudland и Elizabeth, его жена	3	1	0
Osbert Denton, Esquire	2	12	3
Edmund Barsham	9	8	9
Ann Barsham	0	8	9
Benjamin Wymberly Salmon, клирик, и Marian, его жена.	4	7	7
Ann Stona	0	16	4
Elizabeth, жена Benjamin'а Barker, Esquire	2	4	0
Roger Jary .	6	3	5
John Beevor	24	13	4
Joseph Horby	1	0	8
Anthony Carr	2	9	3
Will. Wincarls	6	18	1
Th. Cozens .	6	10	5
Ann Bennett	3	9	3
John Durrant.	0	5	0
Will. Long	0	1	0
George Cozens, Th. Cozens и James Porter	0	5	0
Will. Hardyman, клирик	0	2	6
Mary Peacock	0	5	0
Will Ram .	0	1	0
Roger Maltby	0	5	0
Will. Leech	0	1	0
Наследники Elizabeth Porter	0	7	0
Will. Wilkin .	0	2	0
George White	0	7	0
John Walker	0	2	0
Итого	2 662	13	0

Остальная сумма в 1 007 фунтов стерлингов 10 шиллингов должна быть уплачена различными лицами, получившими наделы в Shouldham Thorpe, или Garbois Thorpe, исключая декана и капитула Ely и их преемников,... а именно:

	Фунт. ст.	шилл.	пенс.
Thomas Hare должен уплатить .. .	623	18	10
Он же, как арендатор (Lessee) от декана и капитула.	92	16	4
Henry Bell, Esquire . . .	33	2	8
Orbell Ray Oakes, Esquire . .	119	0	3
James Oakes, Esquire, и Elizabeth, его жена	9	9	8
John Carter, Esquire	57	12	4
Robert Carter	29	12	10
Th. Hebgin .	10	3	8
Rob. Dickerson . .	10	6	11
Наследники Mary Harwey	14	15	6
James Smith	5	0	0
Mary Lowe .	0	10	0
Will. Wright .	0	1	0
Esther Patrick	0	10	0
Итого .	1 007	10	0

Вся сумма в 3 670 фунтов стерлингов 3 шиллинга установлена нами справедливо и точно, согласно крайнему нашему разумению. В течение 30 дней после сделанного об этом соответствующего объявления, как установлено в акте, эти все суммы должны быть уплачены... John'у Hardcastle, проживающему в Lincoln Inn (юридическое подворье близ Chancery Lane в Лондоне), в графстве Middlesex, джентльмену, нашему поверенному (Solicitor).

С этого приговора об огораживании должна быть в течение 6 месяцев вслед за подписанием его комиссарами и приложения ими печатей снята копия в одном из судов Его Величества (Courts of Record) в Уэстминстере, или у секретаря мирового судьи (clerk of the peace) графства Norfolk, чтобы все интересующиеся этим разделом и огораживанием лица могли иметь доступ к этой копии с приговора. А сам приговор должен быть положен на хранение в приходский сундук (town chest), стоящий в приходской церкви в Shouldham — для свободного обозрения всех заинтересованных в нем лиц.

В удостоверение вышесказанного мы, упомянутые комиссары, подписались под этим приговором... и приложили к нему свои печати 17 декабря 1798 г.

Joseph Forby.
John Houchen.
Thomas Glover Ewen.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] An Act for consolidating in one Act certain Provisions usually inserted in Acts of Inclosure; and for facilitating the Mode of proving the several Facts usually required on the passing of such Acts, 2-d July 1801 — 1841, George 3, 1801, cap. CIX — «The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland» volume I, London, 1804, pp. 211—222.

[2] Следует установленный текст присяги о «справедливом, беспристрастном и честном» исполнении комиссарами возлагаемых на них соответствующим актом полномочий. Исключение допускалось лишь для квэкеров, от которых требовалась не присяга, а лишь торжественное подтверждение.

[3] Параграф V Акта опущен, как менее важный, — речь в нем идет о праве комиссаров или уполномоченных ими лиц входить, осматривать и исследовать (to enter, view and examine) участки для описания и измерения земли.

[4] За жену мог подписаться супруг, за малолетнего — опекун; могли также подписаться попечители и доверенные лица (Trustees), управляющие делами (Committees) и поверенные (Agents).

[5] Имеется в виду та же категория лиц, т. е. супруг, опекун, попечители, управляющие делами и поверенные.

[6] Т. е. в вопросе о праве и титуле на спорную землю, который находился за пределами правомочий комиссаров. Обычно комиссары ставили на спорном участке какие-либо знаки или отметки, и окончательная судьба данного участка зависела от исхода судебного разбирательства.

[7] Направление прежних дорог при этом могло изменяться в связи с новым, предположенным комиссарами, планом размежевания.

[8] IX отдел, касающийся обнесения изгородями проезжих дорог, выпущен, как менее существенный.

[9] Т. е. дорог, изгородей и т. п.

[10] XI отдел содержит постановление, что трава на дорогах должна принадлежать собственникам примыкающих участков земли и т. д.

[11] Это право комиссаров производить обмены отдельными участками, старыми огораживаниями, новыми наделами и т. д. имело очень большое значение, и комиссары широко пользовались этим правом, как можно убедиться на приговорах об огораживании (Enclosure Awards), представлявших собою приведение в исполнение и осуществление на деле постановлений того или другого парламентского акта об огораживании.

[12] Опять-таки перечисляются супруги, опекуны, попечители, поверенные и т. д.

[13] Пункт XVIII опущен, как менее важный (принятие участков опекунами за опекаемых ими лиц и т. д.).

[14] Имеются в виду конкретные случаи огораживания, для которых устанавливается известная общая мера, т. е. возможность покрытия комиссарами издержек по огораживанию из сумм, которые платятся за землю, за деревья и т. д.

[15] Т. е. продаваемые — деревья.

[16] Пункты XXII, XXIII, а также конец XXI, содержащие некоторые подробности, касающиеся порядка хранения и распоряжения комиссарами суммами, которые имеются в виду XXI пунктом акта, опущены; сумма, превышающая 200 фунтов стерлингов, должна была вноситься в банк, суммы от 20 до 200 фунтов стерлингов могли быть переданы на хранение двум попечителям и т. д.

[17] Перечисляются вновь опекуны, супруги, попечители, душеприказчики, поверенные и т. д.

[18] XXV — XXVIII пункты — дальнейшие постановления относительно изгородей и т. д., а также штрафов за их порчу и повреждение, опущены.

[19] При изучении приговоров об огораживании выясняется, что некоторые лица не несут расходов по огораживанию. Так, ректор и викарий обычно освобождаются от затрат по устройству заборов около их участков, изъятиями пользуются светские собственники десятины и ландлорд. Но вообще все лица, получающие наделы, должны были принимать участие и внести свою долю на покрытые издержек по проведению и приведению в исполнение акта.

[20] Т. е. супругов, опекунов, поверенных и т. д.

[21] Те же категории, что и в прим. 20.

Т. е. какого-либо частного акта об огораживании.

XXXI отдел опущен. В нем говорится о праве комиссаров выделять из наделов благотворительных учреждений и школ такие части земли, которые равны по ценности соответственной доле расходов по огораживанию, приходящейся на данные наделы. Но что важно отметить — комиссары могли давать эти вычтенные участки тем лицам, которые уплатят соответствующие доли расходов, приходящиеся на эти учреждения и школы.

[24] XXXIV отдел опущен. В нем говорится, что комиссары не могут заставить итти свидетелей для дачи показаний в место, находящееся далее 8 миль от границ прихода, манора или округа, огораживаемых по данному акту.

[25] Далее устанавливается такса за снятие копии с приговора об огораживании, или с его части — по 2 пенса за страницу в 72 слова.

[26] Наличность приложенной к приговору карты чрезвычайно облегчает его изучение. К сожалению, карты составлялись далеко не во всех случаях.

[27] За несоблюдение этого постановления комиссарам угрожал штраф, налагаемый мировым судьей, в размере от 5 до 10 фунтов стерлингов.

[28] XXXVII отдел, устанавливающий дальнейший порядок контроля собственников над финансовыми операциями комиссаров, порядок хранения наличности на сумму, не меньшую 50 фунтов стерлингов и т. д., опущен.

[29] Т. е. срок аренды мог быть в 21 год, считая с того года, в который был приведен в исполнение приговор об огораживании.

[30] XXXIX отдел — о порядке взимания штрафов, налагаемых в силу этого акта комиссарами, опущен.

[31] XLI отдел содержит подобное же постановление о ненарушении прав короны и всех лиц и корпораций; но лорд — на первом месте.

[32] XLII и XLIII отделы опущены, содержат некоторые менее важные детали юридического характера.

[33] См. Journals of the House of Commons, v. 49 pp. 209, 444, 482, 560, 564. Journals of the House of Lords v. XL, pp. 169 b, 171 a, 180 b, 183 b, 212 b.

[34] Lammas day — 1 августа. Lammas Meadows находились в общинном пользовании с 1 августа до весны и были подвержены общинным правам, выпасу скота и т. д.; остальное же время они были в индивидуальном владении.

[35] An Act for dividing and inclosing the Common Fields, Half Year Lands, Lammas Meadows, Commons, and Waste Lands, within the Parishes of Shouldham and Shouldham Thorpe, otherwise Garboise Thorpe, in the county of Norfolk, 34, Geo III, 1794, cap. 85. — См. Private Acts, 34, Geo III, 1794, v. II.

На ряду с общим актом об огораживании, изданным в 1801 г. и имевшим целью упростить и удешевить процедуру огораживаний, в настоящем отделе приводится этот частный парламентский акт, имеющий дело с одним из случаев огораживания — в приходах Shouldham и Shouldham Thorpe в Norfolk'е. В виду того, что акт 1801 г. был, в значительной мере, подведением итогов, обобщением принципов огораживания, применявшихся на практике в течение особенно второй половины XVIII в., отмеченной сильным развитием парламентских огораживаний, ниже приведены, по возможности, лишь такие отрывки из акта огораживания упомянутых двух Norfolk'ских приходов, которые передают специфическое содержание этого Norfolk'ского акта 1794 г. и помогают изучению результатов огораживания, как они выразились в *приговоре об огораживании, помещенном ниже* и дающем полную картину распределения земли в этих двух приходах после огораживания и, отчасти, до огораживания; с другой стороны, сопоставление данных Norfolk'ского акта огораживания с принципами общего акта 1801 г. позволяет отчасти связать историю огораживания двух приходов в Norfolk'е — с движением огораживания в целом, поскольку оно отражено и оформлено в общем акте огораживания, бывшем, как сказано выше, результатом накопления более чем полувековой традиции и принципов парламентского огораживания.

[36] Parsonage или rectory — приходская церковь со всеми, связанными с ней правами, церковной землей, и т. д.

[37] Whole year lands не упомянуты, — они изъяты из общинных прав.

[38] Следует текст установленной для комиссаров присяги.

[39] В дальнейшем содержание этого пункта близко подходит к IV отделу Акта об огораживании 1801 г.

[40] Дальнейшие подробности опущены. См. соответствующий отдел приговора об огораживании, составленного во исполнение этого пункта Акта и повторяющего его содержание иногда почти дословно.

[41] Подробности см. в соответствующем отделе приговора об огораживании.

[42] Впредь в видах экономии места будет даваться не русский перевод терминов «земля, изъятая из общинного пользования», «земля, находящаяся полгода в общинном пользовании» и «луга, находящиеся в общинном пользовании с 1 августа», а сами эти термины — «Whole Year Lands», «Half Year Lands» и «Lammas Meadows» — без перевода.

[43] Из сопоставления этого параграфа и предшествующего с очевидностью вытекает, что на «Whole Year Lands» эти права общинного выпаса овец и свиней не распространяются, хотя собственники «Whole Year Lands» могли в силу владения своими участками иметь право выгона свиней и, повидимому, овец на другие

земли. «Whole Year Lands» — это «Old Inclosed Land», «Ancient Inclosures», т. е., давно огороженная земля, «старинные огораживания», упоминания о которой часто встречается в приговорах об огораживании.

[44] Ср. XII отдел Акта об огораживании 1801 г.

[45] Культура турнепса играла большую роль в Norfolk'е. См. мой сборник «Аграрный переворот», Гиз, 1925.

[46] Ср. VII отдел Акта 1801 г.

[47] Ср. соответствующее место в приговоре об огораживании, где говорится о разрешении комиссарами такого спора.

[48] Перечисляются, кроме Shouldham и Shouldham Thorpe, еще 12 приходов: Marham, Barton, Fincham, Stradsett, Crimplesham, Stow, Bardolf, Wallington, Runcton, Tottenhill, Wonnegay.

[49] Опущен ряд подробностей, относящихся к устройству, починке и пользованию дорогами. Ср. отделы VIII и X Акта 1801 г.

[50] Ср. отдел XIX Акта 1801 г.

[51] На обмен земли, принадлежащей манору и приходской церкви (parsonage) в Fodestone, нужно было, кроме того, согласие декана и капитула Ely. Ср. XV отдел акта 1801 г.

[52] Ср. отдел XVII Акта 1801 г. За несовершеннолетних, сумасшедших, находящихся за морем и т. д. должны были принять их участки их опекуны и другие ответственные лица; но если последние не сделают этого, то это не лишает возможности для их подзащитных добиваться восстановления своих прав в течение 6 месяцев после прекращения над ними опеки.

[53] См. отдел XIV Акта 1801 года.

[54] Кроме декана и капитула Ely, получающих надел за манор и церковь в Fodestone, с усадьбами, землями и различными правами (appurtenances),— за них платит Th. Hare (см. ниже приговор об огораживании) в качестве арендатора (Lessee).

[55] В случае неуплаты соответствующей доли издержек наступали те последствия, которые имеются в виду в XXIX отделе Акта 1801 г.

[56] Ср. XXX отдел Акта 1801 г.

[57] Последующие статьи Акта, содержащие постановления о порядке назначения митингов по поводу огораживания — путем объявления в приходской церкви, о порядке выборов нового комиссара, если кто-либо из назначенных комиссаров умрет или откажется от исполнения своих обязанностей, о порядке представления комиссарами отчетности по огораживанию и т. д., опущены, как менее существенные.

[58] Enclosure Award, Shouldham and Shouldham Thorpe, otherwise Garbois Thorpe, Norfolk, 39, Geo III 1799, Trin. ro. 207 — 233.

[59] Описание границ участков будет опускаться.

[60] Таким образом, лорд, викарий, старосты и попечители о бедных делались «trustees»—доверенными лицами, попечителями участков, назначенных для приходской бедноты, не получавшей никакого другого обеспечения.

[61] Т. е. на нужды бедных.

[62] Мы знаем, что на half year lands обычно лежало это право — right of shackage; здесь оно специально оговорено, и к «half year» прибавлено «and shack Lands».

[63] Следует обратить внимание на то, что иногда упоминаются «old whole year Lands», иногда же — «old whole year Inclosures». Конечно, трудно сказать — проводится ли в данном случае различие, или термины употребляются довольно безразлично; но возможно, что некоторые «whole year Lands» и не были «old whole year Inclosures»; whole year lands в широком смысле были часть земли прихода, часть так называемого внутреннего поля — infield — в противоположность outfield, лучше удобрявшегося и, при этом, изъятого из права общинного выпаса; но были ли все участки отдельных собственников на whole year Lands разгорожены? Возможно, что термин «old whole year Inclosures» подчеркивает именно этот последний момент.

[64] Следует подробное описание тех частей изгороди, возведение и починка которых возлагается приговором об огораживании на Th. Hare и его наследников и преемников. Нами это описание опущено.

[65] Следует перечень заборов, построить и чинить которые должен был James Oakes и его наследники.

[66] Следует перечень заборов.

[67] Очевидно, эта земля отводится комиссарами на правах фригольда. См. отдел Акта об огораживании приходов Shouldham и Shouldham Thorpe, озаглавленный: «Земля, отведенная вместо копигольда, должна быть копигольдом». Но та земля, относительно которой комиссары не установят, что она должна быть впредь копигольдом, считается фригольдом. Как раз на примере надела, данного Elizabeth Clark, мы имеем такой случай. Подобные случаи будут довольно часто попадаться и впредь в тексте приговора об огораживании.

[68] Очевидно, остальная земля будет фригольдом.

[69] Впредь постановления о заборах, их устройстве, поддержании и починке будут опускаться, в виду их однообразия.

[70] Опять-таки участок дается на правах фригольда.

[71] Опять фригольд. Все вообще последующие наделы, о которых в тексте не отмечено, что это копигольд, даются на правах фригольда.

[72] В описании последующих наделов эта формула: «и мы, упомянутые комиссары, сим... назначаем» — будет для сокращения места опускаться. Будут даваться, по возможности, лишь цифры, характеризующие размеры участков земли, и отмечаться наделы, которые даются на правах копигольда; остальные — фригольд.

[73] Мать Elizabeth Thorpe, которой дается участок.

[74] Всего один участок.

Мелкий фригольд, держатель — эскуайр, а не собственник крестьянского типа; к последним титулы «Esquire» или «Gentleman» не применяются.

[76] Th. Ramsay, очевидно, другой собственник, который мог бы, по мнению комиссаров, претендовать на эти 2 акра в Shouldham in Marham.

[77] Clerk — клирик.

[78] Интересны эти данные, встречающиеся в приговоре, о наличности среди наделов таких, которые были отведены духовным лицам — Rev. Anthony Carr, Rev. Benjamin Wymberley и др. Но, кроме надела Rev. James Oakes, по своим размерам крупного, эти наделы других духовных лиц мелки по размерам. Очень важно отметить тот факт, что в приговоре об огораживании Shouldham и Shouldham Thorpe ничего не говорится о десятине и отводе, взамен ее, наделов земли. Больше всего земли получали духовные лица обычно именно взамен десятины.

[79] Опять мелкий участок, который отводится духовному лицу.

[80] Здесь кончается перечень наделов, полученных земельными собственниками прихода Shouldham. Содержание приговора об огораживании, таким образом, содержит много материала для того, чтобы судить о распределении после огораживания земельной собственности между различными группами собственников и каждым отдельным из собственников прихода, об отношении фригольда и копигольда, отчасти об отношении пахотной и пастбищной земли и т. д. Все эти данные представляют очень большой интерес.

[81] Этот отдел приговора об огораживании нами выпускается. См. соответствующий отдел акта об огораживании.

[82] Следует описание направления этой канавы.

[83] Этот надел получает, очевидно, Th. Hare — в результате обмена.

[84] Подробности те же, что и при наделе в пользу бедных в приходе Shouldham, — см. выше.

[85] Подробности пользования этим участком — те же, что и в Shouldham, — см. выше.

С. Д. СКАЗКИН.

ДЕРЕВНЯ И ГОРОД В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Следуя общему плану Хрестоматии, составитель этого отдела принимая во внимание колоссальное количество документов, изданных по экономической истории Французской революции, счел для себя возможным сосредоточить внимание на вопросах, важных для понимания этого события, но все же вопросах частного характера. Такой путь казался ему и педагогически более правильным, так как он соответствует той стадии разработки, в какой находится сейчас экономическая история Французской революции, — стадии монографических работ.

Предлагаемые здесь документы дают материал для небольших монографий и предполагают уже знание всех общих выводов, имеющихся в литературе по соответствующему вопросу. Издания документов, использованные мною для этой хрестоматии, принадлежат к известной коллекции по экономической истории Французской революции. Для первого отдела — «История трех деревень» — я воспользовался едва ли не самым удачным изданием наказов для северо-восточной Франции: Ch. Porée, Cahiers de doléances du bailliage de Sens, v. I, Auxerre, 1908. (дальше цитируется Porée, Cahiers), и его же изданием документов по продаже национальных имуществ в той же области: Ch. Porée, Documents rélafits à la vente des biens nationnaux dans le district de Sens 2 v. 1908—1913, Auxerre (дальше цитируется Ch. Porée, Documents). Благодаря этому оказалось возможным подобрать разнообразные документы для характеристики аграрного строя французской деревни до и во время революции: статистические данные и обследования, наказы, арендные договоры и, наконец, полное собрание актов о продаже национальных имуществ. — все это в пределах трех деревушек. Такой подбор делает также возможным сопоставление и критику источников.

Второй отдел — «Аграрное законодательство революции и крестьянство» — дает документы, относящиеся к наиболее интересным и бурным годам крестьянской революции (1789—1792), т. е. ко времени крестьянских восстаний и ликвидации сеньериального режима во французской деревне. Документы заимствованы из коллекции, изданной Ph. Sagnac'ом и P. Caron'ом: Les comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial (1789 — 1793), Paris 1907.

Я сознательно опустил само революционное законодательство по аграрному вопросу. Оно слишком громоздко, во-первых; во-вторых, самое главное уже имеется и в старых хрестоматиях как, напр., проф. Ардашева, и в новых — Фридлянда и Слуцкого, Захера и в недавно вышедшей хрестоматии под редакцией проф. Н. М. Лукина; наконец, с основными принципами его можно подробно ознакомиться и по общим пособиям и по специальным работам крупнейшего знатока этого вопроса, покойного проф. И. Лучицкого (в особенности по его книге «Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789 — 1793 гг.», Киев, 1912). Необходимые для понимания приведенных документов законодательные положения приведены мною в примечаниях.

К этим двум отделам на русском языке имеется большая и оригинальная литература, критический разбор которой, равно как и указание на важнейшие работы на иностранных языках учащийся может найти в двух выпусках «Беглых заметок по экономической истории Французской революции» проф. Н. И. Кареева.

Существование на русском языке капитального труда академика Е. В. Тарле («История рабочего класса во Франции в эпоху революции». 2 тома, СПБ., 1909 — 1911) позволило мне также и в этой области остановиться на одном частном вопросе, удобном для небольшого самостоятельного сочинения. Собранные документы дают характеристику г. Труа и Труасского промышленного района накануне и в начале Французской революции. Большинство документов опубликовано или одновременно, или после появления работы Е. Тарле. Эти документы заимствованы из различных изданий вышеупомянутой серии по экономической истории Французской революции. Наказы торгово-промышленных и ремесленных корпораций г. Труа в Генеральные штаты 1789 г., дающие интересный материал для этого крупного индустриального центра, заимствованы из издания труасских наказов — Vernier, Cahiers de doléances du bailliage de Troyes, 3 v. (цитирую дальше Vernier I, II, III). Статистика деревенской промышленности Труасского округа заимствована мною из издания наказов тех бальяжей, части которых совпадали с административным округом (élection), имевшим своим центром г. Труа (бальяжи Troyes, Sens, Sézanne, Chaumont en Bassigny). Этот материал дает характеристику связи между городом и деревней, городской промышленности и деревенской, роли последней в истории промышленного развития Франции в последнюю четверть XVIII в., роли ее в жизни деревни, в связи с ее экономической и социальной дифференциацией.

Было бы весьма поучительно в дополнение к этому материалу привлечь документы муниципального архива г. Труа для эпохи самой революции. К сожалению, для г. Труа нет издания, подобного коллекции, изданной Mourlot для города Алансона, выдержки из которой даны здесь в качестве последнего отдела (Mourlot, Recueil des documents d'ordre économique contenus dans les registres délibérations des municipalités du district d'Alençon, 1788 — An IV, 3 v. — 1907, Alençon). Монография Babeau, Histoire de Troyes

pendant la Révolution, 2 v. 1873, Paris, базирующаяся отчасти на таком материале, очень скупа по части документальных приложений. Последнее обстоятельство и побудило меня для города в целом использовать вышеупомянутые документы Mourlot.

Подробная литература по вопросу о промышленности и рабочем классе в эпоху революции указана в упомянутых уже мною «Беглых заметках» проф. Н. И. Кареева.

I. ИСТОРИЯ ТРЕХ ДЕРЕВЕНЬ САНССКОГО БАЛЬЯЖА В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Деревня Вуазин.

[Porée, Cahiers I, pp. 94—96.]

Описание и статистические данные.

Сеньеры: архиепископ г. Санса является сеньером прихода за исключением хутора Э (hameau du Huy), который входит в сеньерии монастыря Сен-Коломб г. Санса.

Приход Вуазин расположен среди полей вдали от всякой дороги; он находится в двух лье от Санса, куда жители прихода привозят на базар продукты; дороги его очень плохи.

Поверхность и население. Согласно арпантажу [1] Филлемена, поверхность прихода равна 4 603 арпанам королевской меры и 5 570 арпанам местной меры, которая содержит 20 футов в 1 перше. [2]

В приходе считается 138 дымов, из коих 100 в самом приходе, 18 — в хуторе Бержери, 6 — в Рюи, 7 — в Э, 6 — в Шампо, и по одному в отдельных дворах, именуемых: Латюильри, Гальбан и Белер.

Распределение культур и доходность. В 1788 г., согласно списку тальи и специальному протоколу, комиссар округа распределяет культуры и определяет доходность следующим образом:

Пахотной земли,	3 300 арп.	по	4 ₶ .	. 13 200 ₶
Лугов	14 »	»	20 ₶ .	280 ₶
Виноградников	23 »		16 ₶ .	368 ₶
Леса	520 »	»	6 ₶ . .	3 120 ₶
Доход с 143 домов со скидкою $1^1/_{12}$ части .				2 470 ₶
Доход с мельницы, со скидкой $^1/_4$ части				136 ₶
Десятины .				2 790 ₶
Чинш, сеньериальные пошлины на продажу земли, так называемые (lods et ventes) .				200 ₶
Общий итог доходов прихода				. 22 564 ₶

Земледельческая статистика. Этот приход следует рассматривать как страну ячменя; пшеницы сеют меньше восьмой части; земля каменистая и посредственного качества; есть немного виноградников, дающих плохое вино, немного лугов с хорошей травой, но заносимых илом после сильных дождей; имеется много леса, принадлежащего сеньеру.

Поденщики [3] находят работу в пределах прихода; они достаточно зарабатывают для своего содержания, и в приходе нет постоянных нищих.

Крестьяне (laboureurs) [3] пашут на лошадях; племенных кобыл в приходе нет; очень мало телят; около тысячи овец, разводимых из-за шерсти; они хорошо содержатся, но недостаток корма мешает иметь их еще больше; шерсть низкого качества.

Десятины. Г. архиепископ г. Санса получает большую десятину в размере $^1/_{16}$ всех продуктов за исключением земель фермы Э, принадлежащей монастырю Сен-Коломб, на которых десятина, согласно особому договору, берется в размере $^1/_{32}$.

Доходы и повинности коммуны. У жителей нет ни общинных угодий, ни пастбищ; у них нет ни домов, ни повинностей, ни судебных процессов. Путем самообложения они содержат школьного учителя; каждый пахарь (laboureur) дает бише [4] зерна и каждый поденщик (manouvrier) 5 су.

Церковь в хорошем состоянии; содержание дома священника не лежит на приходе, так как входит в обязанности настоятеля, священника монастыря св. Женевьевы. Что касается улиц и околицы деревни, они находятся в самом плохом состоянии; это можно было бы легко исправить, так как материалы легко доступны, но нет средств на это.

Владения мертвой руки. Доход с них достигает 7 118 ℔ и распределяется следующим образом:

	Десятины, взимаемые архиепископом Сансским . . .	2 516 ℔
500	арпанов места, принадлежащих архиепископству	3 000 ℔
	Чинш, сеньериальные пошлины на продажу земли (lods et ventes), взимаемые архиепископом	200 ℔
	Десятины, взимаемые настоятелем, священником прихода Вуазин	274 ℔
7	арпанов земли, принадлежащих тому же настоятелю	28 ℔
4	арпана, принадлежащих церкви прихода	16 ℔
60	арпанов земли и 2 арпана луга, принадлежащих монастырю Сен-Коломб г. Санса	335 ℔
120	арпанов земли, 3 арпана луга и хозяйственные постройки аббатства Сен-Жан в Сансе . .	605 ℔
9	арпанов земли, принадлежащих капитулу г. Санса	36 ℔
9	арпанов земли семинарии г. Санса . .	36 ℔
18	арпанов земли сиротскому дому г. Санса	72 ℔

Другие собственники. Г. Бодри, советник Сансского бальяжа, владеет в пределах прихода 177 арпанами земли, из коих 10 арпанов не распаханы, общей доходностью в 735 ℔.

Г. Бюлью, кавалер ордена св. Людовика, проживающий в Сансе, сдает в аренду разным лицам 200 арпанов земли — ферму, к которой принадлежит 130 арпанов земли, и мельницу с общим доходом в 1 503 ℔.

Г. Пеле де Шепуто, из Санса, принадлежат $83^1/_2$ арпанов земли, приносящих согласно оценке 334 ℔; г. Биллебо, советнику бальяжа, принадлежит ферма в 136 арпанов земли и 3 арпана луга, дающих ежегодно 640 ℔; г. Гиарду де Шаламбер — 111 арпанов земли, с доходом в 452 ℔.

Подлежало взысканию в 1789 г. с прихода государственных налогов:

Тальи	. 1 050 ₶
6 денье сборщикам	28 ₶ 5 s.
Дополнения к талье .	639 ₶ 17 s.
Капитации .	669 ₶ 19 s. 8 d.
Государственной барщины .	125 ₶ 6 s. 3 d.
Двадцатина и 4 су с ливра	. 1 029 ₶ 6 s. 6 d.
Всего .	. 3 443 ₶ 4 s. 5 d.

В Генеральные штаты были избраны (выборщики):

Пьер-Андре Буго и Жан-Жак Грилло, оба пахари (laboureurs).

Наказ не найден.

Десятины и сеньериальные права.[6] Согласно договору от 31 мая 1788 г., заключенному у Кава, нотариуса г. Санс, представитель архиепископа Сансского сдал в аренду Клоду-Михаилу-Николаю Нона, торговцу дер. Вуазин, доходы от земли и сеньерии Вуазин, состоящие в высшей, средней и низшей юстиции, судебной канцелярии, нотариальной конторе, в десятине на хлеб и вино в размере $^1/_{16}$ в чинше и сеньериальных рентах, в сеньериальных правах; сеньериальных пошлинах с земельных продаж (lods et ventes) и штрафах; в десятинах на хлеб в деревне Фонтен-ла-Гейард в размере шестнадцатого снопа; в десятине на вновь распахиваемые земли в пределах прихода и территории того же Фонтен-ла-Гейард; в десятинах на вино, в малой и зеленой десятине: в десятинах на шерсть и мясо в вышеуказанном приходе — с сохранением в пользу арендодателя судебных штрафов за порчу леса и за охоту; леса Лапен, леса земель и опушек малого Ланси; четверти сеньериальных пошлин за продажу (земли lods et ventes), расположенной в пределах земли и сеньерии Вуазин; права охоты, — с обязательством для арендатора: вершить за свой счет все судебные, гражданские и уголовные процессы земли и сеньерии Вуазин...; представить за свой счет арендодателю ко времени истечения арендного срока чиншевую опись (papier censier) на гербовой бумаге, должным образом засвидетельствованную пред нотариусом; платить настоятелю кюре деревни Вуазин его долю (gros), состоящую из 100 бише пшеницы, 100 бише ячменя, 100 бише овса, 3 мюидов вина, 60 бише мешаного хлеба (meteil = пшеница + рожь) и 120 ₶ деньгами; платить также 700 ₶ г. кюре дер. Фонтен-ла-Гейард в качестве жалованья (portion congrue); платить ежегодно господину прево * дер. Вуазин 10 ₶ и фискальному прокурору * 6 ₶ жалованья; платить, также ежегодно, 25 ₶ церковным старостам в Вуазин на содержание люстры в церкви деревни; платить равным образом ежегодно 16 ₶ самой церкви на содержание покрывала и ремонт хоров; и платить вышеупомянутому арендодателю, привозя и складывая на место в его амбары в архиепископском дворце в г. Сансе, ежегодно 400 бише овса, из которых за 200 бише он будет получать ежегодно по 15 су за бише общей суммой 150 ₶, в зачет суммы аренды, приведенной ниже; затем, тем же актом сданы в аренду тому же господину Нона рубка и поверхность лесной поросли сеньерии Вуазин, разделенной триажем и состоящей из 9 делянок, подлежащих вырубке в течение времени договора, с общей поверхностью в 82 арпана, с обязанностью для арендатора согласоваться с ордонансом управления вод и лесов 1669 г. касательно эксплоатации таких лесов и с обязанностью оставлять по 25 молодых деревьев на арпан в возрасте лесной поросли и все деревья, отмеченные королевской пометой; и с обязанностью уплатить 6 000 ₶ арендной платы, а именно: за доходы с Вуазин и десятины с Фонтен—2 000 ₶, и остальное за леса; кроме этого, 8 цыплят и 4 утки.

---

* Чины сеньериального суда.

Деревня Вуазин в эпоху продажи национальных имуществ.

[Poréе, Documents, v. II, pp. 398 — 404.]

Поверхность Вуазин 2 713 гектаров.

УГОДЬЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ К ПРОДАЖЕ.

Происхождение	Земля арпаны и перши	Луга арпаны	Леса, не проданные (в гектарах)
Архиепископство Сансское	—	—	251.92
Аббатство Сен-Жан в Сансе	120	—	—
Аббатство Сен-Коломб	77	3 —	—
Земля священника Вуазин	7.12	—	—
Земля церкви	4	—	—
Земля церкви св. Магдалины в Сансе	4	—	—
Итого	212.12	3 —	251.92
Угодья духовных госпиталей	18.70	—	—
учебных заведений	13.25	—	—
Земли эмигрантов	40.49	—	—

Угодья 1-го происхождения . . .	312 гектаров	6 576 сентиаров
» духовных, благотворительных и учебных учреждений	13	4 765
Угодья 2-го происхождения	17	0 786
Всего национализованных земель	373	2 127
Продано из них	121	2 927

Протоколы продаж в дистрикте.

1. 30 декабря 1790 г.

120 арпанов земли и луга в нескольких местах, тянущих к замку де ла Мотт, включая в это число 14 арпанов земли в местечке, именуемом Кошери или Гальбо, и 5 арпанов 5 корд луга, — все вместе принадлежащее аббатству Сен-Жан в Сансе и оцененное в 13 500 ₶. Соревнователи: Перрен старший, обойщик; Шарль Эдиар, торговец; Этьен Шоссефуан, буржуа; Кристоф Ивер, дубильщик; Пьер Биллебо, бывший советник Сансского бальяжа; Сульпис Невё, пахарь; Симеон Невё, мастер сабо; Луи Жюмье, кузнец; Николя Констан, каретник; Марэн Легро, поденщик; Андрэ Туай, пахарь; Жан Легро, виноградарь в Вуазин. Присуждено после 23 наддач за 26 300 ₶ Луи Лермитту, виноградарю в Вуазин, выступавшему как за себя, так и за Николая-Мартина Леметра, настоятеля-кюре прихода Вуазин, Андре Блондэ, поденщика, Эдма Леграна, башмачника, Жана

Сульписа Легро, пахаря, Луи Сио, пахаря, Жана Легро, виноградаря, Луи Жюмье, кузнеца, Этьена Ломма, портного, Николая Копорлана, каретника, Жана Шамбона, столяра, Жана Невё, пахаря, Жана-Клода Гуссе, заведующего школами, Жана Линьона, пахаря, Андре Бланше, пахаря, Жана Невё, по прозвищу Толиме, пахаря, Франсуа Гуссе, пахаря, Луи Симона Вуле, поденщика, Этьена Герарда, виноградаря, Этьена Море, пахаря, Эдма Клозара, поденщика, Марэна Легро, пахаря, Сульписа Эрара, виноградаря, Жана Мариа̀, пахаря, Сульписа Невё, пахаря, Этьена Невё, пахаря, — все из дер. Вуазин. — Переуступка, по акту 30 декабря 1790 г. в 8 час. вечера 5 арпанов 5 корд луга и трех четвертей всей проданной земли Пьеру Биллебо, бывшему советнику в бальяже Санс, и Пьеру Шарлю Биллебо, прежнему президенту Санского округа за 22 225 ₶. «Остальная часть земель этой продажи будет принадлежать вышеуказанным Сульпису Невё, пахарю, Николаю-Мартину Леметру, настоятелю-кюре дер. Вуазин, Луи Жюмье, кузнецу, Етьену Ломму, портному, Жану-Клоду Гуссе, школьному учителю, Андре Блондэ, поденщику, и Жану Легро, виноградарю в Вуазин за сумму в 4 075 ₶».

Согласно договору, заключенному 24 декабря 1784 г. у нотариуса г. Санса, Эольма, эти земли были сданы в аренду Клоду-Михаилу-Николаю Нона̀, пахарю дер. Вуазин, за 450 ₶ деньгами, 8 бише ржи, 8 цыплят и 8 фунтов свежего масла; но, кроме этого, в силу частного обязательства, заключенного в тот же день, арендаторы обязались платить, сверх 450 ₶, внесенных в договор, 310 ₶ ежегодно.

Уплаты произведены Биллебо: 3 240 ₶ 10 июня, 6 845 ₶ 12 августа, 2 000 ₶ 16 августа, 7 000 ₶ 25 ноября 1791 г., 3 994 ₶ 13 апреля 1792 г.

2. Ферма в Э с 69 арпанами земли, с хозяйственными постройками, 3 арпанами луга и 8 арпанами нераспаханной земли, принадлежащей аббатству Сен-Коломб в г. Сансе, оцененной в 10 000 ₶. Заявление о покупке: сделано 25 ноября 1790 г. Пьером Биллебо, бывшим советником бальяжа г. Санс за 10 000 ₶. Соревнователи: Николай-Мартин Леметр, настоятель-кюре дер. Вуазин; Этьен Шоссефуан, буржуа; Агибруаз Филлемен, землемер; Николай Лоран, торговец лошадьми г. Санс. Присуждена: за 22 000 ₶ Андре Виктору Каву, бывшему нотариусу г. Санса.

Эту ферму держал Жан Дешан, согласно договору от 4 июня 1784 г., заключенному у нотариуса Эли в г. Сансе за 200 ₶ деньгами, 200 бише ячменя, 30 бише пшеницы, 80 бише овса и 4 пулярдки.

Уплаты: 10 000 ₶ 19 февраля, 12 000 ₶ 8 октября 1791 г. Из этой суммы, согласно постановлению жерминаля XII года, сделан вычет процентов, которые должен уплатить приобретатель в размере 876 франков 11 сантимов.

25 июля 1791 г.

3. 7 арпанов и $^1/_2$ картье земли, сданной в аренду Денису Обри за 14 бише ячменя, принадлежащей церковному приходу Вуазин, оцененной в 462 ₶. Заявление о покупке: 12 сентября 1790 г. Николаем-Мартином Леметром, кюре дер. Вуазин, без обозначения цены. Соревнователи: Луи Эрменежильд Лемуан, вице-президент дистрикта; Луи Пото, кузнец в Вуазин; Фуэ, муниципальный

чиновник г. Санс. Присуждена: за 800 ₶ Луи Гишару, бывшему судебному чиновнику в г. Санс.

28 октября 1791 г.

4. 4 арпана земли, сданной в аренду за 10 ₶ Этьену Дешану, принадлежащей церкви в Вуазин, оцененной в 300 ₶. Заявление о покупке: 17 мая 1791 г. Жаном Сивонн, пахарем из хутора От-Бержери, прихода Вуазин, за 300 ₶. Соревнователи: Поль Лесур, пахарь из дер. Лапостоль. Присуждена: за 910 ₶ Этьену-Николаю Дешану, пахарю из хутора От-Бержери, прихода Вуазин, арендатору этой земли.

Уплаты: 110 ₶ 1 ноября 1791 г., 215 ₶ 5 ноября 1792 г., 649 ₶ 3 августа 1793 г.

3 нивоза III года.

5. 3 арпана 8 першей земли, принадлежащей Сансскому духовному колледжу, приносящей 10 ₶ 10 су дохода и оцененной в 210 ₶. Соревнователи: Жан Жаке, Этьен Дешан. Присуждена: за 300 ₶ Симону Боле, поденщику дер. Вуазин.

Уплаты: за этот клочок земли, как и за №№ 12 и 13, купленных Боле общей ценою в 7 700 ₶ : 2 600 ₶ 3 прериаля III г., 1 000 ₶ 23 фримера, 4 442 ₶ 27 плювиоза IV года.

6. 3 арпана 33 перши земли, принадлежащей Сансскому капитулу и дающих 11 ₶ 5 су дохода, оценены в 225 ₶. Соревнователи: Жарла, Пеллетре, Симон Боле из дер. Вуазин. Присуждена: за 335 ₶ Жану Жаке, торговцу дер. Вуазин.

Уплата: за этот клочок, как и за №№ 8 и 16, купленных Жаке общей ценою в 3 210 ₶: 400 ₶ 28 нивоза, 2 220 ₶ 2 мессидора III года, 675 ₶ 15 фримера IV года.

7. 3 апреля 83 перши земли, принадлежащей тому же колледжу и дающей 12 ₶ 10 су дохода, оцененной в 350 ₶. Соревнователи: Жан Жаке, Сульпис Невё, Симон Боле, из дер. Вуазин. Присуждена: за 1 225 ₶ Жану Бенуа, земледельцу в Вуазин.

Уплата за эту землю, как и за № 15, купленных Бенуа общей ценою в 2 650 ₶ : 1 600 ₶ 3 плювиоза, 1 080 ₶ 29 прериаля III года.

8. 3 арпана земли, принадлежащей колледжу в г. Санс, дающей 15 ₶ дохода и оцененной в 300 ₶. Соревнователи: Жарла, Бенуа, Невё из дер. Вуазин. Присуждена: за 1 150 ₶ Жану Жаке, торговцу из Вуазин.

Уплата см. № 6.

9. 3 арпана земли, принадлежащей сиротскому дому в г. Санс, дающей 15 ₶ дохода и оцененной в 300 ₶. Заявление о покупке: 7 вандемьера III года как этого клочка, так и пяти следующих (№ 9 — 15), в общей стоимости 18 арпанов 70 першей, было сделано Жаном-Клодом Гуссе, земледельцем дер. Вуазин, за 1 700 ₶. Соревнователи: Симон Боле, Жюверне, оба из дер. Вуазин. Присуждена: за 2 050 Эдму Дефрансу, мяснику из г. Санса, на имя Андре Туай, земледельца в дер. Вуазин.

Уплата: 1 058 ₶ 3 плювиоза, 1 000 ₶ 2 мессидора III года.

10. 3 арпана земли, принадлежащей сиротскому дому в г. Санс, дающей 15 ₶ дохода и оцененной в 300 ₶. Заявление о покупке: см. № 9. Соревнователи: Жюверне из дер. Вуазин. Присуждена: за 1 525 ₶ Николаю Пеллетре, поденщику из дер. Вуазин.

Уплата: 152 ₶ 3 плювиоза, 340 ₶ 23 прериаля, 1 067 ₶ 12 мессидора III года.

11. 2 арпана 75 першей земли, принадлежащей тому же учреждению, дающей 15 ₶ дохода и оцененной в 300 ₶. Заявление о покупке см. № 9. Соревнователи: Симон Боле, Жюверне, оба из дер. Вуазин. Присуждена: за 2 150 ₶ — Луи Юо, земледельцу из дер. Вуазин.

Уплата: 1 083 ₶ 3 плювиоза, 450 ₶ 7 мессидора, 600 ₶ 13 мессидора III года.

12. 3 арпана земли, принадлежащей тому же учреждению, доходностью в 15 ₶ и оцененной в 300 ₶. Заявление о покупке: см. № 9. Соревнователи: Луи Дешан, Жан Жаке, оба из дер. Вуазин. Присуждена: за 3 175 ₶ Симону Боле, поденщику из дер. Вуазин.

Уплата см. № 5.

13. 3 арпана 25 першей земли, принадлежащей тому же учреждению, доходностью в 16 ₶ 8 су, оцененной в 328 ₶. Заявление о покупке: см. № 9. Соревнователи: Жарла, Туай, оба из дер. Вуазин. Присуждена: за 4 225 ₶ Симону Боле, поденщику из дер. Вуазин.

Уплата см. № 5.

14. 3 арпана 70 першей земли того же учреждения, доходностью в 17 ₶ 10 су, оцененной в 350 ₶. Заявление о покупке см. № 9. Присуждена: за 4 000 ₶ Луи Жюверне, торговцу из дер. Вуазин.

Уплата: 400 ₶ 28 нивоза, 1 500 ₶ 27 прериаля III года, 2 240 ₶ 23 фримера IV года.

15. 2 арпана земли, сданной в аренду Жану-Батисту Невё за 3 бише ячменя и 1 бише пшеницы, принадлежащей церкви св. Магдалины в г. Сансе, доходностью в 6 ₶, оцененной в 120 ₶. Заявление о покупке: 18 жерминаля II года как этого клочка, так и следующего, Луи Пото, кузнецом в дер. Вуазин, за 400 ₶; 7 вандемьера III года Жаном-Клодом Гуссе, земледельцем в дер. Вуазин, за 300 ₶. Соревнователи: Жан Жаке, Этьен Дешан, оба из дер. Вуазин. Присуждена: за 1 425 ₶ Жану Бенуа, земледельцу из дер. Вуазин.

Уплата см. № 7.

16. 2 арпана земли, сданной в аренду Жану-Батисту Невё за 3 бише ячменя и 1 бише пшеницы, принадлежащей тому же учреждению, доходностью в 6 ₶, оцененной в 120 ₶. Заявление о покупке: см. № 15. Соревнователи: Жан Бенуа, Фене, Невё, все из дер. Вуазин. Присуждена: за 1 725 ₶ Жану Жаке, торговцу из дер. Вуазин.

Уплата см. № 6.

Продажи по департаменту.

17 фрюктидора IV года.

17. Бывшее пресвитерство и его угодья, принадлежащие церковному приходу в дер. Вуазин, оцененные в 1 800 ₶. Заявление о покупке: 24 вантоза II года Николаем-Мартином Леметром, бывшим кюре дер. Вуазин, за 500 ₶. Продана: за 1 800 ₶ Жану Жаке из дер. Вуазин.

8 плювиоза VI года.

18. 32 арпана 62 перши земли в двадцати девяти отдельных клочках, принадлежащей эмигранту Росселю Сержи, оцененной в 2 175 ₶. Соревнователи: Нуазе, мельник в Оксерр, Фоссейе Бапи. Присуждена: Пьеру Биллебо и Марии Шарлоте Бонипер, его жене, живущих в г. Санс на улице Шавель-Руж.

2. Деревня Виллебужи.

[Porée, Cahiers, pp. 49 — 52.]

Описание и статистические данные.

Сеньеры: архиепископ Сансский является сеньером Виллебужи и хуторов От-Борн и Шеневирон; монахи Жарского аббатства являются сеньерами хуторов Виллешаван и Риссей; хутор Сен-Жорж принадлежит к сеньерии Валлери. Сеньер: архиепископ Сансский.

Приход Виллебужи расположен в глубине полей, вдали от дорог и в двух лье от г. Санса. Хутора разбросаны в расстоянии четверти или половины лье от деревни. Проселки, по которым они поддерживают сообщение между собой и с деревней, и дороги, которые ведут в г. Санс, очень плохи и почти непригодны зимой...

Поверхность и население (1788 г.). Согласно арпантажу Пишо, поверхность прихода равна 2 162 арпанам королевской меры и 2 616 арпанов местной меры, содержащей в перше 20 футов.

Насчитывают 160 жителей и 59 дымов, из коих 35 в деревне, 5 в хуторе От-Борн, 3 — в Шеневирон, 4 — в Виллешаван; 2 — в Соссей и 10 — в Сен-Жорж.

Распределение культур и оценка доходности. В 1788 г., согласно списку тальи и чрезвычайному протоколу, комиссар податного округа (élection) распределяет культуры и оценивает доходы следующим образом:

Пахотной земли	1 322	арпана	по	5 ₶	6 610 ₶
Виноградников	3	»	»	16 ₶	48 ₶
Лесов	382	»	»	6 ₶	2 292 ₶
Садов	11	арпанов	»	20 ₶	220 ₶
Доход с 57 домов со скидкой $^1/_{12}$.					1 340 ₶
» » десятины					560 ₶
Доход с черепични со скидкой $^1/_4$					230 ₶
Общий доход прихода					. 11 300 ₶

Сельскохозяйственная статистика. Главные продукты прихода — ячмень и мешаный хлеб (meteil — смесь пшеницы и ржи); совсем нет пшеницы. На территории прихода имеется 350 арпанов леса, принадлежащего целиком архиепископу Санс-

скому, от 16 до 18 арпанов вереска и кустарника, от 7 до 8 арпанов плохих виноградников, дающих немного плохого вина; нет лугов и конопляников; около сорока арпанов пустоши. Фрукты, возделываемые здесь, — груши и яблоки, из которых выделывают в среднем ежегодно 150 боченков сидра (feuiette — 144 до 156 литров); это единственный продукт, который является предметом продажи; нет ремесл.

Поденщики не имеют достаточной для своего пропитания работы и принуждены ходить на работу в окрестные леса; нищенствует одна женщина, которая не выходит за пределы прихода.

Земля деревни и хуторов приблизительно одна и та же, плохая. Сеют 5 буассо ячменя или мешаного хлеба на арпан (рыночная мера г. Санса 36 фунтов в бише и 18 в буассо) и собирают в среднем от 25 до 30 буассо, т. е. сам-пят, сам-шест. Это зерно привозится на рынок в г. Санс, где оно продается без труда, но зерна везут мало, так как семена и потребности деревни поглощают почти весь урожай.

Обработка земли производится на лошадях; нет ни кобыл, ни жеребят. В приходе имеется около 60 коров, но телят не оставляют, за исключением тех случаев, когда ими возмещают недостаток коров. Овцы, разделенные на несколько маленьких стад, имеются в количестве 500 штук и довольно хорошего качества.

Десятины. Все десятины принадлежат монсеньеру архиепископу, за исключением 21 арпана земли, с коих десятина идет настоятелю прихода Сен-Жорж, за исключением также десятин с хутора Виллешаван, которые идут арским монахам, поземельным сеньорам хутора, и соединяются с терражем; архиепископу платят десятину в размере $^1/_{24}$, настоятелю Сен-Жорж — в размере $^1/_{16}$, а терраж на землях Виллешавана, включающий десятину, равен 3 снопам из 25.

Сеньерам принадлежит только право простой цензивы в 5 денье с арпана, без каких-либо других повинностей.

Доходы и повинности коммуны. Коммуна не владеет никакими угодьями и не имеет доходов.

Школьный учитель, который нанимает квартиру на свой счет, получает от каждого пахаря по одному бише мешаного хлеба и 15 су и от каждого поденщика 15 су.

У коммуны нет ни долгов, ни процессов, и ее обязанности исчерпываются предписаниями закона, т. е. содержанием церковного здания, крыша которого требует ремонта, и содержанием церковного дома, который, будучи построен 8 или 9 лет тому назад, еще в хорошем состоянии.

Владения мертвой руки. Доход с них достигает 2 977 ₶ и распределяется следующим образом:

Малая десятина, получаемая кюре .	60 ₶
26 арпанов земли и 300 арпанов леса архиепископства Санского	1930 ₶
Десятины, взимаемые архиепископом .	170 ₶
Десятины, принадлежащие монахам Жарского аббатства	330 ₶
70 арпанов леса Санского капитула . .	420 ₶
13$^1/_2$ арпанов земли, принадлежащих церкви в Виллебужи . . .	67 ₶

Другие земельные собственники. Г. Деэз владеет 12 арпанами леса, которые он эксплуатирует сам, и фермой, к которой относится 75 першей сада и 74 арпана земли, — все это дает 494 ₶ дохода.

Г. Ларинье из Парижа является собственником черепични и 80 арпанов земли, которые дают ежегодно 497 ₶.

Г. Роз из г. Санса сдает в аренду ферму и 84 арпана земли за 459 ₶.

В списке тальи значатся еще 12 собственников, земельный доход которых выше 200 ₶.

В 1789 г. с прихода подлежали взысканию следующие государственные налоги:

Талья	735 ₶		
6 денье с ливра в пользу сборщиков	20 ₶	7 *s.*	6 *d.*
Дополнительные к талье	377 ₶	3 *s.*	8 *d.*
Капитации . . .	467 ₶	13 *s.*	8 *d.*
Государственной барщины	88 ₶	3 *s.*	
Двадцатины к 4 су с ливра	611 ₶	1 *s.*	
Итого	2 299 ₶	8 *s.*	4 *d.*

Выборщики в Генеральные штаты в 1789 г.:
Жан-Батист Лажон и Жан Бонно, пахари.

Наказ.

Так как его величество позволил всем подданным своего королевства изложить жалобы и просьбы, касающиеся государственных нужд реформ и установления прочного и твердого порядка во всех отраслях управления, общего процветания его королевства и общего блага всех его подданных,—жители этого прихода самым усердным образом умоляют его величество оказать им благосклонность и притти на помощь классу третьего сословия, который, будучи наиболее деятельным и прилежным в земледелии, является, тем не менее, самым несчастным из всех его подданных.

Его величество должен быть убежден, что он найдет в жителях этого прихода людей, всегда готовых пожертвовать своим имуществом и своей судьбою для сохранения его священной особы, славы его трона, для защиты и поддержки французского имени.

§ 1. Отменить и уничтожить привилегии, всегда разрушающие равенство, которое должно царить среди детей одного и того же отца.

§ 2. Да будет угодно его величеству установить один и единственный поземельный налог, без изъятия для кого бы то ни было.

§ 3. Этот приход в такой мере задавлен тяжестью огромной тальи, что почти половина жителей доведена до нищенства.

§ 4. Все другие налоги, как, напр., налоги на соль и на вино, должны быть сведены в один налог; вес и закон должны быть повсюду одинаковы (un seul poids et une seule loi).

§ 5. Жеребьевка на военную службу, происходящая ежегодно, причиняет убытки и затруднения в семьях, и, кроме того, жители обязаны ходить тянуть жребий за 5 лье, находясь в двух лье от г. Санса.

§ 6. Необходимо уничтожить отяготительный налог на излишне потребленное вино (gros manquant) [7] и дорожные пошлины (péage) и отнять у приставов акциза (commis) право нарушать общественный покой.

§ 7. Способ взимания налогов и акциза (droits d'aides) на вино и соль в высшей степени отяготителен.

§ 8. Нужно уменьшить судебные издержки так, чтобы клиентам не приходилось ездить далеко, — обстоятельство, которое приводит к полному разорению тех, кто принужден судиться.

§ 9. Жители замечают, что они платят налоги, предназначенные на исправление дорог, и однако ни одна из них не исправлена.

Составлен и утвержден в собрании дер. Виллебужи 4 марта 1789 г.

Подписи: Жан-Луи Шолле, синдик, Жан-Батист Лажон, Лу Моррьер, Жан Плитт, Ж. Бонно, Л. Бонно, Этьен Буше, Тоннелье, Антуан Лажон, Бувье, Юре, Пеле де Сен-Морис.

Деревня Виллебужи в эпоху продажи национальных имуществ.

[Porée. Documents, II, pp. 310—312.]

Поверхность: 1 181 гектаров.

УГОДЬЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ К ПРОДАЖЕ:

Происхождение	Земля: арпаны.перши
Приорат Сен-Жорж	18.29
Приорат Виллешаван	1.25
Церковный приход Виллебужи	0.50
Церковь в Виллебужи	14.75
Всего	34.79
Имущество богоугодных заведений	0.51

Угодья 1-го происхождения: 14 гектаров 6 744 сентиара.
Богоугодных заведений 0 гектаров 2 154 сентиара.
Продано из них: 14 гектаров 8 895 сентиаров.

Протоколы продаж в дистрикте.

4 апреля 1791 г.

1. Ферма приората Сен-Жорж с часовней и 18 арпанов 1 картье 4 перши земли, принадлежащая приорату Сен-Жорж в Виллебужи, оцененная в 2 395 ₶. Заявление о покупке: сделано 21 ноября 1790 г. Жаном Дени, виноградарем Ионского предместья

г. Санс, бывшим фермером этой земли, за 1 200 ₶. Соревнователи: Жак Ере, пахарь в Виллебужи. Присуждена: за 2 500 ₶ Жану Байо, булочнику в г. Сансе, на имя Жоржа-Пьера Рийо, бывшего судьи превотального суда в Шеруа.

Согласно договору от 16 июня 1789 г., заключенному у Эольма, нотариуса г. Санса, приор Сен-Жоржа сдал в аренду Жану Дени, виноградарю из г. Санса, весь доход приората, состоящий в доме в Виллебужи, 18 арпанах 29 першах земли, больших и малых десятинах, цензе и рентах, собираемых с 316 арпанов земли и леса, ренты в 27 ₶, другой ренты в 8 бише мешаного хлеба (meteil) и лесов приората, — все за 440 ₶.

Уплата: 2 500 ₶ 20 мая 1791 г.

28 сентября 1791 г.

2. 5 картье земли и кустарника и часовня бывшего приората Виллешаван, принадлежащие этому приорату, — все оценено в 90 ₶. Заявление о покупке: сделано 25 апреля 1791 г. будущим покупщиком Крессо за 90 ₶. Соревнователи: Эдм Корниссе, дубильщик; Жан Доре, буржуа; Лене, стряпчий в г. Сансе. Присуждены: за 170 ₶ Жану-Батисту Лажону, прежнему арендатору этой земли, и Жану-Матье Крессо, пахарю в Виллебужи, каждому в равной доле.

Согласно договору от 23 декабря 1783 г., совершенному у Дюверже, нотариуса в Мелене, Жану-Батисту Лажону, пахарю в Сен-Жорж, прихода Виллебужи, были сданы в аренду десятины, шампар и терраж, ценз, кутюмы, сеньериальные повинности, сеньериальные пошлины, взимаемые при купле-продаже земли (lods et ventes), и штрафы, принадлежащие приорату Виллешаван, в приходе Виллебужи, с землей, прилегающей к часовне этого приората,... с обязанностью для арендатора обслуживать эту часовню тем священником, коим он найдет нужным это делать, платить 36 ₶ в качестве угощения и 300 ₶ арендной платы.

Уплата: 170 ₶ 26 ноября 1791 г., 3 ₶ 6 s. 2 брюмера IV года.

3. 14 арпанов 3 картье земли, сданной в аренду за 54 ₶ Габриелю Рувье, принадлежащей церкви в Виллебужи, оцененной в 900 ₶. Заявление о покупке: сделано 22 ноября 1791 г. Николаем Топпелье, пахарем, и Пьером Прюдомом, кузнецом в Виллебужи, за 900 ₶. Соревнователи: Жан-Луи Шолле, Габриель Рувье, пахарь в Виллебужи; Жан Байо, булочник в г. Сансе; Пьер Корниссе, дубильщик в г. Сансе. Присуждена: за 2 225 ₶ Пьеру Прюдому, кузнецу в Виллебужи.

Уплата: 267 ₶ 30 января 1793 г., 262 ₶ 14 плювиоза II года, 254 ₶ 27 плювиоза, 1 670 ₶ 18 мессидора III года.

29 фрюктидора III года.

4. 50 першей земли, принадлежащей церковному приходу Виллебужи, и оцененной в 375 ₶. Соревнователи: Луи Руссе, Прюдом, Нотте, Доссе, — все из Виллебужи. Присуждена: за 5 000 ₶ Луи Керелю, ножевщику в г. Сансе.

Уплата: 125 ₶ 27 вандемьера, 4 875 ₶ 14 фримера IV года.

3. Деревня Салиньи.

Описание и статистические данные.

[Porée. Cahiers, pp. 76—80.]

Сеньер: аббатство Сен-Пьер-ле-Виф.

Приход Салиньи расположен в одном лье от большой дороги из Труа в г. Санс, которая совершенно бесполезна для него, так как до нее нельзя добраться, чтобы ехать на рынок в г. Санс, куда жители прихода везут свои продукты, а дороги, которые ведут из Салиньи в Санс, очень плохи.

Поверхность и население. Согласно арпантажу Филлемена, поверхность прихода равна 1 724 арпанам королевской меры и 2 575 арпанам местной меры, имеющей в перши 18 футов.

В приходе насчитывается 240 жителей и 63 дыма, из коих 60 в деревне и по одному в отрубах Суйар, Могарни и Тюильри.

Распределение культур и оценка доходов. В 1788 г., согласно списку тальи и специальному протоколу, комиссар податного округа (élection) распределяет культуры и оценивает доходы следующим образом:

Пахотной земли	1 025	арпанов	по	2 ₶	2 020 ₶
Лугов	41	»	»	30 ₶ .	1 230 ₶
Лугов	4		»	20 ₶ .	80 ₶
Виноградников	43		»	16 ₶ . .	688 ₶
Лесов	500		»	7 ₶ 10 s.	3 750 ₶
Садов	8	»	»	20 ₶ .	160 ₶
Доходы с 61 дома со скидкой 1/12					953 ₶
» » мельницы со скидкой 1/4					75 ₶
» » десятины				. . .	1 650 ₶
Чинш, сеньериальные пошлины при купле-продаже					100 ₶
Всего доходов у прихода					10 736 ₶

Владения духовенства и богоугодных заведений. Они достигают цифры в 6 951 ₶ и распределяются следующим образом:

3 арпана земли и 50 першей виноградника у кюре прихода Салиньи	14 ₶
Малые десятины, взимаемые кюре	50 ₶
Десятины, взимаемые аббатством Сен-Пьер-ле-Виф	1 600 ₶
5 арпанов виноградника и 500 арпанов леса, эксплоатируемых тем же аббатством	3 830 ₶
Чинш, сеньериальная пошлина с купли-продажи земли (lods et ventes), взимаемые тем же аббатством	100 ₶
Мельница, сданная в аренду аббатством Симону Делорму .	75 ₶
66 арпанов земли и 33 арпана луга, сданных аббатством в аренду разным лицам	1 122 ₶
20 арпанов земли, принадлежащих церковному приходу Салиньи	40 ₶
Рента в 42 ₶, принадлежащая аббатству Сен-Пьер . .	42 ₶
Рента в 6 ₶, принадлежащая церковному приходу Салиньи	6 ₶
Рента в 2 ₶, принадлежащая колледжу Трез-Претр в г. Сансе .	2 ₶
3 арпана земли и 2 арпана луга, принадлежащих богадельне в г. Санс	70 ₶

Сельскохозяйственная статистика. В приходе имеется много леса, много виноградников и вино хорошего качества. Остальное — пахотные земли очень плохого качества, производящие только ячмень. Сеют очень немного пшеницы; нужно очень много удобрения, чтобы получить урожай на пшеницу, а удобрения мало. Есть также в этом приходе некоторое количество очень плохой земли, обращенной в пустошь.

Поденщики (manouvriers) работают в лесу и на виноградниках; работы находят достаточно, и нищих нет.

Пахари обрабатывают землю на лошадях; в приходе выкармливается несколько телок; овец очень мало, и шерсть низкого качества.

Десятины. Монахи монастыря Сен-Пьер-ле-Виф являются единственными, имеющими десятину в этом приходе; они получают десятину со всех произведений.

Доходы и повинности коммуны. Приход не владеет никакими общинными угодьями, у него нет ни повинностей, ни долгов, ни судебных процессов... Улицы деревни нуждаются в починке.

Государственные налоги деревни в 1789 г.

Тальи .	230 ₶		
6 денье с ливра в пользу сборщиков	7 ₶	15 *s.*	
Дополнения к талье	118 ₶	18 *s.*	8 *d.*
Капитации	146 ₶	8 *s.*	
Государственной барщины	27 ₶	13 *s.*	6 *d.*
Двадцатины к 4 су с ливра	429 ₶		
Итого .	918 ₶	15 *s.*	2 *d.*

Выборщики в Генеральные штаты 1789 г.: Матье Лакруа и Мишель Жакоб, поденщики.

Наказ, жалобы, просьбы и представления третьего сословия прихода Салиньи, Сансского округа.

Что необходимо установить.

Поземельный налог в натуре для покрытия нужд государства; вследствие этого не должно быть более ни комиссаров тальи, ни гарнизонов, ни арестов на имущество; с этой стороны народ должен быть облегчен. В случае, если поземельный налог в натуре не будет установлен, духовенство и дворянство облагаются совместно и нераздельно с третьим сословием.

Для кюре, получающих определенное содержание от собственников десятины (portion congrue), [8] лишенных нужного достоинства и посему не могущих подавать помощь несчастным бедным своего прихода, необходимо увеличение их содержания.

Нужен школьный учитель в приходах, где его нет; нужен такой учитель, чтобы он мог петь во время церковной службы и сопровождать господина кюре, когда он несет св. дары, помогать ему в обра-

зовании и воспитании молодых людей, дабы их вести к добродетели и сделать из них полезных для государства граждан. [9]

Так как большое количество людей умирает, не имея медицинской помощи, необходимы хирурги для бедных больных.

В случае, если поземельный налог не будет установлен, приходы, подобные нашему, где имеется много пустошей, и земли коих дают очень небольшой урожай, должны облагаться меньшим налогом.

Добродетельные монахи, вроде наших сеньеров, должны быть сохранены и покровительствуемы.

Военные, отдавшие свои молодость и половину своей жизни защите государства, должны быть лучше вознаграждаемы.

Нужно упростить судебную процедуру; нужно сделать так, чтобы суд можно было находить на месте своего жительства.

Необходим помощник кюре в каждом приходе, где имеется шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот причащающихся.

Давать каждому необходимое ему, согласно его рангу и достоинству.

Что должно быть уничтожено.

Акцизы (aides) и соляной налог, источники бесконечных судебных процессов, разоряющие людей и заставляющие их итти на обман, так как они не имеют иного средства уплатить эти налоги.

Пристава-оценщики, пошлины которых слишком отяготительны.

Нельзя позволять вывозить из государства хлеб.

Плата за требы кюре; должны быть увеличены их доходы.

Огромное количество дичи, которая пожирает и похищает посевы и отнимает у пахарей их самые лучшие надежды.

И, наконец, надо уничтожить в государстве все, что в нем бесполезно и излишне.

Таковы жалобы, просьбы и представления жителей прихода Салиньи, всегда готовых участвовать в государственных повинностях, проникнутых уважением к особе короля и готовых пролить свою кровь за его величество, если это необходимо.

При составлении наказа присутствовали: Пьер Ренода, Пьер Блондель, Этьен Лериш, Жан Риоссе, Мишель Бурдебар, все пахари, Мишель Жакоб, Пьер Мармион, Этьен Прэнс, старший, Жан Линар, Шарль Револьт, Эдм Тома, Пьер Ренода, сын, Эдм Балле, Филипп Балле, Ж.-Б. Котиас, Капре Лашез, Матье Матье, Эдм Дени, Дени Юо, Эдм Фурше, Клод Гюэ, Эдм Ноель, Николай Линар, младший, Антуан Дени, Франсуа Филлион, Шарль Мизиан, Шарль Филлион, Жан Вэлье, Эдм-Франсуа Шалетт, Пьер Кашо, Жан-Анри Суффре, все виноградари и поденщики, все жители этого прихода, из коих одни подписались, а другие заявили, что писать они не умеют.

Подписи: Мишель Жакоб, Клод Гюэ, Эдм Ноель, Пьер Ренода, Эдм Дени, Этьен Лериш, Жан Линар, Николай Линар, Ж.-Б. Прэнс, муниципальный синдик, Матье Лакруа, депутат.

Деревня Салиньи в эпоху продажи национальных имуществ.

[Porée, Documents, II, pp. 93—98.]

Поверхность: 999 гектаров.

УГОДЬЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ К ПРОДАЖЕ:

Происхождение	Земля арпаны перши	Луга арпаны перши	Виноградники арпаны перши	Леса (гектары)
Аббатство Сен-Пьер-ле-Виф	74.14	30.07	5	173.88
Якобинский монастырь в Сансе	—	—	0.75	—
Кармелитки г. Санса	1.25	—	—	—
Церковный приход Салиньи	3	—	0.50	—
Церковь в Салиньи	2.04	—	—	—
Церковный приход в Фонтен	—	—	0.09	—
Всего	80.43	30.07	6.34	173.88
Угодья 2-го происхождения	—	1.32	—	—

Угодия 1-го происхождения:	214 гектаров	0 544 сентиара
„ 2-го „	0 „	4 488
Продано:	214 „	0 544

Десятины см. выше. Согласно договору от 19 мая 1784 г., монахи аббатства Сен-Пьер-ле-Виф сдали в аренду Николаю Пото, нотариусу в дер. Фонтен-ла-Гайар, десятину на вино в размере $^1/_{16}$ в пределах дер. Салиньи, за исключением виноградников, принадлежащих самим монахам, и в пределах, соприкасающихся с аббатством Сен-Пьер местечек, именуемых Нуайс Помпон и Кот-о-Пижон, с обязанностью вносить ежегодно в счет арендодателей священнику (curé) прихода Салиньи 8 боченков вина, из коих четыре боченка должны быть новыми, и за 300 ₶ арендной платы.

Протоколы продаж в дистрикте.

30 декабря 1790 г.

1. Водяная мельница Салиньи и 6 арпанов луга, арендуемые Жаном Батистом Канле за 401 ₶ у монахов аббатства Сен-Пьер-ле-Виф, оцененные в 3 095 ₶. Соревнователи: Жан-Батист Канле, мельник этой мельницы; Симеон Невё, мастер сабо из дер. Вуазин; Лене, парикмахер из Санса; Шарль Тузар, кондитер из Санса. Присуждена: за 6 200 ₶ Жаку Байо, булочнику в Сансе, совместно с Пьером Шершедье, буржуа оттуда же.

Уплата: 3 200 ₶ 5 августа 1791 г., 521 ₶ 10 марта 1792 г., 3 112 ₶ 15 прериаля III года.

2. 5 арпанов виноградника в местности, называемой Гран-Нодэн и Рутемон, эксплоатируемого монахами аббатства Сен-Пьер-ле-Виф, оцененного в 1 200 ₶. *Заявление о покупке*: сделано 4 января 1791 г. Лораном Бриссон, виноградарем в дер. Сен-Мартен-Сюр-Орёз, за 500 ₶. *Соревнователи*: Жорж-Луи Сажон, парикмахер; Жак Байо, булочник; Жозеф Дюфур, бывший присяжный оценщик; Жан-Луи Гюйо, лоскутник из Санса. *Присужден*: за 2 200 ₶ Бертрану, бывшему канцеляристу в Сансском податном округе, и Жаку-Филиппу Гарнье, прокурору в трибунале дистрикта.

11 мая 1791 г.

3. 3 картье виноградника, в местечке, именуемом Крапиньон, принадлежащего Якобинскому монастырю в Сансе и оцененного в 300 ₶. *Заявление о покупке*: сделано 23 апреля 1791 г. Прэнсом, мэром Салиньи, за 300 ₶. *Соревнователи*: Жан-Луи Матен, из Парижа, генеральный комиссар навигации по р. Ионне; Жак Байо, булочник из Санса. *Присуждена*: за 660 ₶ Этьену Рагу, именуемому Демуленом, бакалейщику из Санса.

13 мая 1791 г.

4. 9 арпанов 98 першей луга, сданного в аренду с десятиной Пьеру Ренода, принадлежащего аббатству Сен-Пьер-ле-Виф и оцененного в 7 840 ₶. *Заявление о покупке*: сделано 14 марта 1791 г. Жаном-Луи Дюкасс, доктором медицины в Сансе, по цене оценки. *Соревнователи*: Беранже, торговец лесом; Жан Бруэ, торговец лесом из Санса. *Присужден*: за 17 100 ₶ Франсуа Вишера, кваснику в Сансе.

Согласно договору от 9 мая 1784 г. заключенному у Эольма, нотариуса в г. Сансе, монахи аббатства Сен-Пьер-ле-Виф сдали в аренду Пьеру Ренода и другим, пахарям дер. Салиньи, кроме клочка луга в 9 арпанов, большую десятину в зерне на всем протяжении прихода Салиньи, в размере шестнадцатого снопа, с обязательством платить содержание кюре прихода Салиньи, состоящее из 48 бише пшеницы, 48 бише ячменя и 48 бише овса, и, кроме этого, уплачивать им арендную плату в 1 059 ₶, копну сена (millier — 1 000 фунтов) и 20 фунтов свежего масла.

5. 14 арпанов 9 корд луга в местечке, именуемом Гонделен, сданного за 1 200 ₶ Жану-Батисту Жарри, принадлежащего аббатству Сен-Пьер-ле-Виф и оцененного в 20 460 ₶. *Заявление о покупке*: сделано 14 марта 1791 г. будущим покупщиком его по цене оценки. *Соревнователи*: Шанделье, нотариус; Франсуа Вишера, квасник; Жозеф Дюфур, бывший присяжный оценщик; Этьен Шоссефуан, буржуа из Санса. *Присужден*: за 36 100 ₶ Жану-Луи Дюкасс, врачу из Санса.

12 октября 1791 г.

6. 5 картье земли в одном месте, в местечке, именуемом Шофур, принадлежащей сансским кармелиткам, оцененной в 102 ₶. *Соревнователи*: Жан Валье, Пьер Ренода, пахари из Салиньи. *Присуждена*: за 235 ₶ Лорану Бриссону, пахарю из дер. Сен-Мартен-сюр-Орёз.

Уплата: 235 ₶ 1 ноября 1791 г.

24 марта 1792 г.

7. 3 арпана земли в местности Митуа и Ворена, сданной в аренду за 10 ₶, и 2 цыплят Пьеру Ренода, принадлежащей церковному приходу Салиньи и оцененной в 250 ₶. Заявление о покупке: сделано 21 января 1792 г. будущим покупщиком ее за 250 ₶. Соревнователи: Жак Байо, булочник; Жозеф Шарпилон, торговец в Сансе; Мишель Жакоб, виноградарь в Салиньи. Присуждена: за 550 ₶ Лорану Бриссону, виноградарю в Сен-Мартен-сюр-Орёз.

Уплата: 552 ₶ 11 с. 28 апреля 1792 г.

4 июля 1792 г.

8 — 14. 74 арпана земли, арендуемой Франсуа Жеолье за 350 ₶ деньгами, за 5 фунтов масла и 4 цыплят, принадлежащей аббатству Сен-Пьер-ле-Виф и оцененной в 6 044 ₶. Заявление о покупке: сделано 14 марта 1791 г. Жаном-Луи Дюкасс, доктором медицины в Сансе, по цене оценки. Соревнователи: Жан Фортье, хлеботорговец; Николай Лоран, торговец лошадьми; Блак, буржуа; Анж-Франсуа Епуаньи, из Санса; Франсуа Жеолье, пахарь из Салиньи, арендатор этой земли; Анн-Огюстен-Фоасье из г. Вилленёв-ле-Руа. Присуждена: отдельными клочками общей суммой за 23 455 ₶ следующим лицам:

9. 6 арпанов 30 першей Пьеру Шершедьё, буржуа из г. Санса, за 650 ₶.

Уплата: 155 ₶ 10 сентября 1792 г., 542 ₶ 15 прериаля III года.

10. 7 арпанов 10 першей Жозефу Шарпилону, торговцу в Сансе, за 2 340 ₶.

Уплата: 580 ₶ 17 июля 1792 г., 400 ₶ 8 октября 1793 г., 1 537 ₶ 29 прериаля III года.

11. 13 арпанов 23 перши Тома Лангилла, пахарю в г. Сансе, за 3 900 ₶.

Уплата: 479 ₶ 14 января, 457 ₶ 9 июля 1793 г., 500 ₶ 7 вантоза, 2 700 ₶ 23 прериаля III года, 262 ₶ 13 прериаля IV года.

12. 28 арпанов 95 першей Николаю Корре, кондитеру в Сансе, за 10 500 ₶.

Уплата: 1 260 ₶ 21 июля 1792 г., 1 233 ₶ 14 июля 1793 г., 1 200 ₶ 11 нивоза, 1 200 ₶ 24 мессидора II года, 700 ₶ 26 нивоза, 5 684 ₶ 1 мессидора III года.

13. 1 арпан Воденею, отцу судебного пристава, за 310 ₶.

Уплата: 37 ₶ 30 августа 1792 г., 290 ₶ 22 сентября 1793 г.

14. 1 арпан 71 перша Пьеру Робэну, рассыльному в бюро дистрикта за 120 ₶.

Уплата: 120 ₶ 7 июля 1792 г.

15. 12 арпан 10 першей Франсуа Вишера, кваснику из г. Санса, за 5 275 ₶.

Уплата: 634 ₶ 7 августа 1792 г., 619 ₶ 4 июля, 4 305 ₶ 30 сентября 1793 г.

16. 3 арпана 20 першей Жану Валье, пахарю, и Пьеру Ренода, виноградарю в Салиньи, каждому в равной доле за 360 ₶.

Уплата: 360 ₶ 17 с. 22 июля 1792 г.

3 июля 1793 г.

17. 4 корды земли в местности, называемой При-Пер, принадлежащей церкви в Салиньи и оцененной в 24 ₶. Заявление о покупке: сделано 13 февраля 1793 г. Лораном Бриссоном, виноградарем в Сен-Мартен-сюр-Орёз, за 24 ₶. Соревнователи: Вишера, квасник; Клод-Шарль Ломм, носильщик из Санса; Пьер Ренода и Лоран Бриссон из Салиньи. Присуждена: за 165 ₶ Мишелю Жакобу из Салиньи.

Уплата: 19 ₶ 7 июля, 145 ₶ 14 июля 1793 г., премия за уплату раньше срока 3 ₶ 19 с.

9 жерминаля II года.

18. 22 перши луга в местности, именуемой Гонделен, не сданного в аренду, принадлежащего эмигранту Христофу-Коломбану Росселю и оцененного в 440 ₶. Заявление о покупке: сделано 18 нивоза II года как по отношению к этому клочку, так и к пяти следующим Клодом Роберо, черепичником из Фонтен-ла-Гейард, за 2 000 ₶. Соревнователи: Клод-Шарль Ломм, собственник из Санса; Жак Пуйан, земледелец из дер. Коллемье; Антуан Дени, земледелец из Салиньи. Присужден: за 1 075 ₶ Жану Моро, ткачу из дер. Вилленёв-сюр-Ванн.

19. 22 перши луга того же владельца, оцененные в 440 ₶. Соревнователи: Жан Дени из Салиньи. Присужден: за 1 125 ₶ тому же Жану Моро.

20. 22 перши луга того же владельца, оцененного в 440 ₶. Соревнователи: то же лицо, что и в № 19. Присужден: за 1 200 ₶ тому же Жану Моро.

21. 22 перши луга того же владельца, оцененного в 440 ₶. Соревнователи: тот же, что и в № 19. Присужден: тому же Жану Моро за 1 500 ₶.

22. 22 перши луга того же владельца, оцененного в 440 ₶. Соревнователи: тот же, что и в № 19. Присужден: за 1 600 ₶ тому же Жану Моро.

23. 22 перши луга того же владельца, оцененного в 440 ₶. Соревнователи: тот же, что и в № 19. Присужден: за 1 525 ₶ тому же Жану Моро.

29 фрюктидора III года.

24. 50 корд виноградника, принадлежащего церковному приходу Салиньи и оцененного в 600 ₶. Соревнователи: Путо из Салиньи; Клод-Шарль Ломм, служащий в бюро Сансского дистрикта; Аврон. Присужден: за 2 500 ₶ Этьену Пуатевену, собственнику из Санса.

Уплата: 2 500 ₶ 1 вандемьера IV года.

Протоколы продаж по департаменту.

30 мессидора IV года.

25. Бывший священнический дом, принадлежащий церковному приходу Салиньи, оцененный в 1 080 ₶. Продан за 1 080 ₶ Франсуа-Николаю-Бенуа Ломотту, собственнику из дер. Суси.

8 плювиоза IV года.

26. 2 арпана пустоши, принадлежащей церкви в Салиньи, оцененной в 80 ₶. Соревнователи: Лаверсин, Тьери, Шомелль, Фосейо. Присуждена: за 1 900 ₶ Жану Жаке, торговцу из дер. Вуазин.

27. Лес Сен-Пер размером в 173 гектара 88 аров, принадлежавший аббатству Сен-Пьер-ле-Виф, продан в силу закона 25 марта 1831 г. Куплен с торгов за 325 100 франков Бартелем Риттон, проживающим в Париже.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Обмер земель, согласно королевской декларации 11 августа 1776 г., был произведен в этих деревнях незадолго до революции. Статистические данные относятся к 1787 или 1788 гг.

[2] Арпан королевской меры (arpent de Paris) = 100 першам по 22 фута в перше. Местная перша была чаще всего равна 20 футам, реже — 18 футам, 22, 24 и даже 26 футам.

В переводе на современные меры:

кв. перша в 22 фута	. 51,04	сентиара ($^1/_{10\,000}$ гектара).
» » » 20	. 42,18	» » »
» » 24	. 60,74	»
» » 26	. 71,28	»
» » 18	. 31,64	»

[3] Поденщик — manouvrier, пахарь — laboureur. С введением в Парижском и Шалонском генеральствах (Généralité — финансовый округ старой Франции) так называемой taille tariffée, и тот и другой термин получили официальное значение. Laboureur — пахарь, это тот, кто в качестве основной части прямых налогов платил поземельный налог (taille de propriété, если он был собственником земли, или taille d'exploitation в размере $^2/_3$ первой, если он был ее арендатором); manouvrier — платил налог на заработки — taille d'industrie. Laboureur — пахарь, если его хозяйство имело земли меньше полной запашки (charrue pleine, charrue complète — земля плуга), уплачивал поземельный налог пропорционально размерам своей запашки, и кроме этого, уплачивал и taille d'industrie, так как предполагалось, что он живет не только своим хозяйством, но и прирабатывает на стороне. Поэтому очень мелкие крестьяне часто в списки налога попадали под наименованием manouvrier, несмотря на то, что у них была полевая земля и даже собственная лошадь. Следует поэтому помнить условность обозначений «пахарь» «поденщик».

[4] Бише (bichet) мера сыпучих тел, от 20 до 40 литров. На рынке в г. Санс бише = 36 французских фунтов = 2 буассо.

[5] Здесь, конечно, дело идет не о меинмортаблях — крепостных, а о католическом духовенстве, рука которого была «мертва» для отчуждения имущества, когда-либо к нему попавшего «Les ecclésiastiques avaient la m a i n v i v e pour recevoir et morte pour rendre». Chéruel, Dictionnaire des institutions.

[6] Типичный для Франции «Старого порядка» документ, показывающий, что фактически на месте сеньера стоял арендатор, который арендовал все сеньериальные права оптом, даже сеньериальный суд. Значение таких арендаторов для «феодальной реакции», см. мою статью в сборнике Исторического института Р. А. Н. И. О. Н. в память проф. А. Н. Савина.

[7] Gros manquant — производитель вина, мог оставлять неоплаченной акцизом лишь ту часть произведенного им вина, которая считалась достаточной для его личного потребления. Всякий расход вина сверх этой нормы подлежал обложению.

[8] Portion congrue — владельцы десятины, принадлежа к высшим слоям духовенства, исправляли обыкновенно лежавшую на них обязанность церковных служб в приходе не сами, а посредством состоявших у них на жалованьи сельских священников. Жалованье в XVII в. было обыкновенно около 300 ливров, в XVIII — 500 ливров. Вполне понятно поэтому настроение, которое мы встречаем в эпоху революции у сельских кюре по отношению к высшему клиру, и ту роль, какую они играли в революции (см. 1-й документ следующего отдела).

[9] Многочисленные сделки, заключенные между коммунами и школьными учителями, показывают, что тогдашний учитель находился в подчинении у кюре. Вот договор 1772 г. дер. Блено со школьным учителем: «Учитель обязан воспитывать детей в правилах католической апостольской и римской религии, подавать им добрый пример, заниматься дважды в неделю катехизисом, размещать своих учеников, когда он их поведет к мессе или к другой церковной службе, таким образом, чтобы они не разговаривали и чтобы учитель мог побуждать их соблюдать благопристойность». За это учитель вознаграждался следующим образом: «В силу чего мы вышепоименованные жители обещаемся господину Мишелю (учителю) смотреть за тем, чтобы никто публично не делал ему наставлений и не мешал ему в исполнении его обязанностей. Обещаемся оплачивать ему каждого ребенка, а именно: начинающего по 5 су в месяц; начинающего читать по-латыни и французски по 10 су в месяц; и по 15 су с тех, которые научатся счету, письму, чтению по-латыни и французски и составлению деловых бумаг, и по 3 ℔ в месяц с детей, которые научатся латинскому языку, который обязуется им преподавать г. Мишель. Сверх этого, г. Мишель будет пользоватся травой и отавой с трех картье луга с обязательством держать луг в надлежащем порядке и творить молитву со своими школьниками в церкви, возвестив время ее каждый вечер звоном колокола, согласно заведенному обычаю. Г. Мишель будет пользоваться ежегодно жалованьем в размере 200 ℔, которые будут выплачиваться ему по четвертям года из доходов с городских ввозных пошлин».

(Заимств. из коммунального архива г. Блено, Д. 1, Porée, Cahiers, p. 79.)

II. АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ФРАНЦУЗСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ПО БУМАГАМ ФЕОДАЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ.

1. Заметки Сегена, кюре деревни Совтерр (Lot et Gauronne).

[Sagnac et Caron, № 1.]

10 августа 1789 г.

Господа!

Я считаю долгом своей совести перед моими прихожанами и большим числом людей третьего сословия королевства поделиться с вами моими наблюдениями над сеньериальными правами и над тем способом, при помощи которого их взимают. Все факты, приводимые мною, верны; если стиль мой груб, мои намерения чисты и направлены к облегчению несчастных и самого государства. У меня тысячу двести франков дохода, из коих половину я предлагаю от всего сердца.

Совтерр, 10 августа 1789 г.

Сеген, кюре Совтерра (Ажанского диоцеза).

Заметки деревенского кюре по поводу прав, называемых сеньериальными.

Я не намерен оспаривать у сеньеров их ренту, лишь бы она была основана на настоящих изначальных титулах, [1] а не на простых актах признания, [2] которые влекут за собой значительное повышение ренты. Я намерен лишь показать обманы при взимании и взвешивании странных добавочных к этой ренте платежей, которые называются сюиты. Эти добавочные платежи выражаются в деньгах, курах, воске, барщинах и караулах (droit de garde).

Деньги кажутся мне совершенно невыносимым повышением ренты.

Если я перейду к курам, то не могу пройти мимо того факта, что вместо них заставляют вносить деньги, вдвое против их цены; я знаю

такие документы (titres), в которых значится, что держатель обязан давать курицу или 10 лиардов; несмотря на эту статью, за каждую курицу требуют 15 или 20 су. Воск кажется мне смешной повинностью, в особенности в тех местностях, где нет ульев.

Баналитеты печи. Этот баналитет так же возмутителен, как и баналитеты мельницы; чтобы иметь честь испечь мешок хлеба в печи сеньера, приходится оплатить эту честь пятнадцатью или двадцатью су или семью, а то и восемью фунтами хлеба; этот платеж худший, чем рента.

Платеж при перемене сеньера или наследственного держателя. [3] Сеньер умирает; нужна двойная рента, чтобы выкупить у его сына или его наследников траурные платья; умирает наследственный держатель, и его смерть повергает его жену и детей в нищету; несмотря на это, нужно платить двойную ренту; отсюда следует, что если сеньер и вассал уходят из этого мира в один и тот же год, приходится платить тройную ренту; такая перегрузка мне кажется невыносимой.

Право требовать акта признания. [2] Если бы эти новые документы были изобретаемы и требуемы единственно из тщеславия и были бы совершаемы за счет сеньеров, я не обратил бы на них внимания, в особенности, если бы эти новые акты не были связаны с повышением ренты; но дело обстоит как раз насборот: все издержки по составлению этих актов падают на держателей, вроде оплаты землемеров, нотариусов и всего прочего, к сему относящегося. Землемер появляется на земле какого-нибудь сеньера; землемер норовит угодить сеньеру, — а чтобы сделать это, нужно выискивать прибавку к ренте; нужно, значит, чтобы поверхность земли добровольно или силою проделывала под циркулем землемера то же, что и тесто под скалкою кондитера; я видел одного землемера, который осмелился сказать сеньеру, что он находит участок меньшим, (чем думал сеньер); землемер был уволен, а работа осталась и до сих пор остается неоконченною.

Я знаю одну землю, на которой последние акты признания увеличили ренту на одну шестую; я проверял это по старинным договорам, и я напрасно об этом говорил сеньеру.

То, что я только что сказал, достаточно доказывает, что сеньеры ввергли и держат своих вассалов в рабстве, которое несовместимо с именем француза; но это не все; перейдем теперь к способу взимания рент...

Арендатор или управляющий объявляет перед церковными воротами, чтобы приносили ренту в тот или другой день; некоторые из плательщиков являются для уплаты ренты зерном или деньгами. Если деньги принимаются без споров, то зерно оказывается недостаточно хорошим; нужно решето, и это решето уменьшает мешок на одну треть; а ведь это самый лучший хлеб, какой только собрали эти несчастные; мера оказывается достаточно объемистой, а способ отмеривания слишком ловким, и, если кто-либо из этих несчастных хочет пожаловаться, ему грозят, дают ему тумаков и изгоняют из амбара сеньера. Квитанцию ему выдают в таких выражениях: уплатил, как

полагается, претензий не имею, вместо того, чтобы сказать в этой квитанции: уплатил в счет ренты этого года пшеницы столько-то, ячменя столько-то и т. д., — впрочем, эта манера очень ловка, так как нельзя проверить обмана, а благодаря этим словам — «претензий не имею» — наследственный арендатор никогда не сможет сказать, что у него есть окончательная квитанция.

Я сказал, что мера достаточно объемиста, а способ вымеривания очень ловок; в разговоре со многими арендаторами и управляющими я добивался признания, что масса собираемого ими ежегодно хлеба в виде ренты на много мешков больше, чем полагается; я знаю одного сеньера, который полюбопытствовал проверить самолично количество или число мешков хлеба; он нашел излишек в двадцать слишком мешков; «вы негодяй» — сказал этот честный сеньер своему управляющему и немедленно прогнал его

Выше мы сказали, что некоторые являются для уплаты ренты в зерне или деньгах, но большая часть не приходит, потому что большая часть не имеет в этот момент ни хлеба, ни денег. «Ага! — говорит арендатор или управляющий, — эта ракалия не является; тем лучше, я его сумею заставить явиться». Затем, не теряя времени, этот жестокий представитель сеньера приказывает отпечатать повестку о вызове в суд; местному судебному приставу предложено явиться; ему вручают пятьдесят или шестьдесят копий, которые он разносит в один день и столько же на следующий; между ним и арендатором заключено соглашение, что он будет получать в качестве вознаграждения от тридцати до сорока су в день. Каждый из вызванных к ответу рано или поздно заплатит тридцать или сорок су. При помощи такого недостойного маневра, этот негодяй-арендатор безнаказанно крадет пятьдесят или шестьдесят франков в течение нескольких дней. Не забудем упомянуть, что все эти подвохи делаются от имени сеньера, который, вместо того, чтобы быть отцом своих вассалов, становится их тираном. [4]

Переходим к судебным приговорам. Судья, если нужно, вынесет сотни приговоров за одно утро, и притом он находится в сделке с арендатором, согласно которой он будет довольствоваться половиной своего гонорара; судья приносит эту жертву в пользу арендатора, и, несмотря на эту жертву, которую он должен был бы скорее делать в пользу плательщиков, он хорошо зарабатывает.

Следует вспомнить аресты на недвижимое и движимое имущество; продажу с торгов зерна и других вещей, на которые наложен арест, соглашения между арендатором или управляющим и приставом приблизительно те же, что и при вызове в суд; заметим здесь, что эти вероломные арендаторы или управляющие называют все эти мошенничества: «замахнуться палкой»; предоставляю решать моему читателю, не заслуживает ли такой арендатор или управляющий быть привязанным к некоей длинной палке, т. е. к высокой виселице.

Сеньериальная юстиция. Судья весьма часто невежда, — если не он, то его помощники; прокуроры, которые в деревне почти всегда оказываются малограмотными и без всякого знания законов, решают три четверти дел в отсутствии судьи, который, имея на

своей обязанности сразу несколько судов и будучи вследствие этого удален от многих из своих судебных камер, не может быть в них ежедневно лично; а в это время его заместители, исполняя его обязанности, судят вкривь и вкось и часто увеличивают без нужды издержки...

Я должен заметить здесь, что притеснения, на которые я жалуюсь, вызывают во мне отвращение по отношению ко всем сеньерам, в особенности к духовным сеньерам, и еще более к сеньерам монахам. Но что я говорю! Монах, сеньер во Франции, человек, который в силу своего положения принес обет бедности, облечен достоинством сеньера, пользуется пятью, десятью, двадцатью тысячами франков ренты, пожирает один больше, чем все жители маленького города или большого деревенского прихода, — поистине это — зло, это — несправедливость, это — беспримерный скандал.

Многим деревенским кюре, какому-нибудь захудалому, находящемуся на жалованьи, священнику, получающему от духовного сеньера жалованье, отказывают в ста пистолях и оставляют сеньеру-монаху десять, двадцать тысяч ливров ренты; а ведь этот кюре, хорошо ли, плохо ли, проповедует Евангелие, внушает своим прихожанам страх божий и повиновение своему королю, он преподает им таинства, посещает больных, погребает усопших, он иногда приходит на помощь беднякам, он делит свои доходы со своими прихожанами и своими соседями, одним словом, он не бесполезен; но сеньер монах в нынешнее время оказывается в одно и то же время и бесполезным, и вредным для государства и религии. Я не желаю зла никому, но мое положение и моя религия обязывают меня заступаться за несчастных; я бываю свидетелем их страданий и их нужды, я могу и я должен требовать, чтобы их исцелили от недугов, которые им причинили, и с той благородной храбростью, которую разрешает мне Евангелие, я беру на себя смелость поступить так и пригласить особенно высшее и богатое духовенство подать пример; это единственное средство, чтобы достичь конца этих дней ужаса и несчастья и чтобы религия снова получила всю свою силу и все свои права...

2. Жалоба графа де Брансиона (Meurthe).

[Sagnac et Caron, № 21.]

29 марта 1790 г.

Господин президент!

Имею честь сообщить вам, что жители деревни Руайоме около Туля, сеньером коей я был в одной части, крепко убеждены, что согласно намерениям Национального собрания они не должны платить ни ренты, ни сеньериального ценза, даже за 1789 г., и что им позволено бить из ружья в любое время и в любом месте всяких голубей, принадлежащих бывшим сеньерам.

Я, господин президент, приношу жалобу на то, что все жители Руайоме отказываются платить мне то, что они мне должны в качестве сеньериальных взносов за 1789 г.; что один из жителей позволил себе в прошлом январе месяце убить из ружья на глазах моих сестер

и моих племянников и в пределах деревни большую часть моих голубей; что тот же человек позволил себе несколько дней тому назад такую же вольность, сказав, что он имеет на это право от господ членов Национального собрания и от короля. Этот человек принадлежит к составу муниципалитета.

Имею честь заметить вам, господин президент, что, хотя моя голубятня и состояла из тридцати пар голубей такого сорта, что они не летали в поле, я приказывал их запирать на время посева. Я умоляю вас передать мое письмо Национальному собранию, равно как и мою просьбу, нельзя ли мне производить допрос всех жителей, кои, вне запретных месяцев, будут убивать моих голубей из ружья под моими окнами в деревне или в других местах, и нельзя ли также прибегать к суду, чтобы заставить их платить мне ценз и ренты, следуемые мне до декрета Собрания, который их отменил или разрешил их выкуп.

3. Жалоба графа де Жермини по поводу беспорядков в дер. Сен-Кристоф-ла-Жаноле (Орн).

[Sagnac, № 62].

20 августа 1789 г.

Господа!

Я ожидаю от вашей справедливости и патриотических чувств, которые вас воодушевляют, что вы соблаговолите притти мне на помощь в тяжелых обстоятельствах, в которые я попал.

29 июля 1789 г. группа неизвестных разбойников, соединившись с моими вассалами и вассалами Вриньи, соседнего с моим прихода, явились в количестве двухсот в мой замок Сасси, в приходе Сен-Кристоф, около Аржантана, и, разбив замки шкафов, где хранились мои титулы, взяли большую часть их вместе с описями, которые могли бы мне пригодиться, и унесли их или сожгли в лесу по соседству с моим замком; моя стража не могла оказать никакого сопротивления, так как здесь всего один сторож, а я сам там не живу. Эти несчастные заставили ударить в набат в соседних приходах, чтобы собрать еще бо̀льшую толпу. Я чувствую себя тем более огорченным этой потерей, что я никогда не давал моим вассалам чувствовать ненавистную тяжесть старинного феодализма и был в восторге от того, что они могут теперь освободиться от него; но каким образом можно установить и доказать убытки, которые они причинили моей собственности? Я не буду предпринимать никаких шагов против тех, кого я узнал в числе этих разбойников, которые, не удовольствуясь сожжением моих бумаг, убили всех моих голубей. Но я жду восстановления законности от духа справедливости, которая вас направляет и внушает мне величайшее доверие.

4. Заметка депутата Перигора Луи относительно провинций Перигора, Керси и Руэрга.

[Sagnac, № 64.]

1789 г.

Все крестьяне отказываются платить ренты. Они собираются в толпы, заключают союзы и выносят постановления, что никто не

должен платить рент и что тот, кто вздумает их платить, будет повешен. Они являются в дома сеньеров, духовенства и других богатых, производят там погромы, заставляют возвращать части уплаченных рент, если они внесены вперед, требуют обязательств возврата от тех, которые продали полученный хлеб или которых они подозревают в том, что они получили сеньориальные пошлины за продажу земли (lods et ventes) или другие права, кои им не следовало бы платить.

Все эти насилия, помимо тех затруднений, которые вытекают из них непосредственно, приводят к тому, что препятствуют сеньерам фьефов, не знающим, на что им рассчитывать, подавать декларации и уплачивать их патриотические налоги; был бы весьма желателен декрет, который мог бы возвратить спокойствие этим провинциям.

Один дворянин, старик восьмидесяти слишком лет, был осажден в своем замке толпой крестьян, которые начали с того, что устроили виселицу перед главным входом. Этот сеньер был так потрясен, что внезапно умер.

5. Анонимный мемуар из Монтуара (Луар-е-Шер) по поводу крестьянских восстаний.

[Sagnac, № 65.]

25 февраля 1790 г.

Национальное собрание, уничтожая фьефы, указывает, что все ренты должны уплачиваться и все права должны вноситься впредь до полной их ликвидации, регулирование которой, к сожалению, было отложено. Потому ли, что деревенские люди плохо поняли этот декрет, или потому, что их подстрекали, но их восстание — факт общеизвестный, а их разбойничества достаточно установлены.

Здесь замки и все, что в них находилось, разграблены или сожжены; почти повсюду сожжены архивы; те из сеньеров, с которыми обошлись менее сурово, были принуждены согласиться на полный отказ от всех своих прав и рент и выдать общую и безоговорочную квитанцию; некоторые из них не могли даже освободить себя от возврата рент за 1788 и 1789 гг., которые были добровольно уплачены. Тот, кто отказывался или колебался дать такие удовлетворения, был почти уверен, что ему придется испытать ужасы пожара или, по крайней мере, грабежа и опустошения.

Эти ужасы, несомненно, внушены теми, кто заинтересован в бесплатной отмене рент и повинностей. У крестьян очень небольшие владения; если собственники этих владений обязали крестьян уплачивать феодальные ренты и повинности сеньеру, то взамен этого они уменьшили их арендную плату, потому что, если бы они [т. е. собственники] не оговорили в контракте этого обязательства [т. е. уплаты феодальных рент и повинностей сеньеру], то платежи крестьян в зерне или деньгами в пользу арендодателя были бы более значительны;[5] поэтому можно считать, что простой пахарь (laboureur) или крестьянин-арендатор весьма слабо заинтересованы в отмене рент и повинностей.

Гораздо больше заинтересованы во всем этом богатые собственники, потому что они, без риска, могли бы воспользоваться бесплат-

ным уничтожением, в результате крестьянского восстания; уже это является весьма важным мотивом к тому, чтобы, если не прямо побуждать их к возбуждению беспорядков, то, по крайней мере, воздерживаться от того, чтобы удерживать от беспорядков их фермеров, их слуг и их пахарей (арендаторов).

Если собственники, живущие в деревне, не могут быть прямо подозреваемы в том, что они раздувают огонь мятежа, то их, по крайней мере, следует подозревать в том, что они не особенно хотят его потушить. Желание видеть их собственность освобожденной бесплатно от феодальных рент достаточно для того, чтобы подозревать существование у них снисходительного и достойного упрека отношения (к мятежу).

Эти два мотива подозрительности объединяются против собственников, жителей деревни. Они пользуются почтением и доверием, почти всегда пропорциональным их доходам. Они держат в своих руках крестьян, которым они покровительствуют, которым они дают работу и которые являются их арендаторами. Им не нужно даже давать приказаний; можно даже заранее сказать, что они не приказывают ни грабить ни жечь. Им достаточно лишь показать, что они желают бесплатной отмены феодальных повинностей; им достаточно преувеличивать неудобства феодального режима, напомнить грабительства агентов деревенского суда. Одно слово с их стороны вооружает, не компрометируя их самих, крестьян, которые, раз собравшись и в большинстве случаев будучи пьяными, помогают осуществлять желания их землевладельцев и их патронов.

В таком же положении находятся и многие из низших сеньеров, которые с удовольствием смотрят и, кажется, одобряют своим молчанием и бездействием разбои и пожары. Их внешнее поведение не дает повода к подозрению, ибо, давая гражданскую присягу, жалуясь на насилия, которые они испытывают, давая самый полный и подлинный отказ от сеньериальных прав, они действуют исключительно в своем личном интересе. Крестьяне и разбойники, которым они попустительствуют, а может быть и поощряют их насилие, оставляют их в покое, добиваются от них отказа или квитанции и изливают свою ярость против высших сеньеров; разорение последних, очевидно, выгодно первым. Низшие сеньеры, богатство которых в большей степени заключается в собственной земле, чем в феодальных держаниях [от высших сеньеров], оказываются с избытком вознагражденными за ренты, которые они теряют, тем, что уничтожаются ренты, которые они сами должны платить своим высшим сеньерам...

6. Письмо Сетье, мэра дер. Бюси-ле-Руа (Луарэ).

[Sagnac, № 285.]

11 июня 1790 г.

Господин председатель!

Взимание шампара встретило в прошлом году затруднения, вызвало мятежи и пожары; все свидетельствует о том, что этот год будет не менее бурным, несмотря на мудрый и бессмертный декрет относительно феодальных прав;[6] несколько дней тому назад сожгли

амбар для складывания шампара в приходе Куанс и косят эспарцет, не уплачивая шампара. Как француз и мэр, я считаю долгом заставлять выполнять декреты Национального собрания; я объясняю их каждое воскресенье и каждый праздник коммуне; их слушают со вниманием и, я мог бы прибавить, с удовольствием, и мы жили бы в мире и спокойствии, если бы не три или четыре смутьяна, которые заводят смуту в приходе, возвещая ложные декреты. Один батрак, который не умеет ни читать, ни писать, никогда не возвращается с поля, не принеся какой-нибудь вздорной новости; этот человек был внесен в протокол во время беспорядка, происшедшего в прошлом октябре, и, так как его не наказали, он сделался неисправимым. Сам ли он выдумывает ложные декреты, которые он объявляет, или он получает их от подстрекателей, которые ходят по деревням и сеют смуту?—Не знаю! Тем не менее, этот человек, по имени Жюльен Моро, убедил своего хозяина и почти всю коммуну в том, что Национальное собрание декретировало отмену шампара, и, в результате, этот пахарь, по имени Жак Дюре, скосил эспарцет, не уплатив шампара. Помощник мэра и прокурор коммуны узаконили его отказ уплатить шампар и присутствовали при увозе сена, не стесняясь параграфом вашего декрета, который запрещает муниципальным властям мешать взиманию какого-либо из сеньериальных прав и который ставит под охрану закона всякую собственность. Этот мятежный акт, который сам по себе покажется, может быть, и пустяком, вызовет скоро подражание в соседних приходах, и достаточно одобрения этому со стороны одного из представителей муниципалитета, чтобы завести смуту в деревне. Я считал своим долгом довести об этом до вашего сведения. — Шампар, о котором я говорю, церковный, принадлежит нации и требует особого покровительства и наказания виновных после проверки фактов. Предоставляю, господин председатель, вашей мудрости внушить мне линию дальнейшего поведения, указывая вам на то, что, за исключением главного муниципального чина, все остальные настроены против ваших декретов.

7. Письмо Триппье, судьи дистрикта Бар-сюр-Об.

[Sagnac, № 293.]

21 апреля 1792 г.

Господин председатель!

Истинная причина, которая поднимает деревенских жителей против бывших сеньеров и против древних замков, занимаемых благородными или дельцами (из буржуазии), есть отвращение народа к феодальному варварству, уничтожение которого произнесено только наполовину.

Народ, разоряемый в течение многих веков притеснениями феодальных сеньеров, верил, что революция освободит его от феодальной тирании; что люди и имущество сделаются свободными под покровительством законов, и народ будет платить налог только нации; и не без удивления он узнал, что его собственность будет свободна лишь после того, как он ее купит у прежних сеньеров, которые в свое время завладели самыми лучшими землями и поставили, при помощи соглашений, исторгнутых силою или ловкостью, земли частных лиц под иго

баналитета, шампара, инфеодированных десятин, ценза и других платежей на том основании, что храбрые рыцари сами обязаны были уплачивать феодальные права с их фьефов своим сюзеренам, и что, если народ выкупает феодальные права, прежние сеньеры также должны будут выкупать свои фьефы, и это даст большие суммы национальной казне. Сохраняя половину феодального режима более, чем на сто лет вперед, прежние благородные сохраняют надежду увидеть возрождение сеньерий; они настойчиво требуют то, что они называют сохраненными правами, под предлогом, что их фьефы подлежат выкупу: отсюда происходит глухая война народа против бывших сеньеров и бывших сеньеров против нации; обе стороны полагают, что у них есть основания для неудовольствия, и нет ничего удивительного, что происходят частые беспорядки и что граждане не знают единства. Так как Франция свободна, все феодальные права должны быть уничтожены вместе с именем фьефа и отменены без выкупа с какой-либо стороны.

Если бывший сеньер теряет несправедливые права, узаконенные временем и коварством, он выигрывает от уничтожения стоящей над ним сеньерии (mouvance) и выкупа фьефа. Происходит справедливая компенсация, и сама нация вознаграждается ежегодными налогами, поступающими в ее кассу. Это подходящее средство примирить разнородные интересы, успокоить раздраженные умы, облегчить отчуждение некогда крепостных земель и дробление фьефов и создать всеобщее благополучие. Если бы прибавить к полному уничтожению феодализма и его остатков мудрый закон о рыбных ловлях на реках, уменьшение пенсий престарелого духовенства до простого вспомоществования на прожитие и дать коммунам право выбирать священников, платить им и содержать постройки, предназначенные для отправления культа, внутренний мир был бы скоро восстановлен, священники и дворяне перестали бы быть опасными, они смешались бы с народом и скоро были бы забыты.

8. Заметка Тюрфа, мэра деревни Сен-Ферзюс, около Гренобля, относительно декретов Национального собрания о феодальных правах.

[Sagnac, № 118.]

1790 г.

Национальное собрание только что установило выкуп рент [7] из расчета средней цены, принимая во внимание цены зерна предшествующих десяти лет, как они устанавливались на рынках, соседних с тем местом, где должен происходить выкуп. Этот способ выкупа вызывает всеобщий протест, и вот те основания, на которые ссылаются протестующие.

Собственники ценза (чинша) сдают его в аренду от 30 до 36 су за меру, которая весит от 28 до 30 фунтов чистого веса. Если складывать десятилетние продажные цены зерна на рынке, стоимость меры оказывается равной приблизительно 3 ливрам 10 су. Из этой суммы собственник ценза получает 36 су, и арендатор за свои труды 34 су.

Но из декрета Национального собрания следует, что собственник

должен получить от цензитария капитал из расчета 3 ливров 10 су (=70 су) ренты с меры, которую он сдавал в аренду лишь за 36 су, и что он извлекает в свою пользу 34 су, которые принадлежали арендатору, представляя издержки взимания и другие расходы.

Доказательство этой истины получается легко, если предположить, что некое лицо продало свой домэн, сданный в аренду исполу, согласившись с покупателем, что цена его в 25 раз больше годовой цены продуктов, взятой в среднем; предположим теперь, что продавец, желая обмануть, хочет, чтобы при исчислении продажной цены его домэна вошла его половина и половина его арендатора, и что дело передано в суд; продавец скажет: я считал, что я продаю свой домэн, капитализируя его из 2% (в 50 раз больше годового дохода), и что вся сумма его продуктов является основой капитализации. Покупщик скажет в свою очередь: я считал, что покупаю ваш домэн за сумму, полученную от капитализации его доходов из 4%; это обычная цена домэна, без особых преимуществ; вы не можете присчитывать половину продуктов, принадлежащих вашему фермеру; совершенно ясна ваша уловка, изобретенная вами для того, чтобы заставить меня заплатить за ваш домэн вдвое против его реальной цены. [8]

Это сравнение так же убедительно, как и арендные договоры собственников рент, упомянутые выше; оно дает двойное доказательство, что Национальное собрание установило вышеуказанную цену рент вдвое против их стоимости.

Известно также, что арендаторы рент делят с собственником их и доход от случайных прав, напр., продажных пошлин (lods), — обстоятельство, которое указывает, что 36 су, которые уплачивают арендаторы прав их собственнику, есть наивысшая цена, ибо взимание таких прав, как продажные пошлины, не связано ни с какими затруднениями или издержками.

Из этих рассуждений следует, что деревенские люди останутся под игом феодализма; известно, что этот, наиболее отягченный разряд граждан устремлял свои взоры до сих пор на Национальное собрание, с надеждой стряхнуть с себя тяжесть, которую заставляли его чувствовать арендаторы прав, и их надежда заключалась в том, что цена издержек по взиманию сеньериальных рент, шедшая в пользу арендаторов, должна была (по их мнению) пойти в их пользу; они надеялись, кроме этого, найти деньги для выкупа в кошельке богатых граждан, которые им, конечно, дали бы взаймы, в чем заинтересованы все честные люди.

Высокая цена, установленная за выкуп, никому не выгодна, кроме собственников феодальных прав, а те, кто их обязан платить, не имея ни средств, ни желания освободиться от них, будут преследоваться арендаторами сеньериальных рент с большей суровостью, чем до сих пор; надежда освободиться от гнета арендаторов рент, в которой пребывали земледельцы, оказалась тщетной, благодаря только что изданным декретам Национального собрания; последствия всего этого представляется взвесить мудрости наших представителей.

9. Анонимное послание к господам членам Комитета феодальных прав от общества пахарей департамента Ло-е-Гаронн.

[Sagnac, № 121.]

30 октября 1790 г.

Господа!

Вы возвестили вашими декретами, что вы уничтожили феодальный режим; (однако, в действительности) вы сделали нечто противоположное, и мы можем доказать это простым расчетом, против которого вы не сумеете возразить; мы принуждены навсегда и впредь называть нашими сеньерами тех, кому мы будем вносить платежи, которых мы никогда не сможем выкупить вследствие установленной вами чрезмерной цены. Цена ренты в один мешок ежегодно равна 300 — 400 ливрам; [9] никогда рента не стоила выше этой цены, и за эту цену можно купить ренту в один мешок пшеницы со всеми добавлениями, вроде овса, кур, барщины, денежных взносов и всех сеньериальных прав, связанных с такой рентой в один мешок; это цена рент нашего департамента, а цена, которую вы установили вашими декретами, достигает 1 040 ливров. Мы прикинули, что стоит в среднем рента в размере ежегодного взноса, указанного декретом: мешок пшеницы — 15 ливров, мешок ренты $25 \times 15 = 375$ ливров, овес по 5 ливров, $25 \times 5 = 125$ ливров; пара цыплят по 20 су — 25 ливров; день барщины по 10 су — 10 ливров; и 15 су деньгами с мешка — 15 ливров. Все эти суммы вместе составят 540 ливров. Этот мешок ренты со своими добавлениями соответствует участку земли, если она хороша, ценою в 12 000 ливров, [10] немного меньше или немного больше в зависимости от более или менее высокой ренты, или от того, что качество земли, с которой эта рента следует, хорошее, среднее или плохое; мы взяли для нашего доказательства средний пример. Не имея, согласно декрету, права выкупить этот мешок ренты, не выкупив одновременно и случайных прав, установленных в нашем департаменте в размере $^1/_{12}$, и за которую декрет требует (выкупную сумму) в $^1/_{24}$ (ценности земли), мы принуждены платить за землю, на которой лежит рента в один мешок со всеми добавлениями: 1) 540 ливров за мешок ренты; 2) 500 ливров в виде $^1/_{24}$ цены земли, что и дает как раз 1 040 ливров. В виду этого доказательства, которое не может быть опровергнуто, никто не будет выкупать, мы всегда будем иметь сеньеров, и вследствие этого ваша работа и декрет, являющийся ее результатом, сводится к нулю, а мы остаемся добычей притеснителей.

10. Адрес активных граждан коммуны Лурмерен департамента Устьев Роны Национальному законодательному собранию.

[Sagnac, № 126.]

15 декабря 1791 г.

Законодатели!

Ваши декреты относительно эмигрантов и неприсяжных священников заслуживают удивления и признательности империи; они достаточны для общественного спокойствия, но мы не скроем от вас, что если эта бродячая орда снова вернется в свои очаги, и если жители городов видят в их возвращении признак прочности и внутреннего порядка, то деревенские жители, подверженные язве феодализма, трепещут при

одной мысли снова видеть среди них этих грубых, высокомерных и задорных людей, если только феодальный режим не будет сокрушен до конца. Возвращение этих деспотов, дышавших в течение двух лет воздухом Германии, Сардинии, Испании, Италии, столь пагубным для свободы, знаменует для деревенских жителей притеснения, несправедливости, бесконечное ябедничество и разорительные процессы.

В наших новых законах есть удивительный порок, оставшийся незамеченным, заклейменный, но ускользнувший от внимания, порок, который угнетает энергию деревни и который будет для ее жителей вечной причиной рабства, пока ее от него не освободят. Не надейтесь, что свобода укоренится и даст свои плоды в деревне до тех пор, пока в ней будет господствовать феодализм. Вот уже двадцать один месяц, как издан закон о феодальном режиме, и однако ни один из тех, которые должны платить отвратительные права, с ними связанные, не выкупил их, и мы, пророчески предсказывая, смеем вас уверить, что если Национальное собрание не позволит нам выкупать постоянные права (droits fixes), как таск, шампар и т. д., отдельно от случайных прав (droits casuels ou lods), народы, подчиняющиеся этому ужасному режиму, и через тысячу лет будут мертвы для свободы...

11. Письмо муниципалитета деревни Жуи (Meuse).

[Sagnac, № 241.]

1790 г.

Господа!

Должностные лица муниципалитета деревни Жуи, расположенной в пределах Коммерсийского дистрикта, Мезского департамента, имеют честь довести до вашего сведения, что сеньер их местности устроил в пределах и на лугах этой деревни пять огороженных участков, составляющих в общей сложности около 45 арпанов. Из этих участков один преграждает проход в луга, другой препятствует воде, когда она накопляется в лугах, стекать прочь и заставляет ее оставаться там, — обстоятельство очень вредящее лугу. Кроме этого, все эти огороженные участки лишают жителей права на выпас [11] после снятия травяного укоса. В этом году, после покоса, некоторые из жителей деревни заявили претензии, согласно декретам вашего высокого Собрания, отменяющим права на отдельное стадо, [12] на право выпаса на одном из огороженных участков, смежным с их лугом и содержащим 24 арпана, и, действительно, погнали туда свой скот.

Сеньер, недовольный таким поступком, привлек нас к суду и требует постановления в том смысле, что он должен пользоваться этим огороженным участком, как и раньше, что следует запретить кому бы то ни было из местных жителей осуществлять свое право выпаса, требует возмещения убытков за совершенную потраву и, наконец, восстановления разрушенных оград.

Изложив все это, мы предлагаем вам вопрос, может ли сеньер в ущерб праву выпаса, которое принадлежит жителям, делать различные ограды в пределах деревенских угодий и лишать жителей вследствие этого корма, необходимого для скота, помогающего земледелию? Мы просим вас, господа, соблаговолить решить этот вопрос и указать,

как мы должны поступать в данном случае; ваше решение даст спокойствие нашим жителям, и мы воспользуемся всей нашей властью, чтобы его поддержать.

(Следуют 6 подписей.)

12. Просьба муниципалитетов Сомере, Монмэн, Сен-Жермен, Сент-Ави (Eure et Loir).

[Sagnac, № 243.]

18 июля 1790 г.

Господа!

Ваша любезность посвятить специально ваши патриотические работы благу нуждающегося класса внушает коммунам Сомере, Монмэн, Сен-Жермен и Сент-Ави желание поднять свой голос, подавляемый столь долго сеньериальным деспотизмом. Эти четыре коммуны берут на себя смелость довести до вашего сведения, что с незапамятных времен они владели правом выпаса своих коров на некоторых лугах, сейчас же после покоса; и притом только одной травы, что приблизительно лет двадцать или двадцать пять тому назад различные сеньеры и собственники стали запускать их под вторую траву, и, чтобы довести до предела отчаяние деревенских жителей, они, кроме этого, превратили в сенокосы толоки (пастбища — pâtures), последнее убежище этих несчастных. Вследствие этого последним остаются лишь дороги и кое-где опушки рвов, но и оттуда корысть богатых умеет их вытеснять, так как богатые и сюда гоняют скот, так что жители принуждены держать своих коров в стойле или совсем отказаться от них.

Это лишение является для них самым большим из всех несчастий, потому что оно отнимает у них средства питать свою семью, уплачивать налоги, и оно приводит их к самой крайней и самой ужасной нищете, в особенности в этой местности, где, вследствие отсутствия мануфактур, зимой очень трудно получить работу.

Почтительная просьба жителей совсем не имеет своим предметом луга, которые всегда были под двумя травами; такое требование было бы несправедливо в отношении арендатора, который заключил договор в расчете на два укоса, в то время, как те луга, на которые они просят восстановить прежнее право пользования, могли быть сданы в аренду только из расчета одного укоса с правом жителей пасти свой скот вслед за снятием первой травы.

Злонамеренность и жадность арендатора, который впервые не допустил их [до пользования пастбищем], привлекши их к суду и заставив их частично совершить нелепые и обманным способом или насилием вынужденные отказы [от своих прав], имели своим последствием нечто вроде пагубной эпидемии, которая распространяется, приводя в отчаяние и разоряя деревни. В этом легко убедиться из множества жалоб, которые все относятся приблизительно к тому же самому времени.

В результате злоупотреблений, размножающихся до бесконечности, овцы и гуси, еще более вредные для пастбищ, отнимают у тех, которые еще сохранили некоторые остатки пастбищ, этот слабый, но драгоценный источник.

Доведенный до полного разорения, этот класс задавленных нуждою и всегда преследуемых видит себя принужденым отнять у ваших полезных и драгоценных трудов одну минуту, чтобы принести вам свои справедливые жалобы, будучи уверен, что вы, господа, конечно, соблаговолите восстановить его в его прежних правах пользования и что вы не потерпите, чтобы те, чьи руки не перестают добывать хлеб для родины, были единственными, которые в хлебе нуждаются. Решив скорее умереть, чем отступить в чем-либо от мудрости ваших декретов, этот класс будет с истинным духом повиновения ждать того, что будет угодно постановить по поводу их нижайших просьб и будет непрестанно молить небо о сохранении его достойных и уважаемых представителей.

(Следуют 28 подписей.)

13. Заявление жителей общины Мармань (Côte d'Or).

[Sagnac, № 244.]

21 июля 1790 г.

Господам представителям французской нации.

Должностные лица муниципалитета и граждане общины Мармань около Монбарда берут на себя смелость довести до вашего сведения, что с некоторого времени крупные собственники превратили часть своих лучших владений в огороженные участки и не хотят, чтобы их сограждане пасли на них свой скот даже после травы, несмотря на то, что эти крупные собственники пасут свой скот на земле, принадлежащей прочим лицам. Эти огораживания причиняют большой ущерб сельскому хозяйству, земледельцам и окружающим землям: сельскому хозяйству — тем, что оказывается невозможным кормить количество скота, нужное для обработки и удобрения земли; земледельцам — тем, что они не извлекают из своих жатв и своей торговли скотом всю ту выгоду, которую они имели бы, если бы у них было больше пастбищ; окружающим землям — тем, говоря кратко, что изгороди бросают тень и препятствуют обработке клочков по соседству с ними. Значительная часть этих вредных качеств тем более чувствительна для граждан коммуны Мармань, что эта деревня расположена в длинной, но очень узкой долине, окаймленной высокими запущенными холмами, которые не годятся для пастьбы скота.

Находясь в таком печальном и плачевном состоянии, просители полагают, что будет самым лучшим почтительно просить высоких представителей нации, истинных отцов народа и родины, декретировать, чтобы никаких огораживаний на территории деревни Мармань не было; что те, кто их имеет в настоящее время, обязаны снять изгороди, которые окружают их земли (за исключением тех, которые окружают их дома), таким образом, чтобы после жатвы скот каждого мог там пастись; или же распорядиться, что те, кто будет производить огораживания или кто уже имеет их в настоящее время, обязаны пасти свой скот на огороженной земле, а не гонять его на неогороженные земли других собственников для того, чтобы эти последние могли находить достаточно корма для своего скота.

(Следуют 7 подписей.)

14. Донесение директории Верхне-рейнского департамента.

[Sagnac, № 249.]

24 августа 1790 г.

Господам президенту и членам Национального собрания.

Господа!

Имеем честь довести до вашего сведения, что в нашем департаменте Верхнего Рейна идет во-всю дележка общинных угодий, и, так как такая операция не может осуществляться, не вызывая больших неудовольствий, то расколы и раздоры увеличиваются и обостряются с каждым днем. Это мы видим по постоянным жалобам, которые направляют нам коммуны. Среди них есть такие, где происходят кровавые столкновения; в других дело идет к тому же, и граждане готовы вцепиться друг другу в горло. Поэтому является настоятельно необходимым найти средство против этих беспорядков и призвать к спокойствию граждан, которые в остальном преданы конституции, питая к ней чувства несокрушимого патриотизма.

Ничто не может в такой мере способствовать исчезновению источника этих раздоров, как изданный Национальным собранием декрет, который установил бы долю, приходящуюся на каждого главу семьи, и который определил бы способ раздела между гражданами общин Верхне-рейнского департамента.

Заранее исполненные уверенности в мудрости декрета, который вы, господа, конечно, соблаговолите издать по этому поводу, мы осмеливаемся сделать на этот предмет некоторые необходимые замечания.

Общины владеют в большинстве случаев различными видами общинных угодий.

Одни из них состоят в лесах, и продукт [13] этих лесов распределяется по делянкам между жителями, причем имеет значение различие между пользующимися правом гражданства (в общине) и не пользующимися (manant); [14] и в большинстве коммун раздел (топлива) происходил в пропорции к местным сборам (subvention) до регламента г. интенданта от 20 марта 1783 г., который распорядился производить равный раздел при распределении леса, идущего на топливо, между всеми теми, которые на одинаковом основании несут реальные повинности, лежащие на коммуне, не обращая внимания на то, значатся ли они пахарями или поденщиками, равно как и на сравнительные размеры обложения, которое каждый из них несет в зависимости от своего личного имущества, согласно списку налогов и других общественных повинностей.

Другие состоят в пастбищах, и жители пользуются ими индивидуально для пастьбы своего скота. В некоторых местностях этим правом пользуются только записанные в число граждан общины (bourgeois).

Третий вид заключается в долях общинных угодий, которые с незапамятных времен были прикреплены к некоторым крестьянским дворам и передавались от семьи к семье и даже продавались вместе с двором.

Четвертый вид общинных угодий состоит из лугов, пахотных земель, виноградников и т. д. и образует коммунальное имущество, которое сдается в аренду или эксплоатируется в пользу общины: доходы с него идут в коммунальную кассу и расходуются на потребности коммуны.

Этот порядок вещей не вызывал больших затруднений до момента революции; провинциальная администрация, уполномочивая произвести распределение некоторых пастбищ или пустошей, принимала систему равного раздела между всеми гражданами (bourgeois) без отношения к местным сборам (subvention); она не считала даже нужным касаться того, что было установлено древними обычаями относительно различия между гражданами общины и не числящимися таковыми (quant à la distinction entre les bourgeois et manants).

В результате этого произошли многочисленные разделы общинных земель разного рода, распределенных между гражданами в пользование на определенное количество лет или пожизненно, при этом обыкновенно с обязанностью уплачивать ценз или ежегодную ренту.

Со времени революции многие, основываясь на правах человека или на праве активного гражданина, стали настаивать на равном разделе, не принимая во внимание, пользуется ли это лицо правом гражданства в этой коммуне или нет, и какие оно несет налоги. Больше того, так как угодья, которые распределялись между имеющими права гражданства и в меньшей пропорции среди не имеющих таковых, не были настолько велики, чтобы из них можно было дать каждому клочок земли, который имел бы некоторую ценность, появляются требования включить в этот раздел и те угодья и земли, которые всегда сдавались в аренду или эксплоатировались в пользу всей общины в целом; это страшно ослабило бы в большинстве местностей ресурсы для удовлетворения местных нужд. Небольшие ренты, которые можно было бы наложить на клочки, создавшиеся в результате раздела, оказались бы недостаточными, чтобы возместить эту потерю.

Очевидно, что по поводу затруднений, могущих возникнуть по поводу того, какие из общинных угодий следует и какие не следует включать в число подлежащих разделу, придется положиться на благоразумие департаментов. Но вопрос о том, будут ли иметь равное право на раздел лица, пользующиеся правами гражданства, и лица, не имеющие такового (в данной коммуне), кажется очень щекотливым.

Некоторые общины пользуются известным достатком вследствие того, что лицам, имеющим права гражданства в общине, принадлежало исключительное право пользования общинными угодьями. Это преимущество не было бесплатным, так как в этих общинах право гражданства приобреталось на очень тяжелых условиях и в результате уплаты коммуне некоторой суммы за право быть допущенным к общинным угодьям. Лица, не имеющие прав гражданства (manants), не уплатив ничего коммуне, не принимая участия в расходах по приобретению или распашке нови на общинных землях, не имели никаких претензий на эти угодья, которые являлись плодом сбережений предков и основой для корпорации граждан (bourgeois) одного и того же места. Община Бартенгейм представляет собою, между прочим,

наиболее яркий пример: граждане (bourgeois) этой общины являются собственниками сеньериальной земли, называемой О (Au), с которой связано право суда, ими также приобретенное; они пользовались этим правом исключительно в качестве граждан (bourgeois), в число коих вследствие этого, нельзя быть принятым, не уплатив около 600 ливров.

Нужно было бы установить тяжелые условия для допуска к разделу, ибо без этого все бедные в богатых общинах оказались бы участниками раздела, и, следовательно, выгоды (права гражданства) были бы сведены к нулю.

Следует, однако, заметить, что в большинстве общин не имеющие прав гражданства (manants) были допущены к участию при разделе общинных угодий в трети, четверти или половине той части, которая досталась на долю привилегированной части граждан (bourgeois).

Национальное собрание коснулось в своей законодательной деятельности прав гражданства (droit de bourgeoisie) [14] лишь в связи с феодальными правами, т. е. в связи с платежами, которые взимали сеньеры с тех, кто желал получить права гражданства; но и предполагая, что право гражданства (droit de bourgeoisie) будет отменено само по себе, и с точки зрения существования корпорации таких граждан, которые имели право отказывать другим гражданам иметь долю в общинных угодьях, — следовало бы решить вопрос, может ли каждый человек обосноваться в общине, и каким образом каждая коммуна сможет гарантировать себя от бродяг, подозрительных людей или несостоятельных, которые вздумали бы в них остаться на жительство, в особенности в департаменте Верхнего Рейна, который повсюду соприкасается с границей.

До сих пор во многих местностях, в особенности в городах, требовалось известное поручительство или удостоверение в обладании известными средствами для того, чтобы быть принятым в число граждан (dans la bourgeoisie) и даже просто жителей, не обладающих правом гражданства (même à la manance) для того, чтобы быть уверенным, что вновь принятые граждане будут платить налоги и смогут содержать себя и свои многочисленные семьи, не будучи в тягость общине.

Сторонники равенства раздела, наоборот, ссылаются на то, что конституция не знает разницы между гражданами и не имеющими права гражданства; что все люди юридически равны; что настаивать на прежнем неравенстве разделов значило бы сохранять принципы уничтоженной аристократии и противиться тому, кто имеет своею целью заботиться о существовании малосостоятельных граждан; что, так как коммуна есть коллективный собственник общинных угодий, ее члены имеют личное и индивидуальное право на выгоды, проистекающие от этой собственности, и что это право принадлежит всем, кто достиг или кто мог бы получить право гражданина коммуны.

Это принципиальное расхождение, берущее начало в противоречии соответствующих интересов, должно быть примирено с принципами законности, которые не могут никогда измениться...

В особенности важно установить законы по поводу следующих положений:

1. Следует ли делить общинные угодья на равные доли и с обязательством уплаты небольшой ренты между всеми жителями коммуны, имеющими гражданство и не имеющими такового, или же следует держаться старого порядка распределения между этими двумя категориями жителей?

2. В случае, если будет иметь место равный раздел, достаточно ли иметь оседлость в данном месте или нужно быть активным гражданином для того, чтобы иметь часть при разделе.

3. Можно ли будет отделять общинные угодья от дворов, с которыми они были соединены с незапамятных времен и превратить их в собственность или владение семей с обязательством уплаты ценза.

4. Какие предосторожности может принять коммуна, чтобы не обременить себя несостоятельными и бедными семьями, которые тем более лягут бременем на коммуну, что ей придется разделить общинные угодья?

5. В случае, если Национальному собранию угодно будет декретировать, что общинные угодья, могущие быть поделенными, подлежат равному разделу между всеми гражданами как в своем капитальном виде, так и в виде продуктов с них, не следует ли вознаградить имеющих право гражданства (bourgeois), которые до сих пор получали исключительное право участия в некоторых видах общинных угодий на особых тяжелых условиях?

И, наконец, при разделе пастбищ не следует ли сохранить неразделенным некоторое пространство для пастьбы скота и случного пункта.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Bons titres primordiaux, т. е. документы, на основании которых сеньер получил право на взимание платежей.

[2] Reconnaissances — обязанность вассала давать периодически торжественные акты признания зависимости своей земли от сеньерии и своей обязанности вносить сеньериальные платежи и нести сеньериальные повинности.

[3] Acapte — сеньериальный платеж, существовавший в некоторых провинциях, который вносился наследниками цензитария сеньеру. Выкуп траурного платья — такая же повинность в пользу наследников сеньера.

Типичный случай так называемой феодальной реакции.

Здесь имеется в виду следующий типичный случай: собственник того времени (условный), т. е. цензитарий, или владелец феода, сдает в аренду свою землю крестьянину, причем последний обязан выплачивать ценз и другие сеньериальные платежи сеньеру. Действительный доход такого собственника от аренды, следовательно, равен обычной арендной плате за вычетом сеньериальных платежей. Автору этого документа хочется доказать, что в уничтожении феодального режима богатый собственник заинтересован в большей степени, чем бедняк-арендатор.

[6] Декреты 15 — 28 марта 1790 г.

Из декрета 3 — 9 мая 1790 г. о способе выкупа сеньериальных прав. § 13. Чтобы произвести выкуп постоянных сеньериальных платежей (droits fixes, как-то: ценз, годовые платежи деньгами, хлебом, продуктами или плодами урожая), должна быть сначала произведена оценка всего ежегодного дохода от платежей, лежащих на данной земле, и этот ежегодный доход будет выкуплен, согласно нижеприведенной таксе. Что же касается оценки ежегодного дохода, она должна быть произведена для каждого рода платежей следующим образом.

§ 14. Для платежей в зерне должен быть определен средний годичный размер их ценности из цены зерна того же рода, взятой из регистрации местного или ближайшего рынка, если такового нет в данном месте. Чтобы определить

среднюю годичную цену, надо взять последние 14 лет перед выкупом, отбросить два года с самыми высокими ценами и два года с самыми низкими ценами; средняя годовая будет определена из оставшихся 10 лет.

§ 15. Таким же образом следует поступать и относительно платежей, следуемых в птице, ягнятах, свиньях, масле, сыре, воске и др...

§ 17. По отношению к платежам, составляющим известную часть урожая (как шампар, терраж и т. д., сеньериальная десятина и др. подобного же рода), стороны назначат экспертов, или последние будут назначены официальным путем, судьею, и эти эксперты произведут оценку того, что дает в натуре данная земля в среднем в год. Размер ежегодного платежа будет затем установлен (в натуре) в соответствии с средним годичным размером урожая с данной земли; и этот платеж будет затем оценен согласно форме, предписанной § 14, касающимся оценки платежей зерном.

§ 21. Выкуп суммы, к которой будет сведен годичный итог ежегодных и постоянных платежей, будет произведен следующим образом: для денежных платежей и барщин и для доходов от баналитетов выкуп должен быть в 20 раз больше годовой суммы (au denier vingt); что же касается платежей в зерне, птице и др. плодах, суммы выкупа должны быть в 25 раз больше ежегодной суммы (au denier vingt cinq).

§ 22. Всякий, желающий выкупить сеньериальные права, которые лежат на его земле, обязан внести вместе с капитальной суммой и все недоимки постоянных и ежегодных рент, если таковые недоимки окажутся как для предыдущих лет, так и для текущего года в соответствии с временем, прошедшим с момента последней уплаты ренты и вплоть до дня выкупа (Duvergier, Collection complète des lois, v. I, pp. 190—196).

[8] Операция, при помощи которой продавец хочет обмануть покупателя, состоит, следовательно, в следующем: он хочет, чтобы его долю, т. е. половину продуктов с участка, сданного им в аренду испολу, считали за 2% капитальной цены участка на том основании, что, продавая из расчета 4% капитальной суммы он имел в виду не только свою половину продуктов, но и половину арендатора. Обозначая цену продуктов, которые собственник получает в качестве арендной платы за S, цена его участка будет $\frac{S \cdot 100}{2} = 50 \cdot S$ (т. е. 50-кратная цена продуктов, ежегодно им получаемых в качестве арендной платы). То же самое мы получим, капитализируя из 4% цену всего продукта от земли, т. е. не только долю собственника, но и долю арендатора, т. е. $\frac{2 \cdot S \cdot 100}{4} = 50 \cdot S$.

Автор документа хочет показать, что Национальное собрание хочет заставить крестьян заплатить сеньерам выкупную сумму вдвое выше ее действительной цены.

[9] Любопытная терминология. Купить ренту (сеньериальную) в один мешок за 300, 400 ливров — значит установить ипотеку в форме сеньериальных платежей и повинностей. Мешок пшеницы со всеми добавлениями, указанными в документе, является ежегодным доходом с 300—400 ливров, данных взаймы. Комплексы сеньериальных платежей превратились уже давно в объекты купли-продажи и расценивались как определенный процент на затраченные на их покупку суммы.

[10] Рента есть процент на капитал, затраченный на ее покупку. Но сеньериальная рента не есть арендная плата; она обычно гораздо ниже арендной платы. Поэтому и цена земли (12 000 ливров), с которой следует эта рента (в один мешок), гораздо выше цены такой ренты (300—400 ливров).

[11] Дальнейшие документы посвящены так называемым общинным угодьям (biens communaux). При существовании примитивной сельскохозяйственной техники и принудительного севооборота, «общинные угодья» заключались не только в землях, лесах, в водах в форме общего пользования ими, или сервитутов, но и в таких правах всех членов общины, как право на прогон и совместный выпас скота нескольких деревень (droit de parcours), право на выгон скота в поле после снятия хлеба (droit de pacage) или право выгона на сенокосы после первого укоса (droit de vaine pâture). Перед революцией во многих местах, в особенности на северо-востоке Франции, стало развиваться травосеяние, искусственные луга и попытки огораживания лугов, поощряемые правительством. Это явление встречало резкое сопротивление со стороны рядового крестьянства. (См. ст. H. Sée, Une enquête sur

le droit de vaine pâture et droit de parcours à la fin du reigne de Louis XV, Rev. d'hist. du XVIII s. 1913, № 3 и его же статью на русском языке в «Научном Историческом журнале» (под редакцией Кареева) за 1913 г., № 2.)

[12] Droit de troupeau à part — право сеньера, имевшего высший сеньериальный суд (haut justicier), иметь и пасти на общинных лугах стадо, отдельно от стада общины. К концу «старого порядка» сеньеры обычно сдавали это право в аренду торговцам мясным скотом, которые, будучи в то же время откупщиками других сеньериальных прав, злоупотребляли правом на отдельное стадо в ущерб общинам.

[13] Т. е. сухостой, валежник и дровяные делянки.

[14] В Эльзасе и Лотарингии так называемое droit de bourgeoisie, отмененное декретом 15 — 28 марта 1790 г. (отдел II, § 9), было явлением, обычным не только в городах и бургах, но и в деревнях. В силу этого права члены общины оказывались разделенными на две группы: просто обывателей (habitants, или, как в данном случае, manants) и граждан (bourgeois), причем последние, более зажиточные, имели привилегии при пользовании общинными угодьями.

III. ГОРОД ТРУА И ТРУАССКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОКРУГ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Труасская текстильная промышленность накануне революции.

Донесение шалонского интенданта Руйе Дорфей генеральному контролеру финансов.

[Vernier, Cahiers de bailliage de Troyes, v. I, p. XLIII.]

20 января 1788 г.

Производство г. Труа переживает жесточайший кризис и, если ему не придут на помощь в самом спешном порядке, оно может погибнуть... Каковы бы ни были причины этого упадка, можно установить, что из 2 600 станков, которые действовали полным ходом до конца 1786 г., в настоящее время работает только 1 157, откуда ясно, что число неработающих станков доходит до 1 543. Таким образом, 1 543 мастера-ткача остались без работы. Но еще большее зло заключается в том, что эти мастера оставляют без работы более 3 000 других рабочих, которые жили изо дня в день своей работой, т. е. чесали, пряли и отделывали материал, предназначавшийся для ткачества. Я мог бы без риска впасть в преувеличение, более чем утроить число этих безработных, если бы включил в мой подсчет их детей и всех тех, которые связаны с ними, помогая им в работе или находясь у них в ученичестве.

Производство шерстяных изделий переживает ту же революцию. Результаты здесь еще более ужасающи, ибо всем известно, что каждый станок в шерстяном производстве требует двух мастеров-ткачей и, по крайней мере, от 12 до 15 рабочих как для прядения, так и для чесания шерсти, равно как и для других различных манипуляций; так что фабрикант шерстяных материй (drapier), имеющий 60 станков — и такие имеются в Труа, — занимает ежедневно один до 1 500 рабочих.

Письмо Тайарда, инспектора мануфактур в г. Труа, Толозану, интенданту торговли.

[Vernier, Troyes, v. I, p. XLIV.]

9 октября 1788 г.

Производство в г. Труа хлопчатобумажных тканей и других полульняных и полушерстяных тканей в этом генеральстве находится в положении, вызывающем наибольшее беспокойство, так как спрос

на эти товары постепенно уменьшался, начиная с мая 1787 г.; в настоящее время вывозится самое большее половина того количества, какое вывозилось обыкновенно. Купцы, торгующие этими тканями, прекратили закупки или продолжают покупать их лишь за цену, разоряющую фабрикантов (мастеров), [1] из которых каждый принужден сокращать свое производство, а многие оказались перед тяжелой необходимостью прекратить его совершенно, за отсутствием средств продолжать его, и очутились в положении рабочих. В результате этого из 2 600 станков, занятых в этой отрасли производства в г. Труа и его предместьях перед концом 1786 г., сейчас действует едва в 1 100 — обстоятельство, которое лишает работы 9 000 человек, считая, что каждый станок требует 6 рабочих...

Производство вязаных изделий на вязальных станках, образующее важную отрасль производства г. Труа, также пострадало от торгового договора с Англией и от тяжелых времен. В нем произошло уменьшение количества станков с 500 до 200 за последние 18 месяцев как в городе, так и в предместьях — обстоятельство, которое бросает в нужду 1 200 рабочих.

Не без основания думают, что этот застой в торговле труасскими тканями и вязаными изделиями не может продолжаться, и по мере того, как английские товары, которые конкурируют с ними, будут признаны менее солидными по качеству, каковыми они действительно и являются, труасские ткани снова приобретут популярность. Но до тех пор в высшей степени необходимо снабдить на эту зиму средствами существования несчастных рабочих (мастеров), оставшихся без работы, чтобы помешать им эмигрировать и предупредить вместе с тем беспорядки, произвести которые заставит их нужда в хлебе насущном.

Количество этих рабочих, которых кризис в торговле продуктами труасского производства лишил их обычной работы, достигает приблизительно 10 200. Но так как большая часть тех, кто не является постоянным жителем города, решили вернуться на родину, а таких оказалось около 6 000, то число нуждающихся в помощи определяется приблизительно в 4 200 человек.

Письмо шалонского интенданта Руйе Дорфей генеральному контролеру.

[Vernier, v. I, p. LXV.]

12 октября 1787 г.

(Интендант указывает четыре причины затруднительного положения труасской промышленности после 1786 г.)

1. Злоупотребление со стороны большого количества фабрикантов (мастеров), в особенности тех из них, которые устроились в деревнях по соседству с городом Труа, неограниченной свободой, предоставленной им § 1 королевского патента 5 мая 1779 г., [2] в результате которого в торговле появились не новые материи и ткани, а прежние, ухудшенные на тысячу ладов, — обстоятельство, которое незаметно подорвало доверие потребителя

2. Легкость, с какою рабочие могут избежать всякого надзора и дисциплины, перейдя к деревенским мастерам (fabricants), которые принимают их и дают им работу, не спрашивая увольнительных биле-

тов, а иногда и прямо сманивают их заманчивыми обещаниями от цеховых мастеров (fabricants), которые часто выдают в задаток рабочим значительные суммы и не знают, каким путем взыскать с них эти суммы, так как юрисдикция судьи по делам мануфактур имеет распространение по таким делам только в пределах города и мануфактур и не выходит за эти пределы.

3. Дороговизна сырья и огромный отпуск хлопчатобумажной пряжи самого лучшего качества, приготовленного в Труа и его окрестностях, в другие провинции, а может быть даже и для отправки заграницу.

4. Торговый договор с Англией... [3]

Письмо шалонского интенданта генеральному контролеру финансов Ламберту.

[Vernier, ibid, pp. LXII — LXIII.]

17 августа 1788 г.

Подмастерья и рабочие начинают роптать и вывешивают даже афиши, в которых они угрожают устраивать пожары, особенно у купцов, которые отказываются производить закупки (их произведений)... Большая тревога царит в г. Труа — опасаются и не без основания, что будущая зима будет очень бурна. Поэтому высказываются пожелания, что для того, чтобы занять безработных, которых, конечно, будет очень большое количество, нужно устроить несколько благотворительных мастерских, где каждый рабочий мог бы найти занятие и некоторую помощь против нищеты. Это, действительно, было бы самым верным средством для того, чтобы успокоить умы; его надо поскорее осуществить, чтобы отнять всякий предлог к жалобам и недовольству. Но, пока будет принято решение на этот счет, муниципальные власти Труа сочли нужным установить патруль днем и ночью, чтобы удерживать в страхе злоумышляющих и держать всех рабочих в границах долга и дисциплины...

2. Наказы торгово-промышленных корпораций и цехов г. Труа в генеральные штаты 1789 г. [4]

Из наказа купечества г. Труа.

[Vernier, Cahiers de Troyes, v. I, pp. 65 — 73.]

10 марта 1789 г.

1. Если, несмотря на всеобщие протесты, разрыв торгового договора с Англией будет отложен, пусть его вредное влияние будет, по крайней мере, устранено увеличением пошлин на английские товары. Этот договор нанес гибельный удар производству г. Труа и неминуемо повлечет за собой его разорение, если Генеральные штаты не примут немедленных мер против этого.

2. На будущее время всякий торговый договор не может быть заключен или установлен без согласия Генеральных штатов.

3. Ввоз иностранных товаров должен быть запрещен, за исключением тех, которые являются сырьем и не производятся во Франции.

5. Все таможенные заставы должны быть отодвинуты к границам, мостовые, дорожные, речные и другие фискальные пошлины без исключения должны быть уничтожены. Эти препятствия, встречаемые торговлей на каждом шагу, в связи с притеснениями, которые она испытывает, как в неприятельской стране, лишают ее той драгоценной свободы, которая создает ее богатство и силу.

7. Всякая привилегия на исключительное право торговли должна быть отменена. Она препятствует соревнованию и искусственно способствует успеху, который должен вознаграждать лишь талант.

10. Каждая штука какого-либо товара не должна подлежать какому-либо клеймению или пломбированию, но должна иметь лишь указание на размеры в начале каждой штуки и печать с именами фабриканта (мастера) и купца.

13. Ни одного деревенского фабриканта (мастера) не должно беспокоить из-за продажи товаров его производства, так как свобода — источник процветания промышленности.

Из наказа фабрикантов шелковых, шерстяных, льняных и бумажных материй.

[Vernier, v. I, pp. 80 — 89.]

Самый гибельный опыт доказывает ныне, что безграничная свобода торговли материями, недавно принятая во Франции, вредит и национальному сельскому хозяйству и национальной промышленности.

Напрасно ссылались на пример Англии, у которой эта система может удаться, принимая во внимание размеры ее владения.

Со времени принятия этой системы во Франции, пустеют города, и нищают деревни; сельское хозяйство в пренебрежении, и городские фабрики заброшены.

Пусть спросят собственников и земледельцев в пределах Труасского бальяжа. Все единогласно ответят, что появление фабрик в деревне лишает землю множества работников, пот которых оплодотворил бы ее; что со времени появления деревенской промышленности расходы по обработке земли более чем удвоились, и что часто даже богатые жатвы погибали за отсутствием рабочих рук для их уборки. Они ответят, что до 1777 г. насчитывали 63 пахаря в дер. Планси, около Труа, и что с 1788 г. там было не более 3 пахарей и 63 фабриканта, так что значительная часть земли осталась необработанной.

Пусть бросят взгляд на производство г. Труа. Увидят, что оно, будучи далеко от того, чтобы успешно конкурировать с английскими фабриками, не может конкурировать даже с фабриками, возникающими повсюду в деревнях, и, таким образом, оно стремительно идет навстречу гибели.

В самом деле, деревенские фабриканты (мастера) не платят ни взносов при получении звания мастера, ни цеховых сборов; они имеют более дешевые рабочие руки; и квартира и пища им стоят гораздо дешевле. Они могут назначать более низкие цены на материи, а желание иметь сбыт побуждает их к этому

Городские купцы поддерживают деревенские фабрики; они высказываются за их сохранение. Но можно ли исполнить такое по-

желание, имеющее исключительно личный характер и являющееся неопровержимым доказательством выгодности этих фабрик в сравнении с городскими, если известно, что до появления деревенских фабрик труасское производство насчитывало более 3 000 станков и занимало более 30 000 душ, и что теперь оно насчитывают меньше 1 500 станков; если, наконец, известно, что это разорение и этот упадок производства г. Труа вызвали самые жестокие беспорядки и заставили город искать спасения в городской милиции, которую он держал под ружьем еще в феврале 1789 г.

Но для того, чтобы город мог оправиться от удара, который он испытал, не только обязательно нужно, чтобы труасское производство было сосредоточено в городе, но нужно также, чтобы оживить упавшее производство, исправить различные злоупотребления, укоренившиеся в нем во время, так сказать, анархии, [6] на волю которой были предоставлены фабрики, и исправить несовершенства нового (промышленного) режима, обнаруженные опытом, как, напр., учреждение бюро осмотра внутри королевства и нынешний порядок пломбирования, которые имеют в виду только налоги). Эти злоупотребления следующие:

сопротивление со стороны купцов исполнению ст. VI королевского патента от 28 июня 1780 г., [7] которая уполномочивает самого фабриканта вымеривать длину своих тканей и обозначать результаты обмена на каждой штуке;

нарушение со стороны фабрикантов и купцов ст. XXIII эдикта, апреля месяца 1777 г., которая запрещает сдачу в аренду прав мастера . . .; [8]

неисполнение регламентов, запрещающих сманивать и снимать с работы рабочих, увеличивая их заработную плату

Все эти злоупотребления, введенные в производство, все эти несовершенства нынешнего режима препятствуют обращению товаров, облегчают фальсификацию, подрывают производство хороших фабрик и создают в результате этого препятствие к их восстановлению и их процветанию.

Вот почему наша корпорация высказывается в особенности:

1. за отмену безграничной свободы торговли и запрет иностранных материй;

2. за отмену ввозных пошлин на сырье;

3. за отмену таможен и бюро осмотра внутри королевства и нынешнего режима пломбирования и путевых пошлин;

4. за то, чтобы никакой торговый договор с иностранным государством не заключался без отзыва всех производств тех городов, в которых имеется консульская юрисдикция;

5. за уничтожение всех деревенских фабрик;

6. за то, чтобы шелк, шерсть, волокно и хлопок не считались товарами, и чтобы фабриканты одни имели право покупать и продавать пряжу из этого сырья;

7. за издание уголовного закона против купцов и фабрикантов, которые будут отказываться подчиняться ст. VI и IX королевского патента 28 июня 1780 г. относительно обмера и ст. XXIII эдикта 1777 г. относительно уступки прав мастера . . .

Из наказа мастеров-фабрикантов: вязальщиков, шляпочников и скорняков. [9]

[Vernier, Troyes, v. I, p. 117.]

§ 16. Необходимо запретить всем купцам и коммерсантам, какого бы то ни было сорта, накладывать на их товары заимствованное фабричное клеймо, как это они делают ежедневно, присвоивая себе звание мастера, во всех своих коммерческих объявлениях и переписке; и чтобы одни настоящие мастера были поддерживаемы и охраняемы в их праве накладывать такие клейма, равно как и называть себя фабрикантами в своей корреспонденции.

§ 17. Необходимо совершенно уничтожить все деревенские фабрики, так как они вредят обработке земли и полевым работам, которые не совершаются во-время из-за недостатка рабочих, занятых на различных фабриках, за исключением мест, именуемых бургами; необходимо, чтобы деревенское производство было подчинено наблюдению цеховых представителей (gardes-jurés) [10] главного города, для устранения злоупотреблений и исправления дурной фабрикации, которая царит в ней ныне, так как она находится под наблюдением лишь неопытных провинциальных инспекторов, осматривающих ее иногда всего лишь раз в год.

Из наказа мастеров-портных г. Труа.

[Vernier, Troyes, v. I, p. 123.]

10 марта 1789 г.

Корпорация просит:...

§ 3. чтобы все деревенские фабрики были совершенно уничтожены;

§ 4. чтобы все механические станки [11] для прядения бумаги были совершенно уничтожены для того, чтобы фабрикация пряжи была лучше, и чтобы рабочие руки не оказывались лишними, что является причиной огромной нужды;

§ 5. чтобы плата за прием в мастера различных корпораций была увеличена на будущее время на половину против того, какой она была раньше...

Из наказа цеховых подмастерьев г. Труа. [12]

[Vernier, Troyes, pp. 177—189.]

Ст. 14. Полное доверие, которое оказывает нам ваше величество, допуская нас делать ему представления, которые мы считаем нужным сделать, заставляет нас просить его о полном разрушении всех механических станков, которые оставляют без работы большое количество женщин и детей, равно как и стариков. Этот сорт изобретений вызывает изумление, но он вреден вообще и лишает работы много народа. Быстрота, с которой [благодаря прядильным механическим станкам] можно приготовлять материал для ткачей и вязальщиков, повергает тех, кто занимается изготовлением этого материала на прялке, в самое мрачное уныние.

Ст. 15. Если бы торговая палата соизволила обратить внимание на то, что бумажная пряжа, приготовленная на механических станках

совершенно не годится для дальнейшей обработки, в особенности, когда дело идет о желании поддержать высокую репутацию французской торговли и французского производства! Эта пряжа сильно испорчена; работа из нее не имеет вида, какие бы предосторожности ни принимались, и приходится признать, что употребление, которое можно было бы сделать из таких произведений, не может иметь большой цены. Верно, что Англия пользуется этим вышеупомянутым изобретением, вредным для тех, кому доступно лишь прядение на прялках. Но какую ценность и какую доброту имеют их товары? Никакой! У них хороший вид и особый лоск, но надолго ли? Англичане весьма озабочены сбыть их поскорее во Францию, не покупая в то же время наших товаров.

Ст. 16. Вот что заставляет нас просить ваше величество, чтобы торговый договор с Англией, в особенности из-за положения рабочих (и заработной платы), был отменен или, по крайней мере, не возобновлен. Поток их товаров оказался страшной язвой для Франции. Нет ни одного производства, ни одного торгового города, который бы не пострадал сверх всякой меры от этого договора. Ибо разве их долг не требовал от них, раз дело идет о торговле, чтобы они нагружались нашими товарами? Однако этого нет. Они грузили другие вещи.

Впрочем, все это зависит от воли его величества.

Ст. 17. Нынешняя деревня видит себя принужденной забрасывать земли, которые давали бы хороший урожай, если бы было достаточно рабочих рук для их обработки. Каждый принимается за ремесло или ткача, или вязальщика; пользуются пряжей, приготовленной механическим способом, — все это работа, можем заверить, наносящая ущерб торговле и производству. Впрочем, имея право работать, не уплатив за звание мастера, имея по большей части хлеб и вино, имея, кроме этого, помещение у себя в доме, они могут в ущерб рабочим, живущим в городе Труа, продавать свои изделия по более дешевой цене и работать с расчетом на меньшую прибыль.

Ст. 18. В деревне нет ни одного сеньера или фермера, которые не жаловались бы на недостаток людей для сельскохозяйственных работ. В результате земля заброшена или в большинстве случаев плохо обработана вследствие недостатка нужных рабочих рук. Но мы всегда будем послушны воле его величества.

Ст. 20. Нижеподписавшиеся просители, всегда в согласии с вашей волей, подчиняются всегда всякому постановлению или решению за или против них. Незаметно мастера завладели решением вопроса об увеличении размера штуки (материала). [13] Не говоря о многих регламентах на этот предмет, где мы видим 42, 43 или 45 аршин [14] (в штуке), постановление парламента, утвердившего административное решение, установило размер в 48 труасских аршин для широкой работы (т. е. холста). Это постановление давало подмастерью свободу и право требовать обмера сработанной штуки и оплачивать по-аршинно по условленной цене. Это так. Но необходимо, государь, ныне довести до вашего сведения, что с того времени торговля, к несчастью, переживает упадок. Мастера воспользовались этим, чтобы увеличить число аршин к нашему вреду, отняв у нас совершенно право обмера.

которое дано нам вышеупомянутым постановлением. Мы не смогли сохранить за собой эту привилегию, ибо всякому, кто вздумал бы потребовать обмера или только заикнуться о нем, тому грозили расчетом или рассчитывали без угрозы. Нужно, следовательно терпеть, и придется терпеть до тех пор, пока ваше милосердие и справедливость не соизволят утвердить на этот счет особый закон.

Ст. 21. Ваши смиренные просители желали бы, чтобы размер был установлен в 45 труасских аршин для штуки различных видов материи, как раньше, за исключением базена и фютена, которые могут остаться обычного размера.

Ст. 22. Существует много торговых городов, в которых вопрос о размерах штуки никогда не вызывал спора. В Руане, где торговля во всех отношениях процветает, рабочий может полностью пользоваться своей работой. Обмер ткани производится прямо со станка (au crochet), без всякого спора. Впрочем, если обмер снова будет фиксирован, как это ожидают просители от его величества, мастерам будет запрещено требовать размер штуки больший, чем требуется ордонансом. В Сен-Кантене, в Вермандуа скупщикам продают поштучно: точно известно, сколько штука содержит или должна содержать; все идет хорошо. В Лионе тоже хорошие порядки, Труа же не подчиняется никаким правилам.

Все эти новшества касательно обмера происходят от злоупотребления, введенного безрассудно и воровски мастерами, которые нарушают всякое постановление и от которых уже давно страдает личный интерес рабочего, их наемника и их жертвы.

Белильщики и те жалуются на эту давнишнюю и несправедливую крайность.

Представления подмастерьев-вязальщиков г. Труа.

[Vernier, v. I, pp. 192—193.]

Итак, наступил момент, столь желанный для нации, когда прекраснейший из королей соблаговолил созвать все сословия, все корпорации и общины, вплоть до нас, подмастерьев, столь же верных, как и ничтожных его подданных. С чувством неподдельной радости мы постараемся представить здесь свои слабые, но очень важные рассуждения, касательно непорядков в нашем производстве.

Так как вязальное производство сделалось важной отраслью торговли во Франции, чрезвычайно важно уничтожить и предупредить опасности, которые ему угрожают неизбежным крушением, если только не найдется средств против них, опасности, происходящие от плохого приготовления пряжи и плохой фабрикации — постоянных причины гибели самых лучших мануфактур.

Перейдем к причинам.

Приготовление пряжи есть душа вязального производства — в особенности бумажной пряжи, распространенной в провинции Шампань; необходимо однако, чтобы она была хорошей и хорошо приготовленной, т. е. ручным способом, а не на механических станках, столь распространенных со времени упадка хорошего производства, — упадка, приведшего к самым печальным последствиям в виде увеличения руч-

ных станков, в особенности в деревне, где жители забросили землю и стали пренебрегать ее обработкой, чтобы, так сказать, со страстью предаться этой отрасли производства, будучи поощряемы в этом теми самыми механическими станками, кои облегчают им возможность, некоторым образом, уничтожить городских мастеров.

Я предоставляю [15] мастерам высказаться по этому поводу.

Я возвращаюсь к нам, бедным подмастерьям, по поводу механических станков... Не последовало ли от этого самой ужасающей нищеты? Мы охотно допускаем, что есть иные особые причины, которые нам до некоторой степени неизвестны. Но если ткацкое производство оказалось в затруднительном положении, вязальное шло своим порядком, т. е. купцы покупали у фабрикантов (кустарей), (хотя многие из купцов и были принуждены прибегать к покупке у иностранных фабрик со времени торгового договора с Англией, гибельного для французской торговли, дурное производство которой является этому причиной); три четверти этих товаров (т. е. вязаных изделий) приготовлены в деревне и, следовательно, сделаны на механических станках. Если бы они были, наоборот, приготовлены ручным способом, сколько несчастных, которых постигла самая плачевная судьба, в особенности во время прошлой зимы, ухудшая их ужасную нищету, зарабатывали бы себе пропитание, занимаясь этим производством! И если бы этим несчастным, т. е. нам самим и нашим детям, не помогли бы заботы и благодеяния муниципалитета, совместно с теми подаяниями, которые собирали отовсюду духовные лица, разве они не дошли бы вследствие голода до самых пагубных поступков?

Вот против этих механических станков мы и стараемся привлечь внимание правительства, в особенности поскольку это касается нашей провинции.

(Следуют 20 подписей.)

3. Деревенская промышленность Труасского округа.

Данные сельскохозяйственной статистики 1788 г.

Труасский округ (élection de Troyes) не совпадал с судебными округами Франции старого порядка (bailliages), которые были избирательными округами при избрании депутатов в Генеральные штаты 1789 г. Поэтому и данные, приводимые ниже, заимствованы из нескольких томов издания наказов. Центральная часть Труасского округа лежала в Труасском бальяже, его западная часть в Сансском бальяже, северная и северо-восточная в Сезанском и Шомонском бальяжах. Все данные о распространении деревенской промышленности заимствованы из отчетов комиссаров [16] за 1788 г. и относятся к состоянию этой промышленности за 1787 или 1788 г. Название деревень дано по-французски. Рядом с названием приведены сведения о населении деревни.

1. Aubeterre. В 1773 г. было 50 дымов, 127 жителей, не считая мальчиков и девочек до 14 лет. В 1788 г. было 10 станков для вязания бумажных чулок; 20 хлопчатобумажных прядильщиков. (V. I, p. 317.) [17]

2. Assencières. В 1787 г. было 45 дымов, 164 жителя. 12 человек заняты прядением шерсти и бумаги. (V. I, p. 312.)

3. Arcy-sur-Aube (городок). В 1788 г. было 564 дыма. Фабрика бумажных чулок имела в 1788 г. 300 станков; 900 человек занимались прядением бумаги. Фабрика существует с 1733 г. (V. I, p. 292.)

4. La Chapelle-Saint-Luc. В 1787 г. — 161 житель, из коих 6 пахарей (laboureurs) и 43 поденщика (manouvriers). [18] Господа Авиа, Полен и Федриллон, купцы из г. Труа устроили за свой счет в деревне в 1784 г. фабрику льняно-бумажных материй, в которой 20 станков. (V. I, p. 560.)

5. LaChapelle-Vallon. В 1787 г. — 588 жителей, из них 42 пахаря и 94 поденщика. 12 станков для вязания чулок, 15 бумаготкацких станков. Большая часть жителей даже пахари, занимается прядением хлопка, вследствие неплодородия почвы.

6. Charmont. В 1787 г. было 468 жителей, 52 пахаря и 68 поденщиков. 38 жителей заняты прядением хлопка. (V. I, p. 577.)

7. Chappes. В 1787 г. было 390 жителей, 5 пахарей, 91 поденщик. Три ткача домашнего холста. (V. I, p. 573.)

8. Chauchigny. В 1787 г. было 318 жителей, 23 пахаря, 48 поденщиков. Многие из жителей занимаются сами, или при помощи своих детей или подмастерьев (compagnons) изготовлением хлопчатобумажных чулок и колпаков (exercent le métier de fabricants de bas!); число станков — 35. Четверо ткут холст. Многие прядут бумагу. (V. I p. 591.)

9. Le Chêne. В 1787 г. было 380 жителей, 30 пахарей и 49 поденщиков. Один фабрикант (мастер) чулок; — по крайней мере, половина прихода занята прядением бумаги. (V. I p. 596.)

10. Chennegy. В 1787 г. было 788 жителей, 18 пахарей, 165 поденщиков. Четыре черепични в хуторе Вальдре; жители почти все дровосеки; лишь два лица занимаются с недавнего времени прядением бумаги и продают свою пряжу в г. Труа. (V. I, p. 601.)

11. Clery. В 1787 г. было 746 жителей, 30 пахарей и 178 поденщиков. Пять вязальных станков, устроенных в 1782 г.; две шерстопрядильни, на которых занято 20 человек.

12. Crency. В 1787 г. было 394 жителя. Два ткача холста с 1 октября 1786 г.; 4 лица занимаются прядением бумаги. (V. I, p. 666.)

13. Dierrey-Saint-Julien. В 1780 г. было 228 жителей, 29 пахарей, 69 поденщиков. 35 бумаготкацких и холстоткацких станков, 12 человек занимаются прядением бумаги. (V. II, p. 15.)

14. Dierrey-Saint-Pierre. В 1787 г. было 338 жителей, 55 пахарей, 47 поденщиков; 29 бумаготкацких станков, появившихся три года тому назад; 6 чулочновязальных станков, появившихся четыре года тому назад; 3 станка домашнего холста; 60 человек занимаются бумагопрядением, из них 30 человек работают в течение только 6 месяцев в году. (V. II, p. 19.)

15. Estissac et Thuisy. В 1787 г. было 1 026 жителей, 33 пахаря, 193 поденщика. 4 ткача, вырабатывающих хлопчатобумажные материи; мануфактура бумаги (papier), в которой работают только чужаки (не принадлежащие к жителям деревни); 6 прядилен шерсти,

обслуживаемых детьми, чужаками и 24 местными жителями; 26 мальчиков и девочек заняты бумагопрядением. (V. II, p. 69.)

16. Faux-Villecerf. В 1787 г. было 330 жителей, 43 пахаря, 17 поденщиков. В 1787 г. было 2 чулочновязальных станка и бумаготкацкий станок, появившиеся год тому назад. Большая часть женщин и девушек занимаются прядением бумаги по окончании сельских работ. (V. II, p. 96.)

17. Feuges. В 1787 г. было 138 жителей, 13 пахарей, 20 поденщиков. 12 человек прядут бумагу. (V. II, p. 105.)

18. Fontaine-Saint-Georges. В 1787 г. было 191 житель, 20 пахарей, 35 поденщиков. 2 чулочновязальных станка, работающих с января этого года; в 1787 г. было 9 прядильщиц бумаги. (V. II, p. 115.)

19. Fontvannes. В 1787 г. было 225 жителей, 18 пахарей, 36 поденщиков. В 1787 г. — 3 чулочновязальных станка; 4 бумаготкацких станка. (V. II, p. 117.)

20. Lusigny. 770 жителей, 17 пахарей, 176 поденщиков. 7 ткачей парусины, у которых в общей сложности 8 станков. (V. II, p. 235.)

21. Macey. В 1787 г. 246 жителей, 18 пахарей, 55 поденщиков. 12 человек занято прядением бумаги во время зимы; 2 чулочновязальных станка. (V. II, p. 239.)

22. Les Maupas. 172 жителя, 3 пахаря, 46 поденщиков. 4 ткача; 1 шерстопрядильщик. (V. II, p. 273.)

23. Lavau. 254 жителя, 13 пахарей, 45 поденщиков. Многие женщины и дети прядут бумагу и пеньку. (V. II, p. 199.)

24. Mergey. В 1787 г. 394 жителя, 31 пахарь, 58 поденщиков. В 1787 г. 30 человек заняты бумагопрядением. (V. II, p. 281.)

25. Mesnil-Saint-Loup. 216 жителей, 21 пахарь, 16 поденщиков. Большая часть девушек и женщин заняты бумагопрядением. (V. II p. 293.)

26. Mesnil-Sellières. 444 жителя, 32 пахаря, 54 поденщика. 10 шерстопрядильных станков, работающих на шерстоткацкие заведения г. Труа, появившиеся 5 или 6 лет тому назад; 30 рабочих занимаются две трети года прядением бумаги и шерсти. (V. II, p. 303.)

27. Messnil-Vallon. 142 жителя, 20 пахарей, 15 поденщиков. 6 человек занимаются прядением бумаги. (V. II, p. 308.)

28. Molinons. 143 жителя, 11 пахарей, 11 поденщиков. Несколько механических прялок, обслуживаемых девочками, которые прядут для чулочновязальных станков, работающих в окрестности для города Труа. (V. II, p. 315).

29. Montieramay. 456 жителей, 16 пахарей, 104 поденщика. В 1787 г. 200 человек занимались прядением шерсти. (V. II, p. 340.)

30. Montreil. 358 жителей, 18 пахарей, 52 поденщика. В 1787 г. — 6 ткачей, выделывавших парусину, у которых вместе было 9 станков. (V. II, p. 349.)

31. Mont Suzain? жителей, 25 пахарей, 25 поденщиков. В 1787 г. — 8 чулочновязальных станков и 20 прядильщиц бумаги.

32. Nogent-Sur-Aube. 542 жителя, 46 пахарей, 70 поденщиков. В 1787 г. было 4 чулочновязальных станка, 8 прядильщиц бумаги. (V. II, p. 382.)

33. Nosay. 107 жителей, 13 пахарей, 9 поденщиков. В 1787 г. — 1 чулочновязальный станок, 12 прядильщиц бумаги. (V. II, p. 389.)

34. Paisy-Cosdon. 316 жителей, 16 пахарей, 48 поденщиков. В 1787 г. 1 трикотажный станок и 1 механический станок для хлопчатобумажной материи; единственная семья (мать и две дочери) занимается бумагопрядением. (V. II, p. 397.)

35. Palis. 572 жителя, 37 пахарей, 104 поденщика. В 1787 г. — 17 трикотажных станков; 4 ткацких станка для хлопчатобумажных материй; 15 машин (механических станков) со многими приспособлениями, около которых занято до 60 человек. (V. II, p. 403.)

36. Le Pavillon. 322 жителя, 40 пахарей, 51 поденщик. В 1787 г. — 1 чулочновязальный станок, появившийся с 1785 г.; 12 бумаготкацких станков; 50 человек заняты прядением бумаги. (V. II, p. 410.)

37. Payns. 362 жителя, 31 пахарь, 62 поденщика. В 1787 г. — 12 чулочных «фабрик»; 18 станков; 15 человек занимаются прядением бумаги или шерсти. (V. II, p. 414.)

38. Pont-Hubert 348 жителей, 27 пахарей, 135 поденщиков. В 1787 г. несколько человек ткут холст, другие занимаются трикотажем. (V. II, p. 429.)

39. Prugny. 217 жителей, 11 пахарей, 53 поденщика. В 1787 г.— 3 ткацких станка. (V. II, p. 448.)

40. Rhèges. 190 жителей, 34 пахаря, 9 поденщиков. В 1787 г. — 4 трикотажных мастера, у которых 6 станков; 8 человек, занятых прядением бумаги. (V. II, p. 461.)

41. Rosières. 151 житель, 4 пахаря, 29 поденщиков. В 1787 г.— 1 «фабрикант», у которого 2 ткацких станка; несколько человек занимаются прядением льна и бумаги. (V. II, p. 482.)

42. Saint-André. 369 жителей, ? пахарей, 81 поденщик. В 1787 г. — 2 подмастерья-булавочника; 2 станка, появившихся 10 лет тому назад. (V. II, p. 496.)

43. Saint-Benois-sur-Seine. 259 жителей, 17 пахарей 40 поденщиков. В 1787 г. — 9 семейных жителей, ежедневно занимающихся у вязальных станков; 3 такцких станка; 10 хозяйств занимаются прядением бумаги. Занятие ремеслом мешает пахарям убирать жатву во-время, так как пахари не могут заставить ремесленников бросить свое ремесло, а все эти последние включены [19] в число поденщиков. (V. II, p. 507.)

44. Saint-Savine. 412 жителей, 12 пахарей, 76 поденщиков. В 1787 г.—5, 6 женщин занимаются прядением бумаги. (V. II, p. 518.)

45. Saint-Etienne. 95 жителей, 10 пахарей, 7 поденщиков. В 1787 г. — 6 чулочновязальных станков, 6 хозяйств, занимающихся бумагопрядением. (V. II, p. 519.)

46. Saint-Loup-de Bouffigny. 188 жителей, 13 пахарей, 39 поденщиков. В 1787 г. — один чулочновязальный станок; 12 человек занимаются бумагопрядением. (V. II, p. 531.)

47. Saint Lyé. 405 жителей, 26 пахарей, 50 поденщиков. В 1787 г. — 10 чулочновязальных станков; 10 ткацких станков; 20 бумагопрядильщиц. (V. II, p. 536.)

48. Saint-Martin-èsVignes. 1 278 жителей, 18 пахарей, 285 поденщиков. В 1787 г. — 2 чулочных фабриканта, имеющих каждый по 3 станка. (V. II, p. 540.)

49. Saint-Mesmin. 255 жителей, 36 пахарей, 65 поденщиков. В 1787 г. — 26 чулочных фабрикантов, владеющих 30 станками; 30 женщин и девушек заняты бумагопрядением; 10 механических станков для прядения бумаги.

50. Saint-Remy. 138 жителей, 18 пахарей, 20 поденщиков. В 1787 г. — 7 чулочных фабрикантов, имеющих каждый по одному станку; 13 хозяйств, в которых дети занимаются прядением бумаги. (V. II, p. 537.)

51. Saint-Thibault. 347 жителей, 14 пахарей, 51 поденщик. В 1787 г. — 12 вязальных станков. (V. II, p. 563.)

52. Savières. 445 жителей, 56 пахарей, 96 поденщиков. В 1787 г. — 8 вязальщиков, работающих уже 6 лет; 33 ткача бумажных материй и холста; 21 человек занимаются прядением бумаги. (V. II, p. 570.)

53. Thennelières. 782 жителя, 4 пахаря, 44 поденщика, 1 вязальщик, 2 ткача пеньковых материй. (V. II, p. 598.)

54. Torcy-le-Grand. 292 жителя, 16 пахарей, 68 поденщиков. В 1787 г. — 6 чулочновязальных станков; 30 человек заняты обыкновенно прядением бумаги; этой работой занимаются и другие женщины и девушки и даже мальчики в свободное от сельских работ время. (V. II, p. 606.)

55. Torcy-le-Petit. 188 жителей, 15 пахарей, 24 поденщика. В 1787 г. — 1 чулочновязальный станок; все женщины и девушки прядут бумагу в свободное от сельскохозяйственных работ время. (V. II, p. 606.)

56. Vailly. 303 жителя, 30 пахарей, 46 поденщиков. В 1787 г. 30 человек пряли бумагу в свободное от сельскохозяйственных работ время.

57. Vanchassy. 651 житель, 18 пахарей, 144 поденщика. В 1787 г. 50 человек прядут шерсть для фабрикантов г. Труа. (V. II, p. 635.)

58. Vaudes. 328 жителей, 13 пахарей, 53 поденщика. В 1787 г.— 7 чулочновязальных заведений, основанных 4 — 5 лет тому назад; слишком много. (V. II, p. 640.)

59. La Vendue Mignot. 95 жителей, 3 пахаря, 42 поденщика. В 1787 г. два человека занимаются бумагопрядением; два ткача, имеющих по одному станку каждый. (V. II, p. 640.)

60. Vielaines. 99 жителей, 6 пахарей, 10 поденщиков. В 1787 г. прядут лен. (V. II, p. 664.)

61. Vielecerf. 296 жителей, 18 пахарей, 46 поденщиков. В 1787 г. — 14 чулочновязальных станков и 7 фабрикантов; большая часть жителей занимается прядением бумаги — производство, введенное Эдуардом Кольбером. (V. II, p. 665.)

62. Vieleloup. 293 жителя, 28 пахарей, 36 поденщиков. В 1787 г. — 16 станков для вязания чулок; 60 человек занимаются бумагопрядением. (V. II, p. 672.)

63. Villette. 199 жителей, 11 пахарей, 27 поденщиков. В 1787 г. было несколько рабочих, вязавших чулки, и около 15 станков, появившихся 10 — 12 лет тому назад; 18 или 20 человек занимаются бумагопрядением. (V. II, p. 700.)

64. Voué. 264 жителя, 26 пахарей, 45 поденщиков. В 1787 г. — чулочновязальная фабрика, устроенная приблизительно лет 12 тому назад; 13 чулочновязальных станков; 80 человек, занятых прядением бумаги, из которых треть работает круглый год, за исключением времени жатвы, и две трети — в течение 5 месяцев в году. (V. II, p. 700.)

65. Argentolle. ? жителей, 5 пахарей, 6 поденщиков. Часть женщин занимается прядением пеньки. (V. I, p. 680.)

66. Barberey-Saint-Sulpice. ? жителей, 8 пахарей, 43 поденщика. 3 ткацких станка работают на фабрикантов города. Почти вся молодежь прихода изучает это ремесло, и это приводит к недостатку рабочих рук в сельском хозяйстве и значительному повышению заработной платы постоянных рабочих (domestiques). (V. I, p. 683.)

67. Bouranton. ? жителей, 15 пахарей, 39 поденщиков. Некоторые женщины и девушки занимаются прядением бумаги в зимнее время, когда нет сельских работ. (V. I, p. 685.)

68. Mery-sur-Seine (город, центр второстепенного бальяжа — bailliage secondaire)[20] 1 046 жителей, 25 пахарей, 26 поденщиков. Вязальное заведение, существующее около 32 лет; 81 станок, обслуживаемый таким же количеством рабочих; 89 бумагопрядильщиц. (V. III, p. 5.)

69. Bessy. 185 жителей, 22 пахаря, 23 поденщика. В 1787 г. — 7 станков для вязания чулок; один механический станок; 23 человека заняты прядением бумаги. (V. III, p. 11.)

70. Chatres. 365 жителей, 30 пахарей, 32 поденщика. В 1787 г. — 19 чулочных фабрикантов, 42 станка; 60 человек заняты прядением бумаги. (V. III, p. 12.)

71. Droupt-Saint-Basle. 411 жителей, 36 пахарей, 30 поденщиков. В 1787 г. — 18 чулочновязальных станков, работающих 14 — 15 лет; 11 бумаготкацких станков, работающих столько же времени; 7 механических бумагопрядильных станков; 30 человек прядут бумагу ручным способом. (V. II, p. 15.)

72. Droupt-Saint-Marie. 280 жителей, 26 пахарей, 31 поденщик. В 1787 г. — фабрика чулок, устроенная лет 12 тому назад, в ней 15 станков; бумагопрядильня, в которой работает 6 девушек на механическом станке. (V. III, p. 17.)

73. Mezières-la-Grande-Paroisse. 629 жителей, 53 пахаря, 144 поденщика. В общине, вот уже 20 лет, появилось огромное количество чулочновязальных и бумаготкацких станков и довольно большое количество механических станков, число которых продолжает расти. Насчитывают 80 чулочновязальных станков и 70 механических станков. Каждый механический станок обслужи-

вается тремя человеками, и, таким образом, эти две отрасли производства занимают около 300 человек. Большая часть прихода, живя этой работой, отказывается помогать пахарю во время жатвы, которая вследствие этого не бывает убрана во-время. (V. III, p. 21.)

74. Mesgrigny. 43 жителя, 7 пахарей, 3 поденщика. 3 человека прядут бумагу. (V. III, p. 22.)

75. Saint-Oulph. 167 жителей, 11 пахарей, 29 поденщиков. В 1787 г. 1 человек работает с чулочновязальным станком, вот уже 2 года. 17 девушек прядут бумагу, занимаясь этим уже 3 года. (V. III, p. 26.)

76. Aix en Othe. 940 жителей, 50 пахарей, 210 поденщиков. В приходе 5 чулочновязальных станков, появившихся здесь 5 лет тому назад, 45 механических прядильных станков, на которых работает самое меньшее 150 человек, — обстоятельство, которое вредит сельскому хозяйству. (Porée,[21] v. I, p. 97.)

77. Clesles. 380 жителей, 33 пахаря, 34 поденщика. Вязальная мастерская учреждена лет 15 тому назад; это единственная мануфактура; есть 7 станков, на которых работает столько же рабочих. Есть одна бумагопрядильня, в которой работает 20 прядильщиц. (P., p. 341.)

78. Etrelles. 159 жителей; 19 пахарей, 19 поденщиков. 10 лет тому назад в приходе начали работать 3 чулочновязальных станка и 7 механических станков, на которых работают 14 прядильщиц. (P., p. 211.)

79. Les Grandes Chapelles. 756 жителей, 63 пахаря, 97 поденщиков. В приходе имеется 28 чулочных фабрикантов и 40 станков, за которыми работает 93 человека. (P., p. 240.)

80. Marcilly-le-Hayer. ? жителей, 24 пахаря,[22] 88 поденщиков. Восьмая часть поденщиков занимается прядением бумаги — обстоятельство, которое вредит земледелию. Есть также 6 станков для вязания чулок. (P., p. 264.)

81. Marigny-le-Chatel. 372 жителя, 30 пахарей,[23] 49 поденщиков. В приходе — два станка для вязанья чулок и 10 холстоткацких станков, появившихся в приходе с 1780 г. 50 человек занимаются прядением бумаги, не считая детей ниже 12-летнего возраста. Это производство полезно, так как оно не дает детям расти в праздности, и в то же время очень вредно для сельского хозяйства, так как самые выносливые и сильные продолжают работать в нем в драгоценное время жатвы. (P., p. 266.)

82. Origny-le-Sec. ? жителей, 47 пахарей, 87 поденщиков. Здесь имеется 30 чулочновязальных станков и 60 бумаготкацких, на которых работают 180 человек. (P., p. 304.)

83. Orvilliers. 458 жителей, 56 пахарей, ? поденщиков. (11 пахарей имеют одну и больше плуговую запашку; 25 пахарей имеют по $1/2$ плуга; у 23 пахарей земли меньше, чем по $1/2$ плуга; некоторое количество поденщиков обрабатывает (в общем) 442 арпана земли. В приходе около 40 чулочновязальных станков и 8 бумаготкацких станков. Чулочновязальные станки появились 18 лет тому назад, и, если бы не это производство, три четверти прихода не имели бы средств пропитания и, следовательно, были бы не в состоянии уплачивать налоги,

так как почва так скудна, что часть детей пахарей, равно как и дети поденщиков, занимаются прядением бумаги после окончания уборки урожая и благодаря этому зарабатывают прядением немного денег на прожитье и на уплату налогов. (P., p. 307.)

84. Ossey-les-Trois-Maisons. 215 жителей, 29 пахарей, 43 поденщика. В приходе 7 станков для вязания бумажных чулок, но нет мануфактуры. Прядение бумаги — в обычае, и этим делом занимаются около 40 человек. (P., p. 271.)

85. Planty. 241 житель, 10 пахарей, 83 поденщика. Года 4 тому назад устроена фабрика вязальных изделий; есть 4 станка, один механический станок для прядения бумаги, за которым работает 11 девушек, и один механический станок для прядения шерсти. (P., p. 314.)

86. Premierfait. 261 житель, 28 пахарей и 31 поденщик. Часть хозяйств поденщиков занимается бумагопрядением, но только в течение зимы. (P., p. 320.)

87. Prunay-le-Sec. 161 житель, 16 пахарей, 17 поденщиков. Имеется 5 станков для холста и 6 чулочновязальных станков. Дети всех жителей прядут бумагу зимой. (P., p. 272.)

88. Saint-Tlavit. 368 жителей, 41 пахарь, 22 поденщика. Уже 20 лет здесь производят бумажные материи и чулки; есть 20 бумаготкацких станков и 13 чулочновязальных станков. Прядение существует с того же времени; им занимается 65 человек. (P., p. 273.)

89. Saint-Pierre-de-Boneneay. 245 жителей, 31 пахарь, 30 поденщиков, 3 бумаготкацких станка, 1 вязальный станок и 12 станков для домашнего холста; 3 механических станка для прядения бумаги, и 20 человек заняты ручным прядением. (P., p. 275.)

90. Saint-Syre. 363 жителя, 34 пахаря, 50 поденщиков. Имеется 20 вязальных станков, начавших работать 6 лет тому назад, и 12 механических станков для прядения бумаги, на которых работает 50 человек. (P., p. 351.)

91. Sommefontaine. 265 жителей, 22 пахаря, 35 поденщиков. Столичный фабрикант привозит в этот приход ежемесячно некоторое количество хлопка; он распределяет его среди тех прихожан, которые желают заниматься прядением, и платит им за работу в достаточной мере добросовестно. Благодаря этому работают и стар и млад и зарабатывают на пропитание. Все вплоть до пахарей занимаются прядением в свободное от сельскохозяйственных работ время. (P., p. 343.)

92. Vallant-Saint-Georges. 406 жителей, 30 пахарей, 11 поденщиков. (20 пахарей обрабатывают до $^1/_2$ плуга каждый, 7 — по $^1/_2$ плуга и 3 имеют меньше.) В приходе имеется 18 чулочновязальных станков и 12 механических станков; производители чулок привлекают к работе такое количество рабочих, что пахари вскоре будут не в состоянии производить уборку урожая. Надо будет, чтобы они забросили обработку земли, вопреки своему желанию, и обрабатывали ее столько, сколько они смогут (сами). Прядение бумаги здесь тоже происходит. Им заняты 27 человек, не считая детей. (P., p. 421.)

93. Villadin. 406 жителей, 12 пахарей, 72 поденщика. Есть горшечни и черепични небольших размеров. Нет ни фабрики, ни пря-

дильни. 8 или 10 человек занимаются прядением в свободное от сельскохозяйственных работ время. (P., p. 467.)

94. Charney-le-Buschot. В 1773 г. было 210 жителей. В 1787 г. 10 человек занимаются прядением бумаги. (L., v. III. LXXXVIII.)[24]

95. Dosnon. (В 1773 г. было 267 жителей). 6 девушек заняты бумагопрядением, и 4 человека изготовляют чулки.

96. Esclavolles. (В 1773 г. было 168 жителей). 1 вязальщик.

97. Faux-Fresnay. В 1773 г. было 537 жителей. С 1781 г.— 18 чулочновязальных станков, и 80 человек заняты прядением шерсти. Их заработок выше того, какой они имеют на полевых работах, что является причиной дороговизны рабочих рук для пахарей.

98. Herbisse. (В 1773 г. было 432 жителя). 8 чулочновязальных станков с 1775 г., и 14 человек прядут бумагу.

99. Ormes. (В 1773 г. было 251 житель). 15 чулочновязальных станков и 20 бумагопрядильщиц, работающих для прядения в городе Arcy-sur-Aube, находящемся по соседству с деревней. (Одним из главных бумагопрядильщиков г. Arcy был Жан Рикордэн, тесть Дантона, который был собственником в приходе Ormes.)

100. Plancy. (В 1773 г. 631 житель). 80 чулочновязальных станков, 162 человека, занятых прядением бумаги, и 54 механических прядильных станка.

101. Salon. (В 1773 г. было 194 жителя, вместе с приходом Champfleury). 30 механических прядильных машин (станков) для прядения бумаги.

102. Champfleury. (В 1773 г. см. № 101). 5 чулочновязальных станков, и 41 человек заняты прядением бумаги.

103. Viâpres-le-Grand. (В 1773 г. было 124 жителя), 6—7 человек занимаются прядением бумаги.

104. Villiers-Herbisse. (В 1773 г. было 352 жителя), 1 чулочновязальный станок.[25]

4. Город Алансон[26] в эпоху революции по бумагам его муниципального архива.

[Mourlot, v. I.]

1789 г.

1. 17 апреля. Чрезвычайное городское собрание, на котором присутствовали г. Потье, мэр, г. де Куртилоль, генеральный лейтенант,... равно как и многие магистраты, дворянство и нотабли, совещалось по поводу тяжелого положения и средств, могущих дать помощь в общественном бедствии, в виду беспорядков, происшедших вчера и сегодня,[27] и в виду словесного заявления командира драгунского отряда, явившегося на помощь городу, что небольшие размеры его отряда недостаточны для того, чтобы сдержать буянов, в случае, если бы они снова подняли беспорядки. Собрание постановило, что необходимо снизить цену на хлеб, ... а именно:

1) Что временно цена мягкого хлеба первого сорта устанавливается в $4^1/_2$ су за фунт, полубелого—в 3 су 6 денье и простого—в 2 су 6 денье,

и что эта такса действительна с данного момента и до будущего четверга.

2) Что в виду письменного согласия г. Манури [28] зерно будет доставлено булочникам города по цене 4 ливра 5 су за буассо.

3) Что для того, чтобы облегчить булочникам доставку этого хлеба, им будет оказана помощь и охрана городской милиции.

4) Представители булочников заявили, что в виду поставки им хлеба г. Манури, каковая будет сделана для них и каковую они оценивают около 1 000 буассо, они удовольствуются им, взамен покрытия убытков от разграбления их лавок, имевшего места этим утром. (М., № 8.)

2. 18 апреля. Чрезвычайное собрание в городской ратуше, размышляя о средствах достаточного снабжения рынков, решает осмотреть в городе и предместьях хлебные амбары и магазины, в которых могли бы оказаться запасы зерна, большие, чем нужно для их собственников... (М., № 9.)

3. 25 июля. Дефонтэн и Фуйель, директор и приемщик косвенных налогов, указали, что в различных городах и бургах бунтующий народ помешал сбору налогов, сжег налоговые списки, бумаги с отчетами об уплаченных суммах, [29] и что благоразумие требует, чтобы были приняты меры против повторения того же в этом городе, в особенности, поскольку это касается городских доходов, которые они уполномочены собирать в пользу города; вследствие чего они предложили держать новые списки и важнейшие бумаги по отчетности в городской ратуше. Они будут там в безопасности в виду того, что городская полиция и воинская казарма расположены так, что легко могут противостоять всякой попытке со стороны народа.

4. 24 августа. Городской совет, принимая во внимание, что в состоянии крайней нужды, в которой находится город из-за отсутствия хлеба, безусловно необходима доставка его из окрестностей до ближайшего четверга, — постановил предъявить требование местным хозяевам обмолотить хлеб; в случае, если бы кто-нибудь отказался, отправить молотильщиков к ним в риги.

Командир городской милиции окажет в этом отношении достаточную поддержку. (М., № 32.)

5. 25 сентября. Комитет, [30] закупив в Шатонёф, при помощи своих представителей 116 мешков хлеба, находящихся под покровительством Комитета и национальной гвардии этого города, потребовал сначала охрану из десяти драгун для семи возов, посланных в Шатонёф за хлебом; находя эту охрану недостаточной, он требует от командира жандармерии отрядить двенадцать всадников... для сопровождения транспорта и от национальной гвардии восемь волонтеров для той же цели. (М., № 39.)

6. 28 сентября. Готье, алансонский булочник, и Франсуа Люлли из Шеренсея заявляют комитету, что вышеупомянутый Люлли, сопровождая сегодня два воза с мукой, отправленной в город, при выезде из Шеренсея услышал набат с церкви Шеренсея, и что на звон набата явились многие неизвестные ему жители, и что с приближением к Руэссе-Фонтэн толпа в такой мере возросла, что он был принужден бросить воз, в котором было 200 буассо муки, и бежать. (М., № 40.)

7. 1 октября. Пьер Фромантэн, арендатор приората Коломбье в Мэне, доводит до сведения Комитета, что он, желая привезти в Алансон, как и в прежнее время, зерно своего умол та в прошлое воскресенье, уже распорядился нагружать телегу, но что жители деревни предупредили его насчет этого, и он сам, заметив, что за ним следят и намерены помешать его перевозке, приказал разгрузить телегу, чтобы избежать последствий тех угроз, которые ему делали; что сегодня с большим трудом он привез воз пшеницы и два воза ржи, несмотря на крики и угрозы... Он взял себе в провожатые несколько человек и поехал окольной дорогою, чтобы избежать толпы, которая сторожит каждую ночь и не пропускает провоз хлеба... Он знает, что этих людей подстрекают жители Бэмона, которые хотят прекратить всякий провоз зерна из их местности в город Алансон. (М., № 41.)

8. 7 октября. В виду того, что булочник Шевалье с улицы Сарт не расценил свой хлеб, согласно предписаниям регламентов, а также в виду того, что этот хлеб не соответствует требуемому качеству мягкого хлеба и недостаточно выпечен, Комитет постановил оштрафовать его на 3 ливра и конфисковать оставшуюся часть выпечки для распределения среди бедных и отправки в благотворительные бюро. (М., № 42.)

9. 4 ноября. «Декрет касательно продажи яиц и масла и других продуктов». По поводу представления, сделанного одним из господ членов Комитета, что, помимо чрезвычайной дороговизны яиц и масла, горожане Алансона не всегда могут снабдить себя этими съестными припасами второй необходимости; что это общественное несчастие обязано своим существованием жадности известного сорта людей, которые, кажется, поставили себе целью обогатиться на нынешней нищете; что некоторые, предупреждая прибытие крестьян из деревни, идут им навстречу, покупают у них съестные припасы, делают из них запасы для того, чтобы их увозить и продавать вне города; что другие, под предлогом мелочной торговли или большого потребления их, требуемого их занятием, производят сами или через подставных лиц значительные закупки яиц, масла, птицы, дичи и других съестных припасов, которыми они ведут значительную торговлю, ... — Комитет постановил: § 2. Торговцы маслом, дичью и птицей и другими съестными припасами, мелочные торговцы, трактирщики, содержатели гостиниц, столовых и тому подобные лица могут входить на рынки и делать для себя или кого бы то ни было, прямо или косвенно, какие-либо закупки лишь после того, как снабдят себя граждане, под страхом штрафа, устанавливаемого сообразно обстоятельствам, для какой цели эти рынки будут находиться под наблюдением комиссаров полиции и двух экспертов (prud'hommes), назначенных Комитетом, кои совместно будут решать вопрос о моменте, в который снабжение города будет закончено; после чего звуком барабана они возвестят открытие рынка для этих торговцев, трактирщиков, содержателей столовых и тому подобных, кои смогут появляться на рынках и производить там закупки лишь после разрешения, полученного ими с ударами в барабан или публичным объявлением. (М., № 54.)

10. 6 ноября. Замечания относительно цены мяса и говяжьего жира на предмет фиксации цен на свечи. Комитет, желая фиксировать

цену на мясо и свечи, продающиеся в городе Алансоне, познакомившись с протоколом, составленным по этому поводу в январе 1744 г. представителем полиции в присутствии должностных лиц цеха свечников, приказывает, чтобы должностные лица цеха свечников, мясников и торговцы нитками и бумажной пряжей явились завтра в Палату... для того, чтобы после письменных заявлений тех и других Комитет мог сделать соответствующее постановление. (М., № 56.)

23 ноября. В ответ на представление, сделанное Комитету свечниками, которые очень желали бы, чтобы Комитет отменил свой вчерашний декрет, позволяющий некоторым лицам фабриковать свечи и продавать их, конкурируя с мастерами цеха свечников, равно как и другие товары, которые входят в ведение этого цеха, и сохранил вышеупомянутым свечникам их исключительные права, при условии их подчинения ценам на свечи, фиксированным декретом 14 сего месяца, и при том условии, что они будут делать доброкачественные свечи и продолжать попрежнему снабжать город, — Комитет отменяет свой вчерашний декрет в той его части, в которой он дает право частным лицам, не принадлежащим к цеху свечников, фабриковать и продавать свечи и другие товары, относящиеся к свечному ремеслу, и сохраняет свечникам их исключительные права на фабрикацию и продажу свечей... с обязательством для них сообразоваться с ценою и условиями, установленными декретом 14 сего месяца. [31]
(М., № 65.)

11. 13 декабря. Национальный муниципальный и постоянный комитет города Алансона разрешил всем булочникам и мясникам из деревень, равно как и всем прочим посторонним лицам, кто бы они ни были, продавать ежедневно в городе хлеб и мясо, которые они найдут нужным привезти в город, совершая эту продажу с соблюдением приказов и распоряжений полиции. [32] (М., № 80.)

12. 16 декабря. В виду того, что синдики и их помощники цеха булочников, принеся регистр цеховых обсуждений собранию Комитета и комиссаров шести дистриктов, взяли затем его обратно и отказались вычеркнуть из них слова, согласно требованию предшествующих постановлений, [33] Комитет приказывает, что для того, чтобы не прерывать обслуживания города, булочников будут сажать в тюрьму подвое, оставляя их там по 24 часа, начиная с двух синдиков, затем посадят их двух помощников и так по очереди будут сажать их всех до тех пор, пока они не исполнят постановления Комитета. Комитет вменяет им при этом в обязанность заменить себя в своих лавках своими подмастерьями или другими помощниками так, чтобы их лавки были достаточно снабжены хлебом, так как в противном случае туда будут отправлены за их счет рабочие или приняты иные соответствующие меры...; для закупок муки заключенные будут выводиться с военным конвоем на рынок и после закупок будут возвращаемы обратно в тюрьму. [34]

1790 г.

13. 3 марта. Генеральный совет, [35] обязанный составить список активных граждан коммуны, постановляет, что рабочий день оценивается в 12 су, обычная плата поденщика. (М., № 100.)

14. 5 марта. Генеральный совет, слушая дело об употреблении суммы в 2 500 ливров, предоставленных Алансону провинциальной коммиссией... для оплаты работ бедных, постановляет, что 500 ливров будут даны благотворительному бюро для оплаты работ женщин и детей; что остальное будет предназначено для оплаты мужчин и бедных поденщиков (manoeuvres), поставленных на наиболее полезные работы, как-то: выравнивание двора городской ратуши, приведение в порядок новой площади и места прогулок. (М., № 101.)

15. 12 ноября. Генеральный совет... назначает 4 комиссаров, Поллара, аббата Севена, Дотевилля и Прюдома, возлагая на них обязанность составить совместно с комиссарами благотворительного бюро доклад относительно наиболее экстренных спасительных и действительных мер, направленных к облегчению бедняков и к улучшению прядильной мануфактуры, которая содержится ради бедных. [36] (М., № 151.)

16. 7 декабря. На замечание прокурора коммуны, что мелкая монета чрезвычайно редка в этом городе, что потребности граждан всех классов и в особенности наиболее нуждающихся требуют от муниципалитета, чтобы он устроил кассу разменных билетов (billets de confiance), Генеральный совет, принимая во внимание, что муниципалитет не может взять на себя создание такой кассы, не имея никаких денежных фондов, постановляет, что такие билеты могут быть выпущены лишь в том случае, если образуется общество, которое внесет необходимый денежный фонд, дабы придать солидность и гарантию и, в таком случае, проспект, который представит такое общество, будет предложен Генеральному совету коммуны для соответствующего обсуждения. (М., № 202.)

1792 г.

17. 25 февраля. Чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям, кои могли бы явиться результатом эмиссии разменных билетов (billets de confiance), Генеральный совет постановляет, что граждане, которые вознамерились бы выпустить таковые, обязаны подать в канцелярию муниципалитета письменное заявление с указанием суммы, на каковую они хотят произвести эмиссию, причем Совет оставляет за собой право запросить Национальное собрание относительно формальностей, которым подлежат граждане, которые будут делать заявки. (М., № 220.)

18. 3 марта. Шарль Друэ и Франсуа Лефрансуа, проживающие в Алансоне, заявляют муниципалитету согласно заключению от 25 февраля, что «ежедневные потребности их фабрики заставили их, за отсутствием мелкой монеты, заказать разменные билеты в 5, 15 и 30 су, что они уже выпустили некоторые из них в обращение и предполагают продолжать этот выпуск до 2 500 ливров, обязуясь представить новую декларацию в том случае, если бы они оказались принуждены выпустить их на бо́льшую сумму, и обязуясь, кроме того, заранее подчиняться всему тому, что потребует муниципалитет в целях общественной пользы». (М., № 222.)

19. 30 мая. Генеральный совет назначает двух комиссаров, Дамуа и Френе, возложив на них обязанность составить запрос директории департамента с целью получения нового определения высоты

местной однодневной заработной платы, которую эта директория постановлением от 23 ноября 1791 г. установила в 18 су для г. Алансона, тогда как для других городов департамента она установлена в 15 су, для бургов и деревень, имеющих базары, в 12 су и для всех остальных сельских приходов в 10 су. (М., № 232.)

20. 12 июня. Запрос де Френе, прокурора коммуны относительно патриотических пожертвований. «Господа! многие граждане этого города явились в канцелярию муниципалитета и сделали пожертвования на военные нужды; почему же мы запоздали открыть лист добровольной подписки, в котором были бы записаны имена тех, которые явятся с тем, чтобы предложить родине свои дары? Вот девица Рюэль... принесла две серебряные застежки и, отдавая их, проявила чувства самого чистого патриотизма; г. Деженетт де Мадлен пожертвовал 12 ливров серебром. Все наши сограждане живо чувствуют, что никогда им не придется защищать более дорогих для них интересов, как теперь. Многочисленные стада рабов, предводительствуемых деспотами, угрожают нашей свободе и хотят отнять у нас благо, в тысячу раз более предпочитаемое, чем жизнь. Наши братья, наши дети, наши друзья ушли к границам, и все горят желанием пролить свою кровь за родину; уже слышны пушечные выстрелы в наших пределах, и грохот раздается со всех сторон на равнинах Брабанта; и, может быть, даже в этот самый момент многие из наших дорогих братьев в жаркой схватке со славой умирают, защищая со спокойным мужеством самое прекрасное дело, какое когда-либо мог защищать человек, — свободу! Мы поклялись все: жить свободными или умереть; и, если славная смерть отнимет у нас наших братьев, мы бросим цветы на их могилу, и мы полетим все, чтобы стать на их место, да все, ибо все мы будем уничтожать тиранов. Граждане, да будет у нас у всех одно и то же чувство: полный мир внутри; и вне — война насмерть; и да поможем мы, сообразуясь с нашими силами, родине и нашим братьям, готовые пожертвовать нашей жизнью, если это нужно, которую я клянусь скорее отдать вместе с вами, чем допустить возрождение проклятого порядка, под которым мы родились и жили. Пусть эти чувства воодушевят всех французов, и тогда французская нация будет первым народом в мире». (М., № 239.)

21. 18 августа. Муниципалитет «приглашает граждан, желающих добровольно войти в число 17 волонтеров, явиться в дом коммуны, сегодня до 8 часов вечера, и там заявить о своем намерении. Муниципалитет даст им от 100 до 200 ливров; он постарается оказать желательную им помощь как им, так и их женам и детям». (М., № 250.)

22. 18 августа. 17 волонтеров во главе с Шаванном, заведующим музыкой в алансонских батальонах, заявили Генеральному совету о своем намерении записаться в контингент дистрикта, находящийся на содержании города, и требуют, чтобы им дали сумму пожертвованную гражданами в пользу тех, кто пойдет к границам. Генеральный совет, приветствуя их намерение, указывает им, что, согласно постановлению, эти 17 человек получат не всю собранную сумму, но лишь от 100 до 200 ливров, а остальное должно быть распределено между гренадерами (национальной гвардии)... (М., № 251.)

23. 13 сентября. Муниципалитет постановляет, что в виду необходимости снабдить башмаками волонтеров, которые идут защищать родину, всем сапожникам Алансона запрещается делать и доставлять башмаки кому бы то ни было, кроме волонтеров, которые для того, чтобы получить башмаки, должны предъявить карточку от своего капитана. (М., № 251.)

24. 14 ноября. Генеральный совет, полагая, что, для облегчения закупок на рынке и в помощь гражданам, следует принять самые решительные предосторожности против циркуляции разменных билетов, именуемых патриотическими (billets dits patriotes. См. №№ 16, 17), принявшей поистине чрезмерные и угрожающие размеры, страшно затрудняющей торговлю и вселяющей беспокойство ремесленнику и рабочему, предъявителям таких билстов, постановляет:

1) отныне запрещается всем торговцам, владельцам мастерских, мануфактур и вообще всем лицам, имеющим рабочих, производить расплаты с ремесленниками и рабочими при помощи разменных билетов, именуемых патриотическими, за исключением билетов, выпущенных следующими гражданами Алансона: Руйопом, Кастеном, Друэ, Маласси, Дюфреном, Френе и Лакуром, кассы коих проверены в нынешнем месяце и признаны солидными;

3) запрещается платить разменными билетами, именуемыми патриотическими, за товары и продукты, кои продаются на рынках и площадях этого города; билеты алансонские, указанные в 1) могут приниматься к уплате; все остальные принимаются лишь с согласия обеих сторон...

4) для облегчения положения рабочих и необеспеченных граждан будут назначены 30 комиссаров, по 4 на каждый квартал, составляющий роту национальной гвардии, которые должны будут явиться ко всем необеспеченным гражданам и рабочим, живущим в пределах их квартала, принять все эти билеты, которые им будут предъявлять, и давать взамен их купоны ассигнатов в 10 и 15 су. После следующего дня разменные билеты и требование взамен их купонов не будут приниматься...

6) Генеральный совет рекомендует всем гражданам наблюдать и приглашает их доносить на всех тех, кто, не принадлежа к классу рабочих или необеспеченных граждан, вздумали бы получить деньги в обмен на разменные билеты, именуемые патриотическими, и были бы намерены представить их комиссарам. Все те, на кого поступит донос и будет подтверждена его справедливость, будут рассматриваться как подозрительные и дурные граждане.

1793 г.

25. 27 июня. Генеральный совет, в виду крайнего недостатка съестных припасов и накануне их полного исчезновения, находясь в самом ужасном положении и не имея никаких ресурсов, предлагает Превалю, должностному лицу муниципалитета, безотлагательно ехать в Париж и представить министру внутренних дел просьбу дать продукты для нужд коммуны. (М., № 356.)

26. 29 июня. Генеральный совет постановляет, что 4 секции должны собраться завтра для того, чтобы назначить комиссаров по каждой улице, обязанных записывать имена всех граждан по каждому хозяйству, дабы избежать на будущее время ежедневных обманов, совершаемых при представлении требований на муку. (М., № 359.)

27. 9 июля. Дюверже, один из двух комиссаров, делегированных в Шартр для покупки зерна, излагает Генеральному совету поручение, которое он получил от многих административных учреждений департамента Ер и от гражданина Мартэна, мирового судьи парижской секции Гравильеров, комиссара исполнительной власти в Шартре... Они обязали его объявить его согражданам, что последние пусть не надеются ни на какую помощь зерном или мукой из города Шартр или из других пунктов департамента Ер, до тех пор, пока коммуна Алансона не произнесет своего формального одобрения революции 31 мая; что, если бы граждане Алансона думали то же, что и граждане Кальвадоса, и решили бы послать свои войска на Париж;... им нечего ждать помощи, каким бы критическим ни было положение в городе... (М., № 363.)

28. 10 июля. Генеральный совет поручает Дюверже отвезти директории департамента Ер протокол четырех секций Алансона, собиравшихся 9 июля, откуда видно, что граждане Алансона объявили, что они никогда не были в состоянии мятежа, что они не входили ни в какую коалицию против Конвента и что они признают все его законы. (М., № 364.)

29. 23 июля. Генеральный совет, принимая во внимание, что злоумышленники подстрекали народ к беспорядкам, к сборищам, которые имели место у дома коммуны в субботу и затем в воскресенье, что мятежники хотели принудить Генеральный совет коммуны уменьшить цену на муку и прибегали к угрозам и попыткам насилия по отношению к установленной власти, что они угрожали Генеральному совету отправиться в церковь и ударить в набат, что они отправились туда, но им оказал препятствие сильный патруль, посланный Генеральным советом к церкви св. Леонарда, что они своею властью понизили цену на муку и совершили акт насилия над одним из должностных лиц муниципалитета, водя его из улицы в улицу, чтобы тем объявить всем уменьшение цены, — постановляет, что имена главарей, зачинщиков и подстрекателей мятежа будут доведены до сведения общественного обвинителя от имени Генерального совета прокурором коммуны... (М., № 369.)

30. 22 сентября. В виду крайнего недостатка съестных припасов... Генеральный совет решает учредить центральное бюро. Оно будет образовано из 16 членов: 8 из Генерального совета и 8 — избранных комиссарами четырех секций города;... бюро будет выдавать гражданам боны (карточки) на предмет получения от собственников или земледельцев или на рынке количества зерна, в них указанного. Для этой цели в бюро должны быть представлены сведения, собранные по сеньериям, и декларации пахарей (laboureurs) и собственников. (М., № 398.)

31. 23 сентября. Генеральный совет просит администрацию департамента разрешить ему производить реквизиции рабочих и других граждан для молотьбы зерна, находящегося у частных лиц или земледельцев коммуны. Этот хлеб будет выдаваться гражданам по мандатам и удостоверениям сообразно с их нуждою; земледельцы получат за него цену, установленную максимумом; хлеб, выданный по мандатам, будет считаться данным взаймы. Количество, необходимое для обсеменения полей, будет всегда оставляться. (М., № 399.)

32. 26 сентября. Генеральный совет просит директорию департамента и дистрикта уполномочить центральное бюро (см. № 30)... выдавать гражданам, нуждающимся в хлебе, боны (карточки), позволяющие им получать муку, находящуюся в магазинах булочников Лавел и Шевалье, существование которой было открыто там Народным Обществом. (М., № 402.)

33. 12 октября. Генеральный совет назначает двух комиссаров Лонэ и Пеллеты для расследования доноса на некоторых частных лиц, которые будто бы засеяли свои земли клевером, вместо того, чтобы дать им обработку, нужную для посева. (М., № 409.)

34. 2 день 1 декады 2 месяца II года. Готье младший, булочник, представляет в муниципальные бюро «хлеб, изготовленный с картофелем». Он предлагает показать, как его делать 60 гражданам и гражданкам города. Генеральный совет решает обсудить этот вопрос на следующем заседании. (М., № 417.)

35. 5 день, 1 декады 2 месяца II года. По докладу комиссара Беца Генеральный совет постановляет обязать братьев Готье, булочников, запастись картофелем и продолжать «амальгамму», которую они уже испробовали, для выделки хлеба из муки, ими изобретенной, так как этот ресурс является драгоценным во время голодовки. (М., № 422.)

36. 20 день 2 месяца II года. Генеральный совет, желая использовать этот праздник (посадка дерева братства) полностью и принести дар свободе, приказал сжечь феодальные документы, собранные его стараниями в его секретариате после сожжения первой партии, а также сжечь грамоты с пожалованием ордена Людовика Святого, представленные различными лицами, которые их имели, и ковры судебных трибуналов с рисунками гербов бывшей королевской власти, изъятые муниципалитетом из этих присутственных мест с целью их уничтожить. С праздника ушли лишь тогда, когда эти знаки варварства и невежества предшествующих веков были поглощены пламенем... (М., № 431.)

37. 29 брюмера II года. Генеральный совет, зная чувства гражданской доблести (civisme) граждан своей коммуны... и принимая во внимание, что враги республики причиняют ей огромные расходы на войну, что новые потребности родины требуют от коммуны новых жерств..., постановил, что все золотые, серебряные, медные и вообще металлические сосуды, находящиеся в церквах коммуны, должны быть снесены в коммунальный дом; что предварительно гражданами-комиссарами, обязанными наблюдать за церковными зда-

ниями, должен быть составлен протокол, для каковой цели они уполномочены взять с собой одного или нескольких ювелиров и запротоколить вес этих вещей. (М., № 435.)

38. 7 фримера II года. Генеральный совет, согласно декрету Конвента от 25 дня 1 месяца II года, приказывающему произвести реквизицию матрацов, шерстяных покрывал и одеял у эмигрантов для нужд граждан первого набора, направляемых в казармы, предлагает директориям департамента и дистрикта перевезти в Алансон, как сборный пункт волонтеров, все вещи этого рода, собранные в различных дистрактах. [37] (М., № 436.)

39. 12 фримера II года. Согласно § 9 закона о принудительном займе, [38] Генеральный совет назначает 6 комиссаров (далее следует 6 имен), обязанных проверить декларации, которые будут сделаны гражданами, подлежащими этому займу.

40. 6 плювиоза II года. Генеральный совет возлагает на Легернэ, комиссара боен, обязанность произвести в коммунах реквизицию животных, необходимых для продовольствия проходящих войск. (М., № 448.)

41. 23 плювиоза II года. Генеральный совет утверждает редакцию прокламации, запрещающей покупать молоко вне предместий города и ходить навстречу молочницам. Соседние коммуны будут оповещены о том, чтобы они приносили молоко в город. (М., № 462.)

42. 23 плювиоза II года. Генеральный совет постановляет, что народное общество должно быть приглашено назначить 4 комиссаров для соединения с муниципалитетом и установить сообща меры снабжения граждан сальными свечами. (М., № 463.)

43. 21 вантоза II года. Согласно постановлению представителей народа, морских департаментов от 7 вантоза и постановлению Алансонского дистрикта от 18 вантоза относительно реквизиции в Алансонском кантоне и под ответственностью коммуны двух плотников и двух бочаров для порта г. Бреста, Генеральный совет постановил запросить у муниципалитетов 24 коммун кантона список плотников и бочаров, которые могут быть реквизированы. (М., № 485.)

44. 3 жерминаля II года. Чтобы доставить работу женщинам, лишенным таковой в результате уничтожения кружевной мануфактуры, Генеральный совет просит военного министра учредить в коммуне работы по пошивке рубашек, гетр и т. д. (М., № 502.)

45. 4 жерминаля II года. Муниципальное бюро фиксирует заработную плату рабочих на благотворительных работах согласно их возрасту: от 18 до 60 лет — 25 су в день; от 15 до 18 лет — 20 су; от 12 до 15 лет — 15 су; от 10 до 12 лет — 10 су; от 8 — до 10 лет 6 су. (М., № 503.)

46. 16 жерминаля II года. В ответ на запрос агента [39] по фабрикации селитры, желающего знать, не возьмет ли коммуна на свой счет устройство мастерской, Генеральный Совет постановил, что нужно ответить отрицательно в виду рапорта комиссаров [40] коммуны, что в коммуне очень мало земель, откуда можно было бы добывать селитру. (М., № 518.)

47. 20 жерминаля II года. Генеральный совет назначает 5 комиссаров (имена), обязанных вместе с комиссарами Народного общества

и революционного комитета решить вопрос о распределении помощи среди нуждающихся. (М., № 533.)

48. 15 флореаля II года. Муниципалитет постановил распубликовать постановление Комитета общественного спасения относительно фабрикации бумаги для того, чтобы предупредить граждан, что каждый из них должен доставить фунт тряпья или лоскута. [41] (М., № 565.)

49. 19 флореаля II года. Один из членов Генерального совета указывал на то, что ежедневно умирает несколько граждан. и, тем не менее, берется то же количество хлеба; поэтому Совет, дабы прекратить это злоупотребление, возложил на общественных представителей обязанность составить список умерших, который будет направлен в секции. (М., № 572.)

50. 6 прериаля II года. Генеральный совет возлагает на муниципалитет обязанность распределить мыло, которое прислано управлением дистрикта Шовиньи, галантерейному торговцу. (М., № 598.)

51. 7 прериаля II года. Так как количество мыла, данного коммуне правительством, равно 637 фунтам при населении в 14 000 человек, муниципалитет устанавливает паек каждого в 6 гроссов. Боны (карточки) на мыло будут распределяться тем же порядком, что и боны на хлеб: два комиссара от каждой секции будут вручать и заполнять эти карточки. (М., № 601.)

52. 16 прериаля II года. В ответ на запрос администрации производства селитры, требующей повышения заработной платы рабочих, Генеральный совет уполномочивает администрацию принять все зависящие от нее меры к ускорению фабрикации селитры. [42]

53. 19 прериаля II года. Так как коммуна имеет продовольствие только до 20 мессидора и так как земледельцы Алансона заявили, «что скоро начнется сенокос, а у них продовольствие есть только для них самих, Генеральный совет отправляет петицию в комиссию торговли и снабжения с просьбой снабдить их продуктами и средствами пропитания для их рабочих». (М., № 613.)

54. 24 прериаля II года. Согласно приказу администрации дистрикта муниципалитет требует от муниципалитетов кантона, чтобы они приказали пригнать на 26 флореаля к 8 часам утра на старую площадь г. Алансона всех свиней от трех месяцев и выше. Восьмая часть их будет реквизирована согласно постановлению Комитета общественного спасения от 22 жерминаля. [43] Муниципалитеты должны вручить через своего комиссара морскому агенту отчет о количестве свиней их коммуны. Погонщики свиней должны иметь при себе хлеб, так как возможно, что они не смогут найти его в Алансоне. (М., № 623.)

55. 25 прериаля II года. Согласно приказу администрации дистрикта муниципалитет реквизирует «отруби, которые имеются в распоряжении граждан, равно как и отбросы капусты и салата для прокормления свиней, прибывших в город». (М., № 627.)

56. 26 прериаля II года. Во исполнение декрета Конвента от 11 прериаля, [44] Генеральный совет назначает 6 комиссаров, уполномоченных составить список лиц, обоего пола, «имеющих обыкновение работать во время жатвы». (М., № 631.)

57 26 прериаля II года. Генеральный совет уполномочивает муниципалитет присоединить к себе 4 земледельцев и 4 рабочих для установления заработной платы рабочих, работающих во время жатвы. (М., № 633.)

58. 28 прериаля II года. Во исполнение закона 11 прериаля,[45] Генеральный совет установил поденную плату полевых рабочих, а именно: косцы по 3 ливра 10 су; ворошильщики и ворошильщицы по 3 су; жнецы по 3 ливра. (М., № 634.)

59. 8 мессидора II года. Постановление, внесенное в бумаги муниципалитета по поводу поручения, данного Комитетом общественного спасения г. Белле Беллуа, обязанного ускорить учреждение пушечной литейни в Алансоне в бывшей церкви Монсор. Он должен реквизировать всех рабочих и все материалы, необходимые для учреждения литейни; горны окрестных деревень (приведены их названия) в особенности могут снабжать литьем эту литейню... Он попробует шахту каменного угля около Алансона, если признаки покажутся ему обещающими счастливый результат. (М., № 658.)

60. 9 мессидора II года. Генеральный совет, принимая во внимание справедливость петиции Народного общества, стремящегося ускорить фабрикацию селитры, постановляет:

1) выпустить прокламацию с предложением гражданам давать возможно больше золы; 2) обязать граждан, выделывающих щелок, заявить об этом начальнику селитряной мастерской, дабы он мог брать его у них, а те, которые позволят себе прибавлять в щелок воды и таким образом разжижать его, будут рассматриваться как дурные граждане... (М., № 660.)

61. 19 мессидора II года. В ответ на новое требование Всвера,[46] Генеральный совет постановляет произвести реквизицию золы по 2 фунта с человека. (М., № 680.)

62. 16 мессидора II года. Согласно письму комиссара, назначенного для учреждения революционным порядком пушечной литейни для флота, Генеральный совет обязывает муниципальное бюро фиксировать заработную плату поденщиков.[47] (М., № 672.)

63. 23 мессидора II года. Генеральный совет постановляет завести список для занесения туда деклараций собственников о количестве сена и зерна, ими собранных. Лоппе и Лоне-Лекре обязаны проверить декларации, относительно коих возникнет подозрение, что они ложны. (М., № 685.)

64. 19 термидора II года. После чтения доклада относительно проекта устройства в Алансоне мануфактуры тканей из Шоле,[48] Генеральный совет постановил:

«1) что, желая предоставить своим согражданам выгоды от учреждения мануфактуры из Шоле в их коммуне, он даст помощь, поддержку и покровительство гражданину Желассо; 2) что, считая его по своим знаниям, просвещенности и талантам способным стать во главе этого ценного предприятия и желая облегчить ему средства скоро и успешно достать себе сырье и все, в чем он будет иметь нужду, Совет даст ему паспорт, со специальным удостоверением установленных властей, дабы он мог отправиться на предстоящую Гибрейскую ярмарку, а также

на рынки в Грене и Силле-ла-Монтань и в другие места, где он думает найти необходимое для нового производства; 3) что, для ускорения развития этого предприятия, ему будут уступлены без перемещения на новое место три ткацких станка и мотовила, установленные в генеральном госпитале, для обслуживания которых, не считая главных мастеров, он должен пользоваться гражданами, находящимися в этом заведении; . . . 5) что упомянутый Желассо, употребив небольшой аванс, который он имел для того, чтобы пустить на свой счет 4 первых станка, оказывается не в состоянии дать этому нарождающемуся учреждению необходимое расширенпе его. 6) Генеральный совет обратится к высшей администрации с просьбой ходатайствовать перед Национальным конвентом о помощи, которую Конвент щедро декретировал, имея в виду помощь полезным предприятиям; и пока, в виду неотложности снабжения сырьем, бывающим обыкновенно на Г .брейской ярмарке, Генеральный совет, движимый желанием быть полезным для своих сограждан, просит полномочий воспользоваться всеми средствами, чтобы достать сумму в 6 000 ливров, необходимую для этих первых закупок, каковая сумма будет восполнена из первых авансов, которые, конечно, даст муниципалитету Конвент для поощрения этого предприятия. (М., № 709.)

65. 21 термидора II года. Генеральный совет постановляет, что земледельцы и пахари (laboureurs) этой коммуны обязаны молотить без перерыва свой хлеб и ссыпать его в магазин коммуны самое позднее 23 этого месяца. (М., № 713.)

66. 21 фрюктидора II года. В виду недостатка зерна, Генеральный совет постановил, чтобы каждому гражданину давали при распределении $4^1/_2$ фунта муки и 1 фунт 11 унций риса на 9 дней. (М., № 739.)

III год республики.

67. 3 нивоза. Генеральный совет назначает 16 комиссаров, по 4 на секцию, обязанных распределять масло и свечи.

Генеральный совет, считая справедливым, чтобы все без различия граждане имели часть при распределении, . . . решает, что каждому хозяйству будет выдаваться $^1/_2$ фунта масла и $^1/_2$ фунта свечей на декаду. (М., № 828.)

68. 6 нивоза. Прочитав ответ Комитета торговли и продовольствия на запрос, сделанный ему относительно сумм, необходимых для устройства в этой коммуне мануфактуры тканей из Шоле, в которую намеревались устроить граждан этого города, сюда убежавших (из Шоле, см. § 63), Генеральный совет, в виду того, что Комитет, кажется, не расположен дать аванс, постановляет, что рабочие мануфактуры будут призваны для того, чтобы довести до их сведения о малом успехе петиции. (М., № 829.)

69. 26 жерминаля. Генеральный совет, встревоженный тяжелым состоянием коммуны Алансона, и в виду настоятельности его потребностей, постановляет:

1) что излишки зерна и муки, сверх буассо на человека, находящиеся в каждом хозяйстве, согласно обследованию комиссаров, специально для сего назначенных, будут ссыпаны в магазины коммуны;

2) что комиссары, назначенные для этого обследования, соберутся завтра в 7 часов утра, чтобы сделать сводку о количестве излишков зерна и муки в каждом хозяйстве за вычетом одного буассо или 28 фунтов на человека, каковую сводку они безотлагательно представят в продовольственный комитет;

3) все земледельцы Алансонской коммуны обязаны в течение трех дней ссыпать в магазины коммуны все зерно, которое они обязаны внести (в качестве аренды) собственникам земли, проживающим в Алансонской коммуне. Ссыпка должна произойти лишь после вычета одного буассо на каждого члена хозяйства собственника. (М., № 941.)

70. 30 жерминаля. Продовольственный комитет извещает Генеральный совет, что с следующей пятницы выдачи хлеба совершенно прекратятся, и что продовольствия нельзя ждать ниоткуда. Совет, опасаясь беспорядков, которые могут произойти из-за голода, в особенности в такой момент, когда деревни, окружающие коммуну, кишат шуанами, производящими ежедневно разбои, постановляет, что должны быть созваны, при условии согласия Дюбуа-Дюбэ, представителя народа, секции для того, чтобы муниципалитет их осведомил о тяжелом положении. в котором находится коммуна. (М., № 986.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] «Фабрикант» в это время и цеховой мастер, и деревенский кустарь.

[2] Этот параграф гласил: «Отныне предоставляется всем фабрикантам и владельцам производств при выделке материи полная свобода давать такие размеры и комбинации, какие они найдут нужным, либо подчиняться установленным регламентам».

[3] Договор 26 сентября 1786 г. и дополнения к нему от 15 января 1787 г. (Текст у Isambert, Recueil des anciennes lois françoises, v. XXVIII, pp. 248 и 309) имел своей целью: «принять такую систему торговли, которая основывалась бы на взаимности и на обоюдных уступках, и которая, прекратив запретительную систему и запретительные пошлины, существовавшие около столетия между этими нациями, предоставила бы той и другой стороне важные выгоды для национальных производств и индустрии и уничтожила бы контрабанду, которая в такой же мере вредна для казны, как и для законной торговли, единственной, которая заслуживает быть поощряемой». Этот договор нанес тяжелый удар французской промышленности, более слабой, чем английская, наводнив французский рынок английскими товарами.

[4] Нижеприведенные наказы даны в выдержках, имеющих непосредственное отношение к промышленности, торговле и в частности к деревенской промышленности Труасского округа. Весь материал взят из издания наказов г. Труа, т. I. Vernier, Cahiers de bailliage de Troyes, v. I.

[5] Дер. Plancy в бальяже Sésanne. Ее наказ показывает, что труасские «фабриканты» были не совсем точны. См. Laurent, Cahiers de doléances du bailliage de Sezanne, p. 546 и сл.

[6] Т. е. существование нерегламентированного производства в деревнях.

[7] Согласно ст. VI этого закона (Isambert, Les anciennes lois, v. XXVI, p. 359), накладывание клейма с именем мастера и указание на количество аршин в штуке преследовало цель контроля над добросовестностью выделки.

[8] Дело идет о приобретениях за деньги прав мастера, практиковавшихся в последнее время перед революцией скупщиками произведений деревенской промышленности для того, чтобы обойти запреты, связанные с существованием в городе цеховой промышленности.

[9] В 1776 г. было 58 мастеров-вязальщиков, 7 мастеров-шляпочников и 7 мастеров-скорняков. Корпорация вязальщиков управлялась статутами 6 января 1554 г., утвержденными парламентом 8 июля 1698 г., после прибавления к ним 5 дополнительных параграфов в 1677 г. Расходы при получении звания мастера были: для

сына мастера 24 ливра полицейских расходов; за ученическое свидетельство с учеников 15 ливров в пользу корпорации; за прием аспирантов всего 30 ливров присяжным и 10 ливров в пользу остальных мастеров, из каковой суммы корпорация платила полицейских издержек 29 ливров. Шапочники управлялись статутом 1586 г. Расходы при приеме в мастера были следующие: для сына мастера — 6 ливров в пользу корпорации; за свидетельство об ученичестве — 20 су в пользу корпорации; для приема в аспиранты достаточна была отчетная работа, так называемый «шедевр» (chef-d'oeuvre). Корпорация скорняков не имела ни статутов, ни регламента.

[10] Gardes-jurés — старшие из мастеров, образовывавшие обыкновенно совет корпорации.

[11] Наказ мастеров-столяров (ibid., p. 159), говорит прямо о механических машинах (machines mécaniques) в том же смысле, что и вышеприведенный параграф наказа мастеров-портных. Дело идет о ряде усовершенствований, появившихся во Франции в XVIII в. Трикотажный станок в труасском районе впервые был введен сеньером города Арси (к северу от Труа) Грассэном в 1733 г. Прядильная машина Хипса с усовершенствованиями Харгривса и, наконец, знаменитая mull-jenny были известны в этом районе до революции. См. Babeau, Histoire de Troyes pendant la Revolution, v. I, p. 85 и сл.

[12] Этот наказ составлен подмастерьями всех корпораций и ремесл г. Труа, за исключением подмастерьев-вязальщиков.

[13] Дело идет о сдельной заработной плате подмастерьев, которую мастера понижали, увеличивая число аршин (aunes) в штуке материи, при сохранении высоты поштучной платы.

[14] Aune = 14 вершков.

[15] Выражение, показывающее, что этот наказ писал один человек.

[16] См. Porée, Cahiers de Sens Introduction, p. XXVII.

[17] Vernier, издание Cahiers de doléances du Bailliage de Troyes, v. I — III. Цитируется кратко V. I — III. Следующая цифра указывает страницу.

[18] Везде даны названия laboureur — пахарь; manouvrier — поденщик. О значении этих терминов см. стр. 500, прим. 3.

[19] Sont compris... — включены в списки государственных налогов, ибо они платили в élection de Troyes, так называемую taille d'industrie, пропорционально своим заработкам. См. объяснение на стр. 500, прим. 3.

[20] Этот городок и 7 приведенных ниже деревень составляли центр деревенской промышленности Труасского промышленного района.

[21] Porée, Cahiers du Bailliage de Sens, v. I. Auxerre, 1908 (цитируется дальше P.)

[22] 12 пахарей обрабатывают землю одного или нескольких плугов. Земля плуга в данной местности чаще всего равна 75 арпанам.

[23] У одного 4 плуга земли, у двух по три и у семи по одному (плуг = 75 арпанов).

[24] Все данные о деревенской промышленности (№№ 94 — 104) относятся к 1787 г., заимствованы из той же статистики, что и вышеприведенные, и взяты мною для севера Труасского округа из издания наказов Сезаннского бальяжа. Laurent, v. III, Cahiers de Bailliage de Sézanne, Préface LXXXVII.

[25] В трех бальяжах, Труасском, Сансском и Сезаннском, расположено было 197 приходов Труасского округа (élection de Troyes) из общего их числа 261 приход. Таким образом, из 197 приходов, по статистическим описаниям 1787 и 1788 г., деревенская промышленность указана только в 104 приходах. Ее не было в приходах, расположенных к югу и юго-востоку от г. Труа. Остальные 64 прихода были расположены в бальяже Chaumont, и сведений о них нет. Карты бальяжей см. A. Brette, Atlas des baillages.

[26] Г. Алансон, известный своими кружевными изделиями, имел в 1790 г. 13 500 жителей.

[27] Беспорядки произошли на рынке в четверг 16 апреля; народ грабил хлебные магазины торговцев Пуатрино, Манури и Лаллемана.

[28] Манури был арендатором трех банальных мельниц города.

[29] Такого рода случаи произошли в Кане 18 июля, в Шербурге 21 и в Вире 24 июля 1789 г.

[30] «Национальный и генеральный комитет», образовавшийся к концу июля 1789 г. в Алансоне, как и повсюду, в результате муниципальной революции и ставший на место прежней муниципальной организации.

[31] 22 ноября Комитет, в целях понижения цен на сальные свечи и фиксации цен на них, предоставил право фабрикации их и продажи частным лицам, тем самым отменив исключительное право цеха свечников.

[32] Этот декрет явился результатом неисполнения постановления Комитета, в силу которого булочники и мясники должны были продавать хлеб и мясо по установленной цене.

[33] См. № 11. Булочники не только отказались подчиниться таксации, но и допустили в решении своего цеха ряд оскорбительных выражений по адресу Комитета.

[34] На этом обрываются бумаги Национального комитета Алансона. Но вот что пишет в своем дневнике один из современников (Journal de Betz, p. 90): «Булочники отправились в Париж в Национальное собрание, чтобы принести жалобу на декрет Комитета; кажется, что они не были выслушаны, потому что они отправились жаловаться г. министру Сен-Прие, который написал энергичное письмо Комитету, в котором он порицает его поведение, говорит, что оно стоит в противоречии с декретом Национального собрания относительно свободы человека, порицает арест булочников, приказывает, чтобы они были выпущены на свободу. Комитет, как говорят, должен был ответить министру с подобающей твердостью... и дать своим депутатам, гг. Дешен и Деме, поручение довести ответ до сведения Национального собрания».

[35] Заменивший собой Национальный комитет с февраля 1790 г.

[36] Депутат Дешен писал по поводу этой мануфактуры: «Если бы пряжа бюро (благотворительное бюро Алансона, которому была подведомственна мануфактура) была изготовляема нужного качества, если бы (о мануфактуре) заботилось меньше лиц, если бы лица, обязанные следить за прядением, несли бы некоторого рода ответственность, — убытки, если бы они и были, были бы малозаметны, и работа могла бы занимать почти без всяких расходов больше 1 200 бедняков; но слишком большое количество сотрудников,... необходимость давать работу неопытным рукам и набирать (таким образом) прядильщиц, добрая воля которых не соответствует их уменью, трудность следить за ними и взыскивать их за дурную работу и т. д., все это делает эту мануфактуру обременительной.

[37] Общество санкюлотов г. Алансона уже обращалось с таким требованием к Генеральному совету департамента дважды, 25 и 26 брюмера II года.

[38] Декрет 3 сентября 1793 г.

[39] Шарль Вовер, назначенный национальными уполномоченными республики по пороху и селитре начальником управления по инструктированию селитряных работ в департаменте Орн. Дистрикт дал в его распоряжение показательную мастерскую в бывшем монастыре капуцинов. После бесплодных попыток фабрикации, Вовер попытался сдать эту мастерскую на содержание коммуны.

[40] Эти комиссары были аптекарями, сильно сомневавшимися в успехе предприятия.

[41] Постановление Комитета общественного спасения от 12 жерминаля II г.

[42] См. № 45. Мастерская селитры была все-таки взята на городское содержание, как патриотический долг (№ 573, 581).

[43] Алансонский дистрикт дал 1 168 боровов и 266 свиней.

[44] Декрет прериаля II года, реквизирующий всех граждан для работ по уборке жатвы.

[45] § 9 этого закона предписывал генеральным советам установить размер поденной платы в каждой коммуне, увеличив на 50% ставки 1790 г.

[46] Вовер заведывал мастерской селитры, см. § 45 и прим.

[47] Она была установлена 29 мессидора в размере 1 ливра 10 сантимов для землекопов и в 3 ливра для работы лошади (№ 689).

[48] Эта большая мануфактура в Шоле была уничтожена вандейским восстанием, и многие рабочие этого города бежали в Алансон.